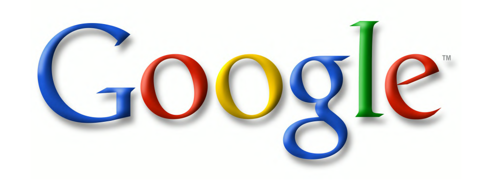


ЧТЕНІЯ
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ
НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ.

Выпускъ I.

Издана подъ редакціею

Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Р. К. Лубковскаго, Б.-Владимірская улица, № 49.
1903.

Оглавленіе:

Кн. XVII, вып. 1-й.

Отдѣлъ I.

Стр.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ апрѣля по октябрь 1902 года включительно. 3

Сокращенное изложеніе сообщеній:

О новомъ трудѣ по исторіи чешской литературы—*А. І. Степовича*. 1

Отчетъ о поѣздкѣ въ Глуховъ—*Н. Ѳ. Бѣляшевскаго* . . 8

Отчетъ о поѣздкѣ въ Межигорье и Кіевское Полѣсье—*М. П. Истомина* 16

Отчетъ объ осмотрѣ древностей въ Подольской губерн. лѣтомъ 1901 г.—о. *Е. І. Сѣцинскаго* 34

Кто онъ? *И. М. Каманина* 49

О трудахъ XII археологич. съѣзда въ г. Харьковѣ—*В. Б. Антоновича, В. З. Завитневича, А. І. Степовича, М. Н. Ясинскаго* и *Н. П. Петрова* 50

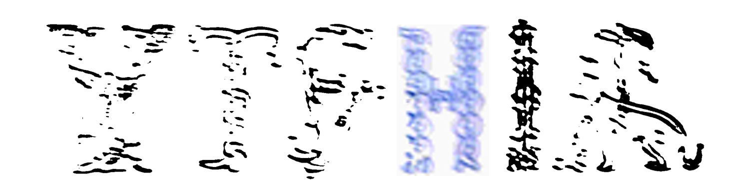
Нѣсколько данныхъ изъ психологіи Гоголевскаго творчества *Г. В. Александровскаго* 51

Столѣтіе фабричнаго законодательства—*В. Я. Желѣзнова* 55

Отдѣлъ II.

Исторія учрежденія Кіевскаго Центральнаго Архива *О. И. Левицкаго* (Окончаніе слѣдуетъ) 3

Чтенія
въ историческомъ обществѣ
Нестора Лѣтописца.
Книга семнадцатая.
Кіевъ 1903.



ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ.

Издана подъ редакціею

Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Р. К. Лубковскаго. Б.-Владимірская улица, № 40.
1903

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ апрѣля по октябрь 1902 г. включительно.

———

X. Засѣданіе 28 апрѣля 1902 г.

а) Д. чл. **О. И. Левицкій**, по случаю исполнившагося 2-го апрѣля этого года 50-лѣтія существованія Центральнаго Архива для древнихъ актовыхъ книгъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской при университетѣ св. Владиміра, изложилъ „*Исторію учрежденія Центральнаго Архива*“ (войдетъ въ настоящую книгу „Чтеній“).

б) Д. чл. **А. I. Степовичъ** сообщилъ о новомъ трудѣ по исторіи Чешской литературы: *Písemnictví české slovem i obrazem od najdavnějších dob až po naše časy. Piše d-r Václav Flajšhans. Nakladatele Grosman i Svoboda v Praze. 25 выпусковъ, 766 стр. 1901 г.*

Обстоятельное и цѣлесообразное изложеніе исторіи литературы какого-нибудь культурнаго народа — дѣло, какъ извѣстно, большой трудности, потому что въ концѣ-концовъ отъ автора требуется ни болѣе ни менѣе, какъ обнаружить, можно сказать, святая святыхъ народной души, раскрыть ея сокровеннѣйшіе тайники и глубочайшія чувствованія, повѣдать міру народные идеалы, воплощенные въ изящнѣйшихъ твореніяхъ художественнаго слова. А такой трудъ не всегда и не всякому подъ силу. Онъ не только требуетъ множества подготовительныхъ работъ, расчищающихъ путь изслѣдователю всѣхъ этихъ мелочныхъ разысканій, кропотливыхъ занятій по изданію и обслѣдованію памятниковъ,

монографій, но въ своей успѣшности обусловленъ въ сущности еще едва-ли не важнѣйшимъ обстоятельствомъ, а именно, наличностью у автора созидательнаго, проникновеннаго дарованія, которое позволило бы ему не только овладѣть всѣмъ наличнымъ матеріаломъ, но и извлечь изъ него все, что помогло бы ему наилучше выполнить указанныя задачи. Въ самомъ дѣлѣ, можно прекрасно овладѣть предметомъ и всею его литературою и не быть въ состояніи написать дѣйствительно дѣльную и цѣлесообразную исторію литературы, разъ у изслѣдователя не имѣется въ наличности вышеуказанной проникновенной способности осмыслить и правдиво освѣтить собранный матеріалъ и по немъ возсоздать идеальный образъ души народной. Вотъ причина, почему такъ мало книгъ, которыя можно было бы по всей справедливости назвать дѣйствительными „исторіями литературы“. Сплошь и рядомъ мы встрѣчаемъ плохія книги въ этой области, неуспѣхъ которыхъ обусловленъ или жалкимъ состояніемъ предварительной разработки данныхъ, отсутствіемъ монографій и т. п. или недостаткомъ у авторовъ вышеуказанной созидательной способности.

При отсутствіи наличности указанныхъ требованій, когда однакоже въ обществѣ существуетъ спросъ на книги по исторіи литературы, добросовѣстные изслѣдователи обыкновенно стараются ограничивать свою задачу и съуживать кругъ поставленныхъ ими вопросовъ. Они или даютъ чисто библіографическаго характера труды по эпохамъ либо въ азбучномъ порядкѣ писателей; таковы, напримѣръ, труды Юнгмана и І. Иречка по исторіи чешской литературы, при чемъ главною заботою и цѣлью изслѣдователей является опредѣленіе *наличности* всей литературы,—отмежевываютъ себѣ опредѣленныя эпохи (древнюю, среднюю либо новую; таковъ, напримѣръ, извѣстный трудъ Ягича, излагающій древнюю пору исторіи хорватской литературы, или Бочковскаго, задавшагося цѣлью обстоятельно изложить новый періодъ чешской литературы). Иные изъ изслѣдователей, отчаяваясь въ возможности одолѣть весь предлежащій, часто

еще и мало разработанный, матеріалъ, ограничиваются разсмотрѣніемъ только самыхъ яркихъ теченій и важнѣйшихъ данныхъ исторіи литературы и изложеніемъ дѣятельности лишь ея вожаковъ и руководителей, опуская всѣ подробности и различныя мелкія данныя. Только такимъ путемъ имъ обыкновенно удается написать не недоконченныя, хотя и солидныя работы, каковыми были, напримѣръ, извѣстные труды I. Добровскаго или К. Сабины по исторіи чешской литературы, а болѣе или менѣе цѣльные доведенные до конца очерки исторіи литературы, удовлетворяющіе такъ или иначе запросамъ читающаго общества, если не требованіямъ чистой науки; такъ поступилъ, напримѣръ, какъ извѣстно, г. К. Тифтрункъ, авторъ наиболѣе распространенной книги — исторіи чешской литературы. Наконецъ, четвертые, къ которымъ принадлежитъ и авторъ разсматриваемой нами книги, желая составить тоже цѣльные и законченные очерки, берутъ предметъ болѣе съ внѣшней, такъ сказать, его стороны и пишутъ уже не столько исторію литературы народа, составить которую они не берутся, не чувствуя въ себѣ достаточно силъ, а также и по недостаточности предварительной разработки данныхъ, сколько исторію, если можно такъ выразиться, книги у народа; они слѣдятъ за внѣшними историко-литературными судьбами его и, желая оживить свое, по необходимости сухое, изложеніе, обыкновенно вводятъ въ него множество наиболѣе характерныхъ выдержекъ изъ лучшихъ произведеній изящной словесности, снимковъ съ рукописей, автографовъ и т. п. и, наконецъ, портретовъ, изображающихъ писателей въ извѣстные моменты ихъ жизни или въ извѣстныхъ условіяхъ работы и т. п. Только при помощи такихъ пріемовъ книги ихъ дѣлаются удобочитаемыми и становятся достояніемъ общества.

Именно къ этому послѣднему указанному нами разряду историко-литературныхъ работъ и относится названная книга г. Флайшганса. Составлена она, соотвѣтственно задачѣ автора, вполнѣ цѣлесообразно и можетъ служить недурнымъ образцомъ для всѣхъ подобнаго рода трудовъ, кстати сказать,

отсутствующихъ въ нашей литературѣ, гдѣ извѣстная новѣйшая книга г. Полевого, изданная Марксомъ, далеко не отвѣчаетъ своему назначенію, такъ какъ при общей скудости изложенія она полна еще всевозможныхъ промаховъ и ошибокъ (напримѣръ, въ изложеніи почти совершенно обойдены южнорусскія думы).

Обратимся къ нѣкоторымъ подробностямъ. Говоря на страницахъ 9—11 о чехизмахъ въ старо-славянскихъ книгахъ, какъ послѣдствіи литературной дѣятельности свв. славянскихъ учителей Кирилла и Меѳодія на чехоморавской почвѣ, авторъ не указываетъ однако ни одного примѣра такихъ чехизмовъ, что между тѣмъ было бы далеко неизлишне и для читателей очень поучительно, такъ какъ удовлетворило бы и требованіямъ бо́льшей доказательности сужденій и живости, наглядности изложенія. Въ статьѣ г. Соболевскаго въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ" за 1900 г. (кн. 1—2, стр. 150—218) собранъ довольно обильный и любопытный матеріалъ по этому вопросу. Правда, присутствіе въ древнеславянскихъ переводахъ книгъ Священнаго Писанія значительнаго количества западно-славянскихъ, въ частности чехоморавскихъ, словъ и выраженій и разныхъ фонетическихъ особенностей давно уже было извѣстно ученымъ; но, кажется, г. Соболевскій первый рѣшился заняться этимъ вопросомъ съ болѣе строгой фактическою основательностью и опредѣлить болѣе или менѣе точно наличность западнославянскихъ языковыхъ стихій въ древнецерковнославянскомъ языкѣ священныхъ книгъ; его работа, правда,—лишь попытка, но попытка, прочищающая путь новымъ изслѣдователямъ и въ этомъ отношеніи имѣющая, на нашъ взглядъ, важное значеніе. Привести нѣсколько данныхъ изъ нея автору разбираемой книги очень не мѣшало бы. Кстати, изъ пропусковъ въ статьѣ г. Соболевскаго укажемъ слѣдующіе:

Стѣнь—umbra, несомнѣнно чехизмъ; срв. современное чешское *stín*.

Скверна—macula, sordes; срв. чеш. *Skorna*.

Пакы—rursus, sicque. Не можетъ ли это слово быть приведено къ современному чешскому *рак?*

Нынѣ—modo. Это слово и теперь еще употребительно въ чешскомъ народномъ языкѣ (nyni), гдѣ оно, конечно, исконнаго происхожденія, а не заимствовано, какъ въ русскомъ, и др.

Среди прекрасно сдѣланныхъ снимковъ, напримѣръ гласованной псалтири XIII в., хранящейся въ Пражскомъ музеѣ Чешскаго королевства, пѣсни о Божьемъ тѣлѣ XIII в., принадлежащей Пражской университетской библіотекѣ, Постиллы Петра Хельчицкаго. Подѣбрадской псалтири, хранящейся въ Дрезденѣ, съ превосходнымъ заставочнымъ цвѣтнымъ рисункомъ на золотомъ полѣ (снимки эти вполнѣ передаютъ всю внѣшность снятыхъ листковъ отъ формата и величины до краски буквъ), находимъ и снимокъ съ знаменитой Краледворской рукописи, которую авторъ, убѣжденный защитникъ, счелъ возможнымъ ввести въ свое изложеніе (37—45 стр.), оставивши совершенно въ сторонѣ—и справедливо—Зеленогорскую рукопись. Можетъ быть, было бы осторожнѣе перенести это изложеніе съ древняго времени въ XIX-й вѣкъ, когда произошло нѣсколько необычное открытіе памятника... но, во всякомъ случаѣ, врядъ ли можно упрекать автора за сдѣланное, въ виду того, что вопросъ о подлинности или поддѣлкѣ названнаго памятника далеко еще не рѣшенъ ни въ ту, ни въ другую сторону: если защитники его находятся не въ особенно завидномъ положеніи, то врядъ ли лучше себя чувствуютъ и противники... Въ самомъ дѣлѣ, достаточно вкратцѣ прослѣдить новѣйшую исторію спора, начиная съ 1885—6 гг., чтобы имѣть право сдѣлать вышеуказанное утвержденіе безъ особенныхъ натяжекъ. Обозрѣніе вопроса до 1880 г. см. въ книгѣ А. Стороженка: „Очеркъ литературной исторіи Зеленогорской и Краледворской рукописи“ (Кіевъ, 1880 г.) Если бы позволяло время и мѣсто, мы могли бы предложить вкратцѣ важнѣйшія данныя этого новѣйшаго спора, чтобы нагляднѣе показать читателю, въ какой мѣрѣ г. Флайшгансъ былъ

вправѣ распорядиться съ Краледворскою рукописью именно такъ, какъ онъ это сдѣлалъ, т. е. ввести ее въ свое изложеніе, не взирая на обильную возраженіями литературу ея противниковъ...

Справедливость требуетъ признать, что Флайшгансъ съ большимъ безпристрастіемъ изложилъ вкратцѣ ходъ и сущность споровъ о подлинности Краледворской рукописи (42—45 стр.); его спокойное изложеніе чрезвычайно правдиво и близко къ истинѣ; въ немъ очень искусно указаны и сильныя и слабыя стороны въ доводахъ обѣихъ спорящихъ сторонъ.

Въ изложеніи выдающихся литературныхъ явленій и дѣятельности писателей новаго времени соблюдены авторомъ, сколько мы могли судить, вообще довольно цѣлесообразныя и правильныя пропорціи и перспективы. Кажется, однакоже, что Юлій Зейеръ, котораго самъ Флайшгансъ на 719 страницѣ приравниваетъ, быть можетъ, едвали справедливо, къ Святополку Чеху и Ярославу Верхлицкому, заслуживалъ большаго вниманія, чѣмъ то, которое оказано ему въ книгѣ на какихъ-нибудь четырехъ страницахъ (С. Чеху посвящено болѣе 10 стр., а Я. Верхлицкому болѣе 8). Дѣятельность молодаго, сравнительно, поэта-реалиста I. С Макара (род. 1864 г.) тоже заслуживала бы нѣсколько болѣе пространнаго разсмотрѣнія, а то о такихъ замѣчательныхъ его произведеніяхъ, какъ „Zde by mêly kvêst ruozê“ (1894 г.) и спеціальная поэма „Magdalena“ (1894 г. 2-е изданіе 1900 г.) сказано лишь нѣсколько словъ (русскій отзывъ о ней см. въ моей книжкѣ „Славянскія Извѣстія“, Воронежъ, 1897 г. 156—8 стр.). Равнымъ образомъ незаслуженно обиженъ въ слишкомъ краткомъ изложеніи и такой выдающійся представитель чешскаго романтизма, какъ К. Мара, чья поэма—произведеніе, отличающееся замѣчательною творческою силою—навсегда останется однимъ изъ характернѣйшихъ поэтическихъ воплощеній байронизма на чешко-славянской литературной почвѣ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ одномъ чисто внѣшнемъ обстоятельствѣ, нѣсколько неудобномъ для широкой публики; я говорю о значительномъ количествѣ факсимиле авторскихъ подписей, находящихся подъ изображеніями писателей; эти подписи иногда такъ неразборчивы, что нуждались бы въ общепонятной транскрипціи (что иногда и дѣлается, но далеко не часто).

Это обстоятельство бываетъ тѣмъ непріятнѣе, что изображенія писателей находятся часто не на тѣхъ страницахъ на которыхъ предложено изложеніе ихъ литературной дѣятельности, такъ что и это послѣднее иногда не можетъ помочь читателю въ отгадываніи личности писателя съ неразборчивою подписью, не снабженною печатнымъ текстомъ. Равнымъ образомъ, кажется, было бы нелишнимъ, если бы составитель книги, которая, конечно, получитъ широкое распространеніе и въ болѣе обширныхъ кругахъ читающаго общества, приложилъ ко многимъ неразборчивымъ снимкамъ съ древнихъ и старинныхъ памятниковъ, недоступныхъ для обыкновенной публики, ихъ современныя транскрипціи, а при латинскихъ текстахъ и переводы; иначе любознательность многихъ почтенныхъ любителей можетъ остаться не удовлетворенною. Таковы, напримѣръ, снимки, сдѣланные для приложеній на отдѣльныхъ листахъ съ латинской грамоты короля Владислава I, 1160 г., № 6—начала „Rady otce synovi" Смиля Фляшки изъ Пардубицъ, № 7—снимокъ легенды о св. Юріи по рукописи XIV-го в. и мн. др.

Сводя все вышесказанное въ одно, мы должны признать, что въ общемъ цѣль, поставленная себѣ г. Флайшгансомъ въ составленной имъ книгѣ, достигнута имъ вполнѣ, и его прекраснымъ трудомъ чешская литература вправѣ гордиться. Народъ, поддерживающій и окупающій подобныя книги, не взирая на свою сравнительную малочисленность, смѣло можетъ глядѣть въ глаза загадочному будущему...

По поводу вопроса о Краледворской рукописи произошелъ обмѣнъ мнѣній между референтомъ и А. В. Стороженкомъ.

в) Д. чл. **И. М. Каманинъ** представилъ въ своемъ чтеніи „Состояніе и дѣятельность Кіевскаго Центральнаго Архива въ истекшія 50 лѣтъ (1852—1902 гг.) его существованія“ (будетъ напечатано въ настоящей книгѣ „Чтеній“).

Въ закрытой части засѣданія постановлено присоединить къ числу депутатовъ отъ Общества Нестора-лѣтописца на XII-й Археологическій Съѣздъ въ г. Харковѣ въ августѣ 1902 г. еще двухъ членовъ Общества: Е. Н. Мельникъ и В. З. Завитневича.

XI. Засѣданіе 12 мая 1902 г.

Настоящее засѣданіе было посвящено чествованію памяти извѣстнаго русскаго писателя *В. А. Жуковскаго* по случаю истеченія 50-лѣтія со дня его смерти (12 апрѣля 1852 г.) По этому поводу

а) Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** разъяснилъ „*Основную мысль поэзіи Жуковскаго*“ (будетъ напечатано въ настоящей книгѣ „Чтеній“).

б) Д. чл. **А. М. Лобода** прочелъ сообщеніе „*О народности въ поэзіи Жуковскаго*“ (будетъ напечатано также въ настоящей книгѣ).

По затронутому референтомъ вопросу о бардахъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній и дополненій Н. П. Дашкевичъ.

XII. Засѣданіе 26-го мая 1902 г.

а) Д. чл. **О. И. Левицкій** сообщилъ „О командировкѣ его въ г. Полтаву и Миргородскій уѣздъ для осмотра старинныхъ церквей“ (будетъ напечатано въ настоящей книгѣ „Чтеній“).

Замѣчанія по поводу этого чтенія были сдѣланы А. А. Дмитріевскимъ, Н. П. Дашкевичемъ и В. А. Чаговцемъ.

б) За отсутствіемъ д. чл. **Н. Ѳ. Бѣляшевскаго** г. предсѣдатель представилъ его „*Отчетъ о поѣздкѣ въ г. Глуховъ*“.

I.—Въ виду незначительности какъ въ количественномъ, такъ, особенно, въ качественномъ отношеніи. памятниковъ

Украинской старины, обнаруженныхъ экскурсіей 1900 г. въ Кіевской губ., въ 1901 г. мной совершены двѣ поѣздки въ Черниговскую и Полтавскую губ.

Недостатокъ времени не позволилъ расширить поѣздку на значительное число пунктовъ. Пришлось ограничиться лишь двумя, гдѣ можно было предполагать присутствіе значительнаго числа памятниковъ старины. Таковымъ для Черниговской губ. было г. Глуховъ, одно время столица Малороссіи; въ Полтавской же губ. осмотрѣны памятники старины г. Полтавы.

Во время настоящей экскурсіи, какъ и во время предыдущей, главный матеріалъ для наблюденій дали памятники церковной старины.

Изъ Глуховскихъ церквей заслуживаютъ вниманія въ настоящее время лишь двѣ: соборная церковь св. Троицы— по сохранившейся въ ней цѣнной утвари, и Николаевская— наиболѣе древняя.

Соборная церковь св. Троицы. Нынѣшнее зданіе церкви въ архитектурномъ отношеніи не представляетъ ничего интереснаго: это неуклюжая постройка конца XVII ст.

Но за то церковная утварь какъ этой церкви, такъ и переданная сюда изъ другихъ церквей, представляетъ значительный художественный интересъ.

1) На первомъ мѣстѣ нужно поставить евангеліе Московской печати 1698 г. въ великолѣпномъ серебрянномъ окладѣ, сдѣланномъ въ Москвѣ, въ 1704 году (*таб. 1 и 2*). Евангеліе подарено въ церковь св. Троицы Глуховскимъ сотникомъ Алексѣемъ Туранскимъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ слѣдующая надпись по листамъ: „Самъ Христосъ реклъ препа (у Филарета —„про ня“) свтѣйшими своими оусты: вѣруяй во мене и во еvліе, аще и умрет, жив будет и вся вѣрующему во благое бывает поспѣше(ст)вуемо. З якою вѣрою еще и дѣлъ не имѣючи оправъдающих мя азъ многогрѣшный рабъ Бжий Алеѯѣй Михайловичъ Туранскій на той час сотникъ Глуховскій власнимъ своимъ коштомъ и накладомъ сие еvгліе справилъ и подалъ до

храму ст. живоначальной Троицы, соборной Глуховской за здравие и отпущеные грѣховъ своихъ и малжонки своей Мрии и потомства ншего мл. Алексѣя, мл. Демяна, Вассю, мл. Анны, мл. Анастасію в живихъ; а за преставлшихся Михаила, Васси, зде почивающихъ и прочихъ родителей. Сіе еvгліе волно в потомный час якъ власное свое уховай Бже убожества где хотя и обернути. А роблено оное еvглие на Москвѣ року от нароженія Сна Бжия а҂ѱ҃д феврал ҃л, ваги в немъ гривен ҃к: ҃д, дано от работы рублей ҃р."

Все это написано полууставомъ киноварью. Далѣе, чернилами скорописью: „В том Іа помененый руку подписую Алеѯѣй Михайловичъ (Григоревъ) Турянскій сотникъ войска Его црского пресвѣтлого влчтва запорозского Глуховский рукою власною".

На оборотѣ перваго листа помѣщены вирши, сочиненныя самимъ Туранскимъ; подъ виршами подпись: „Composuit haec carmina Ąlexiy Turansky auditor eloquentiae in Lyceo doctae Palladis Mohileano Kiioviensis"... Вирши слѣдующаго содержанія: „Посесоръ сего Еvглия".

Алфа и омега Синъ Предвѣчное Слово
Любве рады члвка претворивый в ново.
Едема паденыемъ во грѣсѣхъ лежаща
Крайнымъ сошествыем обновивій тляща.
Сыя еуглская намъ изрече слова
Вѣруяй в не наслѣдытъ цръствыя Хрства.
Мракомъ смерты не оумретъ. Будет живъ во вѣки
И разлучшися тѣломъ зде со члвѣки
Храмина дши его лечъ не разорится
Адъскими сѣты на ономъ свѣтѣ не вдержися
И азъ многогрѣшный сыя в немъ слишащи
Ложити коштъ на оно поне красно зращы
Оцѣнывши до храму Троически надаты.
В сѣмъ сот четвертомъ году его справоваты
И дай азъ тѣми слови бывши оутверженный
Чаяныемъ вѣры правой буду возведенный

Тамъ идѣже агглстии славословятъ лики
У престола предстояще всѣхъ тварей владики
Равно на судъ со всѣми будучи позванный
Адомъ да не буду азъ грѣшный там порванный
Не удержимъ зоставши адовими сѣты
С граждани небесними сподоблюся пѣты
Крѣпкому вся держащу единому Бгу
Ісусу честь сполне воспиаты многу.
Славяще в тріехъ лицехъ Едыного Бга
К нему грѣшну да будитъ мнѣ певна дорога.

Окладъ евангелія (55 стм. высоты и 38½ стм. ширины), повидимому, представляетъ собой лучшій образецъ работы подобнаго рода того времени.

На лицевой сторонѣ (*таб. 1*), въ центрѣ—круглый образокъ св. Тройцы, по угламъ—четыре евангелиста. Поле кругомъ украшено рельефнымъ растительнымъ орнаментомъ, въ завиткахъ котораго помѣщено еще 13 меньшихъ образковъ. Всѣ образки исполнены на финифти. Но особую достопримѣчательность оклада составляетъ небольной финифтяный медальонъ, помѣщенный ниже центральнаго образка, съ погруднымъ портретомъ Петра I, Кнеллеровскаго типа [1]).

Нижняя часть оклада (*таб. 2*) заключаетъ на гладкомъ полѣ четыре угловыхъ образка съ изображеніями святыхъ и центральный съ изображеніемъ Богородицы; всѣ образки въ ажурныхъ рамкахъ; они, повидимому, были украшены финифтью, въ настоящее время не сохранившеюся. Подъ образкомъ Богоматери помѣщенъ небольшой финифтяный медальонъ съ изображеніемъ сердца, проткнутаго мечемъ и двумя стрѣлами и съ четырьмя буквами по сторонамъ: А. Т. С. Г. (Алексѣй Туранскій Сотникъ Глуховской).

2) Другое старинное евангеліе, хранящееся въ Троицкой церкви, перешло сюда изъ несуществующей уже Михай-

[1]) См. Ровинскій, Подробн. Словарь, т. III, рис. 1541.

ловской церкви. Евангеліе Московской печати 1681 г. въ прекрасномъ серебряномъ окладѣ, длиной 45½ стм. а шириной 29 стм. *(таб. 3 и 4)*. Окладъ и этого евангелія Московской работы.

Подарено евангеліе Михаиломъ Миклашевскимъ; объ этомъ говоритъ нижеслѣдующая надпись по листамъ: „Сия Еѵглія словеси Гдня словеса ч(с)та, благовѣстія стыхъ четырехъ еѵглистовъ справлена в царствующемъ градѣ Москвѣ при державѣ пресвѣтлѣйших великих гдрей црей и великих князей Іоанна и Петра Алеѯѣевичовъ и при реиментарствѣ ясне велможного его мл. пна Іоанна Мазепи гетмана войскъ запорозких власнимъ коштомъ до того и охочимъ накладомъ его млти пна Михаила Миклашевского, а надана до црквы свтого архистратига Хрстова Михаила патрона своего в градѣ Глуховѣ на вѣчныя лѣта за спасеніе и отпущеніе грѣховъ своихъ и панѣ малжонки своей Іоулияни Миклашевской и за в Богу преставшихся прародителей и кревных своихъ и малжонки Матроны и потомъства. Якого свтого еѵглія нѣхто не повинен от мененного храму отдалити кроме лекгатора. В такомъ теды оферованю вышмененной особы свѣдомы будучи я Маѯимъ Софоновичъ свщеникъ свто никольскій глуховскій и Алеѯѣй Турянскій з многимы гражданамы подписались. Въ роху идучомъ а҂хпи априля ді дня.

Кромѣ евангелій, въ Троицкой церкви заслуживаютъ вниманія еще четыре старинныхъ потира.

3) Потиръ *(таб. 5, а)* высотой 30½ стм., внизу, по ободку, надпись: „Сей келѣхъ отмѣнили парохвияне до Успения пресвятыя Бцы у Глуховѣ до зановой церкви † за стране Алексѣя Заруцкого“.

4) Потиръ *(таб 5, б)*, высотой 30 стм., на подставкѣ, въ средней части, полукругами надпись: „Року а҂хп мця януарія л҃ дня преставися преосвященный архиепп Климентій Прикопскій и Мармарынскій; пмяни Гди дшу раба своего в црствіи нбномъ“.

5) Потиръ *(таб. 6, а)*, высотой 35 стм., съ эмалевымъ изображеніемъ распятія (на крестѣ — I. N. R. I.), безъ надписи.

6) Потиръ *(таб. 6, б)*, высоты 32³/₄ стм.: внутри подставки надпись: „Сей потир до церкви сто михайловской глуховской надала вдовствующа сотнѣкова Криска Нѣкиѳорова сопственом коштом своим року 1738 Ѳеодора“.

Николаевская церковь. Постройка церкви относится, по всей вѣроятности, къ XVII ст. Церковь каменная, трехкупольная, носитъ всѣ признаки мѣстнаго архитектурнаго стиля [1]. Предметовъ старинной церковной утвари въ церкви сохранилось довольно много.

1) Евангеліе московской печати 1681 г. Записи нѣтъ, но въ „Историко-статист. описаніи Черниговск. епархіи“ Филарета (кн. 7, стр. 280) говорится, что это евангеліе „подарено въ 1674 г. гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ“.

Серебряный окладъ евангелія *(таб. 7 и 8)*, длиной 28¹/₂ стм., также, повидимому, Московской работы конца XVII ст.; объ этомъ свидѣтельствуетъ большое сходство его оклада съ таковымъ евангелія того-же года, хранящагося въ соборной церкви и уже выше описаннаго *(таб. 3 и 4)*. Священныя изображенія, покрывающія обѣ стороны оклада, были отдѣланы въ первоначальномъ видѣ финифтью бѣлаго, зеленаго и голубого цвѣтовъ; финифть въ настоящее время почти совершенно уничтожилась, скорѣе всего—отъ не въ мѣру усердной чистки оклада.

2) Серебряная дарохранительница *(таб. 9)*. Высота 57¹/₂ стм.; форма дарохранительницы очень оригинальна: на узкой подставкѣ помѣщена гробничка, на верху которой находится фигура воскресшаго Христа. По угламъ гробнички, вокругъ фигуры Христа, должны были быть, по всей

---

[1]) Я не снялъ фотографіи съ церкви, такъ какъ снимокъ съ нея, исполненный уже фототипіей, будетъ приложенъ къ работѣ П. Я. Дорошенко, посвященной Глуховской старинѣ.

вѣроятности, фигуры ангеловъ; ихъ теперь нѣтъ, остались лишь мѣста ихъ прикрѣпленія.

3) Серебряный напрестольный крестъ, высотой 79 стм. *(таб. 10 и 11)*. Поле возлѣ рельефныхъ изображеній раздѣлано чернью; въ приставныхъ украшеніяхъ къ кантамъ креста вставлены въ гнѣздахъ стекла синяго и краснаго цвѣтовъ. Въ „Описаніи Черниг. епархіи“ Филарета сказано, что этотъ крестъ—даръ Разумовскаго.

4) Образъ Маріи Египетской въ серебряной ризѣ *(таб. 12)*. Высота 42 стм., ширина 33 стм. Риза представляетъ изъ себя хорошій образецъ работы XVIII в. На ризѣ клеймо: „А. К.“ и Георгій Побѣдоносецъ.

5) Фелонь темно-зеленаго бархата съ оплечьемъ *(таб. 13)*, шитымъ серебромъ по малиновому бархату.

6) Фелонь малиноваго бархата съ оплечьемъ *(таб. 14)*, шитымъ серебромъ по свѣтло-коричневому бархату.

7) Большой и два малыхъ воздуха, шитыхъ серебромъ по бархату *(таб. 15, 16 и 17)*. Лики и руки изображеній исполнены масляными красками. Шитье богатое, отличается изящной отдѣлкой.

II.—*Собраніе древностей П. Я. Дорошенка*. Моя работа въ г. Глуховѣ была въ значительной степени облегчена тѣмъ участіемъ, какое принялъ въ ней знатокъ Глуховской старины П. Я. Дорошенко. Считаю долгомъ выразить здѣсь ему мою искреннюю благодарность. П. Я. Дорошенко—ревностный собиратель мѣстной старины. Матеріалы, собранные имъ, по преимуществу архивные, уже описаны. Помимо этого, въ собраніи П. Я. Дорошенка есть кое-что и изъ вещественныхъ памятниковъ. Мы сняли фотографіи съ двухъ старинныхъ штофовъ и съ нѣсколькихъ рукописей, интересныхъ по орнаментамъ.

1) Стеклянный небольшой штофъ половины XVIII ст. *(таб. 18)*. На лицевой сторонѣ, среди выгравированнаго растительнаго орнамента помѣщены буквы А Я М Д; по словамъ П. Я. Дорошенка эти буквы означаютъ: „Асаулъ Ямпольскій Михайло Дорошенко“.

2) Стеклянный штофъ 1797 г. *(таб. 19 и 20)*. Орнаменты исполнены стекломъ молочнаго цвѣта. На лицевой сторонѣ, въ кружкѣ, среди растительнаго орнамента помѣщена слѣдующая надпись: „Сей штохвъ глуховского житиля Афанасья Филиповъского 1797 года месеця февраля 28 дня". На оборотной сторонѣ—вѣтка растенія съ цвѣткомъ; рисунокъ здѣсь хотя и не сложенъ, но отличается сравнительно хорошимъ выполненіемъ.

3) Помянникъ изъ Николаевской церкви 1734 года. Заголовокъ его слѣдующій: „Сыя книга глаголемая Помянникъ списася до храму святителя Христова Николая за презвитера честнаго господина іерея отца Никифора Василіевича Шолупина глуховского. Року отъ рождества Христова аѱлд, мѣсяца марта ні дня". Прилагаемъ снимокъ съ заглавнаго листа *(таб. 21)*.

4) Помянникъ изъ той же Николаевской церкви, также первой половины XVIII ст. Заглавіе его слѣдующее: „Синодикъ сирѣчъ Помянникъ исписася мною грѣшнымъ рабомъ божіимъ іереемъ Андреемъ Іоанновимъ сыномъ Дибичевскимъ". Прилагаемъ снимки съ заглавнаго листа и первой страницы *(таб. 22)* и еще съ одной страницы, украшенной заставкой *(таб. 23)*.

5) Рукописная „Космографія"—„чрезъ мене Василія Юріевича Занковскаго з рукописной преписанная въ полку Полтавскомъ въ Жукахъ. Року 1719, Марта 22". Рукопись эта принадлежала Самуилу Величкѣ. Заглавный листъ украшенъ рисунками *(таб. 24)*.

6) Рукописная „Географія". „Печатано в Санктпѣтербурху по претеченіи року 1710. Нінѣже переписано з печатного отъ слова до слова рукою Василія Занковского въ Жукахъ 1727 року февраля 3 дня". Заглавный листъ украшенъ орнаментомъ въ видѣ двухъ цвѣточныхъ вѣтокъ *(таб. 25)*.

По пути изъ Глухова я посѣтилъ с. Сварковъ.

III.—*С. Сварковъ, Глуховскаго у.* Село это—старинное гнѣздо рода Марковичей. Церковь св. Николая *(таб. 26)* построена въ 40-хъ годахъ XVIII ст. генеральнымъ подскарбіемъ Яко-

вомъ Андреевичемъ Марковичемъ. Церковная утварь оказалась сравнительно бѣдной, наиболѣе старинная относится лишь къ концу XVIII ст. Это—прежде всего, серебряный напрестольный крестъ *(таб. 27,а).* Высота креста 48 стм.; внутри подставки надпись; „1791 года генваря 5 числа зделанъ". Затѣмъ, можно еще указать на чашу *(таб. 27, б)*; она серебряная, высотой 36 стм.; внизу ободка надпись: „1792 года мая 18 издѣланъ сей потиръ до храму (святителя?) Христова Николая в село Сварковъ стараниемъ священника Емилияна Болбѣнского здоброхотнихъ".

Въ Сварковѣ, въ семьѣ Марковичей, хранится нѣсколько старинныхъ фамильныхъ предметовъ. Большой интересъ представляетъ золотой крестъ-энколпіонъ *(таб. 28).* Крестъ несомнѣнно глубокой древности; возлѣ рельефныхъ изображеній—грузинскія или армянскія надписи; по кантамъ креста, въ гнѣздахъ—драгоцѣнные камни. Крестъ привезенъ генеральнымъ подскарбіемъ Яковомъ Андреевичемъ Марковичемъ изъ похода къ Каспійскому морю. Другой предметъ, который я счелъ нужнымъ сфотографировать—серебряный ковшъ XVIII ст., принадлежавшій Дмитрію Марковичу, на что указываютъ латинскіе инициалы, выгравированные среди орнамента на ручкѣ ковша *(таб. 29).*

в) За отсутствіемъ д. чл. **М. П. Истомина,** д. чл. И. М. Каманинъ прочелъ его *„Отчетъ о поѣздкѣ въ Межигорье и Кіевское Полѣсье.*

I.—Воспользовавшись каникулярнымъ отпускомъ, я изъ Вильна отправился минувшимъ лѣтомъ въ Кіевъ и въ нѣкоторыя, намѣченныя мною заранѣе, мѣста Кіевской губ-, чтобы продолжать уже нѣсколько лѣтъ назадъ начатыя мною занятія по южно-русской иконографіи. На этотъ разъ я имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, сдѣлать экскурсію вверхъ по теченію Днѣпра отъ Кіева.

Въ районѣ, только-что указанномъ, прежде всего представляетъ не малый интересъ въ смыслѣ археологическомъ *Межигорскій* монастырь.

Всѣ описанія этого замѣчательнаго памятника конца XVII-го в., изъ коихъ на первомъ планѣ нужно поставить, конечно, статьи покойнаго проф. Максимовича, не коснулись почти нисколько стороны искусства. А между тѣмъ постройка и иконопись, собственно въ Спасской церкви Межигорскаго монастыря, относятся къ эпохѣ, совпадающей съ весьма замѣтнымъ подъемомъ южно-русскаго строительнаго искусства. Я говорю приблизительно о періодѣ гетманства Мазепы, величественнымъ памятникомъ строительной дѣятельности котораго является въ самомъ Кіевѣ, между прочимъ, храмъ во имя святителя Николая на Печерскѣ, извѣстный болѣе, со времени царствованія Николая I, подъ именемъ военнаго собора.

Какъ по внѣшнему типу архитектуры, такъ и по внутреннему расположенію, отдѣлкѣ и характеру иконописи, Печерскій храмъ св. Николая въ Кіевѣ и Спасская церковь въ Межигорскомъ монастырѣ носятъ большое сходство, хотя первый величественнѣе по размѣрамъ и оригинальнѣе по разработкѣ иконографическихъ темъ. Сосредоточивъ свое вниманіе на томъ сюжетѣ, которымъ я собственно и занимаюсь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, т. е. на иконографіи, я сдѣлалъ фотографическіе снимки въ Спасской церкви Межигорскаго монастыря со всего, что, на мой взглядъ представляло интересъ въ этомъ отношеніи.

Какъ видно изъ описи Спасо-Преображенской церкви въ Межигорскомъ монастырѣ, датированной 1787 г., когда, какъ извѣстно, во время путешествія императрицы Екатерины II на югъ Россіи, въ монастырѣ этомъ случился загадочнаго происхожденія пожаръ, иконостасъ и роспись на внутренней сторонѣ послѣдняго, обращенной въ алтарь, сохранились въ цѣлости и послѣ пожара. Недавно роспись была реставрирована, подобно тому какъ и стѣнопись въ различныхъ частяхъ храма, но въ общемъ удержала свою первоначальную основу.

Иконостасъ въ Спасской церкви Межигорскаго монастыря, какъ равно и въ Никольской Кіевской, пяти ярусовъ.

Иконостасъ вѣнчается рѣдкимъ Распятіемъ не по стереотипному способу Деисуса съ двумя предстоящими тоже рѣзными изображеніями: Богоматери и Іоанна, а по болѣе рѣдкому—съ четырьмя предстоящими: кромѣ двухъ названныхъ изображеній, здѣсь добавлены еще Іосифъ Аримаѳейскій съ плащаницею и Никодимъ съ сосудомъ въ рукахъ; у послѣдняго особенное вниманіе обращаетъ на себя головной уборъ (тюрбановидная шапочка), которымъ обыкновенно въ иконографіи традиціонно оттѣнялось, какъ, напр., среди изображеній пророковъ у Даніила, званіе восточнаго мудреца. Въ иконостасѣ заслуживаетъ, между прочимъ, вниманія огромное изображеніе Онуфрія вел.

Довольно своеобразною чертою, общею иконостасамъ этихъ двухъ храмовъ, являются двѣ слѣдующія особенности: во-первыхъ, рѣзное изображеніе Творящей Десницы, знаменующей собою обыкновенно Бога-Отца; во-вторыхъ, варіаціи страстныхъ страданій Спасителя, большею частью по трактовкѣ сюжета и иконографическимъ пріемамъ приближающіяся къ такъ называемымъ въ католической церкви станціямъ Крестнаго Пути (7-ми или 14-ти), столь подробно разработаннымъ у нѣмецкихъ католическихъ художниковъ.

Вообще, мнѣ кажется, что для болѣе полнаго изученія тѣхъ вліяній, которымъ подвергалась въ концѣ XVI-го, XVII-го и XVIII-го вв. южнорусская церковная живопись, впитывая въ себя и западныя католическія композиціи, необходимо принимать во вниманіе и нашъ Сѣверо-западъ, т. е. Бѣлоруссію и Литву, съ которыми, какъ, напр., особенно съ Вильной, Кіевъ находился въ постоянномъ культурномъ общеніи.

Наблюденіе, отмѣченное Павломъ Алеппскимъ въ XVII в., относительно того, что „козацкіе живописцы отличаются наклонностью и умѣньемъ рисовать страсти Христовы", можетъ быть всецѣло отнесено и къ двумъ разсматриваемымъ мною храмамъ, во многомъ аналогичнымъ какъ по архитектурному плану, такъ и по своей иконографической отдѣлкѣ.

Вся сторона иконостаса, обращенная въ алтарь, занята варіаціями на тему крестныхъ сюжетовъ. Картины эти, писанныя на полотнѣ, наклеены на дерево. Изъ нихъ въ Спасской церкви Межигорскаго монастыря особенно оригинальны двѣ группы: первая изображаетъ несеніе крестовъ вслѣдъ за Спасителемъ иноками; вторая—такое же шествіе крестоносицъ-инокинь вслѣдъ за Богоматерью. Оригинальными по сравненію съ прочими я считаю ихъ потому, что, судя по головнымъ уборамъ, принятымъ православными схимниками и монахами на Руси, изображенія эти не могутъ быть копіями съ какихъ-либо западныхъ образцовъ подобно тому, какъ, напр., даже довольно художественно исполненное изображеніе Распятія въ верхней части алтарной стороны иконостаса, по типу такъ называемаго „Отчества“. Несеніе крестовъ въ южнорусской иконографіи является одною изъ самыхъ излюбленныхъ темъ.

Далѣе, весьма интересна икона Деисуса въ алтарѣ, на горнемъ мѣстѣ: типы Іоанна Крестителя и Богоматери, а также и вѣнокъ изъ цвѣтовъ на головѣ Послѣдней, несомнѣнно отзываются мѣстнымъ характерно-малорусскимъ происхожденіемъ.

Въ южнорусской иконографіи, насколько мнѣ приходилось наблюдать, чаще всего варіируется символика Распятія и Евхаристіи подъ видомъ виноградняго точила, тогда какъ тутъ мы находимъ иконографическую символику къ извѣстнымъ евангельскимъ словамъ „Азъ есмь хлѣбъ животный“... и „Пріимите, ядите сіе есть *тѣло мое*“... и проч. Христосъ изображенъ стоящимъ на блюдѣ; изъ пяти ранъ Его струится кровь, вслѣдствіе чего и само блюдо наполнено кровью. Во время моихъ экскурсовъ по Волыни и Кіевской губ., мнѣ только трижды пришлось встрѣтить подобную композицію: въ Почаевской лаврѣ (въ алтарѣ такъ называемой Антоніевой церкви), въ Печерской лаврѣ (въ алтарѣ Троицкой церкви, что надъ святыми вратами) и въ Спасской церкви Межигорскаго монастыря.

Рѣзныя царскія врата въ Спасо-Межигорской церкви могутъ считаться одними изъ лучшихъ по художественной работѣ. Намѣстныя иконы по работѣ и художественности исполненія сравнительно гораздо выше въ Печерскомъ храмѣ св. Николая въ Кіевѣ, чѣмъ въ Спасо-Межигорской церкви; въ первомъ особенно хорошо сдѣлана храмовая икона Николая угодника какъ по воспроизведенію лика, такъ и съ чисто-технической стороны: достаточно, напр., взглянуть на узорную работу того Евангелія, которое, по обычнымъ пріемамъ нашей иконографіи, святитель держитъ въ рукахъ. Менѣе удачною въ этомъ отношеніи можно считать въ томъ же храмѣ стѣнопись на боковыхъ аркахъ, раздѣляющихъ продольно на три части основаніе храмового нефа: царя Давида въ моментъ покаянія и Маріи Египетской, апостола Петра въ моментъ отреченія и Маріи Магдалины. Стѣнопись эта отличается тою вычурностью и манерностью [illegible], которая вообще и на Западѣ Европы составляетъ [illegible] черту [illegible] Ренессанса и въ живописи, какъ и въ архитектурѣ. [illegible]

[illegible]

нившимъ голову на голый камень, и послѣдующая библейская сцена жертвоприношенія. 3) Поклоненіе волхвовъ, всецѣло скопированное изъ лицев. библіи Вейгеля. 4) Встрѣча жениха пятью мудрыми дѣвами, въ то время какъ пять юродивыхъ отправляются съ незажженными свѣтильниками покупать масло. Изображенія эти, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время общей реставраціи церкви, были подновлены наведенными свѣжими красками и, какъ почти всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, нельзя сказать, чтобы реставрація эта была сдѣлана умѣлою рукою.

При обзорѣ иконографическихъ достопримѣчательностей въ Межигорскомъ храмѣ Спаса нельзя обойти молчаніемъ портрета Московскаго патріарха Іоакима, который, въ память своего пребыванія въ этой обители въ качествѣ еще простого инока, выказывалъ свое расположеніе монастырю довольно значительными пожертвованіями; такъ, напр., при его содѣйствіи, главнымъ образомъ, былъ въ концѣ XVII-го вѣка заново реставрированъ величественный главный храмъ во имя Преображенія, почти въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ и до сихъ поръ. Портретъ этотъ, судя по пріемамъ рисовальной техники, не мѣстной работы, а присланъ сюда изъ Москвы. Я не говорю о другомъ—легендарнаго происхожденія-портретѣ кн. Андрея Боголюбскаго, который по бережно сохраняемымъ преданіямъ (безъ малѣйшихъ къ тому основаній въ лѣтописи) считается основателемъ Межигорской обители, въ томъ-же родѣ, какъ его отецъ Юрій –Китаевской пустыни. Въ жертвенникахъ Спасо-Межигорск. церкви обращаютъ на себя вниманіе два стѣнописныхъ изображенія: Распятія и Моленія о чашѣ. Оба эти изображенія показываютъ неумѣнье рисовальщика принять во вниманіе имѣющееся въ его распоряженіи пространство и справиться съ перспективой.

Изъ мужскихъ иконографическихъ типовъ, наиболѣе удачно воспроизводятся: Николая Святителя и Іоанна Крестителя. Относительно изображенія перваго въ Кіево-Печерскомъ соборномъ храмѣ Николая мы уже говорили выше; типъ

Іоанна Предтечи воспроизведенъ довольно характерно въ той-же церкви, а еще лучше на одной изъ намѣстныхъ иконъ съ лѣвой стороны въ Спасо-Межигорской церкви: здѣсь обликъ величайшаго подвижника на зарѣ появленія христіанства переданъ въ высшей степени характерными чертами малорусскаго типа.

На прощанье съ Межигорскимъ монастыремъ, игравшимъ въ послѣднюю пору существованія Запорожскаго козачества столь выдающуюся роль, нельзя не сказать хотя нѣсколькихъ словъ о другой церкви, расположенной въ оградѣ монастыря—подъ колокольнею. Построена эта церковь какъ извѣстно, послѣднимъ кошевымъ Сѣчи Запорожской Петромъ Кальнишевскимъ, и освящена въ честь патрона строителя во имя первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла. Эта маленькая и довольно уютная церковь болѣе поздней постройки не испытала такихъ реставрацій, какъ большая главная во имя Преображенія; почти все въ ней осталось неприкосновеннымъ со времени ея постройки, т. е. съ конца XVIII в. Иконостасъ въ этой церкви—совершенное подобіе въ миніатюрномъ видѣ иконостаса главной Спасо-Преображенской церкви. Изъ старинныхъ иконъ обращаетъ на себя вниманіе одна, висящая на лѣвой отъ входа стѣнѣ. Икона писана масляными красками на полотнѣ; краски отъ времени уже нѣсколько поблекли. Она изображаетъ воскресеніе Спасителя по болѣе древнему переводу — въ видѣ сошествія во адъ: Христосъ, сокрушивъ врата ада, выводитъ оттуда семерыхъ праотцевъ, начиная съ Адама и Евы. Такъ какъ эти лица ветхаго завѣта служатъ въ то-же время символами спасенія Воскресшимъ всѣхъ раскаявшихся грѣшниковъ, то иконографическій сюжетъ, трактуемый подобнымъ образомъ, какъ видно изъ перечневаго сборника иконныхъ изображеній въ Кіево-Печерской лаврѣ, озаглавливается так же: „Семь образовъ покаянія“. Икона написана просто, безъ излишнихъ замашекъ со стороны писавшаго, ведущихъ къ портящей дѣло утрировкѣ. То-же самое приложимо и къ иконографической росписи этой церкви вообще: отдѣлка по-

проще и побѣднѣе, очевидно, указываетъ на отсутствіе такихъ средствъ, напр., какія находились въ распоряженіи строителей сравнительно гораздо болѣе эффектнаго и величаваго храма, издавна именуемаго въ народѣ „Бѣлымъ .Спасомъ“

II.—Отправившись изъ Кіева вверхъ по теченію Днѣпра и вступивъ въ область Припяти, мы подплываемъ къ тому мѣстечку Радомысльскаго уѣзда, которое довольно часто упоминается въ исторіи Малороссіи, особенно при описаніи козацкихъ движеній. Это—мѣстечко Чернобыль, расположенное верстахъ въ 20 выше впаденія Припяти въ Днѣпръ. Построеніе этого мѣстечка теряется во макѣ прошлаго; повидимому, поселеніе на этомъ мѣстѣ существовало еще во время нашествія татаръ. Да оно и совершенно понятно, такъ какъ устье Припяти составляетъ какъ бы границу, за которой вверхъ идетъ уже чахлое, болотистое и пасмурное Полѣсье.

Мѣстечко Чернобыль въ XVI—XVII-мъ вв. составляло административный центръ для сосѣдней географической и этнографической округи, т. е. для Полѣсья. Изъ первыхъ старостъ тутъ упоминается извѣстный своими военными доблестями, погребенный въ Кіево-Печерской лаврѣ, Янгуринъ Тышкевичъ [1]). Чрезъ нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1566 г., староство Чернобыльское было королемъ Сигизмундомъ II—Августомъ отдано извѣстной бѣлорусской дворянской фамиліи Кмитовъ; такъ какъ на одной изъ наслѣдницъ Кмиты былъ женатъ Янъ-Лукашъ Сапѣга, то Чернобыльское староство переходитъ въ приданое къ Сапѣгамъ. Собственно ко времени владѣнія послѣдними Чернобыльскимъ староствомъ и относится постройка въ самомъ Чернобылѣ на такъ называемомъ Замковомъ укрѣпленіи костела, а въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ селахъ, какъ напр. Ладыжичахъ, одной изъ наиболѣе древнихъ среди сохранившихся въ этомъ районѣ православныхъ церквей.

[1]) См. Похилевичъ, стр. 144.

Изъ православныхъ храмовъ въ самомъ Чернобылѣ въ сущности нѣтъ уже ни одного, построеніе котораго восходило-бы раньше XIX-го в. Но тѣмъ не менѣе въ одной изъ трехъ находящихся тутъ православныхъ церквей, а именно—въ церкви Рождества Богородицы, сохранились кое-какія иконы, повидимому находившіяся раньше въ болѣе давнихъ Чернобыльскихъ церквахъ. Изъ подобныхъ — сравнительно стародавнихъ—иконъ обращаютъ на себя вниманіе:

1) Страждущая, или, по мѣстному выраженію, „жалобная", Богоматерь съ мечомъ въ груди; икона на соснов. деревѣ; горестное выраженіе лика, безъ часто встрѣчающейся въ подобныхъ случаяхъ утрировки, передано прекрасно. Въ этой иконѣ обращаютъ, помимо того, на себя вниманіе двѣ особенности, не часто встрѣчающіяся въ иконахъ разсматриваемаго района: а) на головѣ Богоматери не обычная для малорусскихъ иконъ XVII—XVIII-го в. корона, убранство, заимствованное южнорусскою иконографіею отъ католической церкви, а уборъ въ древневизантійскомъ и древнерусскомъ стилѣ — повязка въ формѣ платка; б) фонъ иконы синій, подобно тому какъ это мы встрѣтимъ на иконахъ въ церкви с. Ладыжичей.

Чрезвычайно характерными являются въ этой церкви три художественно исполненныя картины. Я говорю картины, а не иконы, потому что, по болѣе свободной манерѣ исполненія, эти два полотна приближаются скорѣе къ живописнымъ изображеніямъ, а не иконнымъ, въ которыхъ всегда проглядываетъ больше спокойствія и традиціоннаго консерватизма. На всѣхъ трехъ, повидимому, представлены группы апостоловъ. На первой нарисовано нѣсколько апостоловъ: впереди, надъ аналойчикомъ—въ родѣ тѣхъ, какіе употребляются въ нашихъ церквахъ псаломщиками, когда приходится читать посреди церкви,—помѣщено изображеніе пишущаго Іоанна Богослова, позади фигуры 3-хъ апостоловъ: Филиппа (съ крестомъ), Андрея на особомъ такъ называемомъ Андреевскомъ крестѣ, и третьяго, который держитъ въ рукѣ медальонное изображеніе Христа. Каждая изъ этихъ фигуръ пора-

жаетъ реальностью, отчего и получается такое впечатлѣніе, какъ будто предъ нами находятся живые, непосредственно выхваченные изъ жизни типы.

Въ сюжетѣ второй картины разобраться не легко. Центральная фигура, повидимому, тоже изображаетъ апостола въ преклонно-старческомъ возрастѣ; по облику она ближе всего подходитъ къ изображеніямъ апостола Петра; на лѣвомъ плечѣ старца изображены узы, въ видѣ красной веревки. Подлѣ него нарисована человѣческая фигура, читающая какую-то книгу. По бокамъ мы видимъ тоже двѣ фигуры, правдоподобно изображающія двухъ стражей. Если это такъ, то одинъ изъ послѣднихъ, а именно на-право отъ зрителя представленъ въ позѣ довольно любопытной: опираясь правою рукою на копье, онъ устремилъ внимательно сосредоточенные взоры на центральную фигуру старца, страждущаго отъ узъ, аллегорически изображенныхъ въ видѣ кроваваго вервія. Лѣвая отъ зрителя фигура держитъ въ рукѣ что-то похожее на колъ. Третья картина изображаетъ апостола Петра и его ученика евангелиста Марка.

Картины эти скорѣе всего принадлежатъ мѣстному мастеру изъ православныхъ, что́ доказывается такими аксессуарами, введенными въ картины, какъ, напр., аналойчикъ на первой изъ разсмотрѣнныхъ нами. Если мастера, рисовавшаго эти три картины, судя по ихъ внѣшнему виду довольно давно—примѣрно въ концѣ XVIII-го и нач. XIX-го в.,—можно упрекнуть въ томъ, что онъ не обнаружилъ особаго умѣнья въ группировкѣ и общей композиціи фигуръ, какъ это бросается въ глаза на 1-й и 2-й картинахъ — съ болѣе сложными сюжетами: фигуры размѣщены безъ достаточной связи, которая проникала-бы картину: такъ, напр., поза евангелиста Іоанна, пишущаго надъ аналойчикомъ, какъ-то не гармонируетъ съ изображеніями другихъ апостоловъ,—тѣмъ не менѣе художникъ, по всей вѣроятности, имѣлъ какую-то идею, почему и сгруппировалъ именно такъ эти фигуры; но мысль его, выраженная столь неопредѣленно, осталась совершенно непонятна для насъ. То-же можно сказать и о

второй изъ разсмотрѣнныхъ картинъ. Но, съ другой стороны, отдѣльно взятыя фигуры и особенно лица, какъ я уже и сказалъ выше, по проникающему ихъ реализму можно считать шедевромъ изъ всего того, что́ мнѣ приходилось встрѣчать въ періодъ моихъ экскурсій въ православныхъ южнорусскихъ церквахъ. Такія лица живописецъ могъ срисовать только или съ какого-нибудь перворазряднаго оригинала (самъ придумавъ потомъ не совсѣмъ удачную комбинацію фигуръ), или непосредственно съ натуры; послѣднее предположеніе вѣрнѣе. Во всякомъ случаѣ, эти три характерныя картины слѣдовало бы попытаться перемѣстить изъ церкви, гдѣ онѣ могутъ безслѣдно исчезнуть, въ одинъ изъ музеевъ. Не вина художника, если для композиціи сюжета у него не достало той подготовки, которая дается лишь общимъ развитіемъ. Въ томъ-же, гдѣ требовалось собственно художественное воспроизведеніе, онъ достигъ такого натурализма и такой естественности, что не хочется вѣрить, будто это не живыя фигуры.

Отъ церкви Рождества Пресв. Б—цы переходимъ на возвышенность надъ Припятью, господствующую надъ мѣстечкомъ; на ней издавна расположено было замковое укрѣпленіе, возобновленное Тадеушомъ Ходкевичемъ. Тутъ-же, какъ неизбѣжный спутникъ господства польской аристократіи въ этомъ краѣ въ прошлыя времена, воздвигнутъ и костелъ. По расположенію своему и открывающемуся отсюда просторному виду, пунктъ, занимаемый костеломъ, безспорно самый лучшій не только въ самомъ мѣстечкѣ, но и цѣлой окружности. У г. Похилевича [1]) костелъ этотъ ошибочно названъ каменнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ деревянный. Хронологическая дата построенія костела, который служилъ прежде монастыремъ доминикановъ, точно указана въ фундушевой записи, хранящейся при костелѣ. Это было въ 1626 году—въ періодъ, когда Чернобыльское староство принадлежало Сапѣгамъ. Въ 1757 г. костелъ, составлявшій до-

---

[1]) См. Опис. насел. мѣстъ Кіевск. губ., с. 147.

стояніе доминикановъ, былъ перестроенъ [1]) и въ такомъ видѣ сохранился, по всей вѣроятности, до сихъ поръ. Нужно впрочемъ сказать, что, сравнительно съ другими костелами— въ Кіевской и Волынской губ., Чернобыльскій производитъ впечатлѣніе убогаго, хотя и содержится безукоризненно чисто. Внутреннее основаніе имѣетъ форму креста, а кровля вѣнчается тремя небольшими овальными куполами. Хотя реставрація костела и относится къ XVIII-му в., но въ немъ сохранилось нѣсколько иконъ и изображеній, уцѣлѣвшихъ, повидимому, отъ болѣе ранняго періода. Главною святынею костела является чудотворный образъ Богоматери, писанный по византійскимъ пріемамъ: ликъ темными красками въ томъ иконномъ стилѣ, который не имѣетъ ничего общаго съ распространеннымъ въ западной иконографіи со времени эпохи Возрожденія типомъ мадоннъ. Изображеніе Богоматери относится къ числу тѣхъ популярныхъ въ Византіи, которымъ присвоено было названіе Одигитріи—съ младенцемъ на лѣвой рукѣ. По правую сторону отъ главнаго алтаря находится довольно старинная икона крещенія: Іорданъ здѣсь представленъ въ видѣ на половинну пересохшаго ручья, вода котораго покрывала ноги Спасителя въ моментъ крещенія лишь по щиколотку. Отъ главнаго престола, вверху, на лѣвой сторонѣ, довольно интересна икона Страждущаго Христа, покрытаго ранами отъ бичеванія. Иконы подобной композиціи не рѣдко можно встрѣтить въ костелахъ повсемѣстно, но въ этой привлекаетъ вниманіе то выраженіе необычной суровости, которое мастеръ постарался придать лику Спасителя.

Въ лѣвомъ алтарѣ старинное распятіе съ распростертой фигурой Маріи Магдалины; въ правомъ—довольно художественно исполненное изображеніе Іосифа со Спасителемъ на рукахъ; вверху часто встрѣчающаяся въ католической церкви

---

[1]) Въ той записи, которую любезно предложилъ намъ настоятель костела, не объясняется, чѣмъ именно была вызвана перестройка костела въ 1757 г.

композиція, на которой представлено, какъ св. Анна, мать Богородицы, обучаетъ послѣднюю читать по книжкѣ.

Вообще одну изъ интересныхъ въ смыслѣ міросозерцанія особенностей католической иконографіи, по сравненію съ православною, представляетъ сравнительно весьма частое изображеніе Іосифа, держащаго на рукахъ младенца-Христа, тогда какъ въ нашей иконографіи оно составляетъ рѣдкость. Разница эта находится въ связи съ тѣмъ, что генеалогія Христа по плоти—въ виду большей пластичности, усвоенной западною иконографіею, сравнительно съ восточною, чаще трактовалась на западѣ, чѣмъ у насъ. Со времени Возрожденія весьма популярными дѣлаются на западѣ такія композиціи, какъ праматерь Анна съ Богородицею, Іосифъ съ Пресв. Дѣвою Маріею, или Іосифъ съ Христомъ на рукахъ и т. д. Второй престолъ съ лѣвой стороны посвященъ патрону ордена—св. Доминику; надъ престоломъ довольно художественное изображеніе этого основателя противоеретическихъ конгрегаціонныхъ судилищъ. На противоположной сторонѣ—правой отъ входа -- престолъ и изображеніе св. Франциска, очень часто встрѣчающееся въ костелахъ. Внизу этого престола картина на деревѣ, на которой представлено жертвоприношеніе Исаака. Иконъ подобнаго типа нѣсколько въ этомъ костелѣ. Онѣ обращаютъ на себя вниманіе тѣмъ, что очевидно вынуты изъ какихъ-то старинныхъ вставокъ, можетъ статься изъ каѳедры или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Работа довольно грубая и неискусная, но типичная.

При входѣ въ костелъ — въ притворѣ — бросается въ глаза маленькая картина на полотнѣ съ изображеніемъ мученій, испытываемыхъ грѣшниками въ чистилищѣ; въ этомъ случаѣ весьма недурно передано выраженіе лицъ. Картина напомнила намъ подобное-же болѣе сложное изображеніе въ католическомъ монастырѣ въ г. Заславлѣ, Волынск. губ. Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на образъ святителя Николая въ первосвященнической тіарѣ; предъ святителемъ нарисованы три мальчика.

При входѣ въ самый костелъ, на стѣнѣ, приходящейся противъ главнаго алтаря, помѣщены два портрета основателей и благотворителей: Сапѣги и Ходкевича.

Этимъ немногимъ исчерпываются всѣ достопримѣчательности костела, нынѣ убогаго, но нѣкогда игравшаго, повидимому, довольно видную роль на Полѣсьи, какъ одинъ изъ центровъ католическихъ миссій.

Отъ самого Чернобыля переходимъ къ селеніямъ. Изъ послѣднихъ, насколько можно судить, въ слѣдующихъ находились или и теперь еще находятся старинныя православныя церкви, насколько эта старина вообще доступна небогатымъ деревяннымъ храмамъ.

1) Въ 28 верстахъ отъ Чернобыля расположено село подъ названіемъ *Толстый лѣсъ*, гдѣ находится деревянная однокупольная церковь во имя Воскресенія. Изъ имѣющейся записи видно, что церковь построена въ 1760 г., но затѣмъ была почти заново отремонтирована дважды въ теченіе прошлаго вѣка: въ 1858 г. и въ 1895 г. Изъ старинныхъ иконъ—храмовая, изображающая Воскресеніе по способу нисхожденія Спасителя во адъ и изведенія оттуда праотцевъ и другихъ библейскихъ праведниковъ.

2) Въ селеніи *Варовичи* — деревянная церковь во имя св. Параскевы; построеніе ея, по записямъ, относится къ первой половинѣ XVIII-го в. Въ такомъ видѣ простояла она до 1858 г., когда, по причинѣ крайней ветхости, была почти вновь отремонтирована. Ремонтъ настолько измѣнилъ первоначальный видъ, что въ настоящее врямя почти невозможно сказать что-либо объ ея прежнемъ состояніи.

3) Въ уѣздѣ, по сосѣдству съ городомъ, расположены между прочимъ два селенія, не лишенныя историческаго значенія; это *Стечанка и Лубянка*. Первое изъ нихъ принадлежало нѣкогда довольно извѣстной фамиліи Стецкихъ. Въ Стечанкѣ еще недавно сохранялась въ полуразрушенномъ видѣ православная деревянная церковь, въ которой погребены и нѣкоторые члены фамиліи Стецкихъ. Эта церковь, относящаяся по преданію своему *чуть ли не къ началу XVII-го в.*, безспорно

была одною изъ древнѣйшихъ и интереснѣйшихъ деревянныхъ церквей въ западной Руси. Къ сожалѣнію, всѣ свѣдѣнія относительно ея ограничиваются лишь очень немногимъ, да и это немногое носитъ на половину легендарный отпечатокъ.

Сосѣднее селеніе *Лубянка* оказалось въ этомъ отношеніи болѣе счастливымъ, хотя и менѣе интересна: сохранившаяся въ немъ церковь во имя свят. Николая построена въ 1770 г. Церковь эта заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что она и снаружи и внутри сохранилась почти въ томъ самомъ видѣ, какъ была выстроена. Я не буду останавливаться на ней подробно, потому что тотчасъ-же перехожу къ описанію церкви въ селѣ *Ладыжичахъ*, которая въ общемъ сходна съ Лубянскою, но нѣсколько древнѣе и носитъ болѣе стильный отпечатокъ, хотя была уже слегка реставрируема.

4) Село Ладыжичи расположено неподалеку отъ Чернобыля, но въ такой низменной мѣстности, которая даже и въ засуху представляетъ много неудобствъ для поѣздки, а въ сколько-нибудь дождливое время становится положительно недоступна: зыбучіе пески постоянно смѣняются здѣсь болотистыми промоинами.

Деревянная маленькая церковка во имя Рождества Пресв. Б—цы построена въ 1742 г. тщаніемъ Сапѣги, который въ то время былъ чернобыльскимъ старостою. Такъ какъ это одна изъ наиболѣе типичныхъ деревянныхъ церквей, которыя мнѣ приходилось наблюдать вообще во время моихъ экскурсій въ Кіевскую губ. и по Волыни, то я и остановлюсь на описаніи ея нѣсколько подробнѣе.

Самое зданіе представляетъ собою продолговатый четыреугольникъ съ однимъ продолговатымъ луковицеобразнымъ куполомъ, поставленнымъ на барабанъ. Внутри --церковь, подобно тому какъ и наблюдавшіяся мною церкви на Волыни, будучи очень небольшого объема, тѣмъ не менѣе по плану въ основаніи опредѣленно раздѣлена на 4 части: притворъ, трапеза, самая церковь и алтарь. Столь обычнаго на Волыни и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кіевской и Подоль-

ской губ.—опасанья, или какихъ-бы то ни было слѣдовъ его, не замѣтно ни на Ладыжичской, ни на другихъ церквахъ, которыя намъ пришлось наблюдать въ окрестностяхъ м. Чернобыля.

Среди иконъ обращаютъ на себя вниманіе: 1) остатки прежнихъ царскихъ вратъ, теперь приставленныхъ къ задней стѣнѣ, налѣво отъ входа. Эти царскія врата съ сохранившимися на нихъ иконами, очевидно, современны основанію церкви. Надъ самыми царскими вратами нарисована икона Нерукотвореннаго Спаса. Ликъ Спасителя, отмѣченный необычною суровостью выраженія, нарисованъ съ замѣтнымъ реалистическимъ пошибомъ, поэтому и не заключаетчъ въ выраженіи той слащавости, а въ обрисовкѣ контуровъ—той округлости, которая составляла прочно укоренившуюся манеру и въ западнорусской иконографіи. Ликъ представленъ въ духѣ православной композиціи: на бѣломъ убрусѣ (безъ Вероники, чаще всего помѣщаемой въ этихъ случаяхъ западными мастерами). Повыше, въ щиткѣ, изображеніе Тайной Вечери, по бокамъ отъ которой направо и налѣво шли, тоже въ щиткахъ, иконы, очевидно, двунадесятыхъ праздниковъ. Изъ послѣднихъ уцѣлѣли лишь 2: направо отъ изображенія Тайной Вечери—торжественный въѣздъ въ Іерусалимъ, налѣво—Благовѣщеніе. Послѣднее выдѣляется нѣсколько особенностями композиціи. Самый актъ представленъ тутъ при обстановкѣ, сравнительно рѣже встрѣчающейся въ иконографіи: Богоматерь изображена стоящею на колѣняхъ на одной изъ ступеней лѣстницы, повидимому, ведущей въ храмъ. Такая колѣнопреклоненная поза, какъ извѣстно, есть прямое наслѣдіе католической иконографіи, совсѣмъ не свойственное Византійской—особенно въ древнѣйшую пору. Съ верхняго угла приближается къ Богоматери благовѣствующій архангелъ съ традиціонною вѣтвью въ рукѣ. Фонъ всѣхъ этихъ изображеній голубой. Иконографическія изображенія такого-же совершенно пріема и на такомъ фонѣ встрѣчаются въ церкви и еще; очевидно, они или составляли часть прежняго стариннаго иконостаса, или

написаны въ періодъ построенія церкви (около половины XVIII-го в.) однимъ и тѣмъ же мастеромъ. Къ числу подобныхъ изображеній относятся: 1) въ алтарѣ икона Богоматери, нимбъ коей составляетъ золотая восьмиугольная звѣзда; предъ Дѣвою Маріею въ колѣнопреклоненномъ положеніи стоятъ Іоакимъ и Анна въ характерныхъ мѣстныхъ костюмахъ и прическахъ половины XVIII-го в.; очевидно, тутъ представлены мужъ и жена съ соотвѣтственными именами, соорудившіе икону Богородицы; 2) небольшая икона, тоже на сосновомъ деревѣ, изображающая Положеніе во гробъ Христа: у Спасителя руки сложены такъ, какъ обыкновенно ихъ складываютъ у мертвецовъ: ладони положены одна на другую (въ то время какъ на Волыни и въ Подольской губ. на старинныхъ плащаницахъ руки вытянуты вдоль корпуса тѣла; направо представлена Богоматерь, налѣво—Іоаннъ Богословъ, у ногъ—Марія Магдалина, а по бокамъ Іосифъ и Никодимъ [1]). Остаткомъ подобной же старины, пережившей унію въ этомъ краѣ, является также четырехугольный шкафъ, служившій нѣкогда жертвенникомъ (теперь въ немъ хранятся богослужебныя книги); на передней дверцѣ его находимъ грубо исполненное изображеніе Михаила Архангела съ мечомъ въ рукѣ; архангелъ представленъ здѣсь въ такомъ типѣ, какъ на иллюстраціяхъ XVII—XVIII-го в. изображался обыкновенно польскій жолнѣръ; на внутреннихъ стѣнкахъ этого оригинальнаго шкафа-жертвенника размѣщены: на центральной—Спаситель, стоящій на блюдѣ, на которое бьющими пятью струями стекаетъ кровь изъ пяти крестныхъ ранъ: такое же точно изображеніе—только исполненное гораздо лучше—мы видѣли при обзорѣ Межигорскаго монастыря; ликъ Спасителя въ томъ обычномъ типѣ, почти безбородомъ, какой принятъ въ южнорусской иконографіи XVII—XVIII-го вв.; на лѣвой внутренней стѣнѣ отъ этого символическаго изображенія таинства искупленія и

[1]) Обращаетъ на себя вниманіе обувь Іосифа и Никодима, а также и другихъ: стилизовано въ формѣ узкихъ черныхъ чулокъ.

евхаристіи нарисована Богоматерь съ семью мечами въ груди; на двухъ остальныхъ стѣнкахъ помѣщены изображенія основателей православной литургіи: свв. Василія В. и Іоанна Златоустаго—обоихъ вмѣстѣ, а отдѣльно на 4-ой стѣнкѣ—св. Григорія Двоеслова, составителя литургіи преждеосвященныхъ даровъ; послѣдній въ тіарѣ, облаченіи и съ жезломъ, какіе присвоены римскимъ іерархамъ.

Супротивъ престола, въ алтарѣ, такой же работы полукруглый ящикъ съ овальными выступами, нѣкогда служившій въ качествѣ дарохранительницы. Фонъ голубой, характеръ восьми изображеній, на немъ размѣщенныхъ, тотъ же, что и на бывшемъ жертвенникѣ. Эти 8 изображеній слѣдующія: по срединѣ чаша, по бокамъ Петръ и Павелъ, четыре евангелиста, Михаилъ Архангелъ и Ѳеодоръ Стратилатъ; послѣдній одѣтъ, какъ польскій военачальникъ конца XVII-го или начала XVIII-го вѣковъ.

Заканчивая на этомъ обзоръ нашей экскурсіи, предпринятой минувшимъ лѣтомъ въ Кіевское Полѣсье, нельзя не сказать, что здѣсь въ изолированныхъ глухихъ уголкахъ этого сумрачнаго и на половину болотистаго края встрѣчаются, правда изрѣдка, такіе оазисы въ смыслѣ типичной иконографіи прошлаго, какъ с. Ладыжичи, или такіе мастерски нарисованные типы, какъ въ группахъ апостоловъ Чернобыльской церкви Рождества Богородицы. Двумя ярко бросающимися въ глаза особенностями этой иконографіи, тѣсно связанными между собою, выступаютъ натурализмъ съ привнесеніемъ мѣстныхъ бытовыхъ чертъ въ костюмахъ, прическѣ и проч.

XIII. Засѣданіе 15-го сентября 1902 г.

а) Настоящее засѣданіе было открыто сообщеніемъ г. Предсѣдателя о постигшей Общество утратѣ—смерти д. чл. А. А. Андріевскаго, съ указаніемъ на его заслуги по разработкѣ южно-русской исторіи и литературы.

б) Д. чл. **Н. П. Василенко** посвятилъ свое чтеніе *„Памяти А. М. Лазаревскаго“*, охарактеризовавъ его личность и указавъ на важное значеніе научныхъ трудовъ покойнаго по исторіи старой Малороссіи (будетъ напечатано въ слѣдующемъ выпускѣ этой книги).

в) За отсутствіемъ д. чл. о. **Е. І. Сѣцинскаго** д. чл. В. И. Щербиной былъ доложенъ его *„Отчетъ объ осмотрѣ древностей въ Подольской губерніи лѣтомъ 1901 г.“* слѣдующаго содержанія:

Продолжая осмотръ, описаніе и снятіе фотографическихъ снимковъ древностей Подоліи, я въ минувшее лѣтнее время 1901 года посѣтилъ нѣкоторыя мѣстности по Днѣстру, начиная отъ села Бакоты, Ушицкаго уѣзда, и города Могилева до м. Рашкова, Ольгопольскаго уѣзда, проѣхавъ такимъ образомъ уѣзды Ушицкій, Могилевскій, Ямпольскій и Ольгопольскій. Кромѣ того, я отдѣльными поѣздками посѣтилъ слѣдующія мѣстности: Баръ, Могилевскаго у., Паневцы и Жванецъ, Каменецкаго у., Сатановъ и Ярмолинцы, Проскуровскаго у., Сутковцы и Зиньковъ, Летичевскаго уѣзда. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ посѣщенныхъ мной мѣстностей я былъ раньше, но теперь мнѣ хотѣлось болѣе детально осмотрѣть находившіяся тамъ древности и сдѣлать фотографическіе снимки въ большомъ видѣ.

При поѣздкѣ по Днѣстру я предполагалъ найти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остатки скальныхъ храмовъ и монастырей, но ожиданія мои не оправдывались (если не считать Бакотскихъ древностей).

Въ *Бакотѣ*, представляющей маленькое сельцо Ушицкаго уѣзда надъ Днѣстромъ, нѣкогда же бывшей значительнымъ городомъ Понизья и даже, можетъ быть, столицей этой земли, существуютъ пещеры бывшаго здѣсь въ XIV в. скальнаго монастыря, упоминаемаго въ лѣтописяхъ, когда Литовскіе князья Коріатовичи заняли Подольскую землю. Монастырище находится въ высокой приднѣстровской скалѣ; оно раскапывалось профессоромъ В. Б. Антоновичемъ въ 1891—1892 гг., при чемъ имъ были найдены части фресокъ на обрушившихся

скалахъ, цинковыя чаши и дискосъ, желѣзныя удила, копья и проч. Затѣмъ здѣсь, на мѣстѣ бывшаго пещернаго храма, устроена церковь, съ пристройкой деревянной части. Церковь эта посѣщается богомольцами изъ ближайшихъ окрестностей Подоліи и Бессарабіи. Прошлымъ лѣтомъ я посѣтилъ эту достопримѣчательность, чтобы провѣрить планъ мѣстности и сдѣлать бóльшіе фотографическіе снимки общаго вида этого монастырища, его пещеръ и храма, такъ какъ хотя у меня и были снимки, но или малые, или же—не всего, что представляло интересъ.

При поѣздкѣ въ Бакоту, останавливался я и въ заштатномъ городѣ Старой Ушицѣ, бывшемъ въ XIII в. значительнымъ городомъ; но здѣсь не нашлось такихъ древностей. которыя слѣдовало бы фотографировать или описать. Здѣсь даже нельзя отыскать мѣстоположенія стараго города, имѣвшаго, несомнѣнно, укрѣпленіе.

Въ *Могилевѣ-Подольскомъ*, хотя существующемъ уже около 400 лѣтъ, не нашлось особенныхъ примѣчательностей, Болѣе древняя церковь здѣсь каменный соборъ, построенный въ 1754 году, снаружи пятиглавый, по плану крестообразный. Форма главъ южно-русская. Зданіе окружено вездѣ домами и другими постройками, и потому фотографированіе затрудительно. О времени построенія церкви свидѣтельствуютъ надписи на двухъ входныхъ дверяхъ, украшенныхъ орнаментами, выбитыми изъ камня. По преданію, эта церковь построена общиной, состоявшей изъ русскихъ, сербовъ, болгаръ, румынъ и грековъ. И дѣйствительно, на церковномъ погостѣ попадаются надгробные кресты съ надписями на румынскомъ и русскомъ языкахъ, съ именами южнославянскими: „Петко", „Венко" и др. Другая городская церковь—Покровская постройки также XVIII в. (1771 г.); по плану она почти такая же, какъ и соборъ. Никакихъ древнихъ предметовъ въ церквахъ не нашлось. Есть еще одна довольно величественная церковь—Георгіевская; построена она въ началѣ XIX в. греками и числилась нѣкоторое время монастыремъ, находившимся въ зависимости отъ Аѳонской лавры

св. Аѳанасія. Въ этой церкви были древнія книги и вещи; они поступили отчасти и въ Каменецкое Древнехранилище: греческій эвхологіонъ Венеціанскаго изданія 1589 года, двѣ греческихъ рукописныхъ нотныхъ книги (крюками), пояса съ большими серебряными украшенными жемчугомъ пряжками и занавѣсь, шитая золотомъ и серебромъ. Невдалекѣ отъ этой Георгіевской церкви, среди еврейскихъ домовъ, находится старое греческое кладбище, гдѣ встрѣчаются каменные кресты съ греческими и рускими надписями XVII—XVIII вв.; кладбище это запущено, служитъ пастбищемъ еврейскихъ козъ и мѣщанскихъ свиней.

Около Покровской церкви есть старое армянское кладбище, превращенное въ огородъ, находящійся въ вѣдѣніи причта мѣстнаго костела; каменные кресты съ этого кладбища почти всѣ унесены мѣстными жителями на свои постройки.

О древностяхъ армянскихъ въ Могилевскомъ костелѣ, построенномъ армянами, сдѣланъ недавно докладъ г. Кучукъ-Іоанесовымъ въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ („Древности," XVII, 275).

Въ XVIII в. въ Могилевѣ существовалъ замокъ; находился онъ, по всей вѣроятности, въ центрѣ теперешняго мѣстечка, гдѣ нынѣ помѣщается торговый рядъ, въ зданіи съ капитальными сводами и подвалами. Уцѣлѣлъ еще въ одномъ мѣстѣ второй этажъ, какъ бы башни съ фронтономъ, гдѣ виднѣется слѣдъ герба Потоцкихъ (семиконечный крестъ), владѣльцевъ города Могилева въ XVII и XVIII вв. Бывшій здѣсь замокъ сгорѣлъ въ началѣ XIX в. (въ 1808 г.).

Изъ Могилева я поѣхалъ въ Каларашовскій монастырь, расположенный на противоположной сторонѣ Днѣстра, на версты двѣ ниже Могилева. Хотя монастырь этотъ находится въ Бессарабіи (и какъ бы внѣ района, подлежащаго моему осмотру), но я не преминулъ туда поѣхать, такъ какъ этотъ монастырь представляетъ какъ бы Подольскую колонію, устроенную, по преданію, Могилевцами.

Въ настоящее время большая часть обитателей монастыря молдаване, говорящіе, впрочемъ, вполнѣ хорошо по-русски.

Главный каменный храмъ монастыря, крестообразный, съ однимъ небольшимъ низкимъ куполомъ и неуклюжей четырехгранной колокольней надъ притворомъ, имѣетъ надъ входомъ надпись на русскомъ языкѣ, свидѣтельствующую, что этотъ храмъ во имя Успенія Пресвятой Богородицы построилъ „своимъ коштомъ“ въ 1782 г. Могилевскій житель Марко, Доичовъ сынъ. Другая церковь теплая находится въ домѣ, гдѣ помѣщается настоятель монастыря; надъ этой церковью устроены двѣ остроконечныя башенки, а возлѣ небольшая деревянная звоница; эти двѣ постройки уже не имѣютъ характера нашихъ южно-русскихъ куполовъ и звоницъ. Достопримѣчательныхъ древностей въ монастырѣ, повидимому, нѣтъ.

Послѣ Могилева я посѣтилъ *Бушу*, Ямпольскаго у., находящуюся при р. Мурафѣ, въ верстѣ отъ впаденія ея въ Днѣстръ. Буша извѣстна въ исторіи польско-козацкихъ войнъ героизмомъ украинцевъ при осадѣ поляками Бушанскаго укрѣпленія въ 1654 г. Геройскій поступокъ жены сотника Завистной послужилъ даже сюжетомъ для повѣсти и драмы одного малорусскаго писателя. По изображенію Костомарова (Б. Хм., III, 183, изд. 4), Буша въ то время была расположена на высокой горѣ; мѣстечко было хорошо укрѣплено валами, защищено ставомъ и раздѣлялось на три части: двѣ назывались городами, а третья, замокъ, называлась пригородомъ.

Въ настоящее время село расположено большею частью по оврагамъ рѣчекъ Мурафы, Буши и Бушинки, которыя здѣсь, въ селѣ, сливаются. Образуемый этими рѣчками (собственно Мурафой и Бушинкой) длинный высокій лѣсъ, постепенно понижающійся къ мѣсту сліянія этихъ рѣчекъ, представляетъ, именно, бывшее укрѣпленіе. Въ двухъ мѣстахъ этого лѣса видны слѣды крѣпостныхъ валовъ, которые перерываютъ гору отъ рѣчки до рѣчки; одинъ валъ находится

на разстояніи 300 саж. отъ конца лѣса; выше, на такомъ же разстояніи отъ перваго вала, другой валъ, перерѣзывающій гору, значительно здѣсь возвышенную и широкую. Возлѣ перваго вала возвышается въ настоящее время одно-купольная церковь постройки 1656 г., а близъ нея четырех-гранная колокольня (длина и ширина по 10 арш.) По преданію, занесенному въ позднѣйшіе церковные документы, эта колокольня передѣлана изъ замковой башни. Подъ колокольней есть еще каменный погребъ со сводами, которымъ пользуется свяще. никъ для своихъ надобностей; въ томъ погребѣ виденъ ходъ, замурованный теперь.

Эта колокольня, такимъ образомъ, есть единственный остатокъ Бушанскихъ укрѣпленій, защищавшихъ южно-русскихъ героевъ. Поражаетъ здѣсь обиліе кладбищъ: на замковой горѣ выше церкви между усадьбами и за предѣлами поселенія находятся три кладбища, да еще есть кладбища въ другихъ мѣстахъ села. Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что вся эта гора, на которой находится церковь, представляетъ изъ себя сплошное кладбище: говорятъ, что здѣсь, гдѣ ни копнешь, найдешь человѣческія кости; послѣ каждаго дождя вода выноситъ изъ земли человѣческія кости. Когда я былъ въ Бушѣ, и пошелъ дождь, то во дворѣ священника (онъ живетъ сейчасъ подлѣ церкви) обнаружился цѣлый человѣческій скелетъ... Дѣйствительно, Буша буквально облита кровью и усѣяна костями; напр., въ 1654 г. погибло здѣсь 16000 храбрецовъ. Замѣчательно тутъ же разнообразіе типовъ надмогильныхъ каменныхъ крестовъ; надписи на нихъ относятся къ XVIII в. Болѣе раннія надписи не сохранились, вѣроятно вслѣдствіе мягкости камня (известняка), изъ коего обычно изготовляются кресты.

Замковая гора, довольно отлогая у подошвы при сліяніи рѣчекъ, значительно круче тамъ, гдѣ стоитъ церковь; со стороны рѣчекъ гора представляется отвѣсными скалами.

Въ одномъ мѣстѣ, въ скалѣ, со стороны рѣчки Бушинки, приблизительно противъ верхняго вала, находится пещера и барельефъ, описанный проф. В. Б. Антоновичемъ (Труды VI Археолог. Съѣзда въ Одессѣ).

Съ другой стороны горы, на скалѣ, противъ рѣчки Мурафы существовали какія-то надписи, отъ которыхъ уцѣлѣло лишь нѣсколько буквъ; возстановить по нимъ надпись не удалось.

Послѣ Буши я посѣтилъ деревню *Флеминду*, находящуюся въ 8 верстахъ отъ Буши, на берегу Днѣстра. Здѣсь, въ скалѣ надъ рѣкой указываютъ остатки бывшей пещерной церкви. Эти остатки находятся выше деревни, въ пустынной мѣстности, гдѣ берегъ Днѣстра, сначала близъ воды довольно пологій, окаймленъ высокими скалами, иногда отвѣсными; въ одной такой скалѣ и указываютъ остатки пещеры, гдѣ была церковь. Но осмотръ этой пещеры, доступъ къ которой довольно затрудненъ, не далъ особенныхъ результатовъ: это небольшая, почти четыреугольная комната, выдолбленная въ довольно мягкомъ слоѣ скалы, шириной и длиной около 5 арш.; потолокъ устроенъ въ видѣ свода, но неправильно; при входѣ въ пещеру видны въ камнѣ пазы вертикальные и горизонтальные, служившіе, вѣроятно, для закладыванія отверстія досками. Стѣны испещрены вырѣзанными крестами разной формы и пострадавшими отъ времени надписями, прочитать кои невозможно. Признаковъ того, что здѣсь, въ этой пещерѣ, была церковь, не оказалось. Между тѣмъ, народъ называетъ эту мѣстность „стара церква" и утверждаетъ, что здѣсь, въ скалѣ, когда-то была церковь. Можетъ быть церковь здѣсь стояла на самомъ берегу Днѣстра, гдѣ и теперь среди камней, видны четыре каменныхъ креста, глубоко вошедшихъ въ землю; на одномъ крестѣ видна надпись, но прочитать ее не удалось; можно только сказать, что надпись была на русскомъ языкѣ. Народъ говоритъ, что здѣсь располагался когда-то городъ Могилевъ, перенесенный затѣмъ выше по Днѣстру (теперъ Могилевъ отстоитъ отъ Флеминды верстъ на 45 по прямой линіи).

Проѣхавъ затѣмъ чрезъ городъ Ямполь и м. Цекиновку, гдѣ не найдено мной никакихъ археологическихъ достопримѣчательностей, я посѣтилъ село *Окницу*, Ольгопол. у., нахо-

щуюся въ 4—5 вер. отъ Днѣстра, среди громадныхъ овраговъ, образуемыхъ небольшой рѣчкой Окницей. Здѣсь меня интересовали остатки скальнаго монастыря. находившагося, по преданію, возлѣ села. Осмотръ мѣстности, гдѣ былъ монастырь, именно, откоса горы, покрытой теперь лѣсомъ, обнаружилъ, дѣйствительно, слѣды бывшихъ здѣсь искуственныхъ террасъ, вырубленныхъ въ скалѣ карнизовъ, пазовъ для навѣсовъ; въ одномъ мѣстѣ виденъ какъ бы надъ кельей высѣченный крестъ съ надписью по бокамъ „ни ка“ и внизу: „сію храм.“; надпись, очевидно, не окончена (вѣроятно, должно было быть: сію храмину); самая келія засыпана землей и камнями, обвалившимися съ горы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны ступеньки, сдѣланныя въ скалѣ; по откосамъ горы, среди лѣсныхъ деревъ растутъ вишни и сливы въ дикомъ видѣ; очевидно, это остатки монастырскаго сада.

Документальныхъ данныхъ объ Окницкомъ монастырѣ не имѣется. Раскопки этого мѣста могли бы, можетъ быть, обнаружить какія-нибудь болѣе достопримѣчательные остатки старины.

Изъ Окницы я проѣхалъ въ село *Болганъ,* расположенное въ 8 вер. отъ перваго села по глубокой скалистой долинѣ рѣчки Каменки. Здѣсь находится старое зданіе церкви, подлежащее разборкѣ, потому что имѣется новое зданіе церкви. Интересъ осмотра старой церкви и привлекъ меня въ Болганъ. Зданіе это, впрочемъ, не представляетъ особенностей: это обыкновенная постройка XVIII в. съ однимъ куполомъ. О времени построенія свидѣтельствуетъ надпись, вырѣзанная на косякахъ дверей: „Року Божія 1756 создася храмъ сей Рожд(ст)ва Пр. Богородицы во славу святыя единосущ. и жив. Троицы“. Иконостасъ этой церкви старинный многоярусный, вѣроятно,—времени построенія церкви Въ церкви этой имѣется серебрянный ручной крестъ ($6^1/_4$ вер. высоты и $4^1/_4$ вер. ширины) 1649 г., найденный назадъ тому лѣтъ 20 на полѣ близь Болгана. На крестѣ выгравированы изображенія распятія и Крещенія Господня и надпись: „Рок. Бож. 1649“.

Изъ Болгана проѣхавъ чрезъ м. Каменку, я посѣтилъ м. *Рашковъ*. Хотя это мѣстечко старое, занявшее мѣсто древняго города Караула, основаннаго литовскимъ княземъ Витовтомъ (см. статью профессора В. Б. Антоновича въ „Кіев. Стар." 1899 г., окт.), но монументальныхъ памятниковъ прошлаго здѣсь нѣтъ, если не считать двухъ городищъ, представляющихъ земляные валы и насыпи: одно на высокой горѣ надъ мѣстечкомъ (это, по предположенію проф. Антоновича, укрѣпленія бывшаго города Караула); другое на плоскогорьѣ, около мѣстечка, занимающее площадь въ нѣсколько десятковъ десятинъ, называется „Кіевка". Церквей въ Рашковѣ нѣкогда было много (Павелъ Алеппскій говоритъ, что здѣсь было 7 церквей), но теперь здѣсь двѣ церкви построенія XVIII в., каменныя, не представляющія ничего особеннаго. Въ церквахъ, кромѣ церковно-богослужебныхъ книгъ XVIII в. да нѣсколькихъ серебряныхъ вещей конца этого вѣка (крестъ, риза на иконѣ Божіей Матери 1786 г. въ Троицкой церкви) нѣтъ ничего достопримѣчательнаго. Въ Троицкой церкви, построенной около 1779 г., имѣется икона Нерукотвореннаго образа Спасителя, которую считаютъ древнею. Дальше по Днѣстру я не ѣздилъ.

Въ разное время я посѣтилъ еще нѣсколько мѣстностей, гдѣ имѣются монументальные остатки старины. Такъ, въ м. іюнѣ я былъ въ г. Барѣ, Могилевскаго у., а въ іюлѣ — въ м. Жванцѣ и с. Паневцахъ, Камен. у.; въ сентябрѣ былъ въ м. Сатановѣ и Ярмолинцахъ, Проскуровскаго уѣзда, и въ лежащихъ по близости этого мѣстечка Сутковцахъ и Зиньковѣ, Летичевскаго уѣзда.

Въ *Барѣ* осмотрѣны мною остатки замка, устроеннаго въ первой половинѣ XVI в., когда этотъ городъ принадлежалъ королевѣ Бонѣ. Замчище расположено на низкомъ берегу рѣчки Рова, разливающагося здѣсь въ обширный болотистый прудъ. Планъ замка представляетъ въ общемъ видъ квадрата съ пятиугольными выступами на двухъ углахъ, четыреугольными на двухъ другихъ и треугольнымъ выступомъ на срединѣ той стороны, которая выходитъ къ рѣчкѣ.

Замокъ былъ выстроенъ изъ кирпича и камня; плохо сохранился; башенъ уже нигдѣ нѣтъ; уцѣлѣла только кирпичная облицовка валовъ и кое-гдѣ стѣны.

Въ Барѣ было нѣкогда нѣсколько церквей, но въ настоящее время изъ нихъ сохранилась одна Успенская, построенная въ 1756 г. уніатскимъ священникомъ и оффиціаломъ Тимоѳеемъ Мошковскимъ. Церковь каменная, большая, по плану крестообразная. Въ церкви на горнемъ мѣстѣ находится икона Божіей Матери хорошей живописи; въ XVIII в. эта икона признана чудотворною; гравюра ея имѣется въ одной книжкѣ 1774 г., посвященной описанію чудесныхъ исцѣленій, полученныхъ по молитвамъ предъ этой иконой. Въ той же церкви есть другая чтимая икона св. Николая, которую считаютъ даромъ бывшей владѣлицы Бара-королевы Боны; но эта икона испорчена позднѣйшей подправкой. Въ Барѣ находится женскій монастырь, помѣщающійся въ зданіяхъ бывшей здѣсь до 1773 г. іезуитской коллегіи. Въ монастырѣ нѣтъ, повидимому, никакихъ древностей, такъ какъ до 1889 г. здѣсь былъ мужской монастырь, сильно обѣднѣвшій и почти опустѣвшій, и все, что представляло какую-либо цѣнность или интересъ, перенесено было въ другіе монастыри и церкви или расхищено. Теперь въ монастырской церкви имѣется чтимая икона Божіей Матери, именуемая Барскою; эта икона есть подобіе весьма чтимой иконы, находящейся въ Летичевскомъ костелѣ.

Въ *Жванцѣ*, Каменецкаго у., сохранились остатки замка, построеннаго владѣльцами того мѣстечка Лянцкоронскими въ XVI в., на горѣ, надъ рѣчкой Жванцемъ, впадающей въ Днѣстръ въ сажняхъ 300 отъ замчища.—Послѣднее имѣетъ на планѣ видъ пятиугольника, каждая сторона котораго равна почти 40 саж.; на четырехъ углахъ замчища сохранились башни; но всѣ онѣ въ верхней части уже разрушились. Лучше сохранилась угловая башня, выходящая къ рѣчкѣ Жванцу съ СВ. Башня эта пятигранная, въ нѣсколько этажей; другія башни—неправильные четыреугольники. Въ одномъ углу былъ устроенъ въѣздъ; отъ него уцѣ-

лѣлъ сводъ надъ воротами; но этотъ въѣздъ былъ посрединѣ одной стороны пятиугольника и представлялъ большое зданіе, стѣны коего еще держатся.

Въ с. *Паневцахъ*, расположенныхъ въ 7 верстахъ отъ Каменца при рѣчкѣ Смотричѣ, сохранились остатки замка, устроеннаго въ XVI в. владѣльцами Паневецъ Потоцкими. Замчище теперь входитъ въ составъ усадьбы и сада помѣщика Старжинскаго; по оставшимся каменнымъ руинамъ и валамъ можно заключить, что онъ по плану представлялъ прямоугольникъ. Одной стороной замокъ выходилъ къ обрывистому скалистому берегу рѣчки Смотрича; здѣсь видны развалины башенъ и дома, гдѣ, повидимому, была извѣстная въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. кальвинская школа и типографія, уничтоженная впослѣдствіи іезуитами. Съ противоположной стороны замка сохранилась башня съ въѣздными воротами, теперь превращенная внизу въ сарай для экипажей, а въ вверху въ жилыя помѣщенія. Эта башня соединена позднѣйшей пристройкой со старымъ квадратнымъ зданіемъ бывшей кальвинской каплицы (а затѣмъ католическаго костела). Это зданіе находилось въ углу замковыхъ сооруженій; оно квадратное, не высокое, вверху заканчивается восьмиугольникомъ и круглымъ куполомъ. Зданіе это довольно хорошо сохранилось и служитъ теперь амбаромъ. Здѣсь сохранились каменныя плиты, на коихъ вырѣзаны символъ вѣры и десятисловіе на польскомъ языкѣ; вѣроятно, нѣкогда эти плиты были вставлены вь стѣны каплицы.

Въ *Сатановѣ* сохранилась нѣкоторая часть городскихъ укрѣпленій и замка, на горѣ надъ рч. Збручемъ высятся развалины замка и даже часть городскихъ стѣнъ, а внизу около рѣчки и плотины (переходя за границу) въѣздныя ворота въ видѣ башни. Замокъ имѣетъ по плану видъ неправильнаго пятиугольника. На сторонѣ, обращенной къ рѣчкѣ Збручу и имѣющей въ длину внутри до 50 саж., сохранились еще стѣны и двѣ четыреугольныхъ башни по угламъ. Здѣсь замокъ былъ защищенъ скалой и крутымъ

спускомъ, идущимъ къ рѣчкѣ. Съ другихъ сторонъ, представляющихъ болѣе или менѣе ровную мѣстность, замокъ былъ укрѣпленъ, кромѣ стѣнъ, еще двойными валами, подмурованными камнемъ; стѣны и подмуровки сохранились кое-гдѣ. Въ одномъ изъ внутреннихъ угловъ находится круглая башня. Отъ этого замка были проведены стѣны и валы, опоясывавшіе нѣкогда мѣстечко и сходившіеся у въѣздныхъ, до-нынѣ сохранившихся, воротъ (внизу около рѣчки). Эти городскіе стѣны и валы есть еще кое-гдѣ возлѣ замка; въ другихъ мѣстахъ еле замѣтны рвы. До недавняго времени окрестности замка представляли пустопорожнее мѣсто, но назадъ тому два года здѣсь устроенъ громадный сахарный заводъ, и теперь возлѣ замковыхъ руинъ возвышаются громадныя зданія съ высокими дымоходными трубами; вездѣ гулъ, стукъ, суета. Для заводскихъ надобностей кое-гдѣ засыпаются рвы, срываются каменныя кладки и т. п. Нижняя башня—ворота, о коей я упомянулъ, имѣетъ съ фронта подпись на латинскомъ языкѣ, въ коей владѣлецъ Сатанова Адамъ-Николай Сѣнявскій хвастливо заявляетъ, что онъ, озабочиваясь защитой отечества и даже міра отъ варваровъ, построилъ ворота въ 1724 году.

Нѣкогда Сатановъ имѣлъ 8 церквей; теперь ихъ 5. Изъ нихъ нѣтъ ни одной древнѣе начала XVIII в. Благовѣщенская каменная церковь имѣетъ на стѣнѣ дату построенія—1710 г., но въ архитектурномъ отношеніи не представляетъ особенностей: планъ ея прямоугольникъ, къ коему прибавленъ полукругъ, гдѣ помѣщается алтарь. Зданіе все очень малое, шириной отъ входа къ алтарному абсиду 18 арш. Георгіевская церковь, состоявшая изъ каменнаго притвора и деревянной средней части и такого же алтаря, передѣлана, по преданію, изъ турецкой мечети, устроенной въ послѣдней четверти XVII в. турками изъ бывшей здѣсь православной церкви. Собственно передѣлана каменная часть, представляющая теперь три стѣны притвора; бывшій здѣсь сводъ снятъ уже въ XIX в. и на каменныхъ стѣнахъ устроена деревянная колокольня. Въ церкви имѣется икона Спасителя, по-

сѣченная турками въ 1676 г., о чемъ свидѣтельствуетъ надпись на иконѣ. Таже надпись упоминаетъ и о двукратномъ поновленіи иконы (въ 1774 г. и 1840 г.); къ сожалѣнію, нужно сказать, что эта икона еще разъ поновлялась и весьма неумѣло въ послѣднее время, хотя этотъ подвигъ не увѣковѣченъ надписью, но имѣющіеся снимки съ той иконы, сдѣланные около 1890 г., показываютъ, что даже старинная надпись переписана вновь; но, кажется, святотатственная рука поновителя не коснулась лика Спасителя: онъ сохранился, повидимому, въ первоначальномъ древнемъ видѣ. Вблизи Георгіевской церкви въ усадьбѣ крестьянина сохранился каменный крестъ 1686 г. съ надписью: „Зде лежи(т) ра(б) Бо(ж) Азариа ро(к) Бо(ж) 168....“ (отмѣчаю это потому, что въ Подоліи каменные надмогильные кресты съ сохранившеюся удобочитаемой надписью трудно встрѣтить, такъ какъ камень—известнякъ, изъ какого обычно здѣсь дѣлаютъ кресты, вывѣтривается, и надпись не можетъ сохраниться болѣе 100—150 лѣтъ.

Въ мѣстечкѣ есть еврейская каменная синагога, выстроенная въ видѣ большой четыреугольной башни съ крѣпкимъ сводомъ, имѣюшая вверху снаружи каменные парапеты съ небольшими бойницами; за этими парапетами можно свободно ходить и, при надобности, отстрѣливаться.

Въ Сатановѣ назадъ тому лѣтъ 40 былъ домикъ, гдѣ останавливался императоръ Петръ Великій, возращавшійся изъ Прутскаго похода; но теперь нѣтъ и слѣда этого домика. Былъ въ Сатановѣ оригинальный домъ доктора Паца, придворнаго врача послѣдняго Польскаго короля, устроенный такъ, что въ землѣ было расположено три этажа, а на поверхности только одинъ; въ этихъ подвалахъ Пацъ держалъ разныхъ звѣрей, гадовъ и. т. п.; но теперь нѣтъ ничего; камень, какой былъ сверху, забрали обыватели на свои надобности, а подвалы засыпаны.

Между мѣщанами отчасти удержалось цеховое устройство; здѣсь нѣкогда были цехи кушнирскій, шевскій, гончарскій, ткацкій, бондарскій и ковальскій. У цехмистровъ

теперешнихъ еще хранятся привилегіи, или, какъ называютъ мѣщане, „права“, данныя имъ владѣльцами мѣстечка въ 1704, 1740, 1794 и 1801 г. г. Эти документы, написанные на пергаментѣ, теперь большею частью сильно попорчены сыростью, но ревниво оберегаются мѣщанами и показываются любопытнымъ съ большимъ разборомъ и осторожностью.

Въ 2—3 вер. отъ мѣстечка на горѣ, надъ Збручемъ, находится женскій монастырь, бывшій до 1900 г. мужскимъ. Монастырь этотъ хотя и древній, но въ настоящее время не имѣетъ древностей. Монастыркая церковь воздвигнута въ 1744 г., какъ свидѣтельствуетъ надпись на наружной стѣнѣ зданія, гдѣ устроены старинные солнечные часы. Изъ болѣе древнихъ иконъ, находящихся въ монастырской церкви, можно указать на запрестольную Божіей Матери; эта икона хотя и византійскаго типа, но съ западнымъ вліяніемъ. Другая чтимая икона Божіей Матери, помѣщающаяся у алтаря на видномъ мѣстѣ, совсѣмъ западнаго письма, довольно художественная. Внизу, подъ монастырской церковью и монастырскимъ корпусомъ, находятся выбитыя въ скалѣ пещеры въ видѣ корридора длиною около 20 шаговъ, идущаго вдоль стѣны скалы на разстояніи 2—3 саж.; къ корридору примыкаютъ въ трехъ мѣстахъ маленькія комнаты или келліи размѣрами въ 4—5 шаговъ въ длину и ширину. Здѣсь возлѣ этихъ пещеръ, по свидѣтельству монастырской лѣтописи, со второй половины XVIII в., былъ первоначально монастырскій храмъ, съ датой 1600 года (См. монастыр. лѣтопись въ „Кіев. Ст.“ 1882 г., февр., 418, и „Тр. Подол. Епарх. Ис.—ст. ком.“ V, 359).

М. *Ярмолинцы*—бывшее родовое помѣстье Подольскаго рода Ярмолинскихъ. Родъ этотъ велъ свое начало отъ нѣкоего Хотька Кроаты, которому въ 1407 г. король польскій далъ Ярмолинцы съ окрестными селами. Два внука этого Хотька подѣлились имѣніями; одинъ Дахно остался жить въ Ярмолинцахъ и удержалъ за собою фамилію Ярмолинскій; другой Ѳеодоръ поселился въ Сутковцахъ (теперь село

Летич. у., лежащее отъ Ярмолинецъ верстахъ въ 7), называется Сутковскимъ и сталъ родоначальникомъ польскихъ дворянъ Сутковскихъ. Обѣ эти семьи были долгое время православными, и отъ нихъ въ Подоліи остались кое-какіе памятники,—фактъ почти единственный для Подоліи, чтобы отъ древняго православнаго туземнаго рода землевладѣльцевъ остались вещественные памятники. Въ Ярмолинцахъ въ усадьбѣ псаломщика, гдѣ стояла по преданію Михайловская церковь, находится каменная надгробная плита Матвѣя Ярмолинскаго, умершаго около половины XVI в., и въ Сутковцахъ въ тамошней церкви (о коей ниже) сохранилось надгробіе Ивана Сутковскаго 1593 г. Плита Матвѣя Ярмолинскаго не сохранилась вполнѣ, три стороны ея отбиты; на уцѣлѣвшей же части можно прочитать (буквы выпуклыя) по краямъ: „ый пань Матѣй Яръмолиньский и положонь бысть ту в Х..“, а посрединѣ двѣ строки: Року пр..... ликихъ мукъ и умеръ“. На томъ же мѣстѣ были выкопаны (въ октябрѣ 1901 г.) куски другихъ разбитыхъ плитъ: на одномъ осталась надпись: „Матвѣева“ (вѣроятно, жена Матвѣя Ярмолинскаго); на другомъ кускѣ совершенно другого характера можно прочесть: „(Яр.)молинскій преставился к.“...

Въ той же части поселенія, гдѣ была Михайловская церковь, остались слѣды древняго замка Ярмолинскихъ въ видѣ земляной насыпи, имѣющей на планѣ видъ равнобедреннаго треугольника, основаніе коего имѣетъ около 70 арш. а равныя стороны по 140 арш.; мѣстность эта называется народомъ „Каменыця“. Въ болѣе позднее время (XVII—XVIII вв.) замокъ Ярмолинскихъ находился въ другомъ мѣстѣ поселенія, вблизи теперешняго костела. Здѣсь сохранилось замчище, имѣющее на планѣ видъ квадрата, стороны коего имѣютъ около 100 арш.; посрединѣ одной стороны сохранились отчасти въѣздныя ворота, выведенныя аркой; подъ этими воротами находятся погреба; часть этихъ погребовъ теперь занята ледникомъ, арендуемымъ евреемъ у мѣстнаго помѣщика (Орловскаго).

Въ Ярмолинцахъ церковь устроена изъ костела капуцинскаго кляштора постройки XVII в. Старое зданіе совсѣмъ передѣлано; изъ сохранившихся иконъ и церковныхъ украшеній костела слѣдуетъ упомянуть объ иконѣ прекрасной итальянской живописи, представляющей Божію Матерь въ облакахъ среди ангеловъ; образъ этотъ немного испорченъ наведеніемъ лака, который мѣстами сдѣлался почти непрозрачнымъ. Кромѣ этой иконы, въ церкви, на стѣнахъ, имѣется около 12 художественныхъ рельефныхъ изображеній Страданій Спасителя. Сдѣланы эти изображенія изъ гипса, но къ сожалѣнію въ недавнее уже время побѣлены известкой, почему тонкая работа художника нѣсколько попорчена.

Побывавъ въ Ярмолинцахъ и осмотрѣвъ немногіе остатки былой жизни здѣшнихъ старорусскихъ владѣльцевъ Ярмолинскихъ, я не могъ не посѣтить Сутковецъ (Летич. у.), бывшей резиденціи боковой вѣтви рода Ярмолинскихъ—Сутковскихъ, гдѣ я бывалъ и раньше и осматривалъ тамошнюю церковь, представляющую интересный древній архитектурный памятникъ.

Въ настоящій разъ я сдѣлалъ точныя измѣренія церкви и произвелъ фотогр. снимки какъ общаго вида, такъ и нѣкоторыхъ деталей. Къ сожалѣнію, нужно сказать, что въ недавнее время церковь, по усердію мѣстнаго священника и безъ вѣдома епарх. начальства, претерпѣла измѣненія въ наружномъ видѣ крышъ. Въ Сутковцахъ есть остатки замка Сутковскихъ; „замчисько“ представляетъ видъ квадрата, стороны коего равняются почти 70 арш.; въ двухъ противоположныхъ углахъ сохранились двѣ пятиугольныя башни.

Въ 12—15 вер. отъ Ярмолинецъ и Сутковецъ, въ с. Савинцахъ, сохранился помѣщичій домъ, построенный въ первой половинѣ XVII в. Однимъ изъ Ярмолинскихъ—Николаемъ; боковыя части этого дома въ видѣ башенъ со сводами сохранились до сихъ поръ вполнѣ хорошо. Въ настоящее время этотъ домъ принадлежитъ владѣльцу с. Савинецъ генералу А. Бенкендорфу.

Въ ту же поѣздку я побывалъ въ м. *Зиньковѣ*, гдѣ былъ въ 1900 г. Теперь мной сдѣланъ большой снимокъ замковой горы и начертанъ планъ мѣстности по большому плану, находящемуся въ мѣстномъ волостномъ правленіи.

По пути изъ Ярмолинецъ я посѣтилъ въ сосѣднемъ селѣ Сказинцахъ мѣстнаго владѣльца В. М. Марковскаго, наслѣдника части имѣній Ярмолинскихъ по женской линіи. Г. Марковскій—большой любитель старины, и его домъ—это цѣлый музей. Всѣ комнаты наполнены разными древностями и художественными вещами, мебелью, оружіемъ, картинами, портретами, гравюрами и т. п. Выдается здѣсь, напр., дорогая збруя извѣстнаго Стефана Чарнецкаго. Имѣется и архивъ съ древними документами мѣстныхъ землевладѣльцевъ—Ярмолинскихъ, Чуриловъ, Марковскихъ и др.“

д) Д. чл. **И. М. Каманинъ** сообщилъ о найденномъ имъ въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры, въ одной изъ тетрадей учениковъ школы живописи, изображеніи малороссійскаго гетмана съ княжеской короной и скипетромъ въ рукѣ. Задавшись вопросомъ: „*Кто онъ*“? и принявъ во вниманіе, что княжеское достоинство было пожаловано одному гетману Мазепѣ и только по измѣнившимся политическимъ обстоятельствамъ не было обнародовано, что гетманъ неоднократно былъ изображаемъ мѣстными художниками въ ореолѣ величія и славы, что школьный портретъ князя-гетмана имѣетъ сходство съ нѣкоторыми изъ существующихъ типовъ портретовъ Мазепы, референтъ пришелъ къ заключенію, что и школьный портретъ изображаетъ гетмана Мазепу.

По поводу этого сообщенія д. чл. О. И. Левицкій выразилъ сомнѣніе въ возможности считать найденное референтомъ изображеніе князя портретомъ Мазепы.

Референтъ отстаивалъ свою гипотезу.

При этомъ случаѣ, поч. чл. Н. И. Петровъ замѣтилъ, что портретъ, изданный въ началѣ 80-хъ годовъ въ „Кіевской Даринѣ“ и приписываемый издателемъ журнала гетману

Мазепѣ, представляетъ собою, по всей вѣроятности, портретъ кого-нибудь изъ послѣднихъ князей Олельковичей.

Въ настоящемъ засѣданіи въ члены Ревизіонной коммисіи избраны: *Ю. А. Кулаковскій, О. И. Левицкій и Н. В. Стороженко.*

XIV. Засѣданіе 29 сентября.

Предметами занятій настоящаго засѣданія были:

1) Рядъ докладовъ о трудахъ XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

а) Поч. чл. **В. Б. Антоновичъ,** указавъ на особое богатство этнографической выставки и на интересъ выставокъ археологической и картографической, изложилъ содержаніе рефератовъ г. *Краснова*: „Эволюція жилища и одежды крестьянъ ближайшихъ окрестностей г. Харькова;“ г-жи *Радаковой*: „Этнографическая экскурсія въ Екатеринославскую губернію“; г. *Падалки*: „Что сказало населеніе Полтавской губ. о своемъ бытѣ“; г. *Сумцова*: „О кобзаряхъ и лирникахъ Харьковской губ.“; г. *Иванова*: „Артели слѣпыхъ, ихъ организація и современное положеніе“, г. *Ходкевича*: „Устройство бандуры и лиры“; г. *Покровскаго*: „Золотарство въ Харьков. губ.“; г. *Василенка*: „Ткачество въ Полтавской губ.“; г. *Маркевича*: „О бывшей Хотинской крѣпости; г. *Бабенка*: „Коцарство въ Харьков. губ.“; г. *Зарѣцкаго*: „Гончарство въ Полтав. губ.“; г. *Лукьянова*: „Изъ исторіи колдовства въ XVII в.“; г. *Багалѣя*: „Объ основаніи г. Харькова“ и г. *Ковалевскаго*: „Къ ранней исторіи Азова“; въ заключеніе В. Б. Антоновичъ указалъ на сдѣланныя къ съѣзду изданія археологическихъ картъ Харьковской губ. гг. Багалѣя и Перелетка и Симбирской губ.—Поливанова.

б) д. чл. **В. З. Завитневичъ** въ своемъ докладѣ коснулся слѣдующихъ рефератовъ, читанныхъ на съѣздѣ: *В. Н. Поливанова:* „Очеркъ козацкой колонизаціи въ Симбирскомъ

Поволжьѣ"; *Х. И. Попова:* „Краткій историческій очеркъ козачьихъ поселеній на Дону"; *В. П. Бузескула:* „Историческій процессъ съ точки зрѣнія греческихъ историковъ"; *В. И. Саввы:* „Выходъ византійскихъ и московскихъ царей въ праздникъ Рождества"; *Д. И. Абрамовича:* „Черты южно-русскаго до-монгольскаго быта по даннымъ житійной литературы;" *Н. С. Державина:* „Степенная книга, какъ литературный памятникъ"; *Д. В. Айналова:* „Гдѣ и какъ была принята св. княгиня Ольга въ Царь-Градѣ?" *Д. Я. Самоквасова:* „Русское архивное законодательство"; *С. Ѳ. Платонова:* „По вопросу о Никоновскомъ сводѣ".

в) д. чл. **А. І. Степовичъ** заявилъ, что секція „Славянскихъ древностей" на XII археологическомъ съѣздѣ была небогата докладами, такъ какъ число славистовъ, принимавшихъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ съѣздѣ, было очень невелико. Имъ изложено было содержаніе всѣхъ семи докладовъ, сдѣланныхъ на съѣздѣ, а именно: *М. С. Дринова:* „Объ одномъ апокриѳическомъ видѣніи пророка Исаіи"; „Объ одномъ рукописномъ сборникѣ церковныхъ чиноположеній XVI в."; *А. Л. Липовскаго:* „Мелкія замѣтки и параллели по славянскимъ древностямъ и исторіи"; *А. І. Степовича:* „Къ литературной исторіи Краледворской рукописи"; *А. И. Музычснка:* „Наблюденіе надъ народнымъ творчествомъ Крымскихъ болгаръ"; *М. Г. Халанскаго:* „Пѣсня о смерти Марка королевича", и *Н. С. Державина:* „Этнографическія условія развитія болгарскихъ колоній въ Бердянскомъ уѣздѣ Таврической губ."

г) д. чл. **М. Н. Ясинскій** сдѣлалъ докладъ о рефератахъ секціи „быта хозяйственнаго и домашняго, юридическаго, общественнаго и военнаго".

д) Поч. чл. **Н. И. Петровъ** представилъ сообщеніе о рефератахъ, касавшихся церковныхъ древностей (напечатано въ 5 отдѣлѣ настоящаго выпуска).

2) Д. чл. **Г. В. Александровскій** сообщилъ *„Нѣсколько данныхъ изъ психологіи Гоголевскаго творчества"*.

Имѣется цѣлый рядъ непреложныхъ свидѣтельствъ о томъ, что способность къ словесному творчеству проявляется временами независимо отъ воли писателя; въ такихъ случаяхъ онъ не можетъ не творить; въ Гоголѣ мы замѣчаемъ нѣчто совсѣмъ другое. Онъ прямо заявляетъ, что въ періодъ ученія въ Нѣжинѣ мысль о писательствѣ никогда не приходила ему въ голову: онъ почти никогда не испытывалъ чисто стихійнаго прилива творческихъ силъ, органической потребности въ писательствѣ. „Я никогда, говоритъ Гоголь въ „Авторской исповѣди," ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. Я никогда не писалъ портреты въ смыслѣ простой копіи. Я создавалъ портретъ, но создавалъ его вслѣдствіе соображенія, а не воображенія". Такимъ образомъ, по врожденнымъ особенностямъ своего таланта, Гоголь долженъ былъ сдѣлаться писателемъ, изображавшимъ окружающую его жизнь: „У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ мнѣ извѣстныхъ," говоритъ онъ. На основаніи матеріала, изданнаго Н. С. Тихонравовымъ, процессъ творческой работы Гоголя представляется въ слѣдующемъ видѣ: почерпнутыя изъ окружающей жизни впечатлѣнія перерабатывались въ сознаніи поэта и представали предъ его духовными очами съ большей или меньшей яркостью; онъ спѣшилъ закрѣпить на бумагѣ созданія своей фантазіи; эти приливы вдохновенія посѣщали Гоголя внезапно. Такіе наброски носили двоякій характеръ: или конспектный или первоначальной редакціи произведеній; преобладаетъ послѣдній характеръ. Первоначальный набросокъ подвергался потомъ цѣлому ряду передѣлокъ и дополненій. Какъ бы не довѣряя самому себѣ, боясь, что онъ не будетъ въ состояніи на основаніи только личныхъ впечатлѣній дать яркую картину изображаемой жизни, Гоголь каждый разъ обращался къ близкимъ и знакомымъ людямъ съ просьбой прислать ему тѣ или другія свѣдѣнія по интересующему его вопросу. Благодаря этому пріему собиранія нужныхъ свѣдѣній и обладая рѣдкой способностью подмѣ-

чать мельчайшія характерныя черты лицъ, предметовъ и явленій, Гоголь имѣлъ въ своемъ распоряженіи огромный запасъ наблюденій, которыя могли ему служить обильнымъ матеріаломъ при художественной обработкѣ первоначальныхъ набросковъ. Наброски сначада дѣлались въ самыхъ общихъ чертахъ. Но полнота ихъ впослѣдствіи возмѣщалась вставками новыхъ подробностей, при этомъ не только отдѣльныя выраженія и мысли, но и цѣлыя картины безжалостно вычеркивались и замѣнялись новыми; такія передѣлки и дополненія повторялись нѣсколько разъ черезъ большіе или меньшіе промежутки времени. Творческій процессъ заканчивался „перечисткой" произведенія, отдѣлкой его слога. Но, если Гоголь дѣйствительно обнаруживалъ мало художественный стиль въ своихъ первоначальныхъ набросках, за то потомъ, путемъ поразительной по своей тонкости отдѣлки своего слога, достигалъ замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи результатовъ. Такимъ образомъ, характерными чертами Гоголевскаго творчества является участіе въ немъ, на ряду съ синтетической дѣятельностью фантазіи, аналитическая работа мысли: соображеніе работало у него столько же, сколько и воображеніе, если не играло первенствующей, регулирующей роли *).

По поводу этого доклада было сдѣлано нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній д. чл. В. А. Чаговцемъ, а поч. чл. Н. П. Дашкевичъ замѣтилъ, что процессъ творчества у Гоголя въ теченіе всей его литературной дѣятельности не былъ вполнѣ одинаковъ.

Въ дальнѣйшихъ дебатахъ приняли участіе д. члены В. З. Завитневичъ и Е. Н. Де-Витте.

XV. Засѣданіе 6-го октября.

1. Настоящее административное засѣданіе было назначено для выборовъ на предстоящее трехлѣтіе членовъ бюро

*) См. „Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана". Годъ 7-й. Кіевъ. 1902 г.

Общества, но, за неприбытіемъ надлежащаго числа членовъ (требовалось присутствіе 36 чел., а явилось лишь 26), постановлено, на основ. ст. 28 „Устава“ Общества, считать это засѣданіе не состоявшимся и выборы должностныхъ лицъ Общества отложить до слѣдующаго засѣданія, имѣющаго быть 13-го октября, когда выборы будутъ произведены при всякомъ численномъ составѣ собранія.

2. Обсуждался вопросъ о раздѣленіи, вслѣдствіе увеличенія количества работы, должностей библіотекаря отъ помощника секретаря, сливающихся нынѣ въ одномъ лицѣ.

Опредѣлили: оставить прежній порядокъ, а въ случаѣ надобности употреблять на расходы по перепискѣ бумагъ до 20 рублей въ годъ.

XVI. Засѣданіе 13-го октября.

1. Д. чл. **В. А. Чаговецъ** сообщилъ извлеченіе изъ своихъ, „Замѣтокъ во время лѣтней экскурсіи этого года, и, между проч., привелъ и подвергнулъ разбору произведеніе народнаго творчества: *„Духовный стихъ объ Александрѣ II“* (будетъ напечатанъ въ 3-мъ вып. настоящей книги).

2. Слушали докладъ Ревизіонной коммиссіи о повѣркѣ ею кассы и библіотеки Общества; и та и другая найдены „въ полномъ порядкѣ.“

3. По произведенной баллотировкѣ на трехлѣтіе (по октябрь 1905 года) избраны:

въ предсѣдатели—*Н. П. Дашкевичъ;*

въ товарищи предсѣдателя—*О. И. Левицкій;*

въ казначеи—*Ѳ. Я. Фортинскій;*

въ секретари—*М. Н. Ясинскій;*

въ библіотекари и помощн. секретаря—*И. М. Каманинъ.*

XVII. Засѣданіе 27-го октября.

Въ настоящемъ годичномъ засѣданіи Общества Нестора-лѣтописца, состоявшемся въ день празднованія памяти патрона Общества въ залѣ торжественныхъ собраній Универ-

ситета св. Владиміра, при большомъ стеченіи посторонней публики и почетныхъ гостей,

1) Секретаремъ Общества **М. Н. Ясинскимъ** былъ прочитанъ *„Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1901 г. по 27 октября 1902 года"* (будетъ напечатанъ во 2-мъ выпускѣ настоящей книги).

За тѣмъ, 2) Д. чл. **В. Я. Желѣзновъ** произнесъ рѣчь: *„Столѣтіе фабричнаго законодательства (въ Англо-Саксонскихъ земляхъ)."*

Фабричное законодательство возникаетъ въ Англіи вскорѣ послѣ распространенія механическихъ изобрѣтеній Хоргревса, Аркрейца и Кромцтега (1764—1779 гг.) въ прядильной промышленности. Владѣльцы вновь устроенныхъ фабрикъ нуждались въ рабочихъ рукахъ (труды дѣтей); выходъ изъ затрудненія былъ найденъ обращеніемъ къ администраціи призрѣній въ южныхъ (земледѣльческихъ) графствахъ, на попеченіи которой въ то время было много дѣтей пауперовъ. Приходскіе „ученики", отданные въ работу, попадали въ полную зависимость отъ фабрикантовъ, которые создавали для ихъ труда и жизни столь тяжелую обстановку, что среди нихъ стали развиваться эпидемическія заболѣванія, переходившія и къ болѣе состоятельнымъ слоямъ населенія. Это привлекло вниманіе общественной власти къ вопросу о законодательномъ вмѣшательствѣ въ условія труда „учениковъ", и въ 1802 году сэръ Робертъ Пиль провелъ первый фабричный актъ. Въ промежутокъ между 1803—1815 гг. водяная сила уступаетъ силѣ пара, и на фабрикахъ начинаетъ уже работать взрослое населеніе (а не только дѣти пауперовъ); кромѣ того, преобразованіе предпріятій изъ мелкихъ и ручныхъ въ крупныя механическія все болѣе и болѣе усиливается. Тогда появились послѣдовательно фабричные законы, распространяющіе охрану труда на большій кругъ предпріятій, лицъ и условій работы. Наиболѣе полнаго развитія этотъ процессъ достигаетъ въ передовыхъ колоніяхъ Англіи—Викторіи и Новой Зеландіи. Что касается причинъ, которыя создали фабричное законодательство и

способствовали его дальнѣйшему развитію, то ***потребность*** въ законодательномъ регулированіи труда возникла благодаря сосредоточенію беззащитныхъ элементовъ рабочей массы подъ произвольнымъ управленіемъ фабрикантовъ, которые пользовались преимуществами своего положенія въ ущербъ не только простымъ у нихъ рабочимъ, но и всему обществу, подрывая жизненныя силы значительной части ея членовъ. ***Возможность*** же борьбы за фабричные законы давалась политическими условіями общественной жизни Англіи (и ея колоній). Среди силъ, дѣствовавшихъ въ пользу установленія и расширенія законодательной охраны труда, выдѣляются вначалѣ отдѣльные филантропы и люди широкаго общественнаго начала (особенно *Роб. Овэнъ*), затѣмъ торійская партія, вступившая въ борьбу съ буржуазіей изъ-за политическаго преобладанія, и, наконецъ, сами рабочіе (въ союзѣ съ тори и какъ самостоятельная сила).

Значеніе фабричнаго законодательства выражается въ постепенности признанія и осуществленія принципа общественнаго регулированія и контроля въ промышленной жизни. Такое регулированіе дало уже и вполнѣ осязательные результаты какъ въ виду улучшенія условій существованія рабочаго класса, такъ и повышеніи производительности національнаго труда.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ настоящее время яснѣе обрисовываются уже и задачи дальнѣйшаго развитія фабричнаго законодательства, какъ для самой Англіи и ея колоній, такъ и для болѣе отсталыхъ капиталистическихъ странъ.

Отдѣлъ II.

Сообщенія и изслѣдованія.

Исторія учрежденія Кіевскаго Центральнаго Архива.

Въ настоящемъ году исполнилось полвѣка со дня изданія закона 2 апрѣля 1852 года объ учрежденіи въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ центральныхъ архивовъ для храненія древнихъ актовыхъ книгъ. Этимъ законодательнымъ актомъ навсегда сохранены драгоцѣнные историческіе памятники, полвѣка уже служащіе и еще на многіе вѣка имѣющіе служить неисчерпаемымъ источникомъ для изученія минувшей жизни западно-русскихъ областей, входившихъ нѣкогда въ составъ польско-литовскаго государства. Чтобы судить о томъ, какъ безмѣрно велико въ количественномъ отношеніи это драгоцѣнное историческое наслѣдство, достаточно сказать, что въ настоящее время въ трехъ названныхъ архивахъ хранится свыше 32,000 актовыхъ книгъ, не включая сюда безчисленнаго количества отдѣльныхъ документовъ, коихъ въ одномъ лишь Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ хранится около полумилліона. Что касается научной цѣнности актовыхъ матеріаловъ, то намъ достаточно сослаться на многочисленныя уже и теперь и все еще растущія количественно изданія Кіевской и Виленской Археографическихъ Коммиссій и Витебскаго Архива и хотя въ общихъ чертахъ припомнить ту массу цѣнныхъ вкладовъ, какую внесли въ историческую науку труды названныхъ уч-

реждений въ короткій сравнительно періодъ ихъ существованій. А нужно замѣтить, что, изъ всей подавляющей своею громадностью массы актовыхъ матеріаловъ, по настоящее время лишь незначительная часть ихъ подверглась научному разбору, и притомъ по очень скромной программѣ. Въ будущемъ, по мѣрѣ расширенія задачъ историческаго изученія, актовые матеріалы, безъ сомнѣнія, подвергнутся болѣе глубокому и всестороннему изслѣдованію, результаты котораго окажутся еще болѣе плодотворными.

Какъ ни велика въ количественномъ отношеніи та масса актоваго матеріала, какая сохранилась до нашего времени, не слѣдуетъ однако забывать, что гораздо большая масса ея,—и при томъ наиболѣе цѣнная, потому что она относилась къ болѣе отдаленному времени,—погибла безвозвратно. Этому нечего и удивляться, если припомнить хотя въ общихъ чертахъ политическія невзгоды, какія Юго-Западная Русь пережила въ теченіе XV—XVIII ст., и затѣмъ—что касается уже позднѣйшей эпохи—наше обычное равнодушіе къ памятникамъ старины, благодаря которому еще за памяти нынѣ живущихъ поколѣній такъ много погибло остатковъ минувшаго. Принимая во вниманіе все это, приходится скорѣе удивляться тому, что актовыя книги не подверглись полному уничтоженію, какъ это случилось съ актами малороссійскихъ полковыхъ, сотенныхъ и другихъ судовъ, и что въ ту именно пору, когда, напримѣръ, монументальные памятники русской старины въ западномъ краѣ (древніе храмы, замки и пр.) безжалостно предавались истребленію, для храненія актовыхъ книгъ, напротивъ, были учреждены спеціальные архивы..

Честь иниціативы въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Кіеву и его ученымъ силамъ. Въ то время западно-русская исторія была въ полномъ смыслѣ tabula rasa, и потому актовыя книги, какъ историческій матеріалъ, не могли быть оцѣнены не только въ мѣстахъ ихъ храненія—въ провинціальной глуши Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края, но и въ столичныхъ центрахъ, гдѣ о нихъ не имѣли вѣрнаго поня-

тія. Но въ Кіевѣ еще со временъ митроп. Евгенія были лица, научно интересовавшіяся мѣстною стариною и занимавшіяся разысканіями въ монастырскихъ библіотекахъ и въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ. Съ открытіемъ въ Кіевѣ университета кругъ такихъ лицъ долженъ былъ увеличиться; во главѣ ихъ должно быть поставлено почтенное имя перваго ректора новооткрытаго университета М. А. Максимовича. Уже въ 1840—41 г.г. онъ издалъ двѣ книги историческаго альманаха „Кіевлянинъ", въ которыхъ было помѣщено нѣсколько весьма цѣнныхъ изслѣдованій и замѣтокъ по исторіи Юго-Западнаго края, составленныхъ на основаніи мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ. А въ 1843 г., при участіи того же Максимовича и другихъ любителей старины, открыта была въ Кіевѣ нарочитая Коммиссія „для разбора древнихъ актовъ, хранящхися въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ и монастырей Кіевской, Подольской и Волынской губерній", при чемъ инициаторы этого дѣла имѣли въ виду главнымъ образомъ актовыя книги въ качествѣ основного матеріала, подлежащаго ученой разработкѣ. Случалось ли имъ и раньше имѣть въ рукахъ эти книги—не извѣстно, но они вѣрно предугадывали, что заключающіеся въ нихъ матеріалы не только обогатятъ историческую науку новыми интересными фактами, но и помогутъ возстановить исторію края въ ея подлинномъ видѣ, безъ тѣхъ извращеній, какія вносили въ нее тогдашніе польскіе историки; поэтому генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ, ходатайствуя объ учрежденіи Коммиссіи, прямо указывалъ на то, что хранящіеся въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ управляемыхъ имъ губерній древніе акты „заслуживаютъ особеннаго вниманія по многимъ отношеніямъ, преимущественно по той русской самобытности, которая такъ значительно проявлялась въ прежнее время въ Юго-Западномъ краѣ". Дѣйствительность въ полной мѣрѣ оправдала эти надежды. Приступивъ къ своей дѣятельности, Кіевская Археографическая Коммиссія обратила главное вниманіе на актовыя книги и сдѣлала ихъ основнымъ источникомъ своихъ изысканій, а ознакомившись съ тѣмъ,

какая громадная ихъ масса была разбросана по цѣлому краю и какъ небрежно онѣ хранились въ подвалахъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, она въ своихъ представленіяхъ генералъ-губернатору неоднократно указывала на неотложную необходимость собрать эти драгоцѣнные матеріалы въ одно центральное хранилище и тѣмъ спасти ихъ отъ угрожающей имъ гибели. Бибиковъ лучше, чѣмъ кто-либо другой изъ тогдашнихъ государственныхъ людей, былъ въ состояніи оцѣнить всю важность актовыхъ книгъ, какъ историческихъ матеріаловъ, и не могъ отнестись къ проекту Коммиссіи иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ; однако онъ долго не рѣшался дать ему ходъ, не увѣренный въ успѣхѣ, и когда, наконецъ, воспользовавшись особенно благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, онъ возбудилъ въ началѣ 1850 года ходатайство объ учрежденіи въ Кіевѣ центральнаго архива для актовыхъ книгъ, то проведеніе этого, казалось бы, легкаго дѣла потребовало такихъ энергическихъ усилій и хлопотъ, что лишь Бибикову съ его желѣзной волей и несокрушимой настойчивостью было въ пору довести дѣло до конца, а не бросить на половинѣ.

Эта упорная борьба за дѣло, которое Бибиковъ справедливо признавалъ дѣломъ государственной важности, заслуживаетъ того, чтобы изложить ея ходъ въ подробностяхъ, нерѣдко весьма характерныхъ для той эпохи. Но, прежде чѣмъ перейти къ этому изложенію, необходимо хотя бы въ общихъ чертахъ припомнить исторію актовыхъ книгъ, коснуться ихъ судьбы въ эпоху русскаго господства въ Западномъ краѣ и отмѣтить тѣ исключительныя обстоятельства, благодаря которымъ онѣ сдѣлались предметомъ усиленнаго вниманія и заботъ со стороны правительства раньше, чѣмъ заинтересовались ими люди науки.

Излагая исторію учрежденія Кіевскаго Центральнаго Архива, мы тѣмъ самымъ даемъ готовую схему и для исторіи такихъ же архивовъ, существующихъ въ Вильнѣ и Витебскѣ, такъ какъ учрежденіе послѣднихъ было лишь примѣненіемъ къ Литвѣ и Бѣлоруссіи того самаго проекта, ка-

кой предложенъ былъ Бибиковымъ для Юго-Западнаго края. Точно такъ же происхожденіе и историческая судьба актовыхъ книгъ въ общихъ чертахъ были одинаковы во всѣхъ областяхъ, входившихъ въ составъ польско-литовскаго государства, и хотя въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду исключительно актовыя книги юго-западныхъ губерній, но то же самое, съ нѣкоторыми измѣненіями, можно примѣнить и къ актовымъ книгамъ Сѣверо-Западнаго края. [1]).

Вопросъ о происхожденіи актовыхъ книгъ тѣсно связанъ съ исторіей польско-литовскаго судоустройства. Еще въ первой половинѣ XIV ст. въ Польшѣ, не безъ участія иноземныхъ вліяній, былъ выработанъ тотъ типъ и строй судебныхъ учрежденій, который впослѣдствіи сдѣлался образцовымъ для Литовскаго государства и соединенныхъ съ нимъ русскихъ земель и областей. Въ основѣ этого строя лежало сословное начало: шляхтичи судились преимущественно въ такъ называемомъ *земскомъ* судѣ, членовъ котораго они сами же избирали изъ своей среды; мѣщане тѣхъ городовъ, которые имѣли Магдебургское право, подлежали также своему суду—*магистратскому*; для крестьянъ не существовало спеціальныхъ судовъ—ихъ судили помѣщики. Органомъ собственно правительственнаго суда были такъ называемые *гродскіе* суды, подъ предсѣдательствомъ старостъ, какъ намѣстниковъ королевскихъ. Первоначально имъ были подсудны лишь болѣе тяжкіе уголовные проступки, но съ теченіемъ времени сфера компетенціи судовъ гродскихъ и земскихъ все болѣе смѣшивалась, и уже въ XVI ст. это смѣшеніе достигло такихъ предѣловъ, что въ иныхъ случаяхъ даже опытные юристы не могли съ точностью опредѣлить, какому именно суду подсудно то или другое дѣло. При всѣхъ этихъ судебныхъ учрежденіяхъ ведены были особыя

[1]) Дальнѣйшее изложеніе о происхожденіи, составѣ и исторіи актовыхъ книгъ представляетъ сокращенный пересказъ нашего труда „Объ актовыхъ книгахъ“, помѣщеннаго въ трудахъ XI Археологич. Съѣзда. Тамъ приведены нами необходимыя ссылки и цитаты, которыя здѣсь, во избѣжаніе повтореній, опущены.

книги (acta), формы и образцы которыхъ несомнѣнно были заимствованы съ Запада. Первоначально сюда вписывались только судебныя рѣшенія, но впослѣдствіи для нихъ заведены были отдѣльныя книги, такъ называемыя *декретовыя*, а рядомъ съ ними существовали еще книги (или особыя части въ нихъ) *записовыя и поточныя*. Первыя имѣютъ нѣкоторую аналогію съ современными нотаріальными книгами; всякого рода договоры, соглашенія, обязательства личнаго или имущественнаго характера, чтобы получить силу безспорныхъ актовъ, должны были быть заявлены участниками передъ судомъ и внесены вь записовыя книги. Сюда же вписывались: королевскія жалованныя грамоты, постановленія сеймовъ, люстраціи королевскихъ имѣній и другіе подобнаго рода документы частнаго и общественнаго характера. Еще труднѣе опредѣлить съ точностью, въ немногихъ словахъ, содержаніе *поточныхъ* актовыхъ книгъ. Въ нихъ вносились: жалобы истцовъ или потерпѣвшихъ и возраженія отвѣтчиковъ, свидѣтельскія показанія, осмотры и удостовѣренія возныхъ, ихъ реляціи о врученіи позвовъ, наконецъ—всякого рода личныя и корпоративныя заявленія, протесты и сообщенія по самымъ разнообразнымъ поводамъ, случаямъ и надобностямъ. Доступъ къ актовымъ книгамъ былъ открытъ для всѣхъ и пріемъ заявленій облегченъ до крайней степени. По мѣрѣ развитія общественной и политической жизни въ Польско-Литовскомъ государствѣ, особенно съ половины XVI ст., когда здѣсь съ такою силою обнаружилось умственное и религіозное возбужденіе и всюду кипѣла борьба партій, вѣрованій, національныхъ, сословныхъ и экономическихъ интересовъ, актовыя книги становятся яркимъ отраженіемъ той бурной эпохи и до нѣкоторой степени какъ-бы выполняютъ то назначеніе, какое въ современной жизни имѣетъ печать: въ нихъ заносилось не только то; что могло имѣть какое-либо отношеніе къ судебнымъ искамъ и процессамъ или что слѣдовало, въ чьихъ-либо интересахъ, привести этимъ путемъ во всеобщую извѣстность или обезпечить отъ забвенья, но рѣшительно все, что кому-либо казалось важ-

нымъ, интереснымъ и достойнымъ храненія въ памяти грядущихъ поколѣній.

Таковы въ общихъ чертахъ характеръ и содержаніе актовыхъ книгъ, и совершенно понятно, почему наука придаетъ имъ такое важное значеніе, какъ историческимъ памятникамъ минувшей жизни. Для Западно - Русскаго края это значеніе еще усугубляется тѣмъ, что въ то время, когда въ Польшѣ актовымъ языкомъ исключительно признавалась латынь и лишь въ XVII в. рядомъ съ нею была допущена и польская рѣчь, въ Литовскомъ государствѣ всѣ актовыя книги писались западно-русскимъ языкомъ, и хотя въ 1569 г. Кіевское, Волынское и Брацлавское воеводства были присоединены къ Польшѣ, но это не измѣнило ни въ чемъ исконныхъ правъ мѣстнаго языка, и только въ XVIII ст. онъ въ силу обычая, уступилъ мѣсто въ судопроизводствѣ языку польскому. Отсюда вытекаетъ то важное преимущество западно-русскихъ актовъ, что, выраженные живою, природною для составителей, рѣчью, они отличаются несравненно большею жизненностью, чѣмъ тѣ же акты, облеченные въ мертвыя формы канцелярской латыни. Въ нашемъ Архивѣ лишь книги Каменецкаго и Летичевскаго судовъ писаны этою латынью, въ перемежку съ польскимъ языкомъ. Это произошло отъ того, что Подолье рано вошло въ составъ Польскаго королевства и здѣсь еще въ XV ст. было введено польское право и судопроизводство.

Въ Литовскомъ государствѣ земскіе суды, по образцу польскихъ, введены повсемѣстно лишь со времени 2-го изданія Лит. Статута, т. е. съ 1566 года; до того же времени въ каждомъ повѣтѣ существовали одни *замковыя* или старостинскіе суды, теперь переименованные въ гродскіе. Законодательное предписаніе относительно веденія актовыхъ книгъ въ замковыхъ судахъ впервые выражено въ Лит. Статутѣ 1529 года, но на дѣлѣ во многихъ мѣстахъ онѣ велись и раньше, по примѣру судовъ польскихъ ,а можетъ быть и въ силу мѣстной древне-русской традиціи. На территоріи нынѣшняго Юго-Западнаго края веденіе актовыхъ книгъ началось не од-

новременно, какъ неодновременно было учрежденіе здѣсь тѣхъ или иныхъ судовъ. Къ началу XVI ст. край этотъ состоялъ изъ трехъ воеводствъ: Кіевскаго, Волынскаго и Подольскаго, къ которымъ впослѣдствіи присоединено было, учрежденное въ 1566 году, воеводство Брацлавское. Подольское воеводство, какъ было уже упомянуто, принадлежало въ то время не къ Литвѣ, а къ Польшѣ, и въ Каменцѣ гродскіе и земскіе суды были открыты еще въ первой половинѣ XV ст.: но до насъ дошли актовыя книги Каменецкаго земскаго суда лишь съ 1521 года и магистратскія—съ 1520 г.: это—самыя древнія книги въ Кіевскомъ архивѣ: гродскія же Каменецкія книги уцѣлѣли только съ 1625 года. Изъ повѣтовыхъ городовъ Подольскаго воеводства только въ Летичевѣ существовали суды: гродскій—съ 1581 г. и земскій—съ 1641 г., но ихъ актовыя книги уцѣлѣли—гродскія съ 1663 г. и земскія съ 1721-го. Въ Волынскомъ воеводствѣ замковые (впослѣдствіи гродскіе), а съ 1566 года и земскіе суды были въ трехъ повѣтахъ: Луцкомъ, Кременецкомъ и Владимирскомъ. Въ Луцкѣ актовыя книги несомнѣнно велись уже въ 1520 г., какъ это доказываютъ отдѣльныя выписи изъ нихъ, сохранившіяся съ того времени [1]), но самыя книги уцѣлѣли лишь съ 1558 г. Въ Кременцѣ и Владимирѣ замковыя книги должны были вестись, по крайней мѣрѣ, съ 1529 года, когда это было предписано Лит. Статутомъ: но Кременецкія книги сохранились (и то въ крайне испорченномъ видѣ) лишь съ 1542 г., а Владимирская—съ 1566 г., хотя документальныя выписи изъ послѣднихъ книгъ извѣстны съ 1541 г. Въ Кіевѣ и въ одномъ изъ повѣтовыхъ городовъ его воеводства—въ Житомирѣ актовыя книги несомнѣнно были ведены еще въ первой половинѣ XVI ст. [2]), но Кіевскія книги погибли почти

[1]) Подтвердающія это ссылки см. въ нашемъ рефератѣ объ актовыхъ книгахъ въ Трудахъ XI Археологич. Съѣзда.

[2]) Относительно Кіева имѣются документальныя свидѣтельства, что здѣсь еще въ XV ст. велись замковыя книги, погибшія въ 1482 г. при пожарѣ Кіевскаго замка, во время Менглигиреева разоренія. Подробности объ этомъ—въ нашемъ трудѣ „Объ актовыхъ книгахъ", помѣщенномъ въ Трудахъ XI Археологич. Съѣзда.

безъ остатка, а Житомирскія несполна сохранились лишь съ 1581 г. Третій гродъ въ Кіевскомъ воеводствѣ—въ Овручѣ былъ открытъ въ 1566 г., но его актовыя книги дошли до насъ несполна лишь съ 1678 года. Брацлавское воеводство, какъ мы упомянули, было учреждено лишь въ 1566 году; скоро послѣ того въ Брацлавѣ открыты были гродскій и земскій суды, но въ 1598 г., по причинѣ частыхъ набѣговъ татарскихъ, переведены въ Винницу, которая съ тѣхъ поръ стала считаться какъ бы столицей воеводства. Актовыя книги этого воеводства дошли до насъ лишь съ 1639 года.

Кромѣ гродскихъ и земскихъ урядовъ, актовыя книги были введены и во многихъ другихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Ихъ вели, напримѣръ, старосты королевскихъ не повѣтовыхъ, замковъ какими были въ Кіевскомъ воеводствѣ замки: въ Любечѣ, Острѣ, Чернобылѣ, Каневѣ, Черкасахъ, и др. Подражая имъ, вели свои актовыя книги и владѣльцы частныхъ замковъ, юрисдикціи которыхъ подлежали значительныя районы, населенныя ихъ подданными: такъ мы имѣемъ множество документальныхъ выписей XVI—XVII вв. изъ „Острожскихъ замковыхъ книгъ", изъ „книгъ Рахмановскаго замка" князей Вишневецкихъ, Корецкаго замка князей Корецкихъ, Муравицкаго замка Ходковичей, Константиновскаго, Степанскаго, Ровенскаго замковъ кн. Острожскихъ и др. Подкоморіи, разбиравшіе на мѣстѣ межевые споры и недоразумѣнія, также имѣли особыя книги для записи своихъ рѣшеній; ключники, завѣдывавшіе королевскими имѣніями и судившіе жившихъ тамъ крестьянъ, евреевъ и др., вели свои особыя, ключевыя книги. Въ городахъ, пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ, велись магистратскія книги, а въ частно-владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ—книги *мѣстскія* или ратушныя. При каѳедрахъ митрополита и епархіальныхъ епископовъ, какъ православныхъ и уніатскихъ, такъ равно и католическихъ, съ древнихъ временъ велись акты или книги *духовныя*, куда заносились жалобы, позвы и декреты по всѣмъ дѣламъ, подлежавшимъ вѣдѣнію духовнаго суда, и достойно замѣчанія

что, судя по сохранившимся выписямъ первой половины XVI ст., такія книги, даже при каѳедрахъ католическихъ бискуповъ, велись на западно-русскомъ языкѣ. Точно такія же книги „судовъ духовныхъ“ введены были въ XVI--XVII вв. при нѣкоторыхъ монастыряхъ, напримѣръ, Кіевопечерскомъ. Наконецъ, имѣются указанія на то, что и южно-русскія церковныя братства вели свои актовыя книги для записи рѣшеній по возникавшимъ между братчиками спорамъ и проступкамъ.

Къ сожалѣнію, почти всѣ перечисленныя книги (за исключеніемъ магистратскихъ, ратушныхъ и отчасти подкоморскихъ) погибли безъ остатка, и только случайно сохранившіяся оффиціальныя *выписи* изъ нихъ служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что такія книги дѣйствительно существовали.

Если таже печальная участь не постигла всецѣло и акты правительственныхъ судовъ — земскихъ и гродскихъ, то это надо приписать лишь тѣмъ исключительнымъ мѣрамъ и заботамъ объ ихъ сохранности, какія во всѣ времена были проявляемы какъ со стороны правительства, такъ равно и со стороны мѣстнаго дворянства. Съ древнихъ временъ существовалъ законъ, предписывающій, чтобы актовыя книги за истекшіе годы хранились подъ тремя замками, ключи отъ которыхъ должны находиться у воеводы или старосты, судьи и писаря. Ихъ открывали только въ извѣстные сроки, во время судебныхъ „роковъ“ (сессій), и лишь въ это время частныя лица могли дѣлать въ нихъ розыски нужныхъ имъ документовъ и получать изъ нихъ формальныя выписи. Для храненія актовыхъ книгъ воеводы и старосты обязывались отвести, а если было нужно, то и нарочно выстроить особыя безопасныя отъ огня и воды помѣщенія, на что могъ быть назначенъ особый земскій налогъ. Въ южно-русскихъ воеводствахъ такія помѣщенія отводились или въ замкахъ, если они были каменные (въ Луцкѣ, Кременцѣ), или --если замки были деревянные,—въ каѳедральныхъ католическихъ или православныхъ, но непремѣнно ка-

менныхъ, храмахъ, какъ то было въ Кіевѣ, Овручѣ, Владимирѣ и др. Все дворянское населеніе данной области, отъ высшихъ сановниковъ и до послѣдняго шляхтича, очень дорожило актовыми книгами своего повѣта и воеводства, потому что (какъ оно всегда выражалось) „въ нихъ содержатся права, вольности, гоноры и субстанціи наши", и поэтому весьма ревниво заботилось объ ихъ сохранности. Рѣдкій провинціальный сеймикъ проходилъ безъ того, чтобы дворяне не подняли вопроса о томъ, въ должной ли сохранности находятся мѣстные акты, не подвергаются ли они порчѣ отъ сырости, не слѣдуетъ ли болѣе древніе изъ нихъ переписать, обревизовать и т. под., и почти каждое десятилѣтіе назначались спеціальныя коммисіи для ревизіи и повѣрки актовыхъ книгъ, а иногда и для ихъ переписки. Такъ въ первой половинѣ XVII ст. были вновь переписаны старыя Кіевскія земскія книги, Брацлавскія гродскія и подкоморскія и др.

Въ эпоху народнаго возстанія при Хмельницкомъ актовымъ книгамъ угрожала опасность полнаго истребленія. Извѣстно, какъ козаки, грабя и истребляя панскіе замки, разводили костры изъ дорогой мебели и на нихъ жгли отысканные въ фамильныхъ архивахъ грамоты, привилегіи и всякого рода munimenta, руководствуясь при этомъ тѣми же соображеніями, по какимъ дворяне заботливо хранили свои документы, именно—что въ нихъ заключалась охрана шляхетскихъ правъ, вольностей, гоноровъ и субстанцій. Правда, къ правительственнымъ актовымъ книгамъ козаки, сверхъ ожиданія, отнеслись гораздо милостивѣе, чѣмъ можно было надѣяться; они ихъ почти не трогали. Тѣмъ не менѣе десятилѣтіе войнъ Хмельницкаго слѣдуетъ признать печальной эпохой въ исторіи мѣстной археографіи,—эпохой, ознаменнованной гибелью не только безчисленнаго множества фамильныхъ архивовъ, но и огромной массы актовыхъ книгъ, погибшихъ если не прямо отъ рукъ козацкихъ, то ставшихъ жертвою пожаровъ. Такъ, въ августѣ 1651 года, гетманъ Радзивиллъ временно овладѣлъ Кіевомъ, весь почти Подолъ

былъ преданъ огню, и въ это время сгорѣла Соборная Успенская церковь и сохранявшіяся въ ней Кіевскія актовыя книги и множество подлинныхъ грамотъ древнихъ князей русскихъ и литовскихъ. Въ ту же печальную эпоху погибли безъ остатка актовыя книги Брацлавскія, Винницкія, Овручскія, значительная часть Житомирскихъ и подверглись порчѣ книги Кременецкія.

Когда военная гроза миновала; гродскіе и земскіе уряды возвратились къ прерваннымъ занятіямъ, собрали и привели въ порядокъ „пошарпанныя" книги и снова стали бережно хранить старыя и накоплять новыя. Но вообще вторая пололовина XVII ст. была эпохой безпрерывныхъ бѣдствій и потерь для актовыхъ книгъ. Въ 1684 г. въ Овручѣ сгорѣлъ уніатскій монастырь, и погибли хранившіяся въ немъ гродаскія книги. Эпоха такъ называемой Руины, когда воеводства Кіевское, Брацлавское и Подольское долго служили ареною военныхъ ужасовъ, завершившихся запустѣніемъ цвѣтущаго края и завоеваніемъ турками Каменца, также ознаменована гибелью актовыхъ книгъ: Летичевскихъ, Винницкихъ, отчасти Каменецкихъ и книгъ Барскаго замка.

За то XVIII столѣтіе было самымъ благопріятнымъ періодомъ въ исторіи актовыхъ книгъ, и отъ этого вѣка онѣ уцѣлѣли почти въ полной цѣлости. Гайдамацкое движеніе мало касалось тѣхъ городовъ, гдѣ находились гродскіе и земскіе суды. Потери, конечно, никогда не прекращались, но книги всегда умѣли уберечь отъ нихъ.

Наступила эпоха раздѣловъ Рѣчи-посполитой. Юго-западный край вошелъ въ составъ Россійской имперіи. Вмѣсто прежняго дѣленія его на воеводства и повѣты, онъ былъ раздѣленъ на губерніи и уѣзды. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ дѣйствія Лит. Статута, старинные гродскіе и земскіе суды были закрыты, а вмѣсто нихъ учреждены по всѣмъ уѣзднымъ городамъ уѣздные суды, а въ губернскихъ—уголовныя и гражданскія палаты. Но черезъ годъ скончалась императрица Екатерина, не успѣвъ ввести въ западно-русскихъ губерніяхъ русскаго судопроизводства, а императоръ Павелъ I

тотчасъ возстановилъ здѣсь дѣйствіе Лит. Статута. Его преемникъ пошелъ еще дальше по пути возстановленія въ Западномъ краѣ прежняго польскаго управленія и предоставилъ мѣстному дворянству право выбора изъ своей среды судей и другихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ, хотя гроды и земства не были возстановлены, но уѣздные суды, съ выборными изъ среды шляхетства судьми, ничѣмъ въ сущности не отличались отъ прежнихъ земскихъ судовъ, а уголовныя и гражданскія палаты напоминали старые трибуналы. Главное же—остались безъ измѣненія прежніе порядки и формы судебнаго дѣлопроизводства, узаконенные Лит. Статутомъ,—и новые уѣздные суды продолжали накоплять все тѣ же записовыя, поточныя и декретовыя книги, по извѣчнымъ формамъ и по прежнему на польскомъ языкѣ. Такъ образовался, начиная съ 1797 года, многочисленный отдѣлъ „земскихъ" актовыхъ книгъ разныхъ уѣздныхъ судовъ, по формѣ, языку и содержанію ничѣмъ не отличающихся отъ актовыхъ книгъ прежнихъ земскихъ судовъ XVIII ст. Уже въ силу этого старыя актовыя книги сохраняли прежнее значеніе securitatis bonorum et honorum дворянскаго сословія, и обязанность ихъ охраны была возложена на уѣздные суды тѣхъ городовъ, гдѣ прежде существовали гроды и земства. Впрочемъ, русское правительство долгое время не проявляло никакой заботливости объ этихъ книгахъ, и можно было опасаться, что, съ отмѣною Лит. Статута и введеніемъ въ западныхъ губерніяхъ общихъ законовъ и учрежденій, этимъ драгоцѣннымъ историческимъ матеріаламъ угрожала обычная у насъ участь старыхъ архивныхъ дѣлъ, т. е. постепенное уничтоженіе, какъ ни на что негоднаго хлама. Но съ актовыми книгами произошла особая исторія, благодаря которой на нихъ, хотя и не совсѣмъ въ пору, было обращено вниманіе правительства.

Дѣло въ томъ, что русское правительство временъ императоровъ Павла I и Александра I, согласно политическимъ и національнымъ понятіямъ, господствовавшимъ въ то время и въ самой Россіи, не только оставило въ Западномъ

краѣ неприкосновеннымъ тотъ общественный строй, какой былъ выработанъ здѣсь въ періодъ польскаго господства, но по странному недоразумѣнію, трактуя этотъ искони русскій край, какъ край *польскій*, предоставило мѣстному, почти сплошь польскому или ополяченному дворянству такія права и преимущества, какими оно фактически не пользовалось и во времена польскаго господства. Въ прежнія времена доступъ въ это привилегированное сословіе былъ весьма труденъ: только сеймъ могъ даровать шляхетское достоинство за какія-нибудь выдающіяся заслуги, и сами шляхтичи ревниво оберегали свою среду отъ вторженія въ нее недостойныхъ и самозванцевъ. Теперь не то: *шляхтичъ* и *полякъ* сдѣлались синонимами, и потому размноженіе шляхетства вполнѣ совпало съ политическими стремленіями къ возстановленію Польши. Справедливо удтверждаютъ, что первыя тридцать лѣтъ русскаго господства въ Западномъ краѣ были періодомъ крайняго усиленія здѣсь польскаго элемента и небывалаго размноженія шляхетскаго сословія въ видѣ многочисленной безпомѣстной шляхты. Дѣло доходило до того, что всякій, кто только былъ католикомъ и считалъ себя полякомъ, хлопоталъ о признаніи его рода въ правахъ дворянства, а сколько-нибудь богатый помѣщикъ претендовалъ на графскій титулъ. Но спрашивается: на чемъ же основывались эти странныя претензіи, и неужели депутатскія собранія и департаментъ герольдіи не требовали отъ претендентовъ документальныхъ доказательствъ ихъ правъ на гербы и титулы? Конечно требовали: но не было ничего легче, какъ добыть такія доказательства и при томъ за недорогую цѣну: въ любомъ изъ городовъ, въ которыхъ находились архивы съ актовыми книгами, можно было пріискать мастера, который за извѣстное вознагражденіе брался сфабриковать какой угодно документъ, доказывающій происхожденіе заказчика хотя бы отъ потомковъ самого Гедимина. Для этого не требовали большого палеографическаго искусства; вѣдь для представленія въ герольдію нуженъ былъ не подлинный документъ а лишь оффиціальная выпись его изъ актовыхъ книгъ, формально посви-

дѣтельствованная уѣзднымъ судомъ, въ вѣдѣніи котораго находились данныя книги. Слѣдовательно, фальсификаторамъ нужно было лишь позаботиться о томъ, чтобы въ самой книгѣ находился текстъ требуемаго документа; а это было такъ не трудно сдѣлать, при небрежномъ храненіи книгъ, продажности канцелярскихъ чиновниковъ и потворствѣ членовъ суда. Способы фальсификаціи актовъ бывали различны: пользовались случайными пробѣлами въ актовыхъ книгахъ и вписывали туда, что хотѣли; стирали собственныя имена въ подлинныхъ актахъ и ставили на мѣсто ихъ другія; наконецъ, вставляли въ книги новые листы или даже цѣлыя тетради съ подложными документами. Въ большинствѣ случаевъ подлоги (сколько намъ ихъ приходилось видѣть) сдѣланы настолько грубо, что опытный глазъ сразу же замѣчаетъ ихъ; но иногда встрѣчается и такое артистическое исполненіе, что только при внимательномъ разсмотрѣніи текста какая-нибудь хронологическая или иная несообразность можетъ обнаружить подлогъ. Конечно, фальсификаторы почти исключительно оперировали надъ книгами XVIII ст., языкъ и почеркъ коихъ ближе къ современному, и почти не касались книгъ болѣе древнихъ, гдѣ подлогъ несравненно труднѣе въ техническомъ отношеніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти злоупотребленія не были тайной въ мѣстахъ, гдѣ они совершались, но правительство долгое время не вѣдало о нихъ или не придавало имъ важнаго значенія. Лишь послѣ мятежа 1830—31 г.г., когда выяснилось, что едвали не каждое конфискованное у мятежниковъ имѣніе оказывалось якобы законною собственностью ихъ родственниковъ и пріятелей, въ подтвержденіе чего представлялись явно подложныя выписи изъ актовыхъ книгъ,—было, наконецъ, обращено вниманіе на эти злоупотребленія и произведены строгія разслѣдованія, повлекшія за собою ссылку въ Сибирь цѣлой шайки непризванныхъ палеографовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, добытыя слѣдствіемъ данныя привели къ убѣжденію, что для устраненія обнаруженнаго зла необходимо обревизовать всѣ хранящіяся въ запад-

ныхъ губерніяхъ актовыя книги и принять мѣры къ болѣе тщательной ихъ охранѣ и предупрежденію возможности подлоговъ. Въ этихъ видахъ въ декабрѣ 1833 года, по Высочайшему повелѣнію, образованы были особыя коммиссіи: одна для литовскихъ губерній, другая для Бѣлоруссіи и третья для Юго-Западнаго края. Коммиссіи эти состояли изъ чиновниковъ министерства внутр. дѣлъ, юстиціи и корпуса жандармовъ, съ прикомандированіемъ къ нимъ губернскихъ стряпчихъ. Онѣ обязаны были провѣрить хранившіяся въ архивахъ присутств. мѣстъ актовыя книги, составить имъ точные реестры, перенумеровать въ нихъ листы, перечертить пробѣлы, прошнуровать каждую книгу съ приложеніемъ именныхъ печатей всѣхъ членовъ и скрѣпить ихъ подписями. Этимъ имѣлось въ виду устранить обычные способы фальсификаціи: пользованіе пробѣлами, вырываніе листовъ и вставку новыхъ. Въ 1835 году всѣ три коммиссіи окончили возложенное на нихъ порученіе, но, какъ скоро было обнаружено, исполнили его набрежно: нѣкоторыя книги остались не просмотрѣнными, другія—не пронумерованными и т. под.; главное же—оказалось, что предпринятая мѣра не достигала своей цѣли: подлоги продолжались по прежнему, для чего срывались въ книгахъ печати или вынимались изъ-подъ нихъ шнуры и послѣ вставки подложныхъ листовъ вставлялись вновь, или же просто поддѣлывались печати. Въ виду этого, 3 ноября 1842 г. состоялось Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ о новой повѣркѣ актовыхъ книгъ посредствомъ *уѣздныхъ* коммиссій составленныхъ изъ предводителей дворянста, членовъ уѣзднаго суда и стряпчихъ, съ прикомандированіемъ къ нимъ одного изъ губернскихъ стряпчихъ, но непремѣнно такого, который не участвовалъ въ прежнихъ коммиссіяхъ. По инструкціи, на новыя коммиссіи возлагалось несравненно болѣе сложное и трудное порученіе: онѣ обязаны были „пересмотрѣть со всею тщательностію актовыя книги, составить для каждой особую опись съ обозначеніемъ номера каждаго документа по порядку, краткаго содержанія его, года, мѣ-

сяца и числа, когда оный состоялся, а также когда внесенъ въ книгу, и, сверхъ того, съ отмѣткою въ особой графѣ: признается ли документъ несомнительнымъ или подлежащимъ сомнѣнію, и почему именно?"

Нѣтъ нужды объяснять, что эта инструкція осталась совершенно невыполненною,—да и не могло быть иначе, такъ какъ она рѣшительно не соотвѣствовала силамъ и компетенціи исполнителей. Тѣмъ не менѣе уѣздныя коммиссіи по повѣркѣ актовыхъ книгъ просуществовали въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ цѣлый десятокъ лѣтъ, и если ихъ хлопотливая дѣятельность представляетъ какой-либо интересъ, то единственно—какъ любопытный эпизодъ изъ эпохи крайняго развитія у насъ бюрократизма, когда господствовало убѣжденіе, что чиновничье усердіе можетъ все превозмочь. Просматривая громадные фоліанты „дѣлъ", оставшихся въ наслѣдіе отъ этихъ коммиссій, невольно думаешь: какимъ богатымъ матеріаломъ могли бы послужить они въ рукахъ талантливаго бытописателя, который пожелалъ бы изобразить картину нравовъ, понятій, обычаевъ и привычекъ чиновничьей среды нашихъ окраинъ въ 1840-хъ годахъ! Въ самомъ дѣлѣ, представишь себѣ благодушныя фигуры тогдашнихъ чиновниковъ какого-нибудь Овруча, Винницы, Летичева, Кременца, которымъ вдругъ строжайше вмѣняется въ неукоснительную обязанность со всею тщательностью просмотрѣть нѣсколько сотъ (а кое-гдѣ и тысячъ) актовыхъ книгъ XVI--XVIII ст., писанныхъ стариннымъ почеркомъ на древнемъ западно-русскомъ, польскомъ, латинскомъ, а въ Каменцѣ, сверхъ того, и на армянскомъ языкахъ, составить подробныя имъ описи, изложить содержаніе каждаго документа и дать мотивированное заключеніе о его подлинности или сомнительности! При этомъ надо еще помнить, что въ распоряженіе повѣрочныхъ коммиссій не дано ни переводчиковъ, ни писцовъ, ни денежныхъ средствъ, и въ то же время члены этихъ коммиссій должны были исполнять и свои прямыя обязанности. А со стороны высшаго начальства то и дѣло получаются строжайшія предписанія:

принять всѣ мѣры къ найскорѣйшему окончанію дѣла, поставить на видъ коммиссіямъ ихъ нерачительность въ исполненіи Высочайшаго повелѣнія, потребовать отъ нихъ представленія ежемѣсячныхъ, а затѣмъ и еженедѣльныхъ рапортовъ о числѣ просмотрѣнныхъ ими книгъ и т. под. Что оставалось дѣлать бѣднымъ чиновникамъ? Они со всѣхъ концовъ доносятъ начальству о своихъ нуждахъ и немощахъ, жалуются, что у нихъ оказались книги на какихъ-то „неизвѣстныхъ языкахъ—не то турецкомъ, не то еврейскомъ", просятъ командировать переводчиковъ, писцовъ, отвести помѣщеніе, ассигновать суммы на отопленіе и освѣщеніе, на наемъ сторожей, на канцелярскіе матеріалы; а изъ министерства получается на это одинъ неизмѣнный отвѣтъ: можно обойтись мѣстными средствами--усердіе все превозмогаетъ. Тогда коммиссіи, чтобы показать свое рвеніе, подымаютъ бумажную кутерьму: онѣ безъ устали и безъ разбору бомбардируютъ всѣ присутственныя мѣста и учрежденія требованіями—неукоснительно представить для ревизіи рѣшительно всѣ акты и даже дѣла, до входящихъ и исходящихъ реестровъ включительно, командировать столько-то переводчиковъ, писцовъ, прислать столько-то стопъ сѣрой и бѣлой бумаги, столько-то ведеръ чернилъ, столько-то пудовъ сальныхъ свѣчей, перьевъ, сургуча и проч. Присутственныя мѣста, разумѣется, энергично протестуютъ противъ этихъ требованій. Болѣе важныя и солидныя учрежденія, напримѣръ, казенныя палаты, духовныя консисторіи, дворянскія депутатскія собранія, приходятъ прямо въ негодованіе: какъ смѣютъ какія-то уѣздныя повѣрочныя коммиссіи обращаться къ нимъ съ подобными требованіями! Со всѣхъ сторонъ летятъ къ высшему начальству протесты, жалобы, представленія. Высшая мѣстная власть, въ лицѣ генералъ-губернатора, сама затрудняется, по неясности и недостаточности инструкцій, умиротворить эти бурныя пререканія. Путемъ продолжительной переписки съ министерствами кое-какъ устанавливаются наконецъ опредѣленныя положенія о томъ, какіе именно акты подлежатъ повѣркѣ, какія учрежденія и

мѣста обязаны командировать въ распоряженіи повѣрочныхъ коммиссій своихъ переводчиковъ, писцовъ и сторожей, доставлять бумагу, чернила, свѣчи и т. под. А тѣмъ временемъ всплыли наружу совершенно неожиданные факты: оказалось, что, пока происходила вся эта кутерьма, прикомандированные для занятій въ повѣрочныя коммиссіи съ разныхъ мѣстъ писцы и другіе чиновники, пользуясь безпорядочныхъ храненіемъ въ коммиссіяхъ актовыхъ книгъ, которыя выдавались имъ даже на домъ, преспокойно занялись фальсификаціей актовъ и даже самыхъ книгъ. Эти злоупотребленія были обнаружены и въ нашемъ краѣ (въ Житомірѣ), но въ особенности ихъ много оказалось въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Министерство усмотрѣло одну изъ причинъ такихъ злоупотребленій въ медленности дѣйствій повѣрочныхъ коммиссій и предписало привести въ извѣстность, что ими уже сдѣлано и что еще остается сдѣлать. Оказалось—ровно ничего не сдѣлано: накоплены цѣлыя груды безполезной переписки, а къ составленію описей и не приступали. Тутъ только со всею очевидностью выяснилось, что, при всемъ рвеніи членовъ коммиссій, иначе и быть не могло, потому что возложенное на нихъ порученіе превышало ихъ силы и способности.

Къ чести Д. Г. Бибикова, какъ человѣка необыкновенно умнаго, надо сказать, что онъ съ самаго начала не придавалъ актовымъ повѣрочнымъ каммиссіямъ серьезнаго значенія и въ своихъ представленіяхъ министрамъ неоднократно проводилъ мысль, что онѣ не въ состояніи исполнить порученное имъ дѣло. Въ первое время онъ не могъ лишь придумать, чѣмъ ихъ замѣнить; но когда Кіевская археографическая коммиссія все настойчивѣе стала указывать на неотложную необходимость собрать актовыя книги югозападныхъ губерній въ одно центральное хранилище и тѣмъ спасти эти драгоцѣнные историческіе памятники отъ угрожающей имъ гибели, то идея учрежденія Центральнаго архива представилась ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, и какъ превосходная мѣра къ выходу изъ той кутерьмы, какую породили въ цѣломъ

краѣ пресловутыя повѣрочныя коммиссіи. Нужно лишь было выждать время, когда правительство окончательно убѣдится въ томъ, что отъ повѣрочныхъ коммиссій нельзя ожидать никакой пользы. Такой моментъ, казалось, наступилъ въ 1849 году, когда со времени открытія этихъ коммиссій миновало уже шесть лѣтъ, а онѣ все еще лишь собирались приступить къ исполненію порученнаго имъ дѣла. Считая этотъ моментъ благопріятнымъ для возбужденія ходатайства объ учрежденіи въ Кіевѣ Центральнаго архива, Бибиковъ поручилъ управляемой имъ Коммиссіи представить ему подробныя соображенія по этому предмету, результатомъ чего явилась слѣдующая докладная записка, составленная главнымъ тогда дѣятелемъ Коммиссіи, профессоромъ Н. Д. Иванишевымъ:

„Актовыя книги западныхъ губерній (земскія и гродскія) имѣютъ двоякую важность: онѣ заключаютъ въ себѣ документы дворянскихъ родовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ служить богатѣйшимъ матеріаломъ для отечественной исторіи. Въ актовыя книги вносились правительственныя распоряженія и частныя сдѣлки дворянъ. Каждое важное событіе обозначалось въ этихъ книгахъ съ подробностями, какихъ нельзя найти ни въ одной лѣтописи. Жизнь частная и общественная, измѣненія въ государственномъ устройствѣ, набѣги татаръ, постепенное образованіе казачества, промышленный бытъ городовъ и селеній, наконецъ религіозныя смуты, сопровождавшія введеніе уніи—изображаются въ актовыхъ книгахъ съ изумительною наглядностью. Иногда записывались въ книги даже физическія явленія, поражавшія современниковъ своею необычайностью.

„Храненіе актовыхъ книгъ и пользованіе ими до сихъ поръ соединено съ важными неудобствами: 1) книги хранятся въ архивахъ уѣздныхъ или губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ не всегда можетъ быть назначено для нихъ удобное и безопасное помѣщеніе; отъ этого многія актовыя книги частію сгнили, частію истреблены пожаромъ, 2) Разрозненность актовыхъ книгъ, разсѣянныхъ по уѣзднымъ го-

родамъ трехъ губерній, весьма затрудняетъ дворянъ при отыскиваніи фамильныхъ документовъ. Книги актовыя назначались не для одного уѣзда или воеводства; напротивъ того, обывателямъ одного уѣзда или воеводства дозволялось вносить акты въ книги другихъ воеводствъ: поэтому, чтобы собрать фамильные документы дворяне принуждены бываютъ разъѣзжать по уѣзднымъ городамъ всѣхъ трехъ губерній. Это неудобство еще болѣе тягостно для лицъ, занимающихся собраніемъ матеріаловъ для отечественной исторіи. Въ западныхъ губерніяхъ съ древнихъ временъ учреждались города и мѣстечки на правѣ Магдебургскомъ; такихъ городовъ и мѣстечекъ въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ было болѣе ста. Мѣщане, пользовавшіеся правомъ Магдебургскимъ, вели актовыя, такъ называемыя *мѣстскія*, книги. Этотъ весьма важный для исторіи и статистики матеріалъ остается до сихъ поръ неизслѣдованнымъ. По городамъ мѣстскія книги хранятся въ архивахъ магистратовъ и ратушъ, а по мѣстечкамъ онѣ сберегаются иногда въ обывательскихъ домахъ, по недостатку лучшаго помѣщенія.

„Чтобы устранить означенныя выше неудобства, полезно было бы учредить въ Кіевѣ, при Кіевскомъ военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ, центральный архивъ для храненія актовыхъ книгъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, назначивъ на содержаніе онаго изъ земскихъ сборовъ нужную сумму. Въ центральный архивъ должны быть вытребованы: 1) актовыя книги по 1799 г., хранящіяся въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, по повѣркѣ ихъ особыми коммиссіями, учрежденными на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ 1842 года, 3-го ноября; 2) книги мѣстскія, веденныя мѣщанами городовъ и мѣстечекъ на основаніи права Магдебургскаго; 3) всѣ вообще древніе акты, въ которыхъ не предвидится для присутственныхъ мѣстъ никакой надобности.

„Центральному архиву вмѣняется въ обязанность: а) хранить актовыя книги въ цѣлости; б) составить имъ подроб-

ный каталогъ; в) выдавать засвидѣтельствованныя копіи по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ. Для управленія дѣлами центральнаго архива и для засвидѣтельствованія выдаваемыхъ изъ архива копій назначается начальникъ архива, и для письмоводства два канцелярскихъ чиновника. Сумма, назначенная по штату на жалованье чиновникамъ и на содержаніе архива, обращается на счетъ земскихъ сборовъ съ дворянскихъ имѣній Кіевской, Подольской и Волынской губерній.“

Въ тоже самое время Бибиковымъ разосланы были губернаторамъ Юго-Западнаго края требованія—представить ему „сколь возможно поспѣшнѣе“ опредѣлительныя и точныя свѣдѣнія: сколько именно въ каждомъ изъ присутственныхъ мѣстъ въ ихъ губерніяхъ хранится актовыхъ книгъ—гродскихъ, земскихъ и мѣстскихъ и вообще всякого рода древнихъ актовъ включительно по 1799-й годъ, встрѣчается ли въ нихъ надобность по текущимъ дѣламъ и какъ часто требуются справки или выписки изъ актовыхъ книгъ XVIII и предыдущихъ столѣтій. А къ помощнику попечителя Кіевскаго учебнаго округа М. В. Юзефовичу былъ посланъ конфиденціально запросъ: „Для нѣкоторыхъ соображеній находя нужнымъ имѣть свѣдѣніе: можно ли имѣть въ зданіяхъ Университета св. Владиміра удобное помѣщеніе для храненія древнихъ актовыхъ книгъ, число коихъ простираться будетъ приблизительно отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ экземпляровъ, я покорнѣйше прошу ваше высокородіе сообщить мнѣ это свѣдѣніе въ возможной скорости съ присовокупленіемъ, кому изъ чиновниковъ Университета, по мнѣнію вашему, могло бы быть поручено завѣдываніе архивомъ, который составится изъ означенныхъ актовыхъ книгъ, съ тѣмъ чтобы чиновникъ этотъ содержалъ ихъ всегда въ надлежащемъ порядкѣ и дѣлалъ въ случаѣ надобности оффиціальныя изъ тѣхъ же книгъ справки и выписки.“ Юзефовичъ отвѣчалъ, что для помѣщенія архива древнихъ актовъ въ зданіи Университета можетъ быть безъ затрудненія отведено удобное мѣсто. Можно отвести для этой цѣли въ 3-мъ этажѣ кор-

ридоръ, идущій вдоль библіотеки, или же въ 1-мъ этажѣ комнаты съ каменными сводами, занимаемыя помощникомъ инспектора студентовъ Троцкимъ-Сонютовичемъ, не состоящимъ при институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ и потому неимѣющимъ особенной надобности жить въ самомъ зданіи Университета. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ помѣщеніи, весьма легко могутъ помѣстится до 3-хъ тысячъ книгъ большаго формата. Для завѣдыванія этимъ архивомъ было бы полезно назначить особаго чиновника, съ званіемъ архиваріуса, который бы былъ знакомъ съ почеркомъ и языкомъ древнихъ актовъ и могъ бы составить имъ подробный каталогъ и производить нужныя выписи. Архивъ этотъ, по мнѣнію М. В. Юзефовича, слѣдовало бы подчинить вѣдѣнію университеткаго правленія, представивъ ему посвидѣтельствованіе справочныхъ копій на томъ же основаніи, на какомъ правленіе и теперь выдаетъ оффиціальныя выписи изъ состоящихъ при Университетѣ архивовъ: бывшаго Волынскаго лицея и Виленскаго университета. Мысль эта, видимо, была одобрена генералъ-губернаторомъ, потому что вслѣдъ за тѣмъ онъ потребовалъ отъ канцеляріи университетскаго Совѣта сообщить ему: какое получаютъ содержанія библіотекарь и его помощники, въ какихъ классахъ состоятъ они по должностямъ, мундиру и пенсіи, и если есть при библіотекѣ писцы, то какое и они получаютъ жалованье. Такимъ чисто случайнымъ образомъ уже въ ту пору было предрѣшено то самое положеніе центральныхъ архивовъ, въ какомъ онѣ и существуютъ и въ настоящее время.

Не дождавшись присылки затребованныхъ отъ губернаторовъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ актовыхъ книгъ и документовъ, подлежащихъ сдачѣ для храненія въ центральный архивъ, по поводу чего губернаторамъ были сдѣланы повторительныя напоминанія,—Д. Г. Бибиковъ въ декабрѣ 1849 г. отправился въ Петербургъ и съ свойственною ему рѣшительностью, минуя всѣ посредствующія инстанціи, вошелъ (9 янв. 1850 г.) лично къ Государю Николаю Павловичу со всеподданнѣйшимъ докладомъ слѣдующаго содержанія:

„По Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію учреждена при Кіевскомъ военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ особая временная Коммиссія для разбора древнихъ актовъ, и изслѣдованіями ея открыто, что актовыя книги западныхъ губерній за прошедшія столѣтія, такъ называемыя—гродскія, земскія и мѣстскія, по исключительному содержанію своему, составляютъ единственный въ своемъ родѣ и богатый матеріалъ для отечественной исторіи, заключая въ себѣ сверхъ того частныя сдѣлки дворянъ и документы дворянскихъ родовъ.

„Въ 1834 г. учреждены были коммиссіи изъ особыхъ чиновниковъ для повѣрки актовыхъ книгъ, и хотя они окончили сдѣланное имъ порученіе, но неудовлетворительно, потому что послѣ ихъ повѣрки снова открыты были прежніе безпорядки и подлоги въ тѣхъ книгахъ, и вслѣдствіе сего въ 1842 г. учреждены новыя коммиссіи отдѣльно въ каждомъ уѣздѣ изъ мѣстныхъ чиновниковъ, которые, будучи постоянно заняты дѣлами, относящимися къ должностямъ ихъ, до сего времени не исполнили даннаго имъ порученія и едвали могутъ исполнить его, по неимѣнію необходимыхъ для того спеціальныхъ свѣдѣній. Сверхъ того, допуская даже предположеніе, что дѣло означенныхъ коммиссій будетъ окончено, нельзя быть увѣреннымъ въ прекращеніи съ тѣхъ поръ подлоговъ и безпорядковъ по актовымъ книгамъ, если онѣ будутъ храниться, какъ и до настоящаго времени, разрозненными по городамъ и мѣстечкамъ, въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ не всегда можетъ быть назначено для нихъ удобное и безопасное помѣщеніе, отъ чего нѣкоторыя изъ нихъ частію согнили, частію истреблены пожаромъ, а частію находятся въ рукахъ у частныхъ лицъ—простолюдиновъ, а именно въ тѣхъ мѣстечкахъ, въ которыхъ уничтожены ратуши.

„Почему для сохраненія отъ окончательнаго уничтоженія актовыхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ весьма важныя свѣдѣнія для отечественной исторіи, которыхъ нельзя извлечь изъ другихъ источниковъ, а равно для предупреж-

денія дальнѣйшихъ подлоговъ и безпорядковъ въ тѣхъ книгахъ, полезно было бы учредить въ Кіевѣ Центральный архивъ для актовыхъ книгъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, при Университетѣ св. Владиміра, подъ ближайшимъ надзоромъ главнаго мѣстнаго начальства.

„Предположеніе это всеподданнѣйше повергаю на всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества, и если мысль объ учрежденіи Центральнаго архива удостоится Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества одобренія, то я имѣю счастіе испрашивать Высочайшаго повелѣнія на сообщеніе министрамъ юстиціи, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ подробнѣйшихъ соображеній касательно способовъ учрежденія архива, для внесенія установленнымъ порядкомъ на окончательное Вашего Императорскаго Величества воззрѣніе."

Черезъ два дня статсъ-секретарь А. Танѣевъ увѣдомилъ Бибикова, что Государь Императоръ, разсмотрѣвъ его всеподданнѣйшую докладную записку относительно учрежденія въ Кіевѣ, при Университетѣ св. Владиміра, подъ ближайшимъ надзоромъ главнаго мѣстнаго начальства, Центральнаго архива для актовыхъ книгъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, изъявилъ на сіе предположеніе Высочайшее соизволеніе, съ тѣмъ чтобы подробнѣйшія соображенія касательно способовъ учрежденія того архива были сообщены имъ, Бибиковымъ, министрамъ юстиціи, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ для внесенія потомъ оныхъ установленнымъ порядкомъ на окончательное Его Величества утвержденіе.

Это было писано 11 января 1850 г., а два дня спустя Д. Г. Бибиковымъ были уже отправлены въ указанныя министерства три обширнѣйшія представленія, очевидно, приготовленныя заранѣе. Въ нихъ онъ весьма обстоятельно знакомилъ министровъ съ характеромъ, содержаніемъ и важностью въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ древнихъ актовыхъ книгъ, въ живыхъ чертахъ изображалъ всю безпризорность этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ и грозя-

щую имъ окончательную гибель и вообще подробно развивалъ тѣ соображенія, которыя привели его къ мысли о необходимости учрежденія Центральнаго архива, положеніе о которомъ, выработаное весьма детально, было здѣсь же представляемо на министерское усмотрѣніе. Но при этомъ Кіевскаго генералъ-губернатора видимо тревожитъ опасеніе: не послужатъ ли тормозомъ на пути его проекта тѣ самыя коммиссіи для провѣрки актовыхъ книгъ, неудовлетворительная дѣятельность, или правильнѣе бездѣятельность которыхъ служила, въ его глазахъ, однимъ изъ побудительныхъ мотивовъ къ учрежденію центральнаго архива. Онъ опасался, что министерство юстиціи, пожалуй, будетъ настаивать на томъ, чтобы передача актовыхъ книгъ въ Центральный архивъ была совершена не прежде, какъ по совершенномъ окончаніи ихъ повѣрки мѣстными коммиссіями, что было бы равносильно отсрочкѣ дѣла на неопредѣленное время. Надо было, во что бы то ни стало, устранить это препятствіе,—и въ своемъ представленіи министру юстиціи, сообщенномъ въ копіяхъ и другимъ министрамъ, Д. Г. Бибиковъ открываетъ настоящую кампанію противъ означенныхъ коммиссій, добиваясь ихъ закрытія. Обвинительный актъ начинается съ изложенія обстоятельствъ предшествовавшихъ учрежденію этихъ коммиссій: „По поводу открытыхъ въ г. Вильнѣ и по Самогитскимъ (Жмудскимъ) уѣздамъ злоупотребленій въ поддѣлкѣ документовъ о дворянскомъ происхожденіи, по Высочайшему повелѣнію, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1833 года состоявшемуся, въ западныхъ губерніяхъ учреждены были три коммиссіи—и одна изъ нихъ въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской—изъ чиновниковъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, корпуса жандармовъ, съ прикомандированіемъ къ нимъ въ каждой губерніи губернскаго стряпчаго, для перекрѣпы хранящихся во всѣхъ мѣстахъ тѣхъ губерній актовыхъ книгъ прошедшаго времени, перечерченія пробѣловъ въ нихъ и для прошнурованія и припечатанія ихъ. Коммиссіи эти хотя и окончили свои занятія въ 1835 году, но, не смотря на то, и послѣ снова обна-

ружены были въ актовыхъ книгахъ многіе безпорядки и злоупотребленія, а нѣкоторыя изъ книгъ актовъ оказались вовсе непросмотрѣнными со стороны коммиссій. Почему, какъ учрежденіемъ въ 1833 г. коммиссій для провѣрки актовыхъ книгъ не была достигнута та цѣль, какая ожидалась отъ этого учрежденія, то вслѣдствіе сего въ 3-й день ноября 1842 г. удостоено Высочайшаго утвержденія положеніе комитета г.г. министровъ о новой провѣркѣ актовыхъ книгъ, между прочимъ и въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской. Обязателяность эта, по тому положенію, возложена на мѣстныхъ уѣздныхъ предводителей дворянства, судей и стряпчихъ, съ прикомандированіемъ къ нимъ по каждой губерніи одного изъ губернскихъ стряпчихъ и съ тѣмъ, чтобы коммиссіи эти, пересмотрѣвъ со всею тщательностію актовыя книги, составили для каждой особыя описи съ объясненіемъ: номера каждаго документа по порядку, краткаго содержанія его, года, мѣсяца и числа, когда оный состоялся, а также когда явленъ, и съ мѣткой въ особой графѣ: признается ли документъ несомнительнымъ или подлежащимъ сомнѣнію, и почему именно. Описи сіи, составленныя по всѣмъ уѣзднымъ коммиссіямъ въ двухъ экземплярахъ, должны быть подписаны всѣми членами, прошнурованы и припечатаны собственными печатями сихъ чиновниковъ, затѣмъ одинъ экземпляръ описи слѣдуетъ хранить въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ произведена повѣрка, а другой, совершенно съ нимъ сходный какъ по содержанію, такъ по засвидѣльствованію вѣрности его составленія, долженъ быть отправленъ въ мѣстное губернское правленіе для сохраненія и могущей встрѣтиться надобности въ справкахъ и сличеніи. Изъ этого видно, что на вновь учрежденныя коммиссіи для провѣрки актовыхъ книгъ возложено порученіе довольно сложное и требующее для исполненія немалаго времени; а между тѣмъ коммиссіи составлены изъ чиновниковъ, постоянно занятыхъ дѣлами службы и, положительно можно сказать, почти не имѣющихъ возможности отдѣлить часть времени на занятіе по повѣркѣ актовъ, тѣмъ болѣе, что пересмотръ ихъ необ

ходимо долженъ быть производимъ совмѣстно всѣми членами, для устраненія всякого повода къ злоупотребленіямъ въ этомъ случаѣ; соглашеніе же къ пересмотру актовъ въ одно время всѣхъ членовъ, имѣющихъ не только многочисленныя, но и разнородныя обязанности по должностямъ ихъ, весьма трудно и также почти невозможно. Наконецъ, устраняя даже и эти затрудненія въ успѣшной и удовлетворительной повѣркѣ актовыхъ книгъ, нельзя не обратить вниманія на рѣшительную невозможность исполнить это въ отношеніи къ книгамъ прошедшихъ столѣтій посредствомъ однихъ членовъ коммиссій, въ которыхъ не положено ни канцелярій, ни переводчиковъ, обязанныхъ имѣть, кромѣ основательнаго знанія языковъ: латинскаго, древняго польскаго, южно-русскаго и славянскаго, на коихъ большею частію составлялись древніе акты, особенный еще навыкъ и умѣніе читать и разбирать сіи акты, писанные почеркомъ самымъ стариннымъ. Очевидно, что при такихъ средствахъ и составѣ коммиссій, которыя кромѣ того не могли быть открыты въ одно время во всѣхъ уѣздахъ, ибо, по разъясненію министерства юстиціи отъ 17 ноября 1843 г., губернскій стряпчій долженъ лично и постоянно участвовать во всѣхъ дѣйствіяхъ каждой отдѣльной уѣздной коммиссіи,—дѣло по пересмотру актовыхъ книгъ не могло имѣть и дѣйствительно не имѣло успѣха, какъ это усмотрѣть изволите изъ свѣдѣній, сообщенныхъ въ отзывѣ моемъ отъ 2-го іюля 1849 года. При чемъ, если бывшія въ 1834 г. коммиссіи, составленныя изъ особо назначенныхъ чиновниковъ и не обремененныхъ въ одно время другими занятіями по службѣ, исполненіемъ своего порученія не удовлетворили ожиданіямъ правительства, ибо послѣ ихъ повѣрки снова открыты злоупотребленія и подлоги по актамъ, то какое можетъ быть въ виду ручательство въ томъ, что коммиссіи, не имѣющія даже и такихъ средствъ, какія были у прежнихъ, и сверхъ того обязанныя сдѣлать описи и пересмотръ актовыхъ книгъ несравненно въ обширнѣйшемъ объемѣ, нежели прежнія коммиссіи, исполнятъ это порученіе во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительно, и

что за тѣмъ въ актовыхъ книгахъ не будетъ болѣе никакихъ подлоговъ, къ совершенію коихъ, напротивъ, всегда представится возможность, еслибы актовыя книги и на будущее время хранились, какъ до сихъ поръ, безпорядочно, неудобно и даже у частныхъ лицъ.

„Такимъ образомъ, какъ скоро коммиссіи, учрежденныя для пересмотра актовыхъ книгъ вообще за все прошедшее время, не имѣютъ возможности исполнить когда-либо это порученіе удовлетворительно, то въ такомъ случаѣ дальнѣйшее существованіе ихъ въ настоящемъ составѣ и съ тѣми обязанностями, которыя на нихъ возложены, будетъ совершено безполезно и только препятствуетъ къ приведенію въ исполненіе предположенія объ учрежденіи въ г. Кіевѣ Центральнаго архива, потому что въ архивъ этотъ нельзя будетъ взять актовыхъ книгъ до окончанія повѣрки ихъ на мѣстахъ уѣздными коммиссіями, если сіи послѣднія оставлены будутъ на прежнемъ основаніи, и тогда, безъ сомнѣнія ихъ существованіе продлится на самое неопредѣленное время. Между тѣмъ учрежденіемъ Центральнаго архива: а) вполнѣ обезпечится цѣлостное сохраненіе древнихъ актовыхъ книгъ, составляющихъ единственный въ своемъ родѣ и потому весьма важный матеріалъ для отечественной исторіи; б) облегчится способъ къ производству ученыхъ изслѣдованій и къ отысканію лицами, доказывающими дворянское происхожденіе, нужныхъ имъ документовъ, находящихся въ разрозненныхъ до сего времени древнихъ актахъ,—потому что на чиновниковъ, коимъ поручено будетъ завѣдываніе архивомъ, при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть возложена обязанность выдавать, по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ, оффиціальныя справки и выписи изъ актовыхъ книгъ; в) устраняется самое опасеніе на счетъ дальнѣйшихъ злоупотребленій и подлоговъ въ тѣхъ актовыхъ книгахъ, которыя соединены будутъ въ Центральный архивъ подъ ближайшимъ надзоромъ главнаго мѣстнаго начальства, при Университетѣ св. Владиміра, когда сверхъ того будетъ еще въ виду особенный интересъ въ сохраненіи древнихъ актовъ не

въ подложномъ, а въ дѣйствительномъ ихъ состояніи для пользы ученыхъ изслѣдованій, и наконецъ г) облегчится нѣкоторымъ образомъ возможность совершить возложенную въ настоящее время на особыя уѣздныя коммиссіи повѣрку актовыхъ книгъ за прошедшія столѣтія, которая, будучи непосильной для тѣхъ коммиссій, по неимѣнію членами ея, какъ выше объяснено, необходимыхъ для того спеціальныхъ свѣдѣній, можетъ быть произведена съ большимъ удобствомъ въ архивѣ, предположенномъ къ учрежденію при Университетѣ св. Владиміра, ибо для архива необходимо составить подробные всѣмъ книгамъ каталоги, въ коихъ, при условленномъ участіи мѣстныхъ гражданскихъ чиновниковъ, могутъ быть помѣщены также и свѣдѣнія относительно несомнѣнности или подложности каждаго акта.“

Изложивъ такимъ образомъ подробно всѣ соображенія, бывшія въ виду при возбужденіи ходатайства объ учрежденіи въ Кіевѣ центральнаго архива, Д. Г. Бибиковъ переходитъ затѣмъ къ изложенію основаній, этого учрежденія и высказываетъ слѣдующія положенія:

1) Завѣдываніе Центральнымъ архивомъ, учреждаемымъ при Университетѣ св. Владиміра и подчиняемымъ его Правленію, поручить библіотекарю Университета съ двумя особыми помощниками и двумя писцами, съ тѣмъ что одинъ изъ помощниковъ, который соединитъ въ себѣ и исполненіе обязанностей переводчика и будетъ получать содержаніе нѣсколько больше другого, будетъ оставаться лишь до времени, по усмотрѣнію генералъ-губернатора, именно, до окончанія составленія каталоговъ актовымъ книгамъ.

2) Сумма, потребная на содержаніе архива, въ количествѣ 1500 рублей серебромъ, должна быть отпускаема ежегодно изъ земскихъ сборовъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской на томъ основаніи, что цѣлостное сохраненіе древнихъ актовыхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ документы дворянскихъ родовъ и служащихъ для справокъ по дѣламъ, касающимся жителей тѣхъ губерній, составляетъ собственную ихъ пользу и интересъ, тѣмъ болѣе что ученыя

изслѣдованія и историческія свѣдѣнія, какія въ Центральномъ архивѣ съ большимъ удобствомъ могутъ быть извлечены изъ древнихъ актовъ, останутся также не безъ пользы для дворянъ упомянутыхъ трехъ губерній, воспитывающихся въ Университетѣ св. Владиміра.

3) По тѣмъ же уваженіямъ и причинамъ отнести на счетъ земскихъ сборовъ и другіе расходы, какіе потребуются единовременно при собираніи въ разныхъ мѣстахъ актовыхъ книгъ и доставкѣ ихъ въ архивъ.

4) Въ учрежденный архивъ собрать древнія актовыя книги за прошедшія столѣтія, включительно до 1799-го г. потому что собственно до сего времени актовыя книги имѣютъ особенное значеніе какъ въ отношеніи документовъ дворянскихъ родовъ, выписываемыхъ изъ книгъ лицами, доказывающими права свои на дворянское достоинство, такъ и въ отношеніи историческомъ: ибо послѣ присоединенія къ Россіи возвращенныхъ отъ Польши губерній, съ самаго начала XIX столѣтія, устройство Юго-Западнаго края и права жителей большею частію подводимы были подъ общія съ другими частями имперіи основанія, и посему съ того времени судебные и другіе акты не могутъ имѣть особеннаго значенія.

5) Присутственныя мѣста изъ коихъ будутъ взяты для архива актовыя книги, обязаны до передачи ихъ составить особыя описи за подписями всѣхъ членовъ и секретаря и съ удостовѣреніемъ, подъ собственною ихъ отвѣтственностью, что книгъ за прошедшія столѣтія включительно до 1799 г. болѣе у нихъ не имѣется. Книги же, которыя остаются въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ уничтожены ратуши, у частныхъ лицъ, должны быть собраны и доставлены въ архивъ, по распоряженію начальниковъ губерній, посредствомъ мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ.

6) Книгамъ, которыя такимъ образомъ собраны будутъ въ архивѣ, завѣдывающій архивомъ, вмѣстѣ съ своими помощниками, обязанъ составить подробные каталоги съ тѣмъ, чтобы сіи каталоги соединяли въ себѣ свѣдѣнія, какъ необ-

ходимыя для ученыхъ изслѣдованій, такъ равно и тѣ, кои должны быть помѣщены въ описяхъ актовымъ книгамъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 3 ноября 1842 года положенія комитета министровъ о повѣркѣ всѣхъ вообще актовыхъ книгъ посредствомъ уѣздныхъ коммиссій. Для того. чтобы сіи послѣднія свѣдѣнія имѣли юридическое значеніе, въ особенности же для составленія заключенія о несомнѣнности или о подложности актовъ, предоставить генералъ-губернатору прикомандировать, по его усмотрѣнію, къ центральному архиву болѣе свободныхь отъ служебныхъ занятій мѣстныхъ гражданскихъ чиновниковъ вѣдомства министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ повѣрку остальныхъ книгъ съ 1800 года, оставляемыхъ въ присутственныхъ мѣстахъ, произвести на тѣхъ основаніяхъ, какія г. министру юстиціи угодно будетъ опредѣлить.

7) Въ случаѣ встрѣтится надобность въ справкахъ или выписяхъ изъ актовыхъ книгъ, хранящихся въ архивѣ, для всякаго рода дѣлъ, какъ частныхъ, такъ и сопряженныхъ съ казеннымъ интересомъ, производящихся въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ или у должностныхъ лицъ, мѣста и лица сіи обращаются съ требованіями о сообщеніи тѣхъ справокъ или выписей въ правленіе Университета св. Владиміра, которое, по вытребованіи изъ архива, и выдаетъ ихъ не иначе, какъ только по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ или должностныхъ лицъ (и отнюдь не по просьбамъ частныхъ лицъ), обращаемыхъ непосредственно въ правленіе Университета или въ Архивъ. При этомъ правленіе, предварительно выдачи требуемой справки, выписи или копіи, обязано каждый разъ приглашать одного изъ Кіевскихъ губернскихъ стряпчихъ и, по сличеніи съ подлинною актовою книгою изъ коей выдается справка, выпись или копія, завѣрить вмѣстѣ съ стряпчимъ вѣрность выдаваемаго. А когда актовыя книги окончательно будутъ пересмотрѣны и имъ сдѣланы будутъ подробные каталоги, согласно Высочайше утвержденному 3 ноября 1842 года положенію комитета министровъ и вышеизложенному 6 пункту настоящаго проекта,

то правленіе, вмѣстѣ съ стряпчимъ, сверхъ того обязаны будутъ объяснять на выдаваемой справкѣ, выписи или копіи, что оказалось по пересмотру акта относительно его несомнѣнности или подложности. [1]).

8) Для производства археографическихъ и ученыхъ изслѣдованій, актовыя книги въ подлинникахъ могутъ быть выдаваемы по требованіямъ временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, учрежденной по особому Высочайшему повелѣнію при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, съ тѣмъ, что правленіе Университета, по случаю учрежденія при немъ Центральнаго архива, обязано съ своей стороны неупустительно наблюдать за цѣлостнымъ сохраненіемъ книгъ въ надлежащемъ порядкѣ, подъ отвѣтственностью ректора и членовъ Правленія.

Къ этому было приложено штатное росписаніе для проектируемаго архива, совершенно тождественное съ тѣмъ, какое было утверждено впослѣдствіи, указомъ 2 апрѣля 1852 года.

Мѣсяца черезъ два стали получаться извѣстія о первыхъ фазисахъ движенія представленнаго проекта. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Л. А. Перовскій въ началѣ марта увѣдомилъ Бибикова, что онъ поспѣшилъ составить свое заключеніе по предмету учрежденія въ Кіевѣ Центральнаго архива и уже сообщилъ его министру народнаго просвѣщенія для дальнѣйшихъ съ его стороны распоряженій. Министръ юстиціи прислалъ болѣе успокоительное увѣдомленіе: онъ писалъ генералъ-губернатору, что, разсмотрѣвъ присланную ему записку вмѣстѣ съ проектомъ учрежденія центральнаго архива, онъ не могъ не согласиться съ мнѣніемъ, что дальнѣйшее существованіе ревизующихъ актовыя книги коммиссій въ настоящемъ ихъ составѣ и съ

[1]) Къ этому пункту прибавлено примѣчаніе: „Обязанность выдачи справокъ, копій или выписей изъ актовыхъ книгъ возлагается на томъ же основаніи, по какому выдаются уже оффиціальныя копіи изъ состоящихъ при немъ архивовъ бывшихъ Волынскаго Лицея и Виленскаго Университета.

тѣми обязанностями, которыя на нихъ возложены, будетъ совершенно безполезно и только можетъ явиться ненужнымъ препятствіемъ къ приведенію въ исполненіе плана учрежденія въ г. Кіевѣ центральнаго архива, и потому дѣйствія означенныхъ коммиссій, по его мнѣнію, должны быть прекращены. Затѣмъ болѣе трехъ мѣсяцевъ изъ Петербурга не было никакихъ извѣстій, и только въ половинѣ іюня отъ министра народнаго просвѣщенія было получено мало утѣшительное увѣдомленіе, что государственный совѣтъ, на разсмотрѣніе котораго имъ было внесено дѣло объ учрежденіи въ Кіевѣ центральнаго архива, принявъ во вниманіе, что это дѣло касается актовъ, съ одной стороны важныхъ для исторіи законодательства, а съ другой—могущихъ служить часто доказательствомъ правъ состоянія и собственности, призналъ необходимымъ подвергнуть настоящія предположенія предварительному соображенію 2-го Отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи, въ которомъ сосредоточиваются всѣ работы по означеннымъ частямъ законодательства, согласно чему послѣдовало Высочайшее повелѣніе: передать это дѣло главно-управляющему названнымъ отдѣленіемъ Канцеляріи для внесенія, съ его заключеніемъ, на разсмотрѣніе Государственнаго совѣта въ установленномъ порядкѣ.

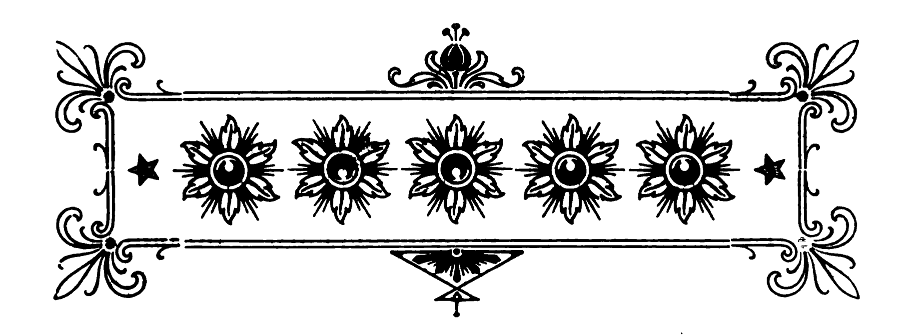
Это угрожало по меньшей мѣрѣ годичной проволочкой дѣла, а въ крайнемъ случаѣ и неблагопріятнымъ его рѣшеніемъ. Такой неожиданный оборотъ дѣла глубоко огорчилъ нетерпѣливаго Д. Г. Бибикова, и въ отвѣтномъ письмѣ князю Ширинскому-Шихматову онъ откровенно высказалъ свое „сожалѣніе, что можетъ встрѣчаться столько затрудненій къ осуществленію самыхъ полезныхъ предположеній“.

О. Левицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.



Древній помянникъ Кіево-Михайловскаго (Златоверхаго) монастыря (XVI—XVII вв.).

Въ 1892 году Общество Нестора-лѣтописца напечатало въ VI-й книгѣ своихъ „Чтеній“ древній помянникъ Кіево-Печерской лавры (XV—XVI вв.); теперь оно предлагаетъ вниманію изслѣдователей помянникъ другого почти столь же древняго Кіевскаго монастыря, какъ и Печерская Лавра,—Михайловскаго Златоверхаго монастыря. Мы будемъ такимъ образомъ имѣть помянники двухъ важнѣйшихъ святынь Кіева и тяготѣвшей къ нему православной Руси. Научное значеніе этихъ памятниковъ опредѣлено уже болѣе или менѣе обстоятельно проф.

С. Т. Голубевымъ въ его предисловіи къ Лаврскому помяннику; настоящій помянникъ служитъ какъ бы продолженіемъ перваго. Къ нимъ обоимъ прилагается въ концѣ историко-генеалогическій комментарій, составленный д. чл. Е. И. Де-Витте.

При печатаніи Михайловскаго помянника употребленъ, по типографскимъ условіямъ, гражданскій шрифтъ; надстрочныя буквы помѣщены въ строку и отмѣчены лишь скобками; сокращенія словъ, какъ вполнѣ понятныя, оставлены безъ возстановленія всѣхъ буквъ; буквы церковно-славянскаго алфавита: зѣло, кси, большой и малый юсы, укъ и омега замѣнены однозвучными буквами гражданскаго алфавита; надстрочный паёркъ замѣняется запятой, поставленной надъ буквой; для удобства читателей введена современная пунктуація.

Поминание стго Михайла Золотоверхого.

[л. 1). Сія книга сп(с)на и дшеполезна е(ст). В ней же написуются хотящіи дша(м) своимъ сп(с)нія и помощи во страшны(й) великы(й) днь грознаго и трепе(т)наго Хва соуда і сими кнігами избавитися о(т) вѣчныя моуки и причтаті(с) въ ликъ сты(х) и праве(д)ныхъ, оугодивши(х) Бгу і потроудившихся Бга ра(ди), и пострадавшихъ царствіа ради нб(с)наго и своего ради спсенія, егоже ра(ди) восприяша венца не(т)ленныя и цр(с)твію небе(с)номоу наслѣдніци быстe, егоже, Ги Бже нашъ, млтвами Пр(с)тыя Вл(д)чица нщея Бца и стго архангела Миха(й)ла и всѣ(х) сты(х), и насъ сподоби наслѣ(д)никами быти нб(с)-наго житія, видѣти и насладитися неизреченнаго и несповедима(го) Твоего двѣта и радости неи(з)глаголемыя и пища нб(с)ныя о Хе Ісѣ Гди нашемъ.

Се азъ, ра(б) Бжій Семио(н), сщенный инокъ, строителъ стого Міхайла Золотоверхого манастыря, імѣяй попеченіе о преже о(т)ше(д)шихъ сша(х)ъ о(т)цъ и братій наши(х) и хотящи(х) оуписати(с), потщахся спісати поминаніе [л. 2) на оутешеніе блговѣрнымъ хр(с)тияно(м) і на помощь дшамъ ихъ и на помилованіе во стршный днь грозного оного и трепетного днi, егоже помяще православны(и) хр(с)тіане, имѣюще во оумѣ свое(м) днь Г(с)нь великы(й), вписоваются в поминаніе сіе, дающе о(т) имѣніа своего едину ча(ст) в домъ стомоу Миха(и)лоу, егоже молитвами пріати на(м) прощеніе грѣхо(м), избавітися о(т) стр(с)тей моученія и получити цр(с)тво нб(с)ное и жи(з)нь вѣчноую млтвами сты(х)—ами(н).

И аще кто сій оуставъ разроуши(т) іли тайно кого хто оупіше(т), о томъ хоще(т) отвѣ(т) да(т)и Бгу. И се оуставихъ впісывати манасты(р)-скоую братію всякого, иже преставится во обітели сей.

Помінае и мо(л)ба к Богоу о праславны(х) хр(с)тіане(х), о патриарсехъ и царе(х), о архіеп(с)кпе(х), и еп(с)пе(х), о кнзех, и о вои(х), і о всяко(й) дши хрстианъской.

Вѣдомо(ж) да есть, како(с) чтеть общее помінаніе: всег(д)а на конецъ оутрені, і на коне(ц) ве(ч)рни, исхоженіе бываеть во притворъ оусопши(х).

Начинаеть же ся в пнед по зау(т)рен даже до соуботы оутрени; на в(ч)ерни же в соубо(т)у не бываю(т), ни оу не(д)'лю по оутрені і ні оувече(р), ни на г(с)дкыя пра(з)ніки, [л. 3) ни на великыхъ стыхъ, им же всено(ч)ное бываеть, и ег(д)а постная литоргія, и о(т) цвѣтоно(с)ныя до Ѳомины не(д)ли не твори(т) исхоженія.

Еже творится исхоженіе, сице да бывае(т): по о(т)поусте оутрен. или в(ч)рні, иере(й) не(д)лни(к), потрахилю сущу на немъ, взымаеть ка(дн)лницоу і покладаеть темъанъ, и грядеть во притворъ, і канонаръ прегрядеть со свѣщнікомъ, гля ст(х)ру стго Михайла, егоже обитель ес(т), иже пою(т) на малей ве(ч)рні и на Ги возвахъ; Гдѣнъ па(к) боудеть, ст(х)ры стго Міха(и)ла, или дневныя, или пра(з)не(ч)ны, да совокоупит вмѣсто. Глеть же ся поедином стихоу примѣняа; і поставляемоу свѣтилникоу посреди притвора. глть сщн(к):

Помилоу(й) на(с), Бже, по велицей милости Твоей; моли(м)тися: оуслыши и помилоуй.

Еще млимся о поко(и), тишинѣ и б(л)женныя памяти и оставленіе греховъ пр(с)нопоминаемы(х) строитей стыя обители сея и всѣ(х) преже почивших оцъ и братій нашихъ [1]) и повсюдоу православны(х) хр(с)тия(н).

Братія: Ги помилуй безпрестанно.

Сщени(к) имена чте(т) та(й)но. Начало поминаю сице. Та(ж) поминае(т) [л. 4) строителя стго мѣста сего, та(ж) поминаеть прочии(х) же соут наряду, та(ж) прочітает листа два илі три по рядоу всѣхъ; та(ж) възгла(с):

И простіти имъ всякомоу согрешенію волномоу и неволномоу.

Братія. Ги помілуой (ж).

Яко да Гъ Бъ оучини(т) дша и(х), идеже вси стіи почиваю(т) и праве(д)нии.

---

[1]) „З(д)ѣ лежащихъ"—приписано въ концѣ страницы.

Мл(с)ть Бжія и цр(с)тво небесное іспросивши сами собѣ и дру(г) дроугоу весъ живо(т) нашъ Хоу Бгоу предади(м).

Яко ты есі воскр(с)ніе и животъ оусопшимъ рабомъ Твоимъ, Хе Бе нашъ, и Тобѣ сл(в)оу возсылаемъ, съ безначальны(м) Оцемъ и всесты(м) и блгымъ и жівотворящи(м) ті дхомъ и н(и)не и пр(с)но. Іерей о(т)поуст(і): Хс истинный Бгъ нашъ млтвами Прч(с)тыя его М(т)ре и всѣхъ сты(х) дшю рабъ свои(х), всѣх пре(ж) почившихъ оцъ и братій нашихъ зде лежащи(х) и повсюдоу православны(х) в нѣдре Авраама, Иссаяка, Іакова вселитъ і насъ помилует, яко блгы(й) чклолюбецъ.

И бра(т). рекоутъ: Вечная и(м) паме(т).

Боуди же о семъ вѣдомо:

Яко держи(т), по преданія бж(с)твенныя црквн, по манастырехъ цриграда(д)скы(х), и ер(с)лмкы(х), и стогорскыхъ, правило о оусопши(х) непремѣнно въ всякый пятокъ вече(р). панахіда, съ непорочнами исполнь, съ тропарі: сты(х) лікъ, обрѣте исто(ч)ни(к). **[л. 5)** Развѣ токмо гьскы(х) празниковъ и Стыя Пасхи; даютъ же ся и свѣщи братіи. На тыхъ панахида(х) по о(т)поусте ідаваю(т) и пітіе по единой чаши. Такоже и во всякоую соуботу, на обѣде възгла(с) бывае(т) о оусопшихъ: келаръ приноситъ пітіе пре(д) игоумена во сосоудехъ и глтъ: „За млтовъ стыхъ оцъ нашихъ.“ Іерей не(д)лникъ, оударив чашоу. възгла(с): „Въ блжное оуспеніе, во вѣчный покой пр(с)но поминаемы(х) блженныхъ строителей оцъ и братій нашихъ здѣ лежащихъ і повсюдоу православныхъ хрестіянъ.“

Братіа: вѣчная ихъ паметъ.

Сице правило оуставъ о оусопшихъ.

Къ (?) семоу же боуди вѣдомое: Аще кто нелѣностно и со тщаніемъ поминаетъ написаниа во книзе сей, самъ помяновенъ боудетъ пре(д) Бгомъ во цр(с)твіи нб(с)но(м). В ню(ж) бо м(ѣ)роу мѣри(т), въ(з)мѣрится емоу; кто што сѣе(т), то пожнетъ.

[л. 6) *Помяни Ги дша оусопших своих*

преж(д)е почившихъ о(т) Адама до сего дни.

помяни Ги блгоч(с)тівыхъ црей и црцъ, и хр(с)толюбывых кнзей и княгинъ.

Помені Ги стѣйшихъ вселенскыхъ патріархъ, преосщенны(х) архиеп(с)-повъ, и весъ чинъ сщенніческы(й) і иноческый, і всѣхъ православныхъ хр(с)тіанъ·

Помяни Ги архимандріто(в) Печерскыхъ, всѣхъ, еже о Хе з братією. отцъ и мтрей ихъ, вся родителя ихъ и сро(д)ники.

Помени Ги, ихже нѣст(ъ) комоу поминаті, иже в забвеніи, без(ъ) покаянія оумршихъ.

Помяни Ги раба своего блговѣрнаго кнзя ктитора обителія сея, [2]) кнзя Михайла Святополка, отца и мтръ е(го), вся ро(ди)теля его и сродникы.

Ро(д) блговѣрнаго кнзя Острозского [3]) *Косте(н)тина:* Помені Ги раба свое(го) кнзя Косте(н)тина, кнзя Ілію, кнгинѣ Анны, княгі)ню Татіяны, княжноу Мрію, Филипа, Катерыны, Фео(до)ра.

[л. 7) *Род блго(вѣрного) кнзя Вишневецко(го)*: Помя Ги раба своего кнзя Грігорія, кнзя Фео(до)ра, инокы Анны, Криштофора Іоа(н), Михайла, Ермолы, Грігорія, Парасковгеи, Катерины, Маріны, Исакія Давыда, Ко(н)дритія, Огапіи, Евдокѣю.

Игнатія, Евдокѣю, Ермолая, Давыда, Анны, Евдокѣю.

Ро(д) князя Про(н)ского, воеводы Киевского: Помені Ги свое(го) кнзя Фео(до)ра, кнзя Юрья, кнгні Евлампіи, кнзя Хлѣба, кнгни Оксени, кнзя Иоа(н)на, княжны Мрии, Михея, Оулъяны, Фео(до)ра, Маріи, Еуфіміи, Огрефины, Андрея, Маріи, Анны, Феодоры, Моvсея, Офанасія, Костантина, Амъбросія, инока Масьяна, инока Мисаила, Гані, Семиона, младенца Ефиміи, Кипріана, Евхиміи, кнжны Овдот(ь)и, инока Семиона о(т)ца и мтре и вся родителя их (Мрии) [4]).

[л. 8) *Ро(д) кнзей Полубенскыхъ*: Кнзя Иоанна, кнзя Васілія, Григория, Ілію, Андрея, Иева, Марію, Оленоу, Отрихіма, Настасію, Ѳѳимія, Конъдрата, Маноуйла, Іріны, Михаила, (Еремея, Пафнотия) [5]).

(Помяни Гди раба своего Андрея убиен(н)аго з Москвы и раба своего Фоку) [6]).

Ро(д) блговѣрнаго кнзя Дроускаго: Кнзя Филипа, о(т)ца и мтре его и вся родителя е(го).

Ро(д) Ѳео(до)ра Богоушевича с Кага(р)лыку: Ѳео(до)ра, Екатерины.

Ро(д) благовѣрнаго кнзя Маса(л)скаго: Кнзя Оа(н), отца и мтре его, и вся родителя его и сродникы.

---

[2]) Слова: *Сна Заславля* приписаны на поляхъ, а *Святополка*—надъ строкою, взамѣнъ выскобленнаго слова.

[3]) Это слово надъ строкой.

[4]) [5]) Приписано впослѣдствіи.

[6]) Приписано впослѣдствіи и другими чернилами.

(И(з) Са(м)горо(д)ка помина(н)е) [7]): Олексея, Евдокіи, Тимоѳея, Евдокіи, Никиты, Меланіи, Гавріила, Па(р)ѳена, иноку Марѳу, Лавре(н)тіа, Анастасіи.

Ро(д) пана Семена Лвовичъ: Семена о(т)ца и мтре его, и ро(ди)теля его+Іоан(н)а, Ѳео(до)ра, Кірила, Мрію, Агафію, инока скимніка Васілія, о(т)ца и мтре его, и вся родителя его, иноку Евфимію. (Семена) [8]).

Сщноинока игоумена Семіона, о(т)ца и мтре его, и вся родителя его.

[л. 9). Сщноінока игоумена Захаріи оца и мтре его и вся родителя его; скимніка инока Павла. (Свѣщеносца Александра) [9]).

Сщенноиерея Андрея.

Сщноиерея Онофрія, Евдокѣи, Михайла. (Іесифъ, монаху Михаила, Ірины) [10]).

Сщнноинокъ Макарія, инока Зиновія, Михайла, Радиона, Евдокѣю, Степанидоу, Мрію, Гавріла, Аністю, Прокопія, инокоу Ма(р)ю, Оулѣяноу, Парасковею, Анны, сщнноінока За̀харіи, Іо(н)а, Парфенія, Олену, Павла, Сѵмиона, Ио(н)а Мрію, Иоанна, Антонія, Пелагію, Тимоѳея, Настасію, инока Мисаила, инока Герасима, инокоу Настасію.

Ро(д) Елови(ч): Михаила.

Ро(д) пана Полікарпа: Скимніка Даніліа, Матрену, Мрию, Василія, скимніка Логгѵна; помяни Ги оцъ и мтре и(х) и вся родителя и(х); инока Семіона, Логгѵна, Оуліаноу, Гавріла, Марію.

[л. 10) *Ро(д) Григорія Илюскова*: Григорія, Іоанна, кнгню Фетинію, князя Іоанна, Ѳео(до)ра, инокоу Анноу. Андрея, Марію, Настасію, Михайла, Григория, Со(ф)ю, Павла, князя Ѳео(до)ра, инокоу Оксинію, кня(ж)ноу Марія, кня(ж)ноу Оулияноу, князя Артемия, князя Володимеря, Оксінію, Іоанна, Ѳео(до)ра, ерея Кипріяна.

Ро(д) Чюсиное: Маріи, Пелагию, Олексѣя, Февронію и Евдокѣю, Иоанна, Гавріла, Іоанна, Феодору.

Ро(д) пна Оставія Дашкови(ч): Ивана, Анну, Амбросія.

(О(т) Ве(л)за: Помяни Гди Василіа, Пара(с)ковію, Гавріи(ла), Ма(р)тинія, Пелагію, Ма(р)ѳу, Стефа(на), Ла(в)ре(н)тіа, Тимофея, Прокопіа, Ма(т)фея,

---

[7]), [8]), [9]), [10]). Позднѣйшая приписка на поляхъ и въ текстѣ на пробѣлѣ.

Іоа(н), сще(н)ноиерея Григоріа, Во(в)дотію, Елену, і монаха Ми(т)рофана, крилошани(н) с(т) Мих. [11]).

Ро(д) кнзя Грігорія Го(л)ша(н)ска(го): Пна Даніла, Наста(с)ю княгіню, Настасію, Володімеровоу, ским'ніка Еѳремія, скимніка Харла(м)пія, скимніка Ва(р)соноѳія, скимніка Варсоноѳія, Фео(до)ра, нъдрея, Риго(р)я, Ригория, Риго(р)я, Демеян, Овдотію, Домну, Мрію.

[л. 11) *Ро(д) Замэре(н)ковъ*: Ским'ніка Ларіона, Андрея, Ходора, Акин(н)фа.

Ро(д) Белев'скы(х): Кнзя Ма(т)ѳея, сщнноря Никитія, иерея Клементія, Матрены, Зіновіи, Стеѳаніды, Катрены, ерея Тимоѳея, ерея Грігорія, Евгеніи, Татіяны, Екатерины, Есифа, Зеновію, Марію, Ігнатія, Феклы, Фео(до)ра, Іоанна, Мотроуны, Ио(н)а, Леонътія, Леонтія, Пелагію, Оулъяну, инока ски(м)ни(к) Пероирія, Іоанна, Вакулы, Евдокѣе.

Ро(д) кнзя Ивана Го(л)шанско(го): Кнзя Іоанна.

Ро(д) сщноинока игоумена стго Миха(и)ла Злото. Кvпріана: сщнноинока скимніка Кvпріяна, Маріи, инокі скимніці Меланіи, Селівестра, инокі скимницы Огрефіны, Евдокея.

А се поминаніе іеродіякона Леонътия: [12]) Андрея, Дарию, Андрея, Анну, Мойсея, м(л): Стефана, м(л): Киры(л)ла, м(л): Парасковію, м(л): Леонтія, м(л): Михаила, м(л): Пелагіи, м(л): Пелагію, м(л): Стефана, (мл): Ѳео(до)ра, м(л): Матрону.

[л. 12) *Ро(д) Кмітиное*: Сщнноінока Иосифа, Іоан'на, Петра, Лазаря, Варвары, Кліментія, Михаила, Григорыя, Матфея, Михаила, Василисы, Іакова, скимніци Татіяны, инокі Евдокѣе, Оулъяны, Козмы, Со(ѳ)и.

Ро(д) Семена Ивановича Тоугановского: Семена.

Ро(д) кнзя Юрья Слоуцкого: Кнзя Георгія.

Остафія. Евдокѣю, Мрію, Матреноу, Марію, Михія, Меланію, свщнноинока Микитоу, свщнноинока Нифо(н)та, Еремея, Оуліяноу, Помяни Ги оца и мтре ихъ и вся родителя ихъ.

Ро(д) панее Андрѣевое Борисовіча Лозчины: Анну, Ирины, Стефана, преосщнног(о) архіеп(с)па Иосифа и сщн(н)аго епспа скимніка Маисія, сщнаго еп(с)па Арсенія, ерея Си(до)ра, (Анастасію) [13]).

[11]) Позднѣйшая приписка.
[12]) Приписка на поляхъ: Року 1656, а(в)густа 10.
[13]) Позднѣйшая приписка.

[л. 13) ***Родъ сщнно инока Филарета игоумена.*** **Сщнноерея Грігорія, сщнноерея Афанасія, Карпа, Оульяны, Мартіна, Варвары, Иеоросиньи, Романа, Лоукъяна, Стефа, Ивана, Фео(до)ра, Еремѣя, Зиновія, Тимоѳея, Вѣры, Евдокѣю, Ивана, Маріи, Терентія, Вѣры, Олены, сщнноерея Ивана, сщнноинока Филарета, Володимеря, сщнноинока Іоны, сщнноерея Авдѣя, сщнноинока Филімона, Ивана, Настасіи, Павла, Лоу(к)яна, Оустиньи, сщнноскимніка Герасіма, сщнного ерея инока Тарасія, сщнного ерея Романа, Семѵона, Гликирью, Харламнія, Феодора, Ілія.**

Ро(д) князя Иоанна Ви(ш)невецъкого: **Князя Іонна, княгинѣ Настасіи, Олиѳера, Семиона, інока Антонія, сщнноинока скимника архима(н)дрита Петра, Захарія, князя Михайла, инока князя Грігорія, Иева, Конаша, Марью, Гавріила, Климентія, Огроѳиньи** [14]**.**

Родъ діакона Степа(н)ского гдна оца: **Помяни Ги дшу раба своего сщенного іерея Ѳеодота, Пелагіи, Гурія, Ярофея, Савина, Гео(р)гія, Іоанна, Евхимія, Анны, Феодора, Іоанна, Даниліл, Никиты, Потапія, Анны, Евхиміи, Ирины, Настасіи, Тимо(ѳ)еа, Евдокіи, Козмы, Агафіи, Михайла, Іоанна, Марка, Варвары, Анны, Алексея, Радіона, Екатерины, Овдотіи, Парасковеи, Анны, Никифора, А(н)дрея, Анны, младе(н)ца Іоан(н)а, м(л). Павла, Василія, Авраамія, Стефана, Маріи, Матѳея, Іоанна.**

(Сие поминание [15]**) раба Божія іеромонаха Сергия Трилевича, намѣсника мона(с). с(т). Архи(ст): Михаила Золо(т), иже преставися року В(ж). 1663(?): Помяни Г(с)ди раба своего іеромон. Сергия, Гордѣя, Соломониду, іерея Иякова, Андрея, Агафію, інок. Алемпияду, Марию, інок. Парасковию.**

Николая, (Стеткевич оубиты(й), Николая, Анны мла(д). [16]**.**

Ро(д) Василія сщенніка Пеща(н)скаго и жены его Ѳеклы: **Помяни Ги дшу усъпшаго раба своего сщенноіерея Василія, Андрея, Арсенія, Ѳому, Луку, Іоа, Ѳеклу, Параскевію, Татіану, Ма(ри)ю, Ва(р)ва, Ма(ри)ю, Уліяну.**

А се поминаніе раба Бжія Алексея: **Але(к)сея, Анастасіи, Семно(на), Іоа(н)на, Татіану, Огафію, Филимона м(р), м(р). Іона, Григорія, Іоа(н)и, ерея Васілія, ереа Іо(в)а, Огафію, Помяни Ги мно(го)грѣшнаго Киріла, Татіану, Кулину, А(н)дрея, Фео(до)ра, Татіяну, Ілиа, Іо(н)а, Анну, Анаст.**

[14]) Противъ перечня лицъ этого рода на поляхъ сдѣлано двѣ приписки: первая курсивнымъ почеркомъ противъ перваго имени „Іоаннъ отецъ“, а вторая (противъ имени князя Михаила“): „Старостичъ черкасски“(?).

[15]), [16]) Позднѣйшая приписка другими чернилами.

[л. 15) *Ро(д) кнзя Володиме(р)скаго*: Кнзя Ѳео(до)ра, Татиаиоу, Семеня, скимніка Іакова, Оулитоу, Олексея, Саѳонія, Іякова, Огапьи, Матрены, Тимоѳея, Отрохѣма, Ирины, Евдокея, Никиті, Ивана, Евдокея, Нестера, Ло(г)віна, Лазаря, Михаила, Пелагіи, инока Конона, инока Протісія, сщнноинока Васяна, оца и матере и родите его, сщнноинока Тимоѳея, Васіаня, Мартіяна, скимніцоу Татіяноу, Мрін; помяни Гн о(т)ца и мтре его и вся родителя его. (Марію схимонаху). [17]) Лаврентія, Опраксінею, пню Настасю, Ѵасилисоу, Евдокѣю, Еѳимію, Офапасія, Илію, Одарѣю, Евдокѣю, Артемія, Харитона, о(т)ца и мтре и вся родителя и(х). Андрея, ерея Козму, инока Тита, Панкратія, Никыты, Стеѳана, Ивана, Семена, Изотика, Екатерины иноки, Коу(з)му, Харла(м)пія, Ѳеодороу, Ѳетимѣю, Григорія, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя ихъ, иноку Анноу, о(т)ца н мтре ея, Зеновію. Марію, Конона.

[л. 16) *Ро(д) Ѳеодосии княгини* [18]) *Сен(к)гоушковны*: Инока Софронія, инока скимника Игнатія, Ивана, Алексѣя, Оустинъю, Якова, Мархвоу, Григорія.

Ро(д) пни Богоушевое Боговитино(в): Фео(до)ра, Васілия, Михаила, Ѳеодосіи, Огафъю.

Ѳомоу, Феодороу, Григорія, Наталъю, о(т)ца и мтре ихъ и вся ро(ди)теля и(х), Огаѳіи, Григорія, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя ихъ.

Романа, Огаѳью, Грігорія, Ѳео(до)ры, о(т)цъ и мтре ихъ и вся родителя и(х), инока Иева, Харитона, Иакова, Фео(до)ра, о(т)цъ и мтре ихъ и вся родителя ихъ, (родител Харитона, Огафія) [19]).

Родъ з Ланчина о(т) Коломыи: Скимницоу Ермолиноую, о(т)ца и мтре ея и вся родителя ея, (Семеона, Пелагію, [20]) **[л. 17)** Матѳея, Игнатія, Екатеріны, Оксинъи, Ивана, Михаила, Фео(до)ра, Екатеріны, Гавріла.

Ро(д) з села Боденъ(к)ови(ч): Фео(до)ра, Евксенътія, Евдокѣю, Грігорія, Григорія, Матрены. (артина, Огафія, Да). [21]).

Родъ з Остря: Грігорія, Лариона, Якова, Тимоѳея, Андреа, Ермолая, Андрея, Орииоу, Ермолая, Параскоѵгеи.

Родъ Олексѣевъ и(з) Соуди(л)кова: Олексѣя, Вѣры, скимніка Феодота, Окоулиноу.

---

[17]) Позднѣйшая приписка въ текстѣ.

[18]) Позднѣйшая надпись надъ строкой.

[19]), [20]), [21]), Позднѣйшая приписка другими чернилами.

Евдокѣю, Прокопія, Семена, Малоѳея, Марѳоу, Анноу, Павла.

Ро(д) с Черка(с): Матѳея, Марію, Настасію, Парасковгеи, Евдокѣю.

Ро(д) з Речици: Ѳиліпа, Фео(до)ры, Маріи, Ивана, Марію, Фео(до)ра, Логвина, Ивана, Коуніцы.

Ро(д) Ивано(в) з Воропаевъщіны: Ивана, Евдокѣю, Оусти(н)и.

С Черкасъ Микити(н) ро(д): Никити, Стеѳана.

З Остря ро(д) Михаило(в): Михайла, Дмітра, Прокопа, Климентія, Оулъяноу, Коуленоу, [л. 18) Марію, Орины.

Ро(д) Заморенковое: Киріла. Евдокѣю, Соѳью, Икова.

Помени Ги Марітона, Потапа, Оксинъи, Оулъяноу, Сергея, Фео(до)ра, Соломонидоу.

Ро(д) з Остря Василія Ходорови(ч): Василія, Иякова.

З Миколского манастыря: Козмы, инока скимніка Якимія, Огафона, Пелагіи, Іоана, Герасима.

Ро(д) с Киева Гавріло(в). Гавріла, Еввы, Екатеріны, Давыда, Гавріла, Окси(н)и, Оульяны, Евдокѣю, Оксиньи, Вѣру, Василія и инока Зосима, Анноу, Іоанна, Демида.

Помяни Ги Мартіна, Кондрата, Васілія, Парасковгею.

Сщни(к) стго Ніколы Пріtіско(го): Сщенноерея Романа, Карпа, Пахомія.

Помені Ги Якова, Тимоѳея, Анноу, Стеѳана, Анноу, Гликиръю, Марію, Пелагію, Грігорія, Пелагію, Пантелімона, Марію, Селивестра, Евхімію, Анноу, Евѳимію, Григорія, Ѳомоу, Огрефиноу, младе(н)ца [л. 19) Григорія, Евдокѣю.

Ро(д) Ходикинъ: Захарии, Кондрата, Евгу, Фео(до)ра, Наталю, младенца Якова, Матеріноу, Та(т)яноу, Іоанна, Оліферія, Тимофеа, Пархомія, Іоанна, инока Кондратія, інока Олексѣя, інока Есифа, Василия, Данілія, Евѳимію, Игнатіа, Пелагію, Харитона, Огафона, Петра, Евѳимію, Іляю, Михаила, Михайла, Агаѳю, Пелагію, сщнноерея Василія, инока Арсенія,Романа.

Помені Ги раба своего Ермолоу, Никитоу, Варфоломеа, Фео(до)ра, Афанасія, Анноу, Гавріла, младенца Тарасія, Андрея, Никитоу, Дмітрія, Наталъю, Помнікею, Марію.

Помени Ги козака Семена, Евъстаѳія, Яна.

Помені Ги Стеѳана, Захарію, Грігорія, Олексея, Васілісоу.

Помені Ги Петра, Лавра, Ѳео(до)ру, инока скимника Никития, Анны, Фрола, сщнноінока скимніка Иоакима, Кирилла.

Ро(д) з Остря: Инока Демъяна, Еремія, Фео(до)ра.

Ро(д) Есифи(в) с Киева, сотникъ: Иосифа, Захарію, Ла(в)рена, [л. 20) священноинока скимника Павла, Семіона, Өеанасія, Огафъю, Одаръю, Орнноу, Фео(до)ра, Агафъю, Евдокѣю, Оулъяны, Агаөію, Өомоу, скимніка Гарасія, Агаөіи, инока скимника Ивана.

Помені Ги иноку скимніцу Евероси(н)ю, Игнатія.

Помені Ги рабы своя Екатеріны, Павла, Пѣшка.

Помені Ги раба своего Васілія.

Ро(д) з Остря: Георгія, Анноу.

Ро(д) Горбачевой: Анною, Максіма, Огаөію.

Ро(д) кнзя Богоуша Коре(ц)кого, воеводы Волынъского, старосты Лоуцкого, Брясла(в)ского і Вѣніцъкого: Нареченаго въ стомъ крещеніи Евхимія, (Ермолоу, Ма(р)тына, Іоана. Матрону, Панкратію, Параскеви, Василі(с)у, Сте(ф)ана). [22]).

(Ина) [23]) *Вышетрава Мартинови(ч)*: Помени Ги раба своего Иоанна, Ір(и)ну [24]).

Ро(д) з Остря Сергія Судакови(ч): Сергія, Лоуке(р)и, (Лукін). [25]).

Ро(д) пана Кузьмы Кипшатого, мещаніна места господарского Кіевъского: Кузмоу, Ивана, Натялъю, Евдокѣю, Фео(до)ры, [л. 21) Матрены.

Помени Ги дшоу рабъ своихъ Есифа, Иева, Васілія, о(т)ца и мтре и вся родители ихъ.

Іоанна, Марію, Евдокѣю, Григорія, Оулясія, Татъяноу, Марію, Игнатія, Оулъяны, Леонтія, Өеанасія, Лоукерю.

Ро(д) Диковицкого: Тимоөея, Киріла, Анны, Іоанна, Катерины, Анны, Михаила, Бо(г)дана, Оулъяны.

Ро(д) изъ села Гвоз(д)ова: Петра, Одаръи, Конона, Захаріи, Ефроси(н)и, Настасьи.

Ро(д) Стеөановъ Карабич.: Стеөана, Маріи, Іакова, Макара, Василія, Ивана, младенцы Коулены, Сүміона, Игнатія.

Ро(д) Васю(т)кинъ Черевчъевіча, мещаніна Киевъского: Домнікіи, Остафія, Григоріа, Прокопія, Левонтіа, Евдокѣю, Лео(н)тія, Герасима, Зеновіи, Огрефпноу, Ивана, Огафіи, Василія.

---

[22]), [23]), [24]), [25]). Позднѣйшая приписка другимъ почеркомъ и чернилами.

Помені Ги раба своего Матѳея, Гавріла, Гоурина, Евдокѣю.

Ро(д) Костюкови(ч): Матъѳея, Ѳео(до)ры, Даніла, Мріи, Евдокеи, Еѳроси(н)ю, Ивана, Васілісоу, Василія, Грігорія, Коуліноу, Огаѳью, [л. 22) Стеѳанидоу, Ога(ѳ)ю, Михея, Лаврентія, Пелагію, Васілія, Марину, инока Иноу, Настасью, Анноу, инока скимніка Конона, Оліѳерія, Юрья, инока Олиѳерія, Еѵхима, Ирину, Леонтія, Коулину, Деміда, Моусея, Исакия, Неѳеда, Марію, Артема, Ивана, Стеѳана, Просимъи, Іякова, Деніса, Парасковгею, Олены, Марка, Павла, Феодо(до)ра, Ѳомноу, Григорія, Якова, Тимоѳея, Парасковгею, Демида, Тімоѳея, Ілію, Варвару, Якова, Екатеріноу, Пелагію, Параско(в)гею, Лоукерью, Ивана, Тита, Евгенью, Якова, Демида, Лва, Василія, Фео(до)ра, Мікоулу, Григорія, Вѣры, Анъдрея, Лоукѣръю, Мартіна.

Ро(д) Васко(в) Горячіна зятя: Василія, Василія, Марію, Петра, Андрея, Сергея, Пелагію, Сидора, Ориноу, Евѳросимъю, Агаѳію, Спіри(до)на, Катъяноу, Евѳимію, Марію, Ѳео(до)сія, Стефана, Марію, Тимофея, Оулиты, Данілія. Исайя, Дмитрія, Татъану, Оріны, Мірона, Меланъи.

Ро(д) Коулажи(ч): Помені Ги Олихвера, Ивана, Анны, Химы, инока сщнно [л. 23) Васьяна, Остаѳія, Плакидоу, Якова, Никиты, Огафью, Оксинъю, Іріны, Марію, Ѳео(до)ра, Татъяны, Мотрены, Андрея.

Помени Ги Петра, Парасковгею, Ивана, Оксинъю, Карпа, Матреноу.

Ро(д) Федоро(в) з Обоухова Полоуго(д)ченковъ: Стеѳана, Проси(м)н, Евхимии, Олексея, Оріны, Василія, Фео(до)ра, Настасю, Якима, Игнатія.

Ро(д) из Загалецъ: Помени Ги Иосіфа, Зеновія, Андрея, Артемія, Зеновія, Леонтія, Никіты, Агаѳіи, Стефана, Марію, Кондрата, Артема, Настасію, Июду, Оксиньи, Зеновію.

Ро(д) Чоугакин Войтенковъ с Черкасъ: Якова, Конона, Никитія, Грігорія, Михайла, Огрефины, Одаръи, Анъдрея, Просимъю, Фео(до)ра, Ивана, Кондратія, Лоукъяна, Акіліны, Агаѳьи, Филипа, Ѳеодота, Івана, Пелагіи, Оксинъи.

Ро(д) с села з Обоухова: Максіма, Мартіна, Пелагію, сщнно ерея, інока Семіона, инока Зосима, Ивана, Ивана, Грігорія, Фео(до)ра.

Андреевскій Ѳеодоръ. [26]).

[л 24) *Ро(д) Бабея, войта с Че(р)касъ*. Михаила, Ивана, Семіона, Просимъи, Семіона, Антипа, Дмитрія, Ивана, Матрены, Катерины, Трифона, Фео(до)роу, Исаия [27]).

---

[26]) Приписано позже другимъ почеркомъ и чернилами.

[27]) Далѣе два имени зачеркнуты.

Ро(д) Стефановъ Тіш'ковичъ: Ермолы, Васілія, Татіяны, Филипія, Стеѳана, Соломоніды, Евдокѣю, Максима, Мартіна, Данілія, Ивана, Нестера, Марѳы, Маріи, Маріи, Маріи, Оксинъи, Анны, Романа, Семиона, Грігорія, Оусти(н)ю, Павла, Христины.

Ро(д) попа Демі(до)вского: Сщенноерея Карпа, Татъяны, Парасковгеи, Татъаны, инока Протасія, Анны, Михайла.

Помені Ги инока Перѳірія, Анноу, Артемія, Іякова, Савоу, Екатерины, Иріны, Івана, (Максіма, Исакія). [28]).

Помені Ги Алексея, Ивана, Зеновии, Оксинъи, Соломониды, Данілія.

Ро(д) [29]) *крилошанинъ Печеръскый*. Сщнно инока скимніка, Савы, сщнноерея.

Протопопа Доубенскый: Сщнно ерея Григория, Антонія, Зеновіи, (Наталію). [30]).

Ро(д) Присовъ: Максима, (Васи, [**л. 25)** Василі), [31]), Агаѳіи, Евхиміи, Инікитіа, Парасковгеи, Артемиа, Наталю.

Ро(д) инока Давыда, ста(р)ца Михайловского: Ивана, Антонія, Наталью, Настасію, Евхима, инока Данілія, (Матѳея, Мотрену).

Козаки запоро(з)кіе: Нестера, Прокофія, Део(м)іда, Іякова, Евдокею.

Дяка Ѳомоу, Лариона, Игнатія, Феодо(то)та, младе(н)цы Марѳы, Зеновія Зеновиа, Козмы, Аѳанасія, Аѳонасія, Мартина, Алексея, Еѳросн(н)и, Феодора, Маръи, (Сергия, Катеріну, Миха(л), Огафи) [32]).

Ро(д) Грицко(в) Калениковіча. Помені Ги рабъ свои(х) Григорія, Исайя, Нанастасію, Захарія, Якова, Стеѳаніды, Агреѳины, Карпа, Маръи, Романа, Анны, Ивана.

Ро(д) с Ко(р)сыні: Захарію, Матрены, Окси(н)ю, Артемія, инокы Анастасіи, Евстафіа. (Конона, Тарасіа, Анны).

Помені Ги раба своего Якова, Семиона, Артеміа, Тимофея, Іонна.

Ро(д) Евдокеи Жолобовой, мещa(н)ки Киевъское: (Дометіа [33]) Дементія, Домны, Олександра, Илію.

[**л. 26)** *Родъ Ѳео(до)ра Артемовича*: Михайла, Фео(до)ра, Ага(ѳ)ю, Евдокѣю, Григорія, Окси(н)и, Омелъяна, Ѳео(до)ра, Софъю, Лоукер'ю, Василъя, Гарасіма, Илии, Остафіа, Фео(до)ра, Ѳеодора, Ерьмолы,

---

[28]), [29]), [30]), [31]), [32]), [33]). Позднѣйшая приписка другимъ почеркомъ и чернилами.

Павла, Зеновію, Матрены, инока скимніка Феодора, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя ихъ.

Инока скимніка Тимоѳея, Сидора, скимніка Савы, Никифора, інока Александра, скимніка Алексея, скимні Павла, инока Афанасія, Игнатія, инока Филарета, Маноу(й)ла, Ирины, Ивана, Васілія, Анъдрея, инока Іону, Игнатія, Мрію, инока скимніка Малахвея. Помяни Ги оцъ и мтре ихъ, и вся родителя и(х), и сро(д)ніки ихъ, и ро(д).

Инока скимніка Касіана, инока скимніка Іоанна. (Омелияна, Екатери(ну), Якова, М(р)ю, Михал, Патия, Гаври, Гафію, Тимофея, Феодуру, Христину) [34]).

Ро(д) Ѳео(до)ровъ: **инока Ѳеодора, (Михала, Анну, Ісифа) [35]).**

[л. 27) *Ро(д) князя Адинцевича:* **кнзя Стефана, кнзя Ивана, кгнк Ѳете(н)ю, кнзя Семіона, Іоа(н)на, Григорія, Ириноу, Та(тъ)аноу, (Климе(н)тія, Стефана, Лазаря, Данила, Артема, Фео(до)ра, Наума). [36]).**

Михайла, Мрью, Тотія, Прокоѳия, Агаѳью, инокы Ирины, Ѳомы, Ермолы, Анъдрея, Никіты, Прокоѳія, Криштофора, сщнноерея, Іоанна, Ирину, Ага(ѳ)ю, (Оудотію, Елену, Меланію, Іоан(н)а, Ев'ву, Огафію, Оулиану, Саву). [37]).

Ро(д) Феодора Голоубѣе(в)ского: **Феодора, Оулъяноу, (Арія.). [38]).**

Григорія, Дмитрея, Иоанна, Иакова, Ѳомоу, Анъдрея, Наталъю, Параскогвею, Екатеріны, Василісы, Мокриноу, Грігорія, Бориса, Стефана, Ага(ѳ)ю, Иоанна, Лоукъяна, Меланъю.

Помені Ги о(т)цъ и мтре ихъ и вся родителя ихъ и родъ; Харитона, Фео(до)ра, Гавріила, Та(т)яны, Васи(л)я, Іоа(н)на.

Помені Ги Елисея, дяка маста(р)скаго.

[л. 28) *Ро(д) Ивановъ Панъкратова:* **Іоа(н)на, Пелагіи, Ѳеклоу, Ірины, Андрея, Никиты, Татъяны. Тимоѳея, Ивана, Иакова, Матрены. (Григоріия, Едокіи). [39]).**

Ро(д) Даниловъ: **Васілія, Васілия, Грігория, Василія, Пелагіи.**

Сщнно инока скимніка Іоанна, инока Васілія, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя ихъ, и родъ.

[34]) [35]), [36]), [37]), [38]), [39]). Позднѣйшая приписка другимъ почеркомъ и чернилами.

Дороѳея, Мрію, Стефана, Парасквгеи, Анастасіи, Козмы, Маріи, Анны, Мотроуны; помени Ги о(т)цъ и мтре н(х) и вся родителя ихъ.

Стеѳана, Ивана, Агафію, Григорія, инока Мисаила, и о(т)ца, и, мтре ихъ, и вся родителя ихъ.

Семіона, Варвары, Иоа(н)на, Агаѳьи, Иоанна, инока скимника Исакія, инока скимника Ивана, инока скимника Феодора, инока скимніка Васілія, инока Филарета; помени Ги о(т)цъ и мтре н(х) и вся роди(те).

[л. 29) Сщнно инока Семіона, Логвина, Настасью, (Мр.)

Ро(д) Степана Гомейскаго: Стефана, Мрію, сщено ерея Евстратія, Фео(до)ра, оца и мтре его и вся родителя его.

Помені Ги Даніла, о(т)ца и матеръ и вся родителя его.

(с Ко(р)суня іерея Гавріила). [40]).

Ро(д) Васілія Дахновича Ярмолинъ: Феодора, Алексѣя, Семиона, Ѳео(до)ра, Евъфроси(н)и, Василия, Марію, ерея Никиту.

(Помяни Ги Ероѳея, М(р)ію, М(р) Лаврентіа, Абросія, Ѳео(до)сіа [41])

Ро(д) (пна) [42]) *Ивана Рожнѣтувскаго*: Сщнно ерея Иакова, Савы, Татіяны, Дмитрея, Ѳилимона, Олены, Конъдрата, Оксинъи, Конъдрата. (А се од покинн арѳы Ли(н)ча(н)кн она(с)ты(ра) Мн(х): Золо(т)ер(х:): арѳы; помени Ги ца ея Лексея) [43]).

Ро(д) пана Василія Дешʼковʼского: Марію, Васілія, Варвары, Настасіи, Оусти(н)ю, Михаила, Ивана, Оксинью.

[л. 30) *Ро(д) Яцъковъ*: Леонтия, Матрены, Лариона, Ѳео(до)ра.

Ро(д) пана Коцовъ: Ивана, Ѳеодора, Ѳео(до)сіи, сщнно ерея Максима, Огреѳіны, Ирины, Христины, Анны, Ґріґорія, Настасии, Оулъяны, Ѳео(до)ры, Лоукы, Деонісія, Ирины, Агаѳьи, Михаила, Евсевія, Матрены, Терентія, Евксенътія, Евсевія, Оксиньи, Иоанна, Екатерыны, Іакова, Ѳедю, инока Деонисія, инока Лаврентія; помяни Ги о(т)ца и мтре н(х) и вся родителя ихъ и сродникы.

Инока скимніка Феоѳела, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя н(х).

Анъдрея, Акилины, Даніла, Акилину, Савоу, инока Савоу, сщнно диякона Андрея, Татьяны, Анъдрея, Агаѳью, Ѳомы, Григорія, Ефіміи, Петра; помяни Ги отца и мтре ихъ, и вся родителя ихъ; Оулиту.

[40]), [41]), [42]). Позднѣйшая приписка.

[43]). Позднѣйшая приписка на поляхъ; недостающія начальныя буквы предполагалось, вѣроятно, дописать позже киноварью.

[**л. 31**) *Ро(д) Якововъ Кошко(ль)дѣевъ*: Василісоу, Іакова, Анъдрея, (Стефана, Татьноу, Фотия) [44]).

(*Ро(д) Я(ц)ко(вов) і(с) Сокале ме(л)ников)*: [45]) (Матѳеа, Анну, Якова, Агафію, М(р)ю, Хри(с)ти(на), Миха(й)ло, Яцко, Іоа(н), Феодо(р), А(н)дре(й), Василіа, Е(в)фимію, Петра, Агафію, Василія, Лю(б)ве [46]).

Ро(д) пна Лавриновъ Яцъ(ко)въско(г)о: Катерины, Клементія, Ѳирса, Савостияна, Наоума, Оксинъи, Матрены, Козмы, Офанасія, (Сщенно еромонаха Герасіма). [47]).

Рд(д) Ивана Проневича: Оулъяноу, скимницоу, Зиновію, скимницу, Огаѳью, Евсевия. (Сщенноинока Ипатия [48]). Евксентія, Козмы, Вавріла, Огаѳію.

(*А се род Романа Комашевича из И(л)вова* [49]) (Ко(н)дра(т), Пелагія, Кири(л), Соломонія, Феодо(р), Марію, Романа, Зѣновію, Марію, Іоанна, Феодора, Анну, Наоума [50]).

Ро(д) Василія Панковича: Василія, Ѳеодосія, младенца Данилія, Матрены.

(Григорія, Софъю, Марію, Іоанна, Василія, Паро(с)ковею, Николая [51]).

Ро(д) Пивови(ч): Съфронія, Захарія, Леонтія, Марка, Евдокѣе, Стефана, Марію, Карпа, Татъяноу, Наталъю, Софъю, Огафъю, Василія, Никитоу, Матеріны, [**л. 32**). Макарія, Калеників, Сафона, Марью, скимніка Игнатія.

Ро(д) пна Ивана Афанасовича Рожкы: Афонасіча, Огафью, Илію, Есифа, Марію, Ивана, Огафію, Никифора.

(*Ро(д) Фе(д)ка Ма(ц)ковича з Ро(ж)важова* [52]): Фео(до)ра, Юліану, Олексеа). [53]).

Инока Макарія, инока Антонія, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя ихъ. Инока Іакова, Климентія, Агаѳію, сщнно скимніка Никифора, инока Каленика о(т)ца и мтре ихъ и родъ. Мрию, скимніцу Оулиту.

---

[44]) Позднѣйшая приписка на пробѣлѣ въ текстѣ.

[45]) Приписка на поляхъ.

[46]), [47]), [48]), Позднѣйшая приписка другимъ почеркомъ и чернилами въ текстѣ.

[49]) Приписка на поляхъ.

[50]), [51]), [52]), [53]), Позднѣйшая приписка въ текстѣ и на поляхъ.

Ро(д) Евхимовъ Власовича: Евхима, Хотимъю, Акилиноу, Анну, Авакоума, Евхима, Лукоу, Та(т)яноу, Григорія, Ната(л)ю, Өомоу, Васілия, Акілиноу, Саөонія, Оксинью, кнзя Өео(до)ра, еп(с)па Өеодосія, Есифа, сщенно иноко Касьяна.

Ро(д) Тарасовъ: Ходара, Павла, Тарасия, Іакова, Мрію, Гавріла, Миха(и)ла, сщенно ерея Данілія, [л. 33) Өеодора, Остафія, Ермолы, Илію.

Ро(д) кнзя Сенк'гоушковъ Кове(л): Кнзя Грігорія, Іоанна, Агаөью. (А(н)дрей, Пелагия, Михало мл. [54]).

Ро(д) пана Семеновъ Конашъковича, войта Кие(в)ского: Младенца Иоанна.

Ро(д) Ігнатіа Хлусовича, войта м(н)см(т? [55]): Феодора, Акилиноу, Игнатіа, Өеодору, Макаріа, Просімію.

Иоанна, Мартина, Петра, Ага(ө)ю, Акоулиноу, Неоніла еръмонаха, Анны, Евдокѣю, Евдокѣю, Дмітрія, Катерины, Олексея, Іакова, Грігория, (Ерея Семиона, М(р)ію, ерея Васи(л)я, ерея Лавре(н)тія, М(р)ю, Лео(н)тія, Анастасію, младе(н). Елену [56]).

Ро(д) Лоу(з)чинъ: Маноуйла, Грігорія, скимника діякона Өеоөана, Ларіона, Мела(н)и, Корнілия, Васілия, Гарасіма, (Іоанна, Карпа, Оуліяну, Іоа(н)на, Ірину, інока Селивестра [57]).

Ро(д) кнзя Маса(л)скаго Друйскаго: Кнзя Ивана, Кчрила, кнзя Өиліпа, Онікия, Матроуны, Лоукиръю, [л. 34) Ирины. (Еромонаха Іеснөа, М(р)ію, інокиню Деонисію, М(р)ію, Ма(т)өея, Кузму, Саву, Елену, Еөимию [58]).

Ро(д) пана Ивана Слоу(ж)чи(н), старосты Любецъкого: Пана Ивана, Михайла, Анны, Степана, Ивана младенца. (Фео(д)ору, ерея Фео(д)ора, Еөрема, Мела(н)ю [59]).

Ро(д) Онковича: Ло(г)вина, Евдокѣи, Анъдрея, Иріну.

Род пна То(л)качовъ: Давыда, Іакова, Өео(до)сію.

Сло(у)же(б)никъ Де(ш)ковск(го) Офанасія.

Ро(д) Оношка Лисковска(го). Онуөрія, Анноу, Грігорія, Наталію, Настасію, Еөімію, Оульяноу, Еремея, Аввакума, Есиөа, Романа, Семена.

[54]) Позднѣйшія приписки въ текстѣ.

[55]) Приписка на поляхъ.

[56]), [57]), [58]), [59]), Позднѣйшая приписка другимъ почеркомъ и чернилами въ текстѣ.

Ро(д) Хоничовъ: Лазора, инока скимника Максім(а), инока ски(м)ника Анъдреяна, Андрея, инокоу Марѳу, скимника Алекса(н)дра, скимника Андрея, инока Пав'ла, о(т)ца и мтре и(х) и вся родителя ихъ.

Инока Давыдія, ски(м)ніка Потапія, ски(м)ника [**л. 35**) Евгенія.

Ро(д) Верев'кинъ: Павла, Настасію, Екатеріны, Михайла, Степаниду, скимніка Ларіона, Гавріила, о(т)цъ и мтре ихъ, и вся родителя ихъ. Малоѳея.

Помяни Ги раба Бжия Іоа(н)на, (Михаила, Иоа(н)на [60]).

Ро(д) сна Ко(н)дратова з Ро(г)тичъ: Івана, инока Аврамія, Савостіяна, чернорызъці Екатерины.

(Помяни Ги дшу раба Бжия Лукиян(н)а, М(р). Па(в)ла, Николая, Якова, Иоа(н)на [61]).

Ро(д) Малковое Дирінїча: иноки скимніци Евдокѣю.

Помени Ги раба своего, на пути бе(з) покаяніа оумершаго о(т) глада или ино(е) болезны; Ты вѣси имя емоу, члколюбче Ги. Оксентія, Павла, Каленіка, Лаврентія, о(т)ца и мтре и вся родителя и(х); інока Фео(до)сію. инока Купріяна, инока Іоноу. інока Евстратія, инока Іоноу, инока Авдѣя, Фирса, Акилиноу, Есифа, Агаѳью, Стефана. Помени Ги о(т)цъ и мтре и(х) и вся родителя ихъ. Ѳомоу.

Ро(д) пана Звѣря Л'вовича: Пана Семиона.

[**л. 36**) *Ро(д) пана Скоуминовъ:* Гоурія; помени Ги Хо(в)ронь(и), Никифора, Есифа, Марѳоу.

Ро(д) (пана) Ивана Хреб'товича: Ивана, Степаниды, Іакова, Ѳотимии.

Ро(д) кнзя Моса(л)скаго: кнзя Ѳилипа.

(См. выше л. 33 на оборотѣ. [62]) Писано рукою преосвящен. Иринея). [63]).

Петра, Евсевия, Мрю, Настасію, Петра, Стеѳана, Гликирьи, Самъсона, о(т)цъ и мтре ихъ и вся родителя ихъ; Отроѳима.

Ро(д) попадъ Слоу(ц)кой Юръе(в)ское: Ва(р)вары, Мріи, сщенно інока скимника Павла, Юрья, Парасковёи, Ѳомны.

Ро(д) Кгръяно(в) с Петровецъ: Кгръяна, Мотрены, Адарьи, Пелагіи, Васілія.

---

[60]), [61]) Позднѣйшая приписка курсивнымъ почеркомъ.

[62]) Эти слова написаны курсивнымъ почеркомъ.

[63]) Современная приписка, а запись рода князя Филиппа Масальскаго зачеркнута въ оригиналѣ.

Ро(д) з Боде(н)кови(ч) сщнноінока Конона: Денісия, Пелагии.

[л. 37). *Ро(д) з Остря*: Семиона, Парасковгеи.

(Помяни Гди раба своего Киприяна [64]).

Ро(д) Левинови(ч): Помени Ги Игнатія.

Ро(д) Остаѳія з Лутавы: Остаѳія, Мріи.

Ро(д) Малаш'кови(ч): Мартина, Моусея, Стеѳана, Вѣры, Пара-с)ковгеи, Пигасии, Ѳео(до)ра, Есифи, Стефана.

Ро(д) Степано(в) з Рогти(ч). Стеѳана, Анны.

Ро(д) Денісовны: Олены.

Ро(д) з Бобруйска: Аввакоума, Мріи.

Ро(д) Маликови(ч): Ѳео(до)сіи, Евсевія, Мрію, Ивана, Ермолы, Ага(п)и, Парасковгеи, Иоанна.

Ро(д) Семена Свислоченіна: Семена. Ѳомны, Епіѳаніи.

[л. 38). *Ро(д з Остря*: Аѳанасія, Остаѳія, Оульяноу.

(*А се ро(д) с Тоснова, Гукочо(в)* [65]): (Назарія, Настасію, Семе-она, Феодора, Евгнея, іерея Прокопія, Іринію [66]).

Ро(д) з Рогачева Антоно(в): Антонія, Ефимии, Ага(ѳ)и, Мамелѳы.

(*А се ро(д) с Тычове(ц) Макаров*: Макарія, Парасковею, Грігорія, іріна, Прокопія, Оксімии [67]).

Ро(д) Ивановичъ з Остря: Анътоныя.

Ро(д) Иванови(ч): Юрья, инокы Наталію.

Пола(т)никъ стого Михайла: Инока Иосифа.

Ро(д) с Петрови(ч): Евдокѣю, Ириноу.

З Бѣлои Црквu: Конона, Оксинью.

Никольский: Инока Ионы, инока Иева.

Инока скимника Конона, Касьяна, сщнно ерея Карпа, инокы скимницы Парасковгеи.

Инока скимника Петра, Еѳиміи, Мрію, сщнно инока скимніка Иоанна, Тарасія, Ко(н)драша, [л. 39). Настасію, Коз'мы, Евдокѣю.

Р(д) Даниловъ Смоляги(н) зя(т): Даніла, Никитоу, Пелагію, Матрены, Артема, Нікиті, Іакова, Агаѳьи, Матрены.

Ро(д) игумена Степа(н)ского Кра(ч?)кови(ч): Сщнно инока Игнатія, Никиѳора, Мойсея, Іона, Ивана, Прохора.

Ро(д) Шаоулинъ: Инока Іоны.

64) Позднѣйшая приписка на пробѣлѣ въ текстѣ.
65) Приписка на поляхъ.
66) Позднѣйшая приписка на пробѣлѣ въ текстѣ.
67) Позднѣйшая приписка и на поляхъ и въ срединѣ текста на пробѣлѣ.

Слоужебнык кнгні Костети(н?): Зиновія, Денисия, младе(н)ца Петра, Тат'а(а)ны.

Ро(д) Шул'жи(н): Якова, Климента, Матрены, Івана, Евдокѣе, Иермолу, Мрію.

Ро(д) Стрел'цо(в): Степана.

З Остря: Алеѳеря, Лавре(н)тія, Данілия: (Григория, Марию, Трохима, Терентія [68]).

Ро(д) Анъдрѣевъ з Бѣлой Це(р)кві: Ѳео(до)ра, Мрію, Анъдрея.

[л. 40.) *Ро(д) Шаоулинъ*: Данiлія, Гавріла, Меланію.

Лео(н)тія, Настасью. Николскый. инока ски(м)н(і)ка Ивана.

Ро(д) з Остря: Иоан'на, Варвары, Оксиньи, Пелагію, Андрея Агаѳью.

Ро(д) Миха(й)ла Колисовіча. Алексея, Михайла.

Ро(д) с Черка(с): Алексея, Настасію, Іріны, Васілія, Катеріны, Олексея, Катерины.

Ро(д) Каленіковича: Васілія, Лавру, ерея Семиона.

Ро(д) Еневіча: Оустинью.

Ро(д) Ивана Александровича: Георігія.

Ро(д) Стрибыля: Ефросінію, Власія, Дементіана, Сісоя.

(Иоана, Кирила [69]).

Ро(д) Ивано(в): Иева, Ермолы.

Ро(д) Коптевой: Евдокею, скимніка Иоанна, Ѳомоу, [л. 41) Варъвары.

Ро(д) Боурого: Ан'ноу.

Ро(д) Ивана Кормановича. Ивана, Пелагію, о(т)ца и мтре, и вся ро(ди)теля нхъ.

Ро(д) з Остря Пролізіна: Евдокѣю, Анну, Якова.

Родъ з Вѣніцы: Бориса.

Род з Якоуши(ц). Екатеріноу, Якова, Лоукъяна.

Родъ Ѳилоновое: Ѳиліпа, Настас(ю), сщнно ерея Василия, Власа, Ѳео(до)ру, Прокоѳия, Василисоу.

Ро(д) Грігорія Овдѣевое: Алексѣя.

Ро(д) Богдана Хороще(н)ка: Ивана, Гаврила.

---

[68]) Позднѣйшая приписка на пробѣлѣ въ текстѣ.

[69]) Позднѣйшая приписка красными чернилами.

Ро(д) з Остря Ониско(в): Ѳео(до)ра, Сидора, инока Анъдрѣяна, Артемия, Ага(ѳ)ю, Ирину, Антонія, Глякирью, Ѳеодора о(т)ца и мтре ихъ, и вся родителя ихъ.

Ро(д) Павловъ Конашковича: [**л. 42**). Конъдрата, Анноу, Ма(р)тіна, Павла, о(т)ца и мтре и вся ро(ди)теля его.

Инока скимника Германа, Емелъяна, Ѳеплы, Іоанна, (Геды(н) Мо(х). [70]).

Ро(д) Бог(д)ановое Каташовое: Феодосію, инока Герасіма, Василія, Меланьи. Ермолоу, Васілисоу, Оульяну, Настасю, Ивана, Оксінью, Никитоу, Демида, Ѳеклоу, Семиона, Настасью, Анъдреа.

Ро(д) Касяно(в): Ерея Евдокіма, ерея Вас(і)лія, сщнноинока Касьяна, Оксиньи, Пелагіи, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя ихъ.

Ро(д) Тишко(в); Помені Ги Тита, о(т)ца и мтре его и вся родителя его; Григорія, Мари(н), Пронко, инока Протасіа, о(т)ца и мтре и и вся родителі его; Панама(р) инока Евстратія, о(т)ца и мтре и вся родителя его. Инока скимніка Ко(н)дратія, о(т)ца и мтре и вся родителя его.

Ро(д) Обаковъ: Евдокеи, Павла, о(тца) и мтре и вся ро(ди)теля его, Елисея, Настасіи, Ѳео(до)ра, Ан'ны.

[**л. 43**) *Род Мини(н) Маликови(ч)*: Миноу, Анны, Мрію.

Ро(д) Жмачинъ: Дме(н)тія, Захарія, Якима, Ага(ѳ)ю, (Фили(п)па, Марію, Семиона [71]).

Ро(д) пна Семена Мелеш'ковичъ, войта Кіевъского: (Ктиора ншего, которн(й) нада(л) село Ю(р)ьевку на Миха(й)ловск(и)й монастыр [72]). (Впи(с) ро(к) ма(р)та... Чере(в)че... [73]). ·Пна Семиона (и дщере его Василисы, Кирилла, Маріи. Малахіа, Агаѳію, Іустину,· о(т)ца и матере его, и ве(с) ро(д) его [74]).

Ро(д) Малыненкови(ч): Семена, Евсевія, о(т)ца и мтре и вся родителі его.

Ро(д) пна Семена Кмитича. Фео(до)ру, пна Семена, Ѳомы.

Ро(д) Лазара з Илвовского по(вѣ): Лазаря, Яремея, Кулину, Пара(с)ковею, Феодора, Настасия и всѣхъ прежде усбшихъ). [75]).

---

[70]), [71]), [72]) Позднѣйшая приписка на пробѣлѣ въ текстѣ.

[73]) Приписка на поляхъ, до половины обрѣзанныхъ при переплетѣ.

[74]) Позднѣйшая приписка курсивнымъ почеркомъ.

[75]) Позднѣйшая вставка, занявшая поля справа.

Ро(д) Бог(д)ана Маликовича: Лоукъяна, Ѳео(до)ря, Ивана, о(т)ца и мтре и вся родителя его.

Ѳомы, Дмитрія, Анны.

Ро(д) Слабкови(ч) с Чорнобы(л): Огаѳіи, о(т)ца и мтре и вся ро(ди)тели его.

Анны, Оленоу, о(т)ца и мтре и вся родители его.

[**л. 44**). *Ро(д) Швабо(в), Кожоуш'ковъско(г)*: Ѳео(до)ра, Наста(с)ю, Сергея, Хотимъю, Матрены, Ѳео(до)ра, Васілія, Ѳевро(н)и, Фео(до)ра, Васілисы.

Ро(д) Сидоровъ: Февронъю, Пелагию.

(Пара(с)ковея [76]).

Ро(д) Олисѣя Товстоле(с)кого: Онисима, Фео(до)ру, Никіѳора, Михея, Гоурія, Олисея, о(т)ца и мтре и вся ро(ди)теля ихъ.

Ро(д) Павла Черкашеніно(в): Инока скимніка Игнатія, о(т)ца и мтре и вся родителя его; Евдокѣю, Григорія, о(т)ца и мтре и вся родители его; Аѳанасия, Иева, Мирона, Иоанна, о(т)ца и мтре и вся родители его; Остаѳія, Мрью, Анноу, инока Малафѣя, о(т)ца и мтре его и вся родителя е(г)о.

Ро(д) Лоусти(ч): Христиноу.

Ро(д) Ехремовое: Семена, Екатериноу, Охрѣма.

Ро(д) Щоуровъ. Артема, о(т)ца и матере его, и вся родителя его. [**л. 45**). Агаѳіи.

Ро(д) Калистовъ, иноко(в): Семена, Матро(у)ноу, Зуновіа, о(т)цъ и мтре и вся ро(ди)тели его.

Ро(д) инока Грігорія Пыжов: Стеѳана, Мокея, Иоакіма, Троѳима, Ивана, Ага(ѳ)ю, Оносью, Оленоу, Савоу, Оулъяноу, Ларіона, Фео(до)ра, Михайла, Ивана, скимніка Григорія, Оулъяну, Ивана, Ермолая, Деоміда, иноку Химоу, Грігорія, Лукьана, Ѳилімона, Стеѳанідоу, Васілія, Ивана, Татьяноу, Онісіма, Якова, Марѳу, Васілису, Остаѳія, Пелагию, Ивана, Григорія, Мрію, Мрьи, Фео(до)ра, Панкратія.

Ро(д) кнзя Юръя Маса(л) скаго и кнгні Анны: кнзя Іоа(н)на, кнзя Ѳиліпа, Васілия. (Михаила, Анну [77]).

Родъ Иванов Петухо(в): Леон'тія, Оксенътия, Матъѳея, о(т)цъ и мтре ихъ и вся родителя ихъ.

(*Ро(д) пна Семена Мелешковича, войта киев'ско(г)*: Пна Семена, Малаѳея, Ага(ѳ)ю, Оусти(н)ю, о(т)ца и мтре ихъ и вся ро(ди)телі ихъ [78]).

[76]) [77]) Позднѣйшая приписка.

[78]) Взятое въ скобки зачеркнуто и внизу приписано: „Родъ его записанъ на 33 стран. См. выше. Послушникъ Иванъ Спасскій. 1861 г. Авг. 1 дн., въ 9 ч. веч."

[л. 46) *Ро(д) Савицькой*: помені Ги раба своего Савина, о(т)ца и мтре и вся родітели его; Катеріну, Марка, Анноу, о(т)цъ и матере и(х) и вся родителя ихъ.

Помені Ги рабоу своюПара(с)ко(в)гею, о(т)ца и мтре ея, и вся родителя ея.

Ро(д) Демідовъ: помені Ги сщ(н)ноерея Семнона, о(т)цъ и мтре ихъ и вся ро(ди)телі его.

Якова, Василисоу, (о)тца и мтре его и вся ро(ди)телі его.

Помени Ги Матреноу, Ивана, Кондрата, о(т)ца и мтре ихъ и вся родітели ихъ.

Ро(д) Іони(н) Невістного: инока скимніка Ивана, о(т)ца и мтре его и вся родителі его. Инока Ефрема, инока Матѳея, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя и(х). Василису, Ефимію, Дмитра, о(т)ца и мтре и(х) и вся родителя ихъ; Кондрата.

Ро(д) з Боуска: поме Ги раба своего Грігорія, Григорія, Мрію, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя и(х).

Ро(д) з Демідова: Анну, о(т)ца и мтре и(х) и вся родітеля и(х).

Помені Ги дшу рабъ своихъ Ивана, Ходосью, Антонія, о(т)цъ и мтре ихъ и вся ро(ди)теля и(х). [л. 47). Фео(до)ра, Фео(до)ра, Ма(т)ѳѣя, о(т)ца и мтре и вся родителя и(х).

Помені Ги Онісима, о(т)ца и мтре ихъ и вся ро(ди)теля ихъ.

Помені Ги инока ски(м)ніка Макарія, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя ихъ.

Помені Ги Фео(до)ра, о(т)ца и мтре и вся родителі его.

Ро(д) з Остря: Макара, Ѳео(до)ру, о(т)ца и мтре и вся родітеля его.

З Остря: помені Ги Грефіну, о(т)ца и мтре ея.

Ро(д) Ананьинъ зо (М)стисслав'ля: помені Ги раба Бжія Михія, о(т)ца и мтре и вся родітелі его.

Ро(д) Кондрашевой: помені Ги рабоу Бжію Окси(н)ю, о(т)ца и мтре еа и вся родителі его.

Ро(д) Богдановъ: помені Ги раба Бжія Самоила, о(т)ца и мтре его. Скимніци Саламіи.

Помени Ги рабоу Бжію Иріну, о(т)ца и мтръ, и вся родителя еа.

Помени Ги раба Бжія Меле(н)тия, о(т)ца и мтре и вся родители его.

Помяні Ги Варвароу, инока Иова, о(т)ца и мтре и вся ро(ди)тели ихъ.

Помені Ги раба Бжія (л. 48) Васіліа, о(т)цъ и мтре іхъ и вся ро(ди)тели ихъ.

Помені Ги рабоу Бжію Оулітоу, о(т)ца и вся ро(ди)тели ея.

Помені Ги раба Бжія Мефедія, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителі его.

Помені Ги раба Бжі Тимоѳея, о(т)ца и мтре и вся родители его.

З Могилева Оустиновичъ: Остаѳія, Еснфа, Евдокѣю, Агаѳю, Пархомія.

Помени Ги Леонътія, о(т)ца и мтре и вся родителі его.

Ро(д) Зоубаро(в): помені Ги Евдокѣю, о(т)ца и мтре и вся ро(ди)телі ея.

Ро(д) Ивана Голопы(хи): помені Ги раба Бжія Максима, Ло(у)ки(ри), Дмитрия, Мріи, Сергея, Ивана.

Ро(д) Щеръка(с): помені Ги Матѳея, о(т)ца и мтръ его и вся родителя его.

Помени Ги рабоу свою Олену, о(т)ца и мтре ея и вся родителя ея.

Помени Ги раба своего Кон(д)рата, ініка ским'ніка Игнатія.

Ро(д) Каленіковъ з Велікого Лоу(ц)ка: Кон'дратія, Олену, Та(тя)ну и чадъ ихъ.

Помені Ги раба Бжіа Миха(й)ла, [**л. 49**) о(т)ца и мтре ихъ и вся ро(ди)телі его.

Помени Ги ра Божію Евпросімъю, о(т)ца и мтре ея и вся родителя ея.

Ро(д) Поузатого с Черъкас: Помені Ги Ефимія, отца и матере и вся родителя его. (Митрофана Ба(й)буза [79]).

Ро(д) пни Суетіное: Ан'дрея, Стеѳана, Симіона, Сидора, Мрію, о(т)ца и мтре и вся родители ихъ.

Помені Ги ра Божію Матруну, о(т)ца и мтре ея, и вся родітеля ея. Помені Ги сщнно ерея Грігорія, о(т)ца и мтре и вся родители его. Помені Ги Ивана, Ириноу, о(т)ца и(х) и мтре ихъ и вся родителя ихъ. Помени Ги раба Бжія Игнатія, о(т)ца и мтръ его и вся родителя его. Помені Ги рабоу Бжію Ефимію, о(т)ца и мтре ея и вся родителя ея, Та(тя)ны, Олены, Вакоулы, о(т)ца и мтре и вся родителя и(х). Помені Ги раба своего Сидора Лавре(н)тия, Михайла, Агафона, Олены, Парасковгеи, Васілія, инока скимніка Гервасія, Оксентія, Марию, инока [**л. 50**) Вас'яна, Феѳ(до)ра, Пелагію, инока Вавоулы, Иоан'на, Васілия, Ирины, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя ихъ.

Ро(д) Савчи(н) з Бѣлое Церк'ве: помені Ги Оксентія, сщнно ерея Ларнона, Михайла.

---

[79]) Приписка на поляхъ; первое имя написано полууставомъ, а второе—курсивомъ.

Ро(д) иноки Анны Юръевой (княгини) Масалъской Ивано(в)ны Соколи(н)ской: помені Ги инока скимніка Семеона, Олену, Ивана, Ириноу, инока Іон'ноу, инокоу скимніцоу Өео(до)ру, Филипа, Ивана, инокоу Анноу и вси родители ихъ. Помені Ги инока скимніка Семиона, инока скимніка Васілія, инокоу скимніцу Опраксию, Софию, Мотро(у)но(у), Мрію, Олену, Марію, Адарію, Василия, Павла и вся родителі ихъ. Помені Ги Прохора, А(м)бросія, Саламіи, Анны, Евдокѣю, Марію, Семена, Меле(н)тия, Меланіи, Якова, Зиновіи, инокы Настасін, Еоутѣхія. Помяні Ги Коузмоу, о(т)ца и мтре и вся родителя ихъ. Помені Ги Семиона, Грігорія, Марьи, Максима, Василія, скимніка Ивана, ски(м)ніка Конъдратія, Ирыны, Агнатія, Грігорія, Ага(ө)и, [л. 51) Еромолая, Еремея, ски(м)ніка Долъматія, Огрепины, инока скимніка Мартіна, Евъстаөіа.

Ро(д) инока игоумена Захаріи Михайловского Золотоверхо(г): Помені Ги сщенно инока Захаріи, Ивана, Анны, Ероөея, Агафьи, Параско(в)геи, ерея Пахомия, Стефана, Фео(до)ра ерея, Меланіи, Еоуөъміи, Оксінъи, Савы, Меркела, Фео(до)ра, Анны, Ивана, Маръи, ерея Ивана, ерея Емелъяна, ерея Емелъяна, ерея Анъдрея, ерея Ивана, Евдокѣю, иноки Евдокѣю, Якова, Нестера, Дмітріа, Анны, скимніка Ивана, ерея Остафия, Фео(до)ра, Григория, Макарія, сщнноинока скимніка Тимофея, Нестера, Григорія, Ивана, Моvсея, Павла, Окула, Якима, Евдакѣю, Евдокѣю, Маріи, Степаніду, Ната(л)и, Платона, Мартіна, Настасии, Конона, Конона, Петра, Настасьи, Степаніду, Василія, сщнно ерея Серъгѣя, инока Анъдрея, Григорія, Өомны, Филіпа, Фетинъи, скимніци Соломіи, Парасковгеи, Ма(р)өу, Венедикъта, Фео(до)ра, Миха(и)ла, Матрены, скимніка Никиты, [л. 52) о(т)ца и мтре ихъ и вся родітеля ихъ. (Андреа) [80]). Антонія, Өеодоры, Грігорія, Окси(н)и, Якова, Ивана, Парасковгеи, Анны, Оулъяноу, Огрефыны, Та(т)яны, Иліи, Данилія, сщнно ерея Лазаря, Остаөія.

Ро(д) Высо(ц)кого Аксенътія, сщнка Борисоглѣбского: Якимъя, о(т)ца и мтре его и вся родителя его. Анноу, Настасію, инока скимніка Конона, іно(к) Өео(до)сія, Костен'тіна, інока скимніка Антонія, інока Тихона, Домнікии, Иосіөа, Никола(а), Грігорія, Марью, Ан'ноу, Конъдратія, Софронія, Катерины.

Ро(д) Романовъ: Марію, Анны, Марію, Матрены, Карпа, Евөіміи, Акоуліны, Фетинъи, Михайла, Катерыны, Ивана, Натальи, Ко(з)мы, Тимоөея,

80) Позднѣйшая приписка блѣднымъ черниломъ.

Стефаніды, Мотроуны, Катерины, Якова, Матрены, Олсноу, Еvфімію, Зиновіи, Моvсея, Нестера, Фео(до)ра, Христины.

Ро(д) мещаніна киевско(г)о Шавули(н): Хо(т)яна, Марью, Косте(н)тіна, Евдокѣе, сщно ерея Лазаря, Сvміона, Евдокѣю, [л. 53) инока Иосифа, Михайла (гро(м) оуби(в) [81]).

Ро(д) инока Симиона Федорови(ч): инока Симиона, Фео(до)ра, Епифаніи, Остафія, Якова, Олексія, Анну, Лоук'яна, Петра, Домны, Еvфхиміи, Алексанъдра, Та(т)яны, инока скимніка Ионы, Василія, Ан'ны, о(т)ца и мтре и вся ро(ди)тели ихъ.

Ро(д) пнаЯкови(ц)кого з места Кіева: Агафъю, Фомоу, Юрья, Евдокѣю, Фео(до)ра, Деонісия, Вѣры, инока скимніка Фео(до)ра, Агафъи, Агафьи, Оксиньи, Грігорія, Соломоныды, Стефана, Ефимъи. Помені Ги Ивана, о(т)ца и мтре его и вся родитея его.

Помені Ги Евдокѣю, Матрены, Катрены, М(а)рьи, Якова, Лоvрилія, Ивана, Бориса, Агафіи, Анъдрея, Соломониды, Евхимии, Зеновіи, Иоанна, ерея Фионъя, Маріи, Ефроси(м)и, ерея Ев'тіхия, Григорія, Ефросіміи, Еремѣя, Соломониды, Ивана, Олексѣа, Семиона, Со(ф)и, Настасіи, Ермолы, Параскогвеи, асіліа, Фео(до)ра, вана, мелъана, Ев'химіи, оуки(р)и, иха(й)ла, Андрея, Та(т)яны, Оксини, Евдокѣю, Софронія, [л. 54) Фео(до)ра, Семиона, Сидора, Зиновіи, Ирины, Деміана, Оріны, Васілія, Настасію, Афанісія, Евфимію, Каленіка, Оксіньи, Онофрія, Оста(ф)я, Евдокѣю, Маріи, Павла, Иоан'на, Параскогвеи. Петра, Соломонідоу, Евдокѣю, Грігорія, Прокофия, Мартина, Емелъяна, Васілія, Стефана, Омелфу, Марфо(у), Игнатіа, Ефросимію, Софью, Косте(н)тіна, Оксі(н)ю, Григорія, Якова, Оулитоу, Григорія, Химу, Васілия, Одар'ю, Полінарью, Евдокѣю, Терентія. Ев(д)окѣю, Васілисоv, Марью, Васілія, Козмоу, Семіона, Матреноу, Ога(ф)ю, Оріноу, Васілия, Марію, Лаврен(н)тія, Ермолоу, Прокофія, Марью, Ивана, Парасковгею. Ма(т)феся, Коули(н)ы, Даніла.

Ро(д) пна Хо(ц)ковъ Баліке, мещаніна кіевъско(г'о) Фомы, Мотроуны, Настасіи, Пелагіи, Стефана, Ивана, Епіфаніи, Есифа, Деоміда, Со(м)нікии, Зеновіи, Параско(в)геи, Фео(до)ра, ихъ мл(с)ти ро(ди)телі.

Михайла, Костен'тина, Анны, Агрефыны, Василия, Мр, Евдокѣю, Домнікіи, Пелагіи, Карпа, Матеріны, Коз'мы, Стефана, Оксен'тіи, [82]) Евгу, [л. 55) Екінфі, Оустініи, Мотрены, Фетімъи, Ефросиньи, младе(н)ца Георгіа, Еки(н)фоу, Ефроси(м)ю, Семиона, Ивана, Анноу, Еремѣя, Васілія, Агафъю, Фео(до)сію,

[81]) Приписка на поляхъ.

[82]) Позднѣйшая приписка въ текстѣ на пробѣлѣ.

Васілія, Никіты, Соломоніды, Мотрены, Иякова, Соломоніды, Антонія, Настасію, Игнатія, Марью, Миха(й)ла, Евхімью, Фео(до)ру, Агаѳью, Мела(н)ю, Меланью, Пантелѣмона, Василисоу, Мат'ѳея, Соломонідоу, Никіфора, Мойсея, Василия, Марью, Боріса, Иоан'на, Анну, Феклоу, Самоила, Коз'моу, Иоан'на, Семіона, Никитія, Гавріла, Анноу, Оксинъи, Игнатія, Паѳнотія, Варвары, Якова, Ивана, Кондратія, Ната(л)и, Хилимона, Артемія, Василія, Олены, Марьи, Савостиана, Якова, Офанасія, Ивана, Марію, Пелагіу, Онісіу, Ѳео(до)ру, Христиноу, Лоукаша.

Ро(д) Дмитра Ивановича: Дмитра, Зеновіи, Васіліа, Евхиміи, Ната(л)и, Евхиміи, Андрея, Ивана, Софъи, Кондрата, Огѣя, Матеріны, Никиты, Ан'ны, Марьи, младенца Лоукы, Ѳомы, Евдокѣю, Агаѳьи, Анны, Остафія, Зеновіи, [**л. 56)** Параскoвгеи, Еѳросинъи, Анны, Оулъяны, Максами, Пелагии, Зеновіи, Меланьи. Помені Ги раба своего Максима, Михайла, Олены. Помени Ги дшу раба своего Семиона, Овдѣя, Марьи, Іова, Стеѳана, Василія, Ага(ѳ)и, Деомида, Максіма, Карпа, Ивана, Мелентія, Евдокѣю, Анны, Евдокѣю, Агаѳіи, Ѳео(до)роу, Савы, Есиѳа, Еѳроси(н)и, Ев'ги, Остаѳіа, Леонтіа, Матрены, Феодры, Оустн(н)и, Евдокѣю.

Ро(д) Свиридо(в) Нагор'ского: Спиридонія, Тат(я)ны, Грігорія, Корнілія, Марьи, Анны, Лоукъяна, Матѳея, Ма(т)ѳея, Ивана, Ирины, Ир'ину, Екатеріноу, Семіна, Ан'ноу, Андрѣя, Гарасима, Митроѳана, Давыда, Еѳорема, Ан'ны.

Ро(д) Екатерины Макеівны: Павла, Ѳевроньи, Стеѳана, Фео(до)ра, Есиѳа, Матрены, Меланъи, Екатерины, Васілія, Лоукъяна.

Ро(д) Левко(в) Федоровича Соудакови(ч): Фео(до)ра, Татьяноу, Якова, Оксинъю, Юрья, Марію, Ивана, Наталъю, Елексѣя, Евгенъю, Евѳимію, Пелагію, [**л. 57)** Евдокѣю, Деміда, Окси(н)и, Олексея, Елисея, Агаѳъю, Иоан'на, Макарія, Коуленоу, Грігорія, Ан'ноу, Матреноу, Лаврентія, Ермолоу, Макаріа, Каленіка, Тимоѳея, Моусся, Іоноу, Настасію, Параско(в)геи, Демида, Марью, Демеда, Евѳима, Лоукъяна, Макаріа, Сергія, Лоукиръю, Ириноу, Маръю, Кирила, Труфона, Фео(до)ру, Ѳевронъю, Федосъю, Демида, Исакія, Акоуліноу, Агаѳью, Стеѳана, Анноу, Андрея, Игнатіа, Малоѳея, Дементіа, Пелагію, Пелагію, Матреноу, Васілия, Огреѳыны, Захаріи, Евдокѣю, Еѳроси(н)ю.

Ро(д) Фвео(до)ра Ходыки Кобызевича: Фео(до)ра, Силы, Фео(до)ра, Свеѳана, Ивана.

(Трохима, Меланію, Мрію [83]).

[83]) Позднѣйшая приписка.

Ро(д) Тито(в), Шило(в): помені Ги дша рабъ своихъ Тита, Марію, Михайла, Евѳимии, Меланъю, Анно(у), Феодосъю, Натал'ъи, Ермолая. (Стефана, Агрипину [84]). Скимніка Якова, скимніка Гавріла, скимніка Езмаила, інока Мартіна, инока Васьяна, сщнно инока Давыда, скимніка Мисаила, скимніка Фео(до)ра, инока Павла, скимніка Никити. *) (Грігорія, Матѳея, Иоа(н)на [85]).

[л. 58) *Ро(д) кнзя Юрья Дубровицкого:* Поме(ни) Ги Кнзя Грігорія, кнгню Ульяну, кнзя Боріса, кнгню Парасковгею, кнзя Сімеона, кнгню Марью.

Ро(д) Степано(в) Кузмичовъ, от Николы Десяти(н)но(го): Кузму, Агниша, Евфимію, Евдокію, Максима, Стефана, Исидора.

Ро(д) мещаніна кіевско(го) Семена Шулги: Сімеона, Максіма, Соломоніду, Марью, Парасковгею, Іоа(н)на, Елену, Матѳея, Ірину, Парасковгею, ерея Ѳеодора, Максима, Матрону, Фео(до)ра, Димитрія, Наталію, Сисоя, іно(к)ню Аѳанасію, інокиню, Евѳимію, Оустиві(ю).

Ро(д) Душе(н)чин: Грігорія, Ѳеоѳіла(к)та, Ксенію, Хрістіну, Ѳому. (Помяни Ги рабо(в) свои(х) Пантелеймона, Аѳанасія [86]).

Род Міхайла Васютича, земяніна кіе(в)ско(г): Миха(й)ла, Стеѳана, А(н)тонія, Ксенію, Ксенію, Евдокею. (Парасковею, Екатерину, Евфиміи [87]).

Родъ Сергіевъ, послоушника монастыръского: Помяни Гди раба своего Алексея, Артемія, Сімеона, Наоума, Іоанна, Алексія, Ко(н)ста(н)тина, Богдана, Карпа, Татіяну, Ирину.

Ро(д) Ходычи(н): Захарью, Ко(н)дратія, Е(в)гу, Ѳеодора, Наталью, младе(н)ца Іякова, Екатеріну, Та(т)яну, Іоа(н)на, Еле(в)ѳерія, Тімоѳея, Пар'хома, Іоанна, інока Ко(н)дратія, інока Олексея, інока Есіѳа, Васілія, Данілія, Еѳімію, Ігнатія, Пелагею, Харітона, Агафона, Петра, Евфімію, Міха(и)ла, Міха(й)ла, Агаѳію, Пелагею, сщ(н)но ерея Васілія, інока Арсенія, Романа.

Ро(д) Семионо(в) Денисиевичо(в) москаля: помяни Гди раба своего Семиона.

[л. 59). *Ро(д) Васю(т)чи(н) Чере(в)чъевича:* До(м)нікею, Е(в)стафія, Грігорія, Прокопія, Левона, Герасіма, Евдокею, Левонтія, Ксеновію, Огрефіну, Мосея, Анну, М(р)а, Пелагіи, Орины, Максима, Пелагін, Павла, Иякова, Марию.

[84]), [85]), [86]), [87]). Позднѣйшая приписка.

*) На этомъ мѣстѣ оканчивается полууставъ южно-русскаго характера въ помянникѣ. Со слѣдующаго листа записи ведены иными почерками, часто мѣняющимися.

Ро(д) еромонаха Серафиона старца Михайловьского: **Евстафия, Настаси, Григорния, А(н)дрея, м(л). Марию. м(л). Яцка, Го(р)дѣя, Ивашка м(л).** [88]).

(Ро(д) монаха Васияна келара Пече(р)скаго [89]).

Род Ко(з)мы Ки(п)шатого: **Наталью, Козму.**

Родъ Супруна Өедоровича, мещанина кіевского: **Өеодора, Өеодосіи, Тимоөея, Өеодосіи, Евтихія, Нестора, Анастасіи, Іоа(н)на, Іоустина, Пелагіи, Даріи, Ко(н)драта, Сүмеона, Іосифа. Исаіи, Анастасіи, Иосифа.**

Упис зошлы(х) ду(ш), во(й)ска Запоро(з)ски(х) козако(в): **Само(й)ла, Прокопія, Якова, А(н)дрея, Прокопія, Өеодора, Лео(н)тія, Мартіна, Герасіма, Агаөію, Семіона, Матрену, Семіона, Өіліпа. (Ирины, младенца Іоанна, іеромонаха Никифора, Ксеніи** [90]).

Ро(д) Левошковъ з Горошковъ: **помяни Ги раба своего Леонтія, Василія, Вассы, Ефросиніи, мл(д) Маріи, Анны, Ирины, Евдокеи, Евдокеи, Феодосіи, Іосифа.**

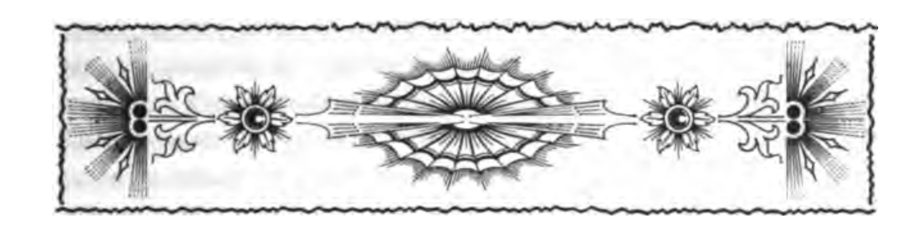
Ро(д) Жоуко(в) Федоров з Горошковъ: **Помени Гди раба своего Өеодора, Іякова, Василія, Никона, Ждана, Елены, (Тимофея, Иоа(н)на** [91]).

[л. 60). *Упи(с) ду(ш) зошлы(х) люди(й) народ(у) посполито(г):* **Анну, Пелагею, Евдокею, Саву, А(н)дросія, Ксенію, Васілія, Агафію, Ульяну, Васілія, Матрену, Феодора, Ефросимію, Іріну, Меле(н)тія, Нікіфора, Агаөіи, Філіпа, Азарія, Татьяны, Діонісія, Мрью, Парасковгею, Агафію, Стефана, Грігорія, Агафію, Іоа(н)на, Агафію, Евдокею, А(н)дрея, Андрея, Петра, Мар'ка, Павла, Фрола, Фрола, Кіріла, Ігнатія, Евдокею, Ан'ну, Зеновия, Меланію, Гав'ріила, Сімеона, Кар'па, Іоан'на, Агафона, Мартіна, Афанасія, Анастасію, Ев'докію, Ігнатія, Екатеріны, Ксенію, Іоан'на, Миха(й)ла, Өеодора, Екатеріны, Гавріила, Өеодора, Авксентія, Евдокею, Грігорія, Грігорія, Матрену, Грігорія, Ларіона, Якова, Тимофея, Андрея, Ер'молу, Андрея, Іріну, Ер'молу, Парасковгею, Алексея, Вѣру, інока скимніка Феодоріта, Акіліны, Евдокею, Прокопія, Семена, Малофея, Мар'өу, Ан'ну, Пав'ла, Матфея, Мрьи, Настасію, Парасковгею, Ев'докею, Філіп'па, Өеодоры, Марью, Марью, Іоа(н)на, Өеодора, Логіна, Іоан'(н)а, Акіліну, Іоанна, Овдо(т)и, Іустініи, Нікіту, Стефана, Міха(й)ла, Дмітрія, Прокопія,**

[88]), [89]), [90]), [91]). Позднѣйшая приписка.

Отдѣлъ V.

ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.



Объ иконописномъ отдѣлѣ выставки и рефератахъ о немъ на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ.

На археологической выставкѣ при XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ, составленной весьма тщательно, былъ отдѣлъ иконъ и снимковъ съ нихъ, собранныхъ или снятыхъ съ оригиналовъ въ Лѣвобережной Украинѣ и преимущественно въ Харьковской губерніи. Иконъ, писанныхъ на деревѣ или холстѣ, числилось на выставкѣ 242 №№, а фотографій съ иконъ до 170 №№ [1]).

Обзору церковно-археологической выставки и въ частности коллекціи иконъ и снимковъ съ нихъ на этой выставкѣ посвящены были: вступительная рѣчь профессора Н. В. Покровскаго при открытіи первой сессіи отдѣленія церковныхъ древностей, рефератъ профессора Е. К. Рѣдина, подъ заглавіемъ: „Религіозные памятники искусства Харьковской губерніи“ и вызванныя этимъ рефератомъ замѣчанія нѣкоторыхъ членовъ съѣзда. Подробному изученію этой выставки пріѣзжими членами съѣзда препятствовали и краткость времени засѣданій съѣзда, и громадный наплывъ публики, посѣщавшей выставку.

---

[1]) См. „Каталогъ выставки XII археологическаго съѣзда въ „Харьковѣ“ Харьковъ, 1902 г., отд. II, стр. 1—46 и 110—143, въ разныхъ мѣстахъ, и „Дополненіе“ къ этому отдѣлу.

Профессоръ Н. В. Покровскій, обозрѣвая въ своей рѣчи церковно-археологическую выставку при съѣздѣ, замѣтилъ объ иконахъ, что, при первомъ знакомствѣ съ ними, какъ будто обнаруживаются здѣсь разные стили и направленія; тѣмъ не менѣе, основной и господствующій стиль здѣсь тотъ же самый, который наблюдается въ данное время въ Кіевѣ и, чрезъ посредство Кіевскихъ гравюръ, распространяется по южной Россіи,—стиль западно-европейскій въ Кіевскомъ воспроизведеніи. Это подтверждается многочисленными иконами выставки, ихъ композиціями, иконографическими типами и стилемъ. Здѣсь мы нерѣдко встрѣчаемъ: коронованіе Богоматери, плоды страданій Христовыхъ, сивиллъ, изображеніе пеликана, раздирающаго свою грудь, чтобы напитать дѣтей, и сердце Іисуса, изъ котораго струится кровь въ потиръ, Богоматерь съ мечами въ груди. Всѣ эти изображенія проникли сюда съ запада. Означенное наблюденіе еще болѣе подтверждается самымъ стилемъ иконъ. Это стиль не древне-Кіевскій, не Новгородскій, не Московскій. Широко обнаруженное стремленіе къ красотѣ формъ, анатомической строгости, хотя бы это была и работа ремесленниковъ, прямо говорятъ о пріемахъ западно-европейскаго письма. Такимъ образомъ, при изученіи выставленныхъ предметовъ, изслѣдователь находитъ здѣсь опредѣленное направленіе церковнаго искусства въ XVII и XVIII вѣкахъ [1]).

Рефератъ профессора Е. К. Рѣдина въ сущности представляетъ изъ себя дальнѣйшее, болѣе подробное развитіе мыслей рѣчи профессора Покровскаго, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. Указавъ на нѣкоторые памятники живописи, запечатленные характеромъ мѣстнаго происхожденія, профессоръ Рѣдинъ указалъ на цѣлый рядъ такихъ памятниковъ, въ которыхъ наиболѣе сильно видно вліяніе западной живописи, напр. изображеніе Богородицы съ мечами въ сердцѣ, Богородицы всѣхъ скорбящихъ радости, женъ мироносицъ при гробѣ Господнемъ, св. Николая Западинецкаго и др. Это западное вліяніе находитъ себѣ достаточное объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что Харьковская губернія въ значительной степени заселилась выходцами изъ-за польскаго рубежа, изъ Правобережной Украины.

Этотъ рефератъ вызвалъ замѣчанія и дополненія со стороны профессоровъ Г. Г. Павлуцкаго, Н. В. Покровскаго и особенно Д. В. Ай-

---

[1]) „Извѣстія XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ“, Харьковъ, 1902 г., стр. 53 и 54.

налова. Послѣдній замѣтилъ, что выставка церковныхъ древностей, созданная трудами профессора Е. К. Рѣдина, представляетъ громадный интересъ для изучающаго религіозное искусство XVII—XVIII в. Для изученія болѣе ранняго періода она не заключаетъ въ себѣ данныхъ, такъ какъ только одинъ памятникъ ея принадлежитъ къ XVI столѣтію. На основаніи матеріала, представляемаго выставкой, можно отмѣтить несомнѣнный фактъ, что польское вліяніе слабо, но за то, помимо польскаго вліянія, существовало вліяніе западное, что̀ объясняется культурными связями Малороссіи съ Западомъ. На выставкѣ для подтвержденія этого факта можно отмѣтить цѣлый рядъ иконъ святыхъ, которыя близки по своему характеру къ итальяской живописи XIV—XV вѣковъ. Конечно, тутъ не можетъ быть и рѣчи объ академическомъ вліяніи, такъ какъ иконы относятся къ XVII вѣку, а Академія Художествъ возникла только въ XVIII столѣтіи, и вліяніе ея начало сказываться лишь въ эпоху Боровиковскаго. Одна икона на выставкѣ оказывается скопированною съ нѣмецкой иконы XVI вѣка, при чемъ отступленій отъ оригинала очень мало даже въ деталяхъ. На основаніи сказаннаго становится яснымъ, что предметы, находящіеся на выставкѣ церковныхъ древностей, подраздѣляются хронологически на 4 періода: крестъ XVI вѣка; итальянское вліяніе; нѣмецкое вліяніе; академическое вліяніе. А потому на выставкѣ лучше можно изучить развитіе искусства въ Харьковской губерніи, чѣмъ иконографію. [1]).

Я, съ своей стороны, признавая въ общихъ чертахъ, подражательный западно-европейскій и польскій характеръ большинства иконъ выставки, пытался опредѣлить различные пути западно-европейскаго и польскаго вліянія на тѣхъ самыхъ примѣрахъ, какіе указаны въ рѣчи проф. Н. В. Покровскаго и рефератѣ Е. К. Рѣдина. Такъ напр., икона пресв. Богородицы всѣхъ скорбящихъ радости, по нашему мнѣнію, есть воспроизведеніе сюжета Рубенса [2]), проникшее во второй половинѣ XVII вѣка въ сѣверную, Московскую Русь, а оттуда распространившееся впослѣдствіи и по Юго-Западной Руси. Икона св. Николая Западинецкаго, оригиналъ которой находится въ м. Западинцахъ, въ бывшемъ Кременецкомъ повѣтѣ, получила въ XVIII вѣкѣ широкое распространеніе при посредствѣ Почаевскихъ гравюръ, изображающихъ этого святителя. Икона

---

[1]) Тамъ-же, „Изв. XII арх. съѣзда“.

[2]) См. Исторію искусствъ“, П. П. Гнѣдича, С.-П., 1897 г., т. II, стр. 329.

женъ мироносицъ при гробѣ Господнемъ находитъ полную аналогію себѣ въ живописной иконѣ того же содержанія изъ села Лѣсниковъ, близъ Кіева, 1642 года, находящейся теперь въ Церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской Дух. Академіи [1]). Икона пресв. Богородицы съ мечами въ сердцѣ, вѣроятно, имѣла непосредственнымъ образцомъ своимъ такое же изображеніе Богородицы, съ однимъ или нѣсколькими мечами въ сердцѣ, на православныхъ и уніатскихъ гравированныхъ антиминсахъ XVIII вѣка. Птица пеликанъ, кормящая птенцовъ своею плотію, изображена рѣзьбой на старой профессорской каѳедрѣ Кіевской Академіи, въ Церковно-археологическомъ музеѣ [2]), и, вѣроятно, послужила прототипомъ и для иконъ или картинъ этого рода.

Послѣдніе три примѣра показываютъ, что въ Лѣвобережной Малороссіи и особенно въ Слободской Украинѣ нерѣдко подражали иконописнымъ образцамъ Правобережной Малороссіи, своей прежней родины. Слѣдовательно, западно-европейское и польское вліяніе на иконопись и живопись Лѣвобережной Малороссіи и Слободской Украины нерѣдко посредствовалось Правобережною Малороссіею, которая уже болѣе или менѣе непосредственно могла подчиняться въ иконописномъ дѣлѣ западно-европейскимъ и польскимъ образцамъ. Въ Правобережной Малороссіи были, повидимому, и цѣлые сборники живописныхъ священныхъ изображеній, служившіе для мѣстныхъ иконописцевъ чѣмъ-то въ родѣ руководства или иконописнаго подлинника. Такимъ руководствомъ, по предположенію профессора Н. В. Покровскаго, могла быть латинская лицевая Библія Пискатора, экземпляръ которой извѣстенъ и съ славяно-русскимъ переводомъ пояснительнаго ея текста.

Но, при всей подражательности иконописи Лѣвобережной Малороссіи и Слободской Украины, посредственно или непосредственнно, западно-европейскимъ и польскимъ живописнымъ образцамъ, надобно предполагать у мѣстныхъ иконописцевъ и нѣчто свое, особенное. Это можно заключать уже изъ того, что на южно-русскихъ иконахъ и вообще священныхъ изображеніяхъ иконописцы нерѣдко обозначали свои имена и фамиліи. Профессоръ Рѣдинъ указалъ въ иконописной коллекціи выставки при съѣздѣ одинъ такой примѣръ. Мы, съ своей стороны, можемъ указать еще нѣ-

[1]) „Указатель Церковно-археологич. музея при Кіевской Дух. Академіи", Кіевъ, 1897 г., стр. 104, № 3578.

[2]) Тамъ же, стр. 26, № 2001.

сколько подобныхъ подписей на иконахъ и священныхъ изображеніяхъ въ Кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ; такъ, напр., двѣ большія иконы 1693 года изъ с. Вакумовки, Переяславскаго уѣзда, подписаны маляромъ Иваномъ Миславскимъ [1]); шелковая плащаница, 1710 года, изъ Переяславскаго у., писана маляромъ Ѳ. Рекленскимъ [2]); на гравированномъ антиминсѣ 1723 года, изъ села Довжика, внизу подписано: „дилалъ маляръ Гаврiилъ Павловъ“ [3]); большая икона Успенія Богородицы, 1755 года, изъ Переяславскаго уѣзда, подписана маляромъ Власомъ Шубейскимъ Глинскимъ [4]).

Что же своего, отечественнаго, или оригинальнаго вносили южно-русскіе маляры-иконописцы въ свои подражательныя произведенія? На XII археологическомъ съѣздѣ вопросъ этотъ остался открытымъ. Попытаемся дать посильный отвѣтъ на него, имѣя въ виду уже не одинъ иконописный отдѣлъ на церковно-археологической выставкѣ съѣзда, но и другія южно-русскія иконы и особенно иконописныя коллекціи Церковно-археологическаго музея при Кіевской Дух. Академіи.

Предварительно считаемъ нужнымъ оговориться, что всѣ находящіяся или находившіяся въ церквахъ иконы необходимо раздѣлить на три разряда: монументальную и немонументальную церковную иконопись и приносныя частныя иконы; монументальную иконопись составляютъ намѣстныя и храмовыя иконы и вообще, можно сказать, иконы всего иконостаса; немонументальныя—иконы, помѣщающіяся на стѣнахъ храма, алтаря и жертвенника, замѣняющія собою древнія стѣнныя росписи и заказываемыя обыкновенно по требованію нужды самой церкви, и приносныя иконы, жертвуемыя въ храмъ частными лицами по нарочитому ихъ заказу или по смерти кого-либо изъ членовъ семьи. И нужно замѣтить, что западно-европейское или польское вліяніе въ Юго-Западной Руси прежде всего вторгалось въ область этихъ частныхъ, приносныхъ иконъ, тогда какъ монументальная и немонументальная церковная иконопись въ большей или меньшей мѣрѣ слѣдовала иконописному церковному преданію.

Иконописное церковное преданіе двоякаго рода: одно въ строгомъ смыслѣ иконописное преданіе, когда извѣстная икона пишется по преж-

[1]) „Указ. Церк.-Археол. Музея при Кіев. дух Академіи“, стр. 103, №№ 3569—3570.
[2]) Тамъ-же, стр. 58, № 2685.
[3]) Тамъ-же, стр. 64, № 2748.
[4]) Тамъ-же, стр. 105, № 3595.

нимъ образцамъ или, по крайней мѣрѣ, по прорисямъ съ нихъ или иконописнымъ лицевымъ подлинникамъ; другое—письменное или книжное церковное преданіе, извлекаемое изъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ православной церкви и изъ житійной литературы. Оба эти вида иконописнаго преданія существовали и въ сѣверной и въ южной Россіи, но—въ различной мѣрѣ и имѣли различную историческую судьбу. На сѣверѣ Россіи сначала преобладалъ буквализмъ собственно иконописнаго преданія, въ силу котораго новыя иконы буквально списывались съ прежнихъ образцовъ или, по крайней мѣрѣ, воспроизводились по прорисямъ со старыхъ иконъ или по лицевымъ иконописнымъ подлинникамъ, какъ, напр., Строгановскому [1]), получившимъ развитіе съ начала XVII вѣка; но впослѣдствіи и на сѣверѣ Россіи выдвигается на сцену книжное иконописное преданіе, извлекаемое преимущественно изъ житійной литературы, которое имѣло въ виду восполнить и расширить узкій кругъ иконописныхъ прорисей и лицевыхъ подлинниковъ. Таковъ „Иконописный подлинникъ" сводной редакціи XVIII вѣка [2]), составитель котораго нерѣдко устанавливаетъ иконописные типы исключительно на основаніи книжныхъ источниковъ и въ частности житій извѣстныхъ святыхъ. Такъ, напр., подъ 1-мъ февраля о св. мученикѣ Трифонѣ здѣсь сказано слѣдующее: „подобіемъ младъ, рука молебна, а въ другой—птичка бѣла, подъ ногами гора и озеро, а на немъ гуси плаваютъ, и по горѣ гуси гуляютъ. Въ Минеѣ и въ Прологѣ пишетъ: сей святый, юнъ сый возрастомъ, гуси пасяше, яко же глаголютъ". Въ Юго-Западной же Руси собственно иконописное преданіе по старымъ образцамъ и иконописнымъ прорисямъ и лицевымъ подлинникамъ замѣчается, съ XVII вѣка, въ весьма слабой степени, примѣняясь преимущественно и почти исключительно къ монументальной церковной иконописи, тогда какъ, наоборотъ, книжное иконописное преданіе сразу получаетъ здѣсь довольно широкое употребленіе и, развиваясь все болѣе и болѣе, подготовляетъ удобную почву для западно-европейскаго живописнаго вліянія и впослѣдствіи переплетается съ нимъ самымъ разнообразнымъ способомъ.

Изъ монументальной южно-русской церковной иконописи наиболѣе устойчивыми оказываются намѣстныя иконы Спасителя и Богородицы,

[1]) „Строгановскій иконописный лицевой подлинникъ", Москва, 1869 года.

[2]) Изданъ Филимоновымъ въ Москвѣ, въ 1876 году.

храмовыя иконы, апостольскій ярусъ иконостаса и иконы дванадесятыхъ и избранныхъ праздниковъ. Мы здѣсь остановимся нѣсколько на иконахъ дванадесяти апостоловъ. На археологической выставкѣ при XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ были четыре иконы дванадесяти апостоловъ, по три на каждой, изъ иконостаса церкви села Надрѣчнаго Кута, Харьковскаго уѣзда, построенной около 1680 года [1]). Таковы же иконы апостоловъ въ Кіево-Подольской Борисоглѣбской церкви, хранившіяся доселѣ на колокольнѣ, и двѣ большія иконы съ шестью апостолами изъ с. Бакумовки, Переяславскаго уѣзда, писанныя въ 1693 году Ѳедоромъ Миславскимъ и находящіяся теперь въ Церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской Дух. Академіи [2]). Наконецъ, въ такомъ же родѣ четыре иконы апостоловъ изъ церкви слободы Гомольши, Зміевскаго у., построенной въ 1770 году [3]). Такимъ образомъ, типъ апостольскаго яруса иконостасовъ въ Юго-Западной Россіи удерживался, судя по уцѣлѣвшимъ памятникамъ, почти въ теченіе столѣтія. Но и въ этой монументальной иконописи южно-русскіе маляры допускали иногда нѣкоторыя отступленія отъ общепринятыхъ типовъ и художественныя вольности. Такъ, напр., на одной изъ намѣстныхъ иконъ Богородицы, находящейся нынѣ въ Лубенскомъ музеѣ г-жи Скаржинской, Богомладенецъ держится лѣвою рукою за вѣтку живописнаго цвѣточнаго бордюра, окаймляющаго икону, чего не рѣшились бы сдѣлать сѣверно-русскіе иконописцы.

Въ иныхъ случаяхъ и въ монументальную церковую иконопись, на юго-западѣ Россіи, проникалъ элементъ книжнаго иконописнаго преданія, что̀ объясняется иногда просто отсутствіемъ иконописныхъ образцовъ и лицевыхъ подлинниковъ у южнорусскихъ маляровъ. Таковы, напримѣръ, храмовыя иконы Живоноснаго источника пресв. Богородицы въ селѣ Братской Борщаговкѣ, близъ Кіева, и, какъ говорятъ, въ м. Ржищевѣ, Кіевской губерніи. Сюжетъ этой иконы чисто-византійскій, не разрабатывавшійся на западѣ Европы. Въ Византіи эта икона изображалась или въ видѣ Бого-

[1]) „Каталогъ выставки XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ“, Харьковъ, 1902 года, отд. II, стр. 26, №№ 122—125.

[2]) „Указатель Церковно-археологич. Музея“, Кіевъ, 1897 г., стр. 103, №№ 3569—3570.

[3]) „Каталогъ выставки XII археологич. съѣзда“, отд. II, стр. 20 и 21, №№ 92—95.

родицы оранты, стоящей на облакахъ [1]), или въ видѣ Богородицы, находящейся по грудь въ чашѣ или купели [2]). Между тѣмъ, въ Братской Борщаговкѣ композиція иконы совершенно иная. Въ центрѣ ея изображенъ деревянный срубъ колодца, изъ котораго бьетъ фонтанъ; по тремъ угламъ колодца стоятъ вселенскіе святители Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, почерпающіе воду изъ колодца и раздающіе окружающимъ ихъ людямъ; по правую сторону святителей стоятъ царь Левъ I Макеллъ и его супруга, а по лѣвую—духовный чинъ; надъ колодцемъ вверху изображена на облакахъ Пресв. Богородица, среди Бога Отца и Бога Сына, и надъ ними Духъ Святой въ видѣ голубя. Икона эта скомпонована главнымъ образомъ на основаніи синаксаря или сказанія о Византійскомъ живоносномъ источникѣ и, можетъ быть, отчасти имѣетъ въ виду мѣстную Борщаговскую обстановку, такъ какъ срубъ колодца напоминаетъ собою срубъ колодца и въ Борщаговской часовнѣ, построенной надъ мѣстнымъ источникомъ. Книжными же источниками, а не лицевыми иконописными образцами, нужно объяснять происхожденіе иконописнаго яруса изъ иконописныхъ медальоновъ, изображающихъ евангельскія блаженства и вообще евангельскія событія. Такихъ медальоновъ на Харьковской выставкѣ было довольно много, и подъ ними прямо указаны тѣ мѣста евангелій, которыя послужили иконописцамъ темою для этихъ изображеній. Таковы, напр., блаженства, чудесный ловъ рыбъ, добрый Пастырь, буря на Генисаретскомъ озерѣ и проч. [3]). Получивъ изъ евангелія только тему для своего изображенія, маляръ развивалъ ее болѣе или менѣе свободно, не стѣсняясь насильственными предписаніями иконописныхъ подлинниковъ; оттого медальоны эти, по нашему наблюденію, болѣе другихъ иконъ отличаются разнообразіемъ, движеніемъ и жизненностію.

Проникая и въ монументальную церковную иконопись, книжное иконописное преданіе получаетъ полное свое развитіе въ немонументальной иконописи. Къ произведеніямъ этой послѣдней иконописи могутъ быть, по нашему мнѣнію, отнесены слѣдующія иконы выставки: святое

[1]) „Византійскія церкви и памятники Константинополя", Н. П. Кондакова, Одесса, 1886 г., стр. 26 и 27.

[2]) „Земная жизнь Пресв. Богородицы и описаніе св. чудотворныхъ иконъ", С. Снессаревой, С.-Петерб., 1892 г., стр. 525.

[3]) „Каталогъ выставки XII археологическаго съѣзда", Харьковъ, 1902 г., отд. II, стр. 32 и 33, №№ 156—167.

семейство, съ изображеніемъ отрока Христа, подметающаго полъ комнаты, основанная на апокрифическомъ евангеліи [1]): икона Недреманное око [2]); икона св. Николая съ чудомъ его о половчинѣ, сотворшимся въ градѣ Кіевѣ: святитель заноситъ дубинку надъ половчиномъ, котораго стащилъ съ коня [3]). Для объясненія происхожденія этихъ и подобныхъ иконъ нѣтъ нужды прибѣгать къ западно-европейскому или польскому вліянію, когда онѣ вполнѣ объясняются книжнымъ преданіемъ православной церкви.

Пользуясь болѣе или менѣе свободно книжными иконописными источниками, южнорусскіе маляры-иконописцы должны были встрѣтиться на этой почвѣ съ западно-европейскимъ и польскимъ религіознымъ живописнымъ искуствомъ, которое преимущественно, если не исключительно, основывается на книжномъ преданіи западной церкви и свободномъ примѣненіи его къ религіознымъ сюжетамъ. Встрѣча эта должна была производить у южно-русскихъ маляровъ-иконописцевъ и позаимствованія у западнаго религіознаго искусства, и подражанія ему, особенно въ такихъ пунктахъ, относительно которыхъ восточная и западная церкви не разногласятъ или мало разногласятъ между собою. Укажемъ нѣсколько такихъ пунктовъ соприкосновенія между восточною и западною иконописью.

1) На Борщаговской иконѣ живоноснаго источника,—какъ мы говорили выше—вверху изображена Богородица, окруженная тремя лицами Св. Троицы. Это изображеніе представляетъ послѣдній моментъ Успенія Богородицы, или Вознесеніе Богородицы на небо, и не противорѣчитъ преданію православной церкви, которая воспѣваетъ Успеніе Богородицы такими словами: „Ангели Успеніе Пречистыя видѣвше, удивишася, како Дѣва восходитъ отъ земли на небо." Но въ католической церкви къ этой сценѣ Вознесенія Богородицы на небо присоединено Коронованіе Богородицы Богомъ Отцомъ и Богомъ Сыномъ, какъ рѣшительный шагъ къ дальнѣйшему возвеличенію и, такъ сказать, обожествленію Богородицы у католиковъ. Но южно-русскіе православные, повидимому, не понимали этой богословной тонкости католическаго Коронованія Богородицы и усвоили его всецѣло въ области иконографіи.

[1]) Каталогъ выставки XII арх. съѣзда, стр. 41, № 206.

[2]) Тамъ-же, стр. 11, №№ 40 и 41. Сн. двѣ брошюры проф. Рѣдина о сей иконѣ.

[3]) Тамъ-же, стр. 24, № 108.

2) Изображеніе св. семейства считается композиціею западнаго происхожденія; но южно-русскіе маляры усвоили ей православное, аллегорическое значеніе. Отроки Предтеча и Спаситель представляются на одной южно-русской иконѣ олицетвореніями истины и правды, съ такою надъ ними надписью: „Истина отъ земли возсія и правда съ небесе приниче.“

3) Богородица съ мечемъ или съ мечами въ сердцѣ тоже считается западною композиціею; но она съ одинаковымъ правомъ могла быть предметомъ и православной южно-русской иконописи, на основаніи пророчественныхъ словъ Симеона Богопріимца къ Богородицѣ: „Твое сердце оружіе пройдетъ“.

Эти и подобные нейтральные между восточными и западными церквами иконописные сюжеты проложили въ Юго-Западную Россію путь и другимъ иконописнымъ заимствованіямъ съ запада, даже и такимъ, которыя носили на себѣ явную печать католической доктрины. Особенно такимъ заимствованіямъ съ католическаго запада много способствовала церковная унія Южной Руси съ польско-католическою церковію, широко открывшая двери вліянію западной и польской иконописи и живописи на южно-русскую. Различныя теченія этого вліянія западной и польской живописи на южно-русскую отчасти указаны на XII археологическомъ съѣздѣ профессорами Рѣдинымъ, Айналовымъ, Покровскимъ и Павлуцкимъ, которые, кромѣ польскаго вліянія, распознали въ иконахъ выставки съѣзда частныя вліянія живописи итальянской, испанской и нѣмецкой.

Надобно полагать, что западное и польское живописное вліяніе раньше и болѣе всего обнаруживалось на иконахъ для частнаго, семейнаго богомоленія и изъ семьи мало по малу вторгалось и въ самую церковь посредствомъ такъ названныхъ нами приносныхъ иконъ, или заказываемыхъ частными лицами, по своему вкусу, для извѣстной церкви, или же приносимыхъ въ церковь при погребеніи покойниковъ. Это, по большей части, или иконы малыхъ размѣровъ, приспособленныя къ частной, семейной божницѣ, или же иконы на полотнѣ или холстѣ, уже по самому матеріалу своему, на которомъ пишутся, приближающіяся къ картинамъ. Одною изъ старѣйшихъ заказныхъ южно-русскихъ иконъ въ этомъ родѣ нужно признать икону Знаменія Пресв. Богородицы съ молящимися ей великомученикомъ Димитріемъ и преп. Ниломъ, начала XVII в., изъ села Михайловки, Гайсинскаго у., Подольской губерніи [1]). Нерѣдко на

[1]) „Указатель Церковно-археологическаго музея при Кіевской Дух. Академіи“, Кіевъ, 1897 г., стр. 104, № 3577.

такихъ иконахъ, въ центрѣ ихъ или въ сторонѣ, изображается ангелъ, въ знакъ того, что на иконѣ изображены ангелы, т. е. святые покровители заказчиковъ. Такова, напр., икона преподобныхъ Кіево-печерскихъ Антонія и Ѳеодосія, съ ангеломъ между ними, XVШ в., недавно переданная изъ Кіево-Подольской Борисоглѣбской церкви въ Церковно-археологическій музей при Кіевской Духовной Академіи.

Во всякомъ случаѣ, западное вліяніе на южно-русскую иконопись не только не порабощало себѣ послѣдней, но нерѣдко даже содѣйствовало оживленію и національзаціи южно-русской иконописи. Дѣло въ томъ, что западно-европейская религіозная живопись, въ отличіе отъ Византійской, стремится къ естественности, къ натурализму, короче сказать—отличается реальнымъ характеромъ. Этотъ-то реальный характеръ западной живописи усваиваютъ себѣ, по подражанію западу, и южно-русскіе маляры и нерѣдко изображаютъ святыхъ среди мѣстной и бытовой обстановки и даже копируютъ лики святыхъ съ живыхъ лицъ. Особенно это нужно сказать о семейныхъ, заказныхъ и приносныхъ иконахъ. Такъ напр., на одной полотняной иконѣ XVШ в., недавно переданной изъ Кіево-Подольской Борисоглѣбской церкви въ Церковно-археологическій музей при Кіевской Духовн. Академіи, св. мученица Параскева, повидимому представляющая портретъ заказчицы, изображена въ малорусскомъ костюмѣ и головномъ уборѣ колѣнопреклоненною предъ образомъ Пресв. Богородицы. На небольшой деревянной иконѣ великомученицы Варвары, конца XVШ в., находящейся нынѣ въ томъ-же Церковно-археологическомъ музеѣ, эта великомученица тоже изображена въ видѣ сельской красавицы, въ сельскомъ костюмѣ и головномъ уборѣ [1]). Извѣстна также Переяславская икона Покрова Пресв. Богородицы, начала XVШ вѣка, на которой изображены Петръ I съ Екатериною I и козацкая старшина [2]).

Впрочемъ, далеко не всѣ иконы Харьковской археологической выставки носятъ на себѣ слѣды западнаго или польскаго вліянія. Въ пестрой смѣси различныхъ теченій въ южно-русской иконописи, представленной на этой выставкѣ, замѣтны также узоры вліяній сѣверно-русской живописи академической и сѣверно-русской иконописи.

О вліяніи русской академической живописи на южно-русскую живопись достаточно сказать только то, что эта живопись, сама возникшая

[1]) Указ. Церк.-арх. музея, стр. 105, № 3589.

[2]) Тамъ же, стр. 53, № 2612.

подъ вліяніемъ запада, вполнѣ гармонировала съ западно-европейскимъ вліяніемъ и служила какъ-бы дополненіемъ къ нему.

Что же касается сѣверно-русской иконописи, то мы видимъ на Харьковской археологической выставкѣ и старообрядскія иконы, писанныя въ духѣ прежнихъ сѣверно-русскихъ иконописныхъ школъ, и ремесленныя издѣлія позднѣйшей суздальской иконописи, начиная со второй половины XVIII вѣка, и даже мѣстныя подражанія суздальскимъ иконописцамъ.

Къ старообрядческимъ иконамъ нужно отнести: мѣдный крестъ, вдѣланный въ доску, на которой написаны предстоящіе [1]), деревянный иконостасецъ о 15 створкахъ, полученный изъ Харьковской дух. консисторіи [2]), и икона „Ангелъ Хранитель" [3]) весьма много напоминающая собою Стародубскія раскольническія иконы. На ней изображено шесть старцевъ, а ангелъ, стоящій среди нихъ, является только показателемъ того, что преподобные пустынники были святыми покровителями закащиковъ, тоже, вѣроятно, пустынныхъ старцевъ.

Суздальскія иконы и южно-русскія подражанія имъ узнаются уже по самымъ сюжетамъ, заимствованнымъ съ сѣвера Россіи. Таковы были на выставкѣ съѣзда, кромѣ иконъ Спасителя, Богородицы и св. Николая Суздальскаго типа, иконы Богородицы Владимірская [4]), Казанская [5]). Страстная [6]), Явленіе Пресв. Богородицы преподобному Сергію [7]) и др, Съ сѣвера же Россіи переходили на югъ, со второй половины XVIII вѣка, и такія иконы, которыя самою Сѣверною Русью заимствованы были въ давнее время съ Запада Европы, какъ, напр. „Не рыдай Мене Мати" съ картины Чимабуэ [8]), Образъ пресв. Богородицы всѣмъ скорбящимъ радости [9]) съ картины Рубенса [10]), и др. Всѣ почти эти иконы, заимствованныя съ Сѣвера Россіи, или подражанія имъ, отличаются небрежнымъ исполненіемъ и, кромѣ простого народа, едва ли имѣли другой кругъ для своего распространенія.

Н. Петровъ.

[1]) „Каталогъ выставки XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ", 1902 г. отд. II, стр. 8 и 9, № 27.
[2]) Тамъ же „Дополненіе", стр. 2, № 611.
[3]) Тамъ же, отд. II, стр. 9, № 32.
[4]) Тамъ же, стр. 4, №№ 13 и 14.
[5]) Тамъ же, стр. 9, № 34.
[6]) Тамъ же, стр. 16 и 17, № 68.
[7]) Тамъ же, стр. 7, № 21.
[8]) Тамъ же, стр. 2, № 3; сн. „объ иконописаніи", Д. А. Ровинскаго.
[9]) Тамъ же, стр. 131, № 526.
[10]) См. объ этомъ выше.

(1-е путеш. по Аѳону, ч. I, отд. 2, стр. 94). По Клавихо (стр. 7), это была *лѣвая* рука св. Іоанна Предтечи; но мнѣ кажется, что свидѣтельства нашихъ паломниковъ этого не подтверждаютъ. Къ сожалѣнію, я не знаю обожжена или нѣтъ рука св. Іоанна, что въ Діонисіатѣ.

У нашихъ паломниковъ монастырь св. Іоанна Предтечи τῆς Πέτρας назывался „Иваномъ Богомъ богатымъ“ и подобно Студію особенно почитался *за строгость устава*. Мнѣніе Кондакова (стр. 73 и 204) о тождествѣ этого монастыря съ „Калуяновымъ“, повидимому, ошибочно.

Іоаннъ Предтеча св. въ Евдомѣ, цер. 111. Круглый храмъ, построенный при дворцѣ Евдома Ѳеодосіемъ Вел. для помѣщенія привезенныхъ мощей св. Іоанна Предтечи, именно главы или верха главы (Кондаковъ, стр. 199; ср. Церемоніи, стр. 449). Потомъ нашъ Антоній видѣлъ ее въ Студійскомъ монастырѣ (стр. 102, изд. Савв.). Тотъ же имп. Ѳеодосій пожертвовалъ и частицу руки св. Іоанна Предтечи, при своемъ хризовулѣ, въ основанную имъ церковь св. Іоанна Предтечи на о. Антигонѣ (А. Н. Муравьевъ, Письма съ Востока, ч. I, стр. 48); по другимъ, на о. Антигонѣ мощи—даръ Юстиніана Вел. ὁ ἐν Γαλατᾷ ἱερὸς ναὸς τοῦ ἁγίου Ἰοάννου τῶν Χίων ὑπὸ Γ. Γεωργιάδου, σελ. 151). Другая частица въ 391 году положена въ церкви св. Іоанна Крестителя, на мѣстѣ Серапеона; эта часть принесена въ Александрію еще при Юліанѣ св. Аѳанасіемъ (Арсеній, Лѣтопись церковныхъ событій, стр. 139; напоминаю, что правая рука св. Іоанна Предтечи была въ мон. Б. М. „Перивлептъ“, а лѣвая, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ мон. св. Іоанна Предтечи на Іорданѣ; Леонидъ, стр. 41). Не та ли часть мощей св. Іоанна Предтечи, что была на Іорданѣ, нынѣ въ Турецкой Арменіи, въ Учъ-Килисса (Реклю: Передняя Азія, стр. 315). Часть (верхняя?) главы св. Іоанна Предтечи была потомъ въ мон. Діонисіатѣ, на Аѳонѣ. Но во время войнъ Екатерины II Турки захватили корабль, который возилъ ее на о св. Евстратія для молебствія, и теперь она въ христіанской сокро-

вищницѣ (архим. Порфирій, Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты, ч. I, отд. 1, стр. 118). Это позволяетъ заподозрить извѣстіе о перенесеніи ея въ Амьенъ (Кондаковъ, стр. 205; Леонидъ, стр. 42). Какую-то часть главы св. Іоанна Крестителя показываютъ еще въ Іерусалимѣ, въ мон. его имени въ кварталѣ Муристанѣ (Норовъ, Іерусалимъ и Синай, стр. 29).

Въ храмѣ св. Іоанна Предтечи въ Евдомѣ былъ послѣ погрома Латинянъ найденъ гробъ имп. Василія Болгаробойцы (Пахимеръ у Рихтера № 207).

Недавно открытъ фундаментъ этого храма въ дер. Макрикіой (Извѣстія Рус. Археол. Инст. въ К—лѣ, т. II, стр. 181).

Іоаннъ Предтеча св. „Прова“ ц. 20, 105. Храмъ этотъ построенъ патрикіемъ Провомъ.

Іоаннъ Предтеча св. „Илла“, ц. 83, 84, 126. Этотъ храмъ построенъ извѣстнымъ Илломъ, современникомъ Зинона, на мѣстѣ его дома, близъ Халкопратіевъ (Кондаковъ, стр. 31; Мордтманъ, стр. 4).

Іоаннъ Предтеча св. „Кинтилія“, ц. 91. Близъ Софійской гавани (Мордтманъ, стр. 56).

Іоаннъ Предтеча св. въ Конхѣ, ц. Построена Сфоракіемъ.

Іоаннъ (Предтеча?) св. въ Аркадіанахъ, ц. 78. Построена Аркадіемъ. Одно изъ зданій Сераля преданіе до сихъ поръ называетъ церковью св. Іоанна, но только относитъ къ Златоусту.

Іоаннъ Златоустъ св. въ Ксирокиніи, ц. Повидимому, это та самая церковь, которая болѣе извѣстна (по придѣлу съ мощами) подъ названіемъ ц. св. Григорія въ Ксирокиніи (Мордтманъ, стр. 72).

Іоаннъ Предтеча св. близъ Тавра, ц. (ошибочно: πλησίον τοῦ Τάφου). Не другое-ли это названіе ц. св. Іоанна „въ Конхѣ“? Ср. Триконхъ.

Іоаннъ Предтеча св. „въ Труллѣ“, ц. Паспати (стр. 303) отождествляетъ эту церковь съ небольшой мечетью Ахмедъ-паша (близъ Фетихіе-джами); Кондаковъ не соглашается (стр. 209).

Іоанна Предтечи ворота.

1) Гдѣ нынѣ Нарли-капу (см. Древнія ворота Іоанна Предтечи).

2) Другое названіе воротъ Кинигія (Мордтм., стр. 40).

3) — in cornibus (см. Мирохератъ), нынѣ Синданъ капуги на Золотомъ рогѣ (Мордтм., стр. 46).

„Іоаннитце“ мон. Женскій монастырь, начатый вдовой Мануила Ксенісй и оконченный Исаакомъ Комниномъ (Конд., стр. 73).

Іоаннъ Милостивый св., ц. Другое названіе церкви св. Өеодосіи (Конд., стр. 81—82 и 93). Мощи св. Іоанна Милостиваго около 1460 г. подарены Венгерскому королю Матвѣю Корвину и теперь въ Будѣ (Арсеній, Лѣтопись церк. событій, стр. 582): глава его, кажется, въ мон. Пантократора на Аөонѣ (Путевод. по св. Аөонской горѣ, изд. Пантел. мон., стр. 88). Кажется, его правая рука въ Діонисіатѣ (Порфирій, 1-е путеш. по Аөону, ч. I, отд. 2, стр. 94).

И.

Ипатій св., ц. Евктиріи при храмѣ свв. Апостоловъ (Церем., стр. 538).

Ипподромъ 12. 14. 20.

Дворецъ Ипподрома . . . . 100. 101.

Фіала Ипподрома . . . . 124.

праща . . . . 80. 81. 103. 123.
κοῖλα (праща же) . . . . 103.
праци (ниши?) . . . . 54.
статуи . . . . 53,54.
Каѳизма . . . . 53.
стама (въ смыслѣ каѳизмы) . . . . 17, 60. 80.
рѣшетка . . . . 53. 60.
четыре коня . . . . 53.
„Мертвыя“ ворота . . . . 125.

Мѣдныя ворота, 54. Константинопольскій циркъ по своему плану весьма похожъ на циркъ Максентія въ Римѣ. Если мы сравнимъ сохранившійся съ XV вѣка рисунокъ развалинъ цирка въ К—лѣ (Бандури) съ планомъ и рисунками цирка Максентія, то увидимъ, что зданіе Кахизмы вполнѣ соотвѣтствуетъ oppidum, по крайней мѣрѣ въ нижнемъ этажѣ: тѣ же карцеры; и карцеры цирка К—ля, изображенные въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, очень походятъ на карцеры цирка Максентія на барельфахъ Британскаго музея. А это сходство заставляетъ предполагать, что въ серединѣ (подъ самой царской ложей) были такія-же вотора, которыя къ тому-совмѣщали въ себѣ и porta pompae и porta triumphalis, такъ какъ устроить послѣднія въ срединѣ дугообразной стороны (праща) въ К—лѣ не позволяла мѣстность. Что таковыя ворота существовали, на это указываютъ извѣстія о вторженіи Нарзеса „черезъ ворота“ (Ѳеоф., стр. 185, Боора), о въѣздѣ Ѳеофила „черезъ Дафну“ (Церем., стр. 507), о захватѣ мятежниками въ малолѣтство Константина Багрянороднаго „воротъ съ лампадами“ (Зонара, XVI, 16). Здѣсь „для безопасности“ были устроены „желѣзныя ворота Дафны“ (Бѣляевъ, I, стр. 95-96), для безопасности, т. е. для избѣжанія повтореній вторженій заговорщиковъ, какія бывали при Юстиніанѣ II и Филиппикѣ. И дѣйствительно, ворота эти сослужили службу: онѣ спасли жизнь императору. Никита Хоніатъ даетъ прекрасное описаніе Каѳизмы, особенно если это описаніе сравнить съ рисунками лѣстницъ на хоры Кіево-Софійскаго собора (см. мои

„Замѣтки“, Виз. Врем., т. IV, стр. 524). Четыре коня, стоявшіе на верху,—нынѣ въ Венеціи надъ выходной аркой собора св. Марка. Считаю долгомъ замѣтить, что „фенги“ (полумѣсяцы), висѣвшіе надъ карцерами, не что иное какъ обереги отъ сглаза. Древніе Евреи носили такія же „луночки“ (Ис. III, 18) съ такой именно цѣлью (Гейки, св. Земля и Библія, стр. 250) и до сихъ поръ носятъ ихъ въ Италіи крестьяне: это является воспоминаніемъ о культѣ Изиды (проф. Сумцовъ, Личные обереги отъ сглаза, стр. 19) Если кромѣ карцеровъ, были и большія ворота въ открытый Ипподромъ (Стаму?), то долженствовали быть противъ нихъ и другія: изъ открытаго Ипподрома на Августеонъ. У этихъ-то послѣднихъ воротъ и стояли два мѣдные коня; всѣ данныя указываютъ, что они стояли гдѣ-то у въѣзда. По свидѣтельству Өеофана, когда Анастасій наступилъ на конецъ мантіи патріарху Герману, смѣлый защитникъ иконъ сказалъ: „Не спѣши: поспѣешь въѣхать въ Діиппеонъ!“ И дѣйствительно, Константинъ Копронимъ устроилъ Анастасію позорный въѣздъ въ Діиппеонъ. Такой же въѣздъ въ Діиппеонъ былъ устроенъ и лже-патріарху Константину. Послѣдняго, прокативъ по Ипподрому, привезли въ стаму и тамъ подвергли оскорбленіямъ (Өеоф., стр. 408, 420 и 441, Боора). Итакъ, Діиппеонъ, очевидно, народный въѣздъ въ Ипподромъ. Такъ какъ кони стояли, конечно, съ наружной стороны, т. е. со стороны Милія, то приходились и около Ипподрома и у ц. св. Іоанна Богослова, стоявшей противъ нихъ. По обѣимъ сторонамъ Ипподрома шли сидѣнія для партій: справа отъ царской ложи были сидѣнія Венетовъ (Голубыхъ), а слѣва Празиновъ (Зеленыхъ). До Өеодосія Младшаго, говорятъ было наоборотъ (Рамбо, De byz. hippodr., стр. 39 и 40). Между сидѣніями партій, вѣроятно, въ „працѣ“ (или же вдоль межи, см. ниже) находился „Месодимій“, какъ думаютъ, сидѣнія нейтральныхъ гражданъ. По оси Ипподрома шла раздѣльная черта (Spina). Слѣды ея мы до сихъ поръ видимъ въ обелискѣ Өеодосія, Дельфійскомъ треножникѣ и обелискѣ Константина Багрянороднаго. Прежде здѣсь, какъ и въ корридорахъ

сидѣній, стояла масса статуй. Изъ этихъ статуй для фольклора интересна статуя „князя подземнаго" (проф. Кирпичниковъ, Чудесныя статуи въ К—лѣ, стр. 24 и 25; оттискъ изъ т. IV „Лѣт. ист.-фил. общ. при Новор. унив.) На пространствѣ этой межи, вѣроятно, помѣщался и храмъ св. Стефана въ Ипподромѣ (Церем., стр. 183, 239, 249 и 251). Въ юго-западномъ концѣ межи находился фонтанъ (фіала: Лабартъ, стр. 50 и 51). Тамъ омывали раненыхъ. Труднѣе опредѣлить, гдѣ былъ κάμπτος (meta) каждой партіи (съ яйцомъ наверху въ память Діоскуровъ; ср. Кодина, стр. 13) Принято считать, что κάμπτος Голубыхъ былъ у сѣверо-восточнаго конца спины, а κάμπτος Зеленыхъ у юго-западнаго (Лабартъ,) стр. 48 и 49). Рейске (стр. 314) полагалъ ихъ близъ „пращи", и это чуть ли не вѣрнѣе. Гдѣ находилась „Стама или каоизма" (передъ каоизмой или за каоизмой)—вопросъ (см. мои „Замѣтки", Виз. Врем., т. IV, стр. 525). У „пращи" существовало двое воротъ: въ сторону Ахоръ-капу—ворота „Мертвыхъ" (куда выносили убитыхъ). Кодинъ производитъ совершенно невѣрно это названіе отъ того, что будто бы тамъ были похоронены жертвы мятежа „Ника". Отголосокъ этого объясненія сохранился у Брокьера (Чедомилъ Міятовичъ, Константинъ, XI, стр. 48 и 49), но избитыми явились уже Крестоносцы; а наши паломники смѣшали эту легенду съ преданіемъ о Львиной пещерѣ близъ Биркетъ Малила въ Іерусалимѣ и отнесли уже поэтому къ Жидовскимъ воротамъ (Леонидъ, стр. 27). Въ сторону къ св. Анастасіи были „Мѣдныя ворота Ипподрома". Въ „пращѣ" совершались иногда и казни (Кодинъ, стр. 103). Трупъ Фоки былъ сожженъ тоже въ „Халкахъ Ипподрама" (см. мое соч. Ираклій, стр. 19). Были ворота и у соединенія портика Венетовъ съ каоизмой. Черезъ нихъ проникъ Велизарій (см. мои „Замѣтки", Виз. Врем., т. IV, стр. 527). Мнѣніе, что черезъ эти „лѣвыя ворота" шелъ путь прямо въ колоннѣ Константина (Дестунисъ, Журн. Мин. Нар. Просв., 1890 г., сент., стр. 264), ошибочно. Ворота эти были, вѣроятно, противъ „полукружія" (апсиды). Вдоль корридо-

ровъ партій и „пращи“ тянулся ровъ съ водой „еврипъ“, гдѣ многіе потонули во время побоища въ 501 г. при Анастасіи (Рамбо, De byz. hippodr., стр. 42). Ипподромомъ св. Сергія“, вѣроятно, называлась часть Ипподрома, ближайшая къ ц. свв. Сергія и Вакха (Церем., стр. 337).

Ипподромъ у св. Маманта. Кромѣ настоящаго Ипподрома, въ К—лѣ извѣстенъ еще Ипподромъ внѣ города у св. Маманта. Здѣсь мучили при Константинѣ Копронимѣ (Рамбо, De byz. hipp., стр. 1; Арсеній, Лѣтопись, стр. 283.; Васильевскій, Ж. М. Н. Пр. 1877 г., іюнь. стр. 325). Этотъ же Ипподромъ служилъ мѣстомъ подвиговъ имп. Михаила III (Церем., стр. 493) Трудно рѣшительно сказать, близъ котораго именно изъ двухъ монастырей св. Маманта былъ этотъ Ипподромъ; вѣроятнѣе, что онъ былъ за Влахернами (Кеплокеркъ?). Напомню, что греки К—ля и теперь называютъ нын. Эюбъ-„Гини“.

Ирина древняя. 73, 79, 119. Св. Ирина, храмъ „Мира“, построена Константиномъ Вел. вмѣстѣ со св. Софіей и возстановлена Юстиніаномъ Вел. почти въ прежнемъ видѣ. Потомъ сильно пострадала отъ землетрясенія (740 г.) и была починена Львомъ III Исавромъ (Рихтеръ, № 2—14; Кондаковъ, стр. 129). Лучшее описаніе ея принадлежитъ проф. Бѣляеву (Виз. Врем., т. I, 769 и слѣд.; II, 177 и слѣд.). Св. Ирина была собственно-патріаршей церковью.

Интересно—сообщаемое у Кодина—преданіе, что на мѣстѣ церкви св. Ирины св. ап. Андрей нѣкогда *водрузилъ крестъ*. По другимъ преданіямъ, онъ тамъ построилъ храмъ Богородицы (Рихтеръ, № 1). *До сихъ поръ говорятъ о какомъ-то крестѣ:* только теперь его приписываютъ св. Константину и увѣряютъ, что русскіе его похитили (или хотятъ похитить). Вѣроятно это темное повѣріе христіанъ К—ля не что иное, какъ повѣсть о похищеніи русскимъ царемъ части Древа Животворящаго Креста, извѣстная по сербскимъ сказаніямъ (журналъ „Воскресенье“ за 1897 г.: „Отчего Турція гибнетъ?“, Эти сказанія гласятъ слѣдующее. Царь Николай Павловичъ,

переодѣвшись купцомъ и набравъ говеровъ, приплылъ на кораблѣ въ Царьградъ. Обѣщаніемъ подарить дорогую одежду (доломанъ) онъ добился отъ завѣдывающего сокровищами султана позволенія осмотрѣть св. Ирину, когда всѣ были въ мечети. Проникнувъ въ св. Ирину, царь Николай незамѣтно похитилъ хранившуюся тамъ часть Древа Животворящаго Креста, а затѣмъ неожиданно сѣлъ на тронъ, который имѣлъ то свойство, что всѣ пушки вдругъ стали палить. Давъ этимъ почувствовать, что въ Царьградѣ русскій царь, Николай Павловичъ поспѣшилъ на корабль и уплылъ благополучно. Пріѣхавъ домой, онъ вымѣнялъ у султана еще три предмета,—но эта часть уже не что иное, какъ извѣстная, переведенная Майковымъ, пѣсня: „Какъ одарилъ турецкій султанъ Московскаго царя". Св. Ирина не обращена въ мечеть (а служитъ арсеналомъ), и благочестивые люди могутъ видѣть въ этомъ подтвержденіе преданія о св. ап. Андреѣ. Въ новѣйшее время ставилъ кресты на мѣстахъ проповѣди своей св. Козьма Равноап. (см. Аѳонскій Патерикъ подъ 4-мъ августа).

Ирина св. въ Галатѣ. 119. У Кодина Ириной въ Галатѣ названа та церковь, гдѣ св. ап. Андрей рукоположилъ св. Стахія (см. Аргирополь). Еще тексты у Рихтера №№ 26 и 27.

Ирина св. у переправы. 89. Обращена въ храмъ изъ капища Маркіаномъ и возобновлена Василіемъ Македоняниномъ. Этотъ же храмъ позже возстановилъ опять имп. Мануилъ Комнинъ (Никита Хоніатъ, VII, 3, стр. 266 и 267 рус. перев.) У Мордтмана (стр. 49) эта церковь поставлена у „Перамы", близъ Балыкъ-базара.

Ирина св. (гдѣ Сорокъ Мучениковъ), ц. Церковь св. мученицы Ирины, пострадавшей при Домиціанѣ или Траянѣ, построена Юстиніаномъ Вел. въ вершинѣ Золотого Рога, выше ц. св. Анонма (Прокопій, Постройки, кн. I, гл. 7). По Кондакову (стр. 43), это Ирина *„приморская"*.

Возможно, что придѣлъ свв. Сорока Мучениковъ при „Живоносномъ Источникѣ“ лишь другое названіе этой церкви (приписанной къ большому монастырю). Можно думать также, что именно частицы 40 мучениковъ, найденныя при закладкѣ этой церкви, Юстиніанъ Вел. послалъ въ храмъ Сорока Мучениковъ гл. г. Лазики — Археополя (нынѣ развалины близъ Николакеви).

Іріонъ. 119. У Прокопія читаемъ: „*Ἡραίῳ ὃ νῦν ἱερεῖον ὀνομάζουσι καὶ Ἰουκουνδιαναῖς καλουμέναι*“ (Постройки, I, 11, стр. 207. Бонн. изд.). Значитъ это нын. Фенеръ-бахче (ср. Византія, II, стр. 275). Но *кладбище* это надо искать все-таки не въ самой мѣстности Ференъ-бахче, а немного ближе къ Мальтепе (древ. Врiѣ). Это заставляетъ дѣлать предположеніе объ основаніи св. ап. Андреемъ близъ Мальтепе церкви св. Арх. Михаила „*Ἀνατέλλοντος*“ (Mitteilungen des Deutschen Excursions—Clubs in Constantinopel. 1891. Heft III, стр. 49 и 50). *Не отыщутся-ли тамъ катакомбы?*

Исаака Ангела башня. Въ Ираклiевой стѣнѣ, № 139 плана „Силлогоса“ (Конст., стр. 61; Паспати, стр. 22—24; Дестунисъ, стр. 40—42).

Исаія св. прор., ц. Построена Маркіаномъ и Пульхеріей въ кв. Пульхеріанахъ для помѣщенія привезенныхъ изъ Іерусалима мощей пророка (Конд., стр. 14 и 92). По Мордтману (стр. 42), нынѣ Пуръ-кудисунъ-джали. Глава св. пророка Исаіи нынѣ въ мон. Хиландарь (Порфирій, I-е путеш. по Аѳону, ч. II. отд. I, стр. 11).

Исидоръ св., ц. Построена братомъ Евбула. Находилась близъ ц. св. Ирины у переправы и св. Силы, т. е. гдѣ-то недалеко отъ вокзала ж. д. (Морд., стр. 50).

Испигасъ. 1) Мѣстность по ту сторону Золотого Рога, нынѣ долина Каммъ-паша, а иногда и вся мѣстность за Золотымъ Рогомъ. Упоминается подъ этимъ названіемъ впервые во время осады Аваръ 626 г. (Мордтманъ, стр. 43; Саввантовъ, прмѣч. 12; ср. мое соч. „Ираклій“, стр. 56).

2) ворота въ К—лѣ на берегу Золотого Рога (нынѣ Джубали-капу), близъ которыхъ была переправа на ту сторону (Мордтманъ, стр. 44).

„Источника" ворота. Нынѣ Силиврійскія. Такое названіе дано этимъ воротамъ въ подражаніе „воротамъ Источника" въ Іерусалимѣ (Неем., II, 14; III, 15). которыя были у Силоамскаго Источника.

„Источника" пристань. Остатки нынѣ Тамъ-искелесси близъ Семибашеннаго замка (Дестунисъ, стр. 8 и 9).

К.

Калліи и Кавлія св. мон. Близъ Неорія (Морд., стр. 48). По Зосимѣ, св. Калія лежала въ мон. „Повасильяса", „Всецарь" (Леон., стр. 39 и 40; женскомъ). Не другое ли это названіе мон. Б. „Всецарицы"? О св. Калліи см. Филарета, Житія свв. подвижницъ Вост. церкви, стр. 252 и 253.

Каллигарія башня. Башня въ Иракліевой стѣнѣ, третья отъ соединенія той стѣны съ Өеодосіевой. Съ этой башни въ ночь подъ 29 мая 1453 г. имп. Константинъ XI слышалъ грозныя приготовленія Турокъ къ штурму (Дестунисъ, Истор. топ. очеркъ, 34).

Каллигарія ворота. Нынѣ Эгри-капу во Влахернахъ. Къ нимъ прилегалъ сапожный кварталъ (Дестунисъ, Историко-топогр. очеркъ сухоп. стѣны К—ля, стр. 34—37).

Каллиника св. ц. 1) Храмъ въ вершинѣ Золотого Рога за Влахернской стѣной, у моста Юстиніана черезъ р. Варвизъ; построенъ Юстиніаномъ Вел. (Рихтеръ, № 580). Ср. Каллиника св. мостъ.

2) Храмъ на Ксиролофѣ. По свидѣтельству Созомена (кн. IX, гл. 2-я) и Пасхальной хроники (стр. 590 ed. Bonn.), мощи свв. Сорока мучениковъ Севастійскихъ частицы), пострадавшихъ при Ликиніи, были скрыты въ К—лѣ за стѣнами (Константина, именно за Троадскими, очевидно „Золотыми воротами") въ саду діакониссы Македоніевой секты

Евсевій). По завѣщанію ея эти мощи были положены надъ ея гробомъ. но монахи ея секты устроили тутъ же надъ землей и церковь, а надъ церковью жилой домъ съ тайнымъ ходомъ. Потомъ вельможа Кесарій (ср. Кесарія гавань) построилъ наверху и храмъ во имя св. Хирса. Вслѣдствіе откровенія (видѣнія Өирса во снѣ) Пульхеріи въ 438 г. удалось отъ одного старца, пережившаго всю общину, найти мѣсто и открыть подъ развалинами церкви гробницу и loculus мучениковъ Τὸ τὲ ἐπίθεμα τῆς θήκης ὥσπερ εἰς ἱερὰν ἐξήσκεῖτο τραπέζαν. Вверхъ отъ гробницы подымалась небольшая люнерна (τρόπημα), вѣроятно освѣщавшая подземную церковь. Кругомъ найдено было много алавастровъ и двѣ серебряныя пиксиды съ мощами; по мнѣнію проф. Кондакова, это былъ едва ли не единственный случай открытія въ К—лѣ катакомбъ и притомъ имѣвшій мѣсто въ V вѣкѣ (Конд., стр. 45). На этомъ мѣстѣ потомъ возникла церковь свв. Каллинника, Өирса и Левкія близъ дворца Елены, обновленная Юстиніаномъ (Конд., стр.; 42 Морд., стр. 77; память 14-го декабря) Въ „Обрядникѣ" (стр. 46) эта церковь или монастырь называется почему-то „евктиріемъ" (на Ксиролофѣ). Быть можетъ царь не входилъ съ самый храмъ или монастырь, а молился въ часовнѣ у воротъ. Нельзя-ли видѣть эту „крипту" 40 мучениковъ въ цистернѣ выше мон. Суму (въ Псаматіи), гдѣ предполагаютъ (Конд., стр. 141 и 142) м. Богородицы „въ Сигмѣ"? Можно предположить, что этотъ монастырь надо разумѣть и подъ ἀσκητήριον περὶ τὸν Ξηρολόφον, куда (по свидѣт. Никифора Григоры) удалился патріархъ Аөанасій (Конд., стр. 79; Рихтеръ № 649 и 650).

Каллиника св. калитка. Эту калитку (Өеоф., стр. 380 Боора— ап. 6203; Никиф., стр. 48, Боора) обыкновенно отождествляютъ съ дверцей къ сѣверо-западу отъ Текфуръ-серая (№ 111 на планѣ „Силлогоса"; Деступисъ, стр. 34). Мордтманъ же отождествляетъ ее *съ Ксилопортой* (Мордт., стр. 37; ср. Ксилопорта). Ксилопорта, дѣйствительно, ближе къ церкви Богородицы „Влахерской".

Каллиника св., мостъ. Въ вершинѣ Золотого Рога, на р. Варвизѣ. у церкви св. Каллиника. Построенъ тоже Юстиніаномъ Вел. (иначе: мостъ Юстиніана Вел. Рихтеръ № 580). Около этого моста въ 626 году хотѣли высадиться Славяне (см. моего „Ираклія“, стр. 55).

Каллистрата мон. 118. Построенъ, по преданію, еще Константиномъ Великимъ. Во всякомъ случаѣ одинъ изъ самыхъ древнихъ (Рихтеръ, № 867 и 267, Конд., стр. 12 и 51).

Калуяновъ мон. По мнѣнію Кондакова, это другое названіе мон. Іоанна въ Петрѣ (Конд., стр. 73); однако, мощи св. Власія какъ бы указываютъ на другое (см. св. Власій).

Каниклій. 103 Мѣстоположеніе неизвѣстно.

Капитолій. Нынѣ Эски-Сераль на мѣстѣ и изъ его матеріаловъ (Конд., стр. 135; Морд., стр. 70).

„Каріана“ храмъ и портикъ 95. Храмъ со странноприіемницей и портикъ Каріанскій построилъ им. Маврикій на мѣстѣ дома патрикія этого имени во Влахернахъ. За остатокъ Каріанскаго портика принимаютъ развалину близъ пролома въ приморской стѣнѣ, восточнѣе Ксилопарты (Морд., стр. 39). Не надо смѣшивать со сходнымъ зданіемъ въ Большомъ дворцѣ (Кондаковъ, стр. 54), вмѣщавшимъ въ себѣ Триконхъ на сосѣднія помѣщенія.

Карпъ и Папилла свв., ц. 98. До появленія труда г. Кобеко (Опытъ исправл. текста „Бесѣды о святыняхъ Царяграда“, Спб. 1897, Дополн. замѣтка къ статьѣ: „Опытъ“ и т. д.) не возникало сомнѣнія относительно положенія „монастыря“, гдѣ были мощи свв. Карпа и Папилы. На основаніи указанія Синаксаря πλησίοστῶν Ἑλενιανῶν этотъ монастырь предполагался близъ дворца Елены (Конд., стр. 91; Морд., стр. 77), т. е. гдѣ-то въ Псаматіи. Савваитовъ при-

зналъ за вставку мѣсто Антонія, гдѣ рядомъ съ Карпомъ и Папилой говорится о мон. св. Маманта (Мамы) и объяснилъ дѣло простымъ смѣшеніемъ воротъ χαρσία и χρυσῇ (прим. 142). Кондаковъ тоже положился на указаніе Синаксаря, но все-таки призналъ вставку о св. Мамантѣ странной (стр. 91). Между тѣмъ въ новѣйшее время установленъ фактъ существованія двухъ монастырей св. Маманта, а въ такомъ случаѣ дѣло принимаетъ иной оборотъ. Можно поставить гипотезу, что подъ „монастыремъ", гдѣ лежали свв. Карпъ и Папила подразумѣвается въ сущности извѣстная церковь 70 Апостоловъ въ Аргирополѣ, т. е., что это былъ ея придѣлъ. Что касается указанія Синаксаря, то тутъ надо читать: „близъ Елеи" (Оливъ; см. „Елея") или, вмѣсто дворца Елены, надо подразумѣвать мѣстность у ц. св. Елены за Золотымъ рогомъ. Тамъ могъ быть и дворецъ „Елены" (загородный), какъ былъ дворецъ Ѳеодоры при храмѣ св. Ѳеодоры. Въ „Елеѣ" была церковь свв. Архиппа и Филимона (Бесѣда, стр 22) тоже изъ числа семидесяти Апостоловъ.

Кастелій 115. Построенъ Тиверіемъ для укрытія флота. Вѣроятно другое названіе „Стронигла", или „Евдома".

Кантинарій башня. 114. Построена Константиномъ Велик. и послѣ землетрясенія возобновлена Ѳеофиломъ. Находилась близъ воротъ Евгенія и быть можетъ тождественна съ „башней Евгенія". Цѣпь, остатки которой нынѣ въ св. Иринѣ, протягивалась черезъ Босфоръ къ башнѣ въ Галатѣ (Морд., стр 493; Левъ Діак. V, 2).

Καινούπολις. **цер.** Близъ форума Ѳеодосія (Морд., стр. 59), иначе Б. „Καινούπολις." Здѣсь, кажется, надо разумѣть фор. Тавра (ср. Конд., стр. 34). Она была въ VII участкѣ.

Керательволъ. 119. Часть портика, шедшаго отъ Влахернъ до Манганъ и Циканистерія, именно, изгибъ къ во-

стоку отъ Неорія (близъ мыса св. Варвары) параллельно „Сигмѣ“ приморской стѣны въ этомъ мѣстѣ. О немъ, вѣроятно, идетъ рѣчь и у Акрополита: „Императоръ нашелъ на К—ль и расположился лагеремъ противъ *сѣвернаго рога города* (ἀντιπέραν τοῦ Βορείου κέρως τῆς πόλεως), на мѣстѣ, называемомъ Галата“ (Акропол. стр. 204 рус. перев.). Ср. Сигма, 2.

Керкопорта. Такъ называлась злополучная подземная калитка, черезъ которую вторгнулись Турки въ К—ль 29-го мая 1453 г. Она находилась, по словамъ Дуки „у нижней части дворца“ (Влахернскаго) и вела съ сѣвера въ перивол, т. е. пространство между двумя стѣнами (Кира и Анѳимія). За „много лѣтъ“ до 1453 г. она была заложена, но во время осады старики напомнили про нее, и она была открыта. Положеніе ея (планъ „Силлогоса“ № 95) точно опредѣлено Паспати (Дестуннсъ, стр. 30—32). Считаю однакоже долгомъ отмѣтить, что нѣчто вродѣ подземной калитки замѣтно и нѣсколько сѣвернѣе, правѣе воротъ Ксилокерка (по Мордтману-сыну). Это замѣчено мною въ 1895 году.

Кесарія гавань и кварталъ. По всѣмъ соображеніямъ это остатки мола и слѣды занесеннаго бассейна у Контоскали (нынѣ Кумъ-капу. Морд., стр. 7). Этотъ же Кесарій быть можетъ строилъ и ц. св. Ѳирса (см. Каллиника, Ѳирса и Левкія на Ксиролофѣ).

Кидаръ, рѣчка 1. Вмѣстѣ съ Варвисомъ она составляетъ нынѣ „Сладкія воды“ (европ. въ вершинѣ Золотого Рога). Неизв. подземнымъ путемъ ея вода наполняетъ „Царскую цистерну“ (Константій, стр. 62).

Кикловій. Укрѣпленіе у Золотыхъ воротъ (Морд., стр. 13 и 30), изображенное и на многихъ старыхъ рисункахъ К—ля. Кажется, это собственно та изъ башенъ Семибашеннаго замка, которая приходится восточнѣе другихъ (глубже вдается въ городъ). Это внутреннее укрѣпленіе слѣдуетъ отли-

чать отъ внѣшняго, тоже круглаго, такъ называемаго „Странгиля“ (см. Странгилъ).

Кинигій. 31. 32. 1) Мѣстность и ворота (Охотничьи) этого имени находились при соединеніи стѣны Θеодосія съ приморской стѣной у Золотого Рога (Паспати, стр. 2). Тамъ былъ звѣринецъ и иногда казнили (Деступисъ, стр. 7; Θеоф. 6196—6198, и т. д.); нынѣ ворота „Кинигія“—заложенныя ворота безъ названія близъ меч. Ходжа Мустафа-паша, извѣстныя по барельефу Архангела Гавріила (Морд., стр. 39). Впрочемъ, иные считаютъ это за изображеніе Арх. Михаила (Константій, стр. 22), а иные даже за изображеніе Νίκη.

2). Тоже названіе носила и мѣстность внутри города—близъ Манганъ, гдѣ жила извѣстная Склерина (Зонара, кн. XVII, гл. 27).

Кипріанъ св., ц. 1) Гдѣ-то на I холмѣ (Леонидъ, стр. 23 и 24). Не тождественна ли она съ ц. Б. „Карпіана“?

2) πέραν ἐν τοῖς Σαλμῶντος (Дюк., IV, 178; 11-го октября).

К„ира“ мон. Находился ἐν τοῖς Ἐλεβίχου (Конд., стр. 36); ср. еще Богородица „Кира“.

Киріакъ св., мон. 1) Загородный—построенъ за Золотыми воротами препозитомъ евнуховъ при Львѣ Великомъ (Конд., стр. 30 и 37, Дюк., IV, 183).

2) Внутри города (Конд., стр. 37), именно у воротъ Пемпта, которыя назывались и воротами св. Киріака (Мордт. стр. 21—23).

Кирополія. Восковой рынокъ (Левъ Грамм. въ Конст. Багр. стр. 505; Дюк., I, 84).

Клавдія. 103. Изъ дома патрикія Клавдія при Василискѣ передѣланъ, очевидно, въ общественное учрежденіе, потому что ц. св. Θедора Тирона въ кв. Клавдія упоминается у Кодина особо между Мироелемъ и нын. Іени-капу.

Колесница Иліоса на Миліи 39, 40, на Амастрійскомъ форумѣ 45. Невольно вспоминаешь ирмосъ: „Всѣлъ еси на кони, Апостолы Твоя, Господи, и пріялъ еси руками Твоими узды ихъ“...

Конопіонъ 78. Собраніе мѣдныхъ изображеній малыхъ животныхъ и насѣкомыхъ, вслѣдствіе существованія которыхъ (изображеній) населеніе столицы было избавлено отъ укушеній мышей, блохъ, комаровъ и т. п. Эти изображенія были поставлены и заговорены, по преданію, Аполлоніемъ Тіанскимъ; Василій Макед. ихъ уничтожилъ (ср. Кирпичникова, Чудесныя статуи въ К—лѣ, стр. 18 и 19).

Константина св. евктирій. 1) на форумѣ (К—на); часто упоминается (близъ колонны Константина) въ „Обрядникѣ“ (стр. 28—30 и т. д.). Подробности см. въ изслѣдованіи Бѣляева: „Евктирій св. К—на“ (въ IV т. Лѣтопис. ист.-филол. общ. при Новорос. унив.).

2) въ Новомъ дворцѣ (Вона); упоминается тоже въ „Обрядникѣ“ (стр. 532—534).

3) Такъ можно было назвать и престолъ въ „усыпальницѣ“ К—на въ храмѣ св. Апостоловъ (Церем., стр. 538).

Константина св. мон. Этотъ монастырь, часто упоминаемый нашими паломниками (Леонидъ, стр. 31 и 32), очевидно, не что иное, какъ храмъ Всѣхъ Святыхъ, при которомъ былъ дѣйствительно евктирій св. Θеофана, а по сосѣдству (въ храмѣ свв. Апостоловъ) была и усыпальница свв. Константина и Елены съ алтаремъ въ ихъ память (Церем., стр. 538). Да даже и безъ этого алтаря свв. Константина и Елены въ церкви Всѣхъ Святыхъ должны были поминать прежде всего

этихъ святыхъ, такъ какъ до сихъ поръ у Грековъ ихъ пишутъ на первомъ планѣ на каждой иконѣ Всѣхъ Святыхъ. Это и „мон. св. Ѳеофана".

Константина св. мон. Такъ иногда называли мон. „Пантократора" по придѣлу св. Константина.

Константина св. мон. у Источника. Имп. Василій Макед. никакъ не могъ забыть потери своего старшаго сына Константина (не ясно-ли, что это былъ, дѣйствительно, его сынъ?). И вотъ на семнадцатомъ году его царствованія (882 г.), во время отлучки за городъ (очевидно, въ нынѣшней Балуклейской рощѣ) онъ вдругъ встрѣтилъ какого-то неземного всадника, совершенно похожаго на его сына, и этотъ всадникъ обнялъ его и поцѣловалъ. Василій Макед. воздвигъ на этомъ мѣстѣ храмъ св. Константина „у дворца Источника" (Рихтеръ № 576; ср. № 576).

Историки (Симеонъ, продолжатель Георгія, Левъ Грамм.) приплетаютъ къ этому дѣлу извѣстнаго „Сантаварена", приближеннаго Фотія патр. Но, въ дѣйствительности, подобные случаи загробно-телепатическихъ явленій столь хорошо извѣстны (хотя, конечно, не поддаются научному объясненію), что „Сантаварена" можно и отложить въ сторону. Напоминаю, *что чрезъ четыре года*, именно въ этой мѣстности, имп. Василій Макед. застигла смерть. Сходныя явленія есть къ книгѣ свящ. Д. Булгаковскаго: „Изъ загробнаго міра. Явленіе умершихъ отъ глубокой древности до нашихъ дней. Спб. 1894 г."

Константина форумъ съ колонной 15, 41. 64. Мѣсто форума К-на извѣстно точно по сохранившейся колоннѣ Константина, такъ называемой „Обгорѣлой". Форумъ этотъ имѣлъ форму эллипсиса. Порфирная колонна была привезена, по преданію, изъ Рима и на нее поставлено было изображеніе Геліоса, привезенное изъ Иліополя Фригійскаго. Я уже привелъ (Извѣстія Русс. Археол. Инст. въ К—лѣ, т. II. стр. 27).

вѣское доказательство въ пользу справедливости догадки Вульфа о томъ, что эта статуя изображала не Константина, какъ обыкновенно думаютъ, а Спасителя (Извѣстія Русс. Арх. Инст. въ К—лѣ, т. I стр. 41). Теперь могу указать еще на одну церковную пѣсню, изъ которой ясно, что древніе христіане видѣли въ изображеніи Геліоса на колесницѣ символическое изображеніе Христа и четырехъ евангелистовъ (см. Колесница Геліоса). Быть можетъ культъ Озириса былъ причиной того, что на долю Аполлона выпала такая высокая честь. Озириса, положимъ, изображали не въ колесницѣ, а въ золотой лодкѣ; но вѣдь и корабль древній христіанскій символъ (ср. „Судьба города"). Изображеніе Геліоса упало отъ удара молніи. Алексѣй Комнинъ замѣнилъ его крестомъ; а Мануилъ Комнинъ (какъ гласитъ и надпись на колоннѣ) замѣнилъ поврежденныя части колонны кирпичами. Савваитовъ, сведя въ одно тексты Зосимы, Стефана и Никифора Каллиста (по Византію) доказалъ, что, по преданію, 12 корзинъ, вмѣстѣ съ сѣкирой Ноя и алвастромъ Маріи Магдалины, были зарыты подъ этой колонной (Савваитовъ, прим. 104; Конд. стр. 90), по Кодину, приходится прибавить къ этому и Палладіумъ (см. „Судьба города"). По сказаніямъ, наканунѣ появленія Антихриста, Царьградъ погрузится въ море, и останется только столпъ царя Константина „съ честными гвоздями" (Истринъ, стр. 198). Интересна еще восточная арка, на которой стояла статуя, по суевѣрному убѣжденію народа, накликавшая на Имперію (Никита Хоніатъ, т. I, стр. 193 рус. перев.) несчастія.

Константина Палеолога гробница. Точно изъ исторіи неизвѣстно, гдѣ именно похоронено тѣло послѣдняго императора Византіи. Однако, съ незапамятныхъ временъ въ кварталѣ „Вефа„ (или „Мефа"), въ грязномъ дворѣ, показываютъ въ правомъ углу могилу Константина XI, а въ лѣвомъ— тюрбе убившаго (по преданію) его *негра-янычара* („Нилло" романа „Князь Индіи, или Паденіе Царьграда"). Даже ос-
[illegible] „Мефа" въ переводѣ возгласа: „Μ'ἔφα(γ)ε!"

(„съѣлъ меня!“). Глубокій знатокъ древностей Царьграда, патріархъ Константій высказался однако за погребеніе Константина XI въ ц. св. Θеодосіи (см. Θеодосія св.).

За гробницу въ кварталѣ Вефа (или Мефа), однако, упорно стоитъ д-ръ Мордтманъ, Mitteilungen des Deutschen Excursions-Clubs in Constantinopel 1891. Heft III, стр. 10).

Контаріи 51, 52, 85. Мѣстность (холмъ) гдѣ-то близъ гавани Софійской (Морд., стр. 56). Если я вѣрно понялъ текстъ, то у Кодина идетъ дѣло не о древкахъ копій, а о наконечникахъ (мѣстность тамъ каменистая, Кодинъ, стр. 14), то таковыя, вѣроятно, и теперь должны попадаться, и по этой примѣтѣ легко точнѣе опредѣлить положеніе „Контаріевъ“.

Контоскалійскія ворота 109. Ворота на берегу Мраморнаго моря, нынѣ Кумъ-капу.

Коварія. Мѣстность на берегу Золотого Рога, близъ Неорія (Морд., стр. 48; Герцбергъ, стр. 342).

Кордаминъ. 22. Зданіе. Мѣстоположеніе неизвѣстно.

Космидій. Мѣстность за Влахернской стѣной, нынѣ Эюбъ (Византій, т. I, стр. 666). Тамъ на горѣ былъ монастырь свв. безсребр. Козьмы и Дамьяна „Павлина“ (Конд., стр. 13). Лагерь доместика школъ находился противъ Влахернскаго дворца, на мѣстѣ, которое называютъ „Космидіонъ“, и гдѣ воздвигнутъ большой и прекрасный храмъ во имя чудотворцевъ-безсребренниковъ и устроена крѣпость. Нѣкоторые изъ слугъ, а можетъ быть и изъ воиновъ, проскальзывая тайно черезъ цѣпи, переходили мостъ передъ городомъ, рыскали по частямъ Степоса (Никиф. Вріен. III, 13, стр. 109 рус. перев.; ср. Акропол. стр. 220 рус. перев.). Въ Космидіи, на площадкѣ, вдающейся состоялось свиданіе Симеона Болгарскаго и Романа Лакапина (Дриновъ, южные Славяне и Византія, стр. 30 и 31). Быть можетъ, это нын. пристань Айванъ Серай.

Кратера домъ. 65. Находился близъ Мадія.

Крестъ. 1) Въ Артополіяхъ 49.

2)—На Филадельфѣ . . . 44.

Оба по образцу креста, который видѣлъ на небѣ Константинъ Великій. По мнѣнію Вульфа, крестъ въ Артополіяхъ—тотъ, о которомъ упоминаетъ Родій (строки 163 и 177) и про который Никифоръ Каллистъ сообщаетъ легенду объ Ангелѣ, сходящемъ три раза въ годъ ночью (Семь чудесъ Византіи, Извѣстія Рус. Археол. Института въ К—лѣ, т. I, стр. 45, 77 и 78). Понятіе о такоії колоннѣ съ крестомъ можетъ дать наша Александровская колонна на площади Зимняго Дворца. Напомню кстати, что у насъ, на Руси, Петръ Великій, собираясь въ Прутскій походъ, роздалъ полкамъ Семеновскому и Преображенскому знамена съ надписью около крестовъ „симъ побѣдиши", т. е. нѣчто въ родѣ „labarum" (передъ Успенскимъ соборомъ). Неудача, повидимому дальнѣйшимъ успѣхамъ этого Византійскаго *стяга* помѣшала.

3)—На сѣверной сторонѣ форума К—на 29, 68. Крестъ съ яблоками на концахъ, поставленный тоже Константиномъ Великимъ. На всякій случай (въ виду неясности) считаю долгомъ напомнить, что, по позднѣйшимъ сказаніямъ, Константинъ Великій имѣлъ *три* видѣнія: первое, *главное*, наканунѣ битвы съ Максентіемъ, съ надписью: „Симъ побѣдиши". Второе, во время неудачной войны съ Византійцами—*писаніе изъ звѣздъ*, изображающее слова: „И призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя" (Псал. 49, ст. 15). Третье, опять на Балканскомъ полуостровѣ, во время извѣстнаго похода на Тавро-Скиѳовъ (Зосимъ, книга II). Объ этомъ походѣ упоминается въ 52 главѣ „О народахъ" Константина Багрянороднаго, а Кедринъ даже приплетаетъ къ этому походу „*посылку вѣнца*" (Веселовскій: Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ, Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ—въ „Славянскомъ Сборникѣ", т. III, отд. I, стр. 122 и слѣд.).

4)—со статуями свв. Константина и Елены по бокамъ, въ восточной камарѣ форума Константина; 28.

5) — таковъ же, въ каморѣ Милія; 35.

Кріу (Κριοῦ) **цистерна** 93. Въ Арматіяхъ, близъ нын. Одунъ-Капу (Мордтманъ, стр. 46)

„Ксилинита“, мон. 123. Построенъ магистромъ Никитой при Львѣ III Исаврѣ. Извѣстенъ только по названію (Конд., стр. 51).

Ксилокеркъ. Часть города около „деревяннаго цирка“ (близъ св. Маманта; Георг. Ам., стр. 822), жители которой были особенно преданы св. Іоанну Златоусту (Муральтъ, подъ 404 и 409 г.). Послѣ постройки стѣнъ Θеодосія и Ираклія она очутилась за воротами того-же названія. Такъ-какъ намъ извѣстно, что у Влахернъ и св. Маманта былъ Ипподромъ (гдѣ подвизался Михаилъ III), и трудно предположить два ристалища почти рядомъ, то врядъ ли ошибемся, предположивъ, что „Ксилокеркъ“ и Влахернскій ипподромъ лишь различныя названія одного и того же ристалища.

Ксилокеркъ, ворота. 110. Ворота эти вели къ „Ксилокерку“, деревянному цирку (см. „Ксилокеркъ“), который былъ несомнѣнно за Влахернскою стѣной (близъ св. Маманта; Георг. Ам., стр. 822); поэтому Паспати предполагалъ ихъ гдѣ-то впереди стѣны Ираклія (стр. 62; Дестунисъ, стр. 44), хотя теперь и слѣда ихъ тамъ нѣтъ. Съ другой стороны, Мордтманъ-сынъ (стр. 34) считаетъ за таковыя ворота въ стѣнѣ Θеодосія (I-го, Кира Константина), гдѣ она соединяется со стѣной Ираклія (№ 97 плана „Силлогоса“). Ворота эти, выходящія на греческое кладбище (что въ углу стѣнъ Θеодосія и Ираклія), нынѣ заложены; а ворота Ксилокерка были, дѣйствительно, заложены при Исаакѣ-Ангелѣ ради предсказанія, что ими войдутъ Крестоносцы.

Ксирокипій. 98. Нынѣ Чюкюръ-Бостанъ на вершинѣ 5-го Холма, на границѣ бывшей стѣны К—на, т. е., близъ нын. мечети Султанъ-Селимъ (Морд., стр. 72).

Ксиролофъ. 30. 34. 70. Ксиролофомъ (сухой холмъ) назывался собственно весь 7-ой Холмъ К—ля, расположенный между Мраморнымъ моремъ, стѣной Өеодосія и р. Ликомъ. Въ частности же, форумомъ Ксиролофомъ назывался форумъ Аркадія или Өеодосія (督инъ, стр. 70), нынѣ Авретъ-базаръ. Только это названіе (Авретъ базаръ) надо понимать въ широкомъ смыслѣ: на западѣ этотъ форумъ тянулся до св. Андрея „въ Крисѣ".

Главнымъ украшеніемъ форума Ксиролофа была колонна Аркадія, пьедесталъ которой сохранился до сихъ поръ подъ названіемъ „Авретъ-тамъ". Такихъ спиральныхъ колоннъ (κίονες περιγλύφοι) въ К—лѣ, какъ и въ Римѣ, было только двѣ (другая Өеодосія Великаго на Таврѣ). Колонна на Ксиролофѣ поставлена въ 403 г.; у Кодина она названа „полой" (стр. 43). Проф. Кондаковъ извлекъ изъ снимковъ ея барельефовъ для топографіи К—ля все, что можно было (стр. 148—155).

Тамъ же была и колонна Өеодосія Младшаго (Кодинъ, стр. 30), а также и въ Сигмѣ (Кодинъ, стр. 47).

Масса статуй была сосредоточена на Ксиролофѣ (гипотеза Кондакова, что это первый форумъ, изображенный на Колоннѣ, должна быть принята). Исполняя желаніе многоуважаемаго моего наставника, проф. А. И. Кирпичникова, отмѣчаю разсказъ про одну изъ этихъ колоннъ, важный для фольклора Византіи. По свидѣтельству Византійцевъ, 27 го мая 927 года, какой-то „астрономъ", встрѣтивъ императора Романа, сказалъ ему: „Государь! Статуя, стоящая на площади Ксиролофа, есть образъ Симеона: вели отрубить ей голову, то Симеонъ тотчасъ-же умретъ". Романъ немедленно приказалъ ночью отрубить голову статуѣ; и дѣйствительно, въ ту же ночь скончался Симеонъ въ Болгаріи (Дриновъ, Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ, стр. 33).

О вѣрѣ въ связь между человѣкомъ и его изображеніемъ см. Кирпичникова: „Чудесныя статуи въ К—лѣ" (стр. 25 и 26; Одесса 1893). Замѣчу однако, что извѣстный гипнотизеръ

Бунимовичъ говорилъ мнѣ, что иногда, дѣйствительно, можно сдѣлать внушеніе по портрету даже незнакомой особѣ.

Интересно, что въ нѣкоторыхъ эсхатологическихъ сказаніяхъ, когда погружается въ море весь Царьградъ, остается не II холмъ, гдѣ колонна Константина, а именно „Ксиролофъ“ (В. Истринъ: Откровеніе Мефодія Патарскаго, стр. 270).

Куратора" церковь, подобіе св. Гроба. Церковь эта построена Вериной (женой Льва Великаго) близъ площади Тавра (Конд., стр. 30).

Л.

Лавза дворецъ 37. 38. Какъ доказалъ Бѣляевъ, дворецъ Лавза находился между Августеономъ и форумомъ К—на на сѣверной сторонѣ Средней улицы (Бѣляевъ: „Храмъ Богородицы Халкопратійской въ К—лѣ“—въ Лѣтоп. ист.-филол. общества при Новоросс. Унив., т. II, стр. 103). Принимая во вниманіе, что отъ него поворачивали къ ц. Халкопратійской (Церем., стр. 163), можно опредѣлить еще точнѣе: на углу Средней ул. и улицы, ведущей къ зданію Высокой Порты (ср. Конд., стр. 107). Дворецъ этотъ первоначально принадлежалъ патрикію Лавзу, занимавшему въ К—лѣ важный постъ царскаго постельничаго въ концѣ IV и началѣ V вѣка, тому самому, для котораго другъ св. Іоанна Златоуста, Палладій, епископъ Еленопольскій, написалъ знаменитую книгу „Лавзаикъ“ о подвижникахъ Востока. Съ теченіемъ времени, повидимому, дворецъ этотъ перешелъ въ казну.

Лаврентій св., ц. 95. Построена Ѳеодосіемъ Младшимъ и Пульхеріей въ кв. Пульхеріанахъ. Храмъ этотъ обновленъ Юстиніаномъ Вел. (Постр. I, 6) и замѣчателенъ тѣмъ, что пользовался правомъ убѣжища; сюда, наприм., привезли иноки

обители св. Конона спасенныхъ отъ казни при Юстиніанѣ Велик. Мощи привезены изъ Рима. Обновленъ храмъ Василіемъ Македоняниномъ (Конд., стр. 28, 29 и 57). Подробнѣе см. тексты у Рихтера, №№ 310—313.

Думаютъ, что это нын. меч. Шейхъ-Мурадъ (Морд., стр. 42). Вѣроятно, эта церковь тождественна съ ц. свв. Лаврентія, Діомида и 40 мучениковъ близъ Новаго дворца (Виз. Врем., т. III, стр. 448. Праздн. 24 августа).—Надо полагать, что тамъ была лишь *часть* мощей, потому что съ X вѣка до настоящаго времени мощи св. Лаврентія - діакона находятся въ Трогирѣ (Конст. Багр.: „О народахъ", гл. 29; Березинъ, II, 215); голова—въ Рагузѣ (Березинъ II, 271).

Лазарь св. 79, 128. Построенъ Львомъ Мудрымъ въ 898 г. для помѣщенія мощей св. Лазаря и св. Маріи Магдалины (Георг. Ам., стр. 778 и 780; Зонары, кн. XVI, гл. 13, т. IV, стр. 42). Находился у подошвы холма Акрополя, противъ спуска, отдѣляющаго послѣдній отъ участка дворца (Вуколеонта). Спускъ этотъ назывался „спускомъ св. Лазаря" (Морд., стр. 53; ср. Codинъ, стр. 33) или спускомъ Циканистерія (Геор. Ам., стр. 778). Мордтманъ считаетъ остаткомъ церкви св. Лазаря маленькую нишу съ надписью въ развалинахъ близъ агіазмы Спаса (Морд., стр. 51). Глава св. Маріи Магдалины оставалась однако въ Ефесѣ (Даніилъ Палом., стр. 7).

Лампра домъ. 22. Близъ храма свв. Апостоловъ. Нынѣ Везештанъ (Констангій, стр. 41). Построенъ Модестомъ, епархомъ столицы при Константинѣ Вел.

Леонтій св. и сущіе съ нимъ у воротъ „Источника", ц. Празд. 18-го іюня (Виз. Врем., т. III, стр. 445). Очевидно, это ц. св. Леонтія, »пастыря *за городомъ*" (πέραν ἄστεως; Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ., 1897 г., іюнь, стр. 405—411).

Ликъ рѣчка. 45. Рѣка, протекающая черезъ К—ль и впадающая въ заливъ (гавань) Елевѳерія. И теперь по ней

лучшіе сады въ Стамбулѣ при устьѣ Вланги, а выше къ стѣнкамъ) Іени-Бахче. Прежде же растительность, вѣроятно, шла и дальше за городомъ, и балка (оврагъ) эта тамъ представляла собою часть (или соединительное звено) „перевѣсищъ", или дворца „Источника" или дворца Филопатія (загороднаго. Имп. Θеодосій Младшій упалъ съ лошади, охотясь въ долинѣ р. Лика, и послѣ этого скончался (Гиббонъ, т. II, стр. 531).

Лиөостротъ 1. Въ Артополіяхъ (Морд., стр. 69). Смот. Артополіи.

2. Πέραν. Послѣднее быть можетъ то же, что Врія, гдѣ были и *церковь Богородицы и ц. Архангела (Архистратига) Михаила,* какъ мы знаемъ это относительно «Лиөострота Πέραν" (о церквахъ въ Вріѣ см. Конд., стр. 54).

Лонгинъ св. у моста Юстиніана, ц. Праздн. 16-го окт. (Виз. Врем., т. III, стр. 445).

Лука св. на кладбищѣ, ц. 102. Построена Ириной Аөинянкой въ Девтеронѣ (Морд., стр. 63 и планъ). При ней находилось самое большое изъ кладбищъ К—ля, и, вѣроятно, поэтому и сосѣднія ворота стали называться „Поліандрійскими". Напоминали, что „поліандріями" (πολυάνδρια, puticuli) назывались именно общія могилы, въ которыхъ хоронили бѣдняковъ и рабовъ (Покровскій: Очерки памяти правосл. иконографіи и искусства, стр. 3). Кондаковъ (стр. 92) ошибочно— по моему мнѣнію—подвигаетъ эту церковь къ Золотымъ воротамъ, и Мордтманъ тоже ошибочно ставитъ ее близъ вторыхъ воротъ (отъ Мрам. моря). По Антонію, въ этомъ храмѣ лежали мощи св. Анастасія, ученика св. Максима Исп. (21-го января. Савваитовъ, прим. 160). „О скудельницахъ" на Руси на подобіе „поліандріевъ" см. „Русскія достопамятности", т. 1, стр. VII, статья VII, стр. 5—19. М.

Лукьянъ, св. еп. Ант. Придѣлъ при церкви св. Мокія.

M.

Мавра св. ц. Построена при Θеодосіи Великомъ (Конд., стр. 9 и 12). Находилась гдѣ-то за городомъ (на азіатскомъ берегу?) на кладбищѣ. Тамъ, говорили, Константинъ Копронимъ заключилъ союзъ съ дьяволомъ, принеся въ жертву дитя. Ср. Домнина св. „Мавры" мон.

Мавръ портикъ, онъ же Мавріанъ, Домнинъ, Черный уболъ. 21, 88. Портикъ Мавръ упоминается рядомъ съ Софійской гаванью въ Пасхальной хроникѣ (стр. 171; мой „Ираклій", стр. 18) и у Θеофана (стр. 368 Боора). Начинаясь у гавани-собственно гавани Юліана—онъ мимо церкви св. Анастасіи-Воскресенія (нынѣ Мехмедъ-паша-джами) и цистерны 1001 колонны (Филоксена) къ форуму К—на (Θеоф., стр. 111 Боора, ср. Кондаковъ, стр. 131 и 132 и мои „Замѣтки по древн. К—ля" въ Виз. Врем., т. III, стр. 339), при чемъ перекрещивался со 2-мъ уболомъ, ведшимъ отъ Дафны и Ипподрома къ ц. Богородицы „Жезла" (въ Псаматій; Конд., стр. 137). Окрестная мѣстность Мавріана; тамъ жилъ Маврсикій частнымъ человѣкомъ. Портикъ Мавра продолжался и къ сѣверу отъ форума К—на (Церем., стр. 156) до пересѣченія съ 1-мъ уболомъ. По правдоподобному предположенію Мордтмана, это продолженіе совпадало съ нынѣшнимъ Чарси (стр. 7).

Маита. Равнина (майданъ?), гдѣ расположились станомъ Печенѣги: при Константинѣ Мономахѣ (Васильевскій, Византія и Печенѣги). Византій отождествилъ ее съ нын. Іенибахче; но вѣрнѣе мнѣніе проф. Васильевскаго, что она была внѣ стѣнъ города, хотя быть можетъ тоже въ долинѣ р. Лика (ср. Дестунисъ, стр. 26).

Мамаита св. мон. (Мамы). 30. 115. 121. Въ новѣйшее время проф. Успенскій окончательно подтвердилъ догадку Византія (Ἡ Κωνσταντινούπολις . . . . т. I, стр. 599; т. II, стр. 78) о томъ, что въ К—лѣ были два

монастыря св. Маманта, одинъ за Влахернами, а другой въ нын. Галатѣ или около (Лѣтоп. истор. фил. об-ва при Новорос. Унив., т. II, стр. 79 и слѣд.):

1) Мон. св. Маманта, что въ вершинѣ Золотого Рога, на основаніи яснаго указанія Кодина надо искать *близъ моста Юстиніана* (см. Юстиніана мостъ). Нынѣшніе Султанскіе кіоски въ этой мѣстности (на восточномъ изъ двухъ ручьевъ, Кидарѣ или Киѳарѣ; ср. Кодинъ, стр. 1) съ лугомъ, простирающимся до селькіатъ-хане, стоятъ по справедливой догадкѣ ученыхъ, на мѣстѣ палатъ, гдѣ жили въ этой мѣстности цари Византіи. Переѣхавъ по мостикамъ эти два ручья и слѣдуя далѣе по юго-западной сторонѣ Золотого Рога, черезъ предмѣстье Дюбъ (къ воротамъ Айванъ серай), А. Н. Муравьевъ въ 1850 году видѣлъ агіазму у подошвы горы, осѣненной кипарисами, и обширныя развалины древней церкви или обители (Письма съ Востока, ч. 2-я, стр. 364 и 365, изд. 1851 г.). Это описаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ церкви, подъ названіемъ „св. Елены“(?), которая означена на планѣ, изданномъ Лоренцомъ и Кейлемъ. Въ этомъ монастырѣ, вѣроятно, былъ похороненъ имп. Маврикій съ дѣтьми.

2) Мон. св. Маманта въ Галатѣ, около котораго „жила Русь“.

По словамъ Зонары, м. мон. св. „Маманта, мученика Кесарійскаго“, доителя козъ, основанъ при Юстиніанѣ евнухомъ изъ Колхиды Фарсаманомъ (Конд., стр. 44). Исаакъ Ангелъ обновилъ монастырь св. Маманта и перенесъ туда (изъ Каппадокіи) главу мученика (тамъ же, стр. 73). Относятся-ли оба эти свидѣтельства къ 1-му монастырю—рѣшать пока не берусь.

Манганы. 22. 25. 74. Мѣстность у подошвы Акрополя, южнѣе мыса св. Варвары. Тамъ былъ арсеналъ, (μαγγάνα), а затѣмъ былъ въ XI в. построенъ и храмъ св. Георгія въ Манганахъ (Анна Комн., III, 4, стр. 146 рус. перев.; Никита Хоніатъ, т. I, стр. 7, 327, и 373 русс. перев.).

Макеліи. 117. По сравненію съ стр. 49 приходится искать эту мѣстность въ Стратегіи (маломъ). По Мордтману (стр. 68 и 72), нынѣ Атмейданъ дальній.

Маккавеи свв., ц. 1) Въ портикѣ Домнина (Мавра), у Ипподрома. Гдѣ-то у юго-западнаго конца Ипподрома (Конд., стр. 92: ср. Виз. Времен., т. III, стр. 446). Мощи свв. Маккавеевъ и нынѣ въ патріаршей церкви К—ля (пам. 1-го августа).

2) Въ Сикахъ, или Елеѣ (см. Елея). По преданію этотъ храмъ—древнѣйшій послѣ того, что въ Аргирополѣ—основанъ еще при епископѣ Аѳинодорѣ (137—141 г.) и возобновленъ Константиномъ Великимъ (Рихтеръ, №№ 28 и 29; ср. Арсеній, Лѣтоп. церковныхъ событій, стр. 151). Во время осады К—ля Аварами въ 626 году, близъ этой церкви были зажжены осаждавшими костры, чтобы дать сигналъ Персамъ, стоявшимъ въ Халкидонѣ (мой „Ираклій", стр. 54). Есть основанія предполагать, что она стояла *на горѣ* (надъ Салибазаромъ), на мѣстѣ нынѣшней малой мечети.

Мамельхва св. ц. Праздникъ 4 октября (Виз. Врем., т. III, стр. 446).

„Мануила" мон. Построенъ Мануиломъ, полководцемъ Ѳеофила (тамъ погребеннымъ), и потомъ обновленъ патр. Фотіемъ. Нынѣ мечеть Кефели джали близъ цистерны Ахція (а не Аспара; Конд., стр. 164 и 165).

Мануилъ, Савелій и Измаилъ. свв., ц. 25 122. Построена Ѳеодосіемъ Великимъ для храненія мощей свв. мучениковъ, сожженныхъ при Юліанѣ (Конд., стр. 9; ср. Морд., стр. 74). Судя по Кодину, она находилась гдѣ-то между цистерной Вона и Антоніемъ въ Зевглѣ. По Іерусалимскому типику (Виз. Врем., т. III, стр. 447) близъ церкви пророка Елисея. Праздн. 16-го іюня.

Маркъ св., ц. 124. Эта церковь, находившаяся близъ Тавра, была построена Ѳеодосіемъ Великимъ и потомъ послѣ землетрясенія обновлена Романомъ Лакатиномъ (Рихтеръ, стр. 144).

Маркіанъ и Мартирій. свв. нотаріи, ц. 122. Находилась ἐν τῇ μελανδησίᾳ πύλῃ τοποθεσίᾳ τοῦ Λεύτερου (Морд., стр. 79). Построена св. Іоанномъ Златоустомъ внѣ стѣнъ (Константина), на мѣстѣ, бывшемъ прежде „лобнымъ" (Созоменъ, IV) 3; ср. Кондаковъ, стр. 12). Мученики эти пострадали при Константіи отъ аріанъ.

Маркіана колонна. Нынѣ Кызъ-тамъ близъ бывшей церкви свв. Апостоловъ (Кондаковъ, стр. 218 и 219. Вслѣдствіе того, что въ этой мѣстности былъ „Малый Стратигій", на эту колонну перенесены черты колонны, стоявшей въ Стратигіи Большомъ, именно способность обличать нескромныхъ дѣвицъ.

„Мартинака" монастырь 105. Θеофилъ (въ 842 г.) постригъ въ монахи Ингера (Ἴνγερ) Мартинакія, которому арабская гадалка предсказала царство. Вѣроятно, это былъ сынъ Анастасія Мартинакія, мучителя Θедора Студита (816 г.). Дочь этого Ингера Мартинакія, Евдокія, потомъ выдвинулась въ качествѣ подруги Михаила III и жены Василія Македонянина. Сыновья его, Константинъ и Мартинъ, тоже заняли высокіе посты (а дочь Константина, Θеофано, потомъ была женой Льва VI Мудраго). Этотъ Ингеръ Мартинакій и основалъ этотъ монастырь въ эпоху Михаила III и Василія Македонянина.

Если вѣрна догадка Савваитова, что этотъ монастырь упомянутъ у Антонія (стр. 166) подъ названіемъ „Мачюкова" (прим. 271), то упомянутыя тамъ мощи *св. Іасона* (19 марта) указываютъ на *Язоніанъ*, т. е. нын. долину Дольма—Вахче. Даже можно указать точнѣе: монастырь въ этой мѣстности прежде всего надо искать на мѣстѣ *агіазмы Сорока мучениковъ*, что до сихъ поръ извѣстна наискосокъ дворца. По Гаммеру же (К—ль и Босфоръ, т. II, стр. 339) монастырь „Мартинака" былъ на Бульгурлу, древнемъ Даматрисѣ.

Замѣчу кстати, что, кажется, этому же св. Іасону былъ посвященъ въ Аѳинахъ храмъ *въ Пропилеяхъ* (Грегоровіусъ: Ист. Аѳинъ, стр. 116).

Матрона св. (Пергская), мон. Основанъ св. Матроной (Ѳеофанъ, стр. 141 Боора; ср. Виз. Врем., т. IV, стр. 245) въ V вѣкѣ; быть можетъ—другое названіе ц. Богородицы „*Верины*".

Мечетіи 91. Построены Мечетіей при Севеніи. По Рихтеру (стр. 206), близъ св. Поліевкта въ Пегріонѣ.

Мелантіадскія ворота. Нынѣ Мевлихане—капу (Дестунисъ, стр. 20, 21).

Мертвыя ворота 125. Мѣсто, гдѣ будто-бы похоронены жертвы мятежа „Ника" (см. Ипподромъ).

Милій 22. 25. 35. 69. 103. Такъ назывался „тетрапилъ", соотвѣтствовавшій римскому Milliare, т. е. столбу, отъ котораго считали мили по дорогамъ въ разныя стороны Имперіи. Онъ стоялъ на площадкѣ къ сѣверу отъ дворца и Ипподрома и къ юго-западу отъ св. Софіи, именно, находился на пути изъ Халки (Желѣзныхъ воротъ Мелетія) къ Орологію св. Софіи (Бѣляевъ, Byzantina, т. II, стр. 90—94). Переходы (Хитъ) къ св. Кладезю, кажется, отдѣляли Миліи отъ Форума Августеона, часть котораго онъ, собственно говоря, составлялъ. Въ этомъ „тетрапилѣ" стоялъ крестъ съ статуями Константина и Елены по сторонамъ. Это изображеніе, какъ извѣстно, сдѣлалось традиціоннымъ у насъ на Востокѣ (Байе, Виз. искусс. стр. 16).

Милія портикъ, см. Портики Эвбула, 2.

Мильтіада кварталъ. Близъ цистерны Мокія.

Мина св., ц. 24, 30, 72. 1) въ Акрополѣ Капище Посейдона, обращенное въ церковь св. Константиномъ Вел. (ср. Конд., стр. 104).

2) У христіанъ, живущихъ вокругъ мечети Фенеръ-іесса, существуетъ преданіе, что мечеть эта была ранѣе ц. св. Мины, и что отсюда именно взята икона св. Мины, которая теперь въ ц. св. Мины въ Псаматіи (Паспати. стр. 324). Дѣйствительно. нѣтъ сомнѣнія, что меч. Фенеръ-іесса была ранѣе храмовъ Б. М. „въ Вигленціяхъ", гдѣ совершалась память свв. Мины и Миная (см. Богородица „въ Вигленціяхъ"). Она двойная, и одинъ придѣлъ могъ быть св. Мины (и Миная), а отъ придѣла могла въ просторѣчіи называться и вся церковь.

3) Отличной отъ этихъ надо считать ц. св. Мины, около которой жили „Неусыпающіе" (близъ Констоскалы; см. „Неусыпающихъ" мон.).

Минодора, Митродора и Нимфодора, три сестры муч., ц. Близъ воротъ св. Романа, какъ полагаетъ Паспати, нынѣ Монастыръ—меджиди (Βυζαντ.μελ, 376, 377; Морд., стр. 79, ср. Конд. стр. 164); по крайней мѣрѣ церковь Богородицы, смѣнившая ихъ церковь.

Миріандрійскія ворота. 47. См. Поліандрійскія ворота.

Мироелей. 108. Нынѣ мечеть Будрунъ къ сѣверу отъ Влангы, на южной сторонѣ главной улицы. Кодину, какъ и другимъ Византійцамъ, извѣстны два монастыря „Мироелей", изъ коихъ одинъ былъ лѣтъ на 200 древнѣе другого (этотъ фактъ подчеркнулъ Византій: К—λις. I, стр. 280). Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы эти монастыри были въ разныхъ мѣстахъ: они могли быть рядомъ (раньше возникъ женскій, а потомъ мужескій, или наоборотъ: мон. „Мироелей" (женскій) былъ основанъ Романомъ I Лакапиномъ (920—946 г.) который и былъ тамъ погребенъ со своимъ семействомъ. Позже, при Андроникѣ II Палеологѣ, дѣлается извѣстнымъ

мон. „Хризомакромъ“ (мужескій) ὁ πόθεν τοῦ μυρελαίου. т. е., очевидно, часть того же Мироелея, болѣе близкая къ Мраморному морю (Конд., стр. 140; Морд., стр. 59). На Аѳонѣ, въ мон. св. Павла, есть икона, принесенная будто бы изъ мон. Мироелея (въ К—лѣ) ктиторомъ мон. св. Павла св. Павломъ. Преданіе называетъ этого св. Павла сыномъ имп. Михаила I Рангави и братомъ патріарха Игнатія (ср. А. Н. Муравьевъ: Письма съ Востока, ч. I, стр. 298—300). Исторія знаетъ брата патр. Игнатія Ѳеофилакта, въ монашествѣ Евстратія (Арсеній: Лѣтопись, стр. 300). По мнѣнію высокопреосвященнаго Порфирія, въ этомъ преданіи есть значительная доля истины, именно: св. Павелъ, въ міру Прокопій, происходилъ, дѣйствительно, изъ фамиліи Рангави, но ушелъ на Аѳонъ около 945 г. (Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри, ч. I, отд. II, стр. 8 и слѣд.). Св. Павелъ принесъ, вѣроятно, икону, принадлежавшую Ѳеодорѣ (тамъ же, стр. 81 это не та икона, что изъ „Мироелея“). Нѣтъ, слѣдовательно указаній, что „Мироелей“ основанъ Михаиломъ I Рангави (811—813 г.), хотя эта мѣстность и составляла владѣнія этого рода (тамъ же, стр. 8). Надо, впрочемъ, замѣтить, что (по мнѣнію святогорца Іакова) св. Павелъ скорѣе былъ внукомъ имп. Романа Ст. и дожилъ до 1020—2027 гг. (Аѳонскій Патерикъ, т. II, стр. 17, прим.).

Мирокератъ, мон. 123. Монастырь, въ которомъ хранился рогъ Самуила, привезенный изъ Іерусалима, гдѣ ранѣе находился на Голгоѳѣ (Палест. Сборн., вып. VII, стр. 95 и вып. XX, стр. 159 и 252). Мордтманъ отождествляетъ храмъ этого монастыря съ недавно лишь уничтоженной Византійскаго періода церковью близъ нын. Синданъ-капусси (стр. 46).

Митрофанъ св. ц., 126. По преданію, построена еще Константиномъ Великимъ; во всякомъ случаѣ возникла до VI вѣка. Находилась гдѣ-то недалеко отъ церквей свв. Сергія и Вакха, Хрисаноя и Евхиміи и „Мироелея“, упоминается у Антонія. Нѣтъ сомнѣнія, что это ц. свв. Акакія и Митрофана, иначе

Отдѣлъ III.

Стр.

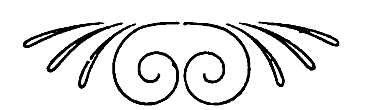
Древній помянникъ Кіево-Михайловскаго Златоверхаго монастыря —Сообщила *Е. И. Де-Витте* (Окончаніе слѣдуетъ) 3

Отдѣлъ V.

Объ иконописномъ отдѣлѣ выставки и рефератахъ о немъ на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ—*Н. И. Петрова* 3

Приложеніе.

О древностяхъ Константинополя—*Гавріила Ласкина* 97 –128



Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна IV-й и V-й книгъ	по	2 р. 50 к.	каждая съ пересылкой.
„ VI-й „	„	3 р. 50 к.	
„ II, VII, IX, XIII „	„	3 р.	
„ VIII, X, XI „	„	2 р.	
„ XII „	„	4 р.	
„ XIV, вып. 1--	„	1 р. 25 к.	
„ — „ 2 и 3—	„	1 р. 40 к.	
„ XV, —„ 1, 2, 3 и 4	„	1 р. 50 к.	
„ XVI,—„ 1—3 (Гог. сб.)	„	4 р. 50 к.	
„ „ „ 4 „	„	1 р. 50 к.	

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: **„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“.** Цѣна 1 рубль.

„Труды III-го археологическаго съѣзда“, два тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

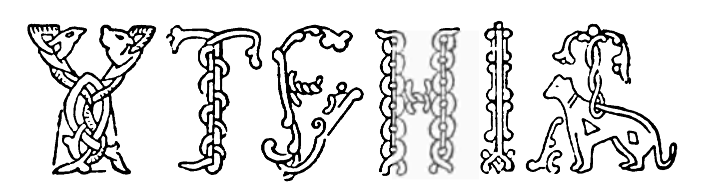
„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ 2 рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп.

„25-лѣтіе Историческаго общества Нестора-лѣтописца“ (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 к.

Съ 1901 г. **„Чтенія въ Историч. Общ. Нестора-лѣтописца“** выходятъ ежегодно въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска, **5 руб.** съ пересылкой; цѣна же каждаго выпуска въ отдѣльности **1 руб. 50 коп.,** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными -къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ*.



въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ.

Выпускъ II.

Издана подъ редакціею

Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.

Типо-литографія Р. К. Лубковскаго. Б.-Владимірская улица, № 49.

1903.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кн. XVII, вып. 2-й.

I. Памяти Θ. Я. Фортинскаго: стр.

1. Вводное слово предсѣдателя Общества Н. П. Дашкевича, сказанное въ засѣданіи 19 января 1903 г. 3
2. Θ. Я. Фортинскій (некрологъ)—*Т. Д. Флоринскаго* 7
3. Θ. Я. Фортинскій, какъ ученый и профессоръ—*А. Н. Ясинскаго* 27
4. Воспоминанія о дѣятельности Θ. Я. Фортинскаго на Высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ—*А. Л. Иконниковой* 67
5. Памяти Θ. Я. Фортинскаго—*Вл. Г. Ляскоронскаго* 76

II. Памяти А. М. Лазаревскаго—*Н. П. Василенка* 85

Отдѣлъ I.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1901 г. по 27 октября 1902 г.—*М. Н. Ясинскаго* 57

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1901 г. по 27 октября 1902 г. 67

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Общества за ноябрь и декабрь 1902 г. 69

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Предполагаемые и дѣйствительные вновь открытые комментаріи къ „Обряднику“ Константина Порфирогенета („De ceremoniis aulae Byzantinae“)—*А. А. Дмитріевскаго* 69

Исторія одного древняго Волынскаго храма (св. Іоанна Богослова въ г. Луцкѣ)—*О. И. Левицкаго* . . . 74

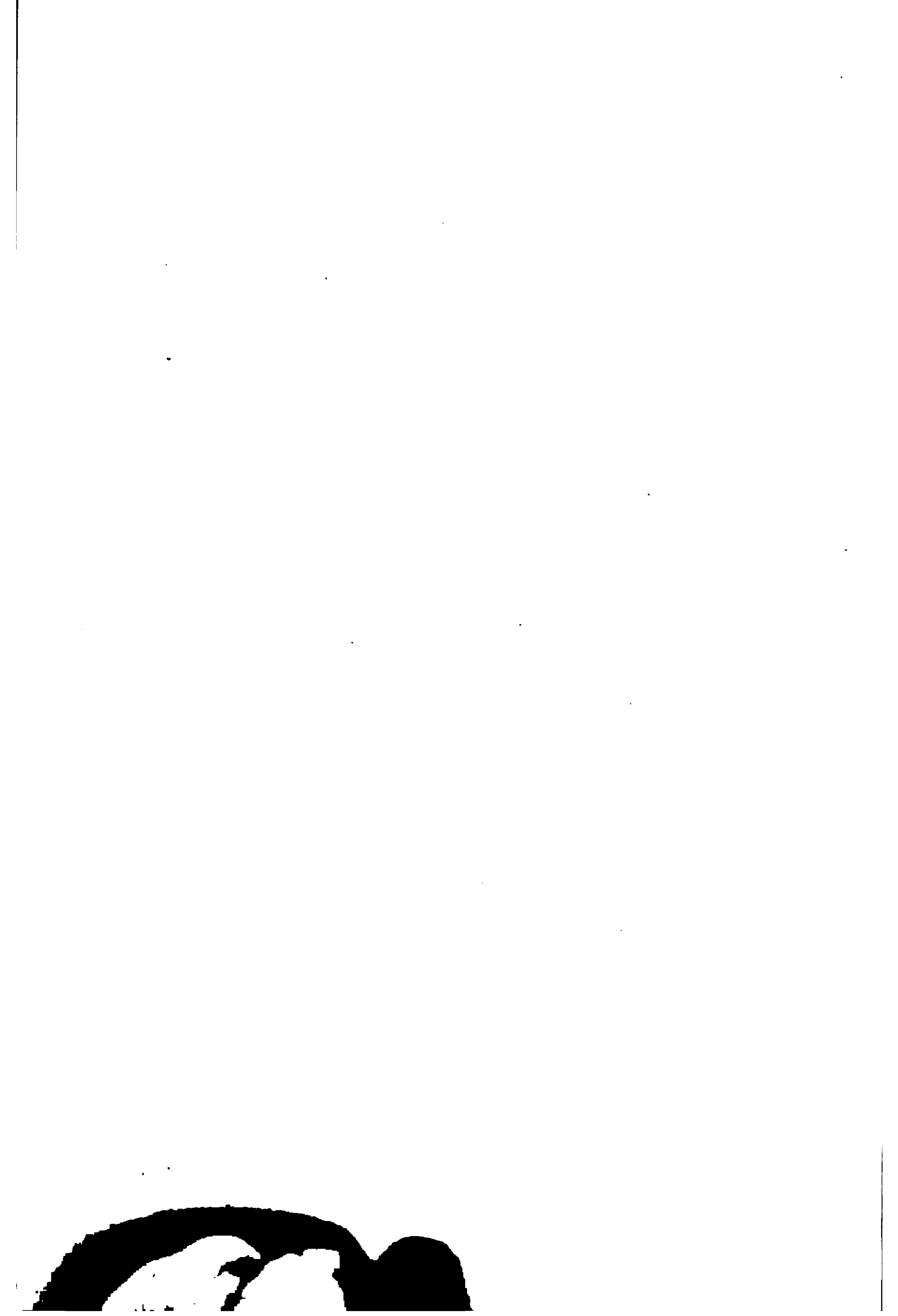
ПАМЯТИ

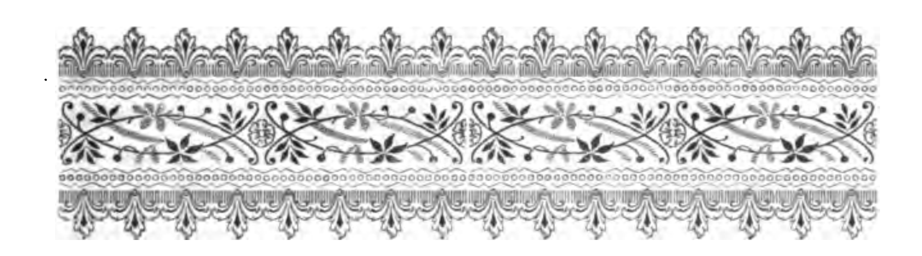
Почетнаго Члена Историческаго

Общества Нестора-лѣтописца

Ф. Я. Фортинскаго.

(† 12 декабря 1902 года)





Вводное слово

предсѣдателя Общества Н. П. Дашкевича, сказанное въ засѣданіи 19-го января 1903 года, посвященномъ чествованію памяти Ѳ. Я. Фортинскаго.

Мм. Гг.

Возобновляя наши публичныя засѣданія послѣ праздничнаго перерыва и окидывая взоромъ нашъ сонмъ, мы, къ нашему горю, уже не находимъ здѣсь того нашего сочлена, котораго много лѣтъ привыкли видѣть въ своей средѣ. Его уже нѣтъ среди насъ: онъ отошелъ въ міръ тѣней, въ бездну всепоглощающей вѣчности, въ которую скрываются всѣ дорогіе нашему сердцу, все сущее здѣсь, на землѣ. Но мракъ вѣчности не закрылъ и не закроетъ для насъ его нравственнаго образа, отпечатлѣвшагося въ нашей душѣ. Мы не можемъ забыть и не забудемъ этой утраты, которая, безъ сомнѣнія, отозвалась въ душѣ многихъ изъ насъ великою скорбью, потому что оставившій насъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ нашихъ сочленовъ. Онъ принималъ живое участіе въ судьбахъ нашего Общества начиная съ первыхъ моментовъ его дѣятельности и неизмѣнно и неуклонно сопутствовалъ ему до послѣднихъ дней. Это былъ по истинѣ и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ дѣйствительный и почетный членъ нашего Общества, слово котораго могло быть

и было въ высокой степени цѣнно въ собраніяхъ нашего Совѣта, въ который онъ вступилъ давно, съ 1882 г. Это былъ по истинѣ ревнитель о преуспѣяніи нашего Общества, для котораго онъ трудился не только какъ авторъ сообщеній и членъ Совѣта, но и какъ образцово аккуратный исполнитель хлопотливыхъ должностныхъ функцій.

Θеодоръ Яковлевичъ, слѣдовательно, имѣетъ всѣ права на постоянное памятованіе о немъ въ нашемъ Обществѣ, какъ одинъ изъ доблестныхъ сподвижниковъ въ сферѣ дѣятельности послѣдняго, много потрудившихся для его преуспѣянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ заслуживаетъ такого памятованія какъ одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей университетской исторической каѳедры.

Наука, которой онъ посвятилъ свои силы, одна изъ наиболѣе затрогивающихъ душевный міръ слушателей, но—подъ условіемъ соотвѣтственнаго изложенія.

Есть нѣсколько испытанныхъ лучшихъ способовъ историческаго возсозданія прошлаго, сообразныхъ съ талантами историковъ, начиная съ блестящихъ, полныхъ идейности, художественныхъ характеристикъ историческихъ эпохъ и дѣятелей, характеристикъ, какими плѣняли нѣкогда въ Москвѣ Т. Н. Грановскій, а въ этихъ стѣнахъ В. Я. Шульгинъ, и оканчивая простымъ, но весьма тщательнымъ и содержательнымъ изложеніемъ результатовъ научной разработки прошлаго, такъ же имѣющимъ свои неотъемлемыя преимущества.

Живая, энергичная и плавная лекціонная рѣчь Θеодора Яковлевича занимала средину между этими двумя крайними разновидностями: она соотвѣтствовала идеалу университетскаго преподаванія примѣнительно къ воззрѣнію на задачи исторической науки, установившемуся въ послѣднія десятилѣтія XIX в. и вполнѣ, во всякомъ случаѣ, согласовалась съ достоинствомъ этой науки. Времена ораторовъ, воздѣйствовавшихъ преимущественно на воображеніе и чувство, т. е. эстетически, и блиставшихъ

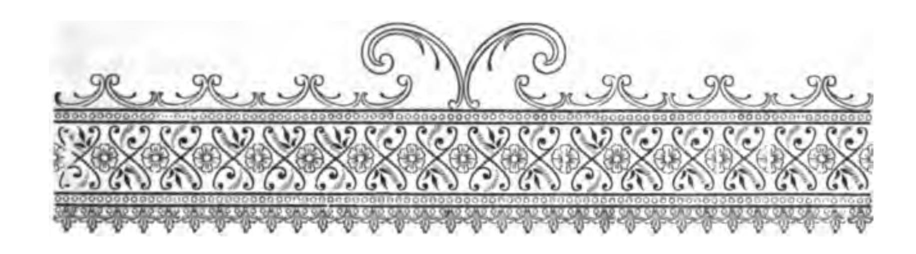
въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго вѣка, не миновали невозвратно, потому что потребность въ художественномъ возсозданіи всегда присуща и находитъ откликъ въ человѣческой душѣ. Но, при всей аналогичности научнаго творчества съ творчествомъ художественнымъ, задачи того и другого не вполнѣ совпадаютъ, и многіе люди времени, имѣющаго невдалекѣ позади себя положительную философію и натурализмъ въ художественномъ творчествѣ, ищутъ прежде всего не яркихъ и красивыхъ картинъ, а живаго изложенія въ строго научномъ духѣ и безъ той или иной эффектной окраски. Преимущественно въ такомъ не поддѣланномъ видѣ наука о прошломъ можетъ быть менѣе обманчивой и болѣе надежной учительницей жизни, magistra vitae, какъ мѣтко опредѣлилъ ея нравственное назначеніе много вѣковъ назадъ Цицеронъ. Конечно, очень чтили и чтутъ благородную идейность историческаго изложенія; конечно, мощная субъективность можетъ создать произведенія, сохраняющія вѣчную цѣну, но—какъ выраженіе могучей личности, а не въ силу объективной цѣнности, и въ послѣднемъ отношеніи еще выше могутъ поставить возможное сознательное воздержаніе со стороны историка отъ внесенія въ это изложеніе личныхъ предрасположеній и теорій, въ которыхъ всегда будетъ неизбѣжна доля той или другой односторонности. Такое возсозданіе, конечно, менѣе всего обезпечиваетъ шумный и блестящій успѣхъ, но, что ни говорить, цѣннѣе всего историческая правда, озаренная никогда не гаснущимъ въ лучшей человѣческой душѣ на ряду со стремленіемъ къ идеалу свѣтомъ высшаго гуманнаго безпристрастія, присущаго наиболѣе великимъ художникамъ, для которыхъ высшая человѣчность есть и высшая правда. Какъ бы ни склонялись наши личныя симпатіи въ сторону тѣхъ или другихъ историческихъ дѣятелей и явленій, возможное историческое безпристрастіе должно возвышаться надъ этими симпатіями по слову древней мудрости: Amicus Plato, sed magis amica veritas.

Этой veritas, истинѣ, въ ея возможно объективной исторической оболочкѣ, служилъ въ теченіе всей своей научной дѣятельности нашъ почившій сочленъ.

Онъ, воспитавъ въ себѣ подъ вліяніемъ лучшихъ учителей исторической науки Запада научное самообузданіе и стремленіе къ полной доказательности, училъ слушателей охранять историческую истину отъ полетовъ фантазіи и произвольныхъ и ненужныхъ прикрасъ; училъ, какъ приближаться къ открытію и уясненію ея вѣрнымъ путемъ и усовершенствованнымъ методомъ изслѣдованія. И при такомъ изложеніи, наблюдая борьбу противоположныхъ теченій, которыми постоянно наполнена жизнь, онъ могъ внушать вдумчивымъ слушателямъ высшее безпристрастіе и гуманность, какими въ особенности можетъ проникнуться внимательный и сердечный созерцатель безпрерывной смѣны человѣческихъ стремленій и явленій, высокихъ подъемовъ и низкихъ паденій мятущейся человѣческой души, рѣдко достигающей истинной ясности созерцанія.

Наше сообщество людей, чтущихъ историческую истину и служеніе ей, водвореніе уваженія къ ней и насажденіе ея, не могло безмолвствовать въ моментъ вѣчной разлуки съ высокочтимымъ сочленомъ и, возложеніемъ вѣнка на его могилу, оно принесло вмѣстѣ съ другими дань истинной и неутѣшной скорби.

Нынѣ оно собралось почтить память почившаго болѣе подробными, чѣмъ тогдашнія, въ надгробныхъ рѣчахъ, воспоминаніями о его нравственномъ обликѣ, его научныхъ стремленіяхъ и трудахъ на пользу исторической науки и историческаго просвѣщенія.



Θеодоръ Яковлевичъ Фортинскій.

(НЕКРОЛОГЪ).*)

Въ концѣ минувшаго года русская наука и высшая школа понесли тяжелую утрату. 12-го декабря, въ 9 часовъ утра, скончался бывшій ректоръ и заслуженный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, Θеодоръ Яковлевичъ Фортинскій. Смерть эта явилась полною неожиданностью даже для ближайшихъ друзей и сослуживцевъ покойнаго. Еще 2-го декабря Θеод. Як. читалъ лекцію въ университетѣ, и видѣвшіе его въ этотъ день товарищи и не подозрѣвали, что въ его организмѣ уже таится тотъ страшный недугъ, который черезъ десять дней сведетъ его въ могилу. Острый воспалительный процессъ въ печени, почва для котораго несомнѣнно подготовлялась постепенно тяжелыми испытаніями и потрясеніями, выпавшими на долю Θеод. Як. въ послѣдніе годы его ректорства, развился съ необычайной быстротой. Произведенная 10-го декабря, послѣ предварительнаго консиліума врачей, трудная операція не могла предотвратить печальнаго исхода. Такъ отошелъ въ лучшій міръ одинъ изъ даровитыхъ и благороднѣйшихъ университетскихъ дѣятелей, отошелъ на 56-мъ году жизни, еще въ пору полнаго расцвѣта своихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ.

Преждевременная и неожиданная кончина Θеод. Як. вызвала скорбные отклики не только въ Кіевѣ, гдѣ протекла почти вся служебная дѣятельность покойнаго, но и во мно-

*) Напечатанъ также въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ." за текущій годъ, № 3.

гихъ другихъ концахъ Русской земли и за предѣлами ея, гдѣ разсѣяны многочисленные его ученики и почитатели. Въ виду свѣжей могилы на профессорскомъ участкѣ Байкова кладбища пролилась не одна горячая слеза при мысли, что не стало еще одной свѣтлой, идеально-честной личности. И эта скорбь понятна. Въ переживаемое нами тяжелое время путаницы въ общественныхъ и нравственныхъ идеалахъ, нерѣдкаго смѣшенія дурного съ хорошимъ, рабскаго преклоненія предъ всякими модными, хотя бы явно несостоятельными теченіями, крайней нетерпимости къ чужому мнѣнію, Θеод. Як. представлялъ собой выдающееся явленіе, какъ носитель сильнаго и яснаго ума, твердаго характера, высшей гуманности, справедливости и отчетливаго сознанія своего нравственнаго и общественнаго долга. Всѣ эти качества покойнаго, снискавшія ему всеобщее уваженіе, ярко выступаютъ во всѣхъ сторонахъ его разнообразной и плодотворной дѣятельности какъ ученаго, профессора и ректора, въ теченіе всего тридцатилѣтняго его служенія наукѣ и университету св. Владиміра.

Полная и всесторонняя біографія Θеод. Як.—дѣло будущаго. Въ бумагахъ покойнаго должны найтись для нея весьма важные матеріалы. Несомнѣнно, она составитъ цѣнную страницу въ исторіи университета св. Владиміра и русскаго просвѣщенія вообще за послѣднія тридцать лѣтъ. Цѣль настоящихъ строкъ—сообщить лишь важнѣйшіе факты жизни и дѣятельности почившаго университетскаго дѣятеля и хотя бы общими чертами обрисовать его свѣтлую личность.

I.—Θеодоръ Яковлевичъ Фортинскій, сынъ сельскаго священника, родился 15-го февраля 1846 г. въ селѣ Шостьѣ, Касимовскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Ребенкомъ девяти лѣтъ онъ лишился отца и попалъ подъ надзоръ и попеченіе старшихъ своихъ братьевъ [1]) и нѣкоторыхъ другихъ родственниковъ. Но положеніе мальчика-сироты въ матеріальномъ и воспитательномъ отношеніи было очень трудное:

---

[1]) Второй изъ нихъ, протоіерей Ник. Як. Фортинскій, въ настоящее время занимаетъ должность законоучителя въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ.

братья еще сами учились въ школахъ, а другіе родственники были далеко. Способный мальчикъ въ сущности былъ предоставленъ самому себѣ и рано выработалъ въ себѣ любовь къ книгѣ и труду, пріобрѣлъ извѣстную вдумчивость и сосредоточенность. Усвоивъ первоначальную грамоту въ школѣ родного села, онъ продолжалъ свое начальное и среднее образованіе сперва въ Рязанскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ мѣстной семинаріи. Постановка ученія и воспитанія въ духовныхъ школахъ того времени оставляла желать очень многаго. Не удовлетворяло живой, любознательный умъ Ѳеод. Як. и ученіе въ Рязанской бурсѣ. Въ одномъ изъ дневниковъ его, относящемся къ послѣднимъ годамъ пребыванія въ семинаріи, находится любопытная характеристика общей системы обученія въ бурсѣ и тѣхъ страданій, какія переживала его молодая душа, рвавшаяся къ свѣту, знанію и искреннему чувству. „Я хорошо учусь, а для чего?“ спрашиваетъ себя въ дневникѣ юный Фортинскій. „Вѣдь не для того, чтобы я видѣлъ въ пріобрѣтеніи познаній какое-нибудь удовольствіе, а просто чтобы хвалили меня (кому не мила похвала?) и чтобы предоставили мнѣ жить спокойно... Я много читаю опять все-таки для того, чтобы блеснуть своими познаніями. Однимъ словомъ, всѣ мои труды, всѣ мои quasi-добродѣтели—лицемѣріе. Да и можно ли мнѣ было иначе сложиться? Мнѣ никогда не показывали, какъ нужно учить науку для науки, а просто: смотри, учи урокъ, а то высѣкутъ. И я механически долбилъ. Да, впрочимъ, можетъ ли бурсацкая наука возбудить къ себѣ любовь? Могутъ ли всякому здравомыслящему нравиться эти опредѣленія науки, ея частей, подчастей до безконечности? Молодой умъ не привыкъ еще къ сухой логикѣ, сердце и чувство требуютъ для себя пищи, а откуда ее взять? Учебники сухи, учителя еще суше, знаютъ только, что задаютъ отселѣ и доселѣ, а чтобы объяснить что-нибудь, объяснить примѣнительно къ юношескому возрасту—этого не спрашивай. И вотъ спѣшишь выучить урокъ, чтобы съ жадностью приняться за чтеніе какого-нибудь романа. Пусть это будетъ „Битва русскихъ съ кабардинцами“, или повѣсти Зо-

това, или Польдекоковщина—ничего, все читалось съ удовольствіемъ. Послѣ скучныхъ опредѣленій и подраздѣленій бурсацкихъ наукъ и „Битва русскихъ съ кабардинцами“ увлечетъ насъ болѣе, нежели какая-нибудь драма Шекспира—образованнаго человѣка. И вотъ отъ понуканія наставниковъ, отъ чтенія глупыхъ книгъ и выйдешь дуракъ дуракомъ. Нѣтъ у тебя ни познаній, ни царя въ головѣ, а тоже суешься жить, да еще учить другихъ. Нѣтъ, это—верхъ безсмыслія!“ Но если наставники Рязанской семинаріи въ данную эпоху придерживались схоластической науки, очень мало удовлетворяли любознательности воспитанниковъ и весьма слабо вліяли на ихъ умственное развитіе, то нашелся въ Рязани, такъ сказать, сверхштатный преподаватель, который не въ одномъ семинаристѣ заронилъ искру научной пытливости и любовь къ знанію. Это былъ старый профессоръ С.-Петербургской духовной академіи, извѣстный натуралистъ и публицистъ Дм. Ив. Ростиславовъ, проживавшій въ отставкѣ въ своемъ родномъ городѣ Рязани. Время отъ времени онъ читалъ въ залахъ семинаріи публичные курсы по физикѣ и космографіи и увлекалъ семинаристовъ какъ интереснымъ научнымъ содержаніемъ своихъ чтеній, такъ и блестящей ихъ формой. Подъ вліяніемъ этихъ лекцій и у юнаго Фортинскаго постепенно росло и крѣпло стремленіе къ поискамъ за научнымъ знаніемъ. По примѣру другихъ своихъ товарищей, онъ пришелъ къ заключенію, что легче всего можно удовлетворить это стремленіе въ университетѣ. Въ тѣ времена семинаристамъ былъ открытъ доступъ въ университеты, но въ зависимости отъ согласія университетскаго начальства и по сдачѣ особаго повѣрочнаго экзамена. Ѳеод. Як., перейдя въ VI-й классъ и не дожидаясь окончанія семинарскаго курса, отправился лѣтомъ 1865 г. въ Петербургъ и подалъ прошеніе ректору о принятіи его въ университетъ. Ректоръ согласился допустить его къ экзамену, но подъ условіемъ поступленія на историко-филологическій факультетъ. Ѳеод. Як. боялся именно этого факультета, такъ какъ чувствовалъ себя особенно слабымъ въ знаніи древнихъ языковъ; но, сгорая жела-

ніемъ во что бы ни стало попасть въ университетъ, принялъ поставленное ему условіе. Усердно принялся онъ за изученіе греческой и латинской грамматики и тригонометріи, въ августѣ 1865 г. успѣшно выдержалъ экзаменъ и вслѣдъ затѣмъ былъ принятъ въ число студентовъ историко-филологическаго факультета.

Во время прохожденія университетскаго курса научные интересы Ѳеод. Як. сосредоточились на исторіи. Одинъ изъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ отдѣловъ ея—исторія среднихъ вѣковъ одѣлалась для него на всю жизнь предметомъ спеціальнаго изученія. Кто же изъ профессоровъ былъ главнымъ руководителемъ Фортинскаго въ его занятіяхъ исторіей и въ ознакомленіи его съ научными методами изученія предмета? Историческое отдѣленіе факультета во второй половинѣ 60-хъ годовъ получило нѣсколько молодыхъ даровитыхъ преподавателей, вскорѣ затѣмъ пріобрѣтшихъ себѣ почетную извѣстность. Въ годъ поступленія Ѳеод. Як. въ университетъ каѳедру русской исторіи занялъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, и въ томъ же году В. И. Ламанскій началъ свои знаменитыя чтенія по исторіи славянъ. Оба профессора своими лекціями несомнѣнно имѣли большое вліяніе на общее историческое образованіе Фортинскаго, на расширеніе его историческаго кругозора. Но имъ не пришлось принять участіе въ руководствѣ его спеціальными занятіями. Роль руководителя въ этомъ случаѣ должна была принадлежать профессору по каѳедрѣ всеобщей исторіи, по предмету которой спеціально занимался нашъ будущій ученый. Каѳедру эту занималъ тогда еще молодой профессоръ В. В. Бауеръ. Во время пребыванія Фортинскаго въ университетѣ онъ читалъ древнюю исторію и лишь въ 1869 г. перешелъ на новую. Однако, изъ сохранившихся дневниковъ и воспоминаній Ѳеод. Як. видно, что въ своемъ научномъ историческомъ образованіи онъ очень мало обязанъ руководству профессора всеобщей исторіи. Практическія занятія у проф. Бауера, состоявшія въ чтеніи и разборѣ древнихъ памятниковъ въ родѣ Политики Аристотеля, давали очень мало студентамъ и разсматривались ими

какъ „лишнее и притомъ безполезное обремененіе". Самостоятельными работами студентовъ профессоръ тоже интересовался мало. Такъ, онъ отказался прочесть и разобрать одно сочиненіе Θеод. Як. потому только, что отъ этого, по его словамъ, „не было бы никакой пользы". Объ этомъ фактѣ съ огорченіемъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ юный авторъ. И позже, когда Фортинскій былъ оставленъ при университетѣ, проф. Бауеръ принималъ очень мало участія въ руководствѣ его занятіями. Вотъ что пишетъ объ этомъ Θеод. Як. въ своихъ воспоминаніяхъ. „Если тогда что мнѣ нравилось въ проф. Бауерѣ, такъ это его безпритязательность на руководство мною въ занятіяхъ. Онъ зналъ, что я не бездѣльничаю, и больше отъ меня ничего не требовалъ. Я самъ все находилъ, что мнѣ было нужно, и это пріучило меня обходиться безъ содѣйствія со стороны; мнѣ даже непріятно было, если меня разспрашивали о работѣ прежде, чѣмъ я пришелъ къ удовлетворительному результату. Теперь я хорошо понимаю. что ту же самую работу при лучшемъ методѣ можно успѣть сдѣлать скорѣе, но зато едва ли бы я могъ относиться такъ критически къ чужому и своему методу, какъ я дѣлаю это теперь". Итакъ, въ области своихъ спеціальныхъ занятій исторіей Θеод. Як. былъ предоставленъ самому себѣ; онъ работалъ почти безъ указаній и руководства. Ему даже не пришлось прослушать курсъ исторіи среднихъ вѣковъ, такъ какъ этотъ курсъ въ годы его студенчества совсѣмъ не читался въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Но въ области общаго развитія научной пытливости и ознакомленія съ пріемами научной работы онъ несомнѣнно наиболѣе обязанъ двумъ профессорамъ—классику К. І. Люгебилю и знаменитому славису И. И. Срезневскому. Прямыя указанія на это находимъ въ дневникахъ Θеод. Як. Особенно тепло и съ большимъ уваженіемъ онъ говоритъ о Срезневскомъ, который своею обширною и разностороннею эрудиціей, критическимъ отношеніемъ къ фактамъ науки и жизни и участливымъ отношеніемъ къ даровитой и занимающейся молодежи привлекалъ къ себѣ симпатіи студентовъ, желавшихъ работать. Быть мо-

жеть, и выборъ темъ для первыхъ научныхъ работъ Ѳеод. Як. объясняется его болѣе близкими отношеніями къ профессорамъ греческой словесности и славяновѣдѣнія. Кандидатское сочиненіе онъ писалъ на заданную факультетомъ (вѣроятно, по предложенію проф. Дестуниса) тему по греческой словесности: „О значеніи слова ΔΗΜΟΣ у византійскаго историка VI вѣка Прокопія". Однако, требуемое темой филологическое разсужденіе въ этомъ сочиненіи очень не велико; большая часть работы содержитъ обширные историческіе очерки внутренняго состоянія римской и византійской имперіи; въ авторѣ ясно сказалось стремленіе къ занятіямъ не филологіей, а исторіей. Сочиненіе было награждено серебряною медалью 8-го февр. 1869 г., въ торжественный день празднованія пятидесятилѣтняго юбилея университета. Равнымъ образомъ и тема магистерской диссертаціи „Титмаръ Мерзебургскій и его хроника", вѣроятно, была подсказана курсомъ „Славянскихъ древностей" Срезневскаго или даже прямо указана этимъ профессоромъ. Нѣкоторую помощь совѣтами и книгами при изготовленіи этой работы оказали Ѳеодору Яковлевичу профессора В. И. Ламанскій и В. Г. Васильевскій, занявшій каѳедру средней исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1870 г.

По окончаніи курса въ 1869 г. Ѳеод. Як. былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Такъ какъ стипендіи ему не было назначено, то для пріобрѣтенія средствъ къ жизни ему пришлось заниматься уроками и, между прочимъ, взять мѣсто преподавателя исторіи русскаго языка въ Петербургскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ. Эти постороннія занятіи однако не мѣшали ему усиленно работать въ области избранной спеціальности. Въ теченіе трехъ лѣтъ Ѳеод. Як. не только выдержалъ испытаніе на степень магистра всеобщей исторіи, но успѣлъ написать и напечатать упомянутую выше диссертацію о Титмарѣ Мерзебургскомъ. Въ эту пору весьма существенную поддержку оказалъ ему его дядя Дм. Аѳ. Фортинскій (бывшій преподаватель одного изъ Петербург-

скихъ духовныхъ училищъ), который далъ ему средства совершить кратковременную поѣздку за-границу, въ Дрезденъ, для непосредственнаго ознакомленія съ рукописью—оригиналомъ Хроники Титмара. 20-го мая 1872 г. Ѳеод. Як. блестяще защитилъ свою диссертацію въ родномъ университетѣ. Его работа представляетъ превосходное въ методическомъ отношеніи изслѣдованіе о весьма важной средневѣковой хроникѣ нач. XI в., содержащей, между прочимъ, драгоцѣнныя свидѣтельства о славянахъ. Пишущему эти строки, въ бытность его студентомъ С.-Петербургскаго университета въ 1872—76 гг., не разъ приходилось слышать съ профессорской каѳедры указаніе на сочиненіе Ѳеод. Як., какъ на образцовый трудъ въ области изученія средневѣковыхъ источниковъ. Такимъ онъ остается и понынѣ.

Немедленно по защитѣ диссертаціи Ѳеод. Як. былъ избранъ совѣтомъ университета св. Владиміра въ доценты по каѳедрѣ всеобщей исторіи и съ осени 1872 года приступилъ къ чтенію лекцій по средней исторіи. Вступительная лекція молодого доцента на тему: „Причины распаденія монархіи Карла Великаго“ (напечатана въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ 1872 г.), представлявшая гармоническое соединеніе научности содержанія и самостоятельности мысли съ живостью и ясностью изложенія, сразу показала, какую крупную научную силу и какое большое дарованіе пріобрѣталъ университетъ св. Владиміра въ лицѣ Ѳеод. Як. Такими же свойствами отличалась напечатанная въ слѣдующемъ году публичная лекція Ѳеод. Як. „О развитіи папской власти въ средніе вѣка“ (Университетскія Извѣстія 1873 г.). Но самъ молодой лекторъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, сознавалъ разные пробѣлы въ своемъ научномъ образованіи и мечталъ о томъ, чтобы получить возможность подъ руководствомъ корифеевъ исторической науки углубиться въ изученіе предмета своей спеціальности и наилучше ознакомиться съ современными методами его преподаванія. Желаніе это осуществилось. Въ январѣ 1874 года Ѳеод. Як. былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія за границу съ ученою цѣлью,

срокомъ на два года. Командировкой этой онъ воспользовался съ большимъ успѣхомъ. Значительную часть командировочнаго времени онъ употребилъ на занятія въ историческихъ семинаріяхъ Гёттингенскаго университета подъ руководствомъ профессоровъ Г. Вайца, Р. Паули и Френсдорфа и въ Парижѣ въ École des chartes и въ École des hautes études. Методъ занятій во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ обстоятельно охарактеризованъ имъ въ „Отчетахъ о командировкѣ", напечатанныхъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1875 г. (октябрь) и 1876 г. (январь). Особенно благотворно въ научномъ отношеніи было для него непосредственное знакомство съ Г. Вайцомъ, знаменитѣйшимъ нѣмецкимъ историкомъ и лучшимъ руководителемъ въ занятіяхъ источниками средневѣковой нѣмецкой исторіи. Работая въ его семинаріи, Ѳеод. Як. пріобрѣлъ много новыхъ полезныхъ свѣдѣній по методологіи исторической науки. которыми и воспользовался уже въ слѣдующемъ своемъ большомъ сочиненіи и которыя пригодились ему при выработкѣ системы практическихъ занятій съ его собственными слушателями. О Вайцѣ Ѳеод. Як. всегда отзывался съ глубокимъ почтеніемъ и позже посвятилъ оцѣнкѣ его научной дѣятельности двѣ статьи (Университетскія Извѣстія 1879 и 1886 гг.). Работая въ историческихъ семинаріяхъ, Ѳеод. Як. въ то же время внимательно слѣдилъ за новѣйшей литературой по исторіи среднихъ вѣковъ и посылалъ въ Университетскія Извѣстія обстоятельныя критико-библіографическія статьи о важнѣйшихъ ея явленіяхъ. Такъ, въ теченіе 1874 и 1875 гг. имъ были напечатаны разборы слѣдующихъ изданій: 1) Bremisches Urkundenbuch; 2) Simson, Jahrbücher des fränkischen Reichs unter Ludwig d. Frommen; 3) Histoire de la geographie et des découvertes geographiques par Vivien de St. Martin; 4) Histoire des institutions politiques de l'ancienne France par Fustel de Coulanges. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь благопріятными условіями пребыванія за границей, Ѳеод. Як. усердно писалъ и обработывалъ свою докторскую диссертацію на тему: „Приморскіе Вендскіе города и ихъ вліяніе на образо-

ваніе Ганзейскаго союза до 1370 года". Ко времени возвращенія въ Россію трудъ былъ почти готовъ. Въ теченіе 1876 года онъ былъ напечатанъ, а въ началѣ 1877 года былъ принятъ историко-филологическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета въ качествѣ диссертаціи и доставилъ автору степень доктора всеобщей исторіи. Это новое обширное изслѣдованіе Ѳеод. Як. было признано спеціалистами выдающимся трудомъ по исторіи средних вѣковъ. Замѣчательно стройное въ методологическомъ отношеніи, основанное на свѣжемъ только что изданномъ архивномъ матеріалѣ, оно отличается новизной и интересомъ содержанія: въ книгѣ обстоятельно изложена исторія возникновенія и развитія внутренняго устройства пяти городовъ: Любека, Ростока, Висмара, Стральзунда и Грейфсвальда, расположенныхъ на старомъ славянскомъ или вендскомъ побережьи, охарактеризована торговля этихъ городовъ и указанъ новый путь къ рѣшенію труднаго вопроса объ образованіи Ганзейскаго союза. Важное значеніе этой работы Ѳеод. Як., какъ и магистерской его диссертаціи, заключается также въ удачномъ выборѣ сюжета, представляющаго интересъ не только для изслѣдователей средневѣковой нѣмецкой исторіи, но и для славянскихъ историковъ. Въ ней разсматриваются и разъясняются явленія политической и культурной жизни, развивавшіяся на славянской территоріи; а вводная глава содержитъ мастерской, хотя и сжатый очеркъ распространенія нѣмецкой колонизаціи на издревле-славянскомъ поморьѣ. Въ этомъ отношеніи Ѳеод. Як. стоялъ на совершено вѣрномъ пути. Русскіе изслѣдователи западно-европейской исторіи, конечно, должны заниматься преимущественно тѣми ея явленіями, которыя стоятъ въ извѣстной связи съ судьбами славянскаго міра. Докторская степень обезпечила Фортинскому каѳедру всеобщей исторіи въ университетѣ св. Владиміра. Въ 1877 году онъ былъ избранъ Совѣтомъ въ экстраординарные, а въ 1878 году—въ ординарные профессоры.

II. Такъ началось служеніе Ѳеод. Як. университету св. Владиміра. Въ этомъ служеніи и протекла вся вторая половина его жизни, цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Радушно принятый университетомъ, какъ выдающійся ученый и талантливый

профессоръ, онъ и самъ полюбилъ университетъ всей душой, сроднился съ нимъ, отдавалъ на служеніе ему почти всѣ силы, все свое время. Первоначально ближе всего ему былъ, конечно, свой историко-филологическій факультетъ, въ дѣятельности котораго онъ всегда принималъ самое живое участіе. Десять лѣтъ (1877--1887 гг.) онъ былъ секретаремъ факультета и три года—деканомъ. Но уже очень рано, въ качествѣ члена совѣта, а потомъ и члена правленія, онъ сталъ интересоваться и всѣми другими сторонами университетской жизни, помимо дѣлъ своего факультета. Наконецъ, когда въ 1890 году состоялось назначеніе его ректоромъ, университетъ въ цѣломъ, со всѣми его сложными функціями, сталъ для него предметомъ усерднаго попеченія и всяческихъ заботъ.

Но, какъ ни мѣнялось іерархическое положеніе Ѳеод. Як. въ университетской средѣ, онъ всегда былъ прежде всего профессоромъ. Главное свое призваніе онъ видѣлъ въ преподаваніи съ каѳедры науки, изученію которой онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Въ добросовѣстномъ исполненіи этой первѣйшей обязанности профессора онъ справедливо усматривалъ главное свое служеніе наукѣ и университету. И Ѳеод. Як. былъ образцовымъ профессоромъ-историкомъ. Всѣ его курсы были тщательно обработаны и стояли на высотѣ современной науки. Всѣ они старательно написаны рукой профессора, а нѣкоторые, сверхъ того, были литографированы студентами. Однако, при чтеніи лекцій, Ѳеод. Як. никогда не пользовался своими тетрадями, а говорилъ совершенно свободно, имѣя передъ глазами лишь коротенькій конспектъ данной лекціи, предназначавшійся собственно для слушателей. При этомъ изложеніе его отличалось замѣчательною стройностью, ясностью и живостью, оставаясь однако чуждымъ излишней фразистости и другихъ внѣшнихъ эффектовъ. Содержательность, научность и соразмѣрность частей каждой лекціи ясно говорили слушателямъ о томъ, съ какой рѣдкою добросовѣстностью и любовью къ преподаванію относился профессоръ. Но о томъ же свидѣтельствовали и практическія занятія, которыя состояли главнымъ образомъ въ ознакомле-

нія студентовъ съ методами изученія средневѣковыхъ историческихъ памятниковъ. Во время этихъ занятій Ѳеод. Як. заявлялъ себя опытнымъ руководителемъ, шедшимъ во всеоружіи знанія, съ рѣдкою отзывчивостью на помощь студентамъ въ ихъ научныхъ стремленіяхъ. Студенты историко-филологическаго факультета всегда высоко цѣнили Ѳеод. Як., какъ профессора. Многочисленные его ученики, изъ которыхъ иные нынѣ уже сами занимаютъ профессорскія каѳедры, съ благодарностью вспоминаютъ о его лекціяхъ и практическихъ занятіяхъ.

Кромѣ общаго курса исторіи среднихъ вѣковъ, Ѳеод. Як. читалъ спеціальные курсы, напримѣръ: исторію Англіи, исторію Франціи, исторію Италіи, исторію Крестовыхъ походовъ и др. Помимо того онъ никогда не отказывался читать по порученію факультета другіе отдѣлы всеобщей исторіи, не входившіе въ область его спеціальности. Такъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ излагалъ исторію Рима и исторію Востока. И эти курсы были имъ обрабатываемы съ неменьшею тщательностью, чѣмъ курсы по исторіи среднихъ вѣковъ. Заботясь о полнотѣ преподаванія, Ѳеод. Як. почти никогда не пропускалъ лекцій и никогда не сокращалъ въ расписаніи числа часовъ своихъ курсовъ, даже и тогда, когда имѣлъ на то полное право, будучи въ качествѣ ректора обремененъ административными дѣлами. Изъ любви къ своему предмету и изъ желанія придать своимъ курсамъ возможно большую научность и современность Ѳеод. Як. всегда, до послѣднихъ дней жизни, очень внимательно слѣдилъ за обширной литературой по исторіи среднихъ вѣковъ. Въ трудныя времена ректорства, когда все болѣе сокращалось свободное для научныхъ занятій время, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ вакацій, чтобы просмотромъ журналовъ и ознакомленіемъ съ новыми книгами восполнить пробѣлы, накопившіеся за учебное время. При такомъ добросовѣстномъ отношеніи къ преподаванію, курсы Ѳеод. Як. постоянно исправлялись и передѣлывались примѣнительно къ новѣйшимъ успѣхамъ въ разработкѣ исторіи среднихъ вѣковъ и, слѣдовательно, являются драгоцѣн-

ными памятниками его почтенной профессорской дѣятельности. У Ѳеод. Як. не разъ являлась мысль издать хотя нѣкоторые изъ этихъ курсовъ, но крайне строгое отношеніе къ себѣ постоянно мѣшало ему осуществить это намѣреніе, а позже не стало и досуга для этого дѣла. Можно было ожидать, что, освободившись отъ ректорства, онъ займется приготовленіемъ къ печати своихъ курсовъ, но неожиданная смерть и тутъ явилась помѣхой. Слѣдуетъ надѣяться, что теперь семья покойнаго и историко-филологическій факультетъ примутъ на себя заботы о скорѣйшемъ изданіи въ свѣтъ этихъ многолѣтнихъ трудовъ талантливаго профессора-историка. Несомнѣнно, они составятъ цѣнное пріобрѣтеніе нашей литературы, такъ небогатой самостоятельными, систематическими трудами по средней исторіи.

Постоянно занятый всестороннимъ и широкимъ изученіемъ своего предмета во всемъ его объемѣ въ видахъ наиболѣе научной и законченной постановки его преподаванія, Ѳеод. Як. не оставилъ послѣ себя другихъ большихъ спеціальныхъ изслѣдованій, кромѣ двухъ своихъ извѣстныхъ диссертацій; но онъ не переставалъ и по полученіи ординатуры, въ теченіе многихъ лѣтъ, работать въ ученой исторической литературѣ. Ему принадлежитъ, кромѣ указанныхъ выше, до 20 небольшихъ работъ и статей, преимущественно критическаго характера, появлявшихся, главнымъ образомъ, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ. Сюда относятся: въ 1877 году критическій разборъ сочиненій: а) Julius Ficker, Beiträge zur Urkundenlehre (Innsbruck, 1877); б) Herm. Wesendock, Die Begründung der neueren deutschen Geschichtsschreibung durch Gatterer und Schlözer nebst Einleitung über Gang und Stand derselben vor diesen (Leipzig, 1876); въ 1878 году: а) Новыя открытія въ области исторіи ордена Тампліеровъ; б) о книгѣ A. Babeau, Le village sous l'ancien régime; в) разборъ сочиненія Гедеонова „Варяги и Русь“ (Отчетъ о присужденіи наградъ графа Уварова); въ 1879 году: научно-историческая дѣятельность Георга Вайца, по поводу выхода въ свѣтъ послѣднихъ томовъ его Deutsche Verfassungs-geschichte; въ

1880 году: объ изданіи Monumenta Germaniae historica. Diplomata t. v.; въ 1881 году: о книгахъ: а) Recueil des fac-similés à l'usage de l'École des chartes; б) Richter, Zeittafeln der deutschen Geschichte im Mittelalter; публичная лекція: О положеніи городскихъ ремесленниковъ въ средніе вѣка; въ 1882 году: Научная разработка перваго крестоваго похода; въ 1883 году: Подготовка къ изданію грамотъ Оттона Великаго; въ 1884 году: Опытъ систематической обработки исторической критики; въ 1885 году: о книгѣ Ю. Функе, Учебникъ всеобщей исторіи. Средніе вѣка (Кіевъ, 1884); въ 1886 году: а) Научно-издательская дѣятельность Георга Вайца; б) Новое изданіе произведеній Григорія Турскаго; въ 1887 году: о сочиненіи „Le comité des travaux historiques et scientifiques"; въ 1890 году: объ изданіи „Историческое Обозрѣніе". Сборникъ историческаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ за 1890 годъ; въ 1892 году: „Борьба нищенствующихъ монаховъ съ Парижскимъ университетомъ въ XIII вѣкѣ" (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія)*; въ 1894 году: разборъ сочиненія проф. Н. М. Бубнова „Сборникъ писемъ Герберта какъ историческій источникъ" (Отчетъ о присужденіи премій митрополита Макарія).

Изъ приведеннаго перечня меньшихъ работъ Ѳеод. Як. видно, что онъ постоянно заботился о сообщеніи въ русской ученой литературѣ свѣдѣній о важнѣйшихъ явленіяхъ новѣйшей исторіографіи по среднимъ вѣкамъ, причемъ вниманіе его останавливалось главнымъ образомъ на трудахъ, посвященныхъ критическому изданію и изученію источниковъ и методологіи исторіи, а также разъясненію наиболѣе трудныхъ и любопытныхъ вопросовъ въ области культурной жизни народовъ и государствъ средневѣковья. Всѣ эти работы Ѳеод. Як. отличаются самостоятельностью мысли и глубиной анализа, ясностью и живостью изложенія. Собранныя въ одно цѣлое въ новомъ изданіи, онѣ были бы прекраснымъ дополненіемъ къ курсамъ почившаго историка.

Послѣдняя ученая работа Ѳеод. Як., явившаяся въ печати, относится къ 1894 году. Это былъ составленный по

порученію Академіи Наукъ обстоятельный разборъ сочиненія проф. Н. М. Бубнова „Сборникъ писемъ папы Герберта, какъ историческій источникъ". Затѣмъ наступили тяжелыя времена. На Ѳеод. Як. были возложены, помимо профессорскихъ, иныя трудныя и отвѣтственныя обязанности, исполненіе которыхъ поглощало большую часть его рабочаго времени. У себя, въ кабинетѣ, онъ продолжалъ по прежнему слѣдить за литературой своего предмета, но у него уже не хватало настолько досуга, чтобы печатно дѣлиться своими научными наблюденіями и мнѣніями.

III.—1-го августа 1890 г. Ѳ. Я. былъ назначенъ ректоромъ университета св. Владиміра. Съ этого дня начался новый, важный и вмѣстѣ съ тѣмъ роковой періодъ его жизни. Двѣнадцать лѣтъ онъ стоялъ во главѣ управленія такого обширнаго и сложнаго просвѣтительнаго учрежденія, какъ университетъ св. Владиміра, и всего за шесть мѣсяцевъ до своей кончины сложилъ съ себя это тяжелое бремя, въ конецъ надломившее крѣпкое его здоровье и подготовившее развитіе у него того опаснаго недуга, который такъ быстро свелъ его въ могилу. Исполненіе ректорскихъ обязанностей при нынѣ дѣйствующемъ университетскомъ уставѣ, требующемъ отъ ректора большого умѣнья согласовывать и примирять желанія и стремленія какъ отдѣльныхъ представителей профессорской корпораціи, такъ и всего университетскаго совѣта съ обязательными предписаніями и требованіями высшаго начальства—само по себѣ дѣло очень трудное; во время же ректорства Ѳ. Я. трудность эта несказанно увеличилась вслѣдствіе постоянныхъ студенческихъ смутъ и волненій, которыя за послѣдніе четыре года сдѣлались хроническими и приняли особенно рѣзкую, тяжелую форму. И Ѳ. Я. подъялъ на себя эту тяготу и несъ ее въ теченіе 12 лѣтъ безропотно, съ честью и достоинствомъ, насколько хватало силъ.

Событія университетской жизни за этотъ періодъ слишкомъ тѣсно сплетаются съ настоящимъ, съ тѣмъ, что мы еще теперь переживаемъ, чтобы можно было о нихъ говорить съ полной откровенностью. Да это и едва ли умѣстно въ виду

еще свѣжей могилы. Но будущій историкъ университета св. Владиміра несомнѣнно отмѣтитъ на темномъ фонѣ смутъ и тревогъ, которыя переживалъ университетъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, свѣтлую, благородную личность ректора Фортинскаго, неутомимаго работника для пользы университета, горячаго защитника чести и достоинства университета, какъ храма науки. На посту ректора, какъ и въ званіи профессора, Ѳ. Я. всегда былъ прежде всего человѣкомъ долга. Въ качествѣ высшаго главы университета онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность всѣми силами заботиться о его благосостояніи и процвѣтаніи. Къ университету онъ относился какъ къ родному дѣтищу, близко принималъ къ сердцу его радости и печали, отдавалъ ему почти все свое время, всю душу, всю энергію. Болѣе честное исполненіе своего долга трудно себѣ представить. Ѳ. Я. непосредственно входилъ во всѣ мелочи и частности сложной университетской жизни, самъ съ рѣдкимъ усердіемъ слѣдилъ за ходомъ всѣхъ дѣлъ, во все вникалъ, все помнилъ и все предусматривалъ, зналъ и берегъ каждую университетскую копейку и дѣлалъ все, что могъ, для улучшенія университетскаго хозяйства и удовлетворенія насущныхъ нуждъ какъ многочисленныхъ университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, такъ и служащихъ въ университетѣ лицъ. Сознавая многія отрицательныя стороны въ современномъ строѣ университетской жизни и недостаточность находящихся въ распоряженіи университета денежныхъ средствъ для выполненія его высокаго назначенія соотвѣтственно потребностямъ времени, онъ былъ искреннимъ и горячимъ поборникомъ самой широкой университетской реформы и принималъ дѣятельное участіе въ подготовительныхъ работахъ для этой реформы.

Высоко ставя коллегіальное начало въ управленіи, Ѳ. Я. обо всѣхъ важныхъ дѣлахъ, касавшихся университета, совѣщался съ правленіемъ, хотя бы они по уставу и не подлежали вѣдѣнію послѣдняго, а въ совѣтѣ былъ образцовымъ предсѣдателемъ, признававшимъ широкую свободу въ обсужденіи вопросовъ и полную терпимость ко всякому выска-

зываемому мнѣнію или взгляду. Всегда доступный, привѣтливый, сердечный въ отношеніяхъ къ сослуживцамъ, онъ былъ идеальнымъ, трудно-замѣнимымъ начальникомъ. Постоянное благодушіе и незлобіе, необыкновенная выдержанность и самообладаніе въ самыхъ трудныхъ и непріятныхъ положеніяхъ, строгое отношеніе къ себѣ и снисходительность къ другимъ были рѣдкими чертами его характера. Эти свойства личности Θ. Я. невольно влекли къ нему сердца всѣхъ, хотя онъ былъ ректоромъ назначеннымъ, а не выборнымъ; въ нихъ заключается одна изъ причинъ того высокаго уваженія, какое питали къ нему всѣ знавшіе его, даже тѣ, кто не былъ близокъ съ нимъ и не раздѣлялъ его частныхъ взглядовъ и мнѣній. Постоянно видя въ Θ. Я. не только преданнаго своему долгу начальника, но и добраго товарища, профессорская коллегія пользовалась каждымъ случаемъ, чтобы выразить ему знаки своего искренняго вниманія и расположенія. Такъ, напримѣръ, это было рано утромъ 31 мая 1900 г., когда Θеодору Яковлевичу, совершенно неожиданно для него, было устроено товарищами самое сердечное чествованіе по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его профессорской службы. Такъ и теперь преждевременная и неожиданная кончина его со скорбью занесена въ лѣтопись университета и вызвала въ засѣданіи совѣта 20-го декабря единогласное постановленіе о помѣщеніи въ залѣ торжественныхъ собраній портрета бывшаго ректора въ уваженіе особыхъ заслугъ, оказанныхъ имъ университету св. Владиміра.

Искренне любилъ Θ. Я. и учащуюся молодежь, но любилъ ее истинной, а не мнимой любовью. Чуждый всякаго искательства у сильныхъ міра сего, онъ никогда не заискивалъ и у молодежи, не льстилъ ей, не сочувствовалъ прививаемымъ ей съ разныхъ сторонъ нездоровымъ инстинктамъ. Какъ профессоръ, онъ старался словомъ и примѣромъ внушить молодежи любовь къ труду и знанію, чувство долга, уваженіе къ истинѣ и правдѣ, и охотно, съ рѣдкою готовностью, руководилъ занятіями студентовъ по предмету своей спеціальности. Объ учащейся молодежи и ея насущныхъ нуж-

дахъ онъ думалъ и памятовалъ и на смертномъ одрѣ, когда дѣлалъ распоряженіе о передачѣ въ учрежденную при факультетѣ историко-филологическую семинарію своей прекрасной библіотеки, составленной на скудные профессорскіе гроши. Завѣщанныя имъ университету св. Владиміра книжныя сокровища навсегда останутся свидѣтельствомъ горячей любви почившаго не только къ историко-филологическому факультету, но и къ честной, трудящейся молодежи, такъ какъ они предоставляются прежде всего въ пользованіе этой молодежи. Какъ ректоръ, Ѳ. Я. всегда шелъ на встрѣчу студентамъ во всѣхъ ихъ нуждахъ и бѣдахъ, былъ доступенъ каждому, всякому готовъ былъ помочь, чѣмъ только могъ, и при разрѣшеніи всякихъ студенческихъ дѣлъ проявлялъ высшую гуманность, справедливость и снисходительность.

Къ сожалѣнію, въ разгаръ прискорбныхъ университетскихъ волненій студенчество въ значительной своей части словно забыло объ этомъ всегдашнемъ сердечномъ отношеніи Ѳ. Я. къ молодежи, о всѣхъ его неустанныхъ трудахъ для ея блага, и легко поддалось вліянію неосновательныхъ слуховъ и толковъ, вышедшихъ изъ кружка руководителей безпорядками. Исполненіе ректоромъ лежавшаго на немъ служебнаго долга въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда безпорядки въ университетѣ, произведенные толпой не свыше 250 чел., выразились въ особенно рѣзкой формѣ, было истолковано въ этомъ кружѣ, какъ доказательство враждебнаго отношенія Ѳ. Я. къ студенчеству вообще. О немъ стали громко говорить, какъ о какомъ-то гонителѣ учащейся молодежи; при чемъ эти толки распространялись не только среди студентовъ, но и нашли отклики въ извѣстной части мѣстнаго общества, спѣшившаго свалить на одного человѣка отвѣтственность за то, въ чемъ повинны были многіе другіе. Въ концѣ концовъ сколько горя, незаслуженныхъ и грубыхъ оскорбленій выпало на долю Ѳ. Я.! „Это въ высокой степени несправедливое нареканіе, какъ вѣрно выразился въ своей надгробной рѣчи нынѣшній ректоръ Н. В. Бобрецкій, „тяжелымъ камнемъ легло на чуткую душу Ѳ. Я.,

было каплей, переполнившей чашу огорченій", пережитыхъ имъ въ это смутное, тяжелое время и, „по всей вѣроятности, не мало содѣйствовало развитію той болѣзни, которая такъ скоро и неожиданно свела его въ могилу". Но пройдетъ рядъ годовъ, исторія раскроетъ во всей подробности всѣ обстоятельства пережитыхъ нами смутъ, и тогда всѣмъ во-очію станетъ ясно то, въ чемъ убѣждены и теперь близкіе свидѣтели административной дѣятельности Ѳ. Я.: онъ всегда былъ истиннымъ другомъ студенчества, той учащейся молодежи, которая вѣритъ во все чистое и хорошее, любитъ трудъ и знаніе и дорожитъ университетомъ, какъ храмомъ науки, какъ неприкосновенной святыней.

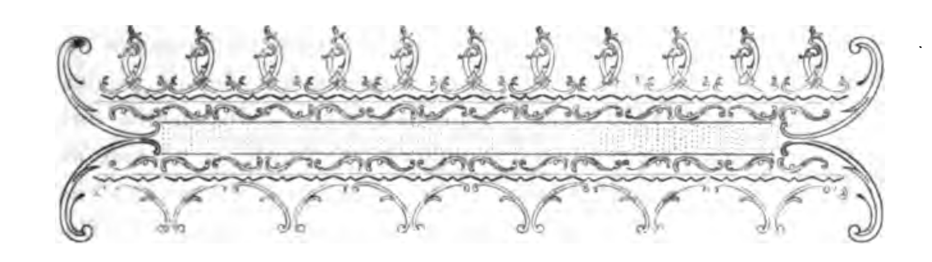
IV.— Такъ, среди разнообразныхъ трудовъ и заботъ, посвященныхъ университету св. Владиміра, протекала жизнь Ѳ. Я. Въ широкую колею суетливой общественной жизни онъ не вступалъ и, несмотря на занимаемое имъ высокое положеніе ректора университета, имѣлъ мало связей и знакомствъ въ мѣстномъ высшемъ обществѣ. Часы досуга онъ предпочиталъ проводить въ своей столь любимой имъ семьѣ или въ кругу близкихъ друзей-профессоровъ. Сверхъ того онъ очень любилъ музыку; посѣщеніе оперы и концертовъ всегда было для него лучшимъ отдыхомъ послѣ всяческихъ трудовъ, разныхъ невзгодъ и непріятностей. Тѣмъ не менѣе, въ силу своего живого и наблюдательнаго ума и широкаго историческаго кругозора онъ всегда близко интересовался всѣми важнѣйшими вопросами русской и заграничной жизни, особенно развитіемъ наукъ и просвѣщенія, и внимательно слѣдилъ за ними посредствомъ усерднаго чтенія книгъ и журналовъ. Начитанность Ѳ. Я. не только въ исторической литературѣ, но и въ областяхъ другихъ наукъ, иногда стоявшихъ очень далеко отъ его спеціальности, напр. въ области юриспруденціи, философіи, даже медицины и естествознанія была изумительна. Ѳ. Я. обладалъ массой познаній, которыя, благодаря хорошей памяти, прекрасно удерживались въ его головѣ; онъ былъ образованнымъ человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, слылъ весьма живымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ.

Искреннее желаніе Ѳ. Я. содѣйствовать распространенію знанія и просвѣщенія и помимо тѣхъ средствъ, какія давала его университетская служба, особенно выражалось въ его живомъ участіи въ дѣятельности бывшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ и состоящаго при университетѣ св. Владиміра Историческаго Общества Нестора-лѣтописца. Ѳ. Я. горячо сочувствовалъ высшему женскому образованію, былъ однимъ изъ ревностныхъ устроителей женскихъ курсовъ въ Кіевѣ, ихъ талантливымъ профессоромъ, членомъ педагогическаго совѣта и хранителемъ ихъ имущества, когда они прекратили свое существованіе. Съ неменьшею любовью и большой пользой для дѣла служилъ Ѳ. Я. и Историческому Обществу Нестора-лѣтописца съ первыхъ дней его возникновенія—и своими научными сообщеніями и трудами въ должностяхъ библіотекаря, казначея и члена совѣта, и наконецъ, дѣятельнымъ участіемъ въ публичныхъ чтеніяхъ, которыя устраивало Общество. Высоко цѣня заслуги Ѳ. Я., Общество Нестора-лѣтописца давно уже избрало его въ свои почетные члены. Кстати будетъ упомянуть здѣсь, что такой же чести удостоила его въ нынѣшнемъ году и Кіевская Духовная Академія, въ уваженіе его заслугъ, какъ ректора университета св. Владиміра.

Въ такомъ видѣ представляется намъ трудовая жизнь Ѳеодора Яковлевича Фортинскаго, такими чертами характеризуется его благородная личность.

Свѣтлый образъ достойнѣйшаго университетскаго дѣятеля долго будетъ жить въ памяти и сердцахъ всѣхъ знавшихъ его, а имя его всегда будетъ съ благодарностью поминаться и съ каѳедры, и въ лѣтописяхъ университета св. Владиміра.

Т. Флоринскій.



Θеодоръ Яковлевичъ Фортинскій,

какъ ученый и профессоръ.

12-го декабря 1902 года, въ 9 часовъ утра, на 57-мъ году жизни, скончался послѣ тяжкой операціи заслуженный ординарный профессоръ по каѳедрѣ всеобщей исторіи, бывшій ректоръ университета св. Владиміра, Θеодоръ Яковлевичъ Фортинскій. Сошелъ въ могилу видный представитель русской исторической науки, благородный человѣкъ и даровитый администраторъ. Въ лицѣ почившаго университетъ св. Владиміра лишился выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ дѣятеля. Память объ его ученой и учено-административной дѣятельности въ стѣнахъ университета св. Владиміра никогда не изгладится. Авторъ этой краткой замѣтки, ученикъ покойнаго, лишился незабвеннаго учителя и друга, каждое слово и указаніе котораго имѣло для него значеніе приговора самаго авторитетнаго и безпристрастнаго судьи. Лишенный возможности лично присутствовать на похоронахъ почившаго и отдать ему послѣдній долгъ преданности и уваженія, авторъ этой замѣтки рѣшился, насколько то ему позволяли время, силы и знанія,—собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни и ученыхъ трудахъ покойнаго ко дню засѣданія Общества Нестора-лѣтописца, засѣданія, посвященнаго чествованію памяти покойнаго.

Θеодоръ Яковлевичъ Фортинскій, сынъ священника села Шостьи, Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи, родился 15 февраля 1846 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Рязанскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ мѣстной семинаріи. Осенью 1865 года онъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Университетъ въ ту пору, послѣ студенческихъ безпорядковъ, происходившихъ осенью 1861 года, и временнаго и частичнаго закрытія впредь до пересмотра университетскаго устава 1835 года,—вступалъ въ новый періодъ своего существованія и возрождался послѣ катастрофы подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ новой просвѣтительной эпохи развитія русской гражданственности. Въ іюлѣ 1863 года въ составѣ историко-филологическаго факультета оставалось 6 профессоровъ (А. В. Никитенко, М. С. Куторга, И. И. Срезневскій, Н. М. Благовѣщенскій, И. Б. Штейнманъ, М. И. Сухомлиновъ). изъ которыхъ двое (А. В. Никитенко и И. Б. Штейнманъ) вскорѣ оставили университетъ, а М. С. Куторга, по окончаніи 25-лѣтняго срока службы, причисленъ былъ къ университету въ качествѣ сверхштатнаго профессора. Деканомъ и душою факультета былъ И. И. Срезневскій, широкообразованный человѣкъ, извѣстный славистъ и палеографъ. Къ молодежи, по словамъ В. И. Ламанскаго, И. И. Срезневскій „всегда относился съ великимъ участіемъ, а если замѣчалъ въ молодомъ человѣкѣ искреннюю любовь къ наукѣ и дарованье, то даже съ увлеченіемъ [1]". Неудивительно поэтому, что въ самомъ непродолжительномъ времени въ составъ факультета было привлечено много талантливыхъ и способныхъ людей, составившихъ себѣ впослѣдствіи почетную извѣстность въ наукѣ. Въ 66—69 гг., когда Θ. Я. Фортинскій состоялъ студентомъ историко-филологическаго факультета, начинали свою университетскую дѣятельность М. И. Владиславлевъ, В. В. Бауэръ, В. А.

[1]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго С.-Петербургскаго университета,—СПБ. 1898, Т. II. стр 249.

Бильбасовъ [1]), Ѳ. Ѳ. Соколовъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, О. Ѳ. Миллеръ, В. И. Ламанскій, Г. С. Дестунисъ, К. Е. Люгебиль и И. В. Помяловскій. Такимъ образомъ, это была пора полнаго расцвѣта историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета. Съ особенною признательностью Ѳ. Я. Фортинскій всегда вспоминалъ изъ числа своихъ учителей В. В. Бауэра и И. И. Срезневскаго. Первый изъ нихъ обладалъ всѣми качествами хорошаго лектора и обдумывалъ и обрабатывалъ всѣ свои курсы весьма тщательно. Излагая древнюю и новую исторію, онъ всегда обращалъ главное вниманіе на критику источниковъ и знакомилъ слушателей своихъ съ научными методами изслѣдованія. Хотя уже тогда ясно стала обнаруживаться склонность В. В. Бауэра къ преимущественному изученію новой исторіи, но въ годы студенчества Ѳ. Я. Фортинскаго его спеціальные курсы были посвящены критическому изученію первыхъ книгъ Тита Ливія и сочиненія Аристотеля о Государствѣ. Лекціи и курсы Бауэра ознакомили молодого студента съ правилами исторической критики и привили вкусъ къ изученію источниковъ. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Ѳ. Я. Фортинскій, будущій изслѣдователь и спеціалистъ по исторіи среднихъ вѣковъ, въ теченіе всего университетскаго курса не имѣлъ возможности прослушать даже общій курсъ по исторіи среднихъ вѣковъ. Если впослѣдствіи его диссертаціи были посвящены выясненію славяно-германскихъ историческихъ отношеній, если его симпатіи всегда склонялись болѣе въ сторону французской исторической науки,—то это въ значительной степени объясняется вліяніемъ И. И. Срезневскаго на складъ его ученыхъ вкусовъ. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, что И. И. Срезневскій, совмѣстно съ Бодянскимъ, Прейсомъ и Григоровичемъ, былъ однимъ изъ насадителей славяновѣдѣнія въ Россіи. Далѣе, по свидѣтельству В. И. Ламанскаго, И. И. Срезневскій питалъ „глубочайшее уваженіе къ великимъ по-

---

[1]) Въ качествѣ приватъ-доцента читалъ лекціи по новой исторіи въ осеннемъ семестрѣ 1866 г., а затѣмъ перешелъ на службу въ Кіевскій университетъ.

движникамъ французской науки XVI—XVIII в.в., къ Этьену. Годефруа, Дюканжу, Монфокону и пр.". „Въ послѣднія десятилѣтія своей жизни,—продолжаетъ В. И. Ламанскій объ И. И. Срезневскомъ,—онъ любилъ на лекціяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ съ молодежью внушать ей чувство высокаго къ нимъ уваженія [1])".

Будучи на третьемъ курсѣ, Ѳ. Я. Фортинскій задумалъ испытать свои силы на поприщѣ самостоятельной ученой работы. На 1867—68 годъ была предложена по каѳедрѣ греческой словесности слѣдующая тема для соисканія наградъ медалями и почетными отзывами: „Разсмотрѣть въ общихъ чертахъ значеніе слова δῆμος у Прокопія, и подробно, по Прокопію-же, разобрать это слово въ смыслѣ партій ипподрома [2])". Тема была скорѣе филологическая, чѣмъ историческая. Взявшись за такую работу, молодой историкъ сосредоточилъ почти все вниманіе на исторической части: „изъ 320 страницъ, посвященныхъ всей работѣ, онъ удѣлилъ на разборъ производства слова δῆμος вообще и его разныхъ значеній по Прокопію, равно какъ и словъ одного съ нимъ происхожденія, всего на всё только 23 стр.". По мнѣнію отзыва, въ исторической части сочиненія замѣчается также уклоненіе отъ темы: только послѣднія 77 страницъ посвящены изложенію историческаго значенія партій ипподрома въ пору Прокопія, а „остальныя 220 страницъ состоятъ изъ очерковъ, составленныхъ главнымъ образомъ по пособіяхъ, правда многочисленнымъ, но составленныхъ безъ отчетливаго указанія связи съ главной темой". Одновременно съ Ѳ. Я. Фортинскимъ сочиненія на ту же тему были представлены Владиміромъ Срезневскимъ (работа подъ № XII) и Вячеславомъ Срезневскимъ (подъ № XI). Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ преимущественно была обработана филологическая сторона темы. Указывая недостатки работы молодого историка, отзывъ вполнѣ безпристрастно отмѣчалъ и досто-

[1]) Словарь проф. и препод. Имп. С.-Петерб. универ., т. II, стр. 224.

[2]) Григорьевъ, Историческая записка, стр. LXV.

инства работы. „Что касается,—читаемъ мы въ отзывѣ,—той части диссертаціи, въ которой авторъ охватилъ состояніе цѣлаго историческаго міра въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, то, разумѣется, автору невозможно было отнестись къ такому громадному предмету критически. У него была разумная цѣль—объяснить самому себѣ связь разбираемаго факта, т. е. партій ипподрома, съ прочими явленіями міра общественнаго, и поэтому ширина замысла, сильно вредящая ясности въ рѣшеніи задачи,—ему не въ укоръ. У автора этой диссертаціи,—читаемъ далѣе,—оказывается большая начитанность, знаніе источниковъ, знакомство съ множествомъ пособій (сочиненіями Эйхеля, Вилькена, Савиньи, Финлея, Цахаріи, Ридигера, Тейфеля, Рихтера, Дана, Гопфа, арким. Іоанна, примѣчаніями Ламбеція, Рейске); мѣстами у него виденъ живой разсказъ, видны интересы къ предмету, трудолюбіе: все это свидѣтельствуетъ въ его пользу, хотя и не можетъ перевѣсить вѣсовъ на его сторону". Согласно постановленію факультета, Владиміру Срезневскому была присуждена за сочиненіе золотая медаль, а Вячеславу Срезневскому и Ѳ. Я. Фортинскому —серебряныя медали [1]).

Такимъ образомъ, уже въ первомъ самостоятельномъ трудѣ Ѳ. Я. Фортинскаго, написанномъ на студенческой скамьѣ, обнаружились всѣ качества, необходимыя для ученаго, занимающагося всеобщей исторіей: стремленіе уразумѣть ходъ историческаго развитія въ длинномъ рядѣ вѣковъ, ширина замысла, большая начитанность, знаніе источниковъ, живость изложенія, трудолюбіе и т. д. Если молодой историкъ не достигъ полнаго успѣха, то это объясняется скорѣе характеромъ самой темы, нежели его неподготовленностью къ ученымъ изслѣдованіямъ. Впрочемъ, отчасти это объясняется еще и тѣмъ, что Ѳеодоръ Яковлевичъ, будучи большимъ знатокомъ латинскаго языка, особенно средневѣковаго, значительно слабѣе зналъ греческій языкъ. Вѣроятно, потому онъ, насколько

---

[1]) Юбилейный актъ Императорскаго С.-Петербургскаго университ. 8 февр. 1869 года, СПБ. 1869, стр. 109—118.

мнѣ извѣстно, никогда не читалъ лекцій по исторіи Византіи.

По окончаніи курса въ маѣ 1869 года со степенью кандидата, Ѳеодоръ Яковлевичъ былъ оставленъ при университетѣ на два года для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Въ теченіе этого времени онъ выдержалъ испытаніе на степень магистра всеобщей исторіи и напечаталъ диссертацію: „Титмаръ Мерзебургскій и его хроника“ (Спб. 1872, стр. I—IV, 1—201). Сочиненіе это доселѣ остается наиболѣе обстоятельной и полной монографіей о хроникѣ Титмара Мерзебургскаго не только въ нашей, но и западно-европейской литературѣ. Прежде всего оно основано на изученіи Дрезденской рукописи, которая справедливо считается такъ сказать автографомъ, т. е. написана отчасти рукой самого епископа и тѣми писцами, которымъ онъ диктовалъ. Этимъ значительно выдѣляется сочиненіе Ѳ. Я. Фортинскаго отъ работъ Стребицкаго, посвященныхъ изученію хроники Титмара: 1) Thietmarus quibus fontibus usus sit, Königsb. Diss. 1870; 2) Zur Kritik Thietmars (Forschungen zur deutschen Geschichte, Bd. XIV, S. 349—366). Это обстоятельство дало поводъ Ваттенбаху въ 5-мъ изданіи его извѣстнаго сочиненія Deutschlands Geschichtsquellen im Mittellalter сдѣлать такое справедливое замѣчаніе о соображеніяхъ Стребицкаго: Es ist sehr zu bedauern, dass bei diesen Untersuchungen die Originalhandschrift nicht zu Rathe gezogen ist [1]). Монографія Ѳ. Я. Фортинскаго составлена по широкому плану и въ ней не оставлена безъ вниманія ни одна частность, которая могла бы служить къ критическому выясненію значенія изучаемаго источника. Такимъ образомъ, въ его монографіи мы находимъ не только біографію составителя хроники, указаніе его образованности, языка, времени написанія, плана и источниковъ хроники, но также подробный критическій анализъ содержанія хроники и сведеніе данныхъ, служащихъ къ выясненію политическихъ и нравственныхъ воз-

---

[1]) Bd. 1, S. 335.

зрѣній Титмара. Послѣднія стороны дѣла оставляются и позднѣйшими нѣмецкими изслѣдованіями въ тѣни. Кромѣ того, въ монографіи заключительная и обширная глава посвящена разбору извѣстій Титмара о славянахъ. Эта цѣнная глава можетъ быть рекомендована вниманію изслѣдователей, занимающихся славянской исторіей. Въ ней сгруппированы и критически провѣрены всѣ извѣстія нѣмецкаго анналиста о славянахъ, т. е. произведена вся та предварительная работа, которую въ данномъ случаѣ спеціалисту по славянской исторіи приходилось бы производить, по всей вѣроятности, съ меньшимъ успѣхомъ самому. Главнѣйшіе выводы, къ которымъ приходитъ Θ. Я. Фортинскій въ своей монографіи о Титмарѣ Мерзебургскомъ, остаются въ наукѣ доселѣ непоколебленными. Исключеніе представляетъ вопросъ о времени написанія хроники. По этому вопросу нашъ авторъ въ общемъ присоединяется къ заключеніямъ Бетмана, хотя дѣлаетъ коекакія поправки и возраженія противъ соображеній этого ученаго. Въ послѣднее время за этотъ вопросъ взялся г. Ф. Курце, которому было поручено переизданіе хроники Титмара для такъ называемаго школьнаго или отдѣльнаго изданія (Separatausgabe) коллекціи Monumenta Germaniae (Hann. 1889, in—8). Свои статьи Abfassungszeit und Entstehungsweise der Chronik Thietmars и Nachlese zur Quellenkunde Thietmars г. Ф. Курце помѣстилъ въ журналѣ Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde [1]). Въ этихъ статьяхъ, а особенно въ первой изъ нихъ, нѣмецкій ученый, на основаніи палеографическаго изученія рукописи и отношенія хроники къ Кведлинбургскимъ анналамъ, приходитъ къ заключенію, что отдѣльныя части хроники были написаны не въ той послѣдовательности, въ какой онѣ расположены въ Дрезденской рукописи и напечатаны въ изданіи хроники Лаппенберга. Основываясь на этихъ своихъ выводахъ, г. Ф. Курце въ своемъ изданіи отступаетъ отъ рукописной традиціи и вводитъ иное дѣленіе хроники на книги и главы. Ваттенбахъ въ 6-мъ изданіи своего сочиненія Deutschlands Geschichtsquellen (Berl. 1893) вы-

[1]) Bd. XIV, 1889, S. 59-86; Bd. XVI, 1891, S. 459—472.

сказывается съ похвалой объ изысканіяхъ г. Ф. Курце, находя ихъ весьма остроумными (mit grossem Scharfsinn); принимая его выводы, но излагая ихъ не совсѣмъ точно и правильно [1]), Ваттенбахъ нашелъ необходимымъ прибавить, что „едва-ли всѣ частности правильны, но въ правильности главныхъ положеній нельзя сомнѣваться, а многія неясности, благодаря этому, находятъ разъясненіе [2])". Ф. Курце принадлежитъ къ числу тѣхъ изслѣдователей новой формаціи, которыхъ критическое „остроуміе" (Scharfsinn) увлекаетъ въ область рискованныхъ построеній и предположеній. Въ самомъ дѣлѣ, въ своей статьѣ г. Ф. Курце находилъ возможнымъ всѣ анналистическія замѣтки, встрѣчавшіяся въ хроникѣ Титмара и относившіяся ко времени послѣ 975 года, считать за заимствованія изъ такъ называемыхъ и несохранившихся Гильдесгеймскихъ анналъ (Hild. Ann. maj.) и даже собирался взяться за ихъ возстановленіе [3]), а потомъ присоединился къ мнѣнію, высказанному ранѣе Вейландомъ, что въ данномъ случаѣ Титмаръ пользовался утраченной Гальберштадтской хроникой [4]). Далѣе въ своей статьѣ, напечатанной въ XIV томѣ журнала Neues Archiv, г. Курце указывалъ на противорѣчія въ хронологическихъ указаніяхъ хроники Титмара и Квендлинбургскихъ анналъ (S. 69—72), а два года спустя отрекся отъ этого мнѣнія и откровенно признался, что онъ зашелъ въ данномъ отношеніи далѣе, чѣмъ слѣдовало [5]).

[1]) Сравни Wattenbach. Bd. 1, S. 358 и Neues Archiv. Bd. XIV, S. 81—83.

[2]) Wattenbach. 6. Aufl, Bd. 1, S. 358—359.—S. 359: Möglich, dass nicht alle Einzelheiten richtig sind, aber im wesentlichen ist wohl an der Richtigkeit dieser Ergebnisse nicht zu zweifeln und es lösen sich dadurch viele Schwierigkeiten

[3]) Neues Archiv, XVI, S. 461—469, S. 465—466.

[4]) Wattenbach, Deutsch. Geschichtsquellen, 6. Aufl., S. 357.—*Fr Kurze*, Die Hersfelder und die grösseren Hildesheimer Jahrbücher bis 984 (Programm des Gymnasiums zu Stralsund, Ostern. 1892), S. 5: nach fort. gesetzter Prüfung muss ich aber das, was ich dort aus Thietmar als mutmasslichen Inhalt seiner Hildesheimer Quelle ausgeschieden habe, von 995 an ihr grösstenteils wieder absprechen und vielmehr für die uns verlorene Halberstädter Chronik, welche ihm noch vorlag, in Anspruch nehmen.

[5]) Neues Archiv, Bd. XVI, S. 469: In dem Bestreben, diese Meinung abzuweisen, bin ich doch vielleicht zu weit gegangen, wenn ich ausser in VI, 2 auch in VI, 33—34 und 53—58 Widersprüche in der Zeitrechnung Thietmars und der Quedlinburger Jahrbücher zu finden geglaubt habe.

Лаври Гильдебрехта [2]) не даютъ, очевидно, покоя нѣкоторымъ изслѣдователямъ и въ частности г. Ф. Курце. Указывая въ своемъ анализѣ источники, которыми пользовался Титмаръ при составленіи хроники, Ѳ. Я. Фортинскій принималъ во вниманіе только сохранившіяся и извѣстныя произведенія. Въ этомъ нельзя не усматривать здраваго критическаго такта, ибо критику сохранившихся источниковъ посредствомъ несохранившихся или предполагаемыхъ источниковъ, несомнѣнно, слѣдуетъ признать рискованнымъ научнымъ пріемомъ. Уклоненіе въ эту сторону неизбѣжно должно приводить къ постоянной смѣнѣ предположеній и новыхъ догадокъ, какъ это наблюдается въ изысканіяхъ г. Ф. Курце. Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ этихъ послѣднихъ изысканій. Считаемъ необходимымъ впрочемъ замѣтить, что гипотеза послѣдняго изслѣдователя хроники Титмара далеко не разъясняетъ всѣхъ трудностей критики текста этой хроники, какъ думаетъ Ваттенбахъ. Достаточно въ данномъ случаѣ только двухъ примѣровъ. Курце полагаетъ, что 5-я глава IV-й книги хроники написана въ 1014 году [3]), а между тѣмъ она могла быть написана не ранѣе декабря 1015 года, когда умеръ Мейссенскій епископъ Еидъ. Въ самомъ дѣлѣ, говоря въ этой главѣ о посвященіи епископа Еида, Титмаръ знаетъ уже о его смерти и обѣщаетъ впослѣдствіи подробнѣе разсказать о его подвигахъ: de cujus meritis consecratione [illegible] ac [illegible]cessione [illegible] postquam [illegible] cum tempus [illegible], narrabo (L. IV, 5). И въ 15-й главѣ, написанной по Курце въ 10[illegible] году, VII-й книги исполняетъ это обѣщаніе: sed quia superius promisi me de ejus vita et sequentibus [illegible] pauca loquar [3]). Далѣе, по мнѣнію г. Ф. Курце, 2-я глава VII-й книги написана въ 101[illegible] году [4]). Между тѣмъ, въ этой главѣ Титмаръ говоритъ, что виновниками возстанія въ Римѣ, происшедшаго въ

Въ 18[illegible] году онъ по подлинникамъ [illegible] [illegible] часть анналъ Альтайхскаго монастыря, а въ 18[illegible] году [illegible] части издать отдѣльные Альтайхскіе анналы.

[2] Neues Archiv Bd. XIV S. [illegible]; Wattenbach, 6. Aufl. S. [illegible]

[3] Ѳ. Фортинскій, Титмаръ Мерзебургскій и его хроника, стр. [illegible]; Neues Archiv, Bd. XIV S. 62.

[4] Neues Archiv Bd. XIV S. [illegible]; Wattenbach, 6. Aufl. S. [illegible]

февралѣ 1014 года, были три брата, изъ которыхъ одинъ Ecilin in Ivicanstene castello *diu servatur*. Такимъ образомъ, эту главу могъ Титмаръ написать значительно позже 1014 года [1]). Наконецъ, соображенія г. Ф. Курце о томъ, что Титмаръ познакомился съ Кведлинбургскими анналами не ранѣе 1016 года [2]), не представляются убѣдительными уже по одному тому, что третья книга хроники, которая, по мнѣнію Курце, написана была въ 1013 году [3]), „носитъ на себѣ характеръ чисто лѣтописный [4])“, что въ 6-й и 8-й главахъ четвертой книги, написанныхъ, по мнѣнію г. Ф. Курце, въ 1014 году [5]), усматривается, какъ доказалъ Ѳ. Я. Фортинскій, пользованіе Кведлинбургскими анналами [6]).

Такимъ образомъ, монографія „Тимаръ Мерзебургскій и его хроника“ до сихъ поръ хотя со времени ея составленія прошло болѣе 30 лѣтъ, остается наиболѣе подробнымъ и обстоятельнымъ трудомъ, посвященнымъ критическому изученію этого важнаго источника, и не утратила своего значительнаго научнаго значенія.

19 мая 1872 года Ѳ. Я. Фортинскій блистательно защитилъ свою магистерскую диссертацію. Какъ мнѣ лично передавалъ покойный К. И. Турчаковскій, бывшій тогда студентомъ С.-Петербургскаго университета, при провозглашеніи диспутанта магистромъ всеобщей исторіи И. И. Срезневскій обнялъ молодого ученаго и привѣтствовалъ въ его лицѣ выдающуюся ученую силу. Еще до защиты диссертаціи Ѳ. Я. Фортинскій получилъ отъ Министерства заграничную командировку съ ученой цѣлью на два года съ содержаніемъ изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Незадолго до того возникъ вопросъ о приглашеніи его въ университетъ св. Владиміра на каѳедру всеобщей исторіи.

1) Фортинскій, стр. 67.
2) Neues Archiv, Bd. XIV, S. 80—81. Wattenbach, 6 Aufl, S. 358.
3) Neues Archiv, B. XIV, S. 81.
4) Фортинскій, стр. 101.
5) Neues Archiv, Bd. XIV, S. 74, 81. Wattenbach, S. 358.
6) Фортинскій, стр. 106.

До 1863—64 академ. года каѳедру всеобщей исторіи въ теченіе 14-ти лѣтъ занимали проф. Ставровскій и Шульгинъ. Въ 1863—64 акад. году чтеніе лекцій по всеобщей исторіи производилось однимъ проф. Ставровскимъ. Въ 1866 году проф. Ставровскій былъ уволенъ въ отставку по окончаніи 30-лѣтней службы. 31 января 1867 года преподаваніе всеобщей исторіи поручено было штатному доценту Бильбасову, который въ апрѣлѣ 1869 былъ сдѣланъ профессоромъ, но оставался въ Кіевскомъ университетѣ на службѣ недолго, до 15 мая 1871 года. Помощникомъ Бильбасова являлся прив.-доцентъ М. Драгомановъ, читавшій обязательныя лекціи для студентовъ съ 1865 года по сентябрь 1870 года. Въ 1871—72 акад. году преподаванія всеобщей исторіи совершенно не было, и студенты вовсе не слушали лекцій по всеобщей исторіи.

О такомъ грустномъ положеніи доложено было ректоромъ Н. Х. Бунге въ засѣданіи совѣта 10 марта 1872 года и было постановлено снестись съ факультетомъ о замѣщеніи вакантной каѳедры всеобщей исторіи и просить факультетъ доставить свое заключеніе къ слѣдующему засѣданію совѣта. Историко-филологическій факультетъ въ засѣданіи своемъ 21 марта обсуждалъ предложеніе совѣта и постановилъ донести слѣдующее: „Факультетъ, собственно говоря, подготовилъ для занятія каѳедры всеобщей исторіи двухъ преподавателей: одного—по древней, именно магистра Драгоманова, и другого—по средней и новой исторіи, магистра Лучицкаго. Оба поименованные магистра, пріобрѣвшіе предварительно званіе приватъ-доцентовъ, были факультетомъ избраны въ штатные доценты, и одинъ изъ нихъ, г. Драгомановъ, былъ удостоенъ избранія совѣта, другой-же въ скоромъ забаллотированъ. До окончательнаго утвержденія г. Драгоманова штатнымъ доцентомъ и въ виду забаллотированія г. Лучицкаго факультетъ считалъ своею обязанностью тотчасъ по увольненіи ординарнаго профессора Бильбасова принять мѣры къ пріисканію преподавателя средней и новой исторіи, но ничего не могъ сдѣлать въ этомъ родѣ [illegible]

фессору Харьковскаго университета г. Петрову, но симъ послѣднимъ это предложеніе было отклонено; теперь же факультетъ ожидаетъ отвѣта на сдѣланное имъ предложеніе магистру Московскаго университета г. Трачевскому". Когда докладывалось это представленіе факультета въ засѣданіи совѣта 31 марта, то орд. проф. В. С. Иконниковъ заявилъ, что Трачевскій отказывается въ настоящее время отъ перехода въ университетъ св. Владиміра, но что ожидается отвѣтъ отъ г. Фортинскаго, съ которымъ начаты переговоры.

Ѳ. Я. Фортинскій не безъ нѣкотораго колебанія согласился принять предложеніе историко-филологическаго факультета. Давая свое согласіе, онъ просилъ, чтобы въ случаѣ его избранія въ доценты, совѣтъ университета, представляя его къ утвержденію въ должности, ходатайствовалъ объ оставленіи за нимъ права воспользоваться заграничною командировкою при первой возможности. Очевидно, условіе это было принято не только потому, что оно свидѣтельствовало о кандидатѣ на каѳедру съ самой лучшей стороны, но также въ виду того безвыходнаго положенія, въ какомъ находился факультетъ, видѣвшій необходимость замѣстить наконецъ вакантную каѳедру.

Какъ только въ Кіевѣ узнали о защитѣ диссертаціи, то немедленно дали ходъ дѣлу о замѣщеніи каѳедры. Въ засѣданіи историко-филологическаго факультета (24 мая) былъ заслушанъ отзывъ орд. проф. В. С. Иконникова о возведеніи магистра Фортинскаго въ званіе штатнаго доцента. „Какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ,—сказано было въ отзывѣ о диссертаціи,—авторъ разсматриваетъ избранный источникъ строго-критически и потому постоянно провѣряетъ его другими современными извѣстіями и актами. Приступивъ къ своему труду, онъ тщательно изучилъ не только разсматриваемый имъ источникъ, но и весь циклъ лѣтописей, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ хроникѣ Титмара, каковы: хроника Видукинда и анналы Гильдесгеймскіе, Кведлинбургскіе, Ламберта и Вейссембургскіе. Въ той-же степени изучены имъ необходимыя житія. Литература предмета близко знакома автору, и

онъ пользуется ею при каждомъ случаѣ, даже въ отдѣльныхъ фактахъ, чтобы указать на существующія о нихъ мнѣнія въ наукѣ, или старается установить на нихъ болѣе правильную точку зрѣнія. Таковы, къ нашему мнѣнію, его заключенія о походѣ Генриха II на Польшу въ 1005 году, гдѣ авторъ касается мнѣній Гизебрехта, Реппеля и Цейссберга; о лѣтосчисленіи Титмара въ противоположность мнѣнію Лаппенберга; о Мерзебургскомъ сеймѣ и друг. Въ главѣ о славянахъ авторъ не оставляетъ въ сторонѣ и русскихъ источниковъ". По выслушаніи отзыва, факультетъ приступилъ къ баллотировкѣ, причемъ оказалось, что магистръ Фортинскій получилъ 7 избирательныхъ шаровъ и ни одного неизбирательнаго. Въ засѣданіи совѣта 31-го мая Ѳ. Я. Фортинскій былъ избранъ на должность доцента по каѳедрѣ всеобщей исторіи почти единогласно (19 избирательныхъ и 2 неизбирательныхъ шара). 23 іюня попечитель Кіевскаго учебнаго округа увѣдомилъ совѣтъ объ опредѣленіи магистра Фортинскаго по вакантной каѳедрѣ всеобщей исторіи съ 31 мая, т. е. со дня избранія его въ совѣтѣ.

19 октября Ѳ. Я. Фортинскій прочиталъ свою вступительную лекцію: „Причины распаденія монархіи Карла В." и въ теченіе осенняго семестра читалъ двухчасовой курсъ по исторіи среднихъ вѣковъ (отъ паденія западно-римской имперіи до прекращенія Саксонской династіи). Имѣя въ виду заняться составленіемъ диссертаціи на степень доктора всеобщей исторіи и желая обогатить свои познанія по спеціальности, молодой ученый уже въ засѣданіи факультета 9 декабря 1872 года сдѣлалъ устное заявленіе о томъ, что онъ считаетъ своевременнымъ отправиться въ заграничную ученую командировку съ будущаго 1 іюля 1873 года на два года. Ходатайствуя объ этомъ предъ совѣтомъ, факультетъ находилъ, что „онъ такимъ образомъ исполняетъ обязательство, взятое имъ на себя относительно г. Фортинскаго, который только подъ условіемъ исходатайствованія ему факультетомъ заграничной командировки на счетъ университета св. Владиміра согласился занять должность доцента всеобщей исторіи въ

этомъ университетѣ и отказаться вслѣдствіе того отъ заграничной командировки, на которую Министерство Народнаго Просвѣщенія уже окончательно назначило было его". Къ этому со стороны факультета было прибавлено ходатайство о назначеніи изъ суммъ университета по 800 рублей ежегодно сверхъ получаемаго г. Фортинскимъ оклада въ 1200 рублей. Совѣтъ въ засѣданіи своемъ 15 декабря 1872 года постановилъ „просить г. Попечителя округа ходатайствовать передъ Министерствомъ о включеніи г. Фортинскаго въ списокъ лицъ, коихъ предполагается отъ Министерства командировать въ 1873 году за границу, съ ученою цѣлью, съ назначеніемъ ему по 800 руб. въ годъ въ добавокъ къ штатному доцентскому содержанію".

Заграничная командировка представлялась дѣйствительно дѣломъ неотложнымъ, такъ какъ въ библіотекѣ университета не находилось не только необходимыхъ книгъ для изготовленія задуманной Ѳеодоромъ Яковлевичемъ ученой работы, но отсутствовали даже изданія и пособія, необходимыя для преподаванія средней исторіи. Поэтому однимъ изъ первыхъ шаговъ молодого доцента было возбужденіе ходатайства о пополненіи библіотеки въ данномъ отношеніи. Къ сожалѣнію, совѣтъ въ смѣту расходовъ на 1873 годъ могъ включить только 346 рублей на выписку книгъ для каѳедры всеобщей исторіи, въ дополненіе къ отпускаемой на сей предметъ суммы по разверсткѣ библіотечной коммиссіи. Въ концѣ этого же года, на основаніи письменнаго заявленія Ѳ. Я. Фортинскаго о необходимости пріобрѣтенія весьма важнаго и полезнаго сборника аббата Миня—Patrologiae cursus completus, стоившаго по отзыву библіотекаря 851 рубль, и ходатайства факультета, было рѣшено имѣть въ виду пріобрѣтеніе этого изданія при распредѣленіи въ началѣ 1874 года общихъ остатковъ отъ спеціальныхъ средствъ.

Между тѣмъ, разрѣшеніе вопроса о командированіи замедлилось. Министръ Народнаго Просвѣщенія не нашелъ возможнымъ удовлетворить ходатайство совѣта по отсутствію средствъ, но „поручилъ Департаменту Народнаго Просвѣще-

нія включить г. Фортинскаго въ списокъ лицъ, имѣющихся въ виду для посылки въ 1874 году за границу, если въ то время Министерство будетъ располагать нужными денежными средствами". Въ засѣданіи совѣта 30-го марта 1873 года постановлено было „дѣло о командированіи доцента по каѳедрѣ всеобщей исторіи Ѳ. Я. Фортинскаго за границу, срокомъ на два года, съ выдачею ему въ пособіе изъ спеціальныхъ средствъ университета по 400 руб. въ годъ, сверхъ доцентскаго содержанія, доложить совѣту по возвращеніи изъ оканчивающейся заграничной командировки приватъ-доцента по упомянутой каѳедрѣ М. П. Драгоманова". Такимъ образомъ, разрѣшеніе вопроса о командировкѣ отлагалось въ сущности на неопредѣленное время какъ въ виду отвѣта со стороны Министерства, такъ и потому, что приватъ-доцентъ Драгомановъ постоянно присылалъ изъ-за границы прошенія объ отсрочкѣ командировки, мотивируя таковыя то соображеніями о ходѣ своихъ ученыхъ разысканій, то ссылками на болѣзнь жены и т. д. Только позднею осенью 1873 г. возвратился М. Драгомановъ въ Кіевъ и въ ноябрѣ приступилъ къ чтенію лекцій по древней исторіи. Тогда же было возобновлено ходатайство о командированіи Ѳ. Я. Фортинскаго за границу на два года. Въ декабрѣ Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ Попечителя, что онъ „согласенъ на командированіе доцента университета св. Владиміра Фортинскаго съ 16 января 1874 года на два года за границу съ ученою цѣлью, съ производствомъ ему въ теченіе этого срока добавочной изъ средствъ Министерства Народнаго Просвѣщенія суммы въ количествѣ 400 рублей въ годъ, что̀ составитъ съ содержаніемъ, получаемымъ имъ по должности доцента, 1600 рублей въ годъ". Такъ какъ еще въ декабрѣ 1872 г. совѣтъ постановилъ выдать Ѳ. Я. Фортинскому прибавочное пособіе къ его содержанію въ размѣрѣ 800 рублей, то въ засѣданіи совѣта 1 февраля 1874 года вопросъ о назначеніи недостающихъ 400 руб. изъ спеціальныхъ средствъ былъ рѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ баллотировкою (положительныхъ 24, а отрицательныхъ шаровъ 10). Очевидно, члены

факультета и совѣта успѣли оцѣнить уже молодого преподавателя въ теченіе короткаго времени его дѣятельности въ стѣнахъ Кіевскаго университета.

Кромѣ чтенія лекцій и заботъ о пополненіи библіотеки университета, эта дѣятельность выражалась въ исполненіи порученій факультета. Однимъ изъ такихъ порученій было составленіе очерка ученой дѣятельности И. В. Лучицкаго. Дѣло въ томъ, что въ засѣданіи факультета 5-го ноября 1873 года проф. В. И. Модестовъ указывалъ, что давно уже не читаются лекціи по новой исторіи, и указывалъ на И. В. Лучицкаго, который съ успѣхомъ могъ бы читать курсы по новой исторіи. Въ виду такого заявленія факультетъ поручилъ Ѳ. Я. Фортинскому представить отзывъ объ ученыхъ трудахъ указаннаго кандидата на должность штатнаго доцента. Спустя 12 дней Ѳеодоръ Яковлевичъ представилъ самый лестный отзывъ. Не входя въ подробный разборъ диссертаціи И. В. Лучицкаго: „Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи“, онъ ограничился тѣмъ, что сгруппировалъ всѣ указанія на достоинства этого труда, какія можно было извлечь изъ отзывовъ и рецензій проф. Бильбасова, проф. Осокина и французскаго историка Мори. Кромѣ того, съ большою похвалою отзывался объ архивныхъ работахъ И. В. Лучицкаго и его статьяхъ въ журналѣ „Знаніе“. Отзывъ оканчивался такими выводами: „1) г. Лучицкій постоянно и усердно трудится надъ собираніемъ неизданныхъ документовъ и не безъ успѣха разрабатываетъ на основаніи ихъ исторію Франціи XVI в.; 2) трудясь въ архивахъ, г. Лучицкій находитъ однако время, чтобы внимательно слѣдить за появленіемъ историческихъ трудовъ во Франціи, Германіи и Англіи“. Всегда благодушный и исполненный доброжелательности, Ѳ. Я. Фортинскій въ этомъ случаѣ остался вѣренъ себѣ и привѣтствовалъ ученыя заслуги своего будущаго товарища и сверстника. Иначе къ дѣлу отнесся М. Драгомановъ. По его мнѣнію, хотя „въ своемъ сочиненіи о Фергюссонѣ г. Лучицкій высказался за систематическое обозрѣніе историческихъ фактовъ предпочтительно предъ синхронистическимъ“, но въ сво-

емъ сочиненіи: „Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи“, онъ якобы „отступилъ отъ своего идеала историческаго сочиненія, и это отступленіе отразилось невыгодно на его трудѣ“. „Предположивъ-же,—продолжаетъ г. Драгомановъ,—гораздо болѣе общую связь между гугенотскими волненіями и феодальной реакціей, чѣмъ это было въ дѣйствительности и по существу обоихъ движеній, г. Лучицкій сдѣлалъ свои мысли неясными, въ другихъ случаяхъ долженъ былъ допустить натяжки (напр., вмѣненіе общихъ идей всей партіи т. наз. политиковъ), объяснять явленія одного порядка причинами другого“. Далѣе, авторъ отзыва упрекаетъ И. В. Лучицкаго въ увлеченіи внѣшнимъ сцѣпленіемъ событій, въ неумѣніи дѣлать различія въ значеніи общихъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ. Всѣ эти упреки г. Драгомановъ старается подкрѣпить цитатами изъ рецензіи Альфреда Мори и отзыва редакціи Бюллетеня французскаго историческаго протестантскаго общества, но какъ бы не замѣчаетъ, что все это не согласуется съ той общей оцѣнкой труда И. В. Лучицкаго, которую далъ г. Мори и которую приводитъ и онъ са́мъ: „Факты въ сочиненіи г. Лучицкаго изложены ясно, документы ловко пущены въ дѣло, изложеніе живо... Это трудъ почтенный [1])“.

За время своего непродолжительнаго пребыванія въ Кіевѣ до отъѣзда въ заграничную командировку Ѳ. Я. Фортинскій успѣлъ заявить себя съ самой лучшей стороны, какъ общественный дѣятель и членъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца. Такъ, 16 дек. 1873 года онъ прочиталъ и напечаталъ свою прекрасную публичную лекцію: „Развитіе папской власти въ средніе вѣка“. Пользуясь лучшими тогдашними сочиненіями по исторіи папства и извѣстнымъ сборникомъ Яффе, ораторъ выяснилъ съ полною убѣдительностью слабыя стороны старо-католическаго движенія, вызваннаго провозглашеніемъ догмата о папской непогрѣшимости на

---

[1]) Университетскія Извѣстія, 1874, № 7, часть оффиціальная, стр. 49—55

Римскомъ соборѣ 1870 года. Сборъ съ лекціи назначался въ пользу недостаточныхъ студентовъ и голодающихъ Самарской губерніи.

Историческое Общество Нестора-лѣтописца открыло свою дѣятельность первымъ общимъ засѣданіемъ 14 января 1873 года. Ѳ. Я. Фортинскій былъ однимъ изъ первыхъ членовъ этого новаго Общества: онъ былъ избранъ 16 сентября того же года. Въ отчетѣ за первый годъ существованія Общества отмѣчено, что въ одномъ изъ засѣданій онъ читалъ рефератъ о походахъ Болеслава польскаго на Кіевъ, подвергая разбору соотвѣтствующія свидѣтельства хроники Титмара Мерзебургскаго, а кромѣ того принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи реферата А. Д. Воронова: „Изслѣдованіе западныхъ извѣстій о латинскихъ миссіонерахъ на Руси въ X—XI вѣкѣ и сопоставленіе этихъ извѣстій со свидѣтельствами нашихъ лѣтописей [1]“.

Такъ какъ вопросъ о заграничной командировкѣ вполнѣ выяснился къ 1 января 1874 года. то Ѳ. Я. Фортинскій уже 29 января того же года отправился въ С.-Петербургъ для полученія заграничнаго паспорта. Увѣдомляя о командированіи, министръ просилъ попечителя округа „предложить совѣту университета о снабженіи г. Фортинскаго надлежащею инструкціею“. 26 января, по предложенію ректора, историко-филологическій факультетъ представилъ совѣту слѣдующую инструкцію: „Г. Фортинскій командируется въ Германію, Францію, Италію и другія государства Западной Европы для ознакомленія со способами преподаванія всеобщей исторіи въ заграничныхъ университетахъ и историческихъ семинаріяхъ. Изъ университетовъ г. Фортинскій долженъ преимущественно посѣтить Берлинскій, Лейпцигскій, Геттингенскій и École des chartes въ Парижѣ. Посѣщая университеты, г. Фортинскій долженъ обратить вниманіе на вспомогатель-

---

[1]) Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1875, № 4, научная хроника, стр. 1, 3, 6—7.

ныя ученыя учрежденія, особенно на музеи древностей [1])". Нельзя сказать, чтобы инструкція эта отличалась обстоятельностью. Несомнѣнно, при составленіи ея факультетъ руководился соображеніемъ о необходимости не стѣснять ученаго, отправляющагося въ командировку, излишними подробными предписаніями. Составленіе инструкціи въ данномъ случаѣ было исполненіемъ одной формальности: члены факультета не могли не сознавать, что такой дѣльный ученый и свѣдущій историкъ, какимъ уже въ ту пору былъ Ѳ. Я. Фортинскій, не нуждается въ руководствѣ и наставленіяхъ, необходимыхъ для начинающихъ ученыхъ.

Лѣтній или первый семестръ 1874 года нашъ ученый провелъ въ Геттингенѣ, а большую часть остального времени въ Парижѣ. Изъ-за границы онъ присылалъ въ Министерство подробные отчеты о своихъ занятіяхъ. Своею обстоятельностью эти отчеты обратили вниманіе Ученаго Комитета Министерства, а потому извлеченія изъ нихъ были напечатаны въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія" [2]). Въ Геттингенѣ Ѳ. Я. Фортинскій слушалъ лекціи и занимался въ историческихъ семинаріяхъ профессоровъ Вайца, Паули и Френсдорфа. Въ своемъ письмѣ „изъ Геттингена" онъ характеризуетъ методъ веденія практическихъ занятій въ этихъ семинаріяхъ, останавливаясь съ особенною подробностью на характеристикѣ семинарія Георга Вайца. Познакомивши своихъ слушателей на первыхъ лекціяхъ съ общими основами критики текстовъ и фактовъ, Вайцъ предоставлялъ самимъ слушателямъ избирать темы изъ всей исторіи среднихъ вѣковъ. Самыя же занятія состояли въ разборѣ представленныхъ работъ, которыя по большей части впослѣдствіи были представляемы авторами въ качествѣ докторскихъ диссертацій.

---

[1]) Кіевскія Унив. Извѣстія, 1874, № 3, офф. часть, стр. 33—34.

[2]) „Изъ Геттингена". Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія, 1875, октябрь (ч. CLXXXI, 2), соврем. лѣтопись, стр. 78—90. „Историческія занятія въ École des chartes и въ École des hautes études въ Парижѣ"—Ж. М. Н. Пр., 1876, январь (ч. CLXXXIII, 1), совр. лѣт.. стр. 1—17.

Профессоръ Френсдорфъ, историкъ-юристъ, въ ту пору читалъ курсъ по исторіи городовъ въ средніе вѣка, а на практическихъ занятіяхъ прочитывалъ, переводилъ со студентами и разъяснялъ имъ тексты, необходимые для ознакомленія съ исторіей извѣстнаго юридическаго понятія или учрежденія отъ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшихъ. Что касается проф. Паули, знатока исторіи Англіи, то онъ ограничивался разборомъ и комментированіемъ хроники Гельмольда. Указывая въ своей статьѣ сильныя и слабыя стороны германскихъ семинарій, нашъ ученый рѣшительно высказался въ пользу той организаціи практическихъ занятій, которая существуетъ въ École des chartes, „гдѣ студенты раздѣлены на три курса и постепенно переходятъ отъ изученія болѣе простыхъ памятниковъ къ болѣе труднымъ [1])“.

Занятія Θеодора Яковлевича въ Геттингенѣ не ограничивались слушаніемъ лекцій и участіемъ въ практическихъ занятіяхъ. Значительную часть времени онъ посвящалъ изученію новой литературы и новыхъ изданій по предмету своей спеціальности. Плодомъ этихъ работъ были, между прочимъ, двѣ его рецензіи, напечатанныя въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ. Въ ту пору Симсонъ издалъ свою монографію о царствованіи Людовика Благочестиваго, напечатанную въ извѣстной коллекціи Jahrbücher der deutschen Geschichte, издаваемой исторической коммиссіей при корол. академіи наукъ въ Мюнхенѣ. Послѣ предварительныхъ замѣчаній о значеніи и цѣнности этой коллекціи рецензентъ [2]) подробно и критически знакомитъ читателя съ трудомъ Симсона.

Если Θ. Я. Фортинскій въ своемъ письмѣ изъ Геттингена говоритъ, что туда его „привлекло славное имя Вайца, котораго считаютъ теперь лучшимъ руководителемъ въ практическихъ занятіяхъ исторіей“ (стр. 88), то это его замѣчаніе не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ. Ему хо-

---

[1]) „Изъ Геттингена“, стр. 90.

[2]) См. Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1874, № 6, крит.—библіогр. отдѣлъ, стр. 17—37.

рошо было также извѣстно, что Георгъ Вайцъ былъ тогда наиболѣе выдающимся историкомъ въ Германіи и лучшимъ знатокомъ германской средневѣковой исторіи. Онъ же руководилъ изданіемъ Ганзейскихъ рецессовъ и актовъ, городскихъ хроникъ и былъ однимъ изъ виновниковъ образованія общества для разработки исторіи Ганзы. Въ Геттингенѣ же, повидимому, Ѳ. Я. Фортинскій окончательно остановился на мысли заняться исторіей сѣверо-германскихъ городовъ и началъ изучать соотвѣтствующіе источники. Такъ какъ тогда только что вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ II-го тома сборника Bremisches Urkundenbuch, то ознакомленію съ этимъ изданіемъ нашъ ученый рѣшилъ посвятить особую статью, напечатанную, какъ было упомянуто выше, въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ [1]). Изложивши кратко исторію возникновенія сборника Bremisches Urkundenbuch и указавъ на медленность его опубликованія, авторъ статьи опредѣляетъ значеніе города Бремена, какъ центра миссіонерской дѣятельности и важнаго торговаго пункта въ средніе вѣка, выясняетъ недостаточность для исторіи города повѣствовательныхъ источниковъ и заканчиваетъ статью критической характеристикой самаго изданія. Въ сущности эта рецензія представляетъ собою краткую исторію города Бремена въ средніе вѣка, основанную на изученіи литературы, актовъ и хроникъ Адама Бременскаго, Гельмольда и Арнольда.

Въ Парижѣ Ѳ. Я. Фортинскій главнымъ образомъ слушалъ лекціи въ École des chartes и École des hautes études. Основательную характеристику этихъ школъ и историческихъ занятій въ нихъ онъ представилъ въ статьѣ, напечатанной въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія" [2]). Статья начинается изложеніемъ исторіи возникновенія École des chartes и указанія ея задачъ. Отъ этихъ предварительныхъ замѣчаній авторъ переходитъ къ характеристикѣ самаго метода занятій въ ней. Такъ, онъ подробно говоритъ о курсахъ Леона Готье

---

[1]) 1874, № 7, критико-библіогр. отдѣлъ, стр. 39—57.

[2]) 1876, (ч. CLXXXIII, 1), совр. лѣтоп., стр. 1—17.

по палеографіи, Монтеглона по архивовѣдѣнію, П. Мейера— по исторіи романскихъ нарѣчій, Малатри—по дипломатикѣ, Бутарика—по исторіи политическихъ и административныхъ учрежденій Франціи. Всѣ эти курсы были не столько теоретическими, сколько практическими: излагая основныя начала историческихъ дисциплинъ, профессора привлекали слушателей къ самостоятельной работѣ, задавая имъ вопросы, прочитывая съ ними грамоты и заставляя подготовляться къ лекціямъ. Вполнѣ теоретическимъ былъ курсъ проф. Тартифа по исторіи права въ средніе вѣка, читанный слушателямъ послѣдняго курса, и отчасти курсъ проф. Кишерá по археологіи. Ставя высоко организацію занятій въ школѣ, нашъ ученый указываетъ однако и пробѣлы въ преподаваніи. Къ числу таковыхъ пробѣловъ онъ относитъ отсутствіе двухъ важныхъ курсовъ, а именно: исторіографіи среднихъ вѣковъ и исторіи средневѣковой литературы. Впрочемъ, эти пробѣлы восполнялись до нѣкоторой степени курсами въ École des hautes études, которая кое-какъ пристроилась при Сорбоннѣ. Въ этой послѣдней школѣ Ѳ. Я. Фортинскій посѣщалъ курсы Моно и Жири. Первый читалъ обзоръ источниковъ для исторіи Франціи до XIII вѣка и занимался разборомъ источниковъ третьяго крестоваго похода, второй же—исторію возникновенія коммунъ на сѣверѣ Франціи. Заслуживаетъ вниманія проницательность и наблюдательность Ѳ. Я. Фортинскаго. Онъ обратилъ вниманіе на слабую сторону французскихъ ученыхъ, ихъ любовь къ фразѣ: „Кишерá,—читаемъ мы въ его отчетѣ,—чуть-ли не единственный извѣстный мнѣ французскій профессоръ, который не любитъ попусту тратить словá, изъ его лекціи фразы не выкинешь [1]". Говоря о курсѣ Жири, который тогда только что начиналъ свою преподавательскую дѣятельность, авторъ отчета высказывается такъ: „Не смотря на недостатокъ устойчивости въ методѣ занятій, въ самой критикѣ документовъ, фактовъ, виденъ въ Жири одинъ изъ талантливѣйшихъ будущихъ представителей фран-

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1876, январь, стр. 13.

цузской исторической науки, достойный воспитанникъ École des chartes [1])". Какъ извѣстно, этотъ отзывъ о Жири дѣйствительно оправдался впослѣдствіи самымъ блистательнымъ образомъ. Пріобрѣтая извѣстность своими трудами по разработкѣ исторіи городовъ [2]), этотъ, къ сожалѣнію, рано сошедшій въ могилу ученый оставилъ послѣ себя великолѣпный памятникъ глубокой эрудиціи, свое классическое руководство по дипломатикѣ (Manuel de diplomatique, Paris 1894).

Находясь въ Парижѣ, Ѳ. Я. Фортинскій здѣсь, какъ и въ Геттингенѣ, внимательно слѣдилъ за новой литературой и прислалъ въ Кіевъ для напечатанія въ Университетскихъ Извѣстіяхъ двѣ свои рецензіи, изъ которыхъ одна о сочиненіи Сенъ-Мартена была написана въ ноябрѣ 1874 года, а другая о первомъ томѣ знаменитаго сочиненія Фюстель-де-Куланжа Histoire des institutions politiques de l'ancienne France была написана въ апрѣлѣ 1875 года [3]).

По возвращеніи въ Кіевъ Ѳ. Я. Фортинскій озаботился пополненіемъ университетской библіотеки. 17 марта 1876 г. „доценты Фортинскій и Лучицкій вошли съ просьбою о ходатайствѣ передъ совѣтомъ касательно назначенія особой суммы на выписку важнѣйшихъ источниковъ по всеобщей исторіи, которыхъ не имѣется въ библіотекѣ". Не смотря на то, что стоимость указанныхъ изданій опредѣлялась въ суммѣ свыше 800 р., ходатайство это было уважено совѣтомъ [4]). Пока

[1]) Тамъ-же, стр. 17.

[2]) Укажемъ на его превосходное изданіе: Recueil de documents pour servir à l'histoire des relations de la royauté avec les villes au XIIe et au XIIIe s. Paris 1885, и на его извѣстныя изслѣдованія: 1) Histoire de la ville de Saint-Omer et de ses institutions, Paris 1877; 2) Les Établissements de Rouen etc., Paris 1883—1885, 2 vol. 3) Étude sur les origines de la commune de Saint-Quentin, 1887, in-4. Подробности см. въ некрологѣ, написанномъ Моно (Revue historique, t. LXXII, 1900, p. 97).

[3]) См. Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1875, № 1, крит.-библіогр. отдѣлъ, стр. 12—51; № 5, крит.—библ. отдѣлъ, стр. 111—135.

[4]) Кіевск. Унив. Изв., 1876, № 6, офф. часть, стр. 11; № 7, офф. часть, стр. 17—18.

Θ. Я. Фортинскій былъ за границей, въ составѣ преподавателей всеобщей исторіи произошла перемѣна: магистръ М. П. Драгомановъ въ 1875 году былъ уволенъ попечителемъ отъ должности доцента. Такъ какъ вслѣдствіе этого древняя исторія вовсе не излагалась студентамъ, то факультетъ 22 сентября 1876 г. постановилъ поручить чтеніе курса по исторіи Востока доценту Лучицкому, исторіи Греціи—доценту Аландскому, а по римской исторіи—доценту Фортинскому, причемъ послѣдній долженъ былъ начать свои лекціи въ слѣдующемъ семестрѣ [1]).

Если отсрочка чтенія лекцій по римской исторіи находилась, по всей вѣроятности, въ связи съ необходимостью обработки и печатанія докторской диссертаціи, то нельзя того же сказать относительно ходатайства о выпискѣ книгъ. Въ послѣднемъ случаѣ имѣлось въ виду только пополненіе существенныхъ пробѣловъ въ библіотекѣ. Есть полное основаніе думать, что докторская диссертація: „Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 года“ (Кіевъ 1877, стр. I—II, 1—416), была изготовлена Θ. Я. Фортинскимъ во время пребыванія заграницей. Это видно изъ того, что она стала печататься въ Университетскихъ Извѣстіяхъ съ апрѣльской книги вплоть до декабрьской 1876 года [2]). Былъ только одинъ перерывъ послѣ напечатанія первыхъ двухъ главъ въ апрѣльской и майской книгахъ Извѣстій. Онъ обусловливался тѣмъ, что въ ту пору вышелъ въ свѣтъ первый томъ изданія Гёльбаума (K. Höhlbaum, Hansisches Urkundenbuch, Halle 1876, in-4). Желая воспользоваться этимъ ново-опубликованнымъ матеріаломъ, Θ. Я. Фортинскій поспѣшилъ выписать изданіе Гёльбаума и на мѣсяцъ пріостановилъ печатаніе своей работы. Эта частность свидѣтельствуетъ объ осторожности и научной добросовѣстности изслѣдователя. Собственныхъ изысканій въ Ган-

---

[1]) Кіев. Унив. Изв., 1876, № 12, оффиц. часть, стр. 53—54.

[2]) Кіев. Унив. Изв., 1876, № 4, стр. 216—269; № 5, стр. 372—425; № 7, стр. 609—712; № 8, стр. 741—809; № 9, стр. 897—942; № 10 стр. 1072—1092; № 11 стр. 1093—1119; № 12, стр. 1245—1289.

зейскихъ архивахъ Ѳ. Я. Фортинскій не производилъ не потому, чтобы въ этомъ онъ не видѣлъ необходимости, а въ виду состоянія Ганзейской исторіографіи, какъ на это онъ и указывалъ въ своемъ предисловіи: „Съ тѣхъ поръ,—пишетъ онъ,—какъ Лаппенбергъ докончилъ и издалъ знаменитый трудъ Сарторіуса: Urkundliche Geschichte des Usprunges der deutschen Hanse (Hamburg 1830), прошло уже болѣе 45 лѣтъ; за это время явились такіе обширные сборники, какъ Любекскій, Мекленбургскій, Поморскій, Ливонскій и пр., гдѣ новые документы считаются тысячами; въ послѣдніе годы сдѣлана даже попытка (Коппманомъ и Гёльбаумомъ) сгруппировать изъ нихъ матеріалъ, относящійся къ исторіи Ганзейскаго союза, а между тѣмъ большихъ трудовъ, гдѣ были бы сведены и критически оцѣнены всѣ эти новыя данныя, все еще нѣтъ, какъ нѣтъ. Произведенія Шлецера, Бартольда, Вормса и др. представляютъ собою,—продолжаетъ онъ,—скорѣе сокращеніе и популяризацію классическаго сочиненія Сарторіуса, чѣмъ дальнѣйшее разъясненіе исторіи Ганзы. Само Ганзейское историческое общество за пять лѣтъ своего существованія издало гораздо болѣе новыхъ матеріаловъ, чѣмъ самостоятельныхъ изслѣдованій. До какой степени масса новаго матеріала подавляетъ собою современныхъ историковъ, можно судить по тому, что тема на премію о войнахъ Ганзейскаго союза съ Вальдемаромъ IV, предложенная Ганзейскимъ обществомъ въ 1870 году, до сихъ поръ еще остается безъ отвѣта [1])".

Въ первой главѣ диссертаціи авторъ даетъ краткій очеркъ внутренней исторіи такъ называемаго вендскаго поморья въ періодъ подчиненія его нѣмцами и возникновенія тамъ тѣхъ городовъ, которые были виновниками образованія Ганзы. При этомъ автору пришлось высказаться по вопросу о нѣмецкой колонизаціи. Хотя этимъ вопросомъ онъ не занимался спеціально, но успѣлъ отмѣтить рядъ такихъ явленій, на которыя обыкновенно не обращаютъ вниманія, а по-

---

1) Приморскіе вендскіе города и т. д., стр. 1.

тому они остаются доселѣ недостаточно выясненными. Такъ, напр., имъ было указано на то, что князья, епископы и монастыри въ своемъ призывѣ колонистовъ изъ разныхъ странъ, а особенно изъ Германіи, руководились не столько мыслью о распространеніи и утвержденіи христіанства, сколько матеріальными соображеніями о собственной безопасности и обогащеніи. „Разумѣется,—говоритъ авторъ диссертаціи,—сами епископы постройку монастырей и призывъ колонистовъ объясняютъ въ своихъ грамотахъ исключительно первою цѣлью, а о второй же умалчиваютъ или же выставляютъ на видъ простое желаніе развить въ странѣ земледѣліе, къ которому славяне будто бы были малоспособны [1])". Извѣстно, что нѣмецкіе изслѣдователи въ родѣ Зоммерфельда подобныя заявленія, находимыя въ грамотахъ, принимаютъ за чистую монету и изображаютъ нѣмецкихъ колонистовъ въ видѣ современныхъ культуртрегеровъ. Критическое же замѣчаніе Ѳ. Я. Фортинскаго указываетъ на необходимость пересмотрѣть вопросъ съ другой стороны, въ интересахъ научной истины. Значительный шагъ впередъ по пути къ правильному освѣщенію нѣмецкой колонизаціи сдѣлалъ и самъ авторъ диссертаціи. „Нѣмецкіе изслѣдователи видятъ, — говоритъ онъ,—въ колонизаціи Славіи и въ введеніи тамъ нѣмецкаго права ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтоженіе крѣпостного состоянія, господствовавшаго будто бы не только въ Германіи, но и у славянъ; но они, очевидно, смѣшиваютъ при этомъ общія славянскія земскія повинности, назначавшіяся на защиту страны и на содержаніе правительства—князей и ихъ кастеляновъ—съ барщиной въ пользу частныхъ владѣльцевъ, главнымъ условіемъ крѣпостного состоянія, а между тѣмъ здѣсь-то и сказывалось существенное различіе между бытомъ славянъ и нѣмцевъ въ XII в. [2])". Не ограничиваясь этой поправкой, авторъ диссертаціи доказалъ, что нѣмецкіе колонисты не были освобождены отъ барщины, и что со времени коло-

[1]) Приморскіе вендскіе города. стр. 33, 26.

[2]) Приморскіе вендскіе города, стр. 41.

низаціи съ ней познакомились и туземцы. „Въ чемъ собственно,—говоритъ онъ,—состояла служба (servitium), на которую туземцы и колонисты отдавались прелатамъ, въ грамотахъ ясно не указано. Нѣмецкіе писатели, имѣя въ виду условія, при которыхъ совершалась колонизація, готовы предполагать все лучшее. Тяжелое положеніе Мекленбургскихъ крестьянъ въ позднѣйшее время они склонны скорѣе объяснять результатомъ притѣсненій ихъ со стороны землевладѣльцевъ, имѣвшихъ надъ колонистами право суда и администраціи, чѣмъ сохраненіемъ барщины со временъ колонизаціи. Между тѣмъ,—продолжаетъ онъ,—въ сосѣднихъ славянскихъ областяхъ, куда тоже выселялись нѣмецкіе колонисты, уцѣлѣло нѣсколько первоначальныхъ договоровъ между прелатами и колонистами, по которымъ ясно видно, что переселенцы обязывались и къ издѣльной повинности, съ тѣмъ отличіемъ, что размѣры ея точно были опредѣлены [1])". Эти наблюденія и выводы въ значительной степени уже подтвердились въ изслѣдованіи фонъ Швинда, который доказалъ, что правовое положеніе нѣмецкихъ колонистовъ далеко не было основано на прочныхъ юридическихъ основахъ, что владѣльческія права старостъ или шульцевъ были болѣе жизненнымъ и способнымъ къ дальнѣйшему развитію элементомъ, чѣмъ права колонистовъ [2]).

При изложеніи такого деликатнаго вопроса, какъ исторія славяно-нѣмецкихъ отношеній, русскій изслѣдователь всегда рискуетъ навлечь на себя нареканія въ славянофильскомъ пристрастіи. Что въ данномъ случаѣ ничего подобнаго не было, лучше всего видно изъ того, что проф. М. Бережковъ въ своей рецензіи на книгу Ѳ. Я. Фортинскаго находитъ даже возможнымъ высказать упрекъ, что „авторъ недостаточно рѣшительно говоритъ о значеніи славянской культуры, предшествовавшей нѣмецкой колонизаціи, и недо-

[1]) Приморскіе вендскіе города, стр. 42

[2]) E. von Schwind, Zur Entstehungsgeschichte der freien Erbleihen in den Rheingegenden und den gebieten der nördlichen deutschen Colonisation des Mittelalters, Breslau 1891, S. 149—157.

статочно рельефно выставляетъ все ея громадное вліяніе [1])".

Во второй главѣ авторъ диссертаціи говоритъ о возникновеніи и развитіи внутренняго устройства приморскихъ вендскихъ городовъ (Любекъ, Висмаръ, Ростокъ, Стральзундъ и Грейфсвальдъ), которые наиболѣе содѣйствовали образованію Ганзы. Въ третьей самой обширной главѣ авторъ съ большимъ знаніемъ литературы и актовъ разсматриваетъ континентальную и морскую торговлю вендскихъ городовъ на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ. Самая эта обширность 3-ей главы обусловливалась какъ богатствомъ матеріала, бывшаго въ распоряженіи изслѣдователя, такъ и тѣмъ объективнымъ соображеніемъ, что торговые интересы городовъ являлись жизненнымъ нервомъ Ганзы и были тѣмъ цементомъ, который сплачивалъ ихъ въ одно цѣлое. Пятую главу Ѳ. Я. Фортинскій начинаетъ указаніемъ мнѣній о происхожденіи и первоначальномъ значеніи слова hansa и приводитъ соображенія своего товарища по факультету, извѣстнаго слависта проф. А. А. Котляревскаго противъ производства этого слова отъ нѣмецкаго корня. Сила этихъ соображеній проф. А. А. Котляревскаго основательно поколеблена проф. М. Бережковымъ въ его прекрасномъ изслѣдованіи [2]). Далѣе, въ этой же пятой главѣ авторъ диссертаціи ставитъ и вполнѣ удачно рѣшаетъ одинъ изъ основныхъ вопросовъ своей темы: „Современные историки,—говоритъ онъ,—начиная съ Сарторіуса и Лаппенберга и кончая Коппманомъ и Гардунгомъ, въ своихъ изысканіяхъ о происхожденіи Ганзы вполнѣ согласны въ томъ, что въ основу Ганзейскаго союза легли два элемента: общества нѣмецкихъ купцовъ въ чужихъ земляхъ и союзы городовъ въ самой Германіи; но они затрудняются въ указаніи причинъ возникновенія тѣхъ и другихъ и въ объясненіи перемѣны въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ". По мнѣнію автора, „затрудненія современныхъ изслѣдователей въ объ-

[1]) Журн. Мин. Народн. Просв., 1877, апрѣль (ч. CXC, I), стр. 310.

[2]) О торговлѣ Руси съ Ганзою до конца XV вѣка. СПБ. 1879, стр. 48—49.

ясненіи происхожденія Ганзы порождены не одною скудостью матеріала, но и самою постановкою у нихъ вопроса: они изучали исторію Ганзейскаго союза независимо отъ внутренней исторіи самыхъ городовъ, вошедшихъ въ составъ его, и потому отъ нхъ вниманія ускользало вліяніе перемѣнъ, совершавшихся въ городахъ, на отношенія этихъ послѣднихъ къ заграничнымъ купеческимъ обществамъ [1])". Выяснивъ вполнѣ убѣдительно причины возникновенія какъ обществъ нѣмецкихъ купцовъ или конторъ, такъ и отмѣтивши причины, побуждавшія города искать взаимнаго содѣйствія, авторъ диссертаціи далѣе прекрасно доказалъ, что организація обществъ Любекскихъ купцовъ въ чужихъ краяхъ была копіей или снимкомъ съ устройства самаго Любека. Разрѣшеніе этого вопроса является такимъ образомъ крупною заслугою Ѳ. Я. Фортинскаго.

Диссертація оканчивается краткимъ изложеніемъ исторіи двухъ войнъ Ганзы съ Вальдемаромъ IV, королемъ датскимъ. Эти войны были испытаніемъ прочности и силы Ганзы. Вторая война съ Вальдемаромъ, окончившаяся миромъ 1370 года, окончательно упрочила авторитетъ Любека среди торговыхъ городовъ Сѣверной Германіи и содѣйствовала такимъ образомъ упроченію Ганзы.

Отдавая должное основательности поправокъ и замѣчаній проф. М. Бережкова, сдѣланныхъ имъ въ его рецензіи относительно тѣхъ страницъ, которыя Ѳ. Я. Фортинскій посвятилъ исторіи торговли Ганзы съ Русью, нельзя однако согласиться съ слѣдующимъ замѣчаніемъ рецензента: „Притомъ намъ,—говоритъ проф. Бережковъ,—кажется преувеличенною та рознь, которая существовала будто бы между заграничными купеческими обществами и городами [2])", такъ какъ оно основано на недоразумѣніи: авторъ диссертаціи нигдѣ не говоритъ о розни, а только объ увеличеніи вліянія городовъ на заграничныя нѣмецкія конторы.

---

1) Приморскіе вендскіе города, стр. 327.

2) Ж. М. Н. Пр., 1877, апрѣль, стр. 311.

Хотя со времени выхода въ свѣтъ диссертаціи „Приморскіе вендскіе города" прошло болѣе 25 лѣтъ, но она доселѣ не потеряла своего научнаго значенія. Правда, въ промежутокъ этого времени опубликовано много новыхъ матеріаловъ и вышло въ свѣтъ много прекрасныхъ монографій по исторіи Ганзы, а въ зависимости отъ этого, конечно, является необходимость частичныхъ поправокъ, дополненій къ положеніямъ диссертаціи, но въ то же время доселѣ исторіографія Ганзейская не можетъ похвалиться обладаніемъ общимъ ученымъ трудомъ по исторіи Ганзы, подобнымъ знаменитому труду Сарторіуса—Лаппенберга. Тотъ пробѣлъ, который указывалъ Ѳ. Я. Фортинскій въ предисловіи къ своей диссертаціи, восполняется только его работой, которая была и остается, къ сожалѣнію, неизвѣстной нѣмецкимъ изслѣдователямъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ общихъ сочиненій по исторіи Ганзы можно указать небольшую популярную книгу Линднера, изданную въ 1899 г.,[1]) и книгу Шёфера, написанную на тему, предложенную историческимъ Ганзейскимъ обществомъ, о войнахъ ганзейскихъ городовъ съ королемъ Вальдемаромъ. Книга эта имѣетъ подзаголовокъ: „Исторія Ганзы до 1376 года [2])". Помимо того, что этотъ трудъ Шёфера вышелъ въ свѣтъ только на три года позже диссертаціи русскаго ученаго, нужно имѣть въ виду, что, по отзыву Коппмана, вполнѣ компетентнаго въ данномъ случаѣ судьи и знатока Ганзейской исторіографіи, сочиненіе это совершенно соотвѣтствуетъ предложенной темѣ, а потому и увѣнчано преміей, но не можетъ быть выдаваемо за общую исторію Ганзы. Чтобы по содержанію своему книга могла оправдать свое второе заглавіе, одно въ ней необходимо сократить, а другое исправить и дополнить и т. д. [3]).

---

[1]) Lindner, Die deutsche Hanse, ihr Wesen und ihr Bedeutung, für das deutsche Volk dargestellt, Lpz. 1899, S. 1—215.

[2]) D. Schäfer, Die Hansestädte und König Waldemar von Dänemark· Hansische Geschichte bis 1376, Jena 1879.

[3]) Jahresberichte der Geschichtswissenschaft, II. Jahrgang, 1879. Abt. II S. 171, 179.

Покончивши съ печатаніемъ диссертаціи, Ѳ. Я. Фортинскій взялся за другія работы. Такъ, прежде всего появились на страницахъ Университетскихъ Извѣстій двѣ его обстоятельныя рецензіи, изъ которыхъ одна о трудѣ Фиккера по дипломатикѣ была напечатана въ январьской книгѣ, [1]) а другая—о трудѣ Везендонка, посвященномъ выясненію значенія дѣятельности Гаттерера и Шлецера въ дѣлѣ основанія современной исторіографіи,—появилась въ апрѣльской книгѣ Извѣстій за 1877 годъ. [2]) Обѣ эти рецензіи вполнѣ знакомятъ читателя съ содержаніемъ этихъ трудовъ Фиккера и Везендонка и ихъ научнымъ значеніемъ. Въ то же время, по порученію Академіи Наукъ, Ѳеодоръ Яковлевичъ составилъ отзывъ объ историческомъ изслѣдованіи С. Гедеонова: „Варяги и Русь“ (СПБ. 1876), представленномъ на соисканіе преміи графа Уварова. Отзывъ этотъ былъ напечатанъ въ трудахъ Академіи [3]), и автору отзыва присуждена установленная золотая медаль. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, почему Академія поручила составленіе отзыва не спеціалисту по русской исторіи, а спеціалисту по всеобщей исторіи. Дѣло объясняется тѣмъ, что С. Гедеоновъ въ своемъ капитальномъ и большомъ трудѣ (два тома) доказываетъ, что варяги не были норманны и что норманны не были русью, а варяги—князья и ихъ дружина были призваны изъ славянскаго Балтійскаго поморія. Такъ какъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ средневѣковой исторіи Балтійскаго поморья и источниковъ этой исторіи былъ Ѳ. Я. Фортинскій, то порученіе, данное ему, слѣдуетъ разсматривать какъ признаніе со стороны Академіи его научныхъ заслугъ. [4])

---

[1]) Кіевскія Унив. Изв. 1877, № 1, крит.—библіогр. отд., стр. 17—28.

[2]) Кіев. Унив. Изв., № 4, крит.-библіогр. отд., стр. 159—176.

[3]) Записки Императорской Академіи Наукъ, т. 33, СПБ. 1879. Отчетъ о двадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, СПБ. 1878, Рецензія профессора Фортинскаго, стр. 605—651.

[4]) Разборъ труда Гедеонова съ филологической стороны порученъ былъ академику И. И. Срезневскому. Кромѣ того, академикъ А. А. Куникъ нашелъ необходимымъ присоединить къ отзыву проф. Фортинскаго свои два замѣчанія. Замѣчанія этихъ академиковъ напечатаны также въ „Отчетѣ о двадцатомъ присужденіи“, стр. 652—665, 666—700.

Въ началѣ 1877 года какъ Θ. Я. Фортинскій, такъ и И. В. Лучицкій, защитили въ С. Петербургскомъ университетѣ свои диссертаціи и были удостоены степени докторовъ всеобщей исторіи.[1]) Разумѣется, историко-филологическій факультетъ, въ составѣ котораго съ правомъ голоса засѣдали тогда и доценты, не замедлилъ войти въ совѣтъ съ представленіемъ о повышеніи новыхъ докторовъ въ званіе экстраординарныхъ профессоровъ. Представленіе начиналось заявленіемъ, что „факультетъ постоянно имѣлъ въ виду замѣщеніе каѳедры всеобщей исторіи тремя отдѣльными профессорами, соотвѣтственно тѣмъ спеціальнымъ требованіямъ, какія существуютъ по каждому изъ отдѣловъ указанной науки, а именно древней, средневѣковой и новой исторіи“. Затѣмъ указано было на то, что факультетъ въ засѣданіи 11 марта подвергалъ доцентовъ Фортинскаго и Лучицкаго (оба они не присутствовали въ засѣданіи) баллотировкѣ, при чемъ первый изъ нихъ получилъ 9 избирательныхъ и ни одного неизбирательнаго, а второй—8 избирательныхъ и 1 неизбирательный шаръ. Къ представленію былъ приложенъ краткій отзывъ орд. профессора и декана факультета В. С. Иконникова объ ученыхъ трудахъ обоихъ доцентовъ. Послѣ перечня трудовъ Θ. Я. Фортинскаго въ отзывѣ сказано нѣсколько словъ о его докторской диссертаціи: сочиненіе это названо „выдающимся трудомъ“ и въ поясненіе упомянуто о трудности темы и самомъ содержаніи сочиненія. Также точно составленъ былъ отзывъ и о трудахъ И. В. Лучицкаго[2]). Представленіе факультета и отзывъ проф. В. С. Иконникова были заслушаны въ засѣданіи совѣта 18 марта, а въ слѣдующемъ засѣданіи 8 апрѣля 1877 г. доценты Фортинскій и Лучицкій были подвергнуты баллотированію, результаты котораго были благопріятны для обоихъ; и оба были избраны большинствомъ голосовъ: первый—23 противъ 15,

---

[1]) Докторская диссертація И. В. Лучицкаго: „Католическая лига и кальвинисты во Франціи,“ Кіевъ 1877, стр. 1—560, также была напечатана въ Университетск. Извѣстіяхъ за 1876 г.

[2]) Кіевскія Универ. Изв., 1877, № 6, офф. часть, стр. 42—4.

а второй 21 противъ 17 [1]). Въ томъ же 1877 году Ѳ. Я. Фортинскій былъ избранъ на должность секретаря историко-филологическаго факультета и занималъ ее вплоть до назначенія своего деканомъ факультета въ 1887 году (послѣ отказа отъ должности декана проф. В. С. Иконникова).

Почти ровно черезъ годъ послѣ утвержденія Ѳ. Я. Фортинскаго въ должности экстраординарнаго профессора факультетъ вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ объ избраніи его въ ординарные профессоры. Какъ оказывается, при баллотировкѣ, произведенной въ засѣданіи факультета 5 апрѣля 1878 года, онъ былъ избранъ единогласно. Въ запискѣ декана факультета проф. В. С. Иконникова, приложенной къ представленію, послѣ перечисленія трудовъ, написанныхъ кандидатомъ на ординатуру, было сказано слѣдующее: „Неоспоримыя научныя достоинства этихъ трудовъ и вполнѣ добросовѣстное отношеніе г. Фортинскаго къ своимъ занятіямъ по каѳедрѣ, извѣстныя факультету съ самой хорошей стороны,—безъ сомнѣнія, даютъ г. Фортинскому право на занятіе одной изъ вакантныхъ ординатуръ, имѣющихся на историко-филологическомъ факультетѣ". Въ засѣданіи совѣта 5 мая 1878 года избраніе Ѳеодора Яковлевича прошло большинствомъ только трехъ голосовъ: 21 противъ 18 [2]).

Занимая каѳедру всеобщей исторіи въ университетѣ св. Владиміра въ теченіе 30 лѣтъ, Ѳеодоръ Яковлевичъ Фортинскій былъ вполнѣ достойнымъ представителемъ этой каѳедры. Въ теченіе всего этого времени онъ не переставалъ зорко слѣдить за развитіемъ средневѣковой исторіографіи. Онъ всегда внимательно прочитывалъ всѣ новыя книжки нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и италіанскихъ историческихъ журналовъ. Всѣ наиболѣе выдающіеся труды и изданія по исторіи среднихъ вѣковъ онъ выписывалъ отча-

---

[1]) Кіев. Унив. Изв., 1877, № 6, офф. часть, стр. 57.

[2]) Кіев. Универ. Изв., 1878, № 6, оффиц. часть, стр. 14—16, 43.

сти для своей собственной библіотеки, въ ущербъ своимъ матеріальнымъ средствамъ, отчасти для университетской библіотеки на средства, отпускаемыя по его каѳедрѣ. Всѣ эти новинки были имъ просматриваемы и прочитываемы съ живѣйшимъ вниманіемъ. Друзья и знакомые Ѳ. Я. Фортинскаго хорошо знаютъ, что когда бы кто по-просту ни заходилъ къ нему, всегда заставалъ его въ кабинетѣ, а въ лѣтнее время на балконѣ его скромнаго дома, за чтеніемъ книги, съ перомъ въ рукахъ. Это было чтеніе не любителя, а трудолюбиваго ученаго, истиннаго бенедиктинца нашихъ дней: читая научныя изданія, Ѳ. Я. Фортинскій дѣлалъ свои замѣтки и выписки, отмѣчалъ свои наблюденія и замѣчанія.

Пріобрѣтая и накопляя такимъ образомъ научныя знанія, онъ излагалъ ихъ на своихъ лекціяхъ умѣло, кратко, ясно и отчетливо. Его лекціи не представляли собою перечитыванія старыхъ записокъ, составленныхъ во дни молодости. Его лекціи всегда были свѣжимъ источникомъ историческаго знанія, всегда стояли на уровнѣ современной науки. Авторъ этой краткой замѣтки, ученикъ Ѳ. Я. Фортинскаго, имѣлъ счастье въ теченіе 4 лѣтъ быть слушателемъ его лекцій. Онъ хорошо помнитъ, какое сильное впечатлѣніе производила каждая лекція покойнаго учителя. Лекціи эти не блистали внѣшними эффектами или цвѣтами краснорѣчія, но исполнены были глубокой эрудиціи, которая первое время даже подавляла неподготовленныхъ и молодыхъ студентовъ. Чтобы по достоинству оцѣнить его лекціи, нужно было вслушаться въ нихъ и самому поработать надъ чтеніемъ историческихъ трактатовъ. Изобилуя изложеніемъ богатаго фактическаго матеріала, каждая лекція профессора была проникнута живой критическою мыслью и завершалась рядомъ научныхъ выводовъ или положеній.

Еще болѣе пользы приносили слушателямъ практическія занятія профессора, которыя неизмѣнно онъ велъ каждый семестръ съ самаго начала своей преподавательской дѣятельности въ стѣнахъ университета Св. Владиміра вплоть до самой смерти. На практическихъ занятіяхъ были читаемы

и объясняемы важнѣйшіе источники по исторіи среднихъ вѣковъ. Довольно часто бывали прочитываемы и разбираемы профессоромъ доклады, написанные студентами. Главное вниманіе Ѳ. Я. Фортинскій на практическихъ занятіяхъ обращалъ на ознакомленіе слушателей съ правилами исторической критики, пріемами научной работы и научными методами. Не ограничиваясь преподаваніемъ въ стѣнахъ университета, профессоръ не отказывалъ въ своемъ руководствѣ и внѣ его, давая охотно и съ любовью всѣ указанія, какія были необходимы.

Во время студенчества и послѣ выхода изъ университета, мы смѣло шли къ профессору со своими сомнѣніями или недоумѣніями, впередъ зная, что будемъ встрѣчены съ полнымъ радушіемъ и привѣтливостью. Если къ профессору являлся студентъ съ просьбой о темѣ для научной работы, то онъ ему немедленно давалъ всѣ необходимыя книги и пособія, какія были въ его библіотекѣ, часто не зная даже и не спрашивая фамиліи явившагося. Довѣріе и любовь профессора къ молодежи были безграничны.

Кромѣ общаго курса по исторіи среднихъ вѣковъ, Ѳ. Я. Фортинскій въ спеціальныхъ курсахъ излагалъ также исторію Германіи, Франціи, Англіи и Италіи. Повидимому, излюбленными его курсами были курсы по исторіи средневѣковаго папства, исторіи городовъ и исторіи крестовыхъ походовъ. Почти всѣ эти курсы были отлитографированы студентами, подъ редакціей профессора, въ 80-хъ годахъ. Послѣ того, насколько мнѣ извѣстно, новыя и пересмотрѣнныя изданія не выходили. Впрочемъ, послѣ каждой лекціи профессоръ оставлялъ въ распоряженіи аудиторіи довольно подробный конспектъ, въ концѣ котораго была указываема соотвѣтствующая литература. Какъ извѣстно, свои лекціи Ѳ. Я. Фортинскій постоянно перерабатывалъ и удерживалъ на уровнѣ современной науки. Въ послѣдніе годы, занимая должность ректора университета и посвящая исполненію обязанностей по этой должности много силъ и времени, не имѣя досуга для составленія самостоятельныхъ изслѣдованій, Ѳ. Я.

Фортинскій почти исключительно сосредоточился на обработкѣ своихъ лекцій. Только необыкновенная скромность не позволила профессору напечатать свои курсы. По нашему мнѣнію, долгъ университета Св. Владиміра найти всѣ средства къ напечатанію этихъ курсовъ покойнаго профессора. Это было бы справедливою данью уваженія и признательности со стороны университета, хозяйство котораго трудами покойнаго приведено въ блестящее состояніе. Всѣмъ извѣстно въ Кіевѣ, что на службѣ университету Св. Владиміра потерялъ Ѳ. Я. Фортинскій свои силы и здоровье, что эта служба преждевременно свела его въ могилу.

Со времени избранія на должность экстраординарнаго профессора, Ѳ. Я. Фортинскій напечаталъ 18 статей, перечень которыхъ подъ №№ 15—32 находится въ спискѣ его сочиненій, приложенномъ къ этой краткой замѣткѣ. Большая часть этихъ статей составлена въ формѣ рецензій. Кто читалъ эти такъ называемыя рецензіи, тотъ знаетъ, что онѣ стоятъ болѣе, чѣмъ нѣкоторыя самостоятельныя изслѣдованія. По поводу каждой книги или изданія Ѳ. Я. Фортинскій сообщаетъ данныя о состояніи научной обработки даннаго вопроса или знакомитъ читателя съ исторіей возникновенія даннаго сборника источниковъ и критическими пріемами издателей. Въ этихъ статьяхъ проявлено много знанія и разсѣяно много плодотворныхъ наблюденій и критическихъ замѣчаній. Собственно говоря, въ этихъ статьяхъ дана историографія среднихъ вѣковъ за вторую половину XIX вѣка. Не ручаясь за полноту списка, сейчасъ можно насчитать 30 статей; нѣкоторыя изъ нихъ были довольно велики, 30—60 стр. каждая. Къ сожалѣнію, эти статьи, напечатанныя преимущественно на страницахъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій за длинный рядъ лѣтъ, остаются малодоступными, а потому не могутъ содѣйствовать развитію и укрѣпленію русской исторической науки въ той мѣрѣ, какъ можно было бы желать. Если университетъ Св. Владиміра нашелъ возможнымъ на свои средства издать собраніе сочиненій своего бывшаго ректора Иванишева, то и въ данномъ

случаѣ онъ найдетъ, несомнѣнно, необходимымъ издать сборникъ статей Ѳ. Я. Фортинскаго. Это предпріятіе не потребовало бы и большихъ денежныхъ средствъ на изданіе. Если бы въ сборникѣ нашли мѣсто только статьи, за выключеніемъ двухъ диссертацій, то получился бы томъ въ 700—750 страницъ. Изданіемъ лекцій и статей покойнаго профессора университетъ оказалъ бы большую услугу русской исторической наукѣ и учащейся молодежи. Какъ извѣстно, въ русской литературѣ доселѣ не существуетъ стоящаго на уровнѣ современной науки университетскаго пособія для изученія исторіи среднихъ вѣковъ и средневѣковой исторіографіи.

Ѳ. Я. Фортинскій, вмѣстѣ со своими товарищами по факультету, занимавшими историческія каѳедры, былъ достойнымъ воспитателемъ того поколѣнія историковъ, питомцевъ университета Св. Владиміра, которые съ честью занимаютъ нынѣ историческія каѳедры въ Кіевѣ, Варшавѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Нѣжинѣ и Львовѣ.

Ученыя заслуги Ѳ. Я. Фортинскаго находили признаніе со стороны различныхъ ученыхъ учрежденій. Въ 1893 г. Императорская Академія Наукъ поручила ему составить отзывъ о сочиненіи проф. Н. . Бубнова: „Сборникъ писемъ Герберта", представленномъ на соисканіе Макарьевской преміи. 30 апрѣля 1895 года Историческое Общество Нестора-лѣтописца избрало его своимъ почетнымъ членомъ. Незадолго до кончины и Кіевская Духовная Академія также почтила его избраніемъ въ число своихъ почетныхъ членовъ.

Миръ праху твоему, талантливый и незабвенный профессоръ, славный и доблестный труженикъ науки! Прими отъ меня, твоего скромнаго ученика и почитателя, земной поклонъ

Ант. Ясинскій.

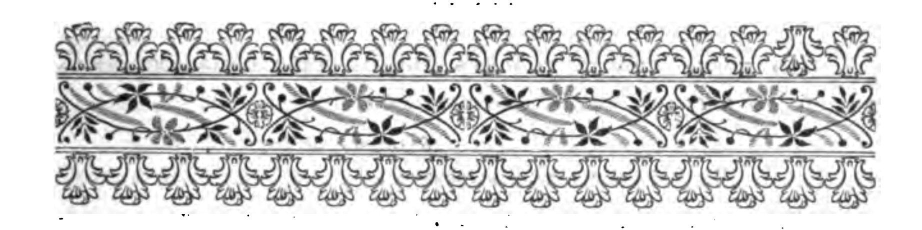
13 января 1903 г.
г. Юрьевъ.

Списокъ сочиненій Ѳ. Я. Фортинскаго:

1. Титмаръ Мерзебургскій и его хроника. С.-Петербургъ 1872, III—IV, 1—200 стр.
2. Причины распаденія монархіи Карла В. (Вступительная лекція). Кіевск. Универс. Извѣстія, 1872 г., № 12, стр. 1—16.
3. Мнѣніе доцента Фортинскаго о сочиненіяхъ магистра Лучицкаго. Кіевск. Универс. Извѣстія, 1874, № 7, стр. 49—52.
4. Развитіе папской власти въ средніе вѣка. Кіевск. Унив. Изв., 1874, № 1, стр. 1—20.
5. „Simson, Jahrbücher des fränkischen Reichs unter Ludwig d. Frommen". Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1874, № 6, стр. 17—37.
6. „Bremisches Urkundenbuch, Bd. II, Lief. 1". Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1874, № 7, стр. 39—57.
7. Изъ Геттингена. Отчетъ о командировкѣ. Жур. М. Н. Просв., 1875, октябрь, стр. 78—90.
8. Практическія занятія въ École des chartes и въ École des hautes études въ Парижѣ. Ж. М. Н. Просв., 1876, январь, стр. 1—17.
9. „Histoire de la géographie et des découvertes géographiques par Vivien de St Martin". Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1875, № 1, стр. 12—51.
10. „Histoire des institutions politiques de l'ancienne France par Fustel de Coulanges". Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1875, № 5, стр. 111—135.

11. Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе ганзейскаго союза до 1370 года. Кіевъ 1877, стр. I—II, 1—416.
12. „Iulius Ficker, Beiträge zur Urkundenlehre. Innsbruck 1877". Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1877, № 1, стр. 17—28.
13. „Herm. Wesendonck, Die Begründung der neuerer deutschen Geschichtsschreibung etc. Lpz. 1876". Рецензія. Кіев. Унив. Изв. 1874, № 4, стр. 159—176.
14. Рецензія на сочиненіе С. Гедеонова: „Варяги и Русь". Отчетъ о двадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, СПБ. 1878, стр. 605—651.
15. Новыя открытія въ области исторіи ордена Темпліеровъ. Кіев. Унив. Изв., 1878, № 2, стр. 16—30; № 4, стр. 83 - 93.
16. „A Babeau, Le village sous l'ancien régime, Paris 1878". Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1878, № 4, стр. 373—392.
17. Научно-историческая дѣятельность Георга Вайца. Кіев. Унив. Изв., 1879, № 3, стр. 65—78; № 4, стр. 79—112.
18. „Monumenta Germaniae historica: 1) diplomatum tomus 1. F°. Hann. 1872; 2) diplomatum tomi 1 pars prior. 4°. Hann 1879". Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1880, № 3, стр. 29—45.
19. „Recueil de fac-similés à l'usage de l'École des chartes, Paris 1880". Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1880, № 12, стр. 455—458.
20. Положеніе городскихъ ремесленниковъ въ Германіи въ средніе вѣка (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ университета Св. Владиміра 9 января). Кіев. Унив. Изв., 1881, № 2, стр. 53—72.
21. „G. Richter, Zeittafeln der deutschen Geschichte im Mittelalter, Halle 1881". Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1881, № 8, стр. 203—216.
22. Научная разработка исторіи перваго крестоваго похода. Кіев. Унив. Изв., 1882, № 4, стр. 83—99; № 5, стр. 227—240.
23. Подготовка къ изданію грамотъ Оттона Великаго. Кіев. Унив. Изв., 1883, № 7, стр. 233 --258.
24. Опыты систематической обработки исторической критики. Кіев. Унив. Изв., 1884, № 8, стр. 1—32.

25. „Функе; Учебникъ всеобщей исторіи. Средніе вѣка, 1884“. Рецензія, Кіев. Унив. Изв., 1885, № 1, стр. 1—18.
26. Новое изданіе произведеній Григорія Турскаго. Кіев. Унив. Изв., 1886, № 3, стр. 27—44.
27. Научно-издательская дѣятельность Георга Вайца. Кіев. Унив. Изв., 1886, № 6, стр. 145—174.
28. „Le comité des travaux historiques et scientifiques“. Рецензія, Кіев. Унив. Изв., 1887, № 6, стр. 63—84.
29. Крещеніе князя Владиміра и Руси по западнымъ извѣстіямъ. „Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца, т. II, Кіевъ 1888, стр. 95—128.
30. „Историческое Обозрѣніе. Сборникъ Ист. Общ. при СПБ. Университетѣ за 1890 годъ, т. I“. Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1891, № 2, стр. 1—8.
31. Борьба Парижскаго Университета съ нищенствующими монахами въ половинѣ XIII вѣка (Публичная лекція въ пользу голодающихъ, произнесенная 8 марта 1892 г. въ Университетѣ св. Владиміра). Журн. Мин. Нар. Просв., 1892 г., сентябрь, стр. 61—89.
32. Разборъ сочиненія Н. М. Бубнова, подъ заглавіемъ: „Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ“. СПБ. 1894, стр. 1—55.



Воспоминанія

о дѣятельности Ѳеодора Яковлевича Фортинскаго на Высшихъ Женскихъ курсахъ въ Кіевѣ.

Одинъ русскій поэтъ, [1]) дожившій до преклонныхъ лѣтъ, говоритъ, что

„Хорошо умереть безъ страданій и муки,
„Съ чистымъ сердцемъ, съ спокойной душой
„И въ минуту таинственной съ жизнью разлуки
„Не жалѣть ничего за собой.

. . . .

„Хорошо умереть, когда кончена страда,
„Когда выполненъ жизни урокъ;
„Хорошо умереть, догорѣвъ, какъ лампада;
„Доцвѣсти, какъ осенній цвѣтокъ".

Но не легко бываетъ примириться со смертью человѣка, который еще такъ недавно былъ между нами, полный энергіи, полный моральныхъ, умственныхъ и, повидимому, физическихъ силъ. А еще тяжелѣ сознавать утрату того человѣка, который сыгралъ не совсѣмъ малую роль въ твоемъ собственномъ интеллектуальномъ развитіи и въ развитіи многихъ молодыхъ поколѣній обоихъ половъ. Правда, другой русскій поэтъ **) считаетъ умирающаго вообще счастливымъ избранникомъ смерти:

„Приди, избранникъ мой, тебя я полюбила;
„Тебя мнѣ стало жаль средь міра и людей,
„Въ томъ мрачномъ омутѣ ошибокъ, лжи, проклятій,
„Гдѣ краткая любовь и счастье быстрыхъ дней
„Дается лишь цѣною бѣдъ и скорби братій"...

---

[1]) Жемчужниковъ.

[2]) Голенищевъ-Кутузовъ, въ поэмѣ „Разсвѣтъ".

Но когда смерть уносить почему либо близкихъ намъ людей, то я скажу опять словами поэта:

. . . . „благодарю за то,
„Что небомъ мнѣ даны воспоминанья“.

Эти послѣднія касаются въ данномъ случаѣ дѣятельности Θеодора Яковлевича на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ Кіевѣ, которыми я и хочу подѣлиться съ собравшимися здѣсь. Личныя мои воспоминанія, воспоминанія моихъ подругъ по курсамъ и сохранившійся дневникъ одной слушательницы помогутъ мнѣ, быть можетъ, ярче воспроизвести картину вообще жизни и дѣятельности профессоровъ и слушательницъ на Кіевскихъ курсахъ и въ частности дѣятельность Θеодора Яковлевича, который съ 4 октября 1878 г. по 1 іюня 1888 г.—во все время десятилѣтняго существованія курсовъ въ Кіевѣ, состоялъ и членомъ Педагогическаго Совѣта, и преподавателемъ средневѣковой исторіи на филологическомъ отдѣленіи, и предсѣдателемъ Попечительнаго Комитета, на которомъ лежала непрестанная забота о матеріальныхъ средствахъ, а по уходѣ проф. Мищенка—и казначеемъ всѣхъ курсовыхъ суммъ.

Нельзя тутъ пройти молчаніемъ и другія профессорскія имена, преждевременно сошедшія въ могилу и тѣсно связанныя съ дѣятельностью на Высшихъ Женскихъ курсахъ въ Кіевѣ: такъ, П. И. Аландскій, товарищъ Θеодора Яковлевича по университету и близкій его другъ, въ рѣчи, произнесенной на актѣ, въ день перваго выпуска слушательницъ, въ 1882 году, горячо защищалъ новую высшую школу для женщинъ. Можно предполагать, что отчасти подъ вліяніемъ чтенія этой рѣчи, появившейся въ печати, отставной полковникъ А. П. Безусъ рѣшился завѣщать все свое имущество на Высшіе Женскіе курсы въ Кіевѣ, что дало капиталъ въ 10 тысячъ. Профессора Гогоцкій, [1]) Котляревскій, Козловъ, Ждановъ, Алексѣевъ, Ромеръ, преподаватель Курбановъ, ушедшіе также съ жизненной арены, внесли съ сво-

[1]) Считавшійся учредителемъ курсовъ.

ей стороны не малую лепту на пользу этого, къ сожалѣнію, не долго просуществовавшаго учрежденія.

Далеко не при благопріятныхъ условіяхъ открывались Высшіе Женскіе курсы въ Кіевѣ, хотя около 340 слушательницъ собралъ южный край въ стѣны новой высшей школы. Вотъ что пишетъ одна слушательница въ дневникѣ своемъ подъ 4 октября 1878 г.: „И такъ сегодня состоялось открытіе Высшихъ Женскихъ курсовъ — зачатокъ университетскаго образованія для женщинъ; къ сожалѣнію, рѣчь проф. Гогоцкаго была крайне туманная, а кіевлянамъ слѣдовало сказать сильное слово, ибо между ними весьма много противниковъ высшаго женскаго образованія. Слушательницы выказываютъ живой интересъ къ знанію; профессора—готовность подѣлиться своими научными свѣдѣніями, и что же? Результаты должны быть, повидимому, весьма хорошіе“... Но дальше, спустя нѣкоторое время, въ томъ же дневникѣ находимъ слѣдующую замѣтку: „Создать учрежденіе Высшихъ Женскихъ курсовъ, обезпечить его нравственную, умственную и матерьяльную стороны—все это дѣло не легкое! тѣмъ болѣе, что приходится многое брать съ бою и въ ожиданіи, что каждую минуту тебя столкнутъ въ пропасть“...

Много надо было дѣйствительно упорной энергіи отъ профессоровъ и преподавателей, составлявшихъ Педаг. Совѣтъ новой школы, что бы направлять ея дѣятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ защищать отъ самыхъ нерѣдко тяжелыхъ нападокъ извнѣ. Такою именно упорною энергіею—„неуязвимостью“, какъ мы говорили, отличался Ѳеодоръ Яковлевичъ, съ искреннимъ сочувствіемъ отнесшійся къ стремленію женщины постигнуть свѣтъ науки и знанія вообще. Начиная съ того, что свои лекціи, читанныя имъ студентамъ университета, онъ объявилъ и на курсахъ; никакой разницы въ программѣ онъ не дѣлалъ: слушательницы курсовъ пользовались тѣми же литографированными записками, какія издавались для студентовъ университета, и тѣми же конспектами къ экзаменамъ.

Нельзя пройти молчаніемъ лекцій Ѳеодора Яковлевича по средневѣковой исторіи, читанныхъ тогда на Высшихъ

Женскихъ курсахъ и въ университетѣ; особенно эпоха монархіи Карла В. и эпоха крестовыхъ походовъ представляли въ высшей степени законченные, систематически обработанные и богатые фактами курсы; они сохранились у многихъ въ литографированныхъ тетрадяхъ, и жаль будетъ, если не появятся въ печати. Каждому вопросу данной эпохи предшествовало подробное указаніе источниковъ, матеріаловъ, точная научная критика этихъ матеріаловъ и затѣмъ уже изложеніе событій по даннымъ источникамъ. Өеодоръ Яковлевичъ заставлялъ насъ самихъ прочитывать средневѣковыя хроники въ лучшихъ иностранныхъ и русскихъ переводахъ; онъ съ особеннымъ вниманіемъ и подробностями излагалъ положеніе женщины въ средніе вѣка и дольше останавливался на именахъ: Росвиты, Адельгейды, Матильды Тосканской— какъ на личностяхъ, выдававшихся среди другихъ своими дарованіями и своею дѣятельностью; оцѣнивая ихъ, онъ тѣмъ самымъ какъ бы и намъ открывалъ болѣе широкое поле для мысли и дѣятельности...

При этомъ Өеодоръ Яковлевичъ имѣлъ обыкновеніе читать свои лекціи отчетливо, громко, мѣрно, не глядя на аудиторію, опустивъ глаза внизъ и положивъ передъ собою конспектъ, въ который онъ никогда не заглядывалъ, хорошо удерживая въ памяти его послѣдовательность. Особенно интересны были эти конспекты каждой лекціи Өеодора Яковлевича, гдѣ необыкновенно сжато, нѣсколькими яркими штрихами характеризовалась цѣлая область жизненныхъ явленій изучаемой эпохи въ ихъ логической послѣдовательности. Вѣроятно эти конспекты, сослужившіе намъ великую службу на экзаменахъ, сохранились и могли бы быть также съ пользою напечатаны.

На курсахъ мы всѣ восхищались Өеодоромъ Яковлевичемъ, какъ экзаменаторомъ. У многихъ нашихъ преподавателей была особая система экзаменовать: система, такъ сказать, сбиванія съ толку—уже, если не дастъ себя сбить съ толку, значитъ твердо знаетъ, думаютъ многіе. Не такъ смотрѣлъ на дѣло экзаменовъ Өеодоръ Яковлевичъ, и тутъ въ

немъ сказывался добрый педагогъ: зная, что всякому экзаменующемуся присуще смущеніе и усталость головы отъ напряженной работы въ экзаменаціонное время, Ѳеодоръ Яковлевичъ необыкновенно ясно и опредѣленно ставилъ вопросы, касаясь самой сущности историческихъ явленій и, если замѣчалъ смущеніе, то путемъ наведенія помогалъ прійти къ положительному отвѣту; поэтому его экзамены никогда не внушали намъ страха. Мы, какъ піонерки новой школы, особенно старательно готовились къ экзаменамъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ студентами университета И когда, послѣ экзамена, мы, окруживъ Ѳеодора Яковлевича., допрашивали, доволенъ ли онъ экзаменомъ, кто лучше экзаменуется, слушательницы или студенты? то Ѳеодоръ Яковлевичъ, улыбаясь, отвѣчалъ условно: „всяко бываетъ, студенты иногда больше пускаются въ разсужденія, слушательницы добросовѣстнѣе готовятся, лучше знаютъ факты, а бываетъ, что и тѣ и другіе, сбитые съ толку и въ разсѣянности, переносятъ Константина В. въ эпоху до Рожд. Хр., а потомъ сами смѣются своей оплошности“... Я не помню, чтобы Ѳеодоръ Яковлевичъ когда нибудь пропустилъ лекцію: необычайная точность, пунктуальность, аккуратность характеризовали его дѣятельность вообще и весьма цѣнны были на курсахъ, гдѣ порядокъ былъ далеко не установившійся.

Вспоминая свою предсѣдательскую дѣятельность вообще въ разныхъ обществахъ и учрежденіяхъ, Ѳеодоръ Яковлевичъ говорилъ, что самое трудное предсѣдательство для него было въ Попечительномъ Комитетѣ при Высшихъ Женскихъ курсахъ. И между тѣмъ онъ нѣсколько лѣтъ несъ эту обязанность; съ большимъ тактомъ и опредѣленно ставилъ вопросы и, хотя въ началѣ дѣятельности Комитета царила полная неопредѣленность самыхъ разнорѣчивыхъ мнѣній и тенденцій, тѣмъ не менѣе въ болѣе важныхъ случаяхъ Ѳеодоръ Яковлевичъ умѣлъ всѣхъ привести къ извѣстному соглашенію. Наиболѣе разногласій въ Попечительномъ Комитетѣ возникало по поводу распредѣленія суммъ, поступавшихъ въ Комитетъ: одни желали, чтобы всѣ суммы шли

только на вспомоществованіе нуждающимся слушательницамъ, преслѣдуя болѣе цѣли благотворительныя; другіе, опасаясь шаткаго положенія курсовъ вообще, задавались цѣлью обезпечить матеріальную сторону самаго учрежденія, а потому предлагали $^1/_3$ всѣхъ поступающихъ суммъ отдѣлять въ запасный капиталъ курсовъ, другую треть употреблять на вспомогательныя учрежденія при курсахъ, какъ библіотеку, лабораторіи и т. п., а остальную треть раздавать нуждающимся слушательницамъ. Уже къ началу 1881—82 учебнаго года большинство членовъ, послѣ длинныхъ дебатовъ, высказалось за послѣднее распредѣленіе суммъ на три части; тогда болѣе 10 членовъ разомъ выбыло изъ Комитета. Это отозвалось нѣкоторымъ диссонансомъ на дѣятельности Попечительнаго Комитета. Ѳеодоръ Яковлевичъ, видя такое положеніе вещей, ободрялъ оставшихся членовъ, говоря, что уменьшившееся количество ихъ не измѣняетъ самаго дѣла; при этомъ предложилъ вербовать скорѣе новыхъ членовъ, число которыхъ и стало вскорѣ прибывать.

Много разъ вообще приходилось самимъ же профессорамъ отстаивать и защищать какъ самое учрежденіе курсовъ, такъ и слушательницъ отъ нападокъ и со стороны печати, спѣшившей оповѣщать всякіе и благопріятные и неблагопріятные слухи и толки, касавшіеся курсовъ; и со стороны мѣстнаго общества, не всегда сочувственно относившагося къ новой женской школѣ; а со стороны администраціи, безпрестанно требовавшей отъ Педагогическаго Совѣта курсовъ строгой отчетности и отвѣтственности, иногда въ мелочахъ. У Ѳеодора Яковлевича всегда было готовое слово, какъ въ защиту самой идеи высшаго образованія для женщины, такъ и въ извиненіе неизбѣжныхъ при каждомъ новомъ явленіи жизни недоразумѣній и ошибокъ.

Изъ 340 слушательницъ, поступившихъ въ 1878 году, по истеченіи перваго четырехлѣтія оканчивало на обоихъ отдѣленіяхъ 79. Хорошо помнятъ многія 20 марта 1882 года, когда профессора читали свои заключительныя лекціи оканчивающимъ Высшіе Женскіе курсы—первому выпуску. Осо-

бенно памятна осталась прощальная лекція Ѳеодора Яковлевича, который сравнивалъ слушательницъ съ крестоносцами: онѣ также боролись за одухотворявшую ихъ идею съ своего рода турками, такъ грубо подчасъ и неосновательно попиравшими эту идею. Вотъ что записано въ вышеприведенномъ дневникѣ подъ 20 мартомъ 1882 г.: „И такъ, отмѣтимъ этотъ день—день прощанья и разставанья съ подругами, съ учрежденіемъ столь дорогимъ!... Что же будетъ дальше?—Богъ вѣсть! Ѳеодоръ Яковлевичъ весьма прочувствованно и грустно сравнилъ насъ съ крестоносцами; видно и самъ, добрый, хорошій! былъ разстроенъ“...

Уже съ 1884 г., по распоряженію Мин. Нар. Пр., прекращенъ былъ пріемъ на Высшіе Женскіе курсы; а въ 1888 году былъ послѣдній (7-й) выпускъ слушательницъ, и это юное, заживо-погребенное учрежденіе, къ великому огорченію сочувствовавшихъ высшему женскому образованію и при полномъ почти равнодушіи мѣстнаго общества, прекратило свою дѣятельность.

Позже, въ виду еще 2-хъ завѣщаній,[1]) предоставлявшихъ довольно значительныя суммы на Высшіе Женскіе курсы въ Кіевѣ, въ 1896 г. снова возникалъ вопросъ о возобновленіи ихъ, и Ѳеодоръ Яковлевичъ, вмѣстѣ съ другими профессорами, живо и искренно отнесся къ этому вопросу; только переживъ, какъ бывшій казначей курсовъ, ближе другихъ, матеріальныя затрудненія, онъ опасался, что средствъ все-таки недостаточно, а будетъ ли еще новый приливъ таковыхъ? трудно было сказать. „Вѣдь учиться то идутъ больше бѣдныя дѣвушки, сами требующія матеріальной поддержки“, замѣтилъ Ѳеодоръ Яковлевичъ въ одной изъ бесѣдъ по этому поводу. И, когда кто-то съиронизировалъ на это, сказавъ, что время идетъ впередъ и авось иныя богатыя дамы теперь скорѣе, чѣмъ въ былое время, ради свѣта науки урѣжутъ на ½ арш. свои бархатные шлейфы, что можетъ дать въ общемъ порядочную сумму,—то Ѳеодоръ Яковлевичъ съ обыч-

*) П. И. Купріянова и г. Крыжановскаго.

ной его улыбкой отвѣтилъ: „дамы съ бархатными шлейфами ищутъ больше свѣта электрическаго"!...

Когда же согласія со стороны Мин. Нар. Пр. на возобновленіе Высшихъ Женскихъ курсовъ въ Кіевѣ не послѣдовало, а Общество Нестора-лѣтописца объявило систематическіе курсы по исторіи, словесности и др. наукамъ, то Θеодоръ Яковлевичъ снова сталъ читать свои лекціи по средней исторіи, лишь въ болѣе сокращенномъ видѣ.

Что до моего личнаго развитія, я должна признать, что почерпнула большую долю систематическихъ знаній изъ лекцій, читанныхъ на курсахъ профессорами Кіевскаго университета и изъ лекцій Θеодора Яковлевича въ томъ числѣ: не разъ позже, въ своей педагогической дѣятельности, я, а быть можетъ и другія слушательницы, справлялась съ литографированными и не литографированными записками, издававшимися на курсахъ. Одинъ молодой ученый въ то время, теперь уже почтенный профессоръ, говорилъ мнѣ, что, готовясь къ магистерскому экзамену, пользовался издававшимися на курсахъ записками по обзору и оцѣнкѣ историческихъ матеріаловъ (краткой исторіографіи). Вотъ почему образъ профессоровъ, потрудившихся на пользу высшаго женскаго образованія въ Кіевѣ, какъ и образъ Θеодора Яковлевича никогда не изгладится изъ памяти моей и тѣхъ слушательницъ, которыя ихъ знали, цѣнили и уважали.

Есть натуры, скажу въ заключеніе, гордыя, замкнутыя, все въ себѣ подавляющія, а потому труднѣе поддающіяся пониманію, общей характеристикѣ и вѣрной оцѣнкѣ. Такія натуры вообще не словоохотливы; онѣ часто отдѣлываются молчкомъ, мужественно подставляя шею подъ хлещущій потокъ бурныхъ житейскихъ волнъ; подъ наружно спокойнымъ взглядомъ и улыбкой онѣ скрываютъ свой внутренній міръ, свои побужденія, свои треволненія отъ людей близкихъ—чтобы ихъ не огорчить, отъ постороннихъ—чтобы не дать имъ права рыться въ своей душѣ. Такая натура, на сколько мнѣ лично приходилось наблюдать, была у Θеодора Яковлевича Говорятъ, что такіе характеры бываютъ откровеннѣе въ

письмахъ, чѣмъ на словѣ, а потому при болѣе близкомъ ознакомленіи съ оффиціальной перепиской Ѳеодора Яковлевича и перепиской его съ друзьями легче будетъ постигнуть неясность и быть можетъ нѣкотораго рода трагизмъ его внутренняго міра, его жизни и дѣятельности въ періодъ его ректорства и его неожиданной и всѣхъ поразившей смерти, которую онъ встрѣтилъ такъ покорно и мужественно.

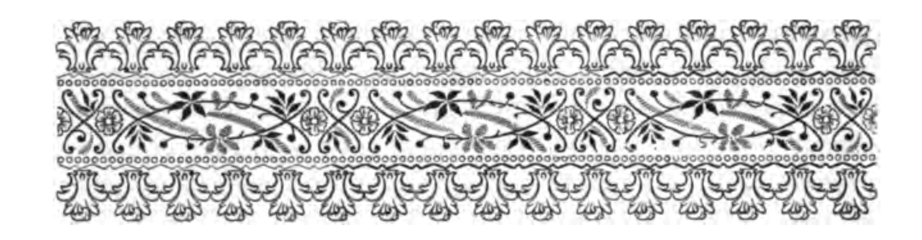
Смерть, говорятъ, все примиряетъ. По словамъ поэта:

Обнимая и землю и море,
Она всюду даруетъ покой;
Въ ней конецъ беззавѣтнаго горя,
Въ ней предѣлъ всякой скорби земной!...

Миръ же праху твоему, безспорно честный, благородный и неутомимый труженикъ на золотомъ поприщѣ!...

А. Л. Иконникова.

1903 г. 19 января.
г. Кіевъ.



Памяти Ѳ. Я. Фортинскаго.

Въ настоящее время едва-ли кто-либо станетъ оспаривать то положеніе, что, чѣмъ шире и глубже развиваются въ извѣстномъ обществѣ наука и просвѣщеніе, тѣмъ болѣе такое общество начинаетъ цѣнить скромныхъ по своей натурѣ, но въ высокой степени полезныхъ и даровитыхъ своихъ дѣятелей, тѣмъ сильнѣе чувствуется въ немъ вся тяжесть потери кого-либо изъ такихъ дѣятелей и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе возможно достойнѣе почтить его память, возможно лучше сохранить для грядущихъ поколѣній его нравственный и умственный обликъ, его дѣянія на пользу науки и просвѣщенія, завѣщанныя имъ идеи... Ѳедоръ Яковлевичъ Фортинскій, котораго смерть такъ безжалостно и неожиданно похитила отъ насъ, принадлежалъ именно къ такого рода дѣятелямъ. Глубоко-трогательное участіе, какое выказано было къ памяти незабвеннаго профессора на его похоронахъ, тѣ прочувствованныя рѣчи, какія тогда были сказаны,—все это было той данью признательности и уваженія, которую вполнѣ заслуженно воздали почившему наука и интеллигенція въ лицѣ ихъ мѣстныхъ представителей. Но ограничиваться по отношенію къ такимъ дѣятелямъ, какъ покойный Ѳедоръ Яковлевичъ, однимъ лишь этимъ, обычнымъ, такъ сказать, въ подобныхъ случаяхъ выраженіемъ признательности и уваженія

къ почившему, не приходится: наукѣ и просвѣщенію, и въ частности Университету Св. Владиміра, слишкомъ долженъ быть дорогъ человѣкъ, который такъ усердно, такъ добросовѣстно и умѣло работалъ для нихъ свыше 30 лѣтъ, и Историческое Общество Нестора-лѣтописца, исходя изъ такого взгляда, рѣшило посвятить памяти почившаго почетнаго своего сочлена настоящее—первое послѣ его смерти—засѣданіе. Пользуясь этимъ случаемъ, позволю себѣ и я, бывшій ученикъ покойнаго, сказать о немъ хоть нѣсколько словъ. Я не буду вдаваться въ сколько-нибудь подробную оцѣнку его дѣятельности, какъ ученаго и профессора, не буду сколько-нибудь подробно характеризовать его, какъ человѣка,—все это взяли на себя другіе: я позволю себѣ коснуться личности и научно-учебной дѣятельности дорогого учителя, поскольку онѣ мнѣ извѣстны, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Θедора Яковлевича Фортинскаго я сталъ знать еше со дней моей юности, съ конца 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда я поступилъ въ число студентовъ Историко-филологическаго факультета здѣшняго Университета. Θедоръ Яковлевичъ былъ тогда еще молодымъ, но уже весьма извѣстнымъ профессоромъ, и я живо помню то впечатлѣніе, какое производилъ онъ на насъ, его юныхъ слушателей. Живой, энергичный, талантливый, гуманный и привѣтливый, Θедоръ Яковлевичъ сразу привлекъ къ себѣ наши симпатіи. Его лекціи чужды были громкихъ фразъ, бьющихъ на эффектъ, блестокъ краснорѣчія, но тѣмъ не менѣе онѣ производили на насъ большое впечатлѣніе: то была рѣчь ученаго, рѣчь строго-научная, поражавшая глубиной и ясностью мысли, тонкостью анализа тѣхъ или другихъ историческихъ данныхъ или положеній. И, сколько знаю, такой характеръ носили не только тѣ лекціи, которыя Θедоръ Яковлевичъ читалъ намъ, но и тѣ, которыя онъ читалъ слушателямъ другихъ курсовъ. Лекціи эти пробуждали въ насъ, юныхъ слушателяхъ, любовь и интересъ къ наукѣ исторіи, желаніе возможно ближе познакомиться съ крайне своеобразнымъ и высоко-интереснымъ міромъ средневѣковья, стремленіе и самимъ, по мѣрѣ силъ,

поработать надъ тѣмъ или другимъ вопросомъ изъ этой такъ еще мало извѣстной области.

Всѣ курсы, читанные покойнымъ, имѣли одну и ту-же, общую всѣмъ имъ, черту: читалъ-ли Ѳедоръ Яковлевичъ общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ или исторію крестовыхъ походовъ, исторію Франціи при Капетингахъ или исторію средневѣковой Англіи или Италіи, исторію городовъ средневѣковья или исторію феодализма,—вездѣ и всюду у него сжатому, но ясному и вполнѣ научно составленному изложенію содержанія того или другого отдѣла средневѣковой исторіи всегда предшествовалъ обстоятельный, строго-критическій обзоръ относящихся къ данному отдѣлу источниковъ. Это строго-критическое отношеніе Ѳедора Яковлевича къ источникамъ средневѣковой исторіи и къ научной разработкѣ ея явилось, надо полагать, результатомъ какъ той серьезной школы, которую покойный прошелъ въ Петербургѣ, Геттингенѣ и Парижѣ, такъ и склада его ума, который склоненъ былъ всякій историческій фактъ, всякое историческое явленіе подвергать строгому, всестороннему анализу. И такое отношеніе покойнаго къ наукѣ исторіи сказалось не только въ его лекціяхъ, но и въ разнаго рода печатныхъ трудахъ его: въ его отчетахъ о заграничной командировкѣ въ 1874 и 1875 гг., въ его магистерской и докторской диссертаціяхъ, въ его довольно многочисленныхъ, главнымъ образомъ критико-библіографическихъ, статьяхъ, касавшихся то извѣстнаго изданія источниковъ средневѣковой исторіи, то научной разработки тѣхъ или другихъ вопросовъ ея.

На ряду съ трудами чисто-научными, перу покойнаго принадлежитъ и нѣсколько трудовъ научно-популярнаго характера. Таковы: „Развитіе папской власти въ средніе вѣка"; статья по поводу сочиненія Вивьена де-Сенъ-Мартена „Histoire de la géographie"; статья по поводу соч. А. Бабо „Le village sous l'ancien régime"; „Положеніе городскихъ ремесленниковъ въ Германіи въ средніе вѣка". Покойный вообще былъ сторонникомъ возможно большаго распространенія серьезныхъ историческихъ знаній среди нашего образованнаго общества, а

посему, читая лекціи въ Университетѣ и на Высшихъ женскихъ курсахъ, онъ время отъ времени очень охотно читалъ тѣ или другія лекціи и для публики.

Сочувствуя и, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствуя возможно большему распространенію у насъ солидныхъ знаній по средневѣковой исторіи, Ѳедоръ Яковлевичъ съ особой благосклонностью относился къ тѣмъ, у кого замѣчалъ серьезное желаніе работать подъ его руководствомъ въ той области, изученіе которой составляло спеціальный предметъ занятій покойнаго. Авторъ настоящей замѣтки вполнѣ испыталъ это на себѣ и въ бытность свою студентомъ, когда ему приходилось работать надъ предложенной покойнымъ темой для соисканія наградъ медалями („Этнографія по Адаму Бременскому"), и въ бытность его стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ всеобщей исторіи, и при работѣ надъ магистерской диссертаціей („Филиппъ-Августъ въ его отношеніяхъ къ городамъ"). Во всѣхъ этихъ случаяхъ Ѳедоръ Яковлевичъ былъ моимъ ближайшимъ руководителемъ, и я съ глубокой благодарностью вспоминаю, съ какой готовностью и любезностью онъ руководилъ моими научными занятіями, помогалъ мнѣ своими совѣтами и указаніями, давалъ изъ своей обширной и прекрасно составленной библіотеки всѣ книги, какія, по его мнѣнію, могли мнѣ быть полезны въ томъ или другомъ отношеніи, выписывалъ, если то оказывалось необходимымъ, нужныя мнѣ книги на счетъ Университета и т. д.

Руководя практическими занятіями студентовъ по средневѣковой исторіи и желая, по возможности, облегчить имъ эти занятія и дать въ руки каждому, кто пожелалъ бы самостоятельно заниматься исторіей вообще и средневѣковой въ особенности, нѣкоторыя полезныя указанія, покойный напечаталъ въ 1884 году статью подъ заглавіемъ: „Опыты систематической обработки исторической критики". [1]) Въ этой статьѣ, весьма цѣнномъ пособіи для каждаго начинающаго самостоятельное изученіе исторіи, особенно исторіи средневѣковой,

1) Универ. Изв. 1884 г. (августъ) и отдѣльно.

онъ изложилъ основныя, согласныя между собой, воззрѣнія извѣстныхъ французскихъ ученыхъ—Смедта и Тардифа на историческую критику, причемъ восполнилъ соотвѣтственнымъ образомъ и тѣ пробѣлы, какіе допущены были названными учеными и выразились въ односторонности и недостаточности сдѣланныхъ ими библіографическихъ указаній.

Живо и неослабно интересуясь правильной постановкой преподаванія исторіи, главнымъ образомъ исторіи среднихъ вѣковъ, въ Университетѣ, покойный обнаруживалъ также большой интересъ и къ правильной постановкѣ преподаванія этого предмета въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ этихъ цѣляхъ онъ выпустилъ въ свѣтъ въ 1885 году разборъ учебника Ю. Функе: [1] „Учебникъ всеобщей исторіи (со включеніемъ отечественной), средніе вѣка. Кіевъ, 1884“, гдѣ, отмѣтивъ достоинства и недостатки упомянутаго учебника, указалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на причины неудовлетворительной въ то время постановки преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нашего отечества.

По своему характеру Өедоръ Яковлевичъ былъ человѣкъ въ высшей степени добрый, скромный, простой, доступный и обходительный. Къ нему можно было итти во всякое время, и, если только онъ былъ дома, онъ всегда охотно и любезно принималъ васъ, причемъ на лицѣ его чуть не постоянно играла свойственная ему добродушная улыбка. Человѣкъ широко образованный, Өедоръ Яковлевичъ всегда принималъ близко къ сердцу интересы науки, стойко отстаивалъ ея свободу, свободу научнаго изслѣдованія, и для меня, одного изъ ближайшихъ учениковъ его, крайне прискорбно и больно было слышать въ послѣднее время отзывы нѣкоторыхъ, рисовавшіе покойнаго чуть не гонителемъ той науки, которой онъ такъ беззавѣтно, такъ преданно служилъ до послѣдняго своего часа. Глубокія познанія Өедора Яковлевича въ области всеобщей исторіи, въ особенности въ бывшей столь близкой ему области исторіи средневѣковья, его поч-

[1]) Универ. Изв. 1885 года.

тенная дѣятельность, какъ ученаго и профессора, всѣми признаны, а посему и потеря его неможетъ не составлять чувствительной утраты для исторической науки, особенно для того отдѣла ея, которымъ болѣе всего любилъ заниматься покойный, и который и доселѣ еще остается такъ мало разработаннымъ, въ особенности у насъ, въ Россіи. Еще болѣе чувствительной является эта потеря для всѣхъ болѣе или менѣе близко знавшихъ покойнаго не только какъ профессора и ученаго, но и какъ человѣка. Но среди грусти и скорби, навѣянныхъ на насъ столь еще недавней смертью незабвеннаго учителя, все же проглядываетъ и лучъ свѣта,—надежда на то, что дѣятели, подобные покойному, вполнѣ умереть не могутъ: хочется вѣрить, что свѣтлый, ясный образъ дорогого Ѳедора Яковлевича навсегда останется въ памяти всѣхъ болѣе или менѣе близко знавшихъ его; что будутъ долго, долго жить его научные труды; что не заглохнутъ и многія изъ высказанныхъ имъ печатно или устно идей...

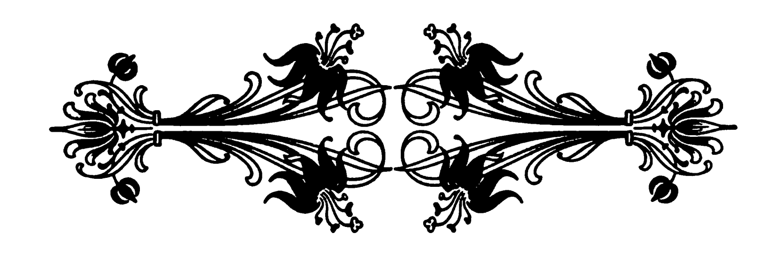
Вл. Ляскоронскій.

ПАМЯТИ

ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА ОБЩЕСТВА

Александра Матвѣевича Лазаревскаго

(† 31 марта 1902 г.).



Памяти

почетнаго члена Общества

Александра Матвѣевича Лазаревскаго

(† 31 марта 1902 г.) [1]).

Со смертью А. М. Лазаревскаго историческая наука понесла крупную, незамѣнимую утрату. Мы говоримъ— незамѣнимую, потому что въ теченіе болѣе сорока лѣтъ исторія Лѣвобережной Малороссіи разрабатывалась, главнымъ образомъ, трудами А. М. Лазаревскаго, и въ настоящее время не осталось ни одного человѣка, который, отличаясь такимъ знаніемъ фактовъ, событій прошлаго Малороссіи, какимъ обладалъ А. М. Лазаревскій, отдавалъ бы всѣ свои силы, весь свой досугъ разработкѣ исторіи Лѣвобережной Малороссіи.

Занятія исторіей Малороссіи начались у А. М. Лазаревскаго давно, еще на гимназической скамьѣ. Мы знаемъ, что А. М. Лазаревскій не былъ цеховымъ ученымъ. Личная его жизнь устроилась такимъ образомъ, что большая часть ея протекла вдали отъ нашихъ университетскихъ центровъ. Онъ не только не стремился получить ученую степень, занять каѳедру въ университетѣ, но, напротивъ, когда ему предложили

[1]) Рефератъ этотъ въ сокращеніи читанъ въ очередномъ засѣданіи Историческаго Общества Нестора-лѣтописца 15 сентября 1902 г.

готовиться къ профессурѣ, отклонилъ это предложеніе и ушелъ въ провинцію служить по крестьянскому дѣлу. Занятія исторіей Малороссіи явились, такимъ образомъ, у А. М. Лазаревскаго не вслѣдствіе желанія создать себѣ извѣстное оффиціальное положеніе въ наукѣ; они, такъ сказать, органически вытекали изъ всей его природы, изъ всего его душевнаго склада.

Въ своей автобіографіи А. М. Лазаревскій такъ описываетъ пробужденіе въ немъ интереса къ Малороссіи. Дѣло было въ 1847 году. А. М. Лазаревскому исполнилось въ это время, значитъ, лѣтъ 13—14. Онъ жилъ въ Оренбургѣ у своихъ братьевъ. Ему попалась въ руки исторія Малороссіи, Бантышъ-Каменскаго, прочитывая которую онъ сталъ интересоваться исторіей той Малороссіи, названіе которой слыхалъ изъ устъ земляковъ, какъ въ СПБ., такъ и въ Оренбургѣ, но хорошенько не понималъ, что это за Малороссія. Въ это же время сталъ къ нему ходить учитель, одинъ изъ сосланныхъ въ Оренбургскіе батальоны поляковъ, которыхъ вообще было въ это время не мало въ Оренбургѣ. Со многими вопросами по исторіи Малороссіи А. М. Лазаревскій обращался къ своему учителю, но учитель какъ-то мало удовлетворялъ его любопытству, представляя изъ себя на видъ полунѣмца. Между тѣмъ Малороссія возбуждала любопытство А. М. Лазаревскаго и тѣми малороссійскими пѣснями, которыя пѣли въ Оренбургѣ земляки и изъ которыхъ многія были привезены туда Шевченкомъ, прожившимъ въ этомъ городѣ нѣсколько мѣсяцевъ до своего перевода въ Орскую крѣпость [1]). Впослѣдствіи, въ гимназіи и въ университетѣ этотъ интересъ еще болѣе укрѣпился, чему не мало способствовало и то идейное малорусское движеніе, которымъ отмѣчены у насъ конецъ пятидесятыхъ и начало шестидесятыхъ годовъ, когда нарождалась и народилась „Основа". Изучая Малороссію, знакомясь съ ней, А. М. Лазаревскій начиналъ чувствовать къ ней привязанность, теплую любовь, какъ къ своей родинѣ. И все то, что прочно залегло въ его душѣ въ юношескіе годы, не оставляло А. М. Лазаревскаго до могилы. Чрезъ всю его жизнь, чрезъ всю его научную дѣятельность красной нитью проходитъ любовь его къ Малороссіи. Она заставляла его работать надъ выясненіемъ историческаго прошлаго его родины, она заставляла его сохранять исчезающіе остатки своеобразнаго прошлаго... Безъ этого руководящаго стимула бу-

---

[1]) Кіев. Стар. 1902 г., іюнь, стр. 481—482.

детъ непонятна та могучая энергія, которой отличался А. М. Лазаревскій, какъ научный работникъ, въ избранной имъ области, будетъ непонятенъ и тотъ интересъ, который онъ обнаруживалъ во всемъ и ко всему, что только такъ или иначе касалось изученія Малороссіи въ ея прошломъ и настоящемъ [1]).

А. М. Лазаревскій родился 8-го іюня 1834 года. Его дѣтскіе годы прошли очень странно: ученье шло кое-какъ, онъ принужденъ былъ переѣзжать изъ одного города въ другой, пока, наконецъ, не поселился окончательно въ С.-Петербургѣ. Это было въ 1850 году. А. М. Лазаревскому шелъ уже 16 годъ, когда онъ поступилъ во вторую С.-Петербургскую гимназію, которую и окончилъ въ 1855 году. Послѣ этого онъ четыре года учился на историко-филологическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета. А. М. Лазаревскій могъ остаться при университетѣ для приготовленія къ профессурѣ, но отказался отъ оффиціальной ученой карьеры и вскорѣ уѣхалъ въ Черниговскую губернію служить по крестьянскому дѣлу. Съ этого времени, съ 1861 года, вся его служба и жизнь проходитъ въ провинціи, сначала, главнымъ образомъ, въ Черниговской губерніи и Полтавѣ, а затѣмъ съ 1880 года въ Кіевѣ. Сюда онъ переѣхалъ изъ Курска, гдѣ пробылъ годъ товарищемъ предсѣдателя суда. Въ Кіевѣ А. М. Лазаревскій занималъ сначала должность товарища предсѣдателя окружнаго суда, а съ 1885 года—члена судебной палаты. Въ этомъ званіи онъ и умеръ [2]).

Такова вкратцѣ оффиціальная жизнь А. М. Лазаревскаго. Но гдѣ бы онъ ни жилъ, какія бы должности онъ ни занималъ, любимымъ занятіемъ его была наука. А. М. Лазаревскій представлялъ изъ себя рѣдкій примѣръ человѣка, до самозабвенія любившаго науку. Послѣ семьи она составляла для него самое дорогое въ жизни; она составляла смыслъ его жизни. Для него, казалось, не было большаго наслажденія, какъ уединиться въ своемъ кабинетѣ, усѣсться за письменный столъ, писать, затѣмъ читать и снова перечитывать старыя бумаги и фоліанты. Кто зналъ и видѣлъ А. М. Лазаревскаго въ его рабочемъ кабинетѣ, тѣ, конечно, хорошо знаютъ, въ какой восторгъ могъ привести его вновь открытый интересный

[1]) См. „Памяти В. В. Тарновскаго, А. М. Лазаревскаго и Н. В. Шугурова" въ Кіев. Старинѣ 1902 г., іюль—августъ.

[2]) См. Некрологъ А. М. Лазаревскаго въ „Кіевской Старинѣ" 1902 г., май.

документъ, родившаяся при чтеніи документовъ новая мысль или какая-нибудь старопечатная книга Кіевской, Острожской или Черниговской печати.

Но А. М. Лазаревскій не былъ сухимъ только ученымъ. Это былъ человѣкъ, всегда очень сильно отзывавшійся на различныя злобы дня нашей общественной жизни. Не обладая даромъ публициста, А. М. Лазаревскій никогда не высказывалъ своихъ мыслей въ печати; но лица, сталкивавшіяся съ нимъ, хорошо знаютъ, какъ онъ былъ чутокъ къ различнымъ явленіямъ нашей общественной жизни за послѣднее время. Глубоко-честная натура, человѣкъ, обладавшій громаднѣйшимъ житейскимъ опытомъ и наблюдательностью, А. М. Лазаревскій представлялъ изъ себя рѣдкій типъ цѣльнаго, истинно-убѣжденнаго человѣка. Можно было напередъ угадать его взглядъ, его мнѣніе по тому или другому вопросу. Выросшій и окрѣпшій душевно въ концѣ 1850-хъ и началѣ 1860-хъ годовъ, въ эпоху наибольшихъ надеждъ и упованій русскаго общества, А. М. Лазаревскій на цѣлую жизнь остался человѣкомъ 60-хъ годовъ въ самомъ лучшемъ, въ самомъ благородномъ значеніи этого слова. Крестьянская реформа 1861 г. и основы другихъ реформъ 1860-хъ годовъ для него были драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ русскаго общества, и послѣднее должно было оберегать ихъ всѣми силами. Отсюда должна была идти дальнѣйшая эволюція русскаго общества. Понятно поэтому, съ какой враждой могъ относиться А. М. Лазаревскій къ тѣмъ темнымъ силамъ, которыя поднялись въ послѣднее время и стали сѣять смуту въ умахъ русскаго общества, стараясь подорвать уваженіе къ лучшимъ его пріобрѣтеніямъ, которыя отрицали основы реформъ 1860-хъ годовъ, отрицали необходимость самодѣятельности общества, старались всегда подавлять эту самодѣятельность въ угоду бюрократизму. Въ судъ больше всего вѣрилъ А. М. Лазаревскій, его онъ больше всего считалъ хранителемъ лучшихъ завѣтовъ 1860-хъ годовъ, хранителемъ законности и справедливости; въ концѣ жизни и тутъ пришлось ему съ болью сердца отмѣчать новыя вѣянія, новыя вліянія и новыхъ людей.

Исторіей Малороссіи А. М. Лазаревскій сталъ заниматься еще въ гимназіи. Въ 1853 году въ „Чернигов. губ. Вѣдомостяхъ“ имъ былъ напечатанъ „Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края“, а затѣмъ въ 1855 году въ тѣхъ же „Вѣдомостяхъ“ онъ помѣстилъ „Обозрѣніе книгъ, статей и періодическихъ изданій, относящихся къ исторіи и

географіи Малороссійскаго края за 1854 годъ“. Съ той поры почти каждый годъ, съ самыми небольшими перерывами, давалъ онъ что-нибудь наукѣ. Самый большой перерывъ въ научно-литературной дѣятельности А. М. Лазаревскаго былъ въ 1876—1880 годахъ. Перерывъ этотъ объясняется, какъ кажется, обстоятельствами его личной жизни.

Научно-литературную дѣятельность А. М. Лазаревскаго можно раздѣлить на три періода: первый—до перехода А. М. Лазаревскаго на службу въ Черниговъ; второй—со времени переѣзда въ Черниговъ до переѣзда въ Кіевъ и основанія Ѳ. Г. Лебединцевымъ въ Кіевѣ „Кіевской Старины“ и, наконецъ, третій періодъ—послѣдніе двадцать лѣтъ жизни А. М. Лазаревскаго въ Кіевѣ.

Первый періодъ не богатъ трудами. Большинство ихъ носитъ преимущественно библіографическій характеръ, причемъ не всѣ они посвящены даже исторіи Малороссіи.

Въ 1857 году въ „Сборникѣ, изданномъ студентами С.-Петербургскаго Университета“ А. М. Лазаревскій помѣстилъ матеріалы для біографіи и литературной дѣятельности Н. И. Новикова, А. Ѳ. Воейкова, В. Л. Пушкина и др.; въ 1858 году—въ „Библіогр. Запискахъ“—замѣтку объ анакреонтическихъ пѣсняхъ Державина; въ 1859 году—въ „Извѣстіяхъ Имп. Ак. Наукъ“—Записку о русскомъ хронографѣ; въ 1861 году—въ „Архивѣ Н. Калачова“—матеріалы для исторіи Волжскихъ разбойниковъ и въ „Библіогр. Запискахъ“—планъ Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ, составленный въ 1766 году, и матеріалы для біографіи А. Сумарокова, А. С. Грибоѣдова и А. С. Пушкина.

Изъ матеріаловъ и трудовъ А. М. Лазаревскаго въ первый періодъ, относящихся къ исторіи Малороссіи, и изъ цѣлаго ряда мелкихъ замѣтокъ, самымъ крупнымъ является „Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края“, изданный въ 1857 году и посвященный О. М. Бодянскому. Указатель, сдѣлавшійся теперь библіографическою рѣдкостью, не потерялъ своего значенія и въ настоящее время. Правда, въ немъ оказались нѣкоторые пробѣлы, указанные П. С. Ефименко, но, въ общемъ, указатель явился замѣчательнымъ, по своему времени, библіографическимъ трудомъ.

Во время составленія его А. М. Лазаревскій былъ студентомъ. Нужно было имѣть много усидчивости, интереса къ предмету, способности работать, чтобы въ молодые годы заняться такимъ кропотливымъ трудомъ,

какимъ является указатель А. М. Лазаревскаго. Для самого автора указатель сослужилъ неоцѣненную службу; составленіе его дало возможность узнать, а отчасти и познакомиться со всей печатной литературой по исторіи Малороссіи.

Переселяясь на родину въ 1861 году и принимаясь въ Черниговѣ за изученіе малорусскихъ архивовъ, А. М. Лазаревскій былъ человѣкомъ, вполнѣ къ этому подготовленнымъ. Это могло только самымъ выгоднымъ образомъ отразиться на продуктивности его труда. А. М. Лазаревскій, благодаря своей громадной памяти, всегда былъ замѣчательнымъ знатокомъ литературы малорусской исторіи. Его трудно было удивить какой-нибудь новой книгой. Любовь къ книгѣ, къ коллекціонерству, развитая въ немъ съ молодыхъ лѣтъ, заставляла его слѣдить и собирать у себя все, гдѣ что-нибудь только могло быть о Малороссіи: крупное научное изслѣдованіе, небольшая брошюра, газетная статья—все находило пріютъ въ его библіотекѣ, которая является одной изъ замѣчательныхъ библіотекъ, по подбору спеціальныхъ книгъ, и не въ одномъ только Кіевѣ.

Указатель источниковъ—первый трудъ А. М. Лазаревскаго, напечатанный отдѣльною книгою. Посвященъ онъ, мы сказали, О. М. Бодянскому. Интересно, что и послѣдній большой трудъ А. М. Лазаревскаго, вышедшій отдѣльною книгою, „Описаніе Прилуцкаго полка,“ посвященъ памяти того же О. М. Бодянскаго.

Къ О. М. Бодянскому А. М. Лазаревскій всегда чувствовалъ глубокую признательность и считалъ себя немало ему обязаннымъ на первыхъ порахъ своихъ занятій малорусской стариной. Письменныя сношенія между ними начались въ 1855 году, когда А. М. Лазаревскій только что сдѣлался студентомъ и обратился къ О. М. Бодлискому за разъясненіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ. Четыре письма, относящіяся на 1855—1858 г., опубликованы А. М. Лазаревскимъ и имѣютъ біографическій интересъ, какъ для одного, такъ и для другого. Они знакомятъ насъ съ научными занятіями А. М. Лазаревскаго въ пору его студенчества и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуютъ личность О. М. Бодянскаго, который съ замѣчательной простотой и сердечностью вступалъ въ переписку съ молодымъ студентомъ другого университета. Изъ писемъ этихъ мы знаемъ, что А. М. Лазаревскій собиралъ народныя пѣсни, пословицы, поговорки, думалъ издать ихъ сборникомъ, но О. М. Бодянскій совѣтовалъ не спѣшить съ изданіемъ, стараться собрать какъ можно больше матеріала и тогда уже печатать. О.

М. Бодянскій совѣтовалъ также обратить вниманіе на „Дни и мѣсяцы въ Малороссіи“ Максимовича и его „Филологическія письма къ Погодину“, отъ которыхъ, говорилъ Бодянскій, „не поздоровится многимъ и многимъ“ и т. д. Собираясь посвятить свой „Указатель матеріаловъ“ О. М. Бодянскому, А. М. Лазаревскій обратился къ нему за согласіемъ на это. Бодянскій далъ свое согласіе и благодарилъ за вниманіе къ его „посильнымъ когда-то трудамъ на полѣ родной старины“. Послѣднее изъ четырехъ писемъ написано послѣ полученія О. М. Бодянскимъ „Указателя“. Онъ долго промедлилъ съ отвѣтомъ и, отправляя наконецъ письмо, жаловался на трудности, съ которыми ему приходится издавать „Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“. Пересыпая рѣчь, по своему обыкновенію, малорусскими пословицами и поговорками, О. М. Бодянскій благодарилъ молодого студента за присылку „Указателя“ и звалъ его въ Бѣлокаменную „побачитысь, побалакаты“ [1]....

Въ 1861 году А. М. Лазаревскій, увлеченный жаждой работать по крестьянскому дѣлу, переселился въ Черниговъ [2]). Это переселеніе имѣло громадное значеніе для его научной дѣятельности. Съ этой поры весь его интересъ, всѣ его научныя занятія сосредоточиваются исключительно на разработкѣ исторіи Лѣвобережной Малороссіи.

Въ Черниговѣ въ то время были собраны богатѣйшіе матеріалы по внутренней исторіи Малороссіи. Въ такъ называемомъ Мазепиномъ домикѣ, на Валу, былъ сваленъ архивъ высшихъ административныхъ учрежденій Старой Малороссіи: Малороссійской коллегіи и Генеральной канцеляріи; въ палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда находились дѣла Генеральнаго войсковаго суда; въ архивѣ губернскаго депутатскаго собранія—дѣла, относящіяся къ исторіи отдѣльныхъ родовъ дворянъ Черниговской губер.; наконецъ, въ архивѣ казенной палаты—земельные документы монастырей Черниговской губерніи, переданные туда при отобраніи въ казенное вѣдомство монастырскихъ имѣній и представлявшіе собой обширный матеріалъ для исторіи землевладѣнія въ Малороссіи. Здѣсь же, въ казенной палатѣ, хранилась и та часть знаменитой Румянцевской описи Малороссіи, которая касалась Черниговской губерніи.

---

[1]) Кiев. Стар., т. 27, стр. 447—450.

[2]) См. „Изъ Черниговскихъ воспоминаній“ А. М. Лазаревскаго въ Кiев. Ст. 1901 года, мартъ.

Изученіемъ этихъ архивовъ и занялся А. М. Лазаревскій. Свѣдѣнія свои онъ впослѣдствіи пополнилъ въ однородныхъ же Полтавскихъ архивахъ, содержавшихъ въ себѣ матеріалы, относившіеся къ исторіи той мѣстности Малороссіи, которая въ настоящее время занята Полтавской губерніей.

Это изученіе матеріаловъ, никому до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ, сдѣлало А. М. Лазаревскаго на долгое время единственнымъ, можно сказать, знатокомъ внутренней исторіи Лѣвобережной Малороссіи. Богатство свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ архивовъ, дало А. М. Лазаревскому возможность разрѣшить, освѣтить, поставить множество вопросовъ первостепенной важности въ малорусской исторіи или же дать матеріалы для разрѣшенія ихъ будущими изслѣдователями. Унося въ могилу крупное научное имя, оставивъ послѣ себя богатое литературное наслѣдство, А. М. Лазаревскій далеко не использовалъ всего того матеріала, которымъ онъ располагалъ. Смерть его застигла надъ первыми страницами описанія Полтавскаго полка, въ которомъ онъ хотѣлъ сгруппировать и использовать матеріалы, почерпнутые имъ изъ Полтавскихъ архивовъ.

Свѣдѣнія свои, почерпнутыя при изученіи матеріаловъ въ оффиціальныхъ архивахъ, А. М. Лазаревскій пополнялъ въ теченіе всей своей жизни. Чрезъ его руки прошла масса всевозможныхъ фамильныхъ документовъ: архивъ Галагана [1]), Сулимовскій, Мотыжинскій и Любецкой архивы [2]) представляютъ только сравнительно небольшую частицу ихъ [3]). Изученію фамильныхъ архивовъ А. М. Лазаревскій придавалъ большое значеніе и считалъ ихъ, по справедливости, главнѣйшимъ источникомъ для изученія бытовой исторіи.

Не говоря уже о мелкихъ, [4]) самымъ важнымъ трудомъ, написаннымъ А. М. Лазаревскимъ въ промежутокъ отъ 1861 года до переѣзда его въ Кіевъ (въ 1880 г.), является монографія „Малороссійскіе посполитые

---

[1]) Кіев. Ст. 1883 г., кн. 11, стр. 452—456.

[2]) Кіев. Ст. 1882 г., кн. 11, стр. 292—295. Сулимовскій архивъ изданъ въ 1884 г., Мотыжинскій въ 1890; Любецкой въ 1898.

[3]) Предисловіе къ Сулимовскому архиву.

[4]) Списокъ трудовъ А. М. Лазаревскаго, съ незначительными, сравнительно, пропусками, составленъ извѣстнымъ библіографомъ С. И. Пономаревымъ и помѣщенъ въ майской книжкѣ „Кіевской Старины“ 1902 г. при некрологѣ А. М. Лазаревскаго.

крестьяне (1648—1783)", основанная исключительно на матеріалахъ Черниговскихъ архивовъ и напечатанная первоначально въ „Запискахъ Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета" за 1866-й годъ, а затѣмъ вышедшая и отдѣльными оттисками. Нужно сказать, что до основанія въ 1882 году „Кіевской Старины" А. М. Лазаревскій испытывалъ не мало затрудненій при опубликованіи своихъ трудовъ. Печатать на собственныя средства онъ не могъ, помѣщать же въ журналахъ мѣшалъ спеціальный характеръ большинства изъ его работъ. Въ 1870-хъ годахъ А. М. Лазаревскій печаталъ свои труды, главнымъ образомъ, въ „Русскомъ Архивѣ". Здѣсь помѣщены имъ два очерка изъ быта Малороссіи въ 18 в.,—о приходскомъ духовенствѣ и о сотникахъ,—монографія о Павлѣ Полуботкѣ и затѣмъ рядъ очерковъ малороссійскихъ фамилій, которые онъ называлъ „матеріалами для исторіи общества въ 17—18 вв." Въ 1880 году А. М. Лазаревскій напечаталъ очеркъ о Скоропадскихъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ", а въ 1860 годахъ онъ находилъ пріютъ своимъ трудамъ въ разныхъ изданіяхъ: въ памятной книжкѣ Черниговской губерніи, гдѣ помѣщена его „Конотопская старина", въ „Черниговскомъ листкѣ", „Черниговъ. губерн. вѣдомостяхъ", „Извѣстіяхъ Импер. археол. Общества", наконецъ, въ „Запискахъ Черниговъ. губерн. статист. комитета". Въ „Запискахъ" онъ началъ свои „Очерки малороссійскихъ фамилій", носившихъ тогда болѣе узкое заглавіе „Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ въ Черниговъ. губ." Въ „Запискахъ" же, повторяемъ, помѣщена и первая крупная и замѣчательная работа А. М. Лазаревскаго о посполитыхъ крестьянахъ, не потерявшая своего значенія и до нашего времени.

Въ основу монографіи А. М. Лазаревскаго о посполитыхъ легла та вѣрная мысль, что крѣпостное право въ Малороссіи явилось не результатомъ однѣхъ только мѣръ русскаго правительства въ этомъ направленіи, а цѣликомъ вытекло изъ малорусскихъ общественныхъ отношеній, изъ малорусской жизни, и русскому правительству часто приходилось только санкціонировать своими указами то, что, на самомъ дѣлѣ, давно уже существовало въ жизни.

Подобная мысль была уже, правда, высказана за нѣсколько лѣтъ до появленія въ свѣтъ монографіи А. М. Лазаревскаго—А. Ѳ. Кистя-

ковскимъ [1]); но у него она не имѣла такой ясной и опредѣленной формулировки и, что еще важнѣе, не была обставлена фактическими указаніями. Выводы же А. М. Лазаревскаго были основаны на тщательномъ изученіи богатаго архивнаго матеріала.

Уже въ монографіи своей о посполитыхъ крестьянахъ А. М. Лазаревскій пришелъ къ тому заключенію, что ходячее представленіе о малорусскомъ обществѣ 17—18 вв., какъ о какой-то единой сплоченной массѣ, проникнутой чисто демократическими тенденціями, не выдерживаетъ критики. Дальнѣйшему развитію и доказательству этой мысли служили „Очерки изъ исторіи малороссійскихъ фамилій."

Между высшей общественной группой, старшиной, и народной массой въ Малороссіи не только не было единства, а напротивъ, существовалъ довольно рѣзко выраженный антагонизмъ. Было бы грубой, поэтому, ошибкой отождествлять ихъ общественные интересы. Администрація малорусская была, правда, выборной, но это нисколько не гарантировало правильнаго удовлетворенія нуждъ народа. Администрація чаще всего стремилась къ удовлетворенію своихъ личныхъ выгодъ, отстаивала классовые шляхетскіе интересы, часто совершенно противоположные интересамъ и нуждамъ народа. При такомъ взглядѣ на дѣло, А. М. Лазаревскому приходилось иногда развѣнчивать такихъ людей, какъ Павелъ Полуботокъ, который подъ перомъ другихъ историковъ, даже Н. И. Костомарова, обращался въ національнаго героя, борца за національную свободу и самобытность. Изучая кропотливо факты будничной жизни, А. М. Лазаревскій, пришелъ къ тому заключенію, что Павелъ Полуботокъ является типичнѣйшимъ представителемъ интересовъ малорусской старшины, т. е. того класса, который-то собственно и погубилъ народную свободу въ Малороссіи [2]).

„Очерки изъ исторіи малороссійскихъ фамилій" сдѣлались особенно извѣстными въ публикѣ. Нѣкоторые знали и называли А. М. Лазаревскаго не иначе, какъ „историкомъ малорусскихъ дворянскихъ фамилій." А. М. Лазаревскому очерки эти доставляли немало огорченій, создали

[1]) Въ Основѣ 1862 г. № 1. „Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи".

[2]) См. *А. М. Лазаревскій:* Павелъ Полуботокъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1880 г.

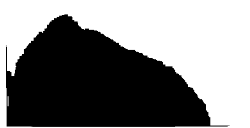
даже враговъ среди потомковъ тѣхъ дворянскихъ фамилій, исторіи которыхъ онъ касался. По поводу ихъ А. М. Лазаревскій получалъ немало писемъ со всевозможными упреками. Письма эти онъ сберегалъ какъ цѣнный, по его мнѣнію, матеріалъ для исторіи общественнаго развитія въ Россіи [1]). Извѣстно, напр., что покойный Г. П. Галаганъ до того обидѣлся на А. М. Лазаревскаго за его статью о родѣ Галагановъ [2]), что почти прекратилъ съ нимъ знакомство, тогда какъ раньше, въ Черниговѣ, А. М. Лазаревскій, живя въ одномъ дворѣ съ Г. П. Галаганомъ, былъ у него чуть ли не домашнимъ человѣкомъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, отношенія между ними снова возстановились, и они оставались въ хорошихъ отношеніяхъ до самой смерти Г. П. Галагана. Въ 1882 году А. М. Лазаревскій жилъ нѣкоторое время въ Сокиринцахъ, имѣніи Галагана, и изучалъ тамъ семейный архивъ Галагановъ. Нужно сказать, что о Г. П. Галаганѣ А. М. Лазаревскій всегда отзывался съ большимъ уваженіемъ.

„Очерки малороссійскихъ фамилій“, или „Люди старой Маллороссіи,“ какъ называлъ эти очерки А. М. Лазаревскій въ „Кіевской Старинѣ“, написаны приблизительно по одной и той же программѣ: сначала сообщается тщательно и кропотливо, по документамъ, составленная родословная таблица, а затѣмъ идутъ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ архивныхъ данныхъ, о дѣятельности того или другого лица изъ рода. Предъ читателемъ, мало по малу, проходитъ цѣлая галлерея лицъ изъ малорусской старшины и постепенно вырисовывается характеръ задачъ и стремленій этой старшины, характеръ въ большинствѣ случаевъ непривлекательный, всецѣло построенный на эгоистическихъ разсчетахъ, жаждѣ наживы. Бакуринскіе, Бобыри, Богуши, Борозды, Борсуки, Бугаевскіе, Бутовичи, Вальквичи, Апостолы, Базилевскіе, Безбородки, Бороховичи, Галаганы, Гамалѣи, Герцики, Гоголи-Яновскіе, Горленки, Грабянки, Дмитрашки-Раичи, Жученки-Жуковскіе, Иваненки, Искры, (Остраницы), Капнисты, Кочубеи, Полуботки, Скоропадскіе, Лизогубы, Милорадовичи, Миклашевскіе, Свѣчки, Забѣлы, Марковичи, Голубы, Крыжановскіе, Тамары, Кулябки, Ломиковскіе, Афендики, Левенцы, Лѣсницкіе, Раковичи, Оболонскіе, Мануйловичи, Жураковскіе, Носенки-Бѣлецкіе, Трощинскіе и т. д.—такова эта галлерея.

---

[1]) Кіев. Ст. 1902 г., т. 76 (мартъ), отд. 2, стр. 158.

[2]) Тамъ-же, только безъ упоминанія имени.



Наряду съ очерками отдѣльныхъ фамилій А. М. Лазаревскій сдѣлалъ попытку охарактеризовать и отдѣльныя общественныя группы. Въ 1871 году въ „Русскомъ Архивѣ" онъ помѣстилъ „Очеркъ изъ быта Малороссіи въ XVIII вѣкѣ", въ которомъ сообщилъ любопытныя данныя о группѣ приходскаго духовенства и монаховъ въ Малороссіи. Такой же характеръ носитъ и его статья о сотникахъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1872 года.

Въ 1880 году А. М. Лазаревскій переселяется въ Кіевъ, а въ 1882 году Ѳ. Г. Лебединцевъ основываетъ журналъ „Кіевскую Старину". Мысль объ основаніи историческаго журнала была давней мечтой какъ у А. М. Лазаревскаго, такъ и у В. Б. Антоновича. Еще до переѣзда А. М. Лазаревскаго въ Кіевъ, весной 1879 года, они увидѣлись въ Кіевѣ, сошлись на этой мысли и тогда же отправились къ протоіерею П. Г. Лебединцеву съ предложеніемъ быть редакторомъ журнала. П. Г. Лебединцевъ отказался, но за то убѣдилъ брата взяться за изданіе „Кіевской Старины." Такъ возникла „Кіевская Старина" [1]). Конечно А. М. Лазаревскій съ перваго же дня основанія журнала примкнулъ къ нему, сдѣлался его постояннымъ сотрудникомъ и до самой смерти оставался вѣрнымъ другомъ „Кіевской Старины". Въ послѣдніе годы своей жизни онъ особенно близко стоялъ къ этому журналу, и одно время, правда, очень не долгое, былъ даже фактическимъ его редакторомъ.

Со времени основанія „Кіевской Старины" начинается третій, самый плодотворный, періодъ научно-литературной дѣятельности А. М. Лазаревскаго. Ставши близко къ журналу, имѣя свой, такъ сказать, литературный органъ, А. М. Лазаревскій постоянно дѣлился съ читателями свѣдѣніями по исторіи Малороссіи, пріобрѣтенными имъ долговременными занятіями въ Черниговскихъ, Полтавскихъ и семейныхъ архивахъ. Рѣдкая книжка „Кіевской Старины", особенно въ 1890-хъ годахъ, не содержала въ себѣ если не статьи, то какой-нибудь замѣтки, рецензіи, написанной А. М. Лазаревскимъ, или документа, имъ сообщеннаго.

Въ срединѣ 1890 годовъ А. М. Лазаревскій сталъ близко и къ Кіевскому Историческому Обществу Нестора-лѣтописца, печаталъ въ его

[1]) См. замѣтку А. М. Лазаревскаго: „Какъ основалась „Кіевская Старина"? въ Кіев. Старинѣ 1897 г., т. 56. Подъ *Кіевляниномъ* въ этой замѣткѣ нужно разумѣть В. Б. Антоновича, подъ *Черниговцемъ*— А. М. Лазаревскаго.

„Чтеніяхъ" свои работы; одно время, правда, черезчуръ короткое, былъ его предсѣдателемъ и умеръ въ званіи товарища предсѣдателя. Съ Обществомъ Нестора лѣтописца А. М. Лазаревскій былъ связанъ собственно давно. Членомъ его онъ былъ избранъ еще въ 1880 году, т. е. въ годъ своего окончательнаго переселенія въ Кіевъ. Въ 1893 году, по случаю исполнившагося сорокалѣтія его научно-литературной дѣятельности, онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Общества. До начала 1890-хъ годовъ А. М. Лазаревскій не только не принималъ активнаго участія въ дѣятельности Общества, но не посѣщалъ даже его засѣданій. О послѣднемъ засѣданіи, на которомъ онъ былъ до этого времени, у него сохранилось воспоминаніе, что предсѣдательствовалъ покойный А. А. Котляревскій, больной, закутанный въ пледъ, а читалъ длинную рѣчь о женахъ вел. князя Владимира теперь также уже покойный И. И. Малышевскій.

Такая отчужденность А. М. Лазаревскаго отъ Общества Нестора-лѣтописца объясняется нѣкоторою замкнутостью его натуры и трудностью, съ которой онъ сближался съ людьми. Самъ А. М. Лазаревскій никогда не искалъ новыхъ знакомствъ. Переселившись въ Кіевъ въ 1880 году, онъ познакомился, правда, съ нѣкоторыми профессорами Университета и Духовной Академіи, членами Общества Нестора-лѣтописца, относился къ научной и общественной дѣятельности нѣкоторыхъ изъ нихъ съ глубокой симпатіей и уваженіемъ, но кругъ лицъ, съ которыми онъ ближе сошелся, съ которыми онъ имѣлъ много общаго, по своимъ общественнымъ воззрѣніямъ, стоялъ сравнительно далеко отъ Университета и мало, почти совсѣмъ не принималъ активнаго участія въ дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца. Съ основаніемъ въ 1882 году „Кіевской Старины", лица эти сгруппировались, преимущественно, возлѣ этого журнала, и А. М. Лазаревскій долгое время помѣщалъ свои работы только въ „Кіевской Старинѣ."

Кандидатура А. М. Лазаревскаго, до тѣхъ поръ не посѣщавшаго засѣданій Общества Нестора-лѣтописца, въ предсѣдатели этого Общества была выдвинута совершенно случайно. Послѣ рѣшительнаго отказа въ сентябрѣ 1895 г. проф. В. С. Иконникова отъ предсѣдательства въ Обществѣ, группа членовъ Общества, располагавшая тогда большинствомъ въ собраніи, намѣтила было въ предсѣдатели проф. И. В. Лучицкаго, В. Б. Антоновича и Ѳ. Я. Фортинскаго; но затѣмъ должна была отказаться отъ этой кандидатуры. Проф. Ѳ. Я. Фортинскій былъ тогда ректоромъ Университета и находилъ неудобнымъ

совмѣстительство въ одномъ лицѣ должности ректора Университета и должности предсѣдателя Общества, состоящаго при томъ же Университетѣ. Тогда остановились на кандидатурѣ А. М. Лазаревскаго. Много пошло усилій склонить его выставить свою кандидатуру въ предсѣдатели Общества. Съ этихъ поръ до самой смерти А. М. Лазаревскій живо интересовался дѣлами Общества, его изданіями; раньше никогда не рѣшавшійся выступать публично, теперь онъ читалъ рефераты въ засѣданіяхъ Общества; печаталъ въ изданіяхъ его свои изслѣдованія, сообщенія и матеріалы. Благодаря своему участію въ Обществѣ, А. М. Лазаревскій сталъ ближе и къ Университету св. Владимира. Результатомъ этого явилось пожертвованіе имъ въ университетскую библіотеку единственнаго въ своемъ родѣ собранія книгъ и рукописей по исторіи Малороссіи, которое онъ составлялъ съ рѣдкой любовью и вниманіемъ въ теченіе почти сорока лѣтъ. Раньше А. М. Лазаревскій предполагалъ передать это собраніе въ Кіевскую публичную библіотеку; въ этомъ смыслѣ написалъ онъ и завѣщаніе; но въ послѣдніе годы своей жизни, ставши ближе къ Обществу Нестора, а чрезъ него и къ Университету, онъ измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе въ пользу послѣдняго. Предсѣдателемъ Общества Нестора-лѣтописца А. М. Лазаревскій состоялъ немногимъ болѣе года, съ 18-го сентября 1895 года по 5-е октября 1896 года, т. е. до истеченія того срока, на который былъ выбранъ В. С. Иконниковъ, отказавшійся отъ предсѣдательства. Дальнѣйшее избраніе А. М. Лазаревскаго въ предсѣдатели не состоялось, потому что въ общемъ собраніи одержала верхъ группа членовъ, которая требовала, чтобы предсѣдателемъ Общества былъ непремѣнно профессоръ Университета, хотя въ уставѣ Общества это и не было обусловлено. А. М. Лазаревскій послѣ этого былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя и несъ эти обязанности, какъ сказано выше, до самой своей смерти.

Въ „Исторической запискѣ“, составленной проф. Н. П. Дашкевичемъ по поводу двадцатипятилѣтія существованія Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, о предсѣдательствѣ А. М. Лазаревскаго сказано слѣдующее: „А. М. Лазаревскій въ непродолжительное время своего предсѣдательствованія значительно умножилъ книжныя и матеріальныя средства Общества (между прочимъ, благодаря принесенію въ даръ значительнаго количества книгъ изъ своей библіотеки и пожертвованію чрезъ него 1000 руб. лицомъ, пожелавшимъ остаться въ неизвѣстности) и

впервые озаботился примѣненіемъ къ дѣлу параграфа новаго устава, которымъ разрѣшается Обществу устройство публичныхъ чтеній" [1]). Теперь уже извѣстно, что лицомъ, давшимъ 1000 рублей на устройство лекцій, былъ Н. А. Терещенко [2]).

Цѣлью публичныхъ чтеній, по мысли А. М. Лазаревскаго, должна была быть исторія Кіева въ различныя эпохи его историческаго существованія въ связи съ исторіей края. Лекціи должны были читаться за небольшую плату. Пожертвованная тысяча рублей была первоначальнымъ фондомъ для вознагражденія лекторовъ за чтеніе и для изданія прочитанныхъ лекцій. Первоначальный фондъ, предполагалось, будетъ постоянно пополняться входной платой за лекціи и выручкой отъ продажи изданныхъ лекцій.

Въ годъ предсѣдательства въ Обществѣ А. М. Лазаревскаго въ мартѣ 1896 года были прочитаны въ актовой залѣ Университета лекціи по геологіи и исторіи Кіева профессорами П. Я. Армашевскимъ и В. Б. Антоновичемъ и затѣмъ изданы отдѣльною книгою [3]). Лекціи имѣютъ между собою прямую внутреннюю связь и въ настоящее время являются прекраснымъ руководствомъ для всякаго, кто бы захотѣлъ познакомиться съ результатами научнаго изученія первоначальной исторіи города Кіева. Къ сожалѣнію, В. Б. Антоновичъ довелъ свои лекціи только до удѣльновѣчеваго періода и продолжать ихъ дальше наотрѣзъ отказался. Отказъ этотъ сильно огорчилъ А. М. Лазаревскаго и въ значительной степени нарушилъ его первоначальные планы. Онъ хорошо сознавалъ, что нѣтъ лучшаго знатока исторіи Кіева въ связи съ исторіей края, какъ В. Б. Антоновичъ, нѣтъ другаго такого человѣка, который могъ бы глубже, талантливѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ доступнѣе В. Б. Антоновича изложить ее въ рядѣ популярныхъ чтеній. А. М. Лазаревскій надѣялся, что В. Б. Антоновичъ продолжитъ свои лекціи, по крайней мѣрѣ, до XVIII вѣка и

---

[1]) 25-ти лѣтіе историческаго Общества Нестора-лѣтописца. Кіевъ 1899 г., стр. 7.

[2]) Кіев. Ст. 1902 г., май: Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій (некрологъ), стр. XVII.

[3]) „Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя профессорами П. Я. Армашевскимъ и В. Б. Антоновичемъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца въ мартѣ 1896 г. Съ двумя рисунками. Кіевъ, 1897, стр. 87.

что ему въ этомъ помогутъ профессора Н. П. Дашкевичъ, С. Т. Голубевъ, Н. И. Петровъ и др. Планы эти не могли осуществиться уже потому, что послѣ выборовъ 1896 года А. М. Лазаревскій лишился активной роли предсѣдателя. Лекціямъ послѣ этого былъ приданъ иной, болѣе широкій характеръ. Во главѣ коммиссіи, взявшей на себя ихъ организацію, сталъ проф. И. В. Лучицкій. Лекціи получили характеръ систематическихъ чтеній въ области не одной только южно-русской исторіи, а историко-филологическихъ предметовъ вообще. Стали поговаривать о возобновленіи высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ, для которыхъ публичныя чтенія, устраивавшіяся Обществомъ Нестора-лѣтописца, должны были служить подготовительной стадіей. Въ Кіевскомъ обществѣ наступило замѣтное оживленіе. Не долго оно только продолжалось. Вскорѣ выяснилось, что мысль о возобновленіи высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ встрѣтила сильную оппозицію у попечителя Кіевскаго учебнаго округа, а потому надежды на ея осуществленіе нѣтъ. Энергія къ лекціямъ стала ослабѣвать. Вскорѣ онѣ и совсѣмъ прекратились.

Въ органѣ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца—„Чтеніяхъ" А. М. Лазаревскій помѣстилъ „Акты по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи 1630—1690 г." и „Акты по исторіи монастырскаго землевладѣнія," чрезвычайно важные какъ для выясненія юридической природы малорусскаго землевладѣнія, такъ и его бытовой стороны. Изъ другихъ матеріаловъ, помѣщенныхъ здѣсь же, отмѣтимъ переписныя книги 1666 года; цеховые акты Лѣвобережной Малороссіи и др. Въ „Чтеніяхъ" же помѣщенъ и обширный трудъ А. М. Лазаревскаго, „Очерки Полтавской Лубенщины".

Мы не будемъ останавливаться на статьяхъ А. М. Лазаревскаго, помѣщенныхъ въ „Кіевской Старинѣ." Статей этихъ и замѣтокъ очень много и они настолько цѣнны и содержатъ въ себѣ такъ много новаго матеріала, что обзоръ ихъ, въ значительной степени, расширилъ бы рамки нашей статьи. Скажемъ только, что въ статьяхъ своихъ и замѣткахъ А. М. Лазаревскій касался самыхъ разнообразныхъ вопросовъ: и администраціи, и суда, и колонизаціи края, и бытовой стороны жизни края; касался онъ и древностей Малороссіи, и литературы ея, и вопроса объ изученіи Малороссіи и т. д. При „Кіевской Старинѣ" имъ издано много документовъ и другого матеріала для изученія края. Важнѣйшими изъ этихъ изданій были дневники Ханенка и Марковича. Кромѣ „Кіевской Старины" мате-

ріалы для исторіи Малороссіи А. М. Лазаревскій печаталъ въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ," а также и отдѣльно. Въ „Черниговскихъ Губ. Вѣд.", имъ были напечатаны „Списки Черниговскихъ дворянъ 1783 г." „Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка," „Опись Конотопской сотни" и др. Подъ редакціей А. М. Лазаревскаго вышли „Сулимовскій" и „Мотыжинскій" архивы, а также 1-й томъ „Любецкаго архива" графа Г. А. Милорадовича. „Любецкой архивъ" печатался предварительно, какъ приложеніе къ „Кіевской Старинѣ."

Подъ конецъ своей жизни А. М. Лазаревскій предпринялъ громадный трудъ „Описаніе Старой Малороссіи." Названіе Малороссіи *Старой* придумано А. М. Лазаревскимъ и, кажется, начинаетъ входить теперь во всеобщее употребленіе. Подъ именемъ *Старой* А. М. Лазаревскій разумѣлъ Малороссію до конца XVIII ст., т. е., до введенія въ ней общерусскихъ порядковъ. Съ этого времени, по его мнѣнію, начинается *Новая* Малороссія, создаются новыя условія жизни, а вмѣстѣ съ ними и новыя культурныя задачи, новыя національныя стремленія.

Въ этомъ своемъ послѣднемъ трудѣ А. М. Лазаревскій имѣлъ въ виду объединить въ извѣстной системѣ собранные имъ въ разное время матеріалы по исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Для этого онъ выбралъ форму „Описанія," расположивъ его по десяти полкамъ, какъ самымъ крупнымъ административнымъ единицамъ въ Малороссіи [1]). Но онъ успѣлъ выпустить въ свѣтъ описаніе только трехъ полковъ: Стародубскаго, Нѣжинскаго и Прилуцкаго. Смерть застала его надъ работой по описанію Полтавскаго полка. По обыкновенію, А. М. Лазаревскій былъ очень увлеченъ этой работой. Для Полтавскаго полка у него было собрано чрезвычайно много матеріаловъ въ бытность его еще въ Полтавѣ, причемъ многіе изъ этихъ матеріаловъ въ настоящее время въ подлинникѣ погибли безвозвратно, какъ напр. Румянцевская опись, относящаяся къ территоріи Полтавскаго полка, и другіе документы, хранившіеся въ Полтавской казенной палатѣ и сгорѣвшіе тамъ въ началѣ 1880 годовъ.

Всѣ томы „Описанія Старой Малороссіи" составлены по одному и тому же плану: географическій очеркъ, біографіи старшины, сначала полковой, затѣмъ сотенной; потомъ слѣдуетъ описаніе селъ, при чемъ о каждомъ селѣ сообщаются свѣдѣнія или соображенія о времени его возникновенія,

1) См. предисловіе къ 1-му тому „Описанія".

а также и другія данныя, относящіяся къ исторіи села. Матеріалъ, конечно, неравномѣренъ, и количество его зависѣло отъ того, на сколько располагалъ имъ А. М. Лазаревскій относительно того или другого села.

Первый томъ „Описанія", обнимающій собою Стародубскій полкъ, въ свое время подвергся рѣзкой критикѣ со стороны проф. И. В. Лучицкаго, указавшаго въ трудѣ А. М. Лазаревскаго рядъ существенныхъ промаховъ [1]). Замѣчанія рецензента А. М. Лазаревскій принялъ во вниманіе при изданіи слѣдующихъ томовъ и въ значительной степени исправилъ тѣ недочеты, которые были неизбѣжны на первыхъ порахъ въ такомъ громадномъ трудѣ, какой предпринялъ покойный, особенно при сортировкѣ, оцѣнкѣ и пользованіи матеріаломъ, который отрывисто, безъ опредѣленной цѣли, собирался десятки лѣтъ.

Недостатки громаднаго труда, предпринятаго А. М. Лазаревскимъ, блѣднѣютъ предъ его крупными достоинствами. По порученію Академіи наукъ, первый томъ труда подвергся всесторонней оцѣнкѣ, съ научной точки зрѣнія, со стороны проф. Д. И. Багалѣя, а второй, обнимающій собою описаніе Нѣжинскаго полка,—со стороны В. А. Мякотина, Оба рецензента приходятъ къ одному и тому же выводу, что трудъ А. М. Лазаревскаго является чрезвычайно крупнымъ вкладомъ въ историческую литературу. „Книга А. М. Лазаревскаго, говоритъ проф. Д. И. Багалѣй, отличается чрезвычайнымъ богатствомъ содержанія. Сообщаемыя имъ данныя разъясняютъ намъ многіе важные вопросы внутренней жизни Лѣвобережной Малороссіи XVII и XVIII вѣковъ, и главная заслуга А. М. Лазаревскаго заключается въ подборѣ рукописныхъ, а не печатныхъ матеріаловъ.... Массу весьма цѣнныхъ архивныхъ источниковъ привлекъ къ своей работѣ А. М. Лазаревскій. Онъ самъ разыскалъ этотъ матеріалъ, спасъ его отъ гибели, изучилъ и систематизировалъ." Указывая на рядъ пробѣловъ въ книгѣ А. М. Лазаревскаго, проф. Д. И. Багалѣй объясняетъ это тѣмъ, что „тема сочиненія на столько широка, что не могла во всей ея полнотѣ быть исчерпана авторомъ" [2]).

Рѣзче подчеркиваетъ крупныя достоинства труда А. М. Лазаревскаго рецензентъ второго тома „Описанія Старой Малороссіи" В. А. Мякотинъ.

---

[1]) Кіев. Унив. Извѣстія 1889 г., кн. 12.

[2]) *Проф. Д. И. Багалѣй*: Новый историкъ Малороссіи (Отчетъ о 32 присужденіи наградъ графа Уварова), стр. 124.

„Работа г. Лазаревскаго, какъ систематическій подборъ матеріала по основнымъ вопросамъ исторіи гетманской Малороссіи, говоритъ онъ, должна имѣть большое значеніе уже въ виду состоянія литературы и положенія источниковъ этой исторіи. Задумана и поставлена авторомъ работа очень широко. Цѣлый рядъ разнообразныхъ и весьма важныхъ темъ введенъ авторомъ въ его описаніе, и онъ собралъ для нихъ громадный и свѣжій матеріалъ, въ весьма значительной мѣрѣ имъ же самимъ и обработанный. По нѣкоторымъ крупнымъ вопросамъ Малорусской исторіи въ книгѣ г. Лазаревскаго даны широкія и прочно обставленныя обобщенія, по многимъ другимъ—въ ней заключается большое количество въ высшей степени мѣткихъ и цѣнныхъ спеціальныхъ указаній. Недостатки книги блѣднѣютъ предъ ея крупными достоинствами, дѣлающими ее необходимымъ настольнымъ пособіемъ для всякаго, занимающагося изученіемъ малорусской исторіи XVII—XVIII вѣка“ [1]).

Еще большимъ богатствомъ и разнообразіемъ матеріала отличается третій томъ „Описанія Старой Малороссіи“, посвященный Прилуцкому полку, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остающійся безъ надлежащей научной оцѣнки въ исторической литературѣ. Прилуцкій полкъ—мѣсто родины А. М. Лазаревскаго; поэтому то и матеріалъ здѣсь собранъ наиболѣе полно.

Работая въ послѣдніе годы своей жизни надъ описаніемъ Прилуцкаго, а затѣмъ Полтавскаго полка, А. М. Лазаревскій сталъ обращать особое вниманіе на вопросъ о колонизаціи малорусской территоріи, въ особенности же Полтавской губерніи. Въ этомъ отношеніи его труды даютъ чрезвычайно много матеріала и соображеній для историка. Примыкая вполнѣ ко взгляду, высказанному впервые М. А. Максимовичемъ, а затѣмъ наиболѣе полно развитому и обоснованному В. Б. Антоновичемъ, о томъ, что послѣ татарскаго нашествія территорія Малороссіи вовсе не обезлюдѣла, что населеніе здѣсь сохранилось, хотя, быть можетъ, и порѣдѣло сравнительно съ предыдущимъ временемъ (особенно замѣчается это порѣдѣніе въ южной части Полтавской губерніи), и А. М. Лазаревскій стремился, главнымъ образомъ, выяснить вопросъ о томъ, когда же стала вновь колонизоваться южная часть Малороссіи, откуда шли колонисты и кому принадлежала въ исторіи этой колонизаціи активная, движущая роль?

---

[1]) *В. А. Мякотинъ.* Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе Старой Малороссіи т. II. Полкъ Нѣжинскій, стр. 112—113.

Главное свое вниманіе А. М. Лазаревскій сосредоточивалъ на бассейнѣ нижняго теченія Сулы, гдѣ уже въ началѣ XVI вѣка были значительныя земельныя владѣнія Пустынно-Никольскаго монастыря, на которыхъ возникъ и монастырь Пивскій. Съ 1590 года Посулье было отдано Вишневецкому, который, мало-по-малу завладѣлъ чуть не всей Полтавщиной. Вопросамъ о колонизаціи этой части малорусской территоріи посвящены статьи А. М. Лазаревскаго „Лубенщина и князья Вишневецкіе" въ „Кіевской Старинѣ" и затѣмъ „Очерки Полтавской Лубенщины" въ „Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца." Общій выводъ, къ которому пришелъ А. М. Лазаревскій, былъ тотъ, что Вишневецкіе получили Посулье почти пустыней и въ теченіе полутора столѣтій колонизовали его. Насельники на Посулье не могли идти съ сѣвера. „Вѣроятнѣе всего, что колонизація степной Малороссіи, „полей", производилась населеніемъ, жившимъ въ однохарактерныхъ мѣстахъ. Двигалось населеніе на лѣвый берегъ Днѣпра, повидимому, изъ Подоліи, причемъ гнали его отсюда почти постоянныя татарскія нападенія и слѣдовавшія за ними разоренія."

Мы въ самыхъ только общихъ чертахъ охарактеризовали главнѣйшіе моменты научной дѣятельности А. М. Лазаревскаго въ области разработки малорусской исторіи. Списокъ его трудовъ, составленный С. И. Пономаревымъ, обнимаетъ собой 283 названія. Одно ужъ это говоритъ, какая масса вопросовъ рѣшена, разъяснена, затронута или для разрѣшенія ихъ данъ А. М. Лазаревскимъ матеріалъ. Дѣятельность А. М. Лазаревскаго и ея результаты нуждаются въ серьезномъ, научномъ и обстоятельномъ обзорѣ. Только при такомъ условіи вполнѣ выяснится громадное значеніе А. М. Лазаревскаго въ исторіи изученія Малороссіи, выяснятся результаты его многолѣтней работы, выяснится и тотъ путь, которымъ должны идти продолжатели А. М. Лазаревскаго въ дѣлѣ изученія и разработки малорусской исторіи.

Опредѣляя значеніе А. М. Лазаревскаго въ малорусской исторіографіи, не нужно забывать и условій, въ которыхъ находится вообще научная разработка исторіи Лѣвобережной Малороссіи. „Наиболѣе выясненной стороной ея, говоритъ В. А. Мякотинъ, является внѣшняя политическая исторія страны, давшая содержаніе довольно длинному ряду трудовъ, среди которыхъ особенно почетное мѣсто занимаютъ изслѣдованія покойнаго Костомарова. Зато, едва мы обращаемся отъ внѣшней исторіи къ внутренней, едва переходимъ изъ области военныхъ событій и дипломатиче-

скихъ переговоровъ въ болѣе спокойную область мирной народной жизни, какъ попадаемъ въ темный лабиринтъ запутанныхъ вопросовъ, лишь немногія части котораго освѣщены пока свѣтомъ научнаго изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, только незначительная часть относящихся сюда вопросовъ рѣшена въ литературѣ, въ большинствѣ же случаевъ они едва поставлены, а то и едва намѣчены. Даже административное дѣленіе территоріи гетманской Малороссіи извѣстно лишь въ общихъ и не всегда вѣрныхъ чертахъ. Еще менѣе извѣстна исторія заселенія этой территоріи. Формы землевладѣнія, существовавшія въ ней, экономическія условія жизни населенія составляютъ вопросъ, едва затронутый въ литературѣ, равно какъ и исторія государственнаго хозяйства гетманщины. Болѣе вниманія посвящено было исторіи администраціи и развитію сословныхъ группъ среди населенія, но и эти стороны жизни гетманской Малороссіи далеко нельзя еще признать вполнѣ изученными: въ область изслѣдованія введено пока лишь сравнительно небольшое количество относящихся къ нимъ фактовъ и даже извѣстные уже факты не всѣ покрываются сдѣланными до сихъ поръ обобщеніями. Важнѣйшіе процессы внутренней исторіи страны представляются, такимъ образомъ, въ настоящее время мало изученными, рисуются въ неясныхъ и смутныхъ очертаніяхъ.

Самые источники этой исторіи находятся въ состояніи, какъ бы оправдывающемъ собою указанное положеніе литературы. Прежде всего именно тѣ источники, въ которыхъ можно надѣяться почерпнуть наибольшее количество свѣдѣній о внутренней жизни Гетманщины, разбросаны самымъ невѣроятнымъ образомъ. Не только Кіевъ, Черниговъ, Полтава и Екатеринославъ, но и Харьковъ, Москва, Петербургъ явились наслѣдниками архивныхъ богатствъ Старой Малороссіи.

Такая разбросанность и связанная съ ней раздробленность главнѣйшихъ источниковъ неминуемо должна была отозваться и на ходѣ ученой работы надъ ними, крайне затрудняя разработку всякой сколько-нибудь широко поставленной темы и тѣмъ самымъ нерѣдко вынуждая работавшихъ въ этой области историковъ замѣнять изслѣдованіе того или другого явленія описаніемъ отдѣльныхъ фактовъ, къ нему относящихся, безъ установленія прочной связи между ними. Если въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ, посвященной изображенію жизни гетманской Малороссіи, встрѣчается очень мало цѣльныхъ и широкихъ картинъ, если въ этой литературѣ господствуетъ обрисовка отрывочныхъ эпизодовъ, то причину такого ея

характера приходится, кажется, въ значительной мѣрѣ искать въ самыхъ условіяхъ пользованія источниками, ставящихъ подчасъ изслѣдователя въ крайне неудобное положеніе. Быть можетъ, далѣе, именно это состояніе источниковъ является и одною изъ причинъ того факта, что сравнительно небольшое число изслѣдователей посвящаетъ свои труды изученію прошлыхъ судебъ Лѣвобережной Малороссіи во время ея самостоятельнаго существованія.

Въ ряду этихъ изслѣдователей—продолжаетъ В. А. Мякотинъ, А. М. Лазаревскому всегда принадлежало одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Его литературная дѣятельность продолжалась 49 лѣтъ, безъ замѣтныхъ перерывовъ, и носила своеобразный и оригинальный характеръ. Началась она въ 50-хъ годахъ, когда особенно сильно сталъ пробуждаться въ южно-русскомъ обществѣ интересъ къ родной исторіи, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ трудовъ Н. И. Костомарова, и когда, подъ вліяніемъ этихъ же трудовъ, создавалась историческая школа, развивавшая теорію объ исконномъ строго демократическомъ строѣ козацкой Малороссіи, нарушенномъ и извращенномъ лишь позднѣйшими посторонними вліяніями. При этомъ изслѣдовались, по преимуществу, факты внѣшней политической исторіи, отъ которыхъ и дѣлались уже обобщенія на всю исторію народа. А. М. Лазаревскій, выступая на поприще научныхъ занятій, сумѣлъ не только сохранить полную самостоятельность по отношенію къ господствовавшимъ въ литературѣ взглядамъ, но и перенести дѣло изученія историческаго прошлаго Малороссіи на совершенно новую и во многихъ случаяхъ гораздо болѣе плодотворную почву. Громадное знакомство съ историческимъ матеріаломъ дало ему возможность ближе узнать характеръ внутренняго быта Гетманщины и притти къ выводамъ, далеко разошедшимся съ общепринятыми взглядами. За время своихъ изысканій А. М. Лазаревскій открылъ, изучилъ, а частью и издалъ многіе новые источники по исторіи гетманской Малороссіи. Помимо документовъ оффиціальнаго происхожденія имъ было привлечено къ дѣлу изслѣдованія значительное количество семейныхъ архивовъ, по большей части, имъ впервые эксплуатированныхъ; наконецъ, онъ успѣлъ составить себѣ за это время значительное по объему и чрезвычайно цѣнное по содержанію собраніе документовъ, относящихся къ исторіи изучаемой имъ эпохи. Въ работахъ, написанныхъ на основаніи этого матеріала, онъ особенное вниманіе останавливалъ на процессѣ выдѣленія козацкой старшины изъ народной массы,

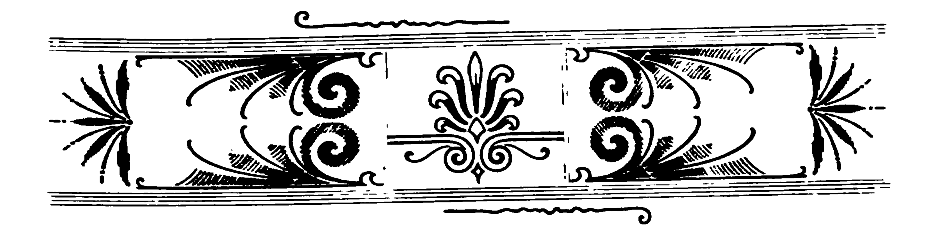
роли ея въ качествѣ администраціи, ростѣ ея землевладѣнія и отношеніяхъ ея къ крестьянамъ, дѣлая порой весьма важные экскурсы въ области управленія и финансовъ Старой Малороссіи. Иногда же такіе экскурсы выливались въ форму самостоятельныхъ очерковъ, охватывающихъ собой ту или иную сторону порядковъ Старой Малороссіи, тотъ или иной особенно важный моментъ ея жизни. Въ цѣломъ въ этихъ трудахъ развертывалась и ставилась рядомъ съ той картинной исторіей XVII—XVIII в., какую давалъ покойный Н. И. Костомаровъ, иная менѣе блестящая, гораздо скорѣе даже мрачная, во многомъ объясняющая и дополняющая первую, во многомъ и прямо противорѣчащая ей. На мѣсто исторіи политики, выдвигалась исторія внутренней жизни народа, и, слѣдя за этой послѣдней, историкъ старался уловить въ ней, главнымъ образомъ, соціальные интересы. А. М. Лазаревскаго можно назвать, по преимуществу, и историкомъ двухъ главнѣйшихъ малорусскихъ сословій, изслѣдователемъ того процесса, въ силу котораго посполитые XVII вѣка обратились въ крѣпостныхъ крестьянъ, а козацкая старшина въ благородное дворянство. Но, изслѣдуя этотъ процессъ въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ жизни и особенно съ развитіемъ административныхъ порядковъ, А. М. Лазаревскій долженъ былъ постоянно касаться и другихъ сторонъ малорусскаго быта, матеріалъ для изученія которыхъ въ изобиліи доставляли ему его источники, и въ результатѣ своей долголѣтней дѣятельности на поприщѣ изученія исторіи гетманской Малороссіи А. М. Лазаревскій вполнѣ справедливо пріобрѣлъ заслуженную репутацію одного изъ лучшихъ знатоковъ исторіи гетманской Малороссіи“ [1]).

Со смертью его въ малорусской исторіографіи образовался пробѣлъ, который, трудно даже представить себѣ, когда будетъ заполненъ....

Ник. Василенко.

---

[1]) В. А. Мякотинъ, Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго: „Описаніе Старой Малороссіи, т. II, Полкъ Нѣжинскій“, стр. 1—5.



Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1901 года по 27 октября 1902 года.

(Составленъ Секретаремъ Общества М. Н. Ясинскимъ).

Мм. Г-ри и Мм. Г-рыни! Предлагаемый нынѣ вашему благосклонному вниманію отчетъ содержитъ въ себѣ краткія свѣдѣнія о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за 30-й годъ его существованія, а именно, съ 27 октября 1901 г. по 27 октября 1902 г.

I. Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества, его совѣта и бюро.

Къ 27-му октября прошлаго 1901 года Историческое Общество Нестора-лѣтописца состояло изъ 145 членовъ: 21 почетныхъ и 124 дѣйствительныхъ.

Въ отчетномъ году произошли нижеслѣдующія перемѣны въ личномъ составѣ Общества:

Общество лишилось своего почетнаго члена и товарища предсѣдателя—Александра Матвѣевича Лазаревскаго и трехъ

дѣйствительныхъ членовъ: Алексѣя Александровича Андріевскаго, Гавріила Александровича Ласкина и Николая Васильевича Шугурова. Означенные почившіе члены Общества были въ свое время, въ ближайшихъ засѣданіяхъ, помянуты добрымъ словомъ. Но это обстоятельство не освобождаетъ насъ отъ нравственной обязанности упомянуть здѣсь, въ настоящемъ отчетѣ, что изъ указанныхъ утратъ, понесенныхъ Обществомъ въ истекшемъ году, наиболѣе тяжелой является, безъ всякаго сомнѣнія, кончина Александра Матвѣевича Лазаревскаго. Мы не будемъ здѣсь касаться его ученыхъ трудовъ, посвященныхъ преимущественно исторіи Лѣвобережной Малороссіи,—мы напомнимъ только, чѣмъ обязано наше Общество покойному Александру Матвѣевичу. Избранный въ 1880 г. въ дѣйствительные, а въ 1893 г. въ почетные члены, Александръ Матвѣевичъ особенное участіе въ трудахъ Общества проявилъ лишь въ послѣдніе 8 лѣтъ, когда онъ послѣдовательно исполнялъ обязанности члена Совѣта (въ 1894 г.), предсѣдателя Общества и товарища предсѣдателя. Кратковременное (годичное) предсѣдательство Александра Матвѣевича ознаменовалось открытіемъ публичныхъ лекцій, положившихъ начало для подобныхъ лекцій въ послѣдующіе годы, значительнымъ приращеніемъ денежныхъ средствъ Общества, а именно, 1000 руб., пожертвованныхъ лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, и, наконецъ, увеличеніемъ библіотеки Общества, благодаря, главнымъ образомъ, личнымъ вкладамъ самого Александра Матвѣевича. Сверхъ всего этого, какъ въ указанное время, такъ и позже, когда онъ занималъ болѣе скромный постъ—товарища предсѣдателя, покойный Александръ Матвѣевичъ являлся однимъ изъ дѣятельныхъ референтовъ въ засѣданіяхъ Общества.

Лишившись въ отчетномъ году четырехъ помянутыхъ членовъ, Общество приняло въ свою среду въ то же время слѣдующихъ новыхъ сотрудниковъ: 1) въ дѣйствительные члены были избраны: академикъ Алексѣй Александровичъ Шахматовъ, профессоръ Софійскаго (въ Болгаріи) университета Иванъ

Дмитріевичъ Шишмановъ, Николай Константиновичъ Бокадоровъ, Михаилъ Николаевичъ Марковскій и Иванъ Матвѣевичъ Стешенко, и 2) въ почетные—Ольга Васильевна Головня, родная сестра великаго русскаго писателя Н. В. Гоголя. Кромѣ того, въ члены-корреспонденты были избраны: С. А. Гатцукъ и сказатель былинъ Иванъ Трофимовичъ Рябининъ.

Такимъ образомъ, за всѣми указанными перемѣнами въ личномъ составѣ, Общество въ настоящее время состоитъ изъ 149 членовъ: 21 почетныхъ, 126 дѣйствительныхъ и 2 членовъ-корреспондентовъ. Изъ этого общаго количества 77 членовъ, а именно: 8 почетныхъ и 69 дѣйствительныхъ, находятся на постоянномъ жительствѣ въ г. Кіевѣ.

Бюро Общества въ теченіе большей части истекшаго отчетнаго года состояло изъ тѣхъ же должностныхъ лицъ, которыя завѣдывали дѣлами Общества и въ предыдущіе два года. За истеченіемъ полномочій членовъ бюро, 13-го октября настоящаго года были произведены въ общемъ собраніи новые выборы, при чемъ поч. чл. Н. П. Дашкевичъ былъ единогласно избранъ предсѣдателемъ Общества на второе трехлѣтіе, д. чл. М. Н. Ясинскій избранъ секретаремъ на третье трехлѣтіе, поч. чл. Ѳ. Я. Фортинскій—казначеемъ на пятое трехлѣтіе и д. чл. И. М. Каманинъ—библіотекаремъ и помощникомъ секретаря тоже на пятое трехлѣтіе. Что касается должности товарища предсѣдателя, остававшейся вакантной со дня смерти А. М. Лазаревскаго, т. е., съ конца марта текущаго года, то на эту должность 13-го октября былъ избранъ д. чл. О. И. Левицкій.

Въ совѣтѣ Общества, которому по уставу принадлежитъ главное руководство дѣятельностью Общества, въ отчетномъ году не произошло никакихъ перемѣнъ, кромѣ уже сейчасъ указанной и связанной со смертью А. М. Лазаревскаго и избраніемъ на его мѣсто О. И. Левицкаго. Совѣтъ Общества состоялъ, какъ и въ предыдущемъ году, изъ 15 лицъ, а именно: изъ 4 упомянутыхъ должностныхъ лицъ Общества, 3-хъ членовъ-учредителей (В. Б. Антоновича, В. С. Иконникова и Н. И. Петрова) и 8 членовъ по избранію

общаго собранія (М. Ф. Владимірскій-Будановъ, В. З. Завитневичъ, Г. Е. Аѳанасьевъ, А. І. Степовичъ, Ю. А. Кулаковскій Т. Д. Флоринскій, И. М. Каманинъ и В. И. Щербина).

Равнымъ образомъ не произошло въ отчетномъ году никакихъ новыхъ перемѣнъ, кромѣ указанной выше, и въ составѣ Редакціоннаго Комитета, который занимается разсмотрѣніемъ научныхъ трудовъ, представленныхъ Обществу для напечатанія, и рѣшеніемъ вопроса о помѣщеніи ихъ въ изданіяхъ Общества. Онъ состоялъ въ истекшемъ году, какъ и раньше, изъ 7-ми лицъ, а именно: 4-хъ членовъ бюро Общества и 3-хъ членовъ, избранныхъ Совѣтомъ (В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова и В. С. Иконникова).

Остается только упомянуть, что въ отчетномъ году Совѣтъ имѣлъ 6, а Редакціонный Комитетъ 2 засѣданія.

II. Свѣдѣнія о состояніи библіотеки и денежныхъ средствъ Общества.

Библіотека и денежныя средства Общества къ концу отчетнаго года находились въ нижеслѣдующемъ состояніи.

Въ библіотекѣ Общества къ 27-му октября 1901 года имѣлось:

А) Въ отдѣлѣ печатныхъ книгъ 2297 названій въ 5174 томахъ и брошюрахъ;

Б) Въ отдѣлѣ рукописей было:

1) древнихъ рукописныхъ книгъ 11,
2) фотографич. снимковъ съ древн. рукописей 2,
3) отдѣльныхъ документовъ 2 связки,
и 4) рукописныхъ сочиненій истекшаго XIX столѣтія въ формѣ книгъ 7.

Въ теченіе отчетнаго года въ библіотеку вновь поступило 123 названія (менѣе прошлогодняго на 15) въ 260 томахъ и брошюрахъ.

Такимъ образомъ, къ настоящему дню библіотека Общества состоитъ: 1) изъ 2420 названій въ 5434 томахъ и брошюрахъ и 2) изъ перечисленныхъ выше предметовъ рукописнаго отдѣла библіотеки.

Музей же Общества, который находится пока въ зачаточномъ положеніи, обогатился слѣдующими новыми пріобрѣтеніями: 1) небольшой связкой документовъ и писемъ изъ фамильнаго архива Гоголей, пожертвованныхъ сестрой поэта О. В. Головней черезъ д. чл. Общества В. А. Чаговца, и 2) тремя портретами Н. В. Гоголя, изъ коихъ два пожертвованы Московскимъ коллекціонеромъ Бахрушинымъ, а одинъ Полтавскимъ фотографомъ г. І. Хмѣлевскимъ.

Что касается денежныхъ средствъ Общества Нестора-лѣтописца, то принадлежащія ему суммы находились въ отчетномъ году въ слѣдующемъ движеніи:

1. Къ 27-му октября прошлаго 1901 г.
въ кассѣ оставалось . . . . 2746 р. 88 к. *)

2. Въ теченіе отчетнаго года поступило
въ приходъ Общества . . . . 1387 р. 27 к.

(болѣе прошлогодняго на 101 р. 77 к.).

и въ томъ числѣ:

а) правительственной субсидіи. . . . 800 р. — „
б) членскихъ взносовъ (отъ 49 членовъ) 245 р. — „
(менѣе прошлогодняго на 47 р. 55 к.,
а позапрошлогодняго—на 315 руб.).

---

*) Кромѣ того, къ означенному времени въ кассѣ Общества оставался отъ ассигнованныхъ Московскимъ Археол. Обществомъ на описаніе древностей Украины тысячи р., остатокъ въ размѣрѣ *146 р. 74 к.* Изъ этого остатка въ теченіе отчетнаго года на указанную цѣль издержано вновь 10 руб., и такимъ образомъ, къ 27-му октября 1902 г. осталось упомянутыхъ денегъ *136 р. 74 коп.* Далѣе, въ показанную цифру наличности кассы Общества къ 27-му октября 1901 г. не входитъ и другая сумма, имѣющая свое спеціальное назначеніе, а именно 100 руб., поступившихъ отъ дѣйств. чл. Общества Ласкина на изданіе его „Словаря древностей Константинополя.“

в) валового дохода съ лекцій о Гоголѣ 188 р. — .

г) дохода съ % бумагъ и % по текущему счету. . . . . 180 р. 27 к.

(болѣе прошлогодняго на 2 р. 82 к.).

д) отъ продажи изданій Общества . . . 24 р. — к.

(менѣе прошлоднято на 41 р. 50 к., а позапрошлогодняго—на 56 р. 81 к.).

Такимъ образомъ, общій итогъ суммъ, коими касса Общества располагала въ отчетномъ году на свои расходы *), составляетъ . 4134 р. 15 к.

(болѣе прошлогодняго на 10 р. 31 к., но менѣе позапрошлогодняго на 541 р. 58 к.).

Изъ этой суммы въ теченіе означеннаго года израсходовано:

1) на изданія Общества:

а) на изданіе 3 и 4 вып. XV кн. 632 р. 53 к.
б) „ „ XVI кн. чтеній . 1147 р. 29 к. } 1779 р. 82 к.

(болѣе прошлогодняго на 559 р. 26 к.).

2) на расходы по публичн. лекціямъ (о Гоголѣ) . . . . 137 р. 52 к.

3) на канцелярскіе и различные мелкіе расходы . . . . 152 р. 64 к.

4) на устройство засѣданій . . . . . . 68 р. 50 к.

5) на прислугу . . . . 40 р. — к.

Всего же израсходовано . . . 2173 р. 48 к.

(болѣе прошлогодняго на 796 р. 52 к., а позапрошлогодняго на 336 р. 9 коп.).

Слѣдовательно, къ настоящему дню (27-го октября 1902 г.) въ кассѣ Общества осталось въ наличности . . . . 1960 р. 67 к.

(т. е. болѣе прошлогодняго на 786 р. 21 к.).

*) См. предыдущее примѣчаніе.

III. Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Обратимся теперь къ краткимъ свѣдѣніямъ о научной дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца. Дѣятельность эта выразилась въ отчетномъ году, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: во 1-хъ, въ устройствѣ частныхъ или очередныхъ засѣданій, въ которыхъ докладывались и обсуждались научныя сообщенія по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества; во 2-хъ, въ печатаніи свѣдѣній о засѣданіяхъ Общества, его научныхъ трудовъ и историческихъ матеріаловъ и, въ 3-хъ, въ участіи нашего Общества въ чествованіи памяти Н. В. Гоголя по случаю 50-ти лѣтія со дня его смерти.

1. Всѣхъ засѣданій Историческаго Общества Нестора-лѣтописца въ отчетномъ году, по настоящій день включительно, было 17; изъ нихъ 12 частныхъ или очередныхъ, въ которыхъ читались и обсуждались рефераты членовъ; одно засѣданіе 12 мая, посвященное исключительно памяти поэта В. А. Жуковскаго по случаю 50-ти лѣтія со времени его смерти (12-го апрѣля 1852 г.); одно засѣданіе (31-го марта) собранное для слушанія сказателя былинъ И. Т. Рябинина; 2—административныхъ для выбора должностныхъ лицъ Общества и, наконецъ, одно (сегодняшнее)—торжественное годичное.

Въ 15-ти изъ упомянутыхъ засѣданій (не считая сегодняшняго и одного административнаго засѣданій) было предложено вниманію присутствовавшихъ 36 рефератовъ и рѣчей. Означенныя научныя сообщенія принадлежали нижеслѣдующимъ 23-мъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членамъ, (при чемъ на долю нѣкоторыхъ изъ нихъ приходилось по 2 и даже по 3 реферата): Н. П. Дашкевичу, А. М. Лободѣ, Н. И. Петрову (по 3 сообщенія); Н. П. Василенку, В. З. Завитневичу, И. М. Каманину, Ю. А. Кулаковскому, О. И. Левицкому, А. І. Степовичу, М. Н. Ясинскому (по 2 сообщенія); Г. В. Александровскому, В. Б. Антоновичу, Н. О. Бѣляшевскому, А. Н. Грену, М. В. Довнару-Запольскому, В. С.

Иконникову, М. П. Истомину, А. М. Лазаревскому, М. Н. Марковскому, Г. Г. Павлуцкому, В. К. Пискорскому, о. Е. О. Сѣцинскому и В. А. Чаговцу (по 1 сообщенію).

Въ виду того, что отчеты о сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ Общества докладахъ печатались своевременно въ мѣстныхъ газетахъ, а болѣе подробно и обстоятельно въ періодическомъ органѣ Общества—его „Чтеніяхъ", считаемъ совершенно излишнимъ утруждать вниманіе присутствующей публики краткимъ перечнемъ содержанія означенныхъ докладовъ и даже классификаціей ихъ по предметамъ, каковыхъ доклады эти касались. Замѣтимъ только, что примѣрно одна половина рефератовъ была посвящена археологіи и различнымъ вопросамъ изъ русской и византійской исторіи и исторіи русской и чешской литературы, а другая была вызвана текущими событіями: 50-тилѣтіемъ со дня смерти Н. В. Гоголя (6 докладовъ) и Жуковскаго (2 доклада), 50-тилѣтіемъ со дня учрежденія Кіевскаго Центральнаго Архива (2 реферата) и XII Археологическимъ Съѣздомъ, имѣвшимъ мѣсто въ Харьковѣ въ августѣ текущаго года (5 сообщеній).

2) Въ отчетномъ году Общество наше продолжало печатать труды своихъ членовъ, а равно и представленные ими историческіе матеріалы, въ издаваемыхъ Обществомъ „Чтеніяхъ". Мало того: эта сторона дѣятельности является въ послѣднее время едва ли не главнымъ предметомъ усиленныхъ заботъ Совѣта Общества и Редакціоннаго Комитета, во главѣ съ нынѣшнимъ предсѣдателемъ Общества. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто одной хотя и объемистой книги, издававшейся въ прежніе годы, „Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца" уже съ 1900 г. стали выходить ежегодно въ видѣ 3-хъ выпусковъ, въ отдѣльности каждый въ 10—12 листовъ, а съ весны слѣдующаго 1901 г., а именно съ XV кн. „Чтеній"—даже въ количествѣ 4-хъ выпусковъ, т. е. въ видѣ историческаго трехмѣсячника. На сколько усилилась издательская дѣятельность нашего Общества, это видно также изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ: въ

1900—1901 г. было истрачено на печатаніе „Чтеній" 1220 р. 56 коп., а въ 1901—1902 г., т. е. въ отчетномъ году, даже 1779 руб. 82 коп.

Издательская дѣятельность Общества въ теченіе истекающаго сегодня отчетнаго года выразилась въ частности въ нижеслѣдующемъ. Въ концѣ 1901 г. и въ апрѣлѣ 1902 г. были выпущены въ свѣтъ 3-й и 4-й выпуски XV книги, въ іюнѣ текущаго года вышелъ 4-й выпускъ XVI кн., а три первые выпуска этой же книги, посвященные памяти Гоголя и представляющіе собою „Гоголевскій сборникъ", уже заканчиваются печатаніемъ и будутъ выпущены въ самомъ непродолжительномъ времени. Сверхъ того, начатъ печатаніемъ 1-й вып. XVII книги.

3. Мы упомянули выше, что дѣятельность нашего Общества выразилась также въ чествованіи памяти великаго писателя Н. В. Гоголя по случаю 50-тилѣтія со дня его смерти, послѣдовавшей 21 февраля 1852 г.

Чтобы надлежащимъ образомъ почтить память названнаго писателя, Общество Нестора-лѣтописца, по инціативѣ своего предсѣдателя Н. П. Дашкевича, рѣшило: 1) издать сборникъ статей, посвященныхъ Н. В. Гоголю; 2) открыть въ зданіи Университета выставку предметовъ, такъ или иначе связанныхъ съ памятью о Гоголѣ; 3) устроить 21-го февраля въ актовомъ залѣ Университета торжественное публичное засѣданіе Общества, въ которомъ предполагалось произнести соотвѣтственныя рѣчи, и 4) объявить рядъ публичныхъ лекцій, посвященныхъ Гоголю и его произведеніямъ.

Къ сожалѣнію, эта программа по совершенно независящимъ отъ Общества причинамъ не могла быть осуществлена полностью и въ такой мѣрѣ и при такой обстановкѣ, какъ это предполагалось. Правда, „Гоголевскій сборникъ" уже почти оконченъ печатаніемъ и вскорѣ, какъ было упомянуто выше, выйдетъ въ свѣтъ. Правда, и Гоголевская выставка и публичныя лекціи, посвященныя Гоголю, своевременно осуществились, но первая изъ нихъ должна была

скромно пріютиться въ зданіи Кіевскаго Музея, а вторыя (т. е. лекціи) въ такомъ обширномъ и богатомъ различными общественными зданіями городѣ, какъ Кіевъ, едва нашли себѣ подходящее мѣсто, и то—благодаря любезности предсѣдателя биржевого комитета, предоставившаго для Гоголевскихъ лекцій биржевой залъ. Но зато отъ устройства торжественнаго публичнаго въ честь Гоголя засѣданія, предполагавшагося въ зданіи Университета, пришлось по тѣмъ же не зависящимъ отъ Общества Нестора-лѣтописца обстоятельствамъ и вовсе отказаться. Впрочемъ, предназначенныя къ произнесенію въ несостоявшемся торжественномъ засѣданіи рѣчи вошли въ составъ Гоголевскаго сборника. Туда же вошло и описаніе Гоголевской выставки (точнѣе, перечень предметовъ этой выставки). Что же касается упомянутыхъ публичныхъ платныхъ лекцій, посвященныхъ характеристикѣ Гоголя и его произведеній и имѣвшихъ мѣсто въ январѣ и февралѣ текущаго года въ биржевомъ залѣ, то онѣ были прочтены слѣдующими лицами и на нижеслѣдующія темы: 1) В. А. Чаговцомъ: „Семейная хроника Гоголей“, 2) И. В. Шаровольскимъ: „Первые литературные дебюты Гоголя“, 3) Н. К. Бокадоровымъ: „Комедіи Гоголя“, 4) И. М. Каманинымъ: „Научныя и литературныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи“, 5) Г. В. Александровскимъ: „Гоголь и Бѣлинскій“ и 6) В. З. Завитневичемъ: „Религіозно-нравственное состояніе Гоголя въ послѣдніе годы его жизни“.

Заканчиваемъ нашъ краткій очеркъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца сообщеніемъ, что оно рѣшило возобновить публичныя платныя лекціи, имѣвшія большой успѣхъ въ недавно истекшіе годы, въ особенности же въ 1898—99 гг.

Остается только пожелать, чтобы вниманіе и сочувствіе мѣстной интеллигентной публики не дало заглохнуть дѣлу публичныхъ лекцій, а напротивъ содѣйствовало болѣе прочной и широкой ихъ постановкѣ въ ближайшемъ будущемъ.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1901 г. по 27-е октября 1902 г.

I.—Въ засѣданіи Совѣта 1-го ноября 1901 г. было, между прочимъ, заслушано увѣдомленіе Императорской Археологической Коммиссіи, отъ 24-го октября 1901 г. за № 1761, въ которомъ эта Коммиссія, въ виду частыхъ находокъ въ Кіевѣ, при всякаго рода земляныхъ работахъ, цѣнныхъ предметовъ очень глубокой старины, уполномочиваетъ Общество Нестора-лѣтописца имѣть вообще надзоръ за памятниками старины въ Кіевѣ.

Вслѣдствіе этого, постановлено просить гг. членовъ *В. Б. Антоновича*, *Ю. А. Кулаковскаго*, *В. З. Завитневича и В. И. Щербину* быть представителями Общества въ дѣлѣ надзора за памятниками старины въ Кіевѣ.

II.—Въ засѣданіи Совѣта 29-го ноября 1901 г., между прочимъ, было постановлено по предложенію г. Предсѣдателя:

1) Приступить къ составленію запаснаго неприкосновеннаго капитала въ 15000 руб., который служилъ-бы основнымъ фондомъ для издательской дѣятельности Общества.

2) Для того ежегодно отчислять въ этотъ капиталъ по 10% изъ всѣхъ валовыхъ доходовъ Общества.

3) Проценты съ неприкосновеннаго капитала обязательно причислять къ нему.

4) Зачислить въ неприкосновенный капиталъ 1000 руб., полученныхъ отъ публичныхъ лекцій.

Въ этомъ же засѣданіи постановлено: выдавать авторамъ статей, помѣщаемыхъ въ „Чтеніяхъ" Общества, отдѣльные оттиски этихъ статей въ количествѣ лишь 25-ти экземпляровъ тогда только, если статья заключаетъ въ себѣ болѣе 2-хъ печатныхъ листовъ, но выдавать безъ заглавнаго листа и цвѣтной обложки; если же статья заключаетъ въ себѣ болѣе 5 печатныхъ листовъ, то заглавный листъ и цвѣтная обложка принимаются на счетъ Общества.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за ноябрь и декабрь 1902 г.

I. Засѣданіе 10-го ноября.

Д. чл. **А. А. Дмитріевскій** изложилъ содержаніе своего изслѣдованія: *„Предполагаемые и дѣйствительные вновь открытые комментаріи къ „Обряднику" Константина Порфирогенета („De cerimoniis aulae Byzantinae")*.

Г. Дмитріевскій въ своемъ рефератѣ предпослалъ краткій историческій очеркъ открытія Обрядника Императора Константина VII, его комментированія и изданія въ свѣтъ на Западѣ учеными Альбертомъ Фабриціемъ, Маіемъ, Лейхомъ, Яковомъ Рейске (1716—1774) и историкомъ Нибуромъ, коснулся діаметрально противоположныхъ взглядовъ на его содержаніе и научное значеніе первыхъ издателей и историка Нибура, а затѣмъ, указавъ весьма важное значеніе этого памятника для русской исторіи, сдѣлалъ обозрѣніе ученыхъ трудовъ у насъ въ Россіи, предпринятыхъ Марковичемъ, Каневскимъ, княземъ Оболенскимъ, профессорами Васильевскимъ, Кондаковымъ, Бѣляевымъ, Мансветовымъ, Красносельцевымъ, о. Іоанномъ и др. съ цѣлью ознакомить русскихъ читателей съ этимъ драгоцѣннымъ памятникомъ и его значеніемъ для русской исторической науки. Съ особенною подробностію референтъ остановился на капи-

тальномъ по изученію Обрядника трудѣ покойнаго профессора Д. Ѳ. Бѣляева: „Byzantina“ и, отмѣтивъ его выдающіяся научныя достоинства и высказавъ сожалѣніе о преждевременной кончинѣ этого замѣчательнаго византолога, отъ котораго наука могла ожидать многаго, вообще, и по вопросамъ, относящимся къ комментированію Обрядника, въ частности, подвергъ разсмотрѣнію попытки этого ученаго отыскать новыя данныя, которыя помогли бы правильному пониманію труднаго текста Обрядника, особенно въ области литургической. По словамъ докладчика, Д. Ѳ. Бѣляевъ, въ виду отсутствія солидныхъ трудовъ по изученію Византійскаго богослужебнаго ритуала, съ восторгомъ привѣтствовалъ трудъ покойнаго проф. Н. Ѳ. Красносельцева подъ заглавіемъ: „Типикъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ“ (Одес. 1892 г.), и на страницахъ Журнала Мин. Нар. Просв. (1892 г. № 10) помѣстилъ весьма сочувственную рецензію, указавъ на то, что въ ту пору только что открытый Патмосскій списокъ Типикона Великой Константинопольской церкви можетъ имѣть не маловажное значеніе въ дѣлѣ интерпретаціи Византійскаго богослуженія, описываемаго Обрядникомъ импер. Константина. Когда же стало извѣстно, по слухамъ, объ открытіи новаго списка Типикона Великой церкви въ Іерусалимской патріаршей библіотекѣ приватъ-доцентомъ Петерб. университета А. Пападопуло-Керамевсомъ, то въ 1894 году лѣтомъ, вмѣстѣ съ проф. Н. Ѳ. Красносельцевымъ, онъ предпринялъ путешествіе въ Іерусалимъ съ цѣлью на мѣстѣ изучить этотъ новый списокъ Типикона. Плодомъ этого путешествія явились двѣ статьи: въ „Визант. Времен.“ 1896 г., № 3—4“ написана была статья проф. Бѣляевымъ, а въ Лѣтописи Историко-филол. общ. при Новороссійскомъ унив. (т. VI) проф. Н. Ѳ. Красносельцевымъ. Обѣ онѣ имѣли въ виду ознакомленіе съ рукописью Іерусалимской библіотеки. Названные профессора и г. А. Пападопуло-Керамевсъ единогласно утверждаютъ, что рукопись написана не только во время имп. Константина VII († 959), но и по его порученію, а поэтому, въ виду связи ея съ Обрядникомъ и происхожде-

нія изъ однихъ рукъ, она еще болѣе заслуживаетъ вниманія. Проф. Бѣляевъ старался исчерпать въ своей статьѣ содержащійся въ ней матеріалъ археологическій, а проф. Красносельцевъ силился доказать важное значеніе ея, какъ надежнаго пособія, при истолкованіи религіозныхъ церемоній Обрядника. По мнѣнію референта, излишнее увлеченіе этою рукописью—напрасно, такъ какъ она не оправдываетъ возлагаемыхъ на нее названными учеными надеждъ. Объ императорскихъ выходахъ эта рукопись упоминаетъ всего на всего три раза (въ службѣ Великой Субботы, въ службѣ 21 Мая и 20 Іюля), и однажды въ службѣ кануна праздника Богоявленія говорится о хожденіи патріарха во дворецъ для совершенія освященія воды (послѣдній фактъ даже обойденъ молчаніемъ названными учеными). Г. Дмитріевскій указываетъ поэтому на рукопись Дрезденской королевской библіотеки X—XI в., № 104, которая можетъ, по его мнѣнію, быть вполнѣ надежнымъ комментаріемъ Обрядника имп. Константина и удовлетворяетъ тѣмъ запросамъ, которые предъявляются къ этого рода памятникамъ и византологами-археологами и литургистами. Докладчикъ познакомилъ слушателей обстоятельно съ исторіею находки Дрезденской рукописи. Нѣкогда она составляла принадлежность Аѳонской Ставроникитской библіотеки, откуда Арсеніемъ Сухановымъ была принесена въ 1656 году въ Москву. Здѣсь она находилась нѣкоторое время въ библіотекѣ Московской Синодальной типографіи, гдѣ въ 1701 году видѣлъ ее извѣстный архимандритъ Хрисанѳъ, впослѣдствіи патріархъ Іерусалимскій, сдѣлавшій изъ нея извлеченіе въ свои черновыя тетради (Χρυσάνθου σύμμικτα), которыя нынѣ хранятся въ библіотекѣ Святогробскаго подворья въ Константинополѣ подъ № 441 (23). Въ 1782 году извѣстный Московскій проф. Маттеи пользовался этою рукописью, при изданіи въ свѣтъ въ Ригѣ посланія апостола Павла къ Римлянамъ, а въ 1787 году продалъ эту рукопись, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, въ Дрезденскую королевскую библіотеку, гдѣ она находится и въ настоящее время.

Указавъ содержаніе этой рукописи и допущенныя неточности въ ея описаніи Шнорромъ фонъ-Карольсфельдомъ, г. Дмитріевскій остановилъ свое вниманіе на значеніи ея, какъ комментарія къ Обряднику имп. Константина Порфирогенета. Въ рукописи, по словамъ докладчика, весьма подробно описаны выходы царя на праздникъ Рождества Богородицы, въ день Благовѣщенія, въ праздники Преображенія и Успенія, въ понедѣльникъ первой недѣли поста, въ недѣлю православія, въ недѣлю ваій, въ Великую Субботу, на первый день Пасхи, въ понедѣльникъ пасхальной недѣли, обрядъ христосованія и торжественнаго обѣда царя съ патріархомъ и высшими клириками въ четвергъ на пасху, въ субботу пасхальную, въ праздники Вознесенія и Пятидесятницы и въ недѣлю всѣхъ святыхъ. Должны были бы находиться въ рукописи описанія выходовъ императора въ Рождество Христово и въ Богоявленіе, о чемъ неоднократко говорится въ ней, но на самомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ. Для знакомства съ содержаніемъ любопытной рукописи докладчикъ прочелъ въ переводѣ изложеніе обряда христосованія въ секретѣ въ первый день Пасхи патріарха съ духовными сановниками, выхода царя и патріарха въ храмъ апостоловъ въ понедѣльникъ, обряда христосованія императора съ духовенствомъ въ четвергъ на Пасху и выхода въ недѣлю ваій.

Въ заключеніе докладчикъ остановился на вопросѣ объ источникахъ для обоихъ памятниковъ. По его мнѣнію, были одни и тѣже источники у составителя Обрядника и у писца Дрезденской рукописи, что доказывается порядкомъ описанія церемоній и выходовъ, ихъ текстуальными подробностями, воспроизведеніемъ въ цѣльномъ видѣ порядковъ и обычаевъ, вышедшихъ уже изъ употребленія, ссылками на выходы въ праздникъ Рождества Христова и Рождества Богородицы, какъ самые подробные по описанію, упоминаніе въ обрядахъ то объ одномъ царѣ, то о царяхъ и деспотахъ и т. д. Сожалѣніемъ о томъ, что эта весьма цѣнная въ научномъ отношеніи рукопись ушла изъ предѣловъ нашего отечества, докладъ закончился.

Настоящій докладъ вызвалъ собесѣдованіе между референтомъ и членами: Ѳ. Я. Фортинскимъ, В. Н. Малининымъ и В. З. Завитневичемъ.

б) Д. чл. И. М. Каманинъ, за отсутствіемъ д. ч. **Е. И. Де-Витте**, прочелъ ея сообщеніе *„О древнихъ помянникахъ Кіево-Печерской лавры и Михайловскаго Златоверхаго монастыря“* (будетъ напечатано въ 3-мъ выпускѣ настоящей книги).

Слушали: Извѣщеніе Императорскаго Юрьевскаго (Дерптскаго) университета о праздновании имъ 12 декабря 1902 г. столѣтняго юбилея своего существованія.

Опредѣлили: Послать означенному университету привѣтственный по этому поводу адресъ и просить д. чл. А. Н. Ясинскаго быть на праздновании депутатомъ отъ Общества Нестора-лѣтописца.

Заслушано по этому же поводу предложеніе д. чл. М. Н. Ясинскаго объ избраніи ректора Юрьевскаго университета А. Н. Филиппова, извѣстнаго трудами своими по русской исторіи и по исторіи русскаго права, въ почетные члены.

Опредѣлили: передать настоящее предложеніе на разсмотрѣніе Совѣта Общества.

II. Засѣданіе 24-го ноября.

а) Д. чл. **И. А. Сикорскій** подвергъ разсмотрѣнію *„Изображеніе душевно-больныхъ въ творчествѣ Гоголя“* (напечатано въ 1—3 вып. XVI кн. „Чтеній“).

Въ обсужденіи этого доклада принимали участіе члены: Н. П. Дашкевичъ, В. Н. Малининъ, В. З. Завитневичъ и В. А. Чаговецъ.

Въ настоящемъ засѣданіи г. Предсѣдатель сообщилъ проектъ привѣтственнаго адреса Юрьевскому (Дерптскому) университету по случаю столѣтія его существованія.

Опредѣлили: одобрить адресъ и, по напечатаніи, отправить по назначенію.

Въ этомъ же засѣданіи избранъ въ почетные члены Общества *Александръ Никитичъ Филипповъ* и въ дѣйствительные *Осипъ Александровичъ Бродовичъ*.

III. Засѣданіе 8-го декабря.

а) Д. чл. О. И. Левицкій, за отсутствіемъ д. чл. **О. А. Фотинскаго**, прочелъ его докладъ: *„Волынскій религіозный вольнодумецъ XVII в."* (будетъ напечатанъ въ 3-мъ выпускѣ настоящей книги).

Замѣчанія по поводу этого доклада были сдѣланы А. І. Степовичемъ и Н. П. Дашкевичемъ.

б) Затѣмъ, д. чл. **О. И. Левицкій** сообщилъ *„Исторію одного древняго Волынскаго храма (св. Іоанна Богослова въ городѣ Луцкѣ)"* *).

Луцкій замокъ, построенный княземъ Любартомъ въ XIV вѣкѣ (до Любарта на мѣстѣ замка были земляныя укрѣпленія), хорошо сохранился до настоящаго времени. Внутри замка находится небольшая площадь, на которой прежде возвышался каѳедральный храмъ во имя Іоанна Богослова. При храмѣ нѣкогда находился епископскій домъ. Теперь отъ этого храма, просуществовавшаго до начала XIX вѣка, и слѣда не осталось. Первое упоминаніе о каѳедральномъ храмѣ въ Луцкѣ восходитъ къ XIII вѣку. Но можно думать, что возникновеніе его относится къ болѣе древнему времени. Затѣмъ свѣдѣнія о храмѣ прерываются почти до начала XVI вѣка, когда въ одномъ изъ документовъ говорится, что Луцкій каменный каѳедральрый храмъ служилъ усыпальницей древнихъ Луцкихъ русскихъ князей. Это даетъ основаніе предполагать, что тогда же, т. е. во времена древнихъ Луцкихъ русскихъ князей, былъ построенъ этотъ храмъ. Но въ другомъ мѣстѣ говорится, что церковь эту „фундовалъ" князь Любартъ. Впрочемъ, это выраженіе можно понимать и въ томъ слыслѣ, что Любартъ только матеріально обезпечилъ церковь, существо-

*) См. „Кіев. Стар." 1903 г. № 1.

вавшую раньше (а можетъ быть, онъ, вмѣсто деревянной церкви, построилъ каменную, въ которой былъ и похороненъ). Въ общемъ, вопросъ о томъ, когда и кѣмъ была построена въ Луцкѣ церковь Іоанна Богослова, остается открытымъ. Въ XVI вѣкѣ соборъ былъ уже очень богатъ: ему принадлежало 4 мѣстечка и 34 села. Изъ описаній того времени видно, что храмъ былъ небольшой, однокупольный. Къ тому времени онъ имѣлъ значеніе краевой святыни. Въ XVI же вѣкѣ храму пришлось перенесть большія бѣдствія на почвѣ польско-русской и уніатско-православной распри, и епископъ Кириллъ Терлецкій нашелъ свою каѳедру опустошенной. Затѣмъ церковь перешла къ уніатамъ и оставалась въ ихъ рукахъ около 40 лѣтъ. Въ 1637 году она вновь возвращена православнымъ. Вскорѣ настала эпоха Хмельницкаго. Луцкъ былъ взятъ козаками, которые собора не тронули; однако онъ продолжалъ стоять въ полуразрушенномъ видѣ. Епископъ Гедеонъ князь Четвертинскій намѣревался реставрировать его, но, не успѣвъ этого сдѣлать, покинулъ Луцкъ и отправился въ Батуринъ къ гетману Самойловичу, при содѣйствіи котораго вскорѣ получилъ каѳедру Кіевскаго митрополита. Затѣмъ соборъ опять перешелъ къ уніатамъ, которые въ 1776 году до основанія сломали его и на его мѣстѣ заложили новый храмъ. Но послѣдній не былъ достроенъ. Въ 1794 году Луцкъ былъ присоединенъ къ Россіи, уніатская епархія была уничтожена, села церковныя были отобраны въ казну и потомъ пожалованы Екатериной II одному изъ генераловъ. А соборъ такъ и остался неоконченнымъ. Въ 1840 году остатки храма были проданы и сломаны на кирпичъ. Та же участь постигла и другіе древніе Луцкіе храмы. Древній братскій Воздвиженскій храмъ былъ проданъ на сломъ въ 1860 году несмотря на то, что былъ почти цѣлъ. Подрядчикъ сталъ ломать храмъ, но случайно проѣзжавшій генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, прекратилъ этотъ вандализмъ, и, благодаря этому, отъ Воздвиженскаго храма сохранилась алтарная часть. Хотя начатый постройкой въ

1776 году храмъ Іоанна Богослова и былъ разобранъ въ 1840 году на кирпичъ, но древнія подземелья его сохранились. Въ 1856 году проф. Иванишевъ предпринялъ на средства Кіевской археографической коммиссіи изслѣдованіе этого подземелья. Употребивъ на раскопки 16 дней, онъ нашелъ каменный склепъ съ нишами для гробницъ. Но въ виду поздняго осенняго времени дальнѣйшія изслѣдованія были отложены до слѣдующаго года. Надо замѣтить, что нѣсколькими годами раньше, въ 1852 году, на мѣстѣ древняго храма дѣлали раскопки какіе-то любители старины. По словамъ одной польской газеты, они нашли гробницу епископа Кирилла Терлецкаго. Въ 1856 году изслѣдованія продолжалъ завѣдывавшій музеемъ изящныхъ искусствъ и древностей университета св. Владиміра Волошинскій. Но свои раскопки онъ велъ такъ же ненаучно, какъ и проф. Иванишевъ. Онъ искалъ гробницъ. Древнихъ погребеній русскихъ князей онъ не нашелъ, но въ средней части храма имъ была найдена кирпичная гробница „чистой отдѣлки." Въ гробницѣ оказался скелетъ, но при немъ не найдено никакихъ предметовъ. Кромѣ гробницы, Волошинскій нашелъ 30 разныхъ монетъ, не древнѣе XVI вѣка, и металлическую дощечку съ надписью о закладкѣ храма въ 1776 году. Дальнѣйшія раскопки не производились по недостатку средствъ. Докладчикъ замѣтилъ, что погребеній древнихъ князей нужно было искать въ западной части храма, которая осталась не изслѣдованной ни Иванишевымъ, ни Волошинскимъ. Вообще эти изслѣдователи вели свои раскопки столь ненаучно, что даже не обратили никакого вниманія на кирпичъ фундамента, способъ его кладки и проч. Между тѣмъ, это дало бы намъ возможность судить о времени возникновенія древняго храма. Нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣ такихъ изслѣдованій на мѣстѣ древняго храма попадались случайныя находки. Въ 1859 году солдаты копали въ замкѣ яму. Мѣсто, гдѣ они копали, прилегало къ восточной сторонѣ древняго храма, къ фундаменту его алтаря. Случайно солдаты нашли епископскую гробницу

и въ ней—золотыя вещи вѣсомъ въ 20 лотовъ. Вещи эти были отобраны у солдатъ и представлены по начальству. Генералъ-губернаторъ, кн. Васильчиковъ, препроводилъ ихъ въ университетъ съ предложеніемъ пріобрѣсть ихъ для университетскаго музея. Завѣдывавшій музеемъ Волошинскій далъ о нихъ неблагопріятный отзывъ, и университетъ отказался отъ пріобрѣтенія вещей. Тогда князь Васильчиковъ отправилъ вещи въ Императорскую археологическую коммиссію. Въ послѣдней вещи были признаны предметами Византійской работы XII или XI вѣка, но для пріобрѣтенія Императорскимъ Эрмитажемъ непригодными. Злополучныя золотыя вещи были возвращены въ Кіевъ. На этотъ разъ князь Васильчиковъ передалъ вещи Волынскому губернатору, съ тѣмъ чтобы послѣдній поручилъ судебнымъ учрежденіямъ рѣшить вопросъ, кому отдать драгоцѣнности—духовному вѣдомству или военному. Что сталось съ этими вещами, куда онѣ попали и гдѣ теперь находятся, неизвѣстно.

Слушали: Отношеніе Общества естествоиспытателей при Новороссійскомъ университетѣ, отъ 24-го мая сего года за № 655, съ приглашеніемъ членовъ Общества Нестора-лѣтописца къ подпискѣ для составленія капитала имени акад. и проф. А. О. Ковалевскаго съ цѣлью выдачи стипендіи студенту математическаго факультета этого университета.

Опредѣлили: разослать членамъ Общества подписной листъ.

Слушали: Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, отъ 12 сентября с. г. за № 1796, съ просьбой подготовить указанія и программу изслѣдованія края въ археологическомъ отношеніи для представителей г. Екатеринослава къ предстоящему тамъ XIII Археологическому съѣзду.

Опредѣлили просить гг. членовъ Общества приготовить требуемыя указанія и программы къ 28 декабря, когда по этому поводу состоится засѣданіе Общества Нестора-лѣтописца.

IV. Засѣданіе 28-го декабря.

По открытіи засѣданія, г. Предсѣдатель, сообщивъ о смерти поч. чл. Общества *Ѳ. Я. Фортинскаго*, предложилъ почтить, по обычаю, его память, что и было исполнено присутствующими.

Слушали: Отношенія Московскаго Археологическаго Общества: 1, изложенное выше въ протоколѣ предшествовавшаго засѣданія 8-го декабря и 2, отъ 15-го декабря с. г. за № 1938, съ просьбой назначить депутатовъ отъ Общества Нестора-лѣтописца въ г. Москву для участія въ засѣданіяхъ Предварительнаго Комитета по устройству XIII-го Археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ, имѣющихъ быть 4, 5 и 6-го января 1903 г.

Опредѣлили: просить быть депутатами Общества членовъ *А. И. Соболевскаго*, *М. Н. Ясинскаго*, *Г. Г. Павлуцкаго* и *В. Г. Ляскоронскаго*, о чемъ и сообщить Московскому Обществу.

Затѣмъ, д. чл. В. З. Завитневичъ предложилъ выработанную имъ программу подготовительныхъ къ съѣзду работъ: 1, по устройству археологической выставки; 2, по составленію ея каталога; 3, по изготовленію археологической карты Екатеринославской губерніи; 4, по организаціи археологическихъ экскурсій и 5, по производству раскопокъ во время съѣзда.

Наконецъ члены В. З. Завитневичъ и И. М. Каманинъ представили свои научные запросы по археологіи и исторіи Южнаго Поднѣпровья для разработки ихъ на предстоящемъ XIII Археологическомъ съѣздѣ.

Опредѣлили: вышеуказанные запросы и программу передать М. Н. Ясинскому для представленія ихъ Предварительному Комитету по устройству XIII-го Археологическаго съѣзда.

Слушали: письмо проф. А. Н. Филиппова, съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ почетные члены

Общества Нестора-лѣтописца, а также извѣщеніе д. чл. А. Н. Ясинскаго объ исполненіи имъ депутатскихъ полномочій на юбилеѣ Юрьевскаго университета 12 сего декабря.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

Слушали: предложеніе г. Предсѣдателя объ устройствѣ засѣданія, спеціально посвященнаго памяти Ѳ. Я. Фортинскаго.

Опредѣлили: назначить означенное засѣданіе на 19-е января 1903 г., въ канунъ 40-го дня со времени кончины Ѳ. Я. Фортинскаго.

св. Акакія въ Гептаскалѣ (Морд., стр. 57 и 59; Конд., стр. 35). Св. Митрофанъ—1-й епископъ императорскаго К—ля († 325).

Модій. 45, 65, 66. Орологій (солнечные часы) на Амастрійскомъ форумѣ.

Мокій св. церковь и цистерна. 61, 72, 99. Константинъ Великій построилъ огромную базилику въ честь св. мученика Мокія, память котораго празднуется въ этотъ день. Она находилась тогда внѣ стѣнъ (К—на).

Цистерна св. Мокія до сихъ поръ сохранилась на Ксиролофѣ (ср. Θеоф., стр. 24 и 25 Боора; Геор. Ам., стр. 517); нынѣ ее зовутъ: „Чюкюръ-бостанъ". Цистерна построена, по свидѣтельству Зонары (кн. XIV), Анастасіемъ Дикоромъ (Саввантовъ, прим. 155).

Мраморныя ворота. Другое названіе воротъ Евгенія (Морд., стр. 42). Возможно, что къ нимъ и ихъ окрестностямъ относится названія: Pulchra и Геллъ (Конд., стр. 79; ср. Герцбергъ, стр. 14, планъ); послѣднее могло происходить отъ Галлы Плакидіи, которой дворецъ былъ, какъ извѣстно, въ этомъ мѣстѣ. Иногда цари, возвращаясь изъ похода, въѣзжали въ большой дворецъ черезъ эти ворота и Стремитій (Церем., стр. 497; ср. Конд., стр. 150).

- –

Н.

Нарзъ. 104. Кварталъ, въ которомъ находился храмъ св. Пантелеймона, мон. „Кахаровъ" [illegible] и странно[illegible]ница. Находился гдѣ-то къ сѣверу отъ [illegible] Гелхага [illegible] стр. 58.

Неолій. 59. Вѣроятно другое названіе Неорія. (см. ниже).

Неорій гавань. 52, 59. Одна изъ двухъ древнѣйшихъ гаваней К—ля, близъ нын. Балыкъ-базара (Конд. стр. 107; ср. Древняя гавань).

Нерукотворный Образъ. На русскомъ языкѣ объ этой великой святынѣ есть только двѣ брошюры: А. Славина: Историческое повѣствованіе о Нерукотворномъ Образѣ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, именуемомъ „Святый Убрусъ". Спб. 1864 г., и анонимная: Подробное сказаніе о Нерукотворномъ Образѣ. Москва. 1885 г. Въ новѣйшее время за этотъ вопросъ взялся-было первоклассный ученый и спеціалистъ Я. И. Смирновъ. Но, къ сожалѣнію, онъ только издалъ „Слово X вѣка о томъ, какъ чтился образъ Спаса на Убрусѣ въ Эдессѣ" (Commentationes Philologicae. Сборникъ статей учениковъ и слушателей проф. И. В. Помяловскаго. Спб. 1897 г. стр. 214—219; ср. Виз. Врем., т. V, стр. 358 и 359), отказавшись даже сдѣлать къ нему необходимый историко-археологическій комментарій. Затѣмъ онъ любезно предоставилъ въ мое распоряженіе всѣ свои замѣтки по этому вопросу...

По условію мирнаго договора, заключеннаго въ 944 г. императорами Романомъ I Лакапиномъ и Константиномъ VII Багрянороднымъ съ эміромъ Эдессы, Грекамъ должны были выдать одну изъ величайшихъ святынь христіанства—Нерукотворный Образъ Спасителя. О происхожденіи этого образа преданіе гласитъ слѣдующее.

Авгарь, царь Эдессы, будучи сильно боленъ и слыша про чудеса Спасителя, прислалъ пословъ съ письмомъ, въ которомъ просилъ исцѣленія и предлагалъ убѣжище въ случаѣ необходимости. Послы эти— преданіе отождествляетъ ихъ съ Греками, упоминаемыми въ евангеліи отъ Іоанна (XII, 20 и слѣд.) вернулись съ письмомъ Спасителя, въ которомъ обѣщано было въ будущемъ пришествіе одного изъ

учениковъ. Авгарь выздоровѣлъ, и впослѣдствіи св. ап. Ѳаддей крестилъ его. Такъ излагаетъ дѣло современникъ Константина Великаго Евсевій Кесарійскій, во время котораго (почитавшаяся подлинной) переписка Спасителя съ Авгаремъ была предметомъ общеизвѣстнымъ (Церковная Исторія, кн. I, гл. 13). Весьма возможно, что Евсевій заимствовалъ свой разсказъ у писателя III вѣка Юлія Африкана, сохранившійся (въ хроникѣ Георгія Синкела) отрывокъ котораго упоминаетъ о благочестивомъ мужѣ Авгарѣ Эдесскомъ. Но такъ какъ этотъ отрывокъ ничего не даетъ, то свидѣтельство Евсевія является *древнѣйшимъ*. Историкъ VI вѣка Евагрій (кн. IV, гл. 27) сообщаетъ еще, что послы Авгаря должны были срисовать образъ Христа и принести таковой своему государю. Это оказалось невозможнымъ, такъ какъ лицо Богочеловѣка чудесно мѣнялось; но Спаситель, желая сдѣлать пріятное Авгарю, умылся и вытерся сложеннымъ вчетверо полотенцемъ *(убрусомъ)*, и на этомъ полотенцѣ чудесно отпечатлѣлся Его ликъ. Этотъ Убрусъ и былъ посланъ Авгарю вмѣстѣ съ письмомъ. Послѣднія подробности даютъ уже не Евагрій, а Моисей Хоренскій (кн. II, гл. 32) и Константинъ Багрян. въ „Сказаніи о Нерукотворномъ Образѣ". Но есть *болѣе древнія* свидѣтельства. Армянскій историкъ Моисей Хоренскій зналъ, что „Ананъ, гонецъ Авгаря, принесъ ему письмо (Спасителя) *вмѣстѣ съ изображеніемъ лица Спасителя*, существующимъ до сего времени въ городѣ Эдессѣ" (Исторія Арменіи. Перев. Эмина. стр. [illegible]). По свидѣтельству [illegible] св. Рипсиміи, приписываемаго тому же Моисею Хоренскому, св. [illegible] Рипсимія [illegible] путешествовала [illegible] въ Эдессу для поклоненія Нерукотворному Образу [illegible] стр. 294). [illegible] иконѣ [illegible] въ Сирійскомъ „Ученіи Аддая" [illegible] къ концу IV и началу V вѣка [illegible] *древнѣйшимъ* [illegible] VI вѣка [illegible] что и у Моисея Хоренскаго [illegible]

[illegible] писки [illegible] Сборникъ [illegible]

Въ настоящее время не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что переписка эта *апокрифическая*. Но у Евсевія ничего не сказано о нерукотворномъ Образѣ; не упоминаетъ про эту святыню и благочестивая паломница конца IV вѣка (Сальвія? Палест. Сборн., вып. XX, стр. 29; ср. 235).

Итакъ, *сколько до сихъ поръ извѣстно*, изъ Византійцевъ про Нерукотворный Образъ упоминается впервые у Евагрія (кн. IV, гл. 27; ср. прологъ 16-го августа). О судьбѣ св. Убруса Евагрій сообщаетъ только то, что было въ VI вѣкѣ. „Сказаніе" же, приписываемое Конст. Багр., повѣствуетъ, это преемникъ Авгаря не походилъ на отца (что подтверждаетъ и Моисей Хоренскій; кн. II, гл. 34). Указанная причина заставила епископа города Эдессы (Аддея) въ одну ночь отправиться къ *тѣмъ воротамъ, надъ которыми былъ поставленъ Нерукотворный Образъ Авгаремъ, и задѣлать его тамъ*, предварительно поставивъ лампаду. Когда Персы въ 539 году осадили Эдессу и насыпали валъ противъ нея, епископъ Евлалій во снѣ получилъ отъ Святой Дѣвы приказаніе пойти къ воротамъ, открыть спрятанную тамъ икону и „обрѣсти себѣ и городу спасеніе". Икону обрѣли въ цѣлости, и даже лампада не погасла; а на камнѣ, которымъ было заложено отверстіе, отпечатлѣлся *списокъ иконы*. Евагрій не говоритъ объ этомъ, но разсказываетъ просто, что икону *вынесли* къ тому мѣсту, гдѣ начинался подкопъ подъ валъ Персовъ. „Посланіе трехъ патріарховъ" дополняетъ, что это было послѣ крестнаго хода по стѣнамъ. Чудесная сила „Нерукотворнаго Образа" явила себя: поджогъ деревянныхъ частей вала былъ столь удаченъ, что всѣ усилія Персовъ потушить пожаръ оказались тщетными. Въ этомъ сходятся всѣ показанія. Разногласіе только въ слѣдующемъ. По Евагрію, пожару способствовало то, что подкопъ (и, вѣроятно, и подкапывавшіеся) были окроплены *св. водой* отъ образа: это усилило огонь. Сказаніе же, приписываемое Конст. Багр., повѣтствуетъ, что пожаръ очень усилился тогда, когда подкопы окропили *масломъ отъ лампады*, горѣвшей передъ „Нерукотворнымъ Образомъ". То обстоятельства, что Персы не могли потушить *водой* поджога дере-

вянныхъ частей вала (разъ этотъ поджогъ былъ сдѣланъ удачно) вполнѣ естественно: подкопъ и дѣлался для того, чтобы облить *жирными* веществами деревянныя части насыпи, и, разъ разгорѣлось хорошо, можно было развѣ только засыпать.

Можетъ возбудить сомнѣніе то обстоятельство, что, по „сказанію,“ икона *открыта* въ VI вѣкѣ (и до тѣхъ поръ будто-бы о ней не знали), а съ другой стороны, если можно и не вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ (Житіе св. Рипсиміи и Исторія Моисея Херенскаго неизвѣстно точно, когда писаны), то все-таки нельзя заподозрить „ученія „Аддая“ и не признать, что *до VI вѣка совершалось паломничество въ Эдессу*. Но, строго говоря, и въ такомъ случаѣ противорѣчія въ извѣстіяхъ *для православнаго нѣтъ*, и вотъ почему. У насъ, на Руси, въ Шлиссельбургѣ, икона *Казанской* Б. М. была заложена въ стѣну въ 1611 году и открыта (чудесно) въ 1702 г.; а почиталась за это время. На Востокѣ и теперь есть монастырь (если не ошибаюсь, Сейданскій, близъ Дамаска), гдѣ повторяется то же. Въ этотъ монастырь сходится масса паломниковъ *поклоняться* чудотворной иконѣ Божьей Матери; но они *не видятъ* этой иконы, потому что она *задѣлана въ стѣнѣ*. Поклоняются только *мѣсту* (такъ сказать *стѣнѣ*). То же—если мы *повѣримъ* возбуждающему сомнѣніе свидѣтельству Евагрія—могло быть и въ Эдессѣ: *могли поклоняться мѣсту, гдѣ задѣлана св. икона*. Тогда понятно, что и ходили поклоняться и не видѣли. (И теперь не рѣшаются открыть заложенную икону Богородицы, полагая, что еще *не время* ей явиться). Конечно, *время сокрытія*—вопросъ открытый. И такъ, сказаніе Евагрія *о заключеніи образа въ стѣнѣ* болѣе вѣроятно, чѣмъ кажется съ перваго раза. Косвеннымъ подтвержденіемъ его я готовъ даже считать то обстоятельство, что вскорѣ послѣ этого въ Эдессѣ была построена „новая церковь“, очевидно бо́льшая древней, весьма недавно передъ тѣмъ реставрированной Юстиніаномъ Вел. (Прокопій, Постройки, II, 7; ср. Смирнова, стр. 215, прим. 7).

Прослѣдимъ теперь, гдѣ образъ Эдесскій упоминается послѣ Евагрія.

Въ царствованіе Маврикія (именно, въ 586 г. по Муральту, стр. 245), передъ битвой около Дары „φιλιππικός το θεανδρικόν ἐπεφέρετο εἴκασμα. λόγος ἔκαθεν καὶ εις τὰ νῦν διηγεῖ θείαν ἐπιστήμην μορφῶσαι. οὐχ ὑφάντου χεῖρας τεκτήνασθαι ἤ ζωγράφου ηλιάδα ποικῖλαι. Διὰ το τοῦτο καὶ 'αχειροποίητος παρὰ Ρωμαίοις καθ' υμνεῖται καὶ τῶν ἰσοθείον θρησκεύουσι Ρωμαῖοί τι ἄρρητον. Ταύτην ὁ στρατηγὸς τῶν σερασμίων περιπέπλων γυμνώσας τὰς τάξεις ὑπέτρεχεν, κρείττονος καὶ ἀνανταγωνίστου θράσους ἐντεῦθεν μεταδιδοὺς τῷ στρατεύματι“ (Θеофилактъ Симоката, II, 3, 4—6 изд. Боора). Когда войско пошло въ бой, „ὁ δὲ στρατηγὸς τὸ κυριακὸν ἐκεῖνο επὶ τὸ Μάρδης μετεπέμψατο ἴνδαλψα Συμεώνη, τῷ τὸν ἱερατικὸν 'Αμιδῆς θρόνον ἐπέχοντι (II, 3, 8). Θеофанъ (ап. 6078) тоже приписываетъ побѣду этому образу. Въ 587 году тотъ же образъ упоминается въ разсказѣ того же Θеофилакта Симокаты о бунтѣ солдатъ въ Монокартѣ. Прискъ прибылъ туда черезъ Антіохію и Эдессу, откуда взялъ епископа, но не образъ, который находился, очевидно, при войскѣ. Когда солдаты взбунтовались, Прискъ „τῷ μὲν μὲν οὖν 'Ιλιφρέδα τὸ θεανδρικὸν ἴνδαλμα παραγυμνώσας ἐδίδου ('αχειροποίητον δέ τοῦτο 'Ρωμαῖοι κατονομά ζουσιν'. περινοστεῖν προστάξας τὸ στράτευμα, ὅπως αἰδοῖ τοῦ σεβάσματος ταπεινωθείη μὲν ὁ θύμος, τὰ δε τῆς 'ακοσμίας πρὸς τὸ σῶφρον τὴν μεταβολὴν 'απενέγκοιτο. τοῦ δὲ πλήθους μηδὲν ἐντεῦθεν σωφρονιζομένου, 'αλλὰ καὶ βάλλοντος ἀπόρρητον λίθοις....“ Военачальникъ бѣжалъ (Θеоф. Сим., III, 1, 11).

Нѣтъ сомнѣнія, что обѣ цитаты говорятъ объ одной и той же иконѣ. Но *подлинной*-ли Эдесской? На это отвѣчаетъ выраженіе „*чтятъ оригиналъ*“ (σέβονται ἀρχέτυπον). Какой „оригиналъ“: Самаго Христа или подлинный Эдесскій образъ (коего это лишь копія)? Вѣрнѣе второе, т. е. подлинный „убрусъ“, коего здѣсь лишь копія (о Христѣ такъ христіанинъ-историкъ врядъ-ли бы выразился); но это все-таки одна изъ наиболѣе почитаемыхъ, чудотворныхъ, копій, и безусловно *изъ Эдессы*. О томъ, чтобы этотъ образъ (копія) могъ быть

принесенъ изъ К—ля, и рѣчи быть не можетъ. Во-первыхъ, до Ираклія въ К—лѣ не было особо чтимой иконы-копіи Нерукотворнаго Образа (копія изъ Митилены была мало извѣстна); во-вторыхъ, и послѣ Ираклія эта копія могла появиться въ войскѣ *только вмѣстѣ съ императоромъ.* Эти два положенія уже доказаны мною въ другомъ мѣстѣ (см. Христа, Изображенія, Нерукотворный Образъ, Копіи). Напротивъ, появленіе при войскѣ подлинника или копіи *ближайшей святыни*—весьма обыкновенная вещь (икона „Нерукотворнаго Образа *на черепицѣ*" у Іоанна Цимисхія, икона Смоленской Б. М. въ арміи Кутузова, икона Каплуновской Б. М. подъ Полтавой и т. п.).

Послѣ царствованія Маврикія Эдесскій Нерукотворный Образъ упоминается еще:

1. Въ „Армянской Географіи VII вѣка", изд. Патканова Спб. 1877 г., стр. 55:.... „въ Урхѣ находится Нерукотворный Образъ Спасителя"....

2. Въ 83 правилѣ VI Вселенскаго Собора въ К—лѣ (680 г.): „Спаситель оставилъ намъ по Себѣ святой образъ Свой, чтобы мы, взирая на него, безпрестанно вспоминали о Его воплощеніи".....

3. Въ 5-мъ засѣданіи VII Вселенскаго Собора о немъ говоритъ *очевидецъ* Левъ, чтецъ Великой Церкви (Labbe, VII, p. 378).

4. У св. Андрея Критскаго (Boissanade, Anecdota, Parisi, IV, p. 471).

5. Въ посланіи трехъ патріарховъ 836 года (о немъ см. Визант. Врем., т. IV, стр. 2), по изданію Сакелліона, стр. 26 (вкратцѣ; нѣтъ про сокрытіе въ стѣнѣ и про чудо съ водой, но говорится о ходѣ по стѣнамъ).

6. Въ житіи св. Стефана Новаго (808 г.; въ диспутѣ).

7. Въ житіи св. Павла Латрскаго (+956 г.; пам. 15-го дек.); см. Ж. М. Н. Пр. CCXII, отд. 2, 1880 г., стр. 429.

8. Въ житіи свв. Гурія, Самона и Авивы, сочиненія Симеона Метафраста (пам. свв. 15-го ноября).

9. Въ *позднѣйшемъ* житіи св. Алексѣя, человѣка Божія (+411 г.; пам. 17-го марта); а въ древнѣйшемъ Сирійскомъ (V—VI в.?)—*нѣтъ*. Епископъ Авраамъ Самосатскій, состоявшій въ 944 году посредникомъ по дѣлу выдачи Нерукотворнаго Образа, взялъ, во избѣжаніе обмана, не только самый „Убрусъ", но и всѣ его списки (потомъ ихъ вернули). 15-го августа 944 года образъ былъ внесенъ въ предѣлы столицы и поставленъ во Влахернскомъ храмѣ (гдѣ праздновалось Успеніе Божьей Матери) *на горнемъ мѣстѣ*, на тронѣ, какъ это дѣлалось и въ Эдессѣ (Смирновъ, тамъ-же, стр. 216; у насъ сходно дѣлаютъ съ мощами св. Макарія въ Кіевѣ и т. п.). На слѣдующій день (16-го августа) Нерукотворный Образъ понесли обычнымъ тріумфальнымъ путемъ Македонской эпохи: изъ Влахернъ вдоль городскихъ стѣнъ (внѣ) къ Золотымъ Воротамъ, а затѣмъ Средней—Тріумфальной—улицей въ храмъ св. Софіи (гдѣ тоже было служеніе). Оттуда, черезъ Августеонъ, внесли его въ Большой дворецъ, гдѣ тоже было служеніе (въ Хризотриклинѣ). Образъ былъ навсегда поставленъ въ дворцовой церкви Богородицы „Фара" (Маяка). Подробности этого перенесенія изложены въ „Повѣствованіи о Нерукотворномъ Образѣ", которое приписываютъ (кажется, неправильно) Константину Багрянородному (хотя оно ему *современно*), и отрывки изъ котораго на русскомъ языкѣ есть въ упомянутой въ началѣ анонимной брошюрѣ; изъ историковъ же подробнѣе другихъ говоритъ объ этомъ Кедринъ (т. II, стр. 313—315).

Въ церкви Богородицы „Фара" видѣлъ Нерукотворный Образъ, наканунѣ разгрома Царь-града Крестоносцами, нашъ паломникъ Антоній: „Убрусъ, на немже образъ Христовъ" (изд. Савв., стр. 89). Въ 1203 году святыня пропала—это фактъ внѣ сомнѣнія. Куда она дѣвалась, объ этомъ говорятъ различно; но вѣрнѣе всего преданіе, что она погибла въ волнахъ Мраморнаго моря, близъ о. Мармары.

Что же касается „Убруса", что въ Генуѣ, то коммиссія, посланная въ 1810 году Наполеономъ I, какъ извѣстно, признала, что и рѣчи быть не можетъ о его подлинности.

Вопросъ о копіяхъ, какія встрѣчаются у насъ на Руси, я оставляю въ сторонѣ (см. анонимную брошюру), но считаю долгомъ напомнить о томъ „Нерукотворномъ Образѣ“, которымъ Ярославъ Мудрый благословилъ свою дочь, что была за французскимъ королемъ (этотъ образъ гдѣ-то сохраняется во Франціи; про него недавно писали), а также и о томъ образѣ „Святого Спаса“, находившемся (по преданію, еще со времени Владиміра св.) въ церкви около Холма и пропавшемъ во время нашествія Татаръ.

Про Нерукотворный Образъ на черепицѣ см. „Христа изображенія“.

„Письма“ были перенесены въ К—ль лишь въ 1031 г., а не одновременно съ „Убрусомъ“ (Смирновъ, стр. 211).

„Неусыпающихъ“ мон. Община этихъ монаховъ находилась по близости мон. св. Мины, въ церкви котораго и совершалась ихъ служба (здѣсь надо разумѣть ц. св. Мины отличную отъ двухъ извѣстныхъ); по смерти своего основателя игумена Александра (430 г.) она переселилась въ Виѳанію, „къ самому устью Понта“ (гдѣ нын. Чубукли) и вернулась обратно при Геннадіи (458—471 г.). По свидѣтельству нашего Антонія, она жила въ его время гдѣ-то близъ Ипподрома и ц. св. Евфиміи при ц. св. „Юліаніи“ (Конд., стр. 37 и 38; іером. Іоаннъ, стр. 125 и 126). Но такъ какъ церковь св. Юліаніи была вовсе не тамъ (см. св. Юліанія), то, думаю, надо читать здѣсь: св. Юліана „въ Пердиксѣ“.

Николай Чуд. св. въ кв. Варвары. Стоялъ на берегу Мраморнаго моря близъ ц. св. Варвары и былъ приписанъ сначала къ св. Варварѣ, а потомъ (послѣ ея уступки латинянамъ)—къ мон. Оксійскому (Пахим., стр. 248 рус. перев.; ср. Конд., стр. 102 и Морд., стр. 50). Построена Василіемъ Макед. (Дюк. IV, 130). Замѣчательно, что въ Варшавѣ, на нын. Варецкой площади, въ древности стояла церковь св. Николая *„въ Варкѣ“* (Лотоцкаго, Опис. Варш. епархіи, стр. 48), а въ посадѣ Варкѣ (Варш. губ.) старый костелъ посвященъ св. Николаю.

Николай Чуд. св. въ кв. Василида, ц. Паспати (стр. 35) полагаетъ мѣсто этого храма близъ Влахернской башни, гдѣ есть агіазма и надпись съ именемъ Святителя. Кондаковъ сомнѣвается (Конд., стр. 206 и 207). Вѣроятно, эту ц. св. Николая (планъ „Силлогоса" № 162)—она и послѣ постройки стѣны Ираклія была внѣ ея — сожгли Авары въ 626 году (мой Ираклій, стр. 58).

Николая чуд.. Приска и Мартина во Влахернахъ, свв. ц. Празд. 21-го сентября (на св. Приска; Виз. Врем., т. III, стр. 448). Церковь эта находилась на площадкѣ, выдвинутой въ море (Зол. Рогъ; Постройки, I, 6). Она упоминается въ осадѣ 626 года: между ней и св. Кенономъ стоялъ греч. флотъ (Ираклій, стр. 56).

Николая Чуд. и Прокопія свв. близъ Влахернской стѣны ц. Празд. 7-го декабря (Виз. Врем. т. III, стр. 448). Вѣроятно, тождественна съ св. Николаемъ въ кв. Василида.

Николая Чуд. св. евктирій при св. Софіи (на Дмитріевомъ дворѣ) см. св. Софія.

Николай τῶν Κασαυλῶν св., мон. Близъ цистерны Вона. По Мордтману (стр. 72), тождественъ съ мон. св. Іосифа Пѣснопѣвца. Есть агіазма св. Николая близъ мон. „Пантенонту" (Спаса; Паспати, стр. 314).

Николай св., евктирій. Такое названіе далъ (стр. 360) Паспати церкви „Аэція" (см. Аэція церковь). Удивляюсь, какъ Кондаковъ не сообразилъ этого (Конд., стр. 165 и 205).

Николай Новый св., ц. Церковь св. Николая Новаго, игумена Студійскаго (поборника иконопочитанія, 868 г.), находилась за Золотымъ Рогомъ въ кварталѣ Ареовинда, близъ церкви и нынѣ сохранившейся—св. Параскевы (Конд., стр. 75 и планъ).

Нимфіи. 1) Большой въ X участкѣ, т. е. близъ свв. Апостоловъ. Сооруженъ при Валентѣ (Дюк., I, 86 и слѣд.). Можно думать, что это „большой таксимъ", что у сѣверо-зап. конца водопровода Валента (Морд., стр. 8).

2) Малый въ VI участкѣ, быть можетъ нын. фонтанъ и водоемъ противъ нарѳика св. Софіи (Модр. стр. 5).

Новая базилика. См. Дворецъ Большой.

Новая гавань, другое названіе Софійской гавани.

Новый монастырь. 121. См. Покаянія новый монастырь.

Нотаріи свв., цер. 122. См. свв. Маркіана и Мартирія.

Нумеры. 76. Зданіе близъ Уалки.

О.

Октагонъ 83. Такъ называлась и одна изъ частей дворца Дафны. Но у Кодина несомнѣнно рѣчь идетъ не о дворцовомъ Октагонѣ (упоминаемомъ въ „Обрядникѣ"; см. Дворецъ Большой Октагонъ), а о сходномъ по названію зданіи на противоположной сторонѣ Средней улицы. Уже давно было высказано мнѣніе, что Октагонъ съ библіотекой отличенъ отъ Октагона дворцоваго. Но такъ какъ этотъ Октагонъ искали (вмѣстѣ съ ц. св. Ѳедора Тирона) Богъ вѣсть гдѣ, то проф. Кондаковъ и имѣлъ полное основаніе оспаривать это (Конд., стр. 216 и 217). Иначе выходитъ дѣло, когда Октагонъ съ библіотекой приходится искать близъ дворца, гдѣ-то между Нуриоеманіе и Царской цистерной. Пасхальная хроника ясно говоритъ, что Октагонъ, сожженный во время мятежа „Ника", находился „μέσον βασιλικῆς τῶν γουναρίων καὶ τοῦ ἐμβόλου τῆς ῥηγίας" (Морд., стр. 67). Положеніе Царской цистерны, а слѣдовательно и Царской базилики, извѣстно точно;

слѣдовательно, Октагонъ надо искать западнѣе Царской цистерны, на той же сѣверной сторонѣ Средней улицы. Неважно, что выходятъ два Октагона, одинъ противъ другого: быть можетъ они были устроены такъ нарочно у входа на площадь Августеонъ. О сожженіи Львомъ III говоритъ и Кедринъ (I, 795—796). Вѣроятно, это же учрежденіе называлось и „Школой св. Θедора Сфоракійскаго“ (Изв. Русс. Археол. Инст. въ К-лѣ, т. II стр. 8).

„Омонія“ церковь. Часовня въ IX участкѣ (близъ ц. Καινούπολις, а слѣдовательно и Тавра) съ мощами свв. Пантелеймона и Марина. Названа или по аналогіи съ храмомъ Конкордіи въ Римѣ, или по случаю собора 150 епископовъ при Θеодосіи Великомъ. Возникла не позже царствованія Юстина I (Конд., стр. 35). Мордтманъ правдоподобно считаетъ ее за одну церковь съ ц. св. Пантелеймона „въ Нарзѣ“. Думаютъ, что это тотъ женскій монастырь, гдѣ Антоній видѣлъ мощи 10 мучениковъ и дочери Копронима (Конд., стр. 91). Дѣйствительно, доводы Савваитова (прим. 154) убѣдительны. Объ Анѳусѣ см. преосв. Филарета: Житія свв. подвижницъ Восточной церкви, стр. 236 и 237.

Онисима св. ц. 1) Эта церковь — иначе свв. Онисима, Аполлонія, Александра и Епимфія въ Ексокіоніи—находилась, какъ это точно извѣстно изъ „Обрядника“, на Средней улицѣ, у поворота къ св. Мокію (Церем., стр. 100). Изъ текста „Обрядника“ видно еще, что она приходилась, очевидно, къ западу отъ ф. Ксиролофа, у Ексокіонія, т. е. гдѣ-то возлѣ нын. Ессе-капусси (ворота Сатурнина). Тогда надо искать ц. св. Онисима въ нын. Гекимъ оглы-Али-паша-джали, а пожалуй и еще западнѣе, ближе къ св. Андрею (наприм., гдѣ та улица, что идетъ отъ нынѣшней главной западнѣе цистерны Мокія къ Мевлихане-капу (др. Мелантіадскія ворота; ср. Церем., стр. 56 и Морд., стр. 61 и 62). Построена эта церковь въ честь св. Онисима, того самаго раба, котораго обратилъ св. ап. Павелъ, и который потомъ былъ епископомъ

въ Ефесѣ, пострадалъ въ Римѣ въ царствованіе Траяна и причисленъ церковью къ лику 70 апастоловъ (пам. 15-го февраля, праздн. 6-го іюля, день обновленія; Виз. Врем., т. III, стр. 449); ср. мою замѣтку въ „Извѣст. Русс. Археол. Инст. въ К—лѣ, т. II, стр. 30).

2. Повидимому другая церковь св. Онисима упомянута близъ свв. Апостоловъ Антоніемъ (Конд., стр. 93), если тутъ не ошибка.

Оксивафій. Близъ св. Прова (Рихтеръ, № 479).

Онораты (Ὀνωράτου). У Льва Діакона (IV, 7) эта мѣстность названа „предмѣстьемъ" (προάστειον), а наши паломники ясно опредѣляютъ ея положеніе за Золотымъ Рогомъ (Конд., стр. 94). Поэтому, попытка помѣстить ее близъ Балыкъ-базара и таможни, сдѣланная Мордтманомъ (стр. 48), не заслуживаетъ вниманія (ср. Виз. Врем., т. III, стр. 228).

Ормизда дворецъ. Частный домъ Юстиніана Великаго, гдѣ онъ жилъ, будучи сенаторомъ и наслѣдникомъ престола. Домъ тотъ находился рядомъ съ цер. свв. Сергія и Вакха, вѣроятно, къ югу (Конд. стр. 131).

Ормизда гавань. 87. Портъ близъ дворца Ормизда; другое названіе гавани Юліана. Вѣроятно, около калитки въ приморской стѣнѣ (близъ свв. Сергія и Вакха; ср. Конд., стр. 133).

Орологій. 1. Во дворцѣ (см. Дворецъ Большой).
2.—У св. Софіи (см. св. Софія).
3.—На форумѣ К—на. 169.
4.—На Амастрійскомъ форумѣ (см. Модій).

Орфанотрофій. 89. Пріютъ для воспитанія сиротъ. По Мордтману (стр. 46), онъ находился на мысу св. Варвары. Другіе же, на основаніи куска надписи, ищутъ его на азіатскомъ берегу, въ Исгавросѣ. (Виз. Врем., т. I., стр. 149).

Ореа гавань. Близъ св. Пантелеймона у моста (Рихтеръ, стр. 546).

П.

Павелъ Бѣлецъ (Ѳиваидскій) въ Лугаревѣ, св. ц. Кондаковъ, на основаніи показаній Антонія, помѣщаетъ ее близъ св. Антонія въ Зевгмѣ (стр. 92).

Павелъ Исповѣдникъ, св., ц. Церковь эта была посвящена Павлу Исповѣднику, патріарху К—ля IV вѣка, врагу еретика Македонія (въ 352 г.), который былъ задушенъ въ Какузѣ собственнымъ омофоромъ (въ алтарѣ). Упоминается у Никифора Каллиста, какъ одна изъ древнѣйшихъ церквей въ К—лѣ (Конд., стр. 10). Кромѣ того мы знаемъ, что она была въ VII участкѣ (ср. Мордтманъ, стр. 6 и 7). Антоній помѣщаетъ домъ Павла Исповѣдника къ сѣверу отъ Бронзоваго Тетрапиля (Антоній, стр. 143; Конд., стр. 93), недалеко отъ св. Анастасіи и св. Варвары въ Артополіяхъ, и это согласно съ „Описаніемъ" участковъ. Указаніе Антонія, а также и то обстоятельство, что древняя церковь могла быть скорѣе въ Петріонѣ (или Петрѣ), чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, заставляетъ предполагать, что ц. св. Павла Исп. была *въ Петріонѣ*, а не въ Девтеронѣ, и что на ея мѣстѣ возникъ мон. „Пантепопту". гдѣ хранились мощи св. Павла Исп. (нынѣ въ Венеціи; Пасп., стр. 313).

Павелъ св. ап. въ Орфанотрофіи; см Орфанотрофіи. 89.

Павелъ св., ц. Уступлена св. Іоанномъ Златоустомъ Готѳамъ.

Палладіумъ. 41. Такъ назывались (по имени статуи Паллады—Минервы въ Троѣ и Римѣ) извѣстныя изображенія

божествъ и великихъ людей, съ цѣлостью которыхъ было, по народному вѣрованію, связано существованіе извѣстнаго города, или государства По извѣстіямъ нѣкоторыхъ византійцевъ—въ томъ числѣ и Кодина—Константинъ Великій зарылъ настоящій палладіумъ подъ колонной своего имени. Интересно, что преданіе объ этомъ сохранилось до сихъ поръ (проф. Кирпичниковъ, Чудесныя статуи въ К—лѣ. стр. 14; ср. Судьба города).

„Пантепопту" мон. Монастырь „Всевидца" (Спасителя) основанъ Анной, матерью Алексѣя Комнина; былъ тамъ, гдѣ нынѣ мечеть Эски-Имаретъ. Отсюда Мурзуфлъ наблюдалъ за движеніемъ флота Крестоносцевъ (Кондаковъ, стр. 210). Не смѣнилъ ли онъ ц. св. Павла Исповѣдника? Есть также основаніе отождествлять его съ мон. „Филантропа" *въ Петріонѣ* (Антоній, стр. 112 и 113; прим. Савв. 191).

Пантелеймонъ, св., ц. 104. Церковь, построенная въ VI вѣкѣ Ѳеодорой на мѣстѣ ея прежняго жилища, находилась, сколько извѣстно, на азіатскомъ берегу Босфора на горѣ (Постр., I, 8), называемой нынѣ Юшъ-дагъ (у Анатоли-кавака). Съ другой стороны, въ кв. „Нарза" (на Влангѣ; см. Нарзъ), о которомъ здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь у Кодина, извѣстенъ другой храмъ св. Пантелеймона, упоминаемый и въ „Обрядникѣ" (Церем., стр. 560; ср. Омонія) и основанный Нарзесомъ (Младшимъ) при Юстинѣ II или Маврикіи (Конд., стр. 46). Кодинъ, очевидно, ошибся: принялъ эту послѣднюю церковь за мѣсто дома Ѳеодоры.

Пантелеймонъ св. въ „Арманентѣ". 114. По Кодину, обращенъ Ѳеодорой, вдовой Ѳеофила, изъ арсенала, построеннаго Маврикіемъ. Находился, надо полагать, гдѣ нынѣ Адмиралтейство, т. е. за Золотымъ Рогомъ. Близъ нея былъ *единственный* мостъ черезъ Золотой Рогъ (нын. Старый), называвшійся иногда мостомъ св. Пантелеймона (Рихтеръ, № 548; Левъ Діак.. VIII. 1).

Пантелеймонъ св. „Хризоваланта“. 96. смот. „Хризовальта“ мон.

Пантекраторъ, мон Мон. „Вседержителя“ (соединенный мужской и женскій) основанъ Ириной, женой (1124 г.) Іоанна Комнина, и украшенъ Мануиломъ Комн. Находился на искусственномъ холмѣ (нынѣ это мечеть Зейрекъ верхняя); знаменитъ тѣмъ, что тамъ жилъ въ послѣднія времена Византіи Схоларій (впослѣдствіи патр. Геннадій). Саркофагъ изъ verde antico съ крестами (у зап. стѣны на дворѣ) преданіе называетъ „гробомъ Ирины“ (Конд., стр. 210 и слѣд.). По типу, изъ сохранившихся церквей Царь-града „Пантократоръ“ наиболѣе похожъ на нашъ Кіево-Софійскій соборъ. При мон. „Пантократора“ былъ евктирій св. Константина Синадскаго (пам, 26-го декабря; Антоній, стр. 146—148). Не этотъ-ли евктирій мы имѣемъ въ извѣстномъ восьмиугольномъ зданіи Сулейманъ-меджиди (Паспати, стр. 352 и 353).

Параскева св. ц. Эта церковь основана Львомъ Мудрымъ и находится за Золотымъ Рогомъ въ кв. Арсовинда (нын. Хаскіой); до сихъ поръ въ рукахъ христіанъ. Построена въ честь св. великомученицы Параскевы (Римской; пам. 26-го іюля). Считаю необходимымъ напомнить, что была еще другая великомуч. Параскева изъ Иконіи (пам. 28-го октября); житіе, между прочимъ, въ „Холмскомъ Календарѣ“ 1867 года, но въ Тырновѣ мощи не этой Параскевы, какъ сказано тамъ, а преподобной Параскевы изъ Епивата (н. Балядосъ; Филаретъ, Святые южныхъ славянъ подъ 14-мъ ноября; Арсеній, Лѣтопись, стр. 587).

Пелагій св., ц. Церковь на кладбищѣ, куда притащили тѣло св. Стефана Новаго (см. Житіе).

Пелагія св., близъ св. Конона, ц. Празд. 8-го октября (Виз. Врем., т. III, стр. 446). Мощи перенесены при Копронимѣ; тогда же, вѣроятно, построена церковь (Кондаковъ, стр. 51).

Приложеніе.

О древностяхъ Константинополя—*Гавріила Ласкина* 129-144

Объявленія.

Цѣна 1 р. 25 коп., съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна	IV-й и V-й книгъ	по	2 р. 50 к.
„	VI-й „	„	3 р. 50 к.
„	II, VII, IX, XIII „	„	3 р.
„	VIII, X, XI „	„	2 р.
„	XII „	„	4 р.
„	XIV, вып. 1—	„	1 р. 25 к.
„	— „ 2 и 3—	„	1 р. 40 к.
„	XV, —„ 1, 2, 3 и 4	„	1 р. 50 к.
„	XVI, —„ 1—3 (Гог. сб.)	„	4 р. 50 к.
„	„ „ 4 „	„	1 р. 50 к.
„	XVII „ 1	„	1 р. 50 к.

каждая съ пересылкой.

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: **„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“**. Цѣна 1 рубль.

„Труды III-го археологическаго съѣзда“, два тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

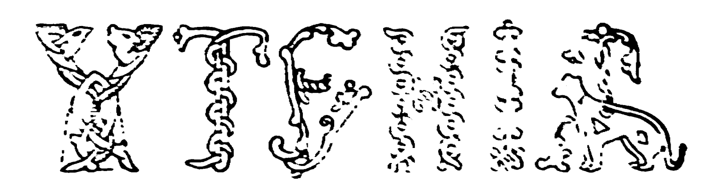
„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ 2 рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп.

„25-лѣтіе Историческаго общества Нестора-лѣтописца“ (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 к.

„Чтенія въ Историческ. Обществѣ Нестора-лѣтописца“ выходятъ ежегодно въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска, **4 руб.** съ пересылкой; цѣна же каждаго выпуска въ отдѣльности **1 руб. 25 коп.,** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Издано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ*.



въ Историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца.

Книга семнадцатая.

Выпускъ III.

Изданъ подъ редакціею
Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-Литографія Т. Г. Мейнандера и П. П. Врублевскаго, Пушкинская, 20.
1903.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кн. XVII, вып. 3-й.

Отдѣлъ I.

Стран.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Общества за январь—мартъ 1903 г. 81

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Къ вопросу о древле-русской образованности въ дотатарскій періодъ—*А. М. Лободы.* 83

Отчетъ объ археологической экскурсіи въ Звенигородскій уѣздъ (Кіев. губ.) лѣтомъ 1901 года—*В. Н. Доманицкаго.* 86

Къ исторіи заселенія Черноморскаго побережья Кавказа—*Л. С. Личкова.* 113

Отдѣлъ II.

Исторія учрежденія Кіевскаго Центральнаго Архива—*О. И. Левицкаго* (продолженіе). 37

Отдѣлъ III.

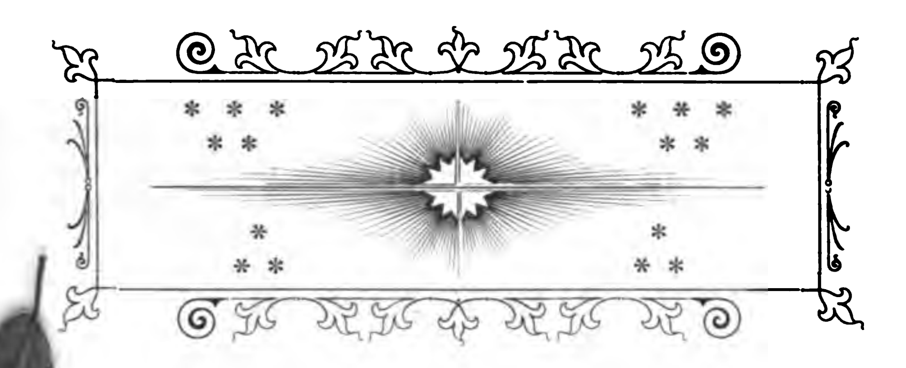
Древній помянникъ Кіево-Михайловскаго Златоверхаго монастыря—Сообщила *Е. И. Де-Витте* (продолженіе). 33

Отдѣлъ IV.

Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи Русской церкви—*О. Ѳ. И. Титова.* . 3

Отдѣлъ V.

Отчетъ объ осмотрѣ старинныхъ храмовъ въ г. Полтавѣ и въ мм. Ботачкѣ и Шишакахъ, Миргородскаго уѣзда—*О. И. Левицкаго.* 15



Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за январь—мартъ 1903 года.

V. Засѣданіе 19-го января.

Настоящее засѣданіе, посвященное чествованію памяти скончавшагося 12 декабря 1902 г. почетнаго члена Общества **Өеодора Яковлевича Фортинскаго**, открылось вводнымъ словомъ г. Предсѣдателя **Н. П. Дашкевича** (напечатано въ началѣ 2-го выпуска этой книги); за тѣмъ, когда память покойнаго присутствующіе почтили вставаніемъ,

1) Д. чл. **Т. Д. Флоринскій** представилъ *„біографическій очеркъ Ө. Я Фортинскаго"* (напечатанъ тамъ же).

2) Секретарь Общества М. Н. Ясинскій прочелъ составленный д. чл. **А. Н. Ясинскимъ** очеркъ: *„Ө. Я. Фортинскій, какъ ученый и профессоръ"* (напечатанъ тамъ же).

3) Гостья г-жа **А. Л. Иконникова** изложила свои *„Воспоминанія о дѣятельности Ө. Я. Фортинскаго на Высшихъ Женскихъ Курсахъ"* (напечатаны тамъ же), и

4) Наконецъ, *„Памяти Ө. Я. Фортинскаго"* д. чл. **Вл. Г. Ляскоронскій** посвятилъ свое чтеніе вообще (напечатано тамъ же).

Въ засѣданіи, при посторонней публикѣ, переполнявшей V-ю аудиторію, въ качествѣ почетныхъ гостей присутствовали г. Попечитель Учебнаго Округа В. И. Бѣляевъ, ректоръ университета Н. В. Бобрецкій и многіе профессора университета, а также семья покойнаго Ѳ. Я. Фортинскаго.

VI. Засѣданіе 9 февраля.

а) Д. чл. **В. К. Пискорскій,** посвящая также свое чтеніе памяти Ѳ. Я. Фортинскаго, сообщилъ объ его университетскихъ курсахъ (будетъ напечатано въ слѣд. выпускѣ „Чтеній“).

б) Д. чл. о. **Ѳ. И. Титовъ** прочелъ *„Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи Русской церкви“* (напечатанъ въ настоящемъ выпускѣ „Чтеній“)

По поводу разбора имъ соч. г. Папкова о приходѣ произошелъ обмѣнъ мнѣній между членами Е. И. Де-Витте, Н. П. Дашкевичемъ, В. З. Завитневичемъ, В. С. Иконниковымъ и М. Н. Ясинскимъ.

Въ настоящемъ засѣданіи г. Предсѣдатель сообщилъ о крупныхъ пожертвованіяхъ въ библіотеку и музей Общества 1, отъ д. чл. А. А. Шахматова—фототипическаго иллюстрированнаго изданія Радзивилловской лѣтописи; 2, отъ д. чл. Е. Н. Дверницкаго—20 названій книгъ (нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ большую библіографическую рѣдкость) по южно-русской исторіи и литературѣ, и 3, отъ г. В. А. Каминскаго—22 серебряныхъ литовскихъ и польскихъ монетъ XVI в.

Опредѣлили: выразить письменно глубокую благодарность жертвователямъ.

Слушали: просьбу Кіевскаго Коммерческаго Собранія о чтеніи въ означенномъ Собраніи публичныхъ лекцій.

Опредѣлили: Разослать извѣщеніе объ этомъ членамъ Общества.

Слушали: текстъ посланной г. Предсѣдателемъ привѣтственной телеграммы Спб. Археологическому Институту по случаю исполнившагося 15-го января т. г. 25-лѣтія его существованія.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

VII. Засѣданіе 23 февраля.

а) Д. чл. **А М. Лобода** представилъ свои соображенія *„Къ вопросу о древле-русской образованности въ до-татарскій періодъ“*.

Референтъ поставилъ своей задачей обрисовать современное отношеніе изслѣдователей къ затронутому имъ вопросу и указать, насколько факты могутъ оправдывать тотъ скептицизмъ и умаленіе древле-русской до-татарской образованности, какіе повторяются и по настоящее время; попутно докладчикъ имѣлъ въ виду вообще намѣтить тотъ кругъ источниковъ, къ которому необходимо обращаться въ данномъ случаѣ.

Ближайшія непосредственныя указанія представляютъ прежде всего свидѣтельства лѣтописей, Татищева, житій и под.; изъ нихъ данныя житій въ родѣ извѣстнаго указанія житія Ѳеодосія не могутъ служить надежнымъ источникомъ, въ виду т. н. шаблонности ихъ. Свидѣтельства Татищева сильно заподозрѣны; Голубинскій и Харламповичъ ихъ рѣшительно отвергаютъ, какъ плодъ тенденціозныхъ измышленій Татищева. Но крайній скептицизмъ здѣсь едва ли умѣстенъ: пока мы не располагаемъ всѣми тѣми источниками, какіе были у Татищева, мы не можемъ считать у него выдуманнымъ все то, что только не покрывается нынѣ извѣстными данными. Особенно досталось Татищеву за Романа Смоленскаго и Смоленскую школу; измышленность-де и несообразность такого факта явно обнаруживается упоминаніемъ о латинистахъ, которые будто-бы учили въ школахъ, заводимыхъ Романомъ, тогда какъ „перешедшіе отъ грековъ къ намъ взгляды и антипатіи къ латинскому западу совсѣмъ не располагали насъ искать тамъ науки.“—Объ этомъ исконномъ нерасположеніи Руси къ Западу много говорятъ, но такія утвержденія въ сущности ничѣмъ не лучше Татищевской тенденціи, по которой просвѣщеніе на Руси пало вслѣдствіе своекорыстныхъ стремленій духовенства. Общеизвѣстны, конечно, поученія противъ латинянъ; но факты говорятъ, что эти поученія, если и являлись выразителями настроенія, то

почти исключительно духовенства, и притомъ, всего ли духовенства или части его, неизвѣстно. Помимо же чисто религіозныхъ вопросовъ, общеніе до-татарской Руси съ Западомъ было весьма живое: вспомнимъ родственныя связи князей, торговлю, поэзію, нравы (Рыцарство на Руси въ жизни и поэзіи, Н. П. Дашкевича). Въ частности, именно Смоленскъ, какъ и естественно было ожидать въ виду его географическаго положенія, находился въ самомъ тѣсномъ общеніи съ Западомъ (См. Смоленскую Правду). Затѣмъ, по вопросу вообще о просвѣщеніи въ Смоленскѣ у насъ есть свидѣтельство Климента Смолятича въ посланіи къ Ѳомѣ. Какъ бы мы его ни толковали, во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ остается одно, что въ Смоленскѣ были знающіе люди, интересовавшіеся литературой и даже литературными спорами. Пренебрежительно замѣчаютъ, что весь споръ сводился, вѣроятно, къ тремъ посланіямъ (Климента къ князю Смоленскому, Ѳомы къ Клименту и Климента къ Ѳомѣ); пусть такъ, но это ничуть не умаляетъ самаго факта переписки, какъ и того обстоятельства, что посланіе Ѳомы Климентъ читалъ предъ княземъ Изяславомъ и предъ многими послухами, которые видимо принимали участіе въ дѣлѣ, имѣвшемъ исключительно литературный интересъ. Равнымъ образомъ, въ темныхъ словахъ посланія про какого-то Смоленскаго учителя Григорія, который зналъ алфу, виту, подобно и всю 24 словесъ грамоту, въ этихъ словахъ нельзя не видѣть какого-то намека на знаніе Григоріемъ греческаго языка. Крайній скептицизмъ Голубинскаго въ этомъ случаѣ не раздѣляется его же послѣдователями. Стоитъ отмѣтить, наконецъ, что этому столь заподазриваемому умственному оживленію въ Смоленскѣ проф. Истринъ, вовсе не склонный къ увлеченіяиъ, придаетъ такое значеніе, что пользуется имъ въ качествѣ одного изъ главныхъ доводовъ противъ взгляда на древле-русскую до-татарскую литературу, какъ на Кіевскую только.

Словомъ, съ показаніями Татищева считаться еще надо, какъ и съ другими свидѣтельствами лѣтописей, которыя, при всей своей скудости и неопредѣленности, все же констатируютъ

наличность нѣкотораго просвѣщенія, или, наконецъ, хотя бы заботъ о немъ.

Но помимо того, у насъ есть другой рядъ свидѣтельствъ, рядъ произведеній древле-русской письменности. Обращаясь сюда, не будемъ придавать большого значенія словамъ Климента: „а рчеши ми: философѳею пишеши, а то велми криво пишеши, а да оставль аз почитаемаа писанія, азъ писахъ отъ Омира и отъ Аристоля и отъ Платона, иж во елинньскых нырѣх славнѣ бѣша“ (въ „нырѣх“ Лопаревъ производитъ отъ νεροί и переводитъ „ученыхъ“)

Оставимъ въ покоѣ Гомера, Аристотеля, Платона; пусть также Климентъ не былъ философомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, хотя надо замѣтить что понятіе *философія* въ ту пору и въ Византіи было нѣсколько своеобразно и сводилось болѣе къ книжной премудрости и умѣнью комментировать. Но суть не въ томъ.

Важно, что какъ здѣсь, въ приведенномъ упрекѣ Ѳомы, такъ и въ сохранявшихся сочиненіяхъ Климента, этотъ послѣдній является съ чертами хитрословеснаго и затѣйливаго писателя, излагающаго все не просто и безхитростно, а съ нѣкоторыми искусственными пріемами, и любящаго прибѣгать къ историческимъ истолкованіямъ Св. Писанія. Это признаютъ даже Голубинскій и Харламповичъ. — Затѣмъ, такимъ литературнымъ пріемамъ Ѳомой, какъ видно, противопоставляется простой стиль, простое отношеніе къ Св. Писанію и простое безыскусственное толкованіе его.

Словомъ, предъ нами какъ бы двѣ школы писателей, что, напримѣръ, находитъ себѣ полное подтвержденіе въ проповѣднической литературѣ; къ одной принадлежатъ Лука, Ѳеодосій, Серапіонъ; къ другой—Илларіонъ, Кириллъ.

Разъ есть литературныя направленія, да еще такъ рѣзко выраженныя, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-то хаотичномъ, безпорядочномъ впитываніи всего, что только ни шло на Русь изъ Византіи и отъ южныхъ славянъ. Что такое книжникъ, воспитанный подобнымъ путемъ, объ этомъ можно судить по Грозному или по начетчикамъ изъ раскольниковъ.

Но развѣ широковѣщательный, многошумящій Грозный и Илларіонъ—одно и то же? Далѣе, Кирилла Туровскаго иногда называютъ холоднымъ пустословомъ. Но вѣдь холодная реторичность южно-русскихъ проповѣдниковъ XVII в. вовсе не была слѣдствіемъ ихъ необразованности! И какъ ни раскритиковалъ Голубинскій Кирилла, однако, призналъ въ немъ „ученаго проповѣдника, изучившаго и знавшаго науку проповѣдничества и писавшаго свои проповѣди именно по этой наукѣ, со всѣмъ ея знаніемъ, со всѣмъ ея приложеніемъ". Наконецъ, вслѣдъ за Шляковымъ, нельзя не согласиться, что и въ лицѣ Владиміра Мономаха мы имѣемъ дѣло съ высокопоставленнымъ и умѣлымъ писателемъ своего времени... А сколько писателей мы по настоящему еще и не знаемъ!

Мыслимы ли подобныя явленія при наличности одной только элементарной грамотности? Кажется, что нѣтъ. И чѣмъ глубже мы будемъ изучать нашу древнѣйшую письменность, тѣмъ убѣдительнѣе это намъ покажется. Во всякомъ случаѣ, рѣшеніе вопроса не въ тѣхъ или иныхъ лѣтописныхъ и т. п. упоминаніяхъ, всегда болѣе или менѣе случайныхъ, а въ самыхъ памятникахъ древней нашей письменности.

Въ возникшихъ по поводу этого реферата оживленныхъ преніяхъ принимали участіе В. Н. Малининъ, А. А. Дмитріевскій, Н. П. Дашкевичъ, Ю. А. Кулаковскій, В. А. Чаговецъ и В. Т. Георгіевскій.

б) Д. чл. **В. Н. Доманицкій** представилъ свой *„Отчетъ объ археологической экскурсіи въ Звенигородскій уѣздъ (Кіев. губ.) лѣтомъ 1901 года"* (отчетъ, за отсутствіемъ автора, былъ прочтенъ И. М. Каманинымъ).

Лѣтомъ минувшаго года намъ пришлось, частью вмѣстѣ съ г. П. Г. Петрушевскимъ, частью одному, посѣтить 36 церквей Звенигородскаго уѣзда и нѣсколько въ смежныхъ уѣздахъ, а именно: въ с. Глубочкѣ, и Кривомъ-Колѣнѣ, Уманскаго у., въ с. Сидоровкѣ, Каневскаго, и отчасти двѣ церкви, въ Лебединѣ, Чигиринскаго у. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ нами были осмотрѣны слѣдующія церкви: въ с. с. Колодистомъ, Лоташевой, Новоселицѣ, Берыбисахъ (оно же и Гуляйполе),

Бродецкомъ, Окниной, Ступичной, Киселевкѣ, Искриной, Васильковѣ, Толмачѣ, Антоновкѣ, Водяной, Терешкахъ, Козацкомъ (три церкви), Майдановкѣ, Будищахъ Лысянскихъ, Лысянкѣ (Михайловск. церковь), Мизиновкѣ, Озирной, Ольховцѣ (двѣ церкви), Залѣсскомъ, Кобелякахъ, Чемерисскомъ, Шубиныхъ-Ставахъ, Босовкѣ, Вотылевкѣ, Рѣпкахъ, Дашуковкѣ, Хижинцахъ, Щербашинцахъ и м. Ольшаной,—въ общемъ около 30% всѣхъ существующихъ въ уѣздѣ церквей.

Но прежде чѣмъ излагать полученныя данныя нашей экскурсіи, считаемъ не лишнимъ дать самый краткій обзоръ историко-археологическихъ свѣдѣній о Звенигородскомъ уѣздѣ.

Звенигородскій уѣздъ, расположенный въ юго-восточной части Кіевской губ., ограниченъ съ юга р. Высью (впадающей въ р. Синюху, притокъ Южнаго Буга), отдѣляющей его на протяженіи всей его южной границы отъ Херсонской губ.; на западѣ отчасти р. Горскій (Угорскій, въ польскихъ памятникахъ) Тикичъ, но преимущественно сухопутная граница отдѣляютъ его отъ Уманскаго уѣзда; на с.-в. онъ вдается клиномъ въ Таращанскій уѣздъ; на сѣверѣ граничитъ съ Каневскимъ у.; наконецъ, на востокѣ съ Черкасскимъ и Чигиринскимъ. Въ топографическомъ отношеніи Звенигородскій уѣздъ далеко не однороденъ: въ то время какъ сѣверная и сѣверо-восточная его части, начиная приблизительно отъ г. Звенигородки, гористы и отчасти лѣсисты, чѣмъ ближе къ Таращанскому и въ особенности къ Каневскому уѣзду принимаютъ характеръ мѣстности этихъ уѣздовъ; южная и юго-восточныя части сохраняютъ болѣе степной характеръ, свидѣтельствующій о непосредственномъ сосѣдствѣ съ „Великимъ Лугомъ". Въ гидрографическомъ отношеніи Звенигородскій уѣздъ не можетъ пожаловаться на изобиліе водъ земныхъ; если не считать пограничной на югѣ, довольно большой рѣки Выси и незначительной рѣченки Ольшанки, берущей начало у м. Ольшаной и исчезающей въ предѣлахъ Черкасскаго уѣзда, единственной рѣкой, орошающей Звенигородскій у. въ направленіи съ сѣвера на югъ, является Гнилой Тикичъ, берущій

начало къ сѣверу отъ м. Лысянки и впадающій въ ю.-зап. части уѣзда въ р. Высь; при впаденіи, онъ сливается съ р. Горскимъ Тикичемъ, въ урочищѣ „Вилы". Развѣтвленная во всѣхъ направленіяхъ (изъ притоковъ ея наиболѣе крупный р. Шполка), имѣя съ р. Росью общіе истоки (изъ озеръ близъ с. Журжинецъ, Звениг. у.), рѣка эта, подобно Горскому Тикичу, съ давнихъ поръ служила однимъ изъ путей распространенія культуры съ юга р. Буга въ предѣлы Звенигородскаго у. Нами лично собрано около десятка римскихъ монетъ II и III ст. по теченію р. Гнилого Тикича, отъ впаденія его въ Высь и до г. Звенигородки, т. е. на протяженіи болѣе 40 верстъ (около 1/2 всего теченія р. Гнилого Тикича). Такія же монеты были нами находимы и по нижнему теченію р. Горскаго Тикича *).

На территоріи Звенигородскаго у. были находимы предметы всѣхъ эпохъ, начиная съ палеолитической. Впрочемъ, единственными, кажется, свидѣтелями существованія этой послѣдней являются кремневыя стрѣлки, куски отбивныхъ ножей, собранные нами на поляхъ у д. Луковки, и неоднократное нахожденіе, начиная съ 50-хъ г.г., костей мамонта въ каменоломнѣ у с. Колодистаго. Орудія неолитической эпохи были находимы во многихъ пунктахъ: въ сс. Вербовкѣ (бассейнъ р. Ольшаны), Хижинцахъ, Журжинцахъ, Лысянкѣ, Озирной, Поповкѣ Ольховецкой, Еркахъ, Колодистомъ, Луковкѣ (все въ бассейнѣ Гнилого Тикича). Здѣсь же, у с. Колодистаго, д. Луковки, а также и у м. Тальнаго по теченію р. Горскаго Тикича были открыты нами въ 1899 г. и изслѣдованы частью Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ и А. А. Спицынымъ, частью нами лично, т. наз. „площадки съ расписными сосудами", года два или три передъ тѣмъ впервые открытыя В. В. Хвой-

*) По словамъ священника с. Кривыхъ-Колѣнъ, въ этомъ селѣ, на мысѣ („колѣнѣ"), образуемомъ Горскимъ Тикичемъ, можно видѣть слѣды чуть-ли не греческой факторіи: въ изобиліи попадаются черепки сосудовъ, оружіе и т. п. Впрочемъ, извѣстіе это нуждается еще въ провѣркѣ.

комъ у м. Триполья, Кіев. губ., относимыя къ эпохѣ переходной отъ каменнаго къ бронзовому вѣку. Бронзовый вѣкъ также извѣстенъ на территоріи нашего уѣзда: у с. Журжинецъ, г. Звенигородки и с. Лозоватки были найдены характерные для этой эпохи предметы (цельтъ, броня, стрѣлы, копье). Предметы болѣе поздняго времени, какъ напр. желѣзное оружіе, найдены у сс. Хижинецъ, Колодистаго, Пальчика (бассейнъ Гнил. Тикича); глиняные сосуды—въ сс. Кирилловкѣ, Россоховаткѣ, Колодистомъ, д. Луковкѣ; чудныя греческія издѣлія изъ золота—у с. Петрыковъ (бассейнъ Горскаго Тикича). Курганы, въ изобиліи наполняющіе Звенигородскій у., въ особенности по мѣрѣ приближенія къ мѣсту впаденія обоихъ Тикичей, относятся также къ различнымъ періодамъ: есть съ окрашенными охрой костями—у Рыжановки, Кобриновой, д. Луковки; есть скиѳскіе—у Франковки, с. Новоселицы, Шполы, Василькова (басс. Гнилого Тикича), Ярошовки, Петриковки (басс. р. Выси) и особенно замѣчательный у Рыжановки, давшій при раскопкѣ въ 1887 г. рѣдкіе предметы скиѳской эпохи.

Славянское городище, съ характерными для княжеской эпохи 12—13 в. предметами: бусами, застежками, кусками глиняной орнаментированной и стеклянной посуды, открыто нами недавно въ с. Колодистомъ.

Наконецъ, монеты, начиная съ римскихъ, находимы были повсюду. Римскія найдены въ с. Толстой, г. Звенигородкѣ, а также въ с. Стебномъ, Колодистомъ, Лоташовой и Романовкѣ—всѣ въ бассейнѣ Гнилого Тикича. Въ 1863 году въ с. Старой Будѣ былъ найденъ кладъ, заключавшій въ себѣ между прочихъ 3 монетныя гривны новгородскаго типа. Ордынскія монеты найдены у с. Старой Буды и у с. Колодистаго (лично нами). Кромѣ того, были находимы генуэзскія и древнія сербскія въ с. Старой Будѣ и позднѣйшія австрійскія, германскія и прусскія—въ с. Моринцахъ, шведскія и бранденбургскія—у сс. Орловъ и Будищъ; наконецъ въ большомъ количествѣ попадаются польскія (XVI—XVIII ст.)—въ сс. Бояркѣ, Моринцахъ, Орлахъ, Водяникѣ, Будищахъ, Стебномъ, Ольхо-

вцѣ, Колодистомъ и Берыбисахъ. Въ послѣднемъ селѣ намъ удалось пріобрѣсти оригинальный глиняный сосудъ-копилку, содержавшій въ себѣ кладъ изъ польскихъ монетъ времени Сигизмунда III; сосудъ формы деревянныхъ „барылъ", употребляемыхъ нашими крестьянами для храненія воды въ полѣ.

Такимъ образомъ, если мы взглянемъ на археологическую карту Звенигородскаго у., то увидимъ, что главный очагъ жизни и дѣятельности доисторическихъ по-преимуществу обитателей на территоріи нынѣшняго Звенигородскаго уѣзда сосредоточивается въ нижнемъ теченіи р. Гнилого Тикича, въ пространствѣ, окаймленномъ обоими Тикичами. Совершенно обратное явленіе мы замѣчаемъ, переходя къ древностямъ историческимъ позднѣйшаго времени (XVII—XVIII в. в.). Въ то время, какъ уже съ начала XVII в. сосѣдніе уѣзды: нынѣшній Каневскій и Черкасскій, а также и сѣверная часть Звенигородскаго уѣзда, имѣли достаточно густое населеніе, пополнявшее ряды козачества и участвовавшее въ борьбѣ съ польскимъ элементомъ, южная половина нашего уѣзда продолжала оставаться почти пустынной. Единственный населенный пунктъ, нанесенный на карту Боплана, это—Берыбисы (Гуляйполе) на р. Гниломъ Тикичѣ, названное у Боплана „Naberylis"; слѣдующимъ ближайшимъ поселеніемъ является лишь Ольховецъ, уже вблизи г. Звенигородки. Сама Звенигородка, извѣстная съ XVI в. и даже ранѣе (въ литовскихъ лѣтописяхъ), не играла никакой роли до второй полов. XVII ст., оставаясь ничтожнымъ замкомъ*). Южная часть Звенигородщины не представляла въ XVII в. удобствъ для осѣдлой жизни еще и потому, что на его границѣ, неподалеку впаденія Тикичей въ р. Высь, находился т. наз. татарскій „Царскій (Cesarski) Бродъ", перейдя который татары устремлялись въ козацкую страну, главнымъ образомъ „шляхомъ", шедшимъ

*) Къ крайнему сожалѣнію, ни въ данномъ случаѣ ни въ иныхъ мы не имѣемъ возможности справляться съ источниками, находясь въ настоящее время даже внѣ предѣловъ европейскаго материка.

на Лысянку. Только около второй половины XVIII ст. въ южной части Звенигородщины начинаютъ возникать села, а въ концѣ этого столѣтія и церкви въ нихъ. Между тѣмъ въ сѣверной части мы можемъ указать на поселенія достаточно древнія; къ таковымъ, помимо упомянутаго Ольховца, должны быть отнесены: Лысянка, хорошо извѣстная изъ малорос. исторіи, Буки, Крымки, Виноградъ, упоминающіеся въ описаніи путешествія антіохійскаго патріарха Макарія въ полов. XVII ст.; затѣмъ, Ольшана, Тарасовка, Хижинцы, Будища, Пединовка, Кирилловка, Водяники, Кобеляки, Капустино, о которыхъ мы знаемъ, что даже въ первой четверти XVII ст. въ нихъ были построены *новыя* церкви на мѣстѣ или поблизости *прежнихъ обветшавшихъ* *).

Несомнѣнно, наиболѣе крупнымъ и богатымъ населеннымъ пунктомъ, въ XVII и первой половинѣ XVIII в. была Лысянка, въ которой въ 1741 г. насчитывалось 6 церквей (всѣ дубовыя и безъ половъ): 1) Михайловская, основанная въ 1723 г. сѣчовыми козаками, о 5 куполахъ 2) Преображенская—ок. 1730 г., о 3-хъ куполахъ; 3) Вознесенская—въ 1730 году, 4) Георгіевская—въ 1723 г., построена около старой; 5) Николаевская — въ 1718, на мѣстѣ давнѣйшей и 6) Успенская, дубовая, съ опасаньемъ,—въ 1720 году. Въ настоящее время въ Лысянкѣ только двѣ церкви: Михайловская, каменная, огромная, передѣланная изъ костела, и, кажется, Вознесенская,—обѣ уже относятся къ XIX ст. *).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній переходимъ къ самому предмету нашей рѣчи. Начнемъ съ памятниковъ *архитектуры*. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ дѣло исключительно съ памятниками церковной архитектуры: церквями, колококьнями, иконостасами. Старинныхъ домовъ или иныхъ

*) Похилевичъ. Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губ. К. 1864, стр. 877—416.

**) При въѣздѣ въ Лысянку, на горѣ, есть старинное еврейское кладбище.

строеній, за исключеніемъ помѣщичьяго дома XVIII ст. въ с. Козацкомъ, массивнаго, съ бельведеромъ, нигдѣ не приходилось встрѣчать. Изъ числа 26 церквей, относящихся къ XVIII ст., церкви почти всѣ (23)—трехкупольныя, и только въ трехъ селахъ: Босовкѣ, Шубиныхъ-Ставахъ и Вотылевкѣ имѣются церкви пятикупольныя, болѣе древнія (1750—1766 г.г.). Изъ трехкупольныхъ наибольшій интересъ представляютъ церкви, въ с. Бродецкомъ (1761 г.), маленькая тѣсная и темная (т. к. вверху, въ „банѣ“ нѣтъ окошекъ), со стариннымъ деревяннымъ изъ дубовыхъ толстыхъ досокъ поломъ; слѣва въ недавнее время придѣланъ притворъ; 2) въ с. Окниной (1773 г.), также сохранившаяся въ первоначальномъ видѣ, съ единственнымъ добавленіемъ—пристройкой „притвора“. На дубовыхъ дверяхъ, ведущихъ изъ притвора въ церковь (а прежде наружныхъ), сохранилась вырѣзанная полукругомъ надпись: „Во славу Благочестивыя Государыни Импер....... и Великаго нкязя..... ея Павла Петровича и Великодержавнаго К.....“, а вверху: „1773, мая 4 дня“. Церковь въ единственномъ случаѣ, именно здѣсь, сохранила въ чистомъ видѣ форму корабля; 3) въ с. Хижинцахъ, наиболѣе древняя изъ всѣхъ встрѣченныхъ нами (относятъ ее къ 1773 г.), и въ настоящее время находящаяся за штатомъ, т. к. рядомъ сооружена новая; 4) въ с. Кривомъ-Колѣнѣ (Уман. у.)—относится къ 1753 году, построена въ формѣ корабля, безъ окошекъ въ „банѣ“, съ единственнымъ вообще окномъ въ стѣнѣ и 5) оригинальная колокольня въ с. Глубочкѣ (Уман. у.), построенная въ 1764 г. Львомъ Нарышкинымъ, около 5 саж. высоты, одноэтажная четырехупольная, съ такой-же покатой крышей. Слѣдуетъ еще отмѣтить заштатную церковь съ с. Козацкомъ, которая представляетъ точную копію Кіевской церкви на Аскольдовой могилѣ. Устроена она, въ качествѣ фамильной церкви, князьями Голицыными, владѣвшими с. Козацкимъ до 1829 года. Въ церкви сохранился только холщевый иконостасъ, подобіе занавѣса, роскошно расписанный незаурядными художниками; живопись—фламандской и итальянской школъ.

Иконостасы. Иконостасы, преимущественно 2-й полов. XVIII в., сохранились во многихъ старыхъ и новыхъ (будучи перенесены изъ прежнихъ) церквахъ. Чаще всего иконостасъ состоитъ изъ 3 (рѣже 5 и болѣе, а иногда изъ одного) ярусовъ (въ с. Колодистомъ, напр., изъ 8), съ золоченнымъ рѣзнымъ орнаментомъ изъ гроздьевъ и листьевъ винограда и геометрическихъ фигуръ. Иконы не рѣдко рѣзныя изъ дерева, барельефныя (выпуклыя), въ особенности намѣстныя, раззолочены; одежда изображаемыхъ на иконахъ фигуръ также рѣзная изъ дерева, яркихъ восточныхъ цвѣтовъ. Какъ въ нижнемъ (первомъ), такъ и въ третьемъ ярусахъ очень часто установлены колонки, довольно значительно выступающія впередъ, обыкновенно по 4 въ каждомъ ярусѣ. Если иконостасъ не широкій, колонки эти, въ глуби между которыми заключается икона, изображаютъ изъ себя ниши. Колонки также расписаны и снабжены рѣзнымъ орнаментомъ. Обычный фонъ иконостаса, т. е. пространства, не занятаго иконами,—или красный или зеленый; послѣдній, кажется, свидѣтельствуетъ о болѣе древней эпохѣ. Особенно богатые иконостасы намъ случилось видѣть: 1) въ с. Ольховцѣ (въ Николаевской церкви), огромныхъ размѣровъ и роскошно орнаментированный; кажется, иконостасъ этотъ восходитъ къ 1723 году. когда впервые была построена Николаевская церковь (теперь уже третья по счету); 2) въ с. Колодистомъ—относящійся, по всей вѣроятности, еще къ концу XVII вѣка, громадной вышины и богато орнаментированный (безъ выдающихся колонокъ); въ 1833 году онъ былъ пріобрѣтенъ для Колодистской церкви въ с. Макіевкѣ, Черкас. у., а до поступленія его въ Макіевскую церковь находился въ Лебединской церкви (Чигирин. у.); 3) достойны вниманія иконостасы въ с.с. Хижинцахъ, Кобелякахъ, Залѣсскомъ, Будищахъ Лысянскихъ, Рѣпкахъ, Майдановкѣ, Окниной, Водяной, Берыбисахъ, Бродецкомъ, Ступичной, Козацкомъ (Варварин. церковь), Глубочкѣ и Кривыхъ-Колѣнахъ (Уманскаго у.).

Что касается *живописи* старинныхъ иконъ, то она въ значительномъ большинствѣ случаевъ превосходно сохрани-

лась и во многомъ превосходитъ современную намъ; отличается яркостью тоновъ, носитъ слѣды католическаго (уніатскаго) вліянія, что сказывается въ округлости формъ изображаемыхъ персонажей, въ свободѣ и непринужденности ихъ позъ и движеній, въ нѣкоторыхъ чисто польскихъ аттрибутахъ и сюжетахъ, какъ-то (очень часто): коронованіе Божьей Матери, младенецъ Христосъ въ коронѣ, 7 мечей, пронзающихъ сердце Божьей Матери (иногда одинъ—въ с.с. Искриной и Мизиновкѣ) польскіе костюмы. Послѣдними, какъ свойственными высшему, „панскому", сословію, надѣлялись изображаемые доморощенными малярами „боги" до половины XIX ст. (напр. картина 1850 г. въ с. Дашуковкѣ, изображающая притчу о мудрыхъ и глупыхъ дѣвахъ; дѣвы въ лентахъ и цвѣтахъ, но костюмы польскіе). Иногда можно встрѣтить совсѣмъ неправославныя иконы, напр. св. Юстинъ-философъ (с. Искрина) или чудная, неизъяснимо прелестная рафаэлевская Божья Матерь въ с. Щербашинцахъ, отданная какимъ-то, кажется, помѣщикомъ въ церковь для вѣчнаго храненія въ ней.

Нѣкоторые иконостасы или отдѣльныя иконы написаны несомнѣнно художниками незаурядными, какъ напр., бесѣда съ самарянкою и бѣгство въ Египетъ въ с. Бродецкомъ, икона Вознесенія въ с. Толмачѣ, нѣкоторыя иконы въ с.с. Рѣпкахъ, Залѣсскомъ, Щербашинцахъ и Лысянкѣ, икона Бож. Мат., итальянской живописи, въ с. Озирной. Исключительная по своему высокому достоинству живопись, какъ мы уже упоминали, сохранилась въ фамильной церкви графа Александра Сергѣевича Голицына (въ с. Козацкомъ).

Изъ *отдѣльныхъ иконъ и картинъ съ религіозными сюжетами* укажемъ лишь на типичныя и характерныя.

Наиболѣе часто встрѣчающіеся въ церквахъ Звенигородскаго уѣзда сюжеты—это:

1) *Явленіе Аврааму трехъ странниковъ.* Обыкновенно изображенъ столъ, на которомъ поставлены 2 или 3 тарелки съ просфорами, 2 или 3 ножа и вилки возлѣ тарелокъ, тарелка съ рыбой (карасями); иногда вмѣсто тарелокъ—чаши

или стаканъ и вино въ бутылкѣ (послѣднее въ с. Мизиновкѣ); Авраамъ прислуживаетъ, а Сарра выглядываетъ изъ-за двери дома.

2) *Бѣгство св. семейства въ Египетъ.* Божія Матерь сидитъ на осляти; въ сторонѣ, вдали, видно, какъ съ пьедестала низвергается идолъ (въ с. Васильковѣ); иногда Божія Матерь съ младенцемъ сидитъ подъ деревомъ, а Іосифъ молится (с. Терешки). Въ с. Кобелякахъ эта картина, художественно написанная, носитъ совершенно свѣтскій характеръ: св. Іосифъ—въ европейской фетровой шляпѣ, въ костюмѣ альпійца, Марія—вполнѣ европейская дѣвица.

3) *Бесѣда съ самарянкою.* Носитъ черты мѣстной жизни: сосудъ опускается въ колодезь на блокѣ (Козацкое, Варвар. церковь; Водяная). Особенно хороша эта картина въ с. Бродецкомъ: фигура самарянки полная, округлая, движенія вольныя, свободныя.

4) *Притча о 10 мудрыхъ и глупыхъ дѣвахъ* обыкновенно носитъ множество чертъ мѣстнаго украинскаго художества: дѣвы обязательно въ вѣнкахъ изъ цвѣтовъ, въ „стрічкахъ", въ красныхъ „черевыкахъ" (а иногда въ польскомъ одѣяніи—въ сс. Майдановкѣ и Дашуковкѣ). Въ с. Берыбисахъ сюжетъ этотъ получилъ дальнѣйшее развитіе примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ быта. На огромномъ полотнѣ (около 20 квадр. аршинъ) изображены въ послѣдовательномъ порядкѣ три момента притчи: а) женихъ выходитъ изъ павильона (!), и къ нему съ одной стороны устремились мудрыя дѣвы, а съ другой—„буія", съ пустыми свѣтильниками; б) вверху картины слѣва изображено торжище: очевидно, глупыя дѣвы отправились на базаръ за покупкой масла; продавцами являются длинноусые чумаки, съ „люльками" въ зубахъ, флегматично отмѣривающіе дѣвамъ требуемое ими количество масла; е) вверху картины, справа—начался уже пиръ (послѣ встрѣчи жениха): одинъ играетъ на „цымбалахъ", двое бьютъ въ тактъ въ ладоши, одинъ пустился въ присядку. Женихъ, какъ это и должно быть согласно ритуалу малорусской свадьбы, въ общемъ весельи

не принимаетъ участія. Произведеніе несомнѣнно мѣстнаго художника конца XVIII ст.

5) *Страданія („страсти") Христовы.* а) Данный сюжетъ также подвергался всевозможнымъ варіаціямъ по вкусу мѣстныхъ художниковъ. Почти въ каждой церкви можно встрѣтить картину мученій Христа, еще болѣе ужасныхъ, чѣмъ это извѣстно изъ Евангелія. Въ с. Майдановкѣ, напр., можно видѣть, какъ два римскіе солдата, положивъ сверхъ терноваго вѣнца на голову Христа коромысло или вообще какое-то бревно, сами повисли на обоихъ концахъ этого бревна; въ с. Толмачѣ на иконѣ Христосъ привязанъ пудовыми гирями къ столбу.

Интересно qui pro quo, случившееся съ художникомъ въ с. Терешкахъ: принявъ, по созвучію, имена Анны и Каіафы за женскія, онъ облачилъ Анну въ женскій старинный украинскій костюмъ: въ плахту, запаску и т. п... Большія картины, изображающія страсти, сохранились въ с. Берыбисахъ и Майдановкѣ. Первая носитъ слѣды уніатскихъ временъ; надписи надъ картинами свидѣтельствуютъ о польскомъ вліяніи: „бичованіе у слупа", „спойманіе въ огрудку".

На второй, подъ сценой, озаглавленной „молитва въ огродцу", подпись:

„Не моя вина къ сему мя кресту прибила;
Вашъ грѣхъ, а моя любовь сіе учинила".

б) Въ непосредственной связи со страданіями Христа находится весьма распространенный сюжетъ, извѣстный въ нашей старинной иконографіи подъ именемъ *„Недреманнаго ока"* *). Кромѣ картины, съ четверостишіемъ внизу, встрѣченной въ с. Глубочкѣ, Уманск. у., и переданной нами въ музей Общества Нестора-лѣтописца **), подобныя же нахо-

*) Изслѣдованіе о „Недреманномъ окѣ", разъясняющее его происхожденіе, помѣщено въ № 1 „Зап. Имп. Харьков. Университ." за 1902 г. (Протоколы Предварит. Комитета по устройству XII Археолог. съѣзда въ Харьковѣ, статья проф. Рѣдина).

**) О ней см. „Кіевская Старина", 1901 г., іюнь (Археологич. лѣтопись).

дятся: 1) въ Лысянкѣ (въ Михайловск. церкви)—относится къ 1855 г. съ подписью: „се лежитъ сей на паденіе и на востаніе многимъ во Израилѣ Р. Б. 1855; м-ца авг. 25". Возлѣ младенца Христа, лежащаго на одрѣ (перынѣ)—различные аттрибуты: перчатки, кошелекъ (для 30 сребренниковъ), лѣстница, щипцы и т. п.; въ качествѣ совершенно новаго элемента является ангелъ въ сторонѣ, держащій въ рукахъ Нерукотворенный образъ (св. Вероника?); 2) въ подобномъ родѣ въ с. Озирной, съ тѣми же аттрибутами, только въ сторонѣ предстоятъ: Матерь Божія, св. Параскева и Иванъ Воинъ; 3) совершенно аналогичная картина въ Ольховцѣ (Николаевской церкви) съ подписью „Haec requies mea"; 4) въ Ольховцѣ (Троицкой церкви)—Спаситель на „перынѣ" и въ терновомъ вѣнцѣ и 5) въ с. Мизиновкѣ—Христосъ спитъ, но не на перинѣ; поблизу его—пѣтухъ.

6) *Св. Варвара и ея страданія.* Здѣсь фантазія художника въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вноситъ всяческое разнообразіе. Варвара обыкновенно въ типичномъ украинскомъ костюмѣ -въ лентахъ, вѣнкѣ изъ цвѣтовъ, на шеѣ мониста, бѣлый отложной воротникъ рубахи и отложной воротъ верхней одежды. Отмѣтимъ здѣсь наиболѣе интересную икону св. Варвары, находящуюся въ Лебединской Георгіевской (бывшій старый монастырь) церкви, снабженную любопытными аксессуарами мѣстнаго характера. Варвара изображена посреди иконы во весь ростъ. Слѣва отъ нея, въ отдаленіи, идетъ по мосту черезъ рѣку „старецъ", увѣшанный „торбами", ведомый мальчикомъ—поводаторомъ. Художникомъ схваченъ тотъ моментъ, когда „старець", испробовавъ предварительно палкой впереди себя почву, осторожно поднимаетъ ногу, чтобы ступить далѣе. Въ отдаленіи, на берегу рѣки, сидятъ два крестьянина-малоросса и удятъ рыбу. На иконѣ есть и надпись: „соорyжилъ сію икону Лебединскій житель Иванъ Пика до монастыра св. Георгіевского Лебединской церкви за чесного игумена іеромонаха Мелхиседека".

7) *Картина Страшнаго Суда.* Къ сожалѣнію, намъ не пришлось встрѣтить почти ни одной характерной, съ соот-

вѣтствующими надписями, картины на этотъ сюжетъ. Если гдѣ онѣ и имѣются, то „пекло“ замазано красной краской такъ, что почти ничего нельзя разобрать. Кое-что, и то съ трудомъ, можно уловить на картинахъ въ с. с. Берыбисахъ, Ольховцѣ (Троицкая церк.) и Лебединѣ (Георгіевская): въ „пекло“ идутъ турки и жиды съ Моисеемъ во главѣ, за ними маляръ съ красками; въ аду мучатся люди всевозможныхъ сословій и профессій: „ворожка“, „чаровница“, „злодій“, Люциперъ и др.; въ Лебединѣ главный чертъ изображенъ со зміемъ вокругъ шеи; у змія—птичья голова. Вверху надъ пекломъ (въ раю)—небесное воинство и ангелъ съ вѣсами. Эти „вѣсы правосудія“ въ с. Ольховцѣ изображены нѣсколько иначе: ихъ держитъ не ангелъ, а самъ Богъ-Отецъ, спустившій руку съ ними съ небесъ изъ-за облаковъ (въ пространство между раемъ и „пекломъ)“; на одной изъ чашекъ вѣсовъ подвергается взвѣшиванію „чоловикъ“ въ бѣлыхъ холщевыхъ шароварахъ и такой же рубахѣ, а на другую чашку черти усиленно что-то накладываютъ, очевидно, грѣхи; не смотря на довольно солидную груду на этой второй чашкѣ, обвиняемый все-таки „переважывъ“ свои грѣхи.

Отдѣльныя иконы и картины. Наиболѣе интересная и вѣроятно самая древняя изъ видѣнныхъ нами иконъ—безъ сомнѣнія, въ с. Щербашинцахъ (на пограничьи съ Каневскимъ уѣздомъ). Икона эта имѣетъ свою исторію, къ сожалѣнію, легендарную. Въ давнія времена (б. мож. XVI—XVII в.) на то село, гдѣ находилась данная икона (были ли это Щербашинцы или иное какое село—неизвѣстно; въ Щербашинцахъ первая церковь была сооружена въ 1722 году), произвели нападеніе Крымскіе татары; одинъ изъ невѣрныхъ ворвался въ церковь и ударомъ кинжала пронзилъ икону Божіей Матери, попавъ въ самое сердце; на мѣстѣ раны выступила кровь, и съ тѣхъ поръ икона стала считаться особенно чтимой. Въ настоящее время икона эта, довольно большихъ размѣровъ (около 2 кв. арш.), вставлена въ кіотъ и вся увѣшана серебряными и жестяными привѣсками, монистами—даръ благодарныхъ паломниковъ. Послѣдніе явля-

ются сюда не только изъ окрестныхъ селъ и уѣздовъ, но иногда можно встрѣтить пилигриммовъ изъ Подольской губ. Икона, какъ говорятъ, сохранилась въ первоначальномъ видѣ. Въ нижней части кіота изображена упомянутая сцена кощунства: видимъ двухъ татаръ, въ чалмахъ, въ типичныхъ татарскихъ костюмахъ; они сошли съ лошадей, и одинъ изъ нихъ занесъ кинжалъ, чтобы прободать икону. Подъ рисункомъ — объяснительная надпись, надо думать, начала XIX или конца XVIII в. (писано полууставомъ):

„Стеблевъ *) и окрестность татаре разориша,
Плениша христіанъ, святини оскверниша.
Для помѣщенія мсковъ **) изъ храма веси сей
Содѣлаша вертепъ. Тамъ въ ярости своей
Поганинъ-Крымецъ, зри, кинжаломъ прободаетъ
Родившую Того, Кто жизнь даетъ, спасаетъ.
Горѣ оставлена та рана, яко есть:
Что сынъ отъ копія, подобно мать несетъ“.

Въ с. Бродецкомъ имѣется икона „Страждущаго Спасителя“ (второй половины XVIII ст.): кровь струится изъ рукъ, изъ ребра, съ лица (головы); передъ Нимъ сосудъ—уже полонъ крови. Подъ иконой подпись:

„Обачъ, грѣшниче, жемъ терпѣлъ раны.....бъ, ото бокъ мой отворяю повторнѣ для тебе;
Видиши руцѣ и бокъ прободенъ, крове моея сосудъ наполненъ.
Розгами и бычми убиенно тѣло, грѣхми своими мучишъ мя зѣло.
Воззри, грѣшниче, и прослезися, перестань грѣховъ—можешъ спастися“.

Въ с. Кобелякахъ находится изображеніе Почаевской Б. Матери. Подъ изображеніемъ подпись: „року 1773 коронована Климентомъ“; время писанія иконы — 1799 г., сен-

*) Ближайшее мѣстечко Каневск. у.
**) Лошадей.

тября 17. По бокамъ изображенія представлены чудеса, совершенныя Почаевской Б. Матерью и подписи къ нимъ: „Мертвые встають изъ гроба“, „Исцѣление оций“, тутъ же любопытный сюжетъ (извѣстный еще изъ Патерика Печерскаго): монахъ несетъ въ рукахъ собственную отсѣченную голову; поясненіе къ этому изображенію дано слѣдующее: „стятый отъ татара голову свою принесъ пидъ образъ Божои Матери з неволѣ отъ татаровъ однимъ днемъ ставъ въ Почаевѣ предъ чудовную икону.“ На той же общей картинѣ, слѣва, еще одно довольно непонятное аллегорическое изображеніе: чьи-то руки, когти, ноги, длинное туловище и хвостъ; подпись—„Вота“ (не Roma-ли?). Въ той же Кобелякской церкви существуетъ и копія (позднѣйшая) этой картины. „Истинное изображеніе чудотворной иконы Пресвятыя Богородицы Почаевской. Вѣнчаніе ҂аѱ҃ѓ, ӣ сентября“ мы встрѣтили и въ с. Шубиныхъ-Ставахъ—въ кіотѣ, съ гладкими позолоченными колонками.

Остается еще только отмѣтить иконы и картины: 1) въ с. Козацкомъ (Варваринск. церковь)—изображаетъ дѣтство Христа въ бытность его у Іосифа: въ комнатѣ разбросаны плотницкіе инструменты; Іосифъ и Іисусъ отмѣриваютъ для распилки доски снуркомъ, натертымъ мѣломъ; на столѣ свѣтитъ „каганецъ“; Божія Матерь занята рукодѣліемъ; 2) въ с. Кобелякахъ—картина, изображающая Рождество Дѣвы Маріи: двѣ женщины купаютъ младенца Марію въ корытѣ; другія—несутъ на тарелкахъ яства и проч.; обстановка вполнѣ домашняя, навѣянная мѣстными бытовыми условіями; 3) въ с. Мизиновкѣ икона Богоматери—въ малорусской холщевой рубахѣ, воротъ стянутъ снуркомъ; 4) икона на *черномъ сукнѣ* въ Лебединѣ (Георгіевской церкви): Спаситель на крестѣ, у ногъ—Божія Матерь и Іоаннъ Креститель,—уже начала XIX столѣтія; 5) *загадочная* икона въ с. Залѣсскомъ (въ 1 ярусѣ иконостаса). На иконѣ изображены три фигуры: посрединѣ, повидимому, Моисей, слѣва—молодая женщина; справа—сѣдой мущина, съ миртовой вѣтью въ рукѣ; внизу картины—X заповѣдей; вверху—3 ангела. Всѣ три фигуры—на обла-

кахъ. Тамъ же, въ с. Залѣсскомъ, имѣется и другая икона: посреди ея стоитъ Божія Матерь съ возведенными очами „горѣ“; вокругъ нея—множество народа; внизу—еврейская надпись (3 строки); 6) небольшая (4 вершка въ діаметрѣ) иконка овальной формы на желѣзномъ кругѣ. Съ одной стороны изображена Божія Матерь съ младенцемъ Іисусомъ — въ коронахъ; на обратной — Василій Великій. Фонъ обѣихъ сторонъ — золотой; на этомъ фонѣ написаны обѣ иконы. Живопись половины XVIII ст., уніатская.

Заканчивая нашъ небольшой отдѣлъ объ иконахъ и картинахъ церковнаго характера, въ заключеніе скажемъ нѣсколько о томъ, откуда мѣстные художники брали оригиналы для своихъ произведеній, что́ служило для нихъ образцомъ. Въ настоящее время во вновь строющихся церквахъ можно встрѣтить безвѣстныхъ въ своемъ родѣ „художниковъ“, которые добросовѣстнымъ образомъ, насколько позволяетъ имъ ихъ талантъ, копируютъ живопись Владимірскаго Собора въ Кіевѣ по изданнымъ недавно художественнымъ альбомамъ снимковъ. Какими альбомами могли пользоваться наши мѣстные доморослые богомазы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, въ значительной степени, можно получить, сличивъ нѣкоторые сюжеты церковной живописи съ гравюрами Осадчаго, іеромонаха Козачковскаго Аверкія (главнымъ образомъ), Георгія и Макарія — въ богослужебныхъ книгахъ изданія Кіево-Печерской лавры XVIII ст. *) и Евстафія Завадскаго (въ концѣ XVII ст.) — въ изданіяхъ Львовскаго Ставропигіальнаго братства. Гравюры эти, какъ извѣстно, запечатлѣли множество бытовыхъ чертъ и мѣстныхъ особенностей, даже въ сюжетахъ, повидимому, слишкомъ отдаленныхъ и чуждыхъ для мѣстной жизни. Кажется, на что ужъ далеки отъ насъ событія библейской исторіи, а они въ гравюрахъ нашихъ малорусскихъ художниковъ получили мѣстную окраску. Достаточно взглянуть на такіе сю-

*) Послѣднее, какое мы встрѣчали, изданіе съ гравюрами относится къ 1901 г.

жеты, какъ жизнь первыхъ людей по изгнаніи изъ рая: Адамъ работаетъ въ полѣ (коситъ), Ева, съ ребенкомъ за спиной, помогаетъ ему. Возлѣ Евы самые обычные предметы домашняго хозяйства: петрушка, бурякъ (свекла), цыбуля и т. п. Пріемъ Авраамомъ трехъ странниковъ обнаруживаетъ чисто украинское гостепріимство. Еще интереснѣе гравюры, изображающія событія новозавѣтныя: необычайно типично передается во всѣхъ редакціяхъ южно-русскихъ гравюръ притча о блудномъ сынѣ и о богачѣ и бѣдномъ Лазарѣ. Здѣсь въ мельчайшихъ подробностяхъ изображенъ южнорусскій бытъ, перенесенный на событія, происходившія XVII вѣковъ тому назадъ. Даже въ такихъ мелочахъ, какъ костюмъ фарисея или діавола, искушающаго Христа, можно видѣть элементъ чисто южнорусскій.

Не удивительно, что наши мѣстные художники, имѣвшіе передъ глазами прекрасно исполненныя гравюры въ Евангеліи, Дѣяніяхъ Апостоловъ и другихъ богослужебныхъ книгахъ южнорусской печати, являлись лишь подражателями и добросовѣстно копировали многіе изъ распространенныхъ въ нашихъ древнихъ церквахъ сюжетовъ. Такъ, напр., явленіе Аврааму трехъ странниковъ могло быть взято непосредственно съ гравюры Евангелія Кіевской печати изданія первой четверти XVII ст. (гравюра Осадчаго) или изъ Требника, изданнаго въ началѣ XVIII ст. при Іоасафѣ Кроковскомъ или, наконецъ, изъ Октоиха Кіевской печати изданія 1768 г. (гравюра іеромонаха Григорія). Гравюры этихъ книгъ совпадаютъ въ точности съ произведеніями мѣстныхъ художниковъ, видѣнными нами во многихъ церквахъ. „Бесѣда съ самарянкою"—гравюры въ Львовскомъ изданіи Евангелія 1690 г., въ Тріоди цвѣтной Кіевской печати 1765 г. „Святой Николай и его чудеса"—въ Требникѣ начала XVIII ст. Іоасафа Кроковскаго. Въ этой книгѣ, равно какъ въ Псалтыри и Минеѣ мѣсячной 1766 г., а также въ Тріоди постной 1761 г. (Іоаннъ Лѣствичникъ), мы находимъ изображенія Кіево-Печерской лавры и вообще церквей южнорусскаго типа.

Мы имѣли возможность видѣть только случайно нѣкоторыя изданія съ гравюрами; если же ихъ просмотрѣть всѣ и сличить съ нашими церковными иконами и картинами, число заимствованій конечно можно было бы констатировать въ значительно большей степени.

Церковныя облаченія и утварь. Церковная древняя утварь и облаченія почти нигдѣ не сохранились. Въ ризницѣ Георгіевской церкви въ Лебединѣ, какъ намъ сообщали, хранятся ризы временъ Елисаветы Петровны и Екатерины II; холщевые подризники (обычная бѣлая рубаха), съ вышивками нитками по подолу, сохранились въ сс. Бродецкомъ, Антоновкѣ, Козацкомъ (Варваринск. церковь), Залѣсскомъ и Вотылевкѣ.

Болѣе интересныя плащаницы имѣются въ Георгіевской церкви въ Лебединѣ съ неканонической надписью вокругъ изображенія Христа: вмѣсто „покрывъ положи" — *„поклавъ положи"*; въ с. Козацкомъ (Варваринск. церковь) — это же мѣсто еще варьируется: *„закрывъ положи"*; въ с. Кривыхъ Колѣнахъ, на небольшомъ кускѣ холста — со множествомъ фигуръ, стоящихъ у лежащаго Христа.

Изъ антиминсовъ—самый древній 1770 г., въ с. Лоташовѣ, данный преосв. Іовомъ, еписк. Переяславскимъ и Бориспольскимъ.

Изъ *чашъ* болѣе интересны—золотая въ Лебединѣ (въ Георг. церкви), вылитая изъ турецкихъ золотыхъ цехиновъ, и нѣсколько уніатскихъ, маленькихъ оловянныхъ, съ крышками въ с. Козацкомъ (Варваринск. церковь), Кобелякахъ, Босовкѣ и Водяной.

Въ Лысянкѣ (въ Михайловской церкви) имѣется высокій на подставкѣ, обычнаго уніатскаго типа *крестъ* съ надписью жертвователя: „нѣкоторый боголюбецъ князь Августъ-Николай *) сооружи крестъ сей до церкви святой на вѣчную памятку, въ службу Богу всемогущему, р. 1788, мая 9"; изъ другихъ крестовъ можно отмѣтить въ с. Ольховцѣ (Ни-

---

*) Радзивиллъ.

колаевская церковь)—большой, оловянный, основаніемъ которому служитъ башня, въ с. Босовкѣ — съ богатымъ тисненіемъ, въ с.с. Хижинцахъ и Щербашинцахъ большіе деревянные кресты съ цвѣтными каменьями, съ серебрянной подставкой.

Старинный *дискосъ* сохранился въ м. Лысянкѣ (Михайловская церковь) съ надписью: „Року 1728 сооружися сия патина до храма св. архангела Михаила *) в Лисянку из звѣздою, а позолотилъ панъ Петро Стеценко".

Оригинальная *дарохранительница* сохранилась въ с. Залѣсскомъ. Это небольшой оловянный ящикъ, съ отдѣленіемъ для вина (бутылочки) и небольшимъ сосудикомъ—для даровъ; застегивается какъ старыя церковныя книги.

Очень интересные *вѣнцы*—деревянные, маленькіе (изъ „лубка") сохранились въ с. Лотошовкѣ; жестяные, 3 вершка въ діаметрѣ—въ с. Чемерискомъ.

Статуй или *фигуръ* въ церквахъ нигдѣ не сохранилось. Еще недавно въ с. Лотошовкѣ стояла въ церкви деревянная фигура архангела Гавріила, а въ с. Босовкѣ—за престоломъ фигуры ангеловъ. Одинъ изъ этихъ ангеловъ еще сохранился въ селѣ **). Въ с. Мизиновкѣ, также, въ алтарѣ, чудная икона Божіей Матери, вырѣзанная изъ дерева, прибита къ стѣнѣ въ качествѣ отдѣлки и имѣетъ по сторонамъ деревянныя фигуры ангеловъ, а вверху — рѣзныя фигуры Бога Отца и Св. Духа (въ видѣ голубя).

Богослужебныя книги. Богослужебныя книги XVII—XVIII ст., сохранившіяся въ церквахъ и находящіяся по сію пору въ употребленіи, почти исключительно южнорусской печати: Кіевской, отчасти Черниговской (всего 3 книги), По-

*) Построеннаго въ 1723 году.

**) Оригинальное примѣненіе сдѣлали изъ него крестьяне с. Босовки: когда ремонтировалась церковь, то мѣстныя сельскія власти, для того чтобы не вступать въ длинные разговоры съ крестьяниномъ, обязаннымъ выйти на работу въ церковь или давать пищу для рабочихъ, тайкомъ вкидывали этого ангела въ окошко хозяину, и этимъ безапелляціонно устанавливалась упомянутая повинность.

чаевской (2 книги). Изъ всего количества (82) размотрѣнныхъ нами книгъ только 8 изданы въ Москвѣ; болѣе чѣмъ для 10 книгъ не опредѣлено мѣсто изданія (дефектные экземпляры). Книгъ, относящихся къ XVII в., очень немного: Евангеліе 1690 г. изд. Львовскаго ставропигіальнаго братства, съ гравюрами 1681 г., въ Лысянкѣ (Михайл. церковь); „Служебникъ" 1646 г., Львовское (4-е) изданіе тщаніемъ и иждевеніемъ превелебнаго Арсенія Желиборскаго, епископа Львовскаго, въ с. Ольховцѣ (Николаевск. церк.); Тріодь постная—1639 года, Кіевской печати, въ с. Сидоровкѣ (Каневскаго у.); Минея праздничная 1685 г., Черниговской печати—въ с. Ольховцѣ (Троицк. церковь); Октоихъ 1699 г., Кіевской печати „оправленный до церкви Лисянской 1787 года окт. 20 дня"—въ Михайловск. церкви м. Лысянки.

Встрѣчаются иногда и рукописныя богослужебныя книги, писанныя полууставомъ. Такъ въ с. Антоновкѣ имѣется „Ирмолой" съ нотами, огромная книга въ кожанномъ переплетѣ, писанная полууставомъ. Есть въ книгѣ запись: „написася въ с. Халепи, въ отчинѣ Кіево-Софійскаго монастыря, при храмѣ Вознесенія Господня. 1778. Написалъ дьячокъ Кузьма Алексѣевичъ Савченко"; такіе же Ирмолои есть въ Лебединской Георгіевск. церкви и въ с. Козацкомъ (Рожд.-Богор.); въ Лебединской же церкви имѣется еще и рукописный Часословъ съ надписью, что книга эта „списася рабомъ Божіимъ Пантелимономъ въ мѣстечку Валявѣ *) при храму Покрова Пресв. Б—цы року Божого 1746 и куплена за 400 полушекъ". Интересно было бы разсмотрѣть рукописную „Тріодь Постную" въ м. Ольшаной (въ старой церкви), въ которой на поляхъ во многихъ мѣстахъ имѣются замѣтки, не лишенныя историческаго интереса. Между прочимъ имѣется запись, что 29-го сентября 1766 замученъ титарь Т. **) Кушниръ, трагическую смерть котораго запечатлѣлъ въ своей безсмертной поэмѣ „Гайдамаки" Т. Г. Шевченко, уроженецъ

*) Черкасскаго уѣзда.

**) Кажется, онъ извѣстенъ въ литературѣ съ именемъ Данила.

ближайшаго къ м. Ольшанѣ с. Кирилловки *). Въ с. Кобылякахъ имѣется рукописный Обиходъ церковный (находящійся въ настоящее время въ церкви с. Чижовки, Звенигор. у.).

Изъ книгъ не богослужебныхъ, но хранящихся въ церковныхъ архивахъ, можно указать на слѣдующія. 1) *„Ключъ Разумѣнія“ Галятовскаго,* писанную полууставомъ. Въ книгѣ имѣется двѣ записи: болѣе старая (зачеркнутая) и новая; старая -гласитъ слѣдующее: „сію книгу, глаголемую Ключъ Разумѣнія, купилъ панъ селенія Малина Чудновскаго рода и надалъ на Рождество Святого Миколая Притиского за державы Благовѣрнаго царя и вел. князя Алексѣя Михайловича, Всея Россіи Самодержавца, и за ктитора пана Петра Полюдного, а за скарбника Василія .... а на тотъ часъ у св. Николая служащаго“. Книга эта, находящаяся въ Рождество-Богородицкой церкви с. Козацкаго, попала сюда изъ с. Сегединецъ, Каневск. у. Изъ болѣе новой надписи видно, что она еще побывала и въ с. Нестеровѣ и подарена въ 1771 г. попадьею Нестеровскою Анною Янишевскою. 2) Въ Ольховцѣ (Никол. церкви)—рукописный Синопсисъ Гизеля. 3) Алфавитъ духовный 1761 г.—Чернигов. печати въ Ольховцѣ (Никол. церкви). 4) Лѣто-счислительное изображеніе Россійской исторіи, иждевеніемъ и трудами Ильи Яковлева. Спбргъ 1798, въ Ольховцѣ (Николаевской церкви). 5) Десидерій, или стезя къ любви Божіей, 1785 г. Спб. Съ дозволенія Святѣйшаго Синода,—тамъ же. 6) Священномученика Іустина-философа разговоръ съ Трифономъ-іудеяниномъ. Спб. 1797. Переложилъ съ еллиногреческаго на Россійскій языкъ синодальный членъ Ириней, архіеп. тверской,—ibid.; 7) Польскій сборникъ, преимущественно изъ переводовъ: мелодрамъ, сатиръ и т. п. Сюда вошли: 1) Christus judex za (?) Pana Zbawiciela Naszego—1752 (na scenę musykalną i melodramatycką nabożnym wypro-

*) Къ сожалѣнію, обстоятельства такъ неудачно сложились, что мы не имѣли возможности осмотрѣть ризницы и особенно архива Ольшанской церкви, содержащаго, по словамъ мѣстнаго причта, не мало интересныхъ предметовъ.

wadzony roku 1752 z włoskiego metru); Helena na Kalwaryi, melodrama Petra Matastazyusza poety cesarskiego—śpiewano r. 1747. Przetłòmaczono r. 1752 Warszawa; Nawrocienie Św. Augustyna,—spiewano 1750, przetłòmaczono r. 1751 Warsz; Satyra na teologow ktorzy ludzi dyspensują od milości Boskie—przetłomacz. 1753, Warszawa; Satyra na całe plemię ludźkie (перев. изъ Буало); Satyra na zle żony (изъ Мольера). Внутри книги имѣется запись: „въ 1814 г., мая 10, въ Гребеняхъ (Кіев. у.), та книга дарована отъ Станислава Виницкаго, поручика бивших войскъ польскихъ и цесарскихъ, Ивану Мошинскому, который у насъ служилъ за эконома летъ три въ Гребеняхъ". 8) Городская и деревенская юмористика (?), слово или забавы и удовольствія разума и сердца въ праздное время, ч. IV, Москва, 1782. *Вольтеръ*. Сельскія ночи, поэма въ 10 пѣсняхъ. Спб. 1792.

Во многихъ церквахъ (въ 9) между прочимъ имѣется рѣдкое нынѣ періодическое изданіе: „Кіевскія Губернскія Вѣдомости", большею частью разрозненное, но иногда и полный комплектъ за 1846—1868 г.г., напр. въ с. Щербашинцахъ.

Документовъ, имѣющихъ болѣе общій интересъ, мы не встрѣчали. Имѣются эрекціи и визиты церквей второй полов. 18 ст. (въ с.с. Бродецкомъ, Хижинцахъ, Козацкомъ—Р.-Богор. церкви), указы конца 18 и нач. 19 ст. протоіерея Іоанна Радсимовскаго, сыгравшаго крупную роль въ исторіи мѣстной церковной жизни; въ с.с. Антоновкѣ и Ольховцѣ (Никол. цер.)—часть архива бывшаго Звенигор. Дух. Правленія за 1803 и 1844 годы; архивъ въ с. Глубочкѣ (Уманск. у.) *). Весьма любопытно было бы узнать, какая участь постигла документъ Юрія Хмельницкаго, отъ 18 дек. 1659 г., на ставъ и млынъ Ольховецкому братству и церквамъ, и другіе документы на это угодье, о которыхъ упоминаетъ г. Похилевичъ *). Кажется, если они существуютъ, то должны быть въ Николаевской церкви с. Ольховца, хотя мѣстный причтъ по этому вопросу далъ отрицательный отвѣтъ.

---

*) О немъ см. „Кіевской Стар." 1901 г., іюнь (Археологич. лѣтопись).

Еще два слова о *метрическихъ книгахъ.* Метрическія книги въ видѣ спеціальныхъ систематическаго веденія записей о родившихся и умершихъ, а впослѣдствіи и бракомъ сочетавшихся, заведены въ нашемъ районѣ около 3-й четверти XVIII ст. Самыя древнія метрическія книги, за 1777—1788 гг. хранятся въ Лысянской Михайловской церкви. Начаты онѣ при священно-іеромонахѣ Инокентіи Василевскомъ, чину Василія Великаго (записи ведутся на русскомъ языкѣ), затѣмъ слѣдуютъ другіе настоятели, базиліане; съ 1787 г. записи хотя и на русскомъ языкѣ, но латинскими литерами. Въ книгахъ немало записей, имѣющихъ мѣстный интересъ, а также замѣчаній визитаторовъ, посѣщавшихъ Лысянку. Изъ другихъ болѣе древнихъ метрическихъ книгъ можно указать на имѣющіяся въ с. Берыбисахъ съ 1782 года и въ сс. Лоташовѣ и Козацкомъ (Варваринск. церковь) съ 1798 г.

Литературныя мелочи. Въ богослужебныхъ книгахъ на переплетахъ и на поляхъ страницъ, а еще чаще въ метрическихъ книгахъ, можно нерѣдко встрѣтить различныя мелкія записи, не имѣющія какого-либо крупнаго значенія, но иногда характерныя для мѣстнаго быта, мѣстной исторіи и языка. Въ богослужебныхъ книгахъ чаще всего можно встрѣтить записи жертвователей, предающихъ анаѳемѣ всякаго, кто въ будущемъ дерзнетъ когда-либо „отдалить“ отъ церкви вручаемую ими этой послѣдней книгу. Вотъ напр. запись на евангеліи въ с. Толмачѣ, попавшемъ сюда изъ Лысянки: „Сія книга, рекомая сщенное евангеліе, купилъ еи рабъ Божій Андрей Бутко съ женою своею Маріею и съ чадами своими Игнатиемъ и Наталиею и младенцами Матѳеемъ, Павломъ и Христиною и вручаи еи церкви Вознесения Господня вѣчними часи, и ратуй Боже людини якои, то щобъ евангеліе сіе тамъ же хованое було, идеже усѣ вещи церковніи будутся ховати щобъ и ховано тамъ було; а хто бы моглъ еи отдаляты или отдалити отъ церкви Вознесенія Господня, будетъ проклятъ яко Содомъ и Гоммора и яко маранаѳа *) на вѣки вѣковъ, аминь. Записана сія книга при лю-

*) Евангельское проклятіе.

дехъ зацныхъ и вѣри годнихъ: при ктитару на той часъ будущему Данилу Шпаку и при ключнику Іоану Сѣколенку мѣрошнику и при цѣлому братству. Р. Б. 1737; мца іюня 12 дня. Іерей Федоръ Прэчистенскій Лисянскій *) рукою власною подписуюсь; подпись другимъ почеркомъ, а затѣмъ снова прежнимъ-: Іерей Яроцкій, пресвитеръ св. Вознесенский Лисянский". Или вотъ иная (1775 г.): „азъ, раба Божія Марина, вдова жителка Бужанскаа **), отмѣнила сію книгу зовомую священное евангеліе за цену рублей 13, которую вручаю о. Ѳедору пресвитеру Дашуковскому храму св. Ивана Богослова, аби за мене и моихъ сродниковъ живихъ и преставленнихъ, покы его житя Бога молилъ, и абы до онои кныгы не имѣлъ нихто жаднои справы или упору, а по смерти его да будетъ и чадомъ его ***); а храни Боже якои руины и гоненія, то волно будетъ оному пробувать, тамъ и оную книгу употребитъ, на что и повторне приказую и утверждаю; ежели б хто моглъ в оную втручатися, да будетъ проклятъ маранаѳа, а при имени своемъ подписуюся своеручно тако крестомъ святимъ: Марина вдова Бужанска +". Очень часто въ записи въ точности указывается стоимость пожертвованной книги: „подарено Василемъ Лисенкомъ до храму Успенія Пр. Богородицы Ольшанского цѣною за 9 талярей, р. Бож. 1736, м. февр. 21 дня. Куплено у честного господина отца Матѳея Обогодовскаго бывшаго", (т. е. священника?) (евангеліе въ с. Майдановкѣ) или: „куплено Иваномъ Гринченкомъ за золотыхъ полскихъ сто до церкви Хижинской", и затѣмъ условіе, что никто не можетъ отнять подаренное имъ Евангеліе *„прочъ его собстеенныхъ синовъ, когда будуть въ чину іерейскомъ"*, а если не будутъ, то „не маютъ до него и отбирать права. Дѣялося дня 18 іюня 1786 р."

*) Ѳеодоръ Григоровичъ, священствовавшій съ 1720 г. въ Успенской церкви.

**) Село Звенигородскаго уѣзда.

***) Иногда это мѣсто варьируется: „аби за мене и моихъ сродниковъ живыхъ и переставленныхъ сорокоустъ правилъ цѣлий и аби нихто не имѣлъ интерссу до онои книги" (Тріодь цвѣтная въ с. Дашуковкѣ).

(Евангеліе въ с. Хижинцахъ); „куплено за цену 7 полтинъ за колядни денги 1772 г. (Дѣянія Апостоловъ въ с. Шубиныхъ-Ставахъ); „за полтретя рубля Яковомъ Снѣжкомъ Злотникомъ 1761 г. (Дѣянія Апостоловъ въ Лысянкѣ): еще точнѣе запись въ Тріоди постной въ с. Кобелякахъ: „купилъ Петро Красноставскій въ Кіевѣ, давъ за ню рублей сребныхъ 6, а то такимъ способомъ (неразобраны нѣсколько словъ).... пшеницы корцевъ 6, а Петро Красноставскій тую пшеницу продавъ и купивъ Триодь сію до храму" и т. д.; запись 1761 года.

Иногда попадаются отрывочныя записи лѣтописнаго характера: „D. 29 augusta 1793: „słonce się miniło we czwartek od jednastey do trzeciey", а затѣмъ другимъ почеркомъ: „W tym roku y żiemia trząsła w Pilipowkę, w niedziele z wieczora do godziny lub daley". „W roku 1793 ludność z domów w Lotoszowey płci męskey 203; płci niewieskey 224 (niezdomnych 322)". Roku 1794 d. 16 nowembra nająłę chłopca imienem Tryfona: Swytka, por(t?) tretyna y buty nowy y żyta pół dnia zasjejać; na rok cały słuzyć. Przy tym był Iwan Hanenezak" „Ивана Лукияненка жена Тетяна в масницу сира взяла на роботу на громадѣня за копѣекъ десять"; „Roku 1792 pożyczyw cerkownych skamejek dwi u mene s pod chaty moiey dla posażdenyia ludyi na obidi, kotory wstawił za swoich srodnikow, *ta dobroy i niotkudu ne ymiu z żiieliw pomoszczy*. Podpisujuś się S. Omelski, paroch Lotoszowsky" (изъ метрической книги въ с. Лотошовой). Подобныя записи нерѣдко можно встрѣтить въ старинныхъ церковныхъ книгахъ, куда священники, для вѣрнѣйшей сохранности, заносили свои хозяйственнныя замѣтки.

Въ богослужебныхъ книгахъ встрѣчаются нерѣдко проявленія дьячковской музы XVIII вѣка. Рядомъ съ гравюрой царя Давида въ Минеѣ праздничной (с. Кобеляки) можно встрѣтить такого рода сентенцію: „Помни пани на Давыда— моя сукня лежыть въ жыда"; въ скобкахъ пояснено, какую *пани* надо здѣсь разумѣть... „хто спить до слонца сходящого, той не втече пекла горящого" (Лысянка, Синодальныя

поученія, 1778 г.); „Проба пера и чорныла, бо дивчына чорнобрыва. Серце, братику, прыйды — поцилую; знисъ китъ яйце—подарую".

Наконецъ, въ с. Щербашинцахъ, на свободномъ листкѣ одной изъ богослужебныхъ книгъ (въ уніатскомъ Требникѣ) записана, почеркомъ начала XIX ст., покаянная пѣснь, извѣстная въ литературѣ (кажется, въ одномъ изъ Почаевскихъ богогласниковъ). Вверху пояснено, что это копія „по старопечатному образцу", хотя текстъ, по-видимому, искаженъ до неузнаваемости.

Не имѣя возможности сличить копію съ печатнымъ оригиналомъ, приводимъ ее въ томъ видѣ, какъ она записана:

„Егда душа отъ тѣла разлучается, страхъ великій
видячи ужасается,
Забываетъ пріятелей, отца, матеръ, жону, и дѣтей
и все богатство.
Не вспоминаетъ южъ о мешканію въ тяжескимъ смутку
и вздыханью (!)
Земного панства, туги велия зѣло по братямъ,
на воздусѣ (!)

Страхъ великъ, за злое дѣло гоними якъ яка птица, а вопіетъ якъ горлица по своемъ сыну отлученія. Ратуй, Пане; ратуй, Творче, милосердный Боже, отъ согрѣшу (неразборчиво) едину—полно зрить кончину, стражу (!) своему жалосне со слезами вопіетъ къ нему: Ти предстатель мой и замлодости да доведетъ (!) до роста, не до пропасти. Не допусти же, хранителю-ангелу, мучителю въ руци попасти!".

Затѣмъ ниже:

„Ангелъ слушне вопіетъ, о человѣче, вспомни себѣ
злосливе, о роскошниче,
Не помѣрѣ во всемъ мирѣ собирались, сокрывались
себѣ достатку, тогда грѣшное тѣло
Все потемнѣло, въ земли червами снѣденное
и смрадное зѣло,

Богъ по дѣломъ душу съ тѣломъ
Разлучаетъ и вручаетъ в пекли на вѣки
Сего злаго и проклятого насъ сохранить и боронить
васъ, христяне . . . . .“.

Въ заключеніе, приводимъ выписку изъ брачнаго обыска въ с. Козацкомъ (Рождество-Богородицкой церкви) о бракосочетаніи графа Александра Сергѣевича Голицына съ графиней Колюмна-Валевской; запись сдѣлана подъ № 4 въ апрѣлѣ 1823 года протоіереемъ Іоанномъ Радзимовскимъ, собственноручно вписавшимъ этотъ актъ въ книгу. Любопытно то, что запись сдѣлана, очевидно, заднимъ числомъ, такъ какъ другой № 4-й, первоначальный, имѣлся уже и раньше. Обыскъ гласитъ слѣдующее: „По исполненіи служащихъ къ законному браку обысковъ и въ сходство отношенія римско-католическаго закона, духовенство увѣряющаго о распорященіи супружества зъ графомъ Александромъ Ходкевичемъ, того исповѣданія, господжи графини Каролины, воеводы Сироцкаго графа Михаила Валаевскаго Колумны дочери, 40 лѣтъ, по добровольному согласію помѣщика села Козацкаго и графа россійскаго князя Александра Сергѣевича Голицына, лѣтъ 36, и бывшаго прежде ни на комъ женатаго, съ прописанною графинею Каролиною, Михайловой дочерью, въ Козачанской Богородицкой церкви, по совершеніи литургіи и въ присутствіи поручителей: помѣщика Шаулихскаго графа Владислава Биржинскаго и Курландскаго драгунскаго полка капитана Боржановскаго, по чиноположенію Греко-восточной церкви, бракомъ сочеталъ градскаго Звенигородскаго Преображенскаго собора протоіерей Іоаннъ Радзимовскій“.

Таковы результаты осмотра нами церквей въ Звенигородскомъ уѣздѣ.

Въ настоящемъ засѣданіи 1) *Слушали:* предложеніе г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, отъ 28 января за № 1500, на основаніи предписанія г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, отъ 10 января за № 675, о томъ, чтобы гг. предсѣдателями ученыхъ обществъ не были

допускаемы въ публичныхъ засѣданіяхъ обществъ къ чтенію доклады, „неудобные по своему содержанію“, вообще, и для публичнаго обсужденія, въ частности, и чтобы отъ воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній требовалось разрѣшеніе начальства этихъ заведеній на посѣщеніе засѣданій Общества.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію и руководству на будущее время.

2. Была произведена баллотировка членовъ, предложенныхъ по запискамъ на должность казначея Общества, ставшую вакантной по смерти поч. чл. Ѳ. Я. Фортинскаго.

Избраннымъ въ казначеи оказался д. чл. *Г. Г. Павлуцкій.*

VIII. Засѣданіе 9 марта.

а, Д. чл. **Л. С. Личковъ** прочелъ докладъ *„Къ исторіи заселенія Черноморскаго побережья Кавказа“*.

Вопросъ о насажденіи поселеній на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря впервые обсуждался въ Комитетѣ Министровъ въ 1832 году, который постановилъ разрѣшить козакамъ селиться при Анапѣ, Геленджикѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ будутъ сооружены укрѣпленія, безъ всякихъ особенныхъ вспоможеній отъ казны и лишь съ освобожденіемъ отъ податей, повинностей и воинскихъ обязанностей, кромѣ защиты отъ горцевъ. Объявленныя льготы были недостаточны для привлеченія свободныхъ поселенцевъ, потому что война была въ самомъ разгарѣ и горцы производили постоянные набѣги на побережье. Пришлось прибѣгнуть къ принудительному заселенію и выбрать при этомъ такихъ людей, которые были бы способны отражать постоянные набѣги горцовъ. Поэтому, въ половинѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія принудительно была поселена часть Кубанскихъ козаковъ въ 12 намѣченныхъ пунктахъ, названныхъ станицами; къ Кубанцамъ присоединили немного Азовскихъ козаковъ, а также, почему-то, матросовъ и разночинцевъ г. Николаева. Поселенцы выбирались по жребію; имъ давалось по 30 десятинъ земли

въ общинномъ надѣлѣ на семью. Поселенцы съ тоской взирали на окружающія ихъ горы и при первой возможности старались убѣжать; хозяйство у нихъ положительно не шло, они сильно страдали отъ лихорадки, и смертность между ними была очень значительна; взятый ими изъ своихъ кубанскихъ станицъ черноморскій скотъ тоже не выдерживалъ мѣстнаго климата, а хлѣба, посѣянные по низинамъ подъ плугъ на большую глубину, родили жалко и невѣрно. Три года сряду они получали пособіе отъ казны: ежемѣсячно паекъ по 1 пуду 32 фунта муки на взрослую мужскую душу, а до 7-лѣтняго возраста полупаекъ; кромѣ того имъ выдавалась говядина, капуста, цибуля, хлѣбъ, водка и деньги на соль. Поселенцамъ одновременно надо было и строиться, и спѣшно разрабатывать землю, и отбиваться отъ горцевъ, и приспособляться къ новымъ условіямъ жизни. Хозяйство они могли вести лишь такъ, какъ вели на родинѣ, потому что иного не знали, и поэтому все выходило у нихъ на перекоръ природѣ. Вслѣдъ за принудительнымъ заселеніемъ (1864—65 г.) изданъ былъ 10 марта 1866 г. законъ о свободномъ поселеніи, съ предоставленіемъ льготъ: освобожденія на 15 лѣтъ отъ платежа податей, отъ рекрутской повинности, воинскаго постоя, свободы отъ гербовыхъ и канцелярскихъ пошлинъ, безпошлинной торговли и промысловъ. Поселенцы-крестьяне получали на обзаведеніе по 50 руб. на семью и земли по 30 десятинъ. Законъ этотъ имѣлъ то преимущество, что давалъ право свободнаго выбора мѣстъ для поселенія. Въ 1870 году состоялось распоряженіе, по которому поселенныя въ станицахъ козаки обращались въ крестьянъ, хотя имъ предоставлялось въ надѣлъ по 20 десятинъ на мужскую душу, вмѣсто прежнихъ 30 десятинъ на семью. Много козацкихъ семей, считавшихъ для себя униженіемъ обращеніе въ крестьянъ, выселилось; кромѣ того и обѣщанные надѣлы по 20 десятинъ на душу имъ приходилось еще добывать путемъ трудной разработки земли изъ-подъ лѣса, такъ, какъ готовой разработанной земли не было. Немудрено поэтому, что въ Геленджикѣ, напр., въ 1899 г. оказалось на

153 двора всего 600 десятинъ разработанной земли, т. е. въ среднемъ вмѣсто 20 только по 3 десятины на дворъ. Образовалась неуравнительность и неравноправность владѣнія внутри общины; по 10 десятинъ на семью имѣли только 3% общаго числа хозяйствъ; имѣющихъ по 3 десятины—35%, отъ 3 до 6 десятинъ—32%, отъ 6 до 9 десяинъ—8%, а безземельныхъ было 22%. Попытка колонизаціи Черноморскаго побережья по законамъ 1866 и 1870 гг. далеко не оправдала возложенныхъ на нее надеждъ, и результаты ея далеко не соотвѣтствовали такимъ огромнымъ затратамъ, произведеннымъ на нее казною.

Замѣчанія по поводу этого доклада были сдѣланы Н. П. Дашкевичемъ и В. А. Чаговцемъ.

б, Д. чл. **И. М. Каманинъ** прочелъ *„Страницу изъ исторіи Кіевскаго городского самоуправленія въ XVI-мъ вѣкѣ“* (войдетъ въ одинъ изъ слѣдующихъ выпусковъ „Чтеній“).

в, Д. чл. о. **Ѳ. И. Титовъ** продолжалъ чтеніе своего *„Критико-библіографическаго обзора новѣйшихъ трудовъ по исторіи Русской церкви“* (войдетъ въ слѣдующій выпускъ „Чтеній“).

По поводу разбора имъ соч. А. П. Яблоновскаго: „Akademia Kijowsko-Mohilańska,“ замѣчанія были сдѣланы Н. П. Дашкевичемъ, В. С. Иконниковымъ, А. В. Стороженкомъ, Л. С. Личковымъ. Н. П. Василенкомъ, В. А. Чаговцемъ и А. С. Крыловскимъ.

Слушали: отношеніе Московскаго Археологическаго Общества, отъ 3 февраля т. г. за № 108, съ предложеніемъ образовать въ Кіевѣ отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству въ 1905 году въ. г. Екатеринославѣ XIII-го Археологичессаго съѣзда.

Опредѣлили: согласно постановленію Совѣта Общества пригласить мѣстныя ученыя общетва къ участію въ Комитетѣ, а также сообщить объ этомъ и всѣмъ членамъ Общества.

По произведенной баллотировкѣ избранъ въ дѣйствительные члены Общества графъ *Фердинандъ Георгіевичъ Дела-Бартъ.*

IX. Засѣданіе 23 марта.

а, Д. чл. **О. И. Левицкій** изложилъ содержаніе „*Переписки съ Запорожьемъ въ 1763—65 гг.*“ (войдетъ въ одинъ изъ слѣдующихъ выпусковъ „Чтеній“).

Замѣчанія по этому поводу сдѣланы Н. П. Дашкевичемъ и А. В. Стороженкомъ.

б, Д. чл. **Н. Н. Оглоблинъ** представилъ въ Общество рефератъ, прочитанный, за его отсутствіемъ, И. М. Каманинымъ: „*Изъ Кіевской жизни конца XVII в.*“ (будетъ напечатанъ въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ „Чтеній“).

Въ настоящемъ засѣданіи были произведены выборы четырехъ членовъ Совѣта Общества на мѣсто выбывающихъ за истеченіемъ срока ихъ полномочій. Избранными оказались: *Ю. А. Кулаковскій, Т. Д. Флоринскій, С. Т. Голубевъ* и *И. М. Каманинъ.*

Исторія учрежденія Кіевскаго Центральнаго Архива.

Главно-управляющимъ 2-мъ Отдѣленіемъ собственной Е. В. Канцеляріи, на заключеніе котораго былъ переданъ законопроектъ объ учрежденіи Архива, состоялъ въ то время извѣстный государственный дѣятель, графъ Д. Н. Блудовъ. Бибиковъ немедленно отправилъ къ нему обширную записку, заключавшую въ себѣ сводъ тѣхъ доводовъ и соображеній, какіе онъ раньше приводилъ въ неоднократныхъ представленіяхъ и отзывахъ разнымъ министрамъ, и въ особомъ письмѣ (отъ 27 іюня 1850 г.) писалъ: „изъ этихъ отзывовъ ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что учрежденіе въ Кіевѣ центральнаго архива предположено: а) чтобы обезпечить древніе акты, заключающіе въ себѣ доказательства о происхожденіи дворянскихъ родовъ здѣшняго края, отъ подлоговъ и злоупотребленій, неоднократно въ нихъ встрѣчавшихся; б) чтобы соединеніемъ этихъ актовъ въ одно хранилище, приведеніемъ ихъ въ систематическій порядокъ и систематическимъ ихъ описаніемъ сдѣлать ихъ болѣе доступными какъ для дѣловыхъ справокъ, такъ и для ученыхъ изслѣдованій; в) чтобы спасти отъ окончательной гибели эти памятники отечественной исторіи, столь важные, что безъ ихъ пособія она не въ состояніи будетъ никогда разрѣшить многихъ важнѣйшихъ вопросовъ прошедшей

жизни. Изъ доставленныхъ мнѣ отъ мѣстныхъ начальниковъ донесеній оказывается, что въ одной Волынской губерніи имѣется 2763 актовыя книги [1]). Судите же, графъ, какой неисчерпаемый источникъ историческихъ свѣдѣній скрывается въ здѣшнемъ краѣ въ памятникахъ, разбросанныхъ въ мелкихъ городахъ и мѣстечкахъ, гніющихъ въ подвалахъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, даже во множествѣ въ частныхъ погребахъ, безъ надлежащаго надзора, безъ описей, безъ отчета, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе погибающихъ. Въ Археографической Коммиссіи, здѣсь существующей, получено нѣсколько изъ такихъ книгъ до того сгнившихъ, что въ нихъ не осталось ни одного листа, на которомъ можно было бы что-нибудь прочесть. Мѣстомъ для Архива избранъ университетъ, какъ по соображеніямъ удобства помѣщенія, которое совершенно обезпечено отъ всѣхъ случайностей пожара и другихъ невыгодъ, такъ и по вниманію къ заботливости, которую окажетъ ученое университетское сословіе по приведенію въ порядокъ и по сбереженію такого драгоцѣннаго для науки собранія. Никто лучше вашего с-ства не можетъ оцѣнить побужденій и цѣлей, руководившихъ въ этомъ дѣлѣ, а потому я совершенно увѣренъ, что, обративъ на него вниманіе, вы не изволите отказать въ благосклонномъ содѣйствіи скорому его разрѣшенію, отъ чего много зависитъ самый успѣхъ предпріятія".

На это убѣдительное письмо Бибикову пришлось цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ ожидать отвѣта. Не получалось никакихъ вѣстей и о движеніи самого дѣла. Лишь въ концѣ февраля 1851 года гр. Блудовъ прислалъ отвѣтное письмо, въ которомъ, „стыдясь и краснѣя", оправдывался тѣмъ, что „по странной, почти не извинительной ошибкѣ" письмо Бибикова было присоединено къ его частнымъ письмамъ, къ которымъ онъ имѣетъ привычку обращаться только тогда, когда дозволяетъ себѣ „нѣкоторый роздыхъ

[1]) Эти донесенія оказались ошибочными; на самомъ дѣлѣ изъ разныхъ мѣстъ Волынской губ. въ Ц. Архивъ поступило 3383 актовыхъ книги.

отъ занятій оффиціальныхъ". „Что же касается самого дѣла, —писалъ онъ далѣе,—то оно вытребовано мною, лежитъ уже на моемъ рабочемъ столѣ и непремѣнно на сихъ дняхъ будетъ представлено Госуд. Совѣту съ моимъ заключеніемъ". О томъ, какого рода будетъ это заключеніе, графъ не обмолвился ни однимъ словомъ; ничего онъ не сказалъ и по поводу горячихъ тирадъ Бибикова о научной цѣнности актовыхъ книгъ, а ограничился учтивымъ изъявленіемъ благодарности за сообщаемыя въ письмѣ „интересныя свѣдѣнія" объ этихъ книгахъ. Все это не предвѣщало для дѣла ничего добраго.

И точно, въ половинѣ апрѣля князь Ширинскій-Шихматовъ увѣдомилъ Кіевскаго генералъ-губернатора, что Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ внесенное 3 марта заключеніе гр. Блудова, нашелъ, что въ немъ „предлагаются разныя существенныя измѣненія" въ законопроектѣ министра нар. просвѣщенія объ учрежденіи въ Кіевѣ Центральнаго архива, а потому постановилъ: означенный законопроектъ возвратить князю Ширинскому-Шихматову „для новаго соображенія, по сношеніи съ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, и внесенія потомъ, вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ, въ установленномъ порядкѣ на разсмотрѣніе Гос. Совѣта". Вмѣстѣ съ этимъ министръ препроводилъ Бибикову и копію „заключенія" гр. Блудова, съ просьбою высказать по поводу сдѣланныхъ имъ замѣчаній свои соображенія.

„Заключеніе" 2-го Отдѣленія Канцеляріи Е. В., составленное гр. Блудовымъ, представляетъ довольно обширную записку, въ которой не оставлено безъ возраженія или замѣчанія почти ни одно изъ положеній, высказанныхъ въ ходатайствѣ Кіевскаго генералъ-губернатора. Ниже мы приведемъ содержаніе этой записки, параллельно съ возраженіями Бибикова, а пока замѣтимъ, что она представляетъ любопытный документъ не только для исторіи учрежденія Центральнаго архива, но и для характеристики ея автора, одного изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей Николаевской эпохи. Въ молодости другъ и почитатель Карамзина,

Блудовъ всю жизнь оставался вѣрнымъ его консервативнымъ принципамъ, раздѣляя и его любовь къ просвѣщенію и строгое уваженіе къ законности; но подъ старость въ его воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ все рѣзче проявлялась извѣстнаго рода косность, боязнь перемѣнъ и упорное отстаиваніе привычныхъ порядковъ, хотя бы завѣдомо плохихъ. Ужъ на что, кажется, очевидна была полная непригодность дореформенныхъ судовъ, однако въ моментъ подготовки судебной реформы графъ Блудовъ, въ своей „Общей объяснительной запискѣ къ проекту новаго устава судопроизводства“, выступилъ открытымъ противникомъ реформы и настаивалъ на сохраненіи стараго судопроизводства, предлагая лишь сдѣлать въ немъ незначительныя поправки. И поступилъ онъ такъ не потому, что былъ убѣжденъ въ превосходствѣ стараго надъ новымъ, — нѣтъ, онъ былъ умнымъ человѣкомъ и не могъ не видѣть „черной неправды“, царившей въ тогдашнихъ судахъ,—а единственно потому, что по складу своего ума и характера не могъ отрѣшиться отъ стараго, хотя завѣдомо плохого, но привычнаго, и съ опасеніемъ глядѣлъ на все новое. Та же боязнь всякой перемѣны, хотя бы и къ лучшему, видимо руководила гр. Блудовымъ и въ 1851 году, когда онъ писалъ замѣчанія на проектъ объ учрежденіи Центральнаго архива; по крайней мѣрѣ, ничѣмъ инымъ нельзя объяснить его неожиданной и безпричинной оппозиціи проекту Бибикова. У него не было никакого принципіальнаго основанія для возраженій по существу дѣла; онъ не отвергаетъ пользы учрежденія Центральнаго архива, но съ такою настойчивостью и съ такимъ какъ-бы скрытымъ недоброжелательствомъ подрываетъ главныя основанія проекта, что при чтеніи его записки возникаетъ невольно подозрѣніе: не потому ли не отвергаетъ, что основная идея проекта уже предварительно получила Высочайшую санкцію, и оппоненту ничего другого не оставалось, какъ спорить лишь о средствахъ и способахъ ея осуществленія, хотя онъ нерѣдко оспариваетъ и ея основанія. Его аргументація слаба, возраженія неосновательны

и на каждомъ шагу свидѣтельствуютъ о недостаточномъ знакомствѣ съ предметомъ спора; тѣмъ не менѣе высокое оффиціальное его положеніе и пріобрѣтенный имъ почти непререкаемый авторитетъ въ дѣлахъ законодательства придавали его мнѣніямъ особенный вѣсъ и дѣлали его серьезнымъ и опаснымъ противникомъ.

Это не устрашило, однако, Д. Г. Бибикова. Онъ рѣшилъ не оставлять записки гр. Блудова безъ должнаго отвѣта, къ составленію котораго былъ имъ привлеченъ профессоръ университета и главный дѣятель Кіевской Археографической Коммиссіи Н. Д. Иванишевъ, единственный въ то время ученый, практически и научно знакомый съ древними актовыми книгами. При его дѣятельномъ участіи было составлено блестящее опроверженіе всѣхъ возраженій гр. Блудова. Чтобы предоставить читателю самому оцѣнить свойства этой своеобразной полемики, мы приведемъ здѣсь, по пунктамъ, выдержки изъ записки гр. Блудова и параллельно —объясненія Кіевскаго генералъ-губернатора.

„Обозрѣвъ тщательно и во всѣхъ онаго частяхъ предположеніе г. Кіевскаго, Волынскаго и Подольскаго генералъ-губернатора объ учрежденіи для актовыхъ книгъ сихъ губерній центральнаго архива при Университетѣ св. Владимира (такъ начинается записка гр. Блудова), 2-е Отдѣленіе канцеляріи Е. В. находитъ, что мысль учрежденія онаго, уже предварительно удостоенная Высочайшаго одобренія, не можетъ не быть признана полезною, особенно въ отношеніи, такъ сказать, ученомъ, не только для исторіи законодательства, но и вообще многихъ эпохъ исторіи сего края и сношеній его съ другими краями Имперіи. За симъ сужденія 2-го Отдѣленія въ настоящемъ случаѣ могутъ касаться лишь предполагаемыхъ для приведенія сей мысли въ исполненіе средствъ и порядка. При разсмотрѣніи сего дѣла оному представились слѣдующія сомнѣнія и соображенія:

А. Учрежденіе центральнаго архива имѣетъ цѣлью сохраненіе важныхъ и, можетъ быть, единственныхъ въ своемъ родѣ матеріаловъ для исторіи края вообще и въ особенно-

сти дворянскихъ родовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и облегченіе нужныхъ по дѣламъ казеннымъ и другимъ справокъ, слѣдственно и доставленіе частнымъ лицамъ средствъ скорѣе и вѣрнѣе отыскивать и получать доказательства ихъ правъ собственности и состоянія, наконецъ и обнаруженіе подлоговъ, кои нерѣдко были замѣчены въ актовыхъ книгахъ. Покрытіе расходовъ, для сего потребныхъ, полагается отнести на земскіе сборы въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, прибавивъ къ собираемымъ нынѣ по 1500 руб. ежегодно и сверхъ того единовременно на устройство Архива до 2000 рублей.

Въ отношеніи къ первой, какъ мы сказали, *ученой* цѣли предполагаемаго учрежденія въ Кіевѣ центральнаго для актовыхъ книгъ архива, безъ сомнѣнія, дозволительно думать, что при столь многихъ поощреніяхъ правительства къ отысканію документовъ отечественной исторіи, при существованіи здѣсь Археографической Коммисіи и особой, того же почти свойства, установленной въ Кіевѣ, историческія разысканія въ актовыхъ книгахъ могли бы съ успѣхомъ быть продолжаемы, какъ доселѣ, и при оставленіи сихъ книгъ въ прежнихъ мѣстахъ, чему служитъ доказательствомъ изданіе записокъ (sic!) о жизни князя Курбскаго въ семъ краѣ [1]) и другихъ едва ли не столь же интересныхъ бумагъ, почерпнутыхъ, по крайней мѣрѣ частію, изъ актовыхъ книгъ. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что, по всей вѣроятности, какъ объясняетъ генералъ-адъютантъ Бибиковъ, сіи разсѣянныя по разнымъ городамъ и присутственнымъ мѣстамъ книги или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя и большая часть оныхъ, оставаясь въ такомъ положеніи, безъ особеннаго постояннаго присмотра за ними, подверглись бы порчѣ, тлѣнію или и совершенному истребленію, и что противъ сего, можетъ быть, необходимо при-

[1]) Очевидно, здѣсь гр. Блудовъ имѣлъ въ виду изданные Кіевскою Коммиссіею въ 1849 г. два тома актовъ подъ заглавіемъ: „Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни“.

нять нынѣ же мѣры предосторожности собраніемъ ихъ, пересмотромъ и приведеніемъ въ порядокъ".

Объясненіе Д. Г. Бибикова къ этому пункту [1]: „Нынѣшнее состояніе архивовъ дѣйствительно затрудняетъ историческія изслѣдованія, во первыхъ, потому, что письменные памятники не приведены въ извѣстность, а во вторыхъ — потому, что для собиранія свѣдѣній объ одномъ какомъ-нибудь предметѣ необходимо объѣзжать губернскіе и уѣздные города и даже мѣстечки, что всегда соединено съ потерею времени и значительными издержками. Правда, что учрежденная въ Кіевѣ Временная Коммисія для разбора древнихъ актовъ, на которую указываетъ 2-е Отдѣленіе собственной Е. В. Канцеляріи, успѣла открыть и издать нѣсколько томовъ актовъ и безъ центральнаго архива, но эти акты заключаютъ въ себѣ, большею частію, свѣдѣнія отрывочныя. Для изданія же актовъ, изображающихъ жизнь князя Курбскаго, необходимо было вытребовать въ Коммиссію актовыя книги изъ архивовъ Луцкаго, Владимирскаго и Кременецкаго уѣздныхъ судовъ. Присылка этихъ книгъ, хотя соединенная съ неудобствами, была возможна потому, что событія, изображенныя въ означенномъ выше изданіи, обнимаютъ незначительный періодъ времени, около 20 лѣтъ. Но описаніе событій, продолжавшихся нѣсколько столѣтій, имѣвшихъ вліяніе на судьбу цѣлаго края и требующихъ разбора и изслѣдованія многихъ архивовъ въ ихъ совокупности, совершенно невозможно безъ учрежденія центральнаго архива".

В. *Замѣчаніе гр. Блудова*: „Можно, конечно, сомнѣваться и въ томъ, будетъ ли чрезъ учрежденіе центральнаго въ Кіевѣ архива облегчено какъ для правительственныхъ мѣстъ, такъ и для частныхъ лицъ собраніе нужныхъ имъ справокъ. Теперь актовыя книги находятся въ вѣдѣніи предсѣдателей, членовъ и секретарей судовъ, и какъ, по случающимся дѣ-

[1]) Черновикъ этого объясненія, какъ и слѣдующихъ, писанъ рукою проф. Иванишева.

ламъ, содержаніе ихъ извѣстно болѣе или менѣе каждому изъ сихъ лицъ, то справки могутъ быть производимы безъ затрудненія. По сосредоточеніи же всѣхъ книгъ, когда онѣ поступятъ въ вѣдѣніе лицъ, коимъ будутъ чужды и имена просителей, и названія имѣній, справки, вѣроятно, потребуютъ болѣе времени, и сіе обстоятельство довольно важно въ такихъ губерніяхъ, въ коихъ не было еще генеральнаго межеванія и гдѣ производятся розыски о городской собственности. Но противъ сего генералъ-губернаторъ представляетъ, что разсѣяніе актовыхъ книгъ по уѣзднымъ городамъ трехъ губерній не только затрудняетъ дворянъ при отысканіи документовъ въ подкрѣпленіе правъ на дворянское происхожденіе, но сверхъ того и въ особенности тягостно для лицъ, занимающихся собраніемъ матеріаловъ для отечественной исторіи, что какъ тѣ, такъ и другіе для отысканія необходимыхъ имъ свѣдѣній и документовъ въ актовыхъ книгахъ бываютъ принуждены разъѣзжать по разнымъ уѣзднымъ городамъ всѣхъ трехъ губерній, ибо актовыя книги не назначались опредѣлительно для одного уѣзда или воеводства, и напротивъ, обывателямъ одного воеводства дозволялось вносить акты въ книги другихъ воеводствъ. Такимъ образомъ, если какой-либо историческій актъ, относящійся къ событіямъ въ одномъ извѣстномъ уѣздѣ, не отыскивается въ актовыхъ книгахъ городовъ или мѣстечекъ сего уѣзда, то еще нельзя быть увѣреннымъ, что его нѣтъ въ актахъ другихъ уѣздовъ, и затѣмъ необходимо дѣлать дальнѣйшія, иногда весьма затруднительныя и продолжительныя разысканія. Къ тому должно прибавить, что въ древнія времена въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской учреждено было болѣе ста городовъ и мѣстечекъ на правѣ Магдебургскомъ, и жители ихъ, мѣщане, пользовавшіеся симъ правомъ, вели актовыя, такъ называемыя *мѣстскія* книги, которыя, составляя весьма важный матеріалъ для исторіи и статистики, до сихъ поръ остаются неизслѣдованными и хранятся по городамъ, въ архивахъ магистратовъ и ратушъ, а по мѣстечкамъ, гдѣ уничтожены

ратуши, оказываются, и при томъ нерѣдко разрозненныя, въ рукахъ частныхъ лицъ, простолюдиновъ".

Объясненіе Бибикова: „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ учрежденіемъ центральнаго архива будетъ облегчено какъ для присутственныхъ мѣстъ, такъ и для частныхъ лицъ собраніе справокъ. Это облегченіе уже произойдетъ оттого, что всѣ актовыя книги и документы будутъ приведены въ извѣстность. Мнѣніе 2-го Отдѣленія Канцеляріи, будто бы содержаніе актовыхъ книгъ, находящихся въ вѣдѣніи предсѣдателей, членовъ и секретарей судовъ, извѣстно болѣе или менѣе каждому изъ этихъ лицъ и что справки могутъ быть производимы безъ затрудненій, нисколько не оправдывается нынѣшнимъ состояніемъ архивовъ. Не говоря уже объ актовыхъ книгахъ, разсѣянныхъ по мѣстечкамъ и находящихся въ частныхъ рукахъ, довольно указать на архивъ Кременецкаго суда, въ которомъ актовыя книги цѣлаго XVI-го столѣтія оставались до сихъ поръ неприкосновенными, теперь хранятся въ полуистлѣвшемъ видѣ, и никто изъ членовъ суда не знаетъ, что въ нихъ находится. Еще менѣе извѣстно членамъ суда содержаніе отдѣльныхъ документовъ, наполняющихъ архивы: въ одномъ архивѣ Житомирскаго уѣзднаго суда находится 24 ящика съ актами, которыхъ содержаніе никому не извѣстно. Приведя въ извѣстность содержаніе актовыхъ книгъ и документовъ посредствомъ подробныхъ каталоговъ и указателей, центральный архивъ дастъ возможность каждому собрать безъ всякаго затрудненія самыя полныя справки; а сосредоточивъ въ одномъ мѣстѣ актовыя книги и документы, разсѣянные въ настоящее время не только въ 36-ти городахъ, но сверхъ того и во многихъ мѣстечкахъ трехъ губерній, центральный архивъ избавитъ дворянъ отъ издержекъ и потери времени".

С. *Замѣчаніе гр. Блудова*: „Что касается подлоговъ, пресѣченію коихъ должно содѣйствовать учрежденіе центральнаго архива, то сіе въ настоящемъ случаѣ едва ли не слѣдуетъ признать предметомъ второстепенной важности.

Подлоги всего чаще бывали въ актахъ, имѣвшихъ цѣлью доказательство правъ состоянія, именно—дворянскаго происхожденія, или правъ на имущество (во время конфискацій). Почти нѣтъ по гражданскимъ, между частными людьми, дѣламъ примѣра подлоговъ въ актахъ, состоявшихся при прежнемъ польскомъ правительствѣ. По свѣдѣніямъ, которыя собраны во 2-мъ Отдѣленіи Е. В. Канцеляріи при составленіи проекта свода мѣстныхъ законовъ губерній западныхъ, не трудно удостовѣриться въ истинной причинѣ сего различія. По прежнимъ законамъ въ западныхъ губерніяхъ допускалась *явка* въ актовыхъ книгахъ всякаго рода документовъ и сдѣлокъ. Привилегіи, выходившія за подписью королей, приговоры верховныхъ судовъ, могли быть являемы посторонними даже лицами наравнѣ съ частными договорами, счетами и даже письмами, но заявленіемъ акта не утверждалась его дѣйствительность, и въ случаѣ потери подлинника, не смотря на явку его, требовались другія доказательства въ существованіи и подлинности онаго; а потому главнымъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ для уничтоженія подлоговъ въ актовыхъ книгахъ прежняго времени было бы принятіе во всѣхъ высшихъ присутственныхъ мѣстахъ общаго постояннаго правила: не признавать и нынѣ *явленныхъ* актовъ (разумѣется, кромѣ тѣхъ, которые явлены и *сознаны* обѣими сторонами) за акты дѣйствительные, а требовать въ отношеніи къ нимъ другихъ доказательствъ, коими бы вполнѣ подтверждалось существованіе подлинника. Посему, кажется, было бы полезно постановить, чтобы первымъ трудомъ предполагаемаго Центральнаго въ Кіевѣ архива было раздѣленіе всѣхъ актовъ, находящихся въ имѣющихъ поступить въ оный актовыхъ книгахъ, на два главные разряда: *актовъ* токмо *явленныхъ* и *актовъ сознанныхъ*".

Объясненіе Бибикова: „Пресѣченіе подлоговъ не можетъ считаться предметомъ второстепенной важности при учрежденіи Центральнаго архива. Что подлоги дѣйствительно возможны и существуютъ, это доказывается учрежденіемъ въ 1834 г. коммисій для предупрежденія подлоговъ.

Эти коммиссіи окончили возложенное на нихъ порученіе безъ надлежащаго успѣха, вслѣдствіе чего въ 1842 г. снова учреждены въ каждомъ уѣздѣ коммиссіи изъ мѣстныхъ чиновниковъ для пересмотра актовыхъ книгъ. Но и эти коммиссіи не имѣютъ возможности достигнуть той цѣли, для которой онѣ учреждены. Учрежденіе Центральнаго архива сдѣлаетъ подлоги въ актовыхъ книгахъ невозможными. Что касается до различія *актовъ явленныхъ* отъ *актовъ сознанныхъ*, то Центральный архивъ, составляя подробные каталоги актовымъ книгамъ, будетъ опредѣлять родъ каждаго акта, означая, относится ли онъ къ явочнымъ, или къ сознаннымъ, и излагая его содержаніе. Впрочемъ, различіе между этими двумя родами актовъ не всегда рѣзко обозначено въ мѣстныхъ актовыхъ книгахъ и потому на практикѣ не можетъ быть принято за несомнѣнный признакъ для рѣшительнаго опредѣленія юридической важности тѣхъ или другихъ актовъ".

D. *Замѣчаніе гр. Блудова*: „Впрочемъ, какъ уже замѣчено выше сего, учрежденіе Центральнаго архива при университетѣ св. Владиміра будетъ преимущественно и несомнѣнно полезно въ отношеніи ученомъ, а потому едва ли не было бы согласнѣе съ строгою справедливостью расходы на учрежденіе и содержаніе онаго отнести на счетъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Академіи Наукъ или иныя, нежели на земскую повинность. Генералъ-адъютантъ Бибиковъ замѣчаетъ, что какъ учрежденіе сего архива, который будетъ хранилищемъ актовъ, изъ коихъ многіе весьма важны для дворянства, принесетъ пользу и дворянамъ, то можно безъ нарушенія правилъ справедливости обратить расходы по учрежденію и содержанію онаго на земскій сборъ. Можно бы если не вполнѣ, то хотя отчасти согласиться съ симъ заключеніемъ, если бъ земскій сборъ падалъ на доходы помѣщиковъ; но оному подлежатъ и торговыя и другія состоянія, всего же болѣе крестьяне, которые уже и безъ того обременены исправленіемъ земскихъ повинностей, какъ натуральныхъ, такъ и денежныхъ".

Объясненіе Бибикова [1]): „Отъ учрежденія Центральнаго архива ожидается существенная польза не для однихъ ученыхъ изслѣдованій. Учрежденіе это будетъ, несомнѣнно, полезно и въ отношеніи цѣлостнаго сохраненія актовыхъ книгъ и удобнѣйшаго производства по онымъ справокъ для дѣлъ не только дворянъ, но и вообще жителей губерній Кіевской, Подольской и Волынской, потому что въ актовыхъ книгахъ заключаются также документы, по которымъ могутъ быть разрѣшаемы споры, возникающіе между казенными крестьянами и частными владѣльцами о земляхъ, а равно и такіе акты, по коимъ доказываются права крестьянъ, ищущихъ свободы изъ частнаго крѣпостного владѣнія. Это заключеніе о выгодахъ, какія представляются вообще жителямъ упомянутыхъ трехъ губерній учрежденіемъ Центральнаго архива, было принято въ основаніе къ предположенію объ отнесеніи издержекъ, потребныхъ на образованіе и содержаніе архива, на счетъ суммъ земскаго сбора, тѣмъ болѣе, что, при всей значительности ожидаемыхъ отъ сего учрежденія выгодъ, предназначаемая на ежегодные расходы сумма въ количествѣ 1500 р. весьма незначительна: соображаясь съ числомъ жителей въ трехъ губерніяхъ, участвующихъ въ земскомъ сборѣ для составленія означенной суммы, причтется по раскладкѣ на каждаго человѣка никакъ не болѣе $^{1}/_{10}$ копѣйки. Впрочемъ если будетъ признано возможнымъ участіе въ издержкахъ на Центральный архивъ со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія или Академіи Наукъ, соображаясь съ суммами сихъ учрежденій и съ существомъ дѣла, то въ такомъ случаѣ генералъ-губернаторъ съ своей стороны не находитъ причинъ отстранять означенное участіе въ издержкахъ, пропорціонально коему уменьшается расходъ изъ суммъ земскаго сбора“.

Е. *Замѣчаніе гр. Блудова*: „Переходя за тѣмъ къ подробному разсмотрѣнію самыхъ предположеній объ устрой-

---

[1]) Это объясненіе, судя по почерку черновика, составлено не проф. Иванишевымъ.

ствѣ архива, 2-е отдѣленіе собственной Е. В. Канцеляріи находитъ: 1) что къ числу актовыхъ книгъ, которыя имѣютъ быть собраны въ Центральномъ архивѣ, принадлежатъ и книги гродскія, и тѣ изъ нихъ, которыя остались въ мѣстечкахъ, гдѣ уничтожены ратуши, у частныхъ лицъ, предполагается собрать, по распоряженію начальниковъ губерніи, чрезъ посредство мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ. Извѣстно, что, при древнемъ устройствѣ судовъ гродскихъ[1]), книги актовыя находились въ вѣдѣніи войтовъ, лавниковъ и писарей, которые дѣлали изъ нихъ выписки, составляли индексы (указатели) для собственнаго употребленія и проч., и затѣмъ такія рукописи удерживали у себя, какъ свою собственность, а потому онѣ и могли отъ нихъ законно перейти къ настоящимъ оныхъ владѣльцамъ. Дабы при разысканіи книгъ, подлежащихъ обращенію въ архивъ, не нарушить правъ частной собственности, нужно бы, кажется, оговорить о томъ въ самомъ постановленіи, отличивъ выписки сего рода отъ самихъ *книгъ бывшихъ въ мѣстечкахъ магдебургій* *) и опредѣливъ, что только книги подлинныя могутъ быть отбираемы у частныхъ людей, а выписки, извлеченія и сокращенія оныхъ, если будутъ признаны нужными для замѣны утраченныхъ настоящихъ, должны быть пріобрѣтаемы посредствомъ добровольныхъ сдѣлокъ".

Объясненіе Бибикова [2]): „Выписки изъ актовыхъ книгъ и указатели, составленные частными лицами, не могутъ входить въ составъ Центральнаго архива, такъ какъ этотъ архивъ учреждается для храненія однихъ оффиціальныхъ актовъ. Изъ этого уже само собою слѣдуетъ, что при составленіи Центральнаго архива ни въ какомъ случаѣ не

---

[1]) Здѣсь допущено ошибочное смѣшеніе гродскихъ судовъ и книгъ съ магистратскими.

*) Сіе наименованіе едва ли не будетъ точнѣе предполагаемаго въ проектѣ указа названія ихъ книгами *мѣстскими*, взятаго съ польскаго: miejskie. *Примѣч. гр. Блудова*.

[2]) Судя по черновой, это объясненіе, какъ и слѣдующее, къ пункту F, составлено Иванишевымъ.

можетъ быть нарушено право частной собственности, принадлежащее владѣльцамъ выписокъ изъ актовыхъ книгъ и указателей. Актовыя книги легко отличать отъ частныхъ выписокъ тѣмъ, что на каждой изъ нихъ есть заглавіе, въ которомъ означается, къ какому роду относится книга, т. е. къ гродскимъ, земскимъ или магистратскимъ; на случай могущихъ возникнуть по этому предмету недоразумѣній могутъ быть посылаемы генералъ-губернаторомъ для разбора рукописей лица, совершенно знакомыя съ мѣстнымъ языкомъ и исторіей края. Если бы, не смотря на всѣ предосторожности, доставлены были въ Центральный архивъ выписки или указатели, составленные частными лицами, то они немедленно будутъ возвращаемы владѣльцамъ. — Выраженіе *мѣстскія книги*, которыя, по мнѣнію 2-го Отдѣленія Канцеляріи, точнѣе было бы называть *книгами бывшихъ въ мѣстечкахъ магдебургій*, должно быть удержано, во-первыхъ, потому, что это выраженіе употребляется съ самыхъ древнихъ временъ для означенія актовыхъ книгъ, веденныхъ мѣщанами не только на польскомъ, но и на западно-русскомъ языкѣ, а во-вторыхъ—потому, что это названіе стоитъ въ заглавіи мѣстскихъ книгъ и, слѣдовательно, при разборѣ архивовъ, даетъ возможность отличить эти книги отъ другихъ рукописей, какъ частныхъ, такъ и оффиціальныхъ".

F. *Замѣчаніе гр. Блудова*: 2) Книгамъ, собраннымъ въ Центральномъ архивѣ, предполагается составить подробные каталоги, со внесеніемъ въ оные какъ свѣдѣній, необходимыхъ для ученыхъ изслѣдованій, такъ и требуемыхъ по положенію Комитета министровъ отъ 3 ноября 1842 года, то есть: означенія нумера каждаго документа по порядку, краткаго содержанія его, а равно года, мѣсяца и числа, когда онъ состоялся и когда явленъ, съ отмѣткою въ особой графѣ: признается ли оный несомнительнымъ, или же подлежитъ сомнѣнію, и почему именно. По извѣстіямъ, представленнымъ отъ генералъ-адъютанта Бибикова, видно, что въ архивъ изъ одной Волынской губерніи должно по-

ступить 2763 актовыя книги. Принимая за симъ въ соображеніе число тѣхъ, которыя могутъ поступить изъ другихъ губерній, можно, кажется, съ достовѣрностью заключить, что составленіе каталога, который удовлетворялъ бы всѣмъ выше показаннымъ условіямъ, потребуетъ весьма продолжительнаго времени. Между тѣмъ, какъ уже замѣчено выше, акты, взятые изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они хранятся нынѣ, сдѣлаются почти недоступными для лицъ и мѣстъ, коимъ они нужны для охраненія ихъ правъ состоянія или правъ по имуществу. Посему слѣдовало бы, кажется, установить въ предполагаемомъ архивѣ нѣкоторую особую постепенность работъ. Должно бы объяснить завѣдующему архивомъ начальству, что цѣль, къ коей они должны стремиться, есть, безъ сомнѣнія, составленіе полнаго и подробнаго каталога, но что на первый разъ можно ограничиться составленіемъ только тѣхъ описей, коихъ требовало положеніе Комитета министровъ 1842 года, начавъ именно съ книгъ, при коихъ описей вовсе не окажется. Для составленія сихъ предварительныхъ описей, или инвентарей, не худо бы даже, по предварительномъ общемъ обозрѣніи предстоящаго труда, назначить опредѣленный срокъ. Можно бы также, для ускоренія сего дѣла, заключеніе о подложности или сомнительности актовъ дѣлать только по такимъ документамъ, которые будутъ требуемы для справокъ и выписей, и не иначе, какъ по мѣрѣ сихъ требованій. Описи оконченныя должны бы быть напечатаны или, по крайней мѣрѣ, копіи съ оныхъ разосланы въ гражданскія палаты Кіевскую, Волынскую, Подольскую и, можетъ быть, въ палаты другихъ сосѣдственныхъ губерній. Симъ средствомъ отвратились бы неудобства и затрудненія въ пріисканіи нужныхъ по дѣламъ свѣдѣній —затрудненія, которыми можетъ отчасти сопровождаться сосредоточеніе всѣхъ актовыхъ книгъ въ Кіевѣ. Составленныя такимъ образомъ краткія описи могли бы служить основаніемъ къ подробному и полному не только въ правительственномъ, но и въ ученомъ отношеніи каталогу".

Объясненіе Бибикова: „Опредѣлить постепенность работъ и срокъ для составленія и напечатанія описей и ката-

логовъ можно будетъ только тогда, когда Центральный архивъ получитъ окончательное образованіе и когда приведено будетъ въ извѣстность количество актовыхъ книгъ и документовъ, которые войдутъ въ его составъ".

6. *Замѣчаніе гр. Брудова:* 3) Въ пунктѣ 7-мъ предначертанныхъ правилъ запрещается Правленію университета св. Владимира или Архиву выдавать справки или выписи изъ актовыхъ книгъ по просьбамъ, отъ частныхъ лицъ поступающимъ, и полагается, чтобы справки какъ по дѣламъ частнымъ, такъ и по дѣламъ, сопряженнымъ съ казеннымъ интересомъ, были всегда требуемы отъ присутственныхъ мѣстъ или должностныхъ лицъ, которыя будутъ производить сіи дѣла. Но есть ли основаніе къ воспрещенію выдавать справки и выписки изъ актовъ по требованію частныхъ лицъ? Выдача сихъ справокъ и выписокъ будетъ производиться Архивомъ, мѣстомъ правительственнымъ, которое представляетъ достаточное ручательство въ вѣрности выдаваемой бумаги и въ подлинности документа, на коемъ она будетъ основана. Къ чему, безъ настоятельной въ томъ нужды, вводить затруднительныя формы, коихъ и безъ того у насъ, кажется, много? Въ Метрикѣ Литовской, состоящей при Правительств. Сенатѣ, копіи съ актовъ выдаются и по частнымъ прошеніямъ".

Объясненіе Бибикова: „Выдача справокъ изъ актовыхъ книгъ, собранныхъ въ Архивѣ, не иначе какъ по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, и отнюдь не по просьбамъ частныхъ лицъ, непостредственно обращаемымъ въ Архивъ или въ Правленіе университета св. Владиміра, предположена въ тѣхъ видахъ, чтобы отстранить по возможности, для предупрежденія подлоговъ, всякое непосредственное прикосновеніе къ актовымъ книгамъ частныхъ лицъ, между которыми, преимущественно въ Волынской губерніи, часто бывали, и весьма можетъ быть, и теперь остаются особые, такъ сказать, промышленники, исключительно занимающіеся поддѣлкою и вставкою въ актовыя книги подложныхъ листовъ съ написаніемъ на

оныхъ никогда не существовавшихъ актовъ. Эти-то промышленники имѣютъ всякую возможность и удобство разными происками достигнуть полученія актовыхъ книгъ въ свои руки и затѣмъ вставлять подложные листы при настоящемъ способѣ храненія книгъ разрозненными въ присутственныхъ мѣстахъ всѣхъ трехъ губерній и при нынѣ существующемъ порядкѣ выдачи справокъ по частнымъ просьбамъ, обращаемымъ нерѣдко въ тѣ самыя присутственныя мѣста, въ которыхъ хранятся актовыя книги и вмѣстѣ производятся дѣла, для коихъ нужны справки изъ тѣхъ же актовыхъ книгъ; при чемъ встрѣчалось также, что представляемы были къ дѣламъ, какъ доказательства правъ состоянія, такія выписки, въ которыхъ не только изложены документы, вовсе не записанные ни въ какихъ актовыхъ книгахъ, но и самыя засвидѣтельствованія отъ имени подлежащихъ властей о достовѣрности выписокъ были подложныя. Такимъ образомъ, если допустить, чтобы выписки изъ актовыхъ книгъ выдавались изъ Центральнаго архива по просьбамъ частныхъ лицъ, которыя, получивъ эти выписки на руки, сами будутъ представлять ихъ въ присутственныя мѣста, какъ доказательства по извѣстнымъ дѣламъ, то какое можетъ быть для присутственныхъ мѣстъ удостовѣреніе, что не только самыя выписи не подложны, но даже и сдѣланныя на нихъ отъ имени начальства Центральнаго архива засвидѣтельствованія? Наконецъ, едва ли можетъ быть какое-либо затрудненіе въ предположенномъ съ цѣлью предупрежденія подлоговъ порядкѣ выдачи изъ Центральнаго архива справокъ, ибо для частныхъ лицъ не составитъ никакой разницы въ томъ, что они съ просьбами о выдачѣ имъ справокъ должны будутъ обращаться въ присутственныя мѣста, въ которыхъ производятся дѣла ихъ, а не прямо въ архивъ или въ университетское Правленіе".

Послѣднее замѣчаніе гр. Блудова представляетъ не болѣе, какъ редакціонную поправку одного неточнаго выраженія, вкравшагося въ проектъ Бибикова. Въ 9 пунктѣ этого проекта было выговорено для Кіевской Археографиче-

ской Коммиссіи исключительное право требовать изъ архива подлинныя актовыя книги для своихъ ученыхъ изслѣдованій „съ тѣмъ, что Правленіе университета, по случаю учрежденія при немъ Центр. архива, обязано съ своей стороны наблюдать за цѣлостнымъ сохраненіемъ книгъ въ надлежащемъ порядкѣ, подъ отвѣтственностію ректора и членовъ Правленія". Подчеркнувъ эту неудачную связь двухъ различныхъ мыслей, гр. Блудовъ не безъ ядовитости замѣчаетъ: „Государственный Совѣтъ не признаетъ ли, что отвѣтственность за сохраненіе актовыхъ книгъ въ семъ случаѣ должна быть уже не на Правленіи университета, а на Коммиссіи, въ которую оныя будутъ переданы". Въ объясненіи генералъ-губернатора къ этому пункту указано, что Коммиссія для разбора древнихъ актовъ, „получая изъ архива, по мѣрѣ надобности, на время для своихъ занятій нѣкоторыя изъ книгъ, само собою разумѣется, отвѣчаетъ за временное сохраненіе и за возвращеніе полученныхъ книгъ, по минованіи надобности, въ архивъ непремѣнно въ такомъ видѣ, въ какомъ оныя взяты были изъ архива".

Такова была оригинальная полемика между Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ и 2-мъ Отдѣленіемъ собственной Е. В. Канцеляріи по вопросу объ учрежденіи въ Кіевѣ Центральнаго архива для актовыхъ книгъ. Не смотря на уклончивый тонъ замѣчаній гр. Блудова, послѣдній несомнѣнно былъ противникомъ проекта Бибикова и сознательно стремился провалить его, въ чемъ и успѣлъ отчасти; но во имя какихъ принциповъ и соображеній онъ такъ дѣйствовалъ— этого нельзя постигнуть изъ его записки. Въ то время, какъ въ каждомъ словѣ объясненій Бибикова звучитъ благородная прямота, искренность и непреклонное убѣжденіе въ томъ, что защищаемое имъ дѣло какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ здраво понимаемымъ государственнымъ интересамъ и представляетъ наилучшее рѣшеніе наболѣвшаго вопроса,— критическія замѣчанія гр. Блудова страдаютъ канцелярскою изворотливостью, уклончивостью въ сужде-

ніяхъ, какъ-бы недоговариваніемъ чего-то и полнымъ отсутствіемъ принципіальныхъ основаній. Онъ ничего въ проектѣ не отвергаетъ абсолютно и ни на чемъ твердо не настаиваетъ. Основная мысль проекта, уже предварительно Высочайше одобренная, по его собственнымъ словамъ, „не можетъ не быть признана полезною", и онъ хочетъ критиковать лишь способы и средства ея осуществленія—и тутъ же косвенно подрываетъ ея основанія. Въ самомъ дѣлѣ, если признать справедливость его замѣчаній, что „историческія разысканія въ актовыхъ книгахъ могли бы съ успѣхомъ быть продолжаемы и при оставленіи сихъ книгъ въ архивахъ уѣздныхъ судовъ" (пунктъ **A**); что чрезъ сосредоточеніе актовыхъ книгъ въ Центральномъ архивѣ будутъ не облегчены, а затруднены дѣловыя въ нихъ справки, такъ какъ-де члены и секретари уѣздныхъ судовъ лучше знакомы съ ихъ содержаніемъ, нежели чиновники будущаго архива (п. **B**), и что подлоги въ актахъ, ради устраненія которыхъ учреждается архивъ, составляютъ „предметъ второстепенной важности" и могутъ быть пресѣчены другими средствами (п. **C**), то спрашивается: зачѣмъ же и учреждать проектируемый архивъ? Однако, оппонентъ прямо не ставитъ этого вопроса и вопреки самому себѣ готовъ согласиться, что архивъ „будетъ преимущественно и несомнѣнно полезенъ въ отношеніи ученомъ" (п. **D**); но эта уступка сдѣлана какъ-будто для того лишь, чтобы имѣть основаніе возразить, зачѣмъ-де архивъ учреждается не на средства Министерства Нар. Просвѣщенія или Академіи наукъ, а на мѣстные земскіе сборы, падающіе, между прочимъ, и на крестьянъ, которые-де и безъ того обременены земскими повинностями. Но это чрезмѣрное попеченіе о крестьянахъ звучитъ такъ же странно, какъ и заботливое опасеніе, какъ бы при собираніи актовыхъ книгъ полиція не стала отбирать у частныхъ лицъ выписей изъ этихъ книгъ, указателей къ нимъ и т. под. (п. **E**). Этотъ пунктъ замѣчаній гр. Блудова едва ли не былъ внушенъ ему помѣщиками Юго-западнаго края, которые, помня хорошо, съ какимъ усердіемъ чиновники, по

приказу генералъ-губернатора, собирали архивные матеріалы для учрежденной незадолго предъ тѣмъ въ Кіевѣ Археографической Коммиссіи, могли и въ самомъ дѣлѣ питать опасеніе, что, съ учрежденіемъ Центральнаго архива, Бибиковъ прикажетъ отобрать для него болѣе цѣнные матеріалы изъ ихъ фамильныхъ архивовъ. Рекомендуемая гр. Блудовымъ радикальная мѣра для пресѣченія подлоговъ въ актовыхъ книгахъ очень наивна: какъ-будто для фальсификаторовъ не все одно—фабриковать ли акты *„токмо явленные“*, или вмѣстѣ *„и сознанные“*! Столь же наивны и его ученыя разсужденія о мѣстскихъ и гродскихъ судахъ и книгахъ. Вообще всѣ „замѣчанія“ гр. Блудова такъ мало основательны и не серьезны, что человѣку, хорошо знакомому съ дѣломъ, не стоило большого труда въ конецъ опровергнуть ихъ, что съ успѣхомъ и сдѣлано въ объясненіяхъ генералъ-губернатора.

Однако гр. Блудовъ, ознакомившись съ этими объясненіями, категорически заявилъ министру нар. просвѣщенія, что онъ остается при прежнемъ мнѣніи и не намѣренъ отказаться ни отъ одного изъ раньше высказанныхъ имъ замѣчаній. Къ этому онъ еще присоединилъ какія-то „мысли и разсужденія“, относящіяся къ двумъ „главнымъ въ семъ дѣлѣ вопросамъ“: объ источникѣ, на средства котораго долженъ содержаться архивъ, и о порядкѣ выдачи изъ него выписей. Это такъ смутило князя Ширинскаго-Шихматова, что, извѣщая объ этомъ Бибикова, онъ писалъ ему: „за такимъ отзывомъ дѣйств. тайнаго совѣтника графа Блудова, съ одной стороны, не предвидя успѣха настоящему дѣлу въ Государственномъ Совѣтѣ, а съ другой—по неимѣнію въ распоряженіи Министерства Нар. Просвѣщенія такихъ суммъ, на счетъ которыхъ можно было бы отнести устройство и содержаніе архива, я нужнымъ считаю увѣдомить объ этомъ васъ съ тѣмъ, не признаете ли вы за лучшее, по докладѣ Е. И. Величеству, отложить это дѣло до времени или до пріисканія необходимыхъ для покрытія предстоящихъ расходовъ средствъ“. Но Бибиковъ энергически

протестовалъ противъ отсрочки. „Я остаюсь (отвѣчалъ онъ Ширинскому) при прежнемъ моемъ рѣшительномъ убѣжде ніи въ настоятельной необходимости учрежденія Центральнаго архива по возможности въ непродолжительномъ времени и не могу при этомъ случаѣ не изъявить крайняго сожалѣнія, если осуществленіе столь полезнаго и необходимаго учрежденія встрѣтитъ затрудненіе въ отнесеніи на счетъ земскаго сбора потребныхъ для того издержекъ, нисколько не обременительныхъ и совершенно незначительныхъ по сравненію съ ожидаемыми отъ сего выгодами. Я заявляю вашему сіятельству, что въ случаѣ дальнѣйшаго оставленія актовыхъ книгъ по-прежнему разрозненными и въ тѣхъ ненадежныхъ мѣстахъ, въ которыхъ онѣ донынѣ находятся, мѣстное начальство, всячески заботившееся объ устраненіи этихъ неудобствъ, не можетъ принять на себя отвѣтственности, если актовыя книги, столь важныя по содержанію своему во многихъ отношеніяхъ, по-прежнему будутъ доступны для подлоговъ и всякаго рода злоупотребленій и наконецъ со временемъ подвергнутся окончательному уничтоженію.“ [1])

Князь Ширинскій-Шихматовъ не убѣдился этими доводами и такъ и не отважился въ другой разъ внести въ Государств. Совѣтъ проектъ объ архивѣ.

Трудно угадать, какова была бы дальнѣйшая судьба этого проекта, если бы не подоспѣло къ тому времени одно обстоятельство, поставившее ребромъ вопросъ о пресловутыхъ уѣздныхъ коммиссіяхъ для повѣрки актовыхъ книгъ и воочію доказавшее ихъ рѣшительную непригодность для этого дѣла.

Въ февралѣ 1851 г. Витебскій губернаторъ представилъ всеподданнѣйшій отчетъ о сдѣланномъ имъ обозрѣніи своей

[1]) Отзывъ Бибикова отъ 30 октября 1851 года.

губерніи, въ которомъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе на безуспѣшную дѣятельность учрежденныхъ еще въ 1843 г. повѣрочныхъ коммиссій и на продолжающіеся случаи пріобрѣтенія дворянства по подложнымъ документамъ, въ виду чего рекомендовалъ настоять, чтобы коммисіи поспѣшили окончаніемъ порученнаго имъ дѣла и представили требуемыя отъ нихъ описи актовымъ книгамъ. Противъ этого пункта отчета императоръ Николай I собственноручно отмѣтилъ: *„предписать непремѣнно окончательно представить не позже 1-го января 1852 года"*. Распубликованное въ сенатскомъ указѣ 4 апр. 1851 г. это Высочайшее повелѣніе какъ громомъ поразило и повергло въ трепетъ чиновный міръ девяти западныхъ губерній. Поспѣшно стали приводить въ извѣстность: что именно сдѣлано уже повѣрочными актовыми коммиссіями и что еще остается сдѣлать,—и съ ужасомъ убѣдились, что ровно ничего не сдѣлано и что большинство коммиссій и не приступало еще къ составленію требуемыхъ описей. Отъ губернскихъ правленій всѣхъ девяти западныхъ губерній посыпались представленія въ Сенатъ о непреодолимыхъ затрудненіяхъ, испытываемыхъ коммиссіями съ момента ихъ учрежденія, но результатомъ этого явился повторительный указъ Сената отъ 11 сентября съ предписаніемъ генералъ-губернаторамъ западныхъ губерній о принятіи съ ихъ стороны „строгихъ и дѣйствительныхъ мѣръ къ точному исполненію Высочайшей воли". И такія мѣры, хотя и поздно, были приняты. Губернскія правленія, повидимому, забросили на время всѣ другія дѣла и исключительно занялись прижимкой и понуканіемъ повѣрочныхъ коммиссій. Члены послѣднихъ—уѣздные предводители, судьи и стряпчіе—также должны были оставить прямыя свои обязанности и всецѣло заняться повѣркой актовыхъ книгъ, а губернскіе стряпчіе, обязанные по закону лично участвовать во всѣхъ дѣйствіяхъ каждой уѣздной коммиссіи, рѣшительно должны были превратиться въ вездѣсущихъ духовъ, одновременно парящихъ надъ всѣми городами своей губерніи. Не ограничиваясь обычными часами, назначенными для

служебныхъ занятій, коммиссіи должны были собираться на работу и въ послѣобѣденные или вечерніе часы, а стряпчимъ поручено было вести журналы этимъ занятіямъ и отмѣчать неявку каждаго члена. По старой памяти, коммиссіи пробовали „отписываться": жаловались на свои нужды и немощи—неимѣніе переводчиковъ, канцелярій, средствъ на отопленіе и освѣщеніе, невозможность прочесть, а тѣмъ болѣе понять акты, писанные на какихъ-то „древнихъ иностранныхъ, неупотребительныхъ нынѣ языкахъ" и т. под., но на всѣ такія жалобы неизмѣнно слѣдовали суровыя внушенія „оставить безплодную переписку", такъ какъ-де всѣ эти затрудненія „уже были въ виду высшаго начальства и оставлены безъ уваженія", и что теперь „никакія препятствія и невозможности въ семъ предметѣ мѣста имѣть не могутъ, а единственно требуется быстрое стремленіе къ непремѣнному исполненію срочнаго Высочайшаго повелѣнія". Правда, въ Волынской губерніи въ помощь членамъ коммиссій были прикомандированы временно засѣдатели уѣздныхъ судовъ, но эта мѣра повела лишь къ тому, что въ судахъ почти совсѣмъ было пріостановлено теченіе дѣлъ. Для постояннаго наблюденія за дѣятельностью коммиссій имъ предписано было представлять въ Губернское правленіе, по установленной формѣ, еженедѣльные отчеты о числѣ провѣренныхъ и описанныхъ актовъ и вообще о своихъ занятіяхъ, а Губ. правленіе, на основаніи этихъ донесеній, составляло и разсылало еженедѣльные печатные журналы, въ коихъ преподавало дополнительныя инструкціи, дѣлало замѣчанія, хвалило и „ставило въ примѣръ рачительныя коммиссіи" и строго порицало „нерадивыя". По этимъ отчетамъ выходило такъ, что члены иныхъ коммиссій и не доѣдали, и не досыпали, а только и дѣлали, что денно и нощно усердствовали въ исполненіи служебнаго долга. Въ то время, какъ, напримѣръ, Владиміро-волынская коммиссія ревизовала въ день отъ 3-хъ до 5-ти актовъ, Кременецкая - отъ 20 до 29, Овручская —отъ 39 до 46, Старо-константиновская какимъ-то чудомъ успѣвала провѣрять и описывать ежедневно

по 146 и болѣе актовъ. Кромѣ неустаннаго труда, „рачительные“ члены коммиссій несли и матеріальныя жертвы: Ковельскій стряпчій доносилъ, что, ревнуя объ успѣхѣ дѣла, онъ принялъ на свой счетъ расходы на бумагу и свѣчи для вечернихъ занятій своей коммиссіи; Балтскій предводитель нанялъ на свой счетъ писцовъ. Соревнуя имъ, члены Ямпольской коммиссіи доносили, что и они готовы „сообразно съ состояніемъ и средствами каждаго изъ нихъ сдѣлать пожертвованіе“ на наемъ писцовъ и покупку бумаги [1]), „если только пожертвованіе это будетъ признано начальствомъ не противнымъ порядку государственной службы и обязанностямъ дожностныхъ лицъ и на приведеніе сего въ исполненіе послѣдуетъ разрѣшеніе“ [2]). Но такихъ рачительныхъ коммиссій было вообще немного, да и онѣ въ сущности ничего не дѣлали. Нерадивѣе всѣхъ оказались коммиссіи тѣхъ городовъ, въ которыхъ существовали нѣкогда гродскіе и земскіе суды и гдѣ поэтому было накоплено большое количество актовыхъ книгъ. Такова, была, напримѣръ, Луцкая коммиссія, которой предстояло обревизовать ни больше ни меньше какъ 1167 книгъ XVI—XVIII ст. Сознавая всю непосильность для себя такой гигантской задачи, коммиссія эта ровно ничего не дѣлала; даже и послѣ того, какъ послѣдовало срочное Высочайшее повелѣніе, она продолжала бездѣйствовать и не посылала недѣльныхъ отчетовъ. Лишь въ октябрѣ 1851 г. Волынское Губ. правленіе съ ужасомъ убѣдилось, что въ Луцкѣ и не приступали еще къ повѣркѣ актовъ, и грозно потребовало объясненія причинъ такой неслыханной „безпечности и нерадѣнія“. Члены коммиссіи отвѣтили, что, „въ огражденіе отвѣтственности за неисполненіе въ срокъ Высочайшей воли“, они раньше неоднократно доносили о непреодолимыхъ затрудненіяхъ, препятствующихъ имъ заняться повѣркою актовъ; затрудненія эти слѣ-

[1]) Противъ этого мѣста рукою испр. д. Кіевскаго генералъ-губернатора князя Васильчикова сдѣлана отмѣтка карандашемъ: „Жертвуютъ безъ всякой пользы“.

[2]) Противъ этихъ строкъ тою же рукою написано: „Умно“.

дующія: 1) „г. Луцкъ по историческому отношенію былъ въ средніе вѣка городомъ удѣльнаго княжества Литовскаго, а за королей польскихъ принадлежалъ къ Волынскому воеводству, и потому въ немъ сосредоточивались всѣ почти акты сего воеводства, въ количествѣ коихъ ни одинъ уѣздъ не можетъ сравниться; 2) акты сіи, писанные на древнихъ языкахъ славянскомъ, латинскомъ и польскомъ, можетъ читать только переводчикъ, не только знающій эти языки, но и понимающій силу содержанія каждаго выраженія отдѣльно, ибо, не прочитавъ акта и не понявъ его въ полномъ смыслѣ, нельзя составить имъ описи, а тѣмъ болѣе дать заключеніе о несомнительности акта; между тѣмъ переводчиковъ въ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ не положено и пріискать ихъ съ этими познаніями въ Луцкѣ невозможно; и 3) если бы даже и эта потребность была удовлетворена, то коммиссіи нѣтъ гдѣ заняться разсмотрѣніемъ актовъ, ибо то зданіе, въ которомъ хранится архивъ, треснуло во многихъ мѣстахъ, грозитъ разрушеніемъ и, по освидѣтельствованію губ. архитекторомъ и городничимъ, по крайней обветшалости и значительнымъ поврежденіямъ признано негоднымъ къ починкѣ, и нынѣ въ немъ топка печей не производится изъ опасенія пожара".—Губернское правленіе признало эти препятствія „преувеличенными, обнаруживающими лишь нерадивость коммиссіи по службѣ и совершенную незаботливость къ исполненію Высочайшей воли, каковая нерадивость не будетъ оставлена безъ подверженія членовъ коммиссіи законному взысканію". Луцкіе архивисты немного испугались этой угрозы, но скоро ободрились: воспользовавшись посѣщеніемъ ихъ города губернаторомъ княземъ И. И. Васильчиковымъ, они ехидно „представили ему на усмотрѣніе" двѣ подлинныя актовыя книги 1600 и 1620 годовъ. Князь внимательно посмотрѣлъ въ одну и другую—и, конечно, не прочелъ въ нихъ ни слова. Ободренные этимъ, члены коммиссіи поспѣшили въ свое оправданіе донести Губ. правленію, что вотъ молъ „и его превосходительство изволилъ убѣдиться, что этихъ книгъ, писан-

ныхъ древнимъ славянскимъ, латинскимъ и польскимъ почерками и выраженіями, безъ переводчика, знающаго достаточно древнія письмена и выраженія, читать и понимать не возможно"; поэтому они „не только окончить къ назначенному сроку возложенное на нихъ дѣло, но даже начать оное не въ состояніи". Губ. правленіе вздумало-было поучать ихъ, что-де „въ самомъ существенномъ положеніи (sic) документы, подлежащіе повѣркѣ, рѣдко требуютъ переводовъ, ибо слѣдуетъ знать только ихъ содержаніе, а сомнительность и безъ знанія языка видна по подчисткѣ, замаркѣ, припискѣ, оторваніи листа и тому подобнымъ примѣтамъ"; но члены Луцкой коммиссіи стояли на своемъ: „обязанные присягою (оправдывались они) исполнять службу по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности, мы, не зная древнихъ языковъ славянскаго, латинскаго и польскаго, рѣшительно не можемъ читать и понимать писанныхъ на сихъ языкахъ, древнимъ почеркомъ, документовъ". Сверхъ того,— увѣдомляли они,—въ зданіи, гдѣ помѣщается архивъ съ актовыми книгами, произошла новая опасная трещина, и „по этой для жизни грозящей опасности никто изъ служащихъ чиновниковъ не рѣшается болѣе входить туда". Это было писано въ ноябрѣ 1851 г., т. е. всего за полтора мѣсяца до истеченія назначеннаго для повѣрки актовъ срока, и Губ. правленію ничего не оставалось дѣлать, какъ махнуть рукою на нерадивую коммиссію, которая такъ и не приступала къ исполненію порученнаго ей непосильнаго дѣла.

Ко всѣмъ этимъ прекаканіямъ и понуканіямъ Д. Г. Бибиковъ относился совершенно пассивно. Онъ давно уже убѣдился въ томъ, что повѣрочныя коммисіи никогда не справятся съ своей задачей, и лишь досадовалъ, что ихъ безплодныя занятія напрасно отвлекаютъ уѣздныхъ чиновниковъ отъ ихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей. На представленія Губернскихъ правленій о многоразличныхъ затрудненіяхъ и нуждахъ повѣрочныхъ коммиссій онъ откровенно отвѣчалъ, что „въ настоящемъ положеніи дѣла съ

моей стороны не можетъ быть сдѣлано никакого распоряженія" къ удовлетворенію этихъ нуждъ, и предлагалъ Губ. правленіямъ прямо отъ себя представлять о нихъ Сенату, что́ и дѣлалось и на что Сенатъ не давалъ никакого отвѣта; лично же на себя генералъ-губернаторъ взялъ переписку съ министерствомъ юстиціи, которое, открыто раздѣляя его взглядъ на безплодность занятій повѣрочныхъ коммиссій, не оказало должной поддержки проекту учрежденія Центральнаго архива, дѣлавшему ненужнымъ ихъ дальнѣйшее существованіе. Когда состоялся сенатскій указъ 4 апр. о назначеніи срока для окончанія повѣрки актовыхъ книгъ, Бибиковъ сдѣлалъ слѣдующій ядовитый запросъ управляющему министерствомъ П. Д. Илличевскому: „Принимая во вниманіе, что о причинахъ, по коимъ уѣздныя повѣрочныя коммиссіи не только дѣйствовали до сихъ поръ безуспѣшно, но и вовсе не въ состояніи когда-либо исполнить возложенное на нихъ порученіе, сообщены мною въ министерство юстиціи соображенія мои по поводу предположенія объ учрежденіи центральнаго архива для актовыхъ книгъ и что́ ваше прев-ство изволили признать и съ своей стороны справедливость означенныхъ причинъ и происходящей отъ оныхъ невозможности окончить когда-либо пересмотръ актовыхъ книгъ посредствомъ нынѣ существующихъ уѣздныхъ коммисій, о чемъ и увѣдомили меня отъ 12 марта 1850 г., я долгомъ считаю обратиться къ вашему прев-ству съ покорнѣйшею просьбою—не оставьте почтить меня увѣдомленіемъ касательно мѣръ къ исполненію вновь послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія по всеподданнѣйшему рапорту начальника Витебской губерніи". Министерство не нашлось, что отвѣтить, и промолчало. Послѣ вторичнаго сенатскаго указа 11 сент. о принятіи со стороны генералъ-губернаторовъ западныхъ губерній „строгихъ и дѣйствительныхъ мѣръ" къ точному исполненію Высочайшей воли, Бибиковъ повторилъ свой запросъ въ министерство и лишь въ половинѣ октября получилъ отъ министра гр. Панина холодный отвѣтъ, что „принятіе мѣръ къ исполненію Вы-

сочайшей воли о представленіи актовыми коммиссіями описей не позже 1 января 1852 г. зависитъ отъ мѣстнаго главнаго начальства". Тогда Бибиковъ послалъ министру обширную записку съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ тянувшейся уже въ теченіе девяти лѣтъ повѣрки актовыхъ книгъ и съ явнымъ намекомъ на то, что если дѣятельность повѣрочныхъ коммиссій оказалась совершенно безуспѣшной, то въ этомъ отчасти виновно именно министерство юстиціи, систематически отклонявшее многократныя представленія мѣстнаго начальства о нуждахъ и затрудненіяхъ коммиссій. Еще въ 1843 г. Кіевскій генералъ-губернаторъ представлялъ министерству, что нѣтъ физической возможности выполнить правило, по которому коммиссіи могли производить повѣрку актовъ не иначе, какъ въ полномъ составѣ своихъ членовъ и при непремѣнномъ участіи въ этой работѣ губернскаго стряпчаго, и ходатайствовалъ объ измѣненіи этого крайне стѣснительнаго требованія, но министерство отказало въ этомъ ходатайствѣ по тому соображенію, что „мѣра сія хотя и отдалитъ на нѣкоторое время окончаніе дѣла, но замедленіе это вознаградится увѣренностью въ правильности и точности повѣрки книгъ", а на дѣлѣ эта мѣра привела лишь къ тому, что повѣрка вовсе не производилась. Коммиссіи въ одинъ голосъ жаловались, что онѣ не въ состояніи читать и понимать древніе акты, и просили о командированіи переводчиковъ,—имъ было въ этомъ отказано. Жаловались онѣ постоянно и на то, что имъ не назначены особыя канцеляріи и не отпущены средства на наемъ писцовъ, на освѣщеніе, отопленіе, на канцелярскіе матеріалы и т. под., но министерство отвѣчало, что „для коммиссій, какъ учрежденныхъ на время, никакихъ расходовъ не предполагалось" и потому не назначено и ассигновокъ. Мѣстное начальство изыскивало всякіе способы и средства для облегченія затруднительнаго положенія повѣрочныхъ коммиссій, но оно не въ силахъ было удовлетворить ихъ нужды и устранить всѣ препятствія на пути ихъ дѣятельности. „И теперь—заканчивалъ Бибиковъ свою

записку—Губернскія правленія ввѣренныхъ мнѣ губерній принимаютъ всѣ зависящія отъ мѣстнаго начальства мѣры къ окончанію повѣрки актовыхъ книгъ въ назначенный срокъ; но если мѣры эти не достигнутъ предположенной цѣли при существованіи всѣхъ выше объясненныхъ затрудненій, съ которыми сопряжено производство настоящаго дѣла отъ самаго начала онаго и до сего времени и о коихъ мѣстное начальство, не имѣя никакихъ способовъ для устраненія ихъ, своевременно доводило до свѣдѣнія министерства и испрашивало разрѣшенія,—то очевидно, что въ такомъ случаѣ неуспѣхъ въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть отнесенъ къ недостатку заботливости объ ономъ или къ нераспорядительности мѣстнаго начальства. При этомъ долгомъ считаю повторить вашему сіятельству, что цѣль, съ которою назначено обревизованіе актовыхъ книгъ коммиссіями, составленными изъ мѣстныхъ уѣздныхъ чиновниковъ, именно—предупрежденіе подлоговъ въ этихъ книгахъ и приведеніе ихъ въ порядокъ, по мнѣнію моему, болѣе всего и не иначе можетъ быть достигнута, какъ осуществленіемъ предположенія объ учрежденіи Центральнаго архива для актовыхъ книгъ при университетѣ св. Владиміра. Объ этомъ предположеніи, по замѣчаніямъ 2-го Отдѣленія собств. Е. В. Канцеляріи и согласно опредѣленію Госуд. Совѣта, сообщены мною дополнительныя свѣдѣнія и соображенія г. Министру народнаго просвѣщенія 5 мая сего года. Какой получило за тѣмъ дальнѣйшій ходъ это дѣло, мнѣ не извѣстно [1]); между тѣмъ окончательное и утвердительное разрѣшеніе онаго не только принесло бы существенную пользу въ отношеніи предупрежденія подлоговъ въ актовыхъ книгахъ и цѣлостнаго сохраненія ихъ, но сверхъ того повело бы къ другимъ не менѣе значительнымъ выгодамъ и облегченіямъ

---

[1]) Настоящая записка была послана 27 окт. 1851 г., а извѣщеніе князя Ширинскаго о томъ, что онъ не признаетъ возможнымъ вторично внести въ Госуд. Совѣтъ проектъ о Центр. архивѣ, было получено въ Кіевѣ 29 окт. того же года.

какъ въ этомъ архивѣ, такъ и во всѣхъ почти другихъ архивахъ ввѣренныхъ моему управленію губерній, весьма много, не говоря уже о тѣхъ актовыхъ книгахъ, которыя по мѣстечкамъ, гдѣ уничтожены ратуши, оказываются разрозненными въ рукахъ у частныхъ лицъ, простолюдиновъ. Одно только поверхностное обозрѣніе представляемой актовой книги, писанной на древнемъ южно-русскомъ нарѣчіи и почеркомъ стариннымъ, неминуемо приведетъ къ тому убѣжденію, что въ коммиссіяхъ, назначенныхъ для ревизіи и пересмотра актовыхъ книгъ и составленныхъ изъ чиновниковъ мѣстнаго уѣзднаго управленія, всѣ почти члены оныхъ, не будучи спеціально приготовленными и не имѣя необходимыхъ для разбора древнихъ рукописей палеографическихъ свѣдѣній, не въ состояніи даже прочесть ни одного изъ записанныхъ въ актовыя книги документовъ, а тѣмъ болѣе точно уразумѣть сущность ихъ для того, чтобы потомъ внести въ опись содержаніе каждаго документа и вывести заключеніе о достовѣрности или подложности его. Сверхъ того, какъ видно изъ полученныхъ мною донесеній отъ предсѣдателей многихъ коммиссій, въ архивахъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію, находятся въ значительномъ количествѣ книги, писанныя стариннымъ же почеркомъ на языкахъ: латинскомъ, польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и италіанскомъ [1]), почему члены коммиссій, для исполненія своихъ обязанностей въ отношеніи къ этимъ книгамъ, кромѣ особеннаго навыка разбирать древнія рукописи, должны обладать еще основательнымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, чего никакъ нельзя требовать отъ этихъ чиновниковъ которые опредѣлили себя исключительно для службы въ уѣздахъ. Независимо отъ сего, обративъ вниманіе на одну только внѣшность представляемой актовой книги изъ архива Кременецкаго уѣзднаго суда, нельзя не допустить весьма

[1]) Документовъ на трехъ послѣднихъ языкахъ вовсе нѣтъ въ актовыхъ книгахъ югозап. края, но такъ дѣйствительно доносили многія повѣрочныя коммиссіи, присоединяя къ тому еще языки турецкій и еврейскій.

основательнаго предположенія, что въ такомъ же полуистлѣвшемъ видѣ, вѣроятно, находятся въ настоящее время многія актовыя книги и что, безъ сомнѣнія, впослѣдствіи не только придутъ въ подобное состояніе и тѣ изъ нихъ, которыя случайно уцѣлѣли еще, но и всѣ вообще актовыя книги окончательно уничтожатся, если онѣ попрежнему будутъ оставаться разрозненными въ архивахъ уѣздныхъ или губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, лишенныхъ возможности назначить для храненія актовыхъ книгъ удобныя и безопасныя помѣщенія.—Предоставляя благоусмотрѣнію вашего сіятельства соображенія эти, подтверждаемыя фактами, едва ли подлежащими какому-либо сомнѣнію, я обязанностію считаю еще разъ повторить неоднократно выраженныя мною убѣжденія: 1) что дальнѣйшее существованіе коммиссій, назначенныхъ для ревизіи актовыхъ книгъ, совершенно безполезно, такъ какъ коммиссіи эти никогда не будутъ въ состояніи исполнить возложенное на нихъ порученіе; 2) что актовыя книги, какъ на опытѣ дознано изслѣдованіями учрежденной въ Кіевѣ, при генералъ-губернаторѣ, Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, по исключительному содержанію своему весьма важны во многихъ отношеніяхъ, и что потому незаботливость о цѣлостномъ сохраненіи этихъ книгъ и о приведеніи ихъ въ порядокъ была бы непростительнымъ упущеніемъ; 3) что между тѣмъ актовыя книги неминуемо подвергнутся окончательному уничтоженію, если попрежнему оставлены будутъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ находятся до сихъ поръ, и 4) что учрежденіе центральнаго архива при университетѣ св. Владимира, по мѣстнымъ соображеніямъ, представляется единственнымъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ сохраненію актовыхъ книгъ отъ окончательнаго уничтоженія и къ приведенію ихъ въ порядокъ; архивъ замѣнитъ собою, при извѣстныхъ условіяхъ, безполезно существующія въ уѣздахъ коммиссіи для ревизіи и пересмотра актовыхъ книгъ и, наконецъ, дастъ возможность извлечь изъ нихъ тѣ разнообразныя выгоды для жителей трехъ губерній и для исторіи края, о которыхъ

упомянуто уже было въ предшествовавшихъ отношеніяхъ моихъ къ вашему сіятельству".

Эти краснорѣчивыя убѣжденія, подкрѣпленныя демонстрированіемъ подлинныхъ актовыхъ книгъ, наконецъ достигли цѣли: графъ Панинъ рѣшительно проникся воззрѣніями Кіевскаго генералъ-губернатора, а главное—воспользовался его доводами и аргументами, чтобы самому выйти съ честью изъ затруднительнаго положенія. Приближалось 1-е января 1852 года—срокъ, къ которому, согласно Высочайшему повелѣнію, непремѣнно должна была закончиться повѣрка актовыхъ книгъ уѣздными коммиссіями. Министръ юстиціи не могъ скрыть отъ государя, что его воля никакъ не можетъ быть выполнена, что повѣрочныя коммиссіи, не смотря на усиленныя побужденія, большею частью еще и не приступали, да и не могли вовсе приступить къ возложенному на нихъ порученію вслѣдствіе полной неподготовленности къ такому дѣлу. И вотъ, въ самый день Новаго 1852 года,—день, наступленія котораго съ трепетомъ ожидали цѣлыя сотни чиновниковъ, членовъ уѣздныхъ актовыхъ коммиссій, поголовно оказавшихся повинными въ неисполненіи Высочайшаго повелѣнія, Бибиковъ былъ порадованъ нижеслѣдующимъ оффиціальнымъ увѣдомленіемъ отъ министра юстиціи графа Панина: „По поводу встрѣченныхъ учрежденными въ западныхъ губерніяхъ коммиссіями для повѣрки актовыхъ книгъ затрудненій въ окончаніи порученнаго имъ дѣла къ назначенному Его Императорскимъ Величествомъ сроку 1 января 1852 года, я входилъ въ комитетъ гг. министровъ съ представленіемъ объ учрежденіи, вмѣсто сихъ коммиссій, центральнаго архива для храненія и разбора тѣхъ книгъ, при чемъ мною заявлено было комитету и мнѣніе вашего высокопрев-ства, изъясненное въ отношеніи ко мнѣ отъ 16 минувшаго ноября [1]), о томъ, что

[1]) Это и было то самое отношеніе Бибикова, съ препровожденіемъ подлинной актовой книги, изъ котораго выше приведена существенная выдержка.

актовыя коммиссіи безполезны и что учрежденіе центральнаго архива для актовыхъ книгъ представляется единственнымъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ сохраненію и приведенію ихъ въ порядокъ. Вслѣдствіе сего Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, Высочайше повелѣть изволилъ: 1) Учрежденныя по западнымъ губерніямъ коммиссіи для повѣрки актовыхъ книгъ съ 1 января 1852 года закрыть, предоставивъ генералъ-губернаторамъ западныхъ губерній принять строгія мѣры, чтобы всѣ, какъ обревизованныя, такъ и не обревизованныя коммиссіями книги, акты и документы были сданы куда слѣдуетъ въ надлежащемъ порядкѣ и сохранены въ цѣлости; 2) относительно принятія необходимыхъ мѣръ какъ для окончанія повѣрки тѣхъ книгъ и актовъ, кои еще не обревизованы, такъ и для храненія сихъ документовъ на будущее время, предоставить мнѣ, по надлежащемъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніи, внести въ установленномъ порядкѣ свои соображенія не позже 1 февраля будущаго 1852 года. При этомъ Его Императорское Величество на положеніи комитета гг. министровъ собственноручно написать соизволилъ: *„Я мнѣніе генералъ-адъютанта Бибикова 1-го раздѣляю въ полной мѣрѣ“*.

Увѣдомляя далѣе, что имъ дано будетъ движеніе этому дѣлу, „примѣнясь къ главнымъ основаніямъ“ первоначальнаго проекта, представленнаго Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, графъ Панинъ просилъ послѣдняго „почтить его своимъ отзывомъ касательно способа храненія актовыхъ книгъ на будущее время“. Бибиковъ немедленно отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, актовыя книги юго-западныхъ губерній включительно до 1799 года, какъ для храненія на будущее время, такъ и для приведенія ихъ въ порядокъ, слѣдовало бы немедленно собрать въ Кіевъ, для чего въ университетскомъ зданіи можетъ быть назначено имъ приличное и удобное помѣщеніе; актовыя же книги XIX-го столѣтія, какъ не имѣющія особаго, исключительнаго значенія, какое принадлежитъ книгамъ прошедшихъ столѣтій,

оставить въ тѣхъ же присутственныхъ мѣстахъ, въ вѣдѣніи коихъ онѣ остаются нынѣ, съ тѣмъ, чтобы за цѣлостное ихъ сохраненіе несли отвѣтственность председатели и члены присутственныхъ мѣстъ.

О. Левицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Кліме(н)тія, Іуліяну, Акіліну, Мрью, Ксенію, Кіріла, Евдокею, Соѳію, Якова, Харітіну, Потапія, Іуліяну, Сергея, Ѳеодора, Соломоніду, Васілія, Якова, Ко(з)му, інока скімніка Якімія, Агафона, Пелагею, сщенноінока скімніка Павла, Сімеона, Аѳанасія, Агаѳію, Дарью, Іріну, Ѳеодора, Агаѳію, Евдокею, Уліяну. Агаѳію, Ѳому, скімніка Тарасія, Агаѳію, инока скімніка Іоа(н)на, іноку скімніцу Евпраксію, Ігнатія, Екатеріну, Павла, Васілія, Георгія, Анну, Максіма, [л. 61] Агаѳію, Іоа(н)на, Герасіма, Гавріила, Ев'ву, Екатеріну, Двда, Гавріила, Ксенію, Іуліяну. Евдокею, Ксенію, Вѣру, Васілія, інока Зосіма. Ан'ну, Іоанна, Деоміда, Мартіна, Ко(н)дратія, Васілія, Парасковгею, сще(н)ноіерея Романа, Кар'па, Пахомія, Якова, Тімоѳея, Ан'ну, Стеѳана, Ан'ну, Глікерію, Мрью, Пелагею, Васілісу, Грігорія, Пелагею, Па(н)теле(й)мона, Мрью, Селівестра, Ев'ѳімію, Анну, Ев'ѳімію, Грігорія, Ѳому, Огреѳіну, младе(н)ца Грігорія, Ев'докею, Ермолая, Нікіту, Вар'фоломея, Ѳеодора, Аѳанасія, Анну, Гавріила, младе(н)ца Тарасія, Андрея, Нікіту, Дмітрія, Наталью, До(м)нікею, Маріну, Евстаѳія, Іоа(н)на, Захарію, Алексея, Васілісу, Петра, Лавре(н)тія, Ѳеодору, інока скімніка Нікіты, Ан'ны, Фрола, сщ(н)ноінока скім'ніка Іоакіма, інока Де(м)яна, Еремѣя, Ѳеодора, Іосіфа, Захарію, Лавре(н)тія, Есіфа, Іева, Васілія, Іоа(н)на, Мрью, Грігорія, Власія, Та(тя)ну, Мрью, Ев'докею, Ігнатія, Іуляну, Лево(н)тія, Аѳанасія, Глікерію, Тимоѳея, Кіріла, Ан'ну, Іоа(н)на, Екатеріну, Ан'ну, Миха(и)ла, Іулі(я)ну. Петра, Іустинію, Дарію, Конона, Захарію, Ефроси(м)ію, Анастасью, Стефана, Мрью, Якова, Макарія, Васілія, Іоа(н)на, младенцы Акіліны, Сімеона, Игнатія, Іоа(н)на, Мат(ѳ)ея, Лавріила, Гуріна, Евдокею, Ма(т)ѳея, Ѳеодору, Даніила, Мрью, Ев'докею, Еф'роси(м)ю, Іоа(н)на, Васілісу, Васілія, Грігорія, Акіліну, Ога(ѳ)ю, Міхѣя, Лавре(н)тія, Пелагею, Васілія, Маріну, інока Іону, Настаѳію, Ан'ну, інока ски(м)ніка Конона, Елев'ѳерія, інока Елев'ѳерія, Гео(р)гія, Еѳімія, Іріну, Леонтія, Акіліну, Деоміда, Мо(й)сея Ісакія, Ѳеѳодія, Артемія, Мрью, Іоа(н)на, Стеѳана, Ефроси(м)ю, Якова, Діонісія, Парасков'гею, Деоміда, Елену, Марка, Павла, Ѳеодора, До(м)нікею, Грігорія, Якова, Тімоѳея, Парас'ковгею, Тимоѳея, [л. 62] Ілью, Вар'вару, Якова, Екатеріну, Пелагею, Парасковгею, Глікерію, Іоан'на, Тіта. Евгенію, Іякова, Деоміда, Л'ва, Васілія, Ѳеодора, Ніколу, Грігорія, Вѣру, А(н)дрея, Глікерію, Мартіна, Василія, Василія, Мрью, Петра, А(н)дрея, Сергея, Пелагею, Исідора, Іріну, Еѳ'росимію, Ога(ѳ)ю, Спірідонія, Та(т)яну, Еѳімію, Мрью, Ѳеодосія, Стеѳана, Мрью, Тімоѳея, Уліту, Данілія, Іса(й)ю, Дмитрія, Татяну, Іріну, Мірона, Мела(н)ю, Елев'ѳерія, Іоа(н)на, Ан'ну, Хіму, сщенно-

інока Васіяна, Остафія, Якова, Нікіту, Ога(ѳ)ю, Ксенію, Іріну, Мрью, Ѳеодора, Та(т)яну, Матрену, А(н)дрея, Петра, Парасков'гею, Іоа(н)на, Ксенію, Кар'па, Матрену, Стеѳана, Еѳ'роси(мі)ю, Еѳімію, Олексея, Іріну, Васілія, Ісидора, Анастасію, Іоакима. Ігнатія, Іосифа, Зеновія, А(н)дрея, Ар'темія, Зеновія, Леона, Мікіты, Ога(ѳ)ю, Стеѳана, Мрью, Ко(н)дратія, Ар'темія, Анастасію, Іюду, Ксенію, Зеновію, Іакова, Конона, Нікітія, Грігорія, Міха(и)ла, Огрефіну, Да(р)ю. А(н)д'рея, Еф'роси(м)ю. Ѳеодора, Іоа(н)на, Ко(н)дратія, Лукяна, Акіліны, Ога(ѳ)іи, Пиліп'па, Ѳеодота, Іоа(н)на, Пелагею, Ксеніи, Максима, Мартіна, Пелагею, сщенноінока ерея Сімеона, інока Зосіма, Іоа(н)на, Іоа(н)на, Грігорія, Ѳеодора, Міха(й)ла, Іоанна, Сімеона, Ефросінію, Сімеона, А(н)тіпа, Дмітрія, Іоа(н)на, Матрену, Екатеріну, Тріфона. Ѳео(до)ру, Іса(и)ю, Ер'молу, Васілія, Тат'яну, Ѳіліп'па, Стеѳана, Соломоніду, Ев'докею, Максіма, Мартіна, Даніла, Іоа(н)на, Нестера, Мар'ѳу, Мрью, Мрью, Ксенію, Ан'ну, Романа, Сімео(на), Грігорія, Іусти(н)ю, Пав'ла, Хрістіну, Пара(с)ковгею, Та(т)яну, інока Протасія, Ан'ну, Ко(з)му, Іоанна, Евдокею, Ѳеодору, Матрену, Міха(и)ла, Порфирія, Анну, Артемія, Якова, Саву, Екатеріну, Іріну, Іоа(н)на, Олексея, Іоа(н)на, Зеновію, Ксенію, Соломоніду, Даніила, сщ(н)ноінока ски(м)ніка Саву, ерея Грігорія, А(н)тонія, Зеновію, Максіма, Огаѳію, Ев'хімію, [л. 63) Нікітия, Парасков'гею, Ар'темия, Ната(л)ю, Іоа(н)на, А(н)тонія, Ната(л)ю, Настасію, Ев'ѳімію, інока Данілія, Нестера, Прокопія, Деоміда, Якова, Ев'докею, Ѳому, Ларіона, Ігнатія, Ѳеодота, младенцы Мар'ѳы, Ксеновія, Ко(з)му, Аѳанасія, Мартіна, Олексея, Еф'росінію, Ѳеодора, Мрью, Грігорія, Іоа(н)на. Хрістіну, Іоакіма, Данінла, Романа, Само(й)ла, Іса(и)ю, Анастасію, Захарію, Якова, Стеѳаніду, Огрефіну, Кар'па, Мрью, Романа, Ан'ну, Іоа(н)на, Захарію, Матрену, Ксенію, Ар'темія, іноки Анастасію, Ев'стаѳія, Козму, Якова, Сімеона, младеніцу А(н)ну, Ульяну, Ігнатія, Ев'докею, Ер'молая, Дв(д)а, Любу, Ев'докею, Ар'темія, Тімоѳея, Іоа(н)на, Іріну, Дв(д)а, Нікіту, Доме(н)тіяна, До(м)нікею, Алекса(н)дра, Ілію, Іоа(н)на, Евдокею, Максіма, Наста(с)ю, Ан'ну, Любу, Захарью, Іоа(н)на, Пара(с)ко(в)гею, Елену, Ма(т)ѳея, Іріну, Семена, Максіма, Соломоніду, Мрью, Евдокею, Ан'ну, (Марію, Ярофе(и), Катерину) [92]), Кліме(н)тія, Ѳілімона, Парасков'гею, Макарія, Мрью, Іоа(н)на, Ев'докею, Ероѳея, Іоа(н)на, Ан'ну, Матрену, Пелагею, Іоа(н)на, Ларіона, Якова, Ксенію, Саву, Іоа(н)на, Евѳімію, Конона, Грігорія, Іустінію, Емельяна, Іоа(н)на, Татяну, Грігорія, Іустінію, Елену, Ан'ну, Андрея, Евдокею, Аѳа-

---

[92]) Позднѣйшая приписка.

насія, Тімоѳея і Ѳеодосію, ерея Ѳеодора, Якімія, Якімія, Якова, Огаѳію, Анастасію, Петра, Полікар'па, Елев'ѳерія, Ѳевронію, младеніцу Матрену, младеніцу Агаѳію, А(н)дрея, Лук'яна, А(н)дрея, Матрену, Ѳеклу, Якова, Ѳіліп'па, Вас'су, Нікіту, Іоа(н)а, Огаѳію, Мрью, Даніла, Анастасію, Іоа(н)на, Ульяну, Нікіту, Максіма, Якова, Ѳеодора, Іоа(н)на, Е(в)гу, Елену, До(м)нікею, Міну, Ксенію, Мо(й)сея, Вас'су, інока Матѳея, Матѳея, Іуліяну, Якова і Овдо(т)ю, А(н)дрея, сще(н)ноінока скимніка Іоиля. (Андрея. Микиту) [92]).

[л. 64) Ісідора, Мрью, Нікіту, Ігнатія, Нікона, Анну, Ѳеодора, Акилиноу, Пелагію, Агаѳію, Анноу, Михаила, Ѳеодора, Стефана, Ѳеодора, Марію, Екатеріноу, Матроноу, Іоан'на.

Помяни Г(с)ди раба своего священнаго іерея монаха Иоасафа Миро(в)ского во царствіи свое(м) неб(с)номъ.

(Рокоу 1618 мсца декабра 22 дня пре(с)тавился архіман'дрыт' Слцкій и игоумень Михайлов'скій Кіевскій Іоасафъ Міров'скій Золотове(р)хого монастыра, а по нем на(с)талъ о(т)цъ Іоанікіе Борецкій [94]). Митрополита Лоукоу, еродиякона Виталия, Фловіана еромонаха.

Скимницы Евфиміи, инокини Авксентіи (слюса(р)ки Климовое сестра) [95]). Іоуліяны, Іоан'нікія, Захаріи, Григорія, Даріи, Іоанна, Ирины, инока Варлаама (Ко(п)тевицкій), [96]) Наталіи, скимницы Марфы (Миха(й)лиха Хмел) [97]), инока Паісія (подъ строкою: 1619, а(в)гус(т) 10), инока Германа (Григори(й) Бакала(р) [98]) 619, а(в)гус(т) 13, [99]), младенца Назарія 1619 14 а(в)гу(ст), (діе(в) Солenико(в) снъ), [100]). инокины Пан'кратіи [101]), скимницы Пон'кратіи ро(в)скои ма(т)ка. 619 14 дня [102]), іеромонаха Аѳанасія (Лексей Мо(с)ко(в)ский), ию(л) 10) [103]), іеросхимонаха

93) Позднѣйшая приписка; на обрѣзанныхъ поляхъ противъ нея: „ома(р)евскій".

94) Приписка на поляхъ съ правой стороны въ рамкѣ, которую держитъ рука, а сверху рамки крестъ съ надписью: „ис. хр. ни. ка."

95) 96) 97) 98). Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

99) Въ строкѣ, но другимъ почеркомъ.

100) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

101) Приписка тамъ же: „сестреновая".

102) 103) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

Манасіи, Анны (Миха(й)ло Борисоглѣ(б)скій и жена его, де(к) 13) [104], Іякова, скимніцы Мелетіи (з Брагиня 619 а(в) 27) [105]), Іереміи, Ирины, младеницы Маріи (Солени(къ) [106]), Макарія (. . . мы, 619 се(н) 17 [107]), инокини Аѳанасіи (Ве(л)би(ц)ка(я) Мощани(ц)ки(х) 619 се(п)те(н) 1 дня) [108]), Анны, м(л) Стефана, м(л) Кири(л)ла, Симеона, Іоа(н)на.

[л. 65) Помяни Ги дшу раба своего іерея Іакова, Василія, Савы, Елены, Екатерины, Маріи, Климентія, Василія, Наоума, Ѳеодота, Митрофана, Агаѳіи, Евфросиніи, Анны, Михаила, Татіяны, Евдокіи, Прокопія.

Ро(д) Хойницкого и жоны его помянні. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Богоуша, Софіи, младеницы (А?)нны, (м?)ла(д) (А?)нны, Ан'дрея, Лазара, младе(н)ца Іоа(н)на, Тимоѳея, Ѳеодоры, м(л) Андрея, м(л) Евдокіи, м(л) Маріи, Анастасіи, двцы Евдокіи.

Ро(д) Ѳеодора Михайловича Чеховича и жены его Домникеи. Помяни Ги дшоу рабъ своих о(т) Адама и до сего дня: Феодора, М(р)ю, Іоанна, Ориноу, Пелагію, Никифора, Ермогена, Василія, Феодора, Василисоу, Домникею, М(р)ю, Огрефноу, Материну, Мрю, Соломонідоу, Костантина, Ѳомоу, Іякова, Леонътія, Василисоу, Манасія, Хлѣба, Бориса, Акулиноу. Помяни Гп М(р)ю, Іоны, Никитія, младен'ца Іякова, Іоусти(ми)ю, Стефана, Петра, Іякова, Іоанна, Самойла, Аѳанасія, Іякова, Леон'тія, Левона, Татианоу, Феодора, Домникеи, Ан'ны, М(р)ю, Іоанна, Феодосію, Іоанна мл(д)нца, Стефана мл(д)нца, [л. 66) Андрея, Максима, Іесифа, Татияноу, Самойла,Томила, Каленика, Іякова, Петра, Пантелимона, Кудина, Семеона, Ма(р)ю, Лоукоу, Ан'ны, ски(м)ника Герасима, Харитона, Іоа(н)на, Ермогена, Никитоу. Акилиноу и Килиноу, Іоанна, Тита, Григорія, Акима, Козмы, Максима, Іосифа, ски(м)ницѣ Агафіи, Меланіи, Евдокеи, Сидора, Пахоміа, Моѵсея, Ан'ны, А(к)килины, Евдокеи, Зѣновіи, Мотроны, Агафіи, Соломоніды, Мирона, Козмы, Захарія, Іакова, М(р)и, Іоанна, М(р)и, Матрены, Михаила, (У?)ліаны, М(р)и, Ан'ны, Павла, Гаврила, сщноіерея Михаила, Василія, Мкси(м)и і Даръи, Акилины, М(р)и, Василія, М(р)и, Леонтіа, Василисы, Настасіи, Семиона, Феодора, М(р)и, мл(д)нца

104) 105) Приписки на поляхъ.

106) Надъ строкою.

107) 108) Приписано на поляхъ съ лѣвой стороны.

Васиія, мл(д)нца Іякова, Мотруны, сщноіерея, Іоан'на, Костян'тина, Оксиміи, Феодора, Аѳанасіа, Іоан'на, Марины, Федоры, Оулитоу, скимницѣ Ан'ноу, Татіаноу, Патрикея, Ан'дрея, Парасковгеи, Стефана, мл(д)нцу М(р)ю, Огрефиноу, Екатериноу, сщно іерея Василія, Іоан'на, мл(д)нцу Огрефину, Настасію, Есифа, Наталію, мл(д)нца Германа, мл(д)нцоу Соломонію, Антонидоу, Ориноу, Полагію, мл(д)нца Іякова, Татіаны, Івана, Лаврен'тія, Михайла, Семиона, Григорія, Парфенія, Настасіи, М(р)ю, Настасіи, Оуліаны, Евдоки(ми)ю, Іоан'на, Парфена, Катерины, Евдоки(м)и, Іоан'на, Соломониды, Парфена, Евфиміи, М(р)ю, Зѣновію, Семіона, Макарію, Кондрата, Мрю, Григорія, скимніцу М(р)ю, Катериноу, [л. 67) Олексея, Ігнатіа, Логвина, Ігнатіа, Вов'вдотію, Іоа(н)на, Зѣновію, Михаила, Іоан'на, Ан'дреа, Вовдотію, Домны, Стефанидоу, Лав'рентія, Мартына, Зѣновіа, Кон'драта, Евсе(ві)я, Федора, Полагію, Михаила, Федора, Григоріа, Михайла, Зѣновія, Зѣновія. Парфена, Оусти(м)и, мл(д)нцоу Вов'дотію, Одар'ю, мл(д)нцоу Окси(м)ю, Аѳанасія, мл(д)нцоу Одарію, мл(д)нца Данила, Никифора, мл(д)нцы Федоры, Домны, Огрефины, сщнноіерея Лоукоу, сщноіерея Козмы, Макрены, Парасковгеи, Ан'ны, Пестиміи, Татианоу, Сидора, іерея Якима, мл(д)нца Евтихія, мл(д)нцу Софію, мл(д)нца Іоанна, мл(д)нця Ан'ну, мл(д)нца Авраама, мл(д)нцу Федороу, сщноіерея Парфена, сщноіерея Анфипа, мл(д) Анфила, мл(д)нца Сидора, мл(д)нца Федора, Карпа, Михайла, Орины, Евдоки(м)и, Ан'ны, Огафіи, Мри, Іякова, мл(д)нца Никитіа, мл(д)нца Іякова, мл(д)нцоу Марію, мл(д)нцу Анноу, мл(д)нцоу Домноу, Андрея, Стефана, Огафіи, Ѳомы, Матѳея, Фе(о)доры, Стефана, Михайла, Федоры, Фе(о)дора, Іоан'на, Іоан'на, Огафіи, Мрю, Анноу, Іоан'на, Федороу, сщноіерея Іоан'на, Еленоу, М(р)ю, М(р)ю, Карпа, Парасковею, Тимоѳея, Петра, Іоан'на, Богдана, Іоан'на, Петра и Павла, Федоры,(?)аны, Федоры, Со(ф)и(и).

Ро(д) въ Бозе веле(б)ного Гдна о(т)ца Иова Борецкого.

Ро(д) Іоан'на Матѳеевича Борецкого и жены его Никифоры Ѳеодоровны Чеховичовны.

Помяни Ги дша оусъпъши(х) рабъ свои(х): Стефана, Григоріа, Феодора, Огаѳіи, Миха(й)ла, Марію, Василия, Иякова.

Родъ Григория Путивца [109]). Григория, Евдотию.

[л. 68) Філимона, Татіаны, Іякова; Леон'тіа, іеромонаха Генадіа, сщнно іерея Ієрофеа, Ан'ны, Феодосіи, Іякова, Савы, Прокопіа, Гаврі-

[109]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

ила, Ларіона, Кvрилла, Стефана, Филип'па, Настасіи, Димитрія, Матөея, о(т)ца и братя и се(ст)ры, Михаила, Феодора, Іоан'на, Аврама, Іоан'на, Стефаны, Огафіи, Ев'стафіа, Георгіа и Іоан'на Рогатин'цо(в), Огафіи дочки и(х), о(т)ца нашего дхов'наго Варсонофіа, скимника Өомы маля(р). Блгочестиваго еп(с)кпа Гедиона, Іоан'на, Агри(п)пины, Каленика дѣда, Никифора (протон'гела) [110]), Касиана, Феодора, Екатерины, девици Өеодоры (дщере Іоан'на Борецкого, яже преставися в лѣто 1615 мар'та 23 в соуботоу, маючи н(д)ль 19 о(т) рожества своего на четвер'токъ день рожденіа), Іякова, Ясця.

Помяни Гди раба своего еромонаха Антонія.

Помяни Гди дш(у) раба своего Матвея. Іоанна, Татіаны, Іоа(н)на, Іакова, Өеодосіи, м(л) Іоустина, іерея Иліи о(т) тата(р) забитого, Іякова о(т) тата(р) забитого, іеромонаха Мисаила, инока Кирила, Іякова. (Иноки Меланіи) [111]).

Родъ Іоан'на Ра(д)кевича Прошака. Помяни Ги дша оvсопших(х) рабъ своихъ: Радиона, Татианы, Петра, Ев'вы, Пелагіи, Анастасіи, Ігнатіа, Іоны, Іоустины, Іоан'на, Андрея, Ан'ны, Іоан'на, М(р)и, Григоріа, Нисифора, Іякова, Огаөіи, Татианы, Тимоөеа, Лоукіана, Матроны.

Родъ Василія Соуртича и Өедора Жука. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х), Оксиміи, Василіа, Евдокіи, Ан'ны, Маріи, М(р)и девицы, Лоукоу.

Ро(д) Анны Фил'ковны. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х): Тихона, Па(н)телеймона, Ан'ноу.

[л. 69) *Ро(д) Прокопія Тимоөее'вича з Паволо(ч).* Помяни Ги дша рабъ своихъ: Тимоөея, Евдокіи, Евстафіа, Евдоксіи, Татианы, Прокопіа, Огафіи, Ав'вакоума, Феодора, Матөея, Ан'дрея.

Родъ Каспра Винника. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х): Соломіи, Ан'дрея.

Ро(д) Сергѣя Ивановича Пастоуха въ Киевѣ и Агапіи жены его. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Іоан'на, Гедиона, Сvмеона, Корниліа, Ан'ны, Огапіи.

---

110) Зачеркнуто.

111) Приписано на поляхъ съ лѣвой стороны

Родъ Григоріа Короля. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ своихъ Григорія, Сүмеона.

Родъ Юрка Бор'щеняте Өе(д)ковича з Горошокъ. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х): Феодора, Вар'вары, Гео(р)гія, Іерофея, Оксиміи, Христины, Аккилины, Іесея, Симеона, Меланіи, Онисифоры, Тимоөея.

Родъ Артемія Онискевича, шевца алексан'дрон'скаго, Помяни Ги дшоу оусоп'ши(х) рабъ свои(х): Онисифоры, Пан'кратіа Огафіи, Васиана.

Родъ Ссмена Воробья з Горошковъ. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х) Сүмеона, Огапіи.

Родъ пана Стефана Мшан'ского: Помяни Ги дша оусопши(х). рабъ свои(х): Стефана, Татіаны, Ан'ны, оан'ны, Дамиана, Адама, Самойла, Стефана, Павла, Иякова, Агрипины, Зѣновіи, Іліи, инока Макаріа, Ан'ны мл(д)нцы, Евдокеи, Тихона.

Ро(д) Резановое в Киеве: Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х) Алексѣя, Екатерины, Миха(и)ла іерея.

[**л. 70**) *Родъ Авдиа Рыбалки в Киеве.* Помяни Ги Ксеніи.

Ро(д) славное мещан'ки Лвов'ское с Крако(в)ско(го) пре(д)местя. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Доброслава, Елены, Овдокеіи, (?) лавныя, Феодоры, Даниила, Тимоөея, Миха(и)ла.

Родъ Мокіа резника в Киеве. Помяни Ги Мокія.

Родъ Гурина Хар'ламовича мещанина Киевскаго: Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х): Парасковіи.

Родъ Лев'ка Макаровича и жены его Ма(р)ии. Помяни Ги дша оусоп'ши(х) рабъ свои(х). Стефана, Агрипины, Василіа, Леонтіа, Феодора, Петра, Іоан'на, Василіа, Савы, Екатерины, Ан'ны, Іоан'на, Порфиріа, Василіа, Фемы, Самойла, Леонтіа, Дорофеи, А(к)килины, Леонтіа, Огафіи, Феодоры, Іоан'на, Савы.

Родъ Яково(в) Кон'стан'тиновичовъ. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х): мл(д)нцу Еленоу, мл(д)нцоу Огафію, іеродіякона Езекеиля.

Помяни Ги дшоу раба твоего Іоа(н)на.

Помяни Ги Василіа, Өеодора, Матрону.

Помяни Ги Лаврентіа.

Родъ Маріи Федоровое Лѣлкевича въ Киеве. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Фео(до)ра, М(р)ю, Логвина, Артеміа, Семиона, Бориса, Василисы, Феодора, Потапіа, Іліи, Прокопіа, Петра.

Помяни Ги дша рабъ свои(х) *з Ко(л)ко(в)*: Іоан'на, Василіа, Романа, Онисифора, Θеодоры, Ма(р)и, Григоріа, Марію, Гавриила, Василіа, Леонътія, Настасію.

Родъ Богдановичо(в) в Алексан'дрополи. Помяни Ги Павла, Феодора мл(д')нцо(в), Іова.

[**л. 71**) *Родъ Ан'дрея Михалечка Ширяа з Выползова.* Помяни Ги дша рабъ своихъ Андрея, Евфросиніи, Евфиміи, Игнатіа, Анастасіи, Евдокіи, Иякова, Аθанасіа, Павла, Леонтіа, Василисы.

Родъ Ан'дрея Огсеника и жены его Ан'ны. Помяни Ги дша рабъ своихъ: Андрея, Евросиніи, Евθиміи, Игнатіа, Анастасіи, Евдокіи, Иякова, Аθанасіа, Павла, Леонтіа, Василисы.

Родъ Ан'дрея Оусеника и жены его Анны. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ своихъ Матθея, Меланіи, Θеодосіи, Анастасіи, Леон'тіа, Андрея, М(р)и, Іоан'на, Фе(д)ры, Ирины, Меланіи, Игнатіа, Пелагіи, Игнатіа, Ан'дрея Оу(?)сеника, М(р)и, Ов'докіи мл(д)нци, Матθея.

(Помяни Ги дша оусоп. . .) [112])

Родъ Оуласа, сотника пол'коу Фастов'цова. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х): Николаа, Миклоуша, Іоан'на, Алексея, Е(в)ласіа, Евфиміа, Григоріа, Іоан'на, Θеодора, Аθанасіа, Матθеа, Лаврентіа, (Григорія ерея) [113]).

Родъ Якова Мор'дича. Помяни Ги дша оусопши(х): рабъ свои(х) Феодора, Агапіи, Евфиміи, Терен'тія.

(Р)одъ пана Филона Рая. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х): Иоустина, Николая, Настасіи.

Ро(д) Θеодора з Петриковичъ. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Феодора, Іоанна, Стефана, Стефаниды, инока Митрофана (ро(к) 1618 мца мая преставис реме не(р)въскій) [114]), інокиня Анисіи, Гавриила (ро(к)

---

[112]) [113]) Позднѣйшая приписка.

[114]) Выноска надъ строкою красными чернилами

1618, де(?) 23 Ла(р)ко престави(с) кушне(р) 115) Иларіона, Анны, Па(н)кратіи, Григорія, (Іако(в) бра(т) коза(к) с Ко(р)суня) 116) Романа 619 се(н) 24 117), Артемія (619 авгу(ст) 17 з Бабинецъ) 118), Марію, Өеодора, Никиту, Овдотію, Іоанна, Іоанъ (Буско) 119, Іосиөа, Орины, Луки, Анну, Евфросинію, Іоан'на (ро(к) 1633 іюня 8) 120).

[л. 72). *Ро(д) ерея Фео(до)ра и жены его Агафіи, сщника Въскресе(н)ско(го) Переясла(в)ско(го).* Помяни Ги дша ра(б) своих(х) о(т) Адама и до сего дня: помяни Ги ерея Василія, ерея Сидора, ерея Тимофея, ерея Иякова, ерея Гавріла, ерея Семиона, ерея Констан'тина, ерея Сидора, ерея Авраамія, ерея Іоа(н)на, ерея Авдѣя, ерея Іоа(н)на, ерея Фео(до)ра, ерея Захарію, ерея Савастіана, ерея Иоана, ерея Григорія, ерея Фео(до)ра, *князя Грігорія, княгинѣ Маріи,* скимніка инока Ефремія, Фе(в)роніи, Оксініи, Иякова, Агрефіны, Софіи, Миха(и)ла, Конона, Трофима, Фео(до)ры, Мамо(н)та, Мотруны, Нестора, Маріи, Омеліяна, Андрея, Евпраксіи, Лукіяна, Ма(к)кавея, Миха(й)ла, Василія, Оксиніи, Микиту, Василія, Маріи, Евфросімии, Христины, ерея Васілія, Елиозара, Павла, Деонісія, Иякова, Грігорія,Оуліяны, Ефросимии, Ефросиніи, Евдо(т)и, Евдо(т)и, Евдо(т)и, Уліяны, Миха(и)ла, Василія, мл(д) Леонтія, мл(д) Андрея, м(л.) Конста(н)тіна, мл(д) Афанасія, м(л) Онисифора, м(л) Киріяка, м(л) Степана, м(л) Антона, м(л) Наталіи, м(л) Марі(и), Февроніи, м(л) Парасковіи, Олены, Фео(до)ры, м(л) Васілисы, Огріфины, Анны, Та(т)яны, Анны, Тимофея, Матрены, Кулины, Михайла, Матрены, Венедикта, Орину, Евдо(т)и, Фе(д)ора, Ивана, Данила, Мирона, Ермолы, Катерины, Ан'ны, Ма(р)и, Фео(до)ра, Афанасія, Семиона, Григорія, Пелагіи, Никиты, Левона, Маріи, Мартіна, Олены, [л. 73) Давыда, Өео(до)ры, ерея Василія, ерея Дмитрія, ерея Өео(до)ра, Ивана, ерея Ивана, ерея Михайла, ерея Прокопія, Фео(до)ры, Евдо(ти)и, Евдо(ти)и, Анны, Маріи, Полагіи, Полагіи, Андрѣя, Васілія, Никифора, Соломониды, Ивана, Григорія, Киоріяна, Олены, Полагіи, Ефросиміи, Николая, Фео(до)ры, м(л) Маріи, м(л) Анны, Савы, Агафона, Иесифа, Стефана, Ивана, инока Никитія, ерея Пе(т)ра, Алексѣя, Бориса, Фенедикта, Иліи, м(л) Ивана, Катери(н), Елиозара, Маріи дѣви(ци), Никифора, Стефана, м(л) Маріи, Авдѣя, Симеона, м(л) Се(р)гія, Елены, м(л) Устинии, Парасковгеи, Огафіи попадѣ, ерея Тимофея,м(л) Лукіяна.

---

115) 116) 117) 118) 119) 120) Выноски на поляхъ съ лѣвой стороны.

Пелагіи, Симеона, Симеона, Θеодора, Матθея, Маріи, Лео(н)тія, Матθея, Даніила, Іякова, Антонія, Андрея, Θеодора, Татіаны, До(м)никіи, Анны, Іякова, Павла, Маріи, Анны, Агаθіи, Маріи, Агаθіи, Іякова.

Ро(д) Авдея Коницá, козака в Кие(в): Симеона, Евдокіи, Наталіи, Харитона, Іоанна, Прокопія. (Серъгѣя) [121]).

Ро(д) пна Ивана Лоуцкевича Иянчи(н)ского: Іякова, Анастасіи, Θомы, Иоусгіны, Романа, Евдокіи, Антонія, Іоанна, Елену, Григорія, Стефана, Анну, Максима, Татіяну.

[л. 74). *Ро(д) Іоанна Іяковоgича, мещанина Кіевского.* Іоанна, Екатерины, Февроніи, скимника Іякова, Димитрія, Іякова іерея, Евфосиніи, Даріи. Никиты, Деомида, Максима (козак) [122]), Василія, Павла, Григорія, Іоанна, Андрея.

Ро(д) Коме(н)т.. карла) [123]*)*: Севастіана, Іоанна, Іереміи, Ирины, Евтихія, Маріи, Іоанна (пушкар, заби(т) о(т) дѣла 1619 ію(н) 8 дня [124]), Симеона, (коза(к) кіе(в)ски(й) Зѣ(н)кови(ч) [125]), Θеодора, Григорія, іеромонаха Сил'вестра (610 ноя(б) 14, Лозинскій [126]), иноки Евфиміи карлицы, Θомы, Марія, Пелагія.

Родъ Симеона Михайловича Кулико(в)ско(го) и жоны его Евдокіи, сторожа мѣ(с)кó(го) кіе(в)ско(го). Помяни Ги дша рабъ своих: (Трифона, Агафію [127]), Михаила, Симеона, Евдокіи, Θомы, Анастасіи, м(л) Евстафіа, двцы Матроны, двцы Евфросиніи, двцы Θеодоры, м(л) Анны, двцы Ирины, младенца Θеодора, двцы Пелагіи, двцы Маріи, Гордія, м(л) Евсевія, м(л) Василія, Θеклы.

Самоила *Ми(ц)ковича* помінание, рокоу 1621 4(?) гене(н)вара 1 дня. Помени Ги дшу рабь свои(х); помени Ги Самоила.

---

121) Позднѣйшая приписка.

122) Позднѣйшая приписка на поляхъ съ правой стороны.

123) 124) Выноски на поляхъ съ правой стороны.

125) Выноска на поляхъ съ лѣвой стороны.

126) Тоже съ правой стороны.

127) Приписано въ текстѣ.

[л. 75) *Ро(д) Стефана Шимуновича з повету Премы(с)кого, з места Соли к(р) его м'л).* Помени Ги усобши(х) дша рабъ свои(х) всѣ(х) по имени и(х): Мріи, Семіона, А(н)ны, Мри, М(р)и, А(н)ны, Улиты, Михаила, Даніила, Ва(р)вары, Феодора, Стефана, М(р)и, Павла (Горо(ш)ко(в)цы) 128), Василія, Матθея, Мины, Емеліана, Стефана, Ареста, Іоанна, Матθея, Евстратія (1619, ноя(б)ря 28, з Горы 129), Феодоры.

Ро(д) пна Ждана Ми(л)ковича, старосты Боуро(м)ско(го), и жоны его пнее Матроны Васильевны. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Климентія, младенца Михаила, Тимоθея, Анны, Олены.

Помяни Гди раба своего Андрея, Марию, Дмитрия, Зиновию, Іякова, Настасію, Пара(с)ковею, Луки(р)ю, Гео(р)гия, Феодору, Овдотию, Ната(л)ю О(к)синію, Евгенію, А(н)ну, Самойла, Василия, Васи(л)я А(н)дрея, Іоанна, Сімеона, Настасію, Есафа архима(н)дрита, Есафа ски(м)ника, інока Ва(р)лама, инокиню Со(θ)ю, инокиню Евпраксию, інокиню Евксентию, ски(м)ницу Евфимию, Марθу ски(м)ніцу, інокиню Па(н)кратію, сщенного (Тимоθея) 130) іерея, Матθея, інокиню Хриса(н)θию.

Помяни Гди раба своего Іоанна, Марію, Феодора, Никитоу, Захарію, Анастасію, Иоанна, инокиню Фенноу, Настасію, (Петра бра(т) 131) Любы.

[л. 76) *Род іереа Матθеа Романовича, настоятеля црквви стго Николы Добриковского в Кіеве, и жены его Евфиміи Гуріновны,* которій преставился року 619, генвара дня 4, и погребен в монастыру стго архаггла Михайла Золотоверхого. Помяни Ги дша раб[illegible] свои(х): іерея Логина, ерея Ананіи, Осщеннаго архіеппа Феодосіа, Феодора, Ирініи, Екатерины, Елены, младеніци Анастасіи, младенцы [illegible] мла(д). Агафіи, младенца Ілію, мла(д). Проватарха, мла(д) [illegible] мла(д) Іріны, мла(д) Вассы, мла(д) Пелагіи, мла(д) Агаф[illegible] [illegible]ла, Ефрема, Іакова, Матθеа, Тимоθеа, Корнилія, Макар[illegible] Алексея, мла(д) Іона, Маріи, Іесіθа, Петра, Карп[illegible] [illegible]рен'тія, Стефана, мла(д) Елены, Гуріна, До(м)нікеи, Лавре[illegible] Грігорія, Васілія, Алексея, мла(д) Агафіи, Ев[illegible], Іерап[illegible]

128) Приписка на поляхъ съ лѣвой сторон[illegible]
129) Выноска на поляхъ съ правой [illegible]
130) Позднѣйшая приписка
131) Написано другимъ почерком [illegible]

міи, Маріи, Максіма, Вѣры, ієрея Авраамія, Ермолы, ерея Матѳея, ієрея Евѳимія, ієрея Іоанна, ієрея Савы, ієрея Ев'стаѳія, ієрея Феодора, ієрея Захаріи, ієрея Андрея, ієрея Евсевіа, ієрея Авксентія, ієрея Михайла, ієрея Іона, ієрея Кон'драта, ієрея Захаріи, ієрея Парѳена, ієрея Филиппа, ієрея Киріяка, сщен'ноинока архімандрита Іоасафа, сщен'ноинока архімандрита Игнатія, сщенноинока Васілія, Іоны, Тат'іяны, Сімеона. Феодора, Вассы, Максима, Грігорія, Феодоры, Сѵмеона, Самуила, Герасіма, Іона, Тимоѳея, До(м)никіи, Феодора, Корнилія, Мойсея, Тита, Стеѳаниды, Лукіяна, Саломониды, Александра, Нестора, Меланіи, Логина, Оксініи, Іона, Матѳея, Ев'стафія, Васілія, [л. 77) Маріи, мла(д) Анастасіи, младенца Іоакима, Мартина, Овдотіи, Овдотіи, Васілія, Наоума, Овдотіи, Овдотіи, Васілія, Ермолы, ерея Іона, Игнатія, Соломониды, Іона, Овдотіи, Мартина, Петра, Феодора, Козмы, Сімеона, Екатерины, Савостьяна, Іакова, Григорія, Алексея, Ам'финогена, Ермогена, Ев'фросініи, Маріи, Феодора, Мат'ѳея, Даміяна, Кондрата, Елены, Анны, Михайла, Адама,

Ро(д) Ми(ш)ка Доментианови,... старе(ц) 1620 132), **Михаила, Домен'тіана, Меланіи, Игнатія, Іоанна, Филіппа, Тимофея, Пелагіи, Вассы, Евгеніи, Анны, Агапіи, Евдокіи, Ѳеодора, Маріи, Ѳеодора, Ко(н)ста(н)тина, Петра, Аккилины, Маріи, Анастасія, Василисы (ро(к) 1621, в Остря** 133), **Григоріа, Евдокіи, Іоанна, Антипа, Хіоніи, Марины, Ев'фимія.**

Ро(д) пана Гавряты(н)ско(го), рок 1621) 134). **Помяни Ги дша рабъ своихъ: Ев'хімія, Андрея, Дімитрія, мл(д) Іоан'на, мл(д) Любве, Матроны, Гавріила, Маріи.**

Ро(д) пана Стефана Кривковича, ме(щ) и райцы кіе(в)ского 135). **Помени Ги дша рабъ своихъ: младеници Меланіи, младеницы Ириніи, младе(н) Ан'ны, младенца Григорія, младеници Анастасіи, младеници Ирины.**

Помяни Ги оусопшаго раба своего Тимофеа, Анноу, Андреа, Леонътіа, Татианоу, Еленоу, Марію.

Івана, Феклу, Марину иноку, Оулиану, Фенну, Захарію мла(д).

---

132) Приписка на поляхъ съ правой стороны.
133) Выноска на поляхъ съ лѣвой стороны.
134) 135) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

[л. 78) *Ро(д) пана Василиа Пожечи с Ко(р)суня.* Помени Господи раба своего Иякова, Ирину, Іоан'на, Е(в)докію, Агафію, Димітрія, Григорія, Климен'тія, Е(в)химію, Е(в)хімию, Пелагию, Іріну, Василія, Любы.

Фео(д)ра, Огафію, Оксинію, Вла(с)я, Фео(до)ра, інокиню Таисію, Домникію, Симеона, Мирона, Ко(н)дра(та).

Ро(д) пна Стефана Овсяника и сновъ его Михаила Иліи, (ро(к) 1621 136). Помяни Гди рабъ свои(х): Стефана, Агрѣпѣну, Лукоу, Касяна, Агафію, Симеона, ски(м)цу Алемпияду, Ілію, Іоан'на, Лукерію, Гаврила, Орину, Омеліана, Стефанидоу, Софонія, Агафона, Артема, Ма(р)тина, інокиню, Одарію, Миха(и)ла.

Ро(д) Пилипо(в) Нагорного. Помяни Гди раба свое(г) Пилипа, Василия, Іоа(н)на, Өеодора, Потапия, Лукъяна, Ар'тема, Васю, Матруну, Просимъю, Іоа(н)на, Лукъяна, Іякова, Соөию Іоа(н)на, Полагию, Никиту, Ма(т)өея, Григория, Михайла, Уляну, Парасковею, Алексея, Мр., Парасковею, Василия, Оудотію, Іакова, Василису, Андрея, Өилімона, Овъдотю, Ма(т)өея, Власія, Елену, Анну, Андрея, мла(д) Меланіи, Корнилія, Луки, Марію, Василія, Тимофея, Іо(ва).

Се есть р(од) Яроша Филиповича и жоны его Онисіи, и сновъ, и(х) Се(р)гея и Григорія. Полагію, Феодора. (П?)омяни Гди раба свое(г) (С?)е(р)гія, Евоу, М(р)ю, Димитрия, Огафию, Оустинію, Пахо(м)и.

Андрея, Ио(н)а, М(р), Иоанна (дя(д)ка 138), Миха(й)ла, Іоа(н)на, Симона, Есифа, Пелагеи, Мелании.

Се ро(д) о(т)ца Иосифа Кононовича-Горбацкого, игумена манастыра Мих. Помяни Гди дша преставлши(х)ся рабъ своихъ: Симеона, Іоанна, Іларнона, Ісакия, Өеодора, Григория, Стефана, Иоанна, Симеона, Герасима, Гавріила, Евдокию, Екатерину и прочая сро(д)ники по плоти: Михаила, Өеодора, іе(р)мон. а(рхи(м). Леонтія.

136) Выноска на поляхъ съ лѣвой стороны.
137) На поляхъ находится вязь, смыслъ которой нельзя возстановить.
138) Выноска надъ словомъ „Іоанна“.

Се ро(д) Іана Симеона Со(л)ского. ще(н)но ерея (М?)а(т)ѳея, ча(д) его, (А?)ндрея, (В?)асилия, (І?)оана, (С?)имеона, (П?)аросковею, ча(д) моихъ (К?)ирила, (А?)лексиа, (А?)ксинию и супру(ж)ницу (П?)ара(с)ковею.

Се ро(д) Симеона Волковича, во(й)та слуцкого. Павла, Иякова, Дарыи, Ан'ну, Емелиана, Емелияна, Евстаѳия, Никиту, Ирину, Демияна, Анъну, Димитрия, Синъклитию, Прохора, м(лд) Прохора, Дамияна, Оникия. (Семиона, Раину) 139).

(Терентія, М(р), Зинобыю, в царстви небесномъ) 140).

Се ро(д) Якову(в) Голоде(ш), з мѣста Коломіи, Гео(р)гія, А(н)дрея, Елена, Ксенія, Ма(р)ка, Анастасіи, Яко(в) Параск(ве), Михаи(л), Ма(т)ѳе(й), Ілія, Лука.

[л. 80) *Се ро(д) Преосвяще(н)ного Митрополити К. Г. и в(с) (Р)о(с)сіи Петра Могилы.* Помени Гди дша преста(вл)ши(х)ся рабъ свои(х): раба своего Преосвященъна(го) митрополита Киевского Петра (Престависе року 1647, с че(т)ве(р)га на пято(к), в ночи годины третее, противъ Обрѣзанія Гдня, мца генъвара 1 дня 141).

Се ро(д) Сили Якимовича, мещанина могиле(в)ского. Помяни Гди Іоакима, Аѳанасия, м(л) Марию зде погребе(н)ную во стои обители сея.

Андрея, Ігнатія, м(л) Нестера, Ефімію, Феодора, Тимоѳея, Оксемію Хрістину, Никола, Марту, Ан'ну.

Ро(д) іеромона(х) Мартирия Лешевича с Кремянъца. Раба своего Ілію, Агаѳию, Феодора, Иулияну, Марию, Феодора, Василия, Каръпа, Каллиника, Андрея.

(Помяни Гди дшу раба своего іеромонаха Ма(р)тирия) 142). (року 1647, сентября 6 дня, уписано за позволенем 143).

Се ро(д) монаха Иезекииля Козми(нс)кого з бра(ц)тва Киевского. Раба своего Матѳея. Феодоры.

---

139) 140) Позднѣйшія приписки.

141) Приписка съ правой стороны на поляхъ красными чернилами.

142) Позднѣйшія приписки другимъ почеркомъ.

143) Выноска на поляхъ съ лѣвой стороны.

Ро(д) Ничипора Степановича прозываемо(го) Пи(н)чучка М. К. 144). Стефана, Овдотію, Еремея, Емелияна, Миха(й)ла, Агаөию, Парасковею, Меланию, Григо(р)я, Василия, Марию, Димитрия, Григоръя, Оксімию, Даниила, Никифора, Марию, м(д) Матрону, Прокопия.

[л. 81) *Род Леонтия Даниловіча, прозываемаго Леца мещанина киевского и жоны его Марии и ча(д)* ихъ: сына Жадана, Костанътия и инока Варсонофия. (Року 1647 мца мая дня 12. За позволенемъ вписале(м) І. В. Л. 145)

Помяни Гди дша преста(в)иши(х)ся рабо(в) свои(х): ра(б) свое(г) Леонтія, Мрію, Жадана мла(д), Костантія мла(д), инока Варсонофія, мла(д) Андрея, Василія, Михаила, Евтихія, Артемія, Макарія, Іосифа, Даниила, Тарасіа, Настасію, Мрію, Трофима, Феодора, Тихона, Каленика, Матфея, Михаила, Феклы, Даниила, Мрію, Василіч, Іякова, Парфенія, Матрону, Григорія, Стефа(на), Олену, Катерину, Анну, Аөанасіа, Федору, Стефана, Іоанна, Саву, Семиона, Анну, Иоана, Стефана, Іоана, Матфея, Никиту, Ко(з)му, Катерыну, Стефана, Василія, Фи(р)са, Василія, Софію, Пелагію, Іосифа, Власия 146).

Ро(д) сще(н) іеромонаха Паисіа Лео(н)тівича из Дорогичина и(з) с. По(д)ляша, оуписа(л) ро(д) свой для вѣ(ч)нои памети оу кни(ги) живо(т)ныи, (бы(в)ши с(щ)нико(м) в Нижини Новомѣским(ъ), а тепе(р) зас(ь) ме(ш)каоучи прі обители, с(т) Маха(й)ла а(р)стратіга, оуслугуючи с(т) обѣтели въ ру 1646 мъ 147). Помени Ги дша ра(б) свои(х) пре(ж)почивши(х) вѣка сего о(т) Адама и до сего дня: помяни Гди раба свое(г) сщноіереа Васіліа, с(щ)іреа Максима, с(щ)іреа Іякова, сщірея Лео(н)тіа, сщноіеромонаха Паисия, сщіереа Стеөана, с(щ)іе(р) Леонтіа, Леонтіа, Михайла, Іоа(н)на, А(н)дреа, Екатерину, М(р)ю, Огаөию, Настасіи, Іосиөа, Іл'лю, Га(н)ну, Параскавію, Гавриліа, м(л)де(н) Екатеру, м(л) Корниліа, Михайла, Гавриліа, М(р)ю, Өео(д)ру, Пелагію, м(л)де(ц) Өео(д)ра, Максим(а), Василіа сщноіереа, М(р)ю, Игнатіа, До(м)ноу м(л)деницу.

144) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны красными чернилами.

145) Приписка красными чернилами на поляхъ съ правой стороны.

146) Позднѣйшая приписка.

147) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

(Помяні Ги дша ра(б) Огафию, Луцѣю, Θеодора, Андрна, Федора, Марию, изих(?) родителе(й) моихъ 148).

(л. 82) *Родъ Онлатея Кизаревича, игумена Миха(й)ловского Зоjо(то)верхого Киевъского.* (Престависе в Бзе велебъны(й) г(с)днъ и оте(ц) Θилоое(й) Кизареви(ч), игуменъ Миха(н)лов... року 1645 мц апреля 18 дня, в суботу на стр. 149) недели, а похов. у склепи в монаст...ру Печо(р)скомъ 150). Помяни Гди дшу раба своего іеромонаха игумена Филооея.

А се род Іва(н) Сидорови(ч) из Олковец Шлюбови(ч). Ісидора, Екатеріна, А(н)ня, Ефімія, Софія, Екатеріна, Феодо(р), Анастасія.

Помяни Гди дшу раба своего іеромонаха игумена Серафиона. (Того(ж) року пре...висе г(с)днъ и оте(ц) Сераөионъ Высо(ц)., игуменъ манас...ра Мга(р)ского, и та(м) же положенъ в склепи 151).

Се ро(д) монаха Давыдія Андреевича Трощинского, устаеника м. М(г): Раба своего Андрея, Марию, монаха Давыдия, Агрипину, Ефимию, Григория, Иоана, Луку.

Се поминание Федора Керенезича з Че(т)в(е)ртинъ Новом (152). Феодора, Феодора, Огафію, Огафію, Еліану, Ан'ну, Александра, [illegible], Елену.

[illegible] року 1646) мца [illegible] Матея, [illegible], Ірину, Іоаникия.

[illegible] з [illegible]. Помяни Гди раба своего [illegible].

[illegible] Андрея, [illegible].

[illegible].

(л. 83) [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

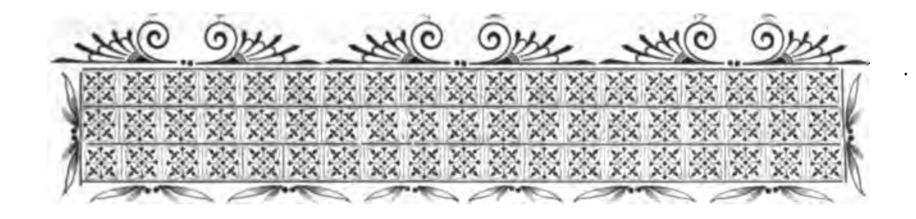
[illegible]

[illegible]

[illegible]

Отдѣлъ IV.

Библіографія.



Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви.

1.

Cyryl Studziński: Pierwszy występ literacki Hipacyusza Pocieja. Lwów. 1902. Стр. 80.

Профессоръ Львовскаго университета К. Студинскій извѣстенъ въ научной литературѣ многими произведеніями историко-литературнаго характера, большинство которыхъ касается западно-русской церковной уніи. Разумѣемъ его труды: *1) Пересторога. Руський памятникъ початку XVII віка. Історично-літературна студія. У Львові 1895 г.; 2) Причинки до істории унії. Критичні замитки на розвидку д-ра Івана Франка п. з. „Z dziejów Synodu Brzeskiego 1596 г.“; 3) Хто бувъ авторомъ Ἀντιρρῆσισ'а з р. 1599? 4) Три панегірики XVII в.; 5) Geneza poetycznych utworów Markiana Szaszkiewicza, w Krakowie, 1896 г.; 6) Charakterystyka i geneza poetycznych utworów Ambrozego Metlińskiego, w Krakowie, 1897 г. и др.*

Въ настоящее время проф. Студинскій, какъ самъ заявляетъ онъ, подготовляетъ критическое изслѣдованіе о полемическихъ сочиненіяхъ Ипатія Поцѣя, одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей первыхъ временъ существованія западно-русской уніи. Разсматриваемое нами сочиненіе его служитъ, по

словамъ автора, только вступленіемъ къ обширной работѣ его, имѣющей появиться въ скоромъ времени.

„Pierwszym występem literackim Hipacyusza Pocieja“ было полемическое сочиненіе его, изданное въ Вильнѣ въ 1595 г. подъ заглавіемъ: *„Унія, альбо выкладъ преднейшыхъ артыкуловъ, ку зъодноченью Грековъ с костеломъ рымскимъ належащыхъ. У Вильни, року Божого 1595, за дозволеннемъ старшыхъ“.*

Это сочиненіе безъименнаго автора, каковымъ проф. Студинскій, вслѣдъ за м. Макаріемъ и проф. Завитневичемъ, признаетъ Ипатія Поцѣя, и разбирается критически г. Студинскимъ по слѣдующему плану.

Во вступленіи (стр. 1—25) излагаются причины введенія уніи и ея первоначальнаго неуспѣха, характеризуется значеніе Ипатія Поцѣя въ исторіи укрѣпленія уніи, и приводятся доказательства авторства Ипатія Поцѣя въ отношеніи книги „Уния“ и пр.

Затѣмъ, въ трехъ главахъ подробно разбирается содержаніе книги „Уния“, а именно: 1) посвященіе книги Ѳеодору Скумину, Новогродскому воеводѣ, причемъ опредѣляется и значеніе Скумина въ исторіи Брестской уніи и его отношеніе къ Поцѣю и т. п. (стр. 26—31); 2) предисловіе къ читателю (стр. 32—54) и 3) богословское содержаніе книги (стр. 55—73). Въ главѣ четвертой (стр. 74—75) указываются слѣды полемики Поцѣя противъ „Уніи“.

Книжка снабжена подробнымъ указателемъ литературы предмета.

Разсмотрѣнное нами сочиненіе проф. Студинскаго, какъ и всѣ другія его произведенія, носитъ на себѣ ясную печать усерднаго, внимательнаго и всесторонняго знакомства автора съ изслѣдуемымъ предметомъ.

2.

П. Жуковича: Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (до 1609 г.) СПБ. 1901 г. Стр. XX+608.

Настоящее сочиненіе посвящено изученію важнѣйшаго, можно сказать, центральнаго событія въ исторіи западно-русской церкви. Событіе это уже не одинъ разъ было предметомъ научнаго изслѣдованія. Извѣстны спеціалистамъ труды по исторіи Брестской уніи, разновременно появлявшіеся въ нашей и иностранной литературѣ („Литовская церковная унія" проф. Кояловича въ двухъ томахъ, СПБ. 1859—1861; „Исторія русской церкви" м. Макарія, гдѣ въ IX и X т. т. излагаются свѣдѣнія о Брестской уніи; Geschichte der Union de ruthenischen Kirche mit Rom, въ 2 т. т. Wien 1878—1880 г.; Unia Brzeska (г. 1596), E. Likowskiego, Poznan 1896 г.). Не упоминаемъ о другихъ менѣе замѣчательныхъ трудахъ, посвященныхъ вопросу объ уніи.

У всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, у значительнаго большинства историковъ преобладалъ взглядъ на унію, какъ явленіе преимущественно, даже исключительно, церковное, какъ на событіе, явившееся результатомъ римско-католической пропаганды въ Западной Россіи, усилившейся къ концу XVI в., благодаря появленію на аренѣ религіозной борьбы такихъ ловкихъ бойцовъ, каковы іезуиты. Между тѣмъ обнародованные въ послѣдніе годы документы давали возможность понять несомнѣнную односторонность подобнаго взгляда на церковную западно-русскую унію. Вновь обнародованные акты ясно говорили о томъ, что унія была только однимъ изъ наиболѣе видныхъ и замѣчательныхъ проявленій борьбы двухъ народностей—польской и русской—и двухъ культуръ—православно-русской и польско-католической, которыя встрѣтились на территоріи нынѣшней Западной Россіи и неминуемо должны были вступить въ борьбу между собою. Однимъ изъ наиболѣе видныхъ и замѣчательныхъ фазисовъ въ исторіи этой борьбы и была церковная унія Русскаго народа съ Римскимъ, которая, такимъ образомъ, была результатомъ вза-

имодѣйствія всѣхъ условій внутренней жизни и политики Польши.

Авторъ разсматриваемаго сочиненія самымъ блистательнымъ образомъ подтверждаетъ и раздѣляетъ правильность такого именно взгляда на унію. „Западно-русская церковная унія"—говоритъ авторъ,—„по самому происхожденію своему, была въ значительной мѣрѣ актомъ внутренней польской государственной политики, давно задуманнымъ или, если угодно, навѣяннымъ историческимъ ходомъ жизни, и только ждавшимъ благопріятнаго момента для своего осуществленія.

А такъ какъ внутренняя жизнь и политика Польскаго государства наиболѣе рельефно выражалась въ сеймахъ, то, поэтому, и исторія уніи, бывшей выраженіемъ внутренней политики Польскаго государства, должна, по справедливому замѣчанію автора, излагаться не изолированно, а по возможности въ связи съ общимъ ходомъ польской сеймовой жизни".

Такъ авторъ и дѣлаетъ. Онъ слѣдитъ за ходомъ сеймовой борьбы русскаго дворянства, какъ единственнаго сословія въ Русскомъ народѣ, пользовавшагося въ Польшѣ политическими правами, съ церковной уніей на протяженіи времени съ 1587 до 1609 г. Сообразно тѣмъ перемѣнамъ, какимъ подвержена была въ своемъ ходѣ эта борьба, авторъ дѣлитъ свое сочиненіе на три отдѣла.

Въ первомъ отдѣлѣ, состоящемъ изъ 10 главъ (стр. 1—176), съ одной стороны, изображается та юридическая почва, какую подготовляло для себя православно-русское дворянство въ виду предстоявшей ему сеймовой борьбы, равно какъ и образованіе союза православныхъ съ протестантами въ видахъ бо̀льшей успѣшности этой борьбы, а съ другой стороны, подробно излагаются историческія обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія практическое осуществленіе идеи церковной уніи до дня оффиціальнаго принятія папой Климентомъ VIII (23 декабря 1595 г.) Западно-русской православной церкви въ унію съ Римомъ.

Во второмъ отдѣлѣ, состоящемъ изъ 14 главъ (стр. 177 — 390), послѣ характеристики польско-турецко-молдавскихъ взаимоотношеній въ 1595 г. и участія въ нихъ экзарха Никифора, бывшаго впослѣдствіи предсѣдателемъ православнаго Брестскаго церковнаго собора въ 1596 г., подробно излагается исторія борьбы православно-русскаго дворянства съ церковной уніей на сеймѣ 1596 г., Брестскомъ соборѣ того же года, на предварительныхъ сеймикахъ, съѣздахъ и сеймахъ 1597, 1598, 1599 и 1600 г.г., причемъ борьба эта имѣла спеціально юридическій характеръ, ибо православные дворяне на всѣхъ вышеупомянутыхъ сеймахъ требовали низложенія уніатскихъ епископовъ и поставленія на ихъ мѣста православныхъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ сочиненія, состоящемъ изъ 12 главъ (стр. 391—584), авторъ слѣдитъ за исторіей борьбы православно-русскаго дворянства съ церковной уніей на сеймѣ 1601 г., главномъ литовскомъ съѣздѣ 1602 г., сеймахъ 1603, 1605, 1606, 1607 и 1609 г.г., когда „православные дворяне боролись съ уніею уже не посредствомъ привлеченія виновниковъ ея къ сеймовому суду, а опять настоящимъ сеймовымъ путемъ, требуя отъ сейма возстановленія правъ своей вѣры и церкви, подъ угрозой разрыва сейма".

Борьба этого второго періода, какъ удалось показать и доказать автору, сопровождалась бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ это было въ первомъ періодѣ. Православные жители польско-литовскаго государства получили теперь такое же право на существованіе, какое въ предшествующій періодъ пріобрѣли уніаты въ ущербъ православнымъ. Православнымъ обѣщано было постепенное, хотя и съ извѣстными оговорками, возстановленіе церковной іерархіи ихъ въ прежнемъ ея составѣ.

Таково, въ краткихъ чертахъ изложенное, содержаніе труда проф. Жуковича. Трудъ этотъ представляетъ безспорно крупное явленіе въ наукѣ по исторіи Западно-русской церкви благодаря, съ одной стороны, глубокой добросовѣстности автора, который самостоятельно и самымъ тщательнымъ образомъ провѣряетъ извѣстные до него первоисточники, а съ

другой стороны, еще болѣе благодаря тому, что онъ самъ разыскалъ и обработалъ массу дотолѣ неизвѣстнаго историческаго матеріала, извлеченнаго имъ изъ рукописнаго отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки, Библіотеки Главнаго Штаба, Варшавскаго Короннаго Архива, Московскаго Архива Министерства Юстиціи и др. Авторъ въ своемъ сочиненіи даетъ много новаго и весьма цѣннаго для исторіи Западно-русской церкви, внутренней исторіи Польши, взаимныхъ отношеній между Польшей, съ одной стороны, и сосѣдними съ ней государствами (Москвою, Швеціею, Молдавіею, Валахіею, Турціею и друг.), съ другой стороны, за время 1587—1609 г. Благодаря этому сочиненіе автора, хотя и касается предмета, который изслѣдовали также другіе историки, тѣмъ не менѣе имѣетъ характеръ полной и совершенной новизны. Какъ выдающійся трудъ, изслѣдованіе проф. Жуковича отмѣчено уже и въ иностранной (польской) литературѣ.

3.

Akademia Kijowska-Mohilańska. Zarys historyczny na tle rozwoju ogólnego cywilizacyi zachodniej na Rusi. Nakreślił Alexander Jabłonowski. Kraków 1899-1900, стр. 318, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ словъ по поводу статьи польскаго историка Кіевской Духовной Академіи А. Яблоновскаго подъ заглавіемъ: „W Sprawie Akademii Kijowsko-Mohilańskiej, wydanej w 1900 r. ad honorem quingentesimi anneversarii almae matris Jagellonicae" (Kwartalnik historyczny. Organ towarzystwa historycznego, założony przez Xawerego Liskego, pod redakcyą A. Zemkowicza. Roczn. XVI. Zeszyt 4, wo Lwowie 1902).

Въ (1899—900 г.) въ Краковѣ была издана г. А. Яблоновскимъ исторія Кіевской Духовной Академіи подъ заглавіемъ: *„Akademia Kijowsko-Mohilańska. Zarys historyczny na tle rozwoju ogólnego cywilizacyi zachodniej na Rusi"*.

Съ этимъ сочиненіемъ впервые мы познакомились, во время заграничной командировки, въ Краковѣ, въ декабрѣ 1901 года. Съ первыхъ же строкъ книга настолько заинтересовала

насъ, что мы, сколько помнится, прочитали ее въ теченіе двухъ вечеровъ отъ начала до конца.

Насъ особенно заинтересовала оригинальная *(совершенно ложная, по нашему и, надѣемся, общему всѣхъ безпристрастныхъ историковъ убѣжденію)* идея, положенная въ основу сочиненія, и та ловкость, изворотливость мысли, съ какою авторъ, за небольшими исключеніями, проводитъ её въ своей книгѣ.

Впослѣдствіи, по возвращеніи въ Россію, сочиненіе г. Яблоновскаго было тщательно перечитано нами, и по поводу его была нами написана библіографическая замѣтка, которая и напечатана въ мартовской книжкѣ академическаго журнала за 1902 г. (см. Труды Кіевск. Духов. Академіи 1902 г., кн. 3-я, стр. 451—479) подъ заглавіемъ: *„Урокъ съ Запада"*.

Для того, чтобы была вполнѣ понятна наша послѣдующая рѣчь, воспроизведемъ здѣсь въ самыхъ краткихъ чертахъ содержаніе той замѣтки.

„Разсматриваемое нами сочиненіе", говорили мы тамъ, „есть трудъ несомнѣнно идейный и, какъ таковой, очень односторонній и тенденціозный. Это качество сочиненія, т. е. односторонность и тенденціозность, составляетъ главный существенный недостатокъ его и, можно съ увѣренностью сказать, не обѣщаетъ ему долговѣчнаго существованія и значенія въ строго научной литературѣ своего предмета. Основная идея сочиненія, проходящая чрезъ него отъ начала до конца, состоитъ въ томъ, что Кіевская коллегія-академія была единственно только посредницею между западною и восточною культурою, а сама въ себѣ не имѣла ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго (*„Była atoli"*, говорится въ оригиналѣ, *„pośredniczką jedynie. Sama w sobie nie miała ona też naprawdę nic samoistnego, nic oryginalnego...* стр. 2).

Главнымъ основаніемъ для такого рѣшительнаго утвержденія автора *единственно только о посредническомъ значеніи Кіево-Могилянской коллегіи въ исторіи русскаго просвѣщенія, русскаго народа и русской православной церкви и о*

неимѣніи ею въ данномъ отношеніи ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго послужило то обстоятельство, что въ Кіевской Академіи до извѣстнаго времени были господствующими польскій языкъ и порядки, принятые въ западно-европейскихъ коллегіяхъ и въ латино-польскихъ школахъ, существовавшихъ въ Польшѣ, равно какъ й то, что воспитанники Кіевской Академіи писали и печатали свои сочиненія преимущественно на польскомъ языкѣ.

Замѣтимъ же здѣсь именно эту рѣшительность выраженія автора единственно только о посредническомъ значеніи Кіевской Академіи и о неимѣніи ею въ себѣ ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго съ русской точки зрѣнія, ибо это намъ необходимо будетъ въ послѣдующей нашей рѣчи. Только при такомъ рѣшительномъ и прямолинейномъ пониманіи авторомъ идеи существованія Кіевской Академіи, какъ *латино-польскаго* института по преимуществу *(„instytucyi latyno-polskiej przeważnie"*, говорится въ оригиналѣ; стр. 1), можетъ быть понято какъ причисленіе исторіи Кіево-Могилянской коллегіи къ разряду „изслѣдованій, касающихся исторіи высшихъ научныхъ учрежденій въ Польшѣ", такъ и посвященіе сей исторіи *„almae matri Jagellonicae"*, ко дню полутысячелѣтняго существованія Краковскаго Ягеллоновскаго университета.

Однимъ словомъ, на основаніи общаго характера сочиненія, на основаніи вышеприведенныхъ подлинныхъ и другихъ выраженій автора, мы поняли его такъ, что онъ смотритъ на Кіевскую Академію если не какъ на исключительно, то, по крайней мѣрѣ, какъ на преимущественно польскую школу, основанную и существовавшую единственно только за тѣмъ, чтобы распространять на Руси латино-польскую культуру, потому что, казалось намъ, еслибы Кіевская Академія не выполнила этой своей исторической миссіи, то какимъ бы образомъ авторъ имѣлъ право, какъ онъ выражается, „Кіево-Могилянскую Академію, какъ учрежденіе латино-польское по преимуществу, считать принадлежащею къ кругу высшихъ научныхъ учрежденій Рѣчи Посполитой вообще", и вслѣд-

ствіе того „считать себя *обязаннымъ* дать исторію ея за весь періодъ даже отдѣльнаго ея существованія въ юбилейной серіи монографій въ честь полутысячелѣтія духовной матери Коперника? („mieliśmy prawo", говорится въ оригиналѣ, „Akademię Kijowsko-Mohilańską, ile instytucyę latyno-polską przeważnie, uważać za należącą integralnie do grona wyższych zakładów naukowych Rpltej wogóle, w prostem czego następstwie obowiązani byliśmy podać jej też dzieje za cały przeciąg nawet odrębnego jej istnienia, w splocie jubileuszowym odnośnych prac monograficznych ku uczczeniu połtysiącolecia macierzy duchowej Kopernika" (стр. 275—276).

Противъ такого именно пониманія идеи существованія Кіево-Могилянской Академіи мы и возражали въ своей библіографической замѣткѣ, эту именно идею сочиненія автора мы и признавали тамъ одностороннею и тенденціозною, и опровергали её.

Авторъ въ доказательство своей мысли о томъ, что Кіево-Могилянская Академія должна разсматриваться, какъ „институція латино-польская по преимуществу" и причисляться къ разряду высшихъ учебныхъ учрежденій польскихъ, ссылается на то, что Кіевская Академія, какъ Коллегія, начала свое существованіе въ то время, когда Украина находилась подъ властію Рѣчи Посполитой, и была устроена по образцу польскихъ католическихъ коллегій (стр. 1).

Въ отвѣтъ на это мы указывали автору, что, во 1-хъ, насколько справедливо Кіево-Могилянскую Академію относить къ числу высшихъ учебныхъ учрежденій, существовавшихъ въ Польшѣ, въ то время когда послѣдняя владѣла Украиной и Кіевомъ, настолько же невѣрно утвержденіе, что Кіево-Могилянская Академія на протяженіи времени 1615—1800 годовъ была польско-латинскою учебною институціею, единственно только посредницею между западною и восточною культурою, разсадницею латино-польской культуры не только въ южной, но и въ сѣверной Россіи, а сама по себѣ не имѣла ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго; во 2-хъ, такъ какъ Кіевъ пересталъ быть польскимъ городомъ

юридически съ 1686 года, въ силу т. н. вѣчнаго мира между Россіею и Польшею, фактически же гораздо раньше, съ 60-хъ годовъ XVII в., то, слѣдов., Кіево-Могилянская Академія оставалась польскимъ учебнымъ учрежденіемъ въ теченіе не болѣе 40 лѣтъ и притомъ только по мѣсту нахожденія своего въ польскомъ государствѣ, а отнюдь не по духу, характеру, цѣли и задачѣ своего существованія; въ 3-хъ наконецъ, хотя учебные порядки и строй внутренней жизни, введенные и существовавшіе въ Кіево-Могилянской Академіи, не были созданы самими русскими, но они не были и польскимъ произведеніемъ, такъ какъ учебные порядки и внутренній строй, принятые въ польскихъ коллегіяхъ и, между прочимъ, въ Кіевской Академіи—Коллегіи со времени Петра Могилы, были созданы не самими поляками, а взяты ими въ готовомъ видѣ съ Запада Европы, такъ что связь Кіево-Могилянской Академіи съ Рѣчью Посполитою была чисто внѣшняя, основывавшаяся исключительно на фактѣ принадлежности въ теченіе извѣстнаго времени Кіева Польшѣ.

Въ отвѣтъ на утвержденіе автора, что Кіево-Могилянская Академія, будто бы, не имѣла ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго, мы указывали ему и доказывали, что самостоятельность Кіево-Могилянской Академіи заключалась въ ея внутреннемъ духѣ, характерѣ, въ цѣли ея существованія. Кіево-Могилянская Академія была основана Богоявленскими братчиками и затѣмъ организована м. Петромъ Могилою именно для того, чтобы не насаждать и распространять на Руси польскую культуру, а, напротивъ, охранять русскую народность отъ совершенной полонизаціи, какая угрожала ей, и православную вѣру отъ поглощенія ея католицизмомъ въ чистомъ ли видѣ, или же въ видѣ уніи. М. Петръ Могила, этотъ, по словамъ автора разсматриваемаго сочиненія, „искренній сынъ Рѣчи Посполитой Польской, истинное дитя польской культуры“ (стр. 127), такъ опредѣляетъ задачу и цѣль Кіевской Академіи—Коллегіи: „видячи въ церкви православной, для неумѣетности духовныхъ и для нецвиченья молодежи, великую утрату на душахъ людскихъ, за ласкою

и помощіею Божіею, и тежъ за поводомъ власной воли моей, хотячи забѣчи такъ великой утраты и хотячи отъ православія заблудшихъ позыскать, "умыслилемъ фундовать школы" (см. Памятники Кіев. Ком., изд. вт., т. II, стр. 410).

И ужъ если „высокоученый архимандритъ Лавры, проникнутый идеалами западной культуры", какъ выражается авторъ (стр. 88), Петръ Могила такъ понималъ задачу и цѣль существованія Кіевской Академіи, то что жъ должно сказать о первоначальныхъ ея основателяхъ, Богоявленскихъ братчикахъ, вышедшихъ изъ среды самаго народа Русскаго, проникнутыхъ любовію и преданностію къ своей вѣрѣ и народности, а также и о другихъ представителяхъ Русскаго народа, какъ увидимъ скоро, весьма зорко слѣдившихъ за жизнію, строемъ и характеромъ Кіевской Академіи?

И не только по духу и характеру, не только по идеѣ и цѣли своего существованія, но и въ дѣйствительности, съ самыхъ первыхъ временъ существованія, Кіево-Могилянская Академія была не разсадницею польской культуры на Руси, какою хочетъ представить её авторъ, но, напротивъ, стражемъ, оплотомъ православія и русской народности. Въ первые годы своего существованія (1615—1632 г.), когда она была еще только братскою школою, Кіевская Академія не только по духу, характеру и цѣли учрежденія, но даже и по всему своему внутреннему и внѣшнему строю была не польскою, но чисто *русскою* школою. Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ въ грамотѣ своей, данной Кіевскому Богоявленскому братству 26 мая 1620 г., называетъ ее, т. е. первоначальную братскую школу, родоначальницу послѣдующей Кіевской Коллегіи—Академіи, школою „латино-славянскаго и латино-польскаго письма". По этому поводу даже самъ авторъ замѣчаетъ, что во всякомъ случаѣ въ этой школѣ, видимо, значительно преобладалъ языкъ церковный, вслѣдствіе чего по временамъ называли ее *„просто славянскою"* (стр. 66).

Итакъ, въ теченіе 17 лѣтъ и притомъ самыхъ первыхъ, большею частію имѣющихъ опредѣляющее, рѣшающее значеніе на все послѣдующее время, Кіевская Коллегія—

Академія, какъ школа братская, была чисто „славенскою“, русскою школою, которая, разумѣется, уже отнюдь не могла быть „единственно только разсадницею латино-польской культуры на Руси“. А еслибы кому-либо этотъ 17-лѣтній срокъ показался не особенно великимъ, чтобы о немъ стоило говорить, то мы должны ему напомнить, что онъ (срокъ) составляетъ ровно $^{1}/_{4}$ часть всего того періода времени, въ теченіе котораго Кіевская Коллегія—Академія находилась, какъ выражается авторъ, вѣроятно, иронически, „подъ опекою Рѣчи Посполитой“ (стр. 1), и когда польская культура, дѣйствительно, имѣла господствующее значеніе на Руси.

Во все послѣдующее время русское общество и даже вся масса Русскаго народа чрезвычайно внимательно слѣдили за жизнію, строемъ и направленіемъ Кіево-Могилянской Академіи, дорожили ею, именно какъ оплотомъ и охранительницею православной вѣры и русской народности. Такъ, при самомъ соединеніи братской и Печерской Кіевскихъ школъ, войско Запорожское беретъ Кіево-Могилянскую Коллегію подъ свою охрану и обѣщаетъ „стоять за нее до самой смерти“. Въ послѣдующее время вся Украина и все казачество настолько высоко цѣнили значеніе и заслуги Кіевской Коллегіи для православной церкви и русскаго народа, что въ своихъ договорахъ съ польскимъ правительствомъ охраненіе правъ и свободы ея ставили сейчасъ же послѣ правъ церкви и вѣры на второмъ мѣстѣ. Зборовскій, Бѣлоцерковскій и Гадяцкій договоры, обнаруживающіе въ русскомъ обществѣ усиленныя заботы о Кіево-Могилянской Академіи, весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, какъ цѣнило и какъ дорожило оно Кіевскою Академіею, именно какъ русскою Академіею.

Въ дальнѣйшемъ содержаніи своей библіографической замѣтки мы, во 1-хъ, указывали на важное противорѣчіе автора, который, съ одной стороны, отрицаетъ всякую самостоятельность, всякую оригинальность за Кіевскою Академіею, а съ другой стороны, говоритъ буквально слѣдующее: „*въ ней*, т. е. Кіево-Могилянской Академіи, нѣтъ недо-

статка сознанія народности, но только выражается оно не столько положительно,—въ языкѣ, вѣроисповѣданіи, наукѣ, сколько болѣе отрицательно: Кіевская Коллегія не есть ни католическая, ни диссидентская, ни латино-польская только, но сверхъ того, и русская, даже русская по преимуществу, въ сравненіи съ иными коллегіями Рѣчи Посполитой" (стр. 246); во 2-хъ, показывали важное и великое значеніе Кіево-Могилянской Академіи, какъ русской, для православной вѣры Русскаго народа; въ 3-хъ, показывали такое же значеніе ея для развитія русскаго языка, и въ 4-хъ, наконецъ, доказывали несправедливость нѣкоторыхъ частныхъ положеній автора, въ родѣ, напр., того, что русское общество и Русскій народъ въ Польшѣ во второй половинѣ XVI в. находился въ состояніи совершеннаго разложенія.

Наша библіографическая замѣтка, содержаніе которой только что изложено нами, вызвала отвѣтъ со стороны г. А. Яблоновскаго. Отвѣтъ этотъ напечатанъ въ „Kwartalnik'ѣ Historycznym", издающемся во Львовѣ, за 1902 г. въ № 4.

Въ началѣ своего отвѣта авторъ, признавая нашу краткую библіографическую замѣтку „важнѣйшею оцѣнкою своего труда въ русской литературѣ", критическою „батареею самаго тяжелаго калибра", выставленною противъ его работы съ чисто рыцарскимъ мужествомъ, замѣчаетъ затѣмъ, что онъ принимаетъ сдѣланный ему вызовъ („dotrzymuję mu więc pola"; стр. 549), и вслѣдъ затѣмъ на 38 страницахъ дѣлаетъ замѣчанія и возраженія по поводу вышеизложенныхъ нашихъ сужденій.

Въ заключеніе своего отвѣта авторъ снова выражаетъ намъ „признательность за самое возбужденіе вопроса въ русской литературѣ", какъ онъ выражается, „и за желаніе представить сущность и основное содержаніе его работы", прибавляя при этомъ слѣдующее: „если же мы расходимся въ нашихъ сужденіяхъ, стоя не разъ на совершенно противоположныхъ полюсахъ, то это есть неизбѣжное дѣло, необходимое слѣдствіе разницы въ призмѣ, чрезъ которую мы смотримъ, разницы точки нашей опоры" (стр. 586).

Не знаемъ, чрезъ какую призму смотритъ на прошлое Кіево-Могилянской Академіи ея польскій историкъ. Для насъ въ этомъ отношеніи нѣтъ и не можетъ быть никакой иной призмы, кромѣ истинной исторіи, кромѣ подлинныхъ историческихъ документовъ.

Что же касается разницы въ принципахъ, исходныхъ точкахъ, то въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ нашимъ противникомъ. Дѣйствительно, мы стоимъ на совершенно противоположныхъ точкахъ, у насъ совершенно различные принципы.

Поэтому, такъ какъ въ данномъ случаѣ согласенъ съ нами и противникъ нашъ, мы могли бы оставить возраженія его безъ всякаго отвѣта, на основаніи извѣстнаго школьнаго правила: inter negantes principia non est disputandum.

Въ самомъ дѣлѣ, спорить съ противникомъ, у котораго совсѣмъ другіе научные принципы, другія точки зрѣнія, совершенно безполезно. То, что является вполнѣ естественнымъ, понятнымъ и даже немогущимъ быть представленнымъ иначе для всякаго русскаго историка Кіевской Академіи, то кажется страннымъ, непонятнымъ, неожиданнымъ и даже немыслимымъ для г. Яблоновскаго, какъ польскаго историка Кіевской Академіи.

Вступать въ полемику съ такимъ противникомъ, къ которому мы въ другихъ отношеніяхъ за его работу по исторіи Кіевской Академіи питаемъ искреннее уваженіе и признательность, о чемъ и замѣтили въ прежнемъ библіографическомъ отзывѣ,—полемизировать съ такимъ противникомъ по вопросамъ принципіальнымъ—трудно, почти невозможно. Но сдѣлать нѣсколько фактическихъ замѣчаній на его отвѣтъ мы все-таки считаемъ необходимымъ тѣмъ болѣе, что вполнѣ и совершенно вѣримъ искренности его стремленія познать и представить истинную исторію Кіево-Могилянской Академіи, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

Прежде всего, мы должны констатировать тотъ весьма пріятный и симпатичный фактъ, свидѣтельствующій о полной искренности автора, что онъ, съ одной стороны, признаетъ

нѣкоторыя наши замѣчанія и упреки справедливыми, а съ другой стороны, по поводу нѣкоторыхъ нашихъ замѣчаній, дѣлаетъ болѣе или менѣе значительныя уступки и отказывается отъ своихъ „абсолютныхъ“, какъ онъ самъ выражается, положеній и утвержденій.

Авторъ признаетъ справедливымъ именно сдѣланный нами упрекъ ему въ односторонности. „Stąd“ — говоритъ онъ—„oczywiscie praca ta moja już z samego założenia swego musiała stać się „jednostronna“ (стр. 550); и далѣе: „uznając tedy zarzut względnej jednostronności, ile pochodzącej, jak to widzieliśmy, z samego założenia“... и т. д. (стр. 551).

Къ сожалѣнію только, авторъ понялъ нашъ упрекъ въ односторонности его работы нѣсколько иначе, чѣмъ какъ мы его понимаемъ. Подъ односторонностью труда автора мы разумѣли его желаніе представить Кіево-Могилянскую Академію единственно только посредницею между западною и восточною культурою, распространительницею латино-польской культуры въ Западной Руси и даже во всей вообще Россіи. А между тѣмъ авторъ согласенъ признать свой трудъ одностороннимъ въ томъ отношеніи, что онъ, во 1-хъ, не даетъ полной, цѣлостной исторіи Кіево-Могилянской Академіи, а представляетъ лишь „историческій очеркъ ея жизни и дѣятельности на фонѣ общаго развитія западной цивилизаціи на Руси“, и, во 2-хъ, не исчерпываетъ всѣхъ матеріаловъ, всѣхъ документовъ, ограничиваясь только одними печатными свѣдѣніями о Кіевской Академіи, имѣющимися въ русской литературѣ.

Уступки, подъ вліяніемъ нашихъ замѣчаній, авторъ дѣлаетъ слѣдующія.

Прежде всего, онъ заявляетъ, что совершенно далекъ отъ мысли, будто „Кіевская Коллегія - Академія въ теченіе всего времени 1615—1800 г. была польско-латинскою институціею: не была она таковою, говоритъ онъ, ни такъ рано, ни такъ поздно“. Относительно позднѣйшаго времени авторъ здѣсь же поясняетъ, что въ своемъ сочиненіи онъ ясно выразился, что Кіево-Могилянская Академія оставалась со

своимъ латино-польскимъ характеромъ въ теченіе полустолѣтія слишкомъ, послѣ окончательнаго „отпаденія“ Кіева отъ Рѣчи Посполитой, и если въ своемъ трудѣ онъ доходитъ до конца XVIII в., то только для того, чтобы показать постепенное замираніе въ Кіевской Академіи польщизны, прежде чѣмъ и она сама не упала (nie została rozwiązana); относительно же болѣе ранняго времени (tak wcześnie) авторъ почему-то не дѣлаетъ никакихъ разъясненій.

Итакъ, г. Яблоновскій сознается, что даже съ его точки зрѣнія Кіево-Могилянская Академія не можетъ считаться польско-латинскимъ научнымъ институтомъ на всемъ протяженіи времени 1615—1800 г.; она была таковою, по его словамъ, съ неопредѣленнаго пока времени приблизительно до 30—40-хъ годовъ XVIII в. Спасибо и за такую уступку!

Соглашается авторъ и съ тѣмъ нашимъ замѣчаніемъ, что школьные порядки, по образцу которыхъ была устроена и Кіево-Могилянская Академія, не были созданы самими Поляками, но приняты ими въ такой или иной формѣ съ Запада, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что порядки эти измѣнялись и преобразовывались въ Польшѣ, сообразно съ потребностями мѣстными, или вѣроисповѣдными, смотря по тому, для кого назначались школы — для католиковъ, или диссидентовъ и, въ частности, среди этихъ послѣднихъ для гусситовъ, кальвинистовъ, аріанъ и, наконецъ, восточныхъ уніатовъ; что же касается дизунитовъ (православныхъ), то они, наравнѣ съ уніатами, по словамъ автора, заимствовали образцы для своихъ школъ у католиковъ, причемъ не искали ихъ гдѣ-либо за границею, такъ какъ имѣли такіе-же самые у себя дома подъ руками, тѣмъ болѣе подходящіе для нихъ, что они были приспособлены для мѣстныхъ потребностей. А такъ какъ католики, жившіе въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, были преимущественно польскаго происхожденія, то и выходитъ, что русскіе какъ уніаты, такъ и дизуниты (православные), образцы для своихъ школъ заимствовали не у далекихъ Нѣмцевъ или Волоховъ, но у своихъ же согражданъ Поляковъ. Подобнымъ же образомъ Кіевская православная

Коллегія была устроена не по заграничнымъ образцамъ (стр. 554).

Итакъ, авторъ соглашается теперь съ тѣмъ, что Кіево-Могилянская Коллегія была устроена по образцу школьныхъ порядковъ, заимствованныхъ Поляками съ Запада и только преобразованныхъ ими соотвѣтственно съ мѣстными потребностями. Жаль только, что авторъ не задаетъ себѣ и не рѣшаетъ вопроса о томъ, а Русскіе-то, заимствовавшіе со стороны школьные порядки, слѣдовали ли рабски чужимъ образцамъ, или же измѣняли и преобразовывали ихъ соотвѣтственно своимъ особымъ потребностямъ мѣстности, народности, вѣроисповѣданія, необходимости вести борьбу за вѣру и народность? А такъ какъ несомнѣнно извѣстно, что Русскіе заимствованные ими со стороны школьные порядки измѣняли, то и выходитъ, что въ этомъ отношеніи между ними и Поляками нѣтъ никакой разницы.

Вотъ что говоритъ по этому поводу извѣстный представитель западно-русской образованности времени происхожденія Кіево-Могилянской Академіи Захарія Копыстенскій: „если латиняне хвалятся свѣтскою наукою, они чужими перьями хвалятся, въ чужомъ плащѣ щеголяютъ! Ибо греческая мудрость Платонова, Аристотелева и иныхъ философовъ греческихъ и имъ только отчасти была удѣлена... И мы, русскіе, если для наукъ отправляемся въ края нѣмецкіе, то не ради латинской, но греческой науки, и ею мы пользуемся, какъ собственностью, только на короткое время довѣренною западнымъ, причемъ однако, искусно отбрасывая соръ, пользуемся чистымъ зерномъ, оставляя уголь, беремъ золото“... (Палинодія, см. П. П. Л., I., стр. 900, 901, 905; ср. у К. Харламповича, Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII в., Казань, 1898, стр., 235—236). Напоминаемъ при этомъ г. Яблоновскому, что, впрочемъ, ему и безъ того извѣстно, что Захарія Копыстенскій принадлежалъ къ числу Кіевскихъ Богоявленскихъ братчиковъ (см. стр. 53) и, безъ сомнѣнія, принималъ живѣйшее участіе въ основаніи и первоначальномъ устроеніи Кіевской Академіи, какъ братской школы.

По поводу подмѣченнаго нами вышеуказаннаго противорѣчія автора самому себѣ, когда онъ, съ одной стороны, не признаетъ за Кіево-Могилянскою Академіею ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго, а съ другой стороны, считаетъ ее „русскою, даже русскою по преимуществу, въ сравненіи съ иными коллегіями Рѣчи Посполитой", авторъ дѣлаетъ поясненіе, что противорѣчіе въ данномъ случаѣ получается будто бы отъ того, что мы сами ищемъ, слишкомъ ужъ односторонне, абсолютныхъ утвержденій, между тѣмъ какъ его мнѣнія только относительныя, условныя, сильно оговариваемыя имъ. Противорѣчіе это получается, по словамъ автора, отъ того, что мы, въ качествѣ его противника, не различаемъ между понятіями: „русскій" и „россійскій". Разсужденія автора по этому поводу занимаютъ большую часть его отвѣта и принадлежатъ именно къ разряду тѣхъ, которыя должны быть признаны принципіальными и относительно которыхъ трудно, даже невозможно сговориться.

Въ заключеніе мы, съ своей стороны. считаемъ нравственнымъ долгомъ выразить г. Яблоновскому признательность за одно очень симпатичное предложеніе его. Доводя до свѣдѣнія своихъ соотечественниковъ, что въ Кіевѣ теперь, по иниціативѣ бывшаго ректора Кіевской Духовной Академіи, нынѣшняго Казанскаго архіепископа, высокопреосвящ. Димитрія, рѣшено приступить къ изданію историческихъ актовъ для того, чтобы, на основаніи ихъ, составить истинно научную исторію Кіевской Духовной Академіи къ приближающемуся 300-лѣтнему юбилею ея, г. Яблоновскій говоритъ: „радуемся, что въ Кіевѣ рѣшено заняться усердно изданіемъ источниковъ, вслѣдствіе чего и съ нашей стороны слѣдовало бы обнародовать, еслибы что-либо относящееся къ этому предмету нашлось въ фамильныхъ архивахъ, особенно у тѣхъ фамилій, родоначальники которыхъ могли быть „добродзѣями" (благотворителями) Кіевскихъ школъ. Требуетъ этого отъ насъ и память прошлаго и важность науки, и быть не можетъ, чтобы ничего не нашлось на Руси".

Обнародованіе подлинныхъ актовъ, и по нашему убѣжденію, есть вѣрнѣйшій путь къ рѣшенію принципіальнаго вопроса, по которому мы такъ расходимся теперь съ г. Ябловскимъ. И мы свой трудъ по разбору сочиненія его считали бы вполнѣ и совершенно вознагражденнымъ, еслибы наша полемика имѣла своимъ послѣдствіемъ привлеченіе серьезнаго вниманія ученыхъ людей обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ къ спорному вопросу и обнародованію всѣхъ актовъ, важныхъ для исторіи Кіевской Духовной Академіи.

4.

Проф. С. Голубева: Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст. К. 1902. Стр. 101.

Церковно-историческій очеркъ подъ такимъ заглавіемъ представляетъ собою актовую рѣчь, произнесенную въ Кіевской Духовной Академіи 26 сентября 1901 г., въ каковой день исполнилось 200-лѣтіе дарованія Кіевской Академіи грамоты императора Петра 1-го, гдѣ впервые ей усвояется названіе *Академіи.*

Послѣ общаго очерка исторіи Кіевской Академіи со времени кончины ея организатора—м. Петра Могилы, авторъ останавливается подробно на вопросѣ о состояніи Кіевской Академіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. Состояніе Академіи изображается со стороны матеріальнаго обезпеченія и внутренняго быта ея.

Очеркъ снабженъ 76 примѣчаніями, которыя заключаютъ въ себѣ преимущественно указаніе новыхъ источниковъ для исторіи Академіи или извлеченія изъ документовъ и занимаютъ болѣе 2/3 брошюры (стр. 30—101), а также двумя рисунками, изъ коихъ первый представляетъ академическій корпусъ, построенный Мазепою, въ его первоначальномъ видѣ, а второй—тотъ же корпусъ, реставрированный м. Рафаиломъ Заборовскимъ.

5.

Профессора-академика Е. Голубинскаго: Исторія русской церкви. Томъ I. Періодъ первый, кіевскій или до-монгольскій. Первая половина тома. Изданіе второе, исправленное и дополненное, напечатанное Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ въ „Чтеніяхъ". М. 1901 г. Стр. XXIV+968.

Его же: Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Изданіе второе, исправленное и дополненное, напечатанное въ тѣхъ же „Чтеніяхъ" Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. М. 1903 г. Стр. 600.

1.—Профессоръ—академикъ Е. Е. Голубинскій извѣстенъ многими истинно-капитальными изслѣдованіями въ области исторіи русской церкви. Бриллiантомъ самой крупной величины, если можно такъ выразиться, въ ряду этихъ трудовъ является общій курсъ по исторіи русской церкви, изданный авторомъ подъ заглавіемъ: „Исторія русской церкви" въ трехъ огромныхъ книгахъ и доведенный пока до 1563 г., при чемъ за время 1240—1563 г. разсмотрѣна имъ пока одна только внѣшняя исторія русской церкви.

Появленіе въ печати перваго тома даннаго труда составило положительную эпоху въ исторіи научной разработки судебъ русской церкви. Одинъ изъ наиболѣе компетентныхъ рецензентовъ этого труда, вскорѣ послѣ перваго изданія его 20 лѣтъ тому назадъ, совершенно справедливо писалъ о немъ слѣдующее: „трудъ его, т. е. проф. Е. Голубинскаго, по всей справедливости долженъ быть поставленъ на ряду съ самыми капитальными и наиболѣе уважаемыми трудами въ области русской церковной исторіографіи, каковы въ послѣднее время продолжающіе украшать ее труды ученаго архипастыря и академика преосвященнаго Макарія, послѣ котораго новый историкъ является дальнѣйшимъ сильнымъ двигателемъ нашей церковно-исторической науки. Онъ обогащаетъ ее и вообще русскую историческую науку трудомъ въ высшей степени усерднымъ и добросовѣстнымъ, истинно-ученымъ, самостоятельнымъ и замѣчательно оригинальнымъ, обильно

восполняющимъ доселѣ имѣвшіяся познанія въ области предмета, къ которому относится, и направляющимъ на новые пути къ его изслѣдованію. Трудъ его—такой капитальный вкладъ въ науку, какіе, къ сожалѣнію, не часто удается получать ей въ наше время, не особенно щедрое на скромныхъ и самоотверженныхъ тружениковъ науки" (Рецензія проф. И. И. Малышевскаго, писанная въ 1882 г., по порученію Императорской Академіи Наукъ).

И вотъ часть этого труда, первая половина перваго тома исторіи русской церкви проф. Голубинскаго, въ значительно исправленномъ и дополненномъ видѣ, издана въ 1901 году Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Нельзя не выразить сему Обществу, вмѣстѣ съ самимъ авторомъ труда, искренней благодарности за это изданіе, которое, съ одной стороны, требовалось уже давно, такъ какъ первое изданіе сдѣлалось библіографическою рѣдкостію, оплачивавшеюся въ послѣднее время чуть не сотнями рублей, а съ другой стороны, иначе это изданіе и не увидѣло бы свѣта, потому что самъ авторъ, по его словамъ, давно приготовивъ это изданіе къ печати, „не видѣлъ возможности напечатать его и отложилъ-было всякую о немъ мысль" (Предисловіе ко 2-му изданію, стр. V).

Наше вниманіе, при обозрѣніи новаго изданія первой половины перваго тома исторіи русской церкви проф. Голубинскаго, было обращено, какъ и естественно, на тѣ дополненія и измѣненія, какими оно отличается отъ перваго изданія.

Такихъ исправленій и дополненій въ книгѣ весьма много, такъ что было бы утомительно перечислять всѣ ихъ здѣсь въ краткой библіографической замѣткѣ.

Въ качествѣ важнѣйшихъ дополненій во второмъ изданіи можемъ отмѣтить здѣсь слѣдующія: 1) *„Времена доисторическія"* (стр. 1—18; ср. перв. изд. стр. 33—42: *„О христіанствѣ въ Европейской Великой Скиѳіи")*; 2) о соборныхъ церквахъ въ городахъ, или соборахъ (втор. изд., стр.

497—502); 3) историческая справка о бѣломъ клобукѣ, служащемъ теперь отличіемъ нашихъ митрополитовъ (втор. изд., стр. 585—588); 4) *О поученіи Новгородскаго архіепископа Иліи священникамъ епархіи въ сборное воскресенье 1166 г.* (втор. изд., стр. 660—663); 5) *О недавно найденномъ посланіи митрополита Климента Смолятича и вообще о немъ, Климентъ, какъ писатель* (стр. 846—853) и др. болѣе мелкія по объему, но важныя по значенію, разсѣянныя въ текстѣ, подстрочныхъ примѣчаніяхъ и въ дополненіяхъ и поправкахъ (см. напр. цѣнное для спеціалистовъ замѣчаніе относительно хронологіи на стр. 925).

Скажемъ о характерѣ этихъ самыхъ исправленій и дополненій, иллюстрируя свою характеристику примѣрами.

Всѣ исправленія и дополненія, вошедшія во второе изданіе книги, касаются преимущественно фактической стороны, фактическихъ свѣдѣній, которыя въ первомъ изданіи были несвободны отъ извѣстныхъ пробѣловъ и ошибокъ, отмѣченныхъ въ свое время критикою.

Что же касается основнаго характера книги, принципіальныхъ воззрѣній и убѣжденій историка, то отъ нихъ этотъ послѣдній не только не отступается въ своемъ новомъ трудѣ, но даже старается еще болѣе утвердить ихъ. Объ этомъ онъ прямо и открыто заявляетъ и въ предисловіи къ новому изданію, говоря: „что касается до людей, которые въ первомъ изданіи встрѣтили ее (т. е. первую половину перваго тома) враждебно, то я долженъ сказать имъ, что хотя вражда ихъ вовсе и не составляетъ чего-нибудь пріятнаго для меня, но что во всякомъ случаѣ я не имѣлъ желанія, насилуя свои убѣжденія, преклонять ихъ гнѣвъ на милость какими-нибудь имъ уступками“ (стр. V).

Въ теченіе 20 лѣтъ, прошедшихъ со времени выхода въ свѣтъ перваго изданія книги, должны были отыскаться новые матеріалы, которые могли повліять такъ или иначе на постановку въ наукѣ вопросовъ, затрогиваемыхъ въ книгѣ проф. Голубинскаго, а равно и тѣхъ принципіальныхъ воззрѣній, какія онъ устанавливаетъ по разнымъ вопросамъ

древней исторіи русской церкви. Любопытно теперь знать, какъ отнесся въ новомъ изданіи нашъ замѣчательный историкъ къ подобному возможному движенію науки впередъ; равно какъ, съ другой стороны, не менѣе любопытно видѣть и то, какое вліяніе оказало это движеніе науки на тѣ принципы, какіе установилъ историкъ?

И здѣсь мы должны констатировать тотъ пріятный фактъ, что двадцатилѣтняя разработка исторіи русской церкви замѣтно отразилась собственно на фактической сторонѣ труда проф. Голубинскаго, который, пользуясь новыми открытіями и матеріалами въ области древней русской исторіи, вводитъ во второе изданіе своей книги даже особую главу подъ заглавіемъ: „Времена доисторическія" (стр. 1—18), гдѣ излагаетъ свѣдѣнія о христіанствѣ у русскихъ славянъ въ доисторическія времена.

Но зато принципіальные взгляды, установленные нашимъ новѣйшимъ историкомъ на капитальные вопросы исторіи русской церкви, остались, можно сказать, почти непоколебленными; а если и были сдѣланы попытки поколебать ихъ, то проф. Голубинскій въ новомъ изданіи своего труда подвергаетъ ихъ тщательной критикѣ и отвергаетъ.

Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ.

„Въ 1892 году г.г. Х. Лопаревъ и Н. Никольскій одновременно нашли и напечатали посланіе митр. Климента къ Смоленскому священнику Ѳомѣ", говоритъ проф. Голубинскій. „Согласные между собой по вопросу о состояніи у насъ просвѣщенія въ періодъ домонгольскій, а именно—что въ періодъ этотъ у насъ не была только грамотность, какъ утверждаютъ иные, но было настоящее просвѣщеніе, г.г. Лопаревъ и Никольскій видятъ въ найденномъ ими посланіи митр. Климента важный литературный памятникъ, свидѣтельствующій въ пользу принимаемаго ими мнѣнія. На самомъ дѣлѣ посланіе Климента не только не свидѣтельствуетъ въ пользу мнѣнія, принимаемаго г.г. Лопаревымъ и Никольскимъ, а, напротивъ, говоритъ именно противъ него".

Изложивъ затѣмъ исторію происхожденія посланія м. Климента къ Смоленскому священнику Ѳомѣ и самое содержаніе этого посланія, историкъ нашъ замѣчаетъ: „уважая неутомимые труды г. Лопарева по розысканію древнихъ памятниковъ, мы не имѣемъ охоты глумиться надъ нимъ. Но безъ глумленія мы должны сказать, что сдѣланный имъ эскизъ, или набросокъ, великолѣпной картины состоянія у насъ просвѣщенія вь XII в. есть плодъ недоразумѣнія и перетолкованія".

Недоразумѣніе, по мнѣнію проф. Голубинскаго, заключается именно въ томъ, что новонайденное посланіе м. Климента не только не свидѣтельствуетъ въ пользу мнѣнія о процвѣтаніи у насъ въ періодъ до-монгольскій настоящей образованности, а напротивъ свидѣтельсвуетъ именно противъ этого мнѣнія. Въ посланіи говорится о наукѣ чтенія, какъ о великой наукѣ, и если хорошая грамотность представляется какъ великая ученость: то, спрашиваетъ проф. Голубинскій, не ясно ли этимъ свидѣтельствуется объ отсутствіи настоящихъ наукъ и настоящей учености? А если Ѳома, равно какъ и Климентъ, знали по именамъ еллинскихъ хитрецовъ Омира, Аристотеля и Платона: то уже давно извѣстны тѣ источники, изъ которыхъ они могли почерпнуть это невеликое знаніе".

Подобнымъ же образомъ критикуетъ проф. Голубинскій и мнѣніе проф. Никольскаго по тому же предмету, который отличается отъ г. Лопарева только тѣмъ, что, по словамъ проф. Голубинскаго, изумительныхъ начетчиковъ въ греческой письменности Лопаревъ превращаетъ въ кружокъ книжниковъ, который группировался подлѣ двора Князя Изяслава (Мстиславича) и который занимался научно-литературными (философскими) вопросами. „Дивясь", заключаетъ свою рѣчь проф. Голубинскій по этому предмету,—„дивясь на эту своего рода академію наукъ, вышедшую изъ головы г. Никольскаго, мы не будемъ опровергать его, ибо что мы имѣли бы сказать противъ него, уже сказано нами выше" (стр. 846—851).

Констатируя, съ одной стороны, полное согласіе втораго изданія книги съ первымъ ея изданіемъ въ принципіальныхъ воззрѣніяхъ автора по главнымъ вопросамъ древней исторіи русской церкви, а, съ другой стороны, полное соотвѣтствіе втораго изданія книги состоянію науки предмета и позднѣйшей разработкѣ ея, мы въ тоже самое время не можемъ не сдѣлать слѣдующей оговорки.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ проф. Голубинскій во второмъ изданіи своей книги остается или невнимательнымъ, или-же совершенно равнодушнымъ къ сужденіямъ критики по вопросамъ древней исторіи русской церкви, а также къ тѣмъ поправкамъ, какія были сдѣланы нашими учеными въ его исторіи. Укажемъ здѣсь слѣдующіе два примѣра.

Извѣстно, что проф. Голубинскій въ своей исторіи русской церкви совершенно отвергаетъ лѣтописную повѣсть о крещеніи св. Владиміра и крещеніи имъ русскаго народа. Это дѣлалось по частямъ и до него нашими учеными историками. Проф. Голубинскій отличается отъ другихъ тѣмъ, что онъ, не ограничиваясь однимъ сплошнымъ отрицаніемъ лѣтописной повѣсти о крещеніи св. Владиміра и крещеніи имъ русскаго народа, самостоятельно возсоздаетъ эту исторію въ совершенно новомъ видѣ. Покойный проф. Малышевскій, соглашаясь съ проф. Голубинскимъ въ томъ, что лѣтописная повѣсть о крещеніи Владиміра св. и крещеніи имъ русскаго народа не можетъ быть признана достовѣрною, и даже выражая „желаніе сохранить Владиміра такимъ, какимъ его представилъ намъ историкъ въ своей исторіи, въ частности, въ исторіи его обращенія“, въ тоже самое время высказалъ немало весьма важныхъ и цѣнныхъ замѣчаній по поводу собственно воспроизведенной и созданной самимъ проф. Голубинскимъ исторіи крещенія Владиміра св. и крещенія имъ русскаго народа. Иныя изъ этихъ замѣчаній и соображеній проф. Малышевскаго представляются на нашъ взглядъ настолько важными и серьезными, что проф. Голубинскій, казалось бы, не могъ пройти мимо нихъ совершенно молча... Между тѣмъ это случилось такъ именно.

Извѣстно, далѣе, что проф. Голубинскій, вслѣдъ за другими нашими историками, держится того мнѣнія, что каѳедра нашихъ первыхъ русскихъ митрополитовъ въ теченіе 50 лѣтъ находилась не въ Кіевѣ, а въ Переяславѣ Полтавскомъ. Въ качествѣ одного изъ аргументовъ въ пользу этого мнѣнія историкъ ссылается на то, что отъ перваго нашего митрополита Леонтія сохранилось, греческое сочиненіе, которое надписывается такъ: **„λεοντος μητροπολίτου (ἀρχιεπισκόπου) τῆς ἐν Ῥωσίᾳ Πρεσθλάβας“**.

Но, во 1-хъ, нашимъ Кіевскимъ ученымъ прот. Лебединцевымъ (см. его статью подъ заглавіемъ: „Гдѣ жили первые Кіевскіе митрополиты: въ Переяславѣ или въ Кіевѣ“? „Кіевск. Стар.“ 1885 г., январь, стр. 177—182) доказано, что пріуроченіе каѳедры первыхъ нашихъ митрополитовъ къ Переяславу есть плодъ какого-то недоразумѣнія; а во 2-хъ, сочиненіе, прежде приписывавшееся нашему первому митрополиту Леонтію, на самомъ дѣлѣ не можетъ принадлежать ему, какъ это доказалъ г. Чельцовъ (см. его опытъ историческаго изслѣдованія подъ заглавіемъ: „Полемика между греками и латинянами по вопросу объ опрѣснокахъ въ XI—XII вв. СПБ. 1879 г.).

Само собою разумѣется, что проф. Голубинскій могъ и не соглашаться съ соображеніями и мнѣніями, какія высказывались въ научной формѣ по вопросамъ о крещеніи Владиміра св. и крещеніи имъ русскаго народа, а также и о мѣстѣ каѳедры первыхъ нашихъ митрополитовъ, но тѣмъ не менѣе однако-же онъ, по нашему мнѣнію, долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, отмѣтить ихъ въ новомъ изданіи, какъ это онъ сдѣлалъ относительно мнѣнія г.г. Лопарева и Никольскаго по вопросу о состояніи у насъ просвѣщенія въ домонгольскій періодъ, чтобы не получить незаслуженнаго, быть можетъ, упрека въ невниманіи къ литературѣ предмета.

2.—Въ началѣ настоящаго года тѣмъ же Московскимъ Историческимъ Обществомъ напечатано второе, исправленное и дополненное изданіе другаго труда проф. Голубинскаго

подъ заглавіемъ: *„Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви“*.

Первое изданіе этого сочиненія было напечатано самимъ авторомъ въ 1894 г. Оно было вызвано, какъ говоритъ онъ, случайнымъ обстоятельствомъ, именно диссертаціею г. Васильева о томъ же предметѣ, и какъ писанное на срокъ, которымъ изслѣдователь былъ стѣсненъ и ограниченъ въ изученіи предмета, оно оказалось, по сознанію самаго автора, далеко неполнымъ.

Во второмъ изданіи изслѣдованіе проф. Голубинскаго является настолько переработаннымъ и расширеннымъ, что производитъ впечатлѣніе совершенно новаго труда.

Объ этомъ говоритъ уже самый объемъ книги: въ первомъ изданіи 267, а во второмъ—600 страницъ.

Еще болѣе увѣряетъ насъ въ этомъ знакомство съ самымъ содержаніемъ изслѣдованія.

Схема сочиненія такова.

Въ введеніи указывается подробно литература предмета, уясняется понятіе канонизаціи и сообщаются свѣдѣнія о канонизаціи святыхъ въ греческой церкви — древней и позднѣйшей.

Затѣмъ, въ 4 отдѣльныхъ главахъ, излагается исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви а) отъ начала христіанства въ Россіи до Макаріевскихъ соборовъ 1547 и 1549 г.г.; б) во время Макаріевскихъ соборовъ 1547 и 1549 г.г.; в) на пространствѣ времени отъ собора 1549 г. до учрежденія св. Синода и г.) отъ учрежденія св. Синода до нашихъ дней.

Въ пятой главѣ излагаются свѣдѣнія о русскихъ святыхъ, помѣщенныхъ въ святцахъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ и въ печатныхъ святцахъ, отдѣльно изданныхъ, а также о празднованіи святымъ и раздѣленіи святыхъ на общихъ и мѣстныхъ.

Въ шестой главѣ дѣлается общее обозрѣніе канонизаціи святыхъ въ русской церкви.

Книга снабжена обширными приложеніями, которыя, составляя особенность втораго изданія, занимаютъ около

150 страницъ и содержатъ преимущественно акты и оффиціальныя свѣдѣнія по исторіи канонизаціи святыхъ въ греческой и русской церкви.

Къ сожалѣнію, въ краткой библіографической замѣткѣ мы не можемъ сообщить болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ чрезвычайно интересномъ и замѣчательномъ трудѣ автора, отличающемся, какъ и всѣ его сочиненія, глубиною и оригинальностію мысли.

Отмѣтимъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе важные тезисы диссертаціи.

Древняя греческая церковь въ признаніи усопшихъ людей святыми раздѣляла этихъ послѣднихъ, съ точки зрѣнія основаній для этого, на три класса: 1) были нѣкоторые классы усопшихъ, принадлежавшія къ которымъ отдѣльныя лица всѣ были признаны церковію за святыхъ, на основаніи того, какъ должно предполагать, вѣрованія, что къ этимъ классамъ могли принадлежать только святые люди, такъ что принадлежность ихъ къ классамъ служила свидѣтельствомъ объ ихъ святости; 2) былъ классъ усопшихъ, который постепенно въ теченіе извѣстнаго времени образовывался изъ людей, совершавшихъ такой подвигъ, который, по вѣрованію церкви, одинъ и самъ по себѣ доставлялъ лицу, его подъявшему, вѣнецъ святости; 3) были такія лица, которыхъ церковь признавала святыми не по причинѣ принадлежности ихъ къ извѣстному классу, а потому, что лично того или другого изъ нихъ считала достойнымъ прославленія.

Въ позднѣйшей греческой церкви необходимымъ условіемъ для причтенія кого-либо къ лику святыхъ, или для канонизаціи, было признаваемо прославленіе отъ Бога даромъ чудотвореній.

Наличность мощей въ греческой церкви не признавалась необходимымъ условіемъ для причтенія усопшихъ къ лику святыхъ.

Въ древней русской церкви единственнымъ общимъ основаніемъ для причтенія къ лику святыхъ служило прославленіе даромъ чудотвореній. Прославленіе св. Владиміра про-

изошло очень поздно именно потому, что у гроба его не совершалось чудесъ.

Проф. Голубинскій отмѣчаетъ, между прочимъ, тотъ любопытный фактъ, что въ Руси Московской было несравненно больше святыхъ, чѣмъ въ Руси Кіевской: при цѣломъ многочисленномъ сонмѣ святыхъ въ первой, вторая имѣла только 9 святыхъ. Это происходило, по объясненію проф. Голубинскаго, отъ того, что въ Московской Руси всѣхъ основателей монастырей обыкновенно причисляли къ лику святыхъ.

6.

Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса. Выпускъ 1, М. 1896 г. стр. X+156; вып. II, М. 1897 г., стр. VI+202; вып. III, М. 1898 г. стр. IV+208; вып. IV, М. 1898 г. стр. VI+196; вып. V, М. 1900 стр. X+246.

Русская православная церковь всегда находилась во взаимныхъ живыхъ сношеніяхъ съ другими православными церквами Востока: Константинопольскою, Іерусалимскою, Антіохійскою, Александрійскою и другими, впослѣдствіи возникшими на Востокѣ національными православными церквами: Греческо-Элладскою, Сербскою, Болгарскою и Румынскою.

Сношенія эти начинаются со времени происхожденія русской церкви и продолжаются непрерывно до настоящаго времени, то оживляясь, то ослабѣвая и вообще разнообразясь, въ зависимости отъ обстоятельствъ времени, отъ состоянія православнаго Востока и Россіи, отъ характера религіозно-нравственнаго и политическаго настроенія тамъ и здѣсь.

Наиболѣе живыми, сильными и выразительными были сношенія между русскою церковью и церквами: Константинопольскою и Іерусалимскою.

Менѣе часты и интенсивны были сношенія нашей церкви съ церковью Антіохійскою. Самымъ замѣчательнымъ моментомъ въ исторіи сношеній нашей церкви съ Антіохійскою

было именно *„Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ“*, на арабскомъ языкѣ, и переведенное теперь вполнѣ на русскій языкъ проф. *Г. А. Муркосомъ.*

Проф. Муркосъ, арабъ по происхожденію, русскій по воспитанію, по всей своей дѣятельности и по духу, извѣстенъ въ нашей литературѣ многими и полезными трудами, имѣющими цѣлію уясненіе историческихъ сношеній и установленіе возможно болѣе близкихъ отношеній между Россіею и православнымъ Востокомъ вообще и, въ частности, Антіохійскою церковью на Востокѣ. Назовемъ наиболѣе выдающіеся изъ этихъ трудовъ: 1) *Интересы Россіи въ Палестинѣ,* М. 1882 г. 2) *Какъ совершился захватъ Іерусалимской патріархіи святогробцами и кто были истинными хранителями Палестинскихъ святынь?* М. 1892 г.; 3) *Бессарабскія и Кавказскія имѣнія св. гроба Господня.* М. 1892 г. и др.

Но самымъ замѣчательнымъ трудомъ проф. Г. А. Муркоса на пользу науки долженъ быть признанъ его переводъ *„Путешествія Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в.“* Этимъ своимъ трудомъ онъ достойно завершилъ свою многолѣтнюю дѣятельность на поприщѣ научномъ и создалъ себѣ безсмертный памятникъ своей любви и преданности Россіи и русскому дѣлу на Востокѣ.

Не будемъ говорить о самомъ пріѣздѣ патр. Макарія въ Россію, о его участіи въ дѣлахъ русской церкви, о важныхъ событіяхъ, которыя въ то время происходили въ Россіи и которыя записаны сыномъ патріарха Павломъ Алеппскимъ, ибо все это хорошо извѣстно. Скажемъ лучше о томъ памятникѣ, который теперь, благодаря Г. А. Муркосу, можетъ быть читаемъ всѣми русскими.

Арабскій подлинникъ этого важнаго въ историческомъ отношеніи памятника доселѣ еще не напечатанъ. Въ 1830-хъ годахъ, по порученію Комитета переводовъ съ восточныхъ языковъ въ Лондонѣ, онъ былъ переведенъ Бельфуромъ, членомъ королевскаго азіатскаго Общества Великобританіи

и Ирландіи, на англійскій языкъ. Но этотъ переводъ, которымъ пользовались наши ученые и который пытались переводить на русскій языкъ, не вездѣ точенъ и полонъ. Проф. Муркосъ и раньше интересовался и занимался этимъ памятникомъ. Въ послѣднее время онъ перевелъ его съ арабскаго подлинника по рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сличивъ ее, гдѣ нужно, съ двумя другими списками, имѣющимися у насъ въ Петербургѣ, и съ переводомъ Бельфура.

Переводъ снабженъ (въ 5 выпускѣ) портретомъ патр. Макарія и картою путешествія его по Россіи.

Изъ всѣхъ 5 выпусковъ перевода для южной Россіи и, въ частности, для Кіева особенно важное значеніе имѣютъ: во 1-хъ, тѣ мѣста, во второмъ выпускѣ кн. IV, гдѣ описывается путешествіе патр. Макарія по Украйнѣ и пребываніе его въ Кіевѣ (на пути въ Москву), и во 2-хъ, — въ четвертомъ выпускѣ въ кн. XII, гл. XVI—XVIII), гдѣ описывается путешествіе патріарха со свитою по Малороссіи и пребываніе его въ Кіевѣ (на пути изъ Москвы).

Павелъ Алеппскій описываетъ преимущественно памятники церковные, напр., монастыри, храмы и т. п. Поэтому его описаніе имѣетъ весьма важное значеніе для исторіи Кіевскихъ и другихъ южно-русскихъ монастырей и церквей. Въ своемъ описаніи монастырей и церквей онъ необыкновенно точенъ и пунктуаленъ. Поэтому можно думать, что эта часть описанія его заслуживаетъ вѣроятія.

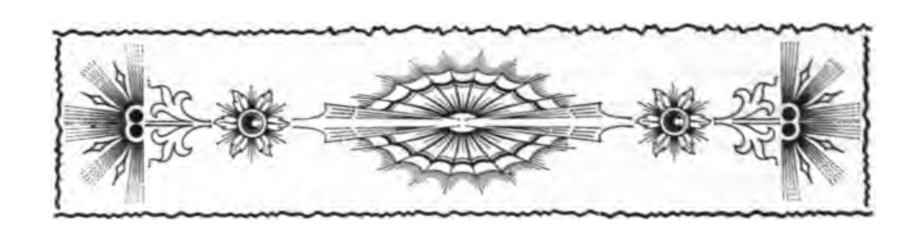
Тоже самое должно сказать и объ его описаніи различныхъ церковныхъ службъ, при которыхъ онъ присутствовалъ, и другихъ церковныхъ церемоній, и вообще событій, свидѣтелемъ и очевидцемъ которыхъ онъ самъ былъ.

Но нѣкоторыя наблюденія Павла Алеппскаго надъ нравами и обычаями Малорусскаго народа, дѣланныя имъ, такъ сказать, издали, со стороны, а тѣмъ болѣе его свѣдѣнія, записанныя со словъ другихъ, носятъ часто курьезный анекдотическій характеръ и требуютъ старательной провѣрки. Переводъ изданъ весьма тщательно и, съ своей

стороны, мы можемъ выразить только сожалѣніе о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текста, именно тамъ, гдѣ показанія Павла Алеппскаго или кажутся невѣроятными или же расходятся съ другими источниками, не сдѣлано критическихъ примѣчаній.

Ѳ. Титовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Отчетъ объ осмотрѣ старинныхъ храмовъ

въ г. Полтавѣ и въ мм. Богачкѣ и Шишакахъ, *Миргородскаго уѣзда.*

Въ маѣ 1901 г., по порученію Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, я посѣтилъ Полтаву и осмотрѣлъ въ ней слѣдующіе старинные храмы.

1. Церковь Спаса-Нерукотвор. Образа.

Исторія этого храма такова. Когда покойный Императоръ Александръ Николаевичъ, будучи еще Наслѣдникомъ престола, посѣтилъ въ 1837 г. Полтаву, то въ числѣ другихъ достопримѣчательностей ему указали на древнюю Спасскую церковь, въ которой, по преданію, Петръ I приносилъ благодарственную молитву за дарованную ему побѣду надъ шведами. Церковь эта была деревянная, маленькая, однокупольная, обыкновеннаго малороссійскаго стиля [1]), и до того ветхая, что ее уже предназначили къ сломкѣ. Но Государь Цесаревичъ выразилъ пожеланіе, чтобы эта историческая святыня была сохранена, и для ея ремонта и приведенія въ должное благолѣпіе пожертвовалъ 2000 р. Его примѣру послѣдовало дворянство Полт. губ., собравшее 10,000 р. Затѣмъ, по ходатайству бывшаго

[1]) Снимокъ съ нея помѣщенъ въ „Кіев Старинѣ", въ № 7—8 1902 года.

тогда малороссійскаго генералъ-губернатора графа Строганова, съ Высочайшаго разрѣшенія открыта была на одинъ годъ по всей Имперіи подписка, давшая около 25,000 р. По проекту, составленному архитекторомъ Тономъ, рѣшено было, для сохраненія на многіе вѣка исторической святыни, поверхъ древней деревянной Спасской церкви построить (въ видѣ какъ-бы футляра) соотвѣтствующей архитектуры каменный храмъ, съ свободнымъ вокругъ ходомъ. Постройка обошлась въ 5,600 р., а на остальной капиталъ былъ обновленъ древній иконостасъ, произведена внутренняя окраска деревянныхъ стѣнъ (кое гдѣ ремонтированныхъ), сдѣланъ новый деревянный полъ и построена заново каменная колокольня, вмѣсто прежней ветхой, состоявшей изъ четырехъ деревянныхъ столбовъ съ перекладинами и крышей. А остатокъ собранной суммы употребленъ на отливку изъ бронзы (по рисунку проф. Брюлова) новаго монумента, вмѣсто прежняго кирпичнаго, сооруженнаго въ 1817 г., въ разстояніи 24 саженъ отъ Спасской церкви, на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ деревянный домикъ, въ которомъ квартировалъ въ 1709 г. Петръ I.

Въ такомъ реставрированномъ видѣ Спасская церковь, по освященіи ея въ 1845 г., остается и понынѣ. Лишь минувшимъ лѣтомъ епарх. начальство, находя необходимымъ сдѣлать въ церкви кое-какія незначительныя передѣлки и ремонтныя исправленія, обратилось за совѣтомъ по этому поводу къ Историч. Обществу Нестора-лѣтописца, чѣмъ и была вызвана моя командировка въ Полтаву.

Попытаемся опредѣлить на основаніи историческихъ данныхъ: что же собственно представляетъ собою нынѣшняя Спасская церковь, какъ историко-археологическій памятникъ?

Въ подлинныхъ актовыхъ книгахъ Полтавскаго полкового суда 2-й половины XVII ст. мы уже въ 1684 г. находимъ точное свидѣтельство о существованіи въ Полтавѣ пяти церквей: соборной Успенской и приходскихъ: Воскресенской, Никольской, Спасской и новопостроенной тогда Срѣтенской. Всѣ онѣ были деревянныя и находились на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, что и нынѣ. Священникомъ Спасской церкви состоялъ тогда извѣстный Иванъ Свѣтайло, имѣвшій несчастье впутаться въ дѣло о доносѣ Кочубея и Искры на гетмана Мазепу и поплатившійся за то двукратною пыткою и ссылкой въ Соловецкій монастырь.

Но въ томъ древнемъ Спасскомъ храмѣ не могъ молиться Побѣдитель Карла XII, ибо этотъ храмъ сгорѣлъ за 5 лѣтъ до Полтавской

викторіи. Объ этомъ мы узнаемъ изъ собственноручной записи тогдашняго священника Іоанна Свѣтайла, отмѣтившаго на полѣ церковной книги Анѳологіонъ (Львовской печати 1651 г.), что Спасская церковь сгорѣла въ среду, 6 сентября, 1704 года, послѣ литургіи [1]). Въ другой церковной книгѣ (Апостолъ, изд. 1632 г.), утраченной въ недавнее время, была на листахъ такая запись: „Сію книгу, глаголемую Апостолъ, по пожежѣ (послѣ пожара) до новосооруженной прежде малой церкви на попелищѣ Преображенія Господня даровалъ вѣчне за спасеніе свое Тимоѳей Гродзенко, которая и отъ великои церкви, егда соорудится, неотдаленна вѣчне при оной зоставати будетъ. А даровалъ сію книгу року 1705, генваря 28, въ царство благочестивѣйшаго государя нашего, царя и великаго князя Петра Алексѣевича“ (далѣе слѣдуютъ имена тогдашняго Кіевскаго митрополита, гетмана, Полт. полковника и протопопа) [2]). Изъ этой надписи можно заключить, что уже къ началу 1705 года, спустя лишь 4 мѣсяца послѣ пожара, на пепелищѣ сгорѣвшей церкви была „новосооружена *малая*,“ какъ-бы временная церковь, но у прихожанъ была полная увѣренность, что въ непродолжительномъ времени „соорудится и великая церковь“. Такая церковь и была устроена въ 1706 году заботливостью того же свящ. Іоанна Свѣтайла. Въ этомъ новоустроенномъ храмѣ дѣйствительно могъ молиться въ 1709 г. Петръ, квартировавшій въ двухъ шагахъ отъ него, у тогдашняго коменданта Келлина. Храмъ этотъ былъ тоже деревянный; онъ просуществовалъ болѣе ста лѣтъ и въ 1811 году за ветхостью разобранъ, а болѣе сохранившійся сѣверный его придѣлъ, во имя Нерукотв. Спаса, былъ приспособленъ для богослуженія и приписанъ къ собору. Очевидно, приходъ на столько уменьшился, что уже не было

---

[1]) Бодянскій, Памятная книжка Полт. губ., 1865 г., стр. 91. Здѣсь лишь ошибочно поставленъ годъ 1705; 6 сент. въ 1705 г. приходилось въ четвергъ, а не въ среду, да и другая современная запись (ниже нами приведенная) подтверждаетъ фактъ пожара въ 1704, а не 1705 году.

[2]) Надпись эта приведена Бодянскимъ въ изданной имъ „Памятной книжкѣ Полт. губ.“, 1865 г. стр. 92. Къ сожалѣнію, обѣ названныя книги Спасской церкви, Анѳологіонъ и Апостолъ, не были Бодянскимъ возвращены по принадлежности, и неизвѣстно, у кого нынѣ находятся. Во всякомъ случаѣ, ихъ нѣтъ ни въ Спасской церкви, ни въ соборной, куда поступили нѣкоторыя книги изъ приписной къ собору Спасской церкви.

средствъ для возстановленія большого храма. Въ такомъ видѣ эта малая, ветхая церковка просуществовала до 1837 года, когда, благодаря посѣщенію Государя Наслѣдника, возникла мысль увѣковѣчить ее, какъ историческую святыню.

Такимъ образомъ, нынѣшняя Спасская церковь представляетъ собою не болѣе какъ боковой придѣлъ Преображенскаго храма, построеннаго въ 1706 г. на мѣстѣ сгорѣвшей въ 1704 г. болѣе древней, первоначальной церкви. По правую руку отъ нея, въ разстояніи $13^1/_2$ аршинъ, виденъ въ землѣ камень съ крестообразно высѣченнымъ углубленіемъ; онъ указываетъ мѣсто главнаго престола бывшаго здѣсь большого храма. По наружному своему виду нынѣшняя Спасская церковь представляетъ чистый типъ малороссійской однокупольной церкви, съ тремя отдѣленіями: для притвора, собственно церкви и алтаря. Длина ея $10^3/_4$ сажня, ширина $4^3/_4$ сажня и высота (съ крестомъ) $9^2/_8$ сажени. Построена она изъ дубовыхъ брусьевъ и снаружи обшалевана; внутри и снаружи выкрашена бѣлою масляною краскою; кровля на ней изъ гонта. Въ ней три наружныхъ двери (западная, сѣверная и южная) и девять оконъ. Для поддержанія стѣнъ церковнаго зданія внутри выведены четыре каменные столба, два въ церкви и два въ алтарѣ.

Иконостасъ, по синему полю, по мѣстамъ съ рѣзьбою, сохранилъ признаки несомнѣнной старины (конца XVII или нач. XVIII ст.). Судя по разнообразію живописи, отсутствію полной симметріи въ формѣ и украшеніяхъ намѣстныхъ кіотовъ, можно полагать, что онъ составленъ изъ разныхъ уцѣлѣвшихъ частей иконостаса разобраннаго въ 1811 году храма. Онъ трехъ-ярусный, но причтъ предполагаетъ снять съ верхняго яруса шесть изображеній пророковъ, повидимому сдѣланныхъ въ болѣе позднее время (можетъ быть, около 1811 г., когда, по разборкѣ бывшаго храма, устраивался нынѣшній придѣлъ). Въ нижнемъ ярусѣ четыре кіота съ намѣстными образами. Самые образа не всѣ древніе; намѣстный образъ Б. Матери, какъ видно изъ церковной описи, замѣненъ въ 1858 году. Но кіоты, съ рѣзными ажурными колонками, несомнѣнно старинные, хотя, видимо, сборные, такъ какъ въ характерѣ рѣзьбы, орнаментовъ, замѣчается разнообразіе. Крайній лѣвый кіотъ (съ иконой Б. Матери) имѣетъ близкое сходство съ среднимъ кіотомъ (гдѣ икона Спасителя) и очевидно до 1858 г., когда была обновлена и украшена намѣстная икона Б. Матери,

составлялъ ему пару. Теперь причтъ предположилъ возвратить его на прежнее мѣсто, т. е. по лѣвую руку царскихъ вратъ.

Еще лучше сохранился древній жертвенникъ, въ лѣвомъ углу алтаря. Онъ представляетъ собою полукруглый шкапъ съ дверками—типъ, весьма любимый въ старой Малороссіи. Судя по характеру живописи и украшеній, я отнесъ бы его къ XVII ст.

Въ средней части храма, ниже купола, по стѣнамъ развѣшены изображенія семи Вселенскихъ соборовъ, писанныя на холстѣ, въ деревянныхъ рамахъ. Епархіальное начальство признало нужнымъ реставрировать (съ возможнымъ сохраненіемъ старинной живописи) эти изображенія, такъ какъ во многихъ мѣстахъ краска отъ времени потрескалась. Авторъ путевыхъ замѣтокъ о Полтавѣ, П. Свиньинъ, видѣвшій эти изображенія въ 1830 г., отзывается о нихъ такъ: „Семь Вселенскихъ соборовъ, писанныхъ въ 1676 году какимъ-то Герасимомъ Нѣмымъ—и довольно хорошо“ [1]). Протоіерей П. Мазановъ, составившій краткое описаніе Спасской церкви, упоминаетъ, что на одномъ изъ этихъ изображеній выставленъ 1777-й годъ, „но (прибавляетъ онъ) неизвѣстно, годъ ли это сооруженія или обновленія; скорѣе можно допустить послѣднее“. Къ сожалѣнію, я не могъ близко осмотрѣть эти изображенія: они прибиты довольно высоко, а въ церкви и въ лѣтній день достаточно темно; общее же впечатлѣніе осталось у меня такое, что изображенія эти и мало художественны и не древнѣе XVIII ст. Впрочемъ, повторяю, ихъ слѣдовало бы подвергнуть болѣе тщательному осмотру.

Кромѣ иконостаса, жертвенника и изображеній Вселенскихъ соборовъ, въ Спасской церкви хранится нѣсколько иконъ, заслуживающихъ вниманія:

1. За правымъ клиросомъ, возлѣ арки, образъ св. Аѳанасія, патріарха Константинопольскаго, мощи котораго почиваютъ въ Лубенскомъ (Полт. губ.) монастырѣ. Подпись свидѣтельствуетъ, что этотъ образъ писанъ въ мартѣ 1655 года, т. е. годъ спустя послѣ кончины святителя († 5 апрѣля, 1654 г.) и за 7 лѣтъ до его прославленія (мощи св. Аѳанасія открыты 1 февр. 1662 г.). Живопись довольно грубая. Внизу нарисованъ Лубенскій монастырь крайне неискусно, безъ соблюденія перспективы. Къ сожалѣнію, археологическая цѣнность этой иконы значительно

[1]) Отечеств. Записки, томъ 42.

ослабляется тѣмъ, что (какъ видно изъ подписи) она была подновлена въ 1813 г. стараніемъ протоіерея Самойловича и его жены.

2. На аркѣ, отдѣляющей притворъ отъ средней части храма, очень старинный образъ на полотнѣ, изображающій снятаго со креста Спасителя на колѣняхъ у скорбящей Б. Матери, грудь которой пронзена мечами; вдали Голгоѳа и крестъ; внизу слѣдующія силлабическія вирши:

О болѣзнь, о жалость! Сынъ зрится пробожденный,
Язвляетъ мечъ утробу Дѣвы изощренный.
Зри затворены очи, не имущи свѣта,
Жаждный языкъ во крови, не дающъ отвѣта;
Зри кровь, воду, текущи отъ святого боку,
Язву отворенную, широку, глубоку;
Виждь всего уязвленна, пробитые нозѣ,
Руцѣ, сотворши вся, пробиты гвоздьми сквозѣ.

3. Въ алтарѣ, на южной стѣнѣ, оправленная въ золоченую раму, икона Преображенія Господня. Вверху, въ облакахъ, Богъ Отецъ, на вершинѣ горы преобразившійся Христосъ, по сторонамъ отъ Него, на облакахъ, Богоматерь и арх. Михаилъ; внизу, подъ горою, три апостола, а по сторонамъ, въ облакахъ, пророкъ Илія и Моисей. Отъ всѣхъ ликовъ идутъ въ разныхъ направленіяхъ библейскіе тексты. Все это занимаетъ лишь верхнюю половину иконы; нѣсколько ниже ея центра изображенъ какой-то храмъ, а еще ниже гербъ, изображающій на золотой цѣпи такой же крестъ, украшенный цвѣтными камнями, а вокругъ него на зеленомъ полѣ инициалы: М. Л. М. В. П. А. Н. Г. Надъ щитомъ архіерейская митра съ крестомъ, такой-же жезлъ и что-то въ родѣ трости. Гербъ съ обѣихъ сторонъ поддерживаютъ ангелы, другою рукою держащіе рогъ изобилія, наполненный плодами. Икона писана на деревянной доскѣ, на оборотѣ которой, среди выцвѣтшаго орнамента, написано: „1770 года, мѣсяца октобрія, 23 дня“. Мы нарочно описали такъ подробно эту икону, потому что въ изображенномъ на ней храмѣ нѣкоторые хотятъ видѣть точное изображеніе Полтавской Спасской церкви, сгорѣвшей въ 1704 году. Впервые это мнѣніе высказалъ прот. П. Мазановъ, [1]) бывшій въ 1860-хъ

[1]) Въ составленной имъ брошюрѣ: „Полтавская Спаса-Нерукотвореннаго образа церковь“ и пр. Полтава, 1891 г. (второе изд.), стр. 11 и 17.

годахъ священникомъ Спасской церкви и отыскавшій самую эту икону гдѣ-то на церковномъ чердакѣ. Но его мнѣнію противорѣчитъ прежде всего дата—1770 г. Нельзя также допустить, чтобы это было изображеніе Спасской церкви, построенной въ 1706 г., послѣ пожара, ибо она была деревянная и объ ея архитектурѣ мы можемъ судить по сохранившемуся ея придѣлу—нынѣшней Спасской церкви; между тѣмъ на иконѣ изображенъ несомнѣнно *каменный* храмъ, съ круглыми по угламъ башнями и такими же тремя притворами, съ полуциркульными окнами, массивными карнизами. По формѣ куполовъ (пяти или семи—трудно съ точностью опредѣлить), фронтоновъ и щитовъ, храмъ этотъ очень напоминаетъ Кіевскіе храмы, построенные или передѣланные въ XVII—XVIII вв. Но иниціалы на гербѣ не соотвѣтствуютъ имени и титулу ни одного изъ южно-русскихъ іерарховъ XVII—XVIII ст. По стилю письма можно утверждать, что эта икона написана въ Малороссіи въ XVIII ст., но какой именно храмъ изображенъ на ней и чей гербъ—остается загадкой.

Утварью Спасская церковь вообще очень бѣдна. Изъ болѣе старинныхъ вещей заслуживаютъ упоминанія:

1. Дарохранительница безпробнаго серебра, имѣющаго форму церковки; на ней изображеніе Нерукотвореннаго Спаса.

2. Три различной величины кипарисныхъ креста въ серебряной оправѣ, съ серебряными низкой пробы подножіями. На одномъ изъ нихъ вырѣзана надпись: „Сей крестъ надалъ рабъ Божій Іоаннъ Краснопѣровъ, судья Полтавскій, до храму св. Спаса, 1706 года, мѣсяца марта 1 дня.“

3. Евангеліе Виленской печати 1644 г., въ листъ, отдѣланное въ черный бархатъ съ накладнымъ серебрянымъ на лицевой сторонѣ изображеніемъ Воскресенія Христова. По листамъ внизу надпись: „Року Божого ҂аχмѕ, мѣсяца марта ӏ҃ дня. Во имя Отца и Сына и Духа Святого Аминь. Сию кныгу, рекомее Евангелие Тетръ отмѣнилъ рабъ Божий... кумъ.. (вытерто слово) Имоненко за свое отпущеніе грѣховъ и за жоны своеи Ѳеодоры, и за сына своего Григория и Мотри, дщери его Агаѳіи и внука Костя, и я засьрабъ Божий Иванъ Домченко отмѣнилъ за жоны своеѣ Настасиѣ и за сына его Лукияна и Маріѣ, дочки его, за отпущеніе грѣховъ своихъ, и предали ее вѣчными часы до храма Вознесенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа в селѣ въ Трибуховцахъ, въ повѣтѣ Хмелницкомъ, при священнику отцу Захариѣ, въ державѣ его милости пана Любомирского. А хто бы мѣлъ тую книгу отда-

лити от церкви вышреченноѣ, любъ священникъ який, любъ діяконъ, любъ с простих людей, нехай будетъ (проклятъ—*затерто*) в сей вѣкъ и въ будущий, анаѳема и Маранаѳа. А вы, священници, чтуще книгу сию, поминайте всѣхъ родичовъ Кумовихъ Ивановихъ по имени ихъ. Аминь" [1]).

4. Евангеліе большое Московской печати 1703 г., съ сплошными съ обѣихъ сторонъ вызолоченными досками безпробнаго серебра. На лицевой сторонѣ литое изображеніе Распятія, по угламъ литыя изображенія евангелистовъ, на оборотной сторонѣ посрединѣ Преображеніе Господне, сверху Нерукотвор. Образъ. На нижней доскѣ вырѣзана риѳмованная надпись:

„Стараніемъ и прикладомъ Петра Яковлевича, въ Божію славу,
До церкви Преображенія Господня, во градъ Полтаву,
1703 року, егда воплотися Богъ Слово,
Мѣсяца марта въ 7-й день свершися готово.
Зроблено сіе Евангеліе въ царствующемъ Москвѣ-градѣ,
Коштомъ Андрея ктитора, спасенія своего ради.
Сребра фунтовъ 12 стало въ роботѣ,
Червонныхъ золотыхъ 20 пошло въ позолотѣ".

По листамъ внизу надпись: „Сіе Евангеліе святое за спасеніе свое купилъ въ печатномъ дворѣ въ царствующому градѣ Москвѣ за сем рублей безъ окладу сребрнаго, за свои денги власпіе, до церкви Преображенія Господня Полтавскои, Петръ, Якова Шимоновича, старожитного мещанина и ктитора тоеи ж церкви, сынъ. Року 1705, въ мѣсяцѣ генварѣ, за священства Іоанна Свѣтайла" [2]).

5. Старинная плащаница на малиновомъ атласѣ.

Соборная Успенская Церковь.

Каменная, пятикупольная, типа Кіевскихъ церквей конца XVII в. Начата была постройкой (вмѣсто прежней деревянной, перенесенной въ с. Ивашки, Полт. у.) въ 1748 г. коштомъ и стараніемъ тогдашняго Полтавскаго полковника Андрея Горленка, полкового судьи Григорія Сахновскаго, полкового обозного Андрея Руновскаго, войскового товарища Дмитрія Бѣлухи и другихъ,—иначе сказать, въ ея постройкѣ принимала участіе вся тогдашняя полковая старшипа и жители Полтавы. Контрактъ на постройку былъ заключенъ 8 ноября означеннаго года съ мастеромъ Стефаномъ Стабанскимъ, отъ имени старшинъ и четырехъ „ктиторей", въ цѣнѣ 3,000

---

[1]) Это Евангеліе теперь хранится не въ Спасской церкви, а въ соборной Успенской.

[2]) И это Евангеліе хранится въ ризницѣ соборной церкви.

рублей, не считая харчей. Всѣ распоряженія по постройкѣ шли черезъ полковую канцелярію, а отчеты представлялись въ полковую счетную коммиссію. Въ декретахъ Полт. полковаго суда 1750—1752 гг. мы нерѣдко встрѣчали такого рода приговоры, что невольные убійцы и другіе преступники, подлежавшіе по закону тяжкой карѣ, взамѣнъ ея, присуждались „къ роботѣ новосозидаемой Полтавской каменной соборной церкви“ на годъ и даже на три года, „подъ роспиську ктиторей“. Не смотря на все это, постройка шла очень медленно. Въ 1751 г. стѣны были выведены только до оконъ. Стабанскій часто жаловался на „контрактодавцевъ“ за „невистарченье потребныхъ матеріаловъ“; происходили несогласія и между самими ктиторами. Благодаря этому, церковь была окончена лишь въ 1770 году. Въ устройствѣ иконостаса принималъ участіе щедрыми пожертвованіями извѣстный покоритель Крыма, князь Василій Михайловичъ Долгорукій.

Первоначальный видъ храма нѣсколько измѣненъ капитальными передѣлками, какимъ онъ подвергся въ 1899 году: съ западной стороны сдѣлана новая пристройка, внутри сняты два переднихъ массивныхъ столба, хоры отодвинуты къ западной (вновь построенной) стѣнѣ, иконостасъ замѣненъ новымъ, стѣны расписаны и т. под.

Отдѣльно стоящая колокольня построена въ 1774—1801 годахъ. На ней существуетъ извѣстный колоколъ „Кизикерменъ“, отлитый въ 1695 г., но уже въ *перелитомъ* видѣ (послѣ разбитія), хотя и съ сохраненіемъ прежнихъ надписей и изображеній; именно, на немъ изображены: крестъ, образъ Б. Матери, гербъ полковника Герцика и слѣдующая виршевая надпись:

Въ року тысяча шестьсотъ девятдесятъ пятомъ,
По славномъ Кизикерменѣ, отъ християнъ взятомъ,
За царства росскихъ царей Петра, Іоанна,
За гетманства Мазепы, Богомъ дарованна,
Сооруженъ ест звонъ сей ку Божіей славѣ
До храму Успенія во градѣ Полтавѣ
Изъ штукъ Казикерменскихъ арматныхъ здобычнихъ,
З придатками матерій, до звона приличныхъ,
Коштомъ его милости войскъ полтавскихъ вожа,
Павла Семеновича, Украины строжа.

Дѣлалъ Аѳанасій Петровичъ.

Эта надпись ясно показываетъ происхожденіе колокола. Въ 1695 г. козаки взяли турецко-татарскую крѣпость Кизикерменъ, и изъ отбитыхъ у у турокъ пушекъ („изъ штукъ арматныхъ здобычныхъ") тогдашній Полтавскій полковникъ Павелъ Семеновичъ Герцикъ велѣлъ отлить колоколъ; вѣсилъ онъ около 150 пудовъ; подвергся разбитію въ 1860-хъ годахъ; перелитъ въ 1890 г.

По свидѣтельству автора „Записокъ о Полт. губерніи" Н. Арандаренка (часть Ш, стр. 37—40), въ соборной Полтавской церкви были еще слѣдующіе старинные предметы: 1) въ алтарѣ хранилась древняя икона св. Василія, на золотомъ полѣ, перенесенная сюда изъ церкви с. Яковцовъ, Полт. у. Эта икона была изрѣзана на шахматную доску; 2) на простѣнкахъ церкви были двѣ иконы: одна изображала св. пророка Елисея и свят. Меѳодія, празднуемыхъ 14 іюня, а другая—апостоловъ Петра и Павла (29 іюня). Подъ первой изображена была атака Перекопской крѣпости подъ начальствомъ князя В. М. Долгорукаго 14 іюня 1771 г., а подъ второю—побѣда надъ турками при Каѳѣ и занятіе этого города кн. Долгорукимъ 29 іюня 1771 г. Подъ каждою изъ этихъ иконъ были рѣзные гербы князей Долгорукихъ; 3) тѣ же гербы нарисованы были и на иконостасѣ, подъ намѣстными иконами, съ стихотворными надписями въ честь покорителя Крыма князя Вас. Мих. Долгорукаго; и 4) много иконъ старинной, весьма хорошей работы, судя по письму и рѣзьбѣ, принадлежавшихъ еще старой, деревянной соборной церкви. Но въ настоящее время ничего этого нѣтъ. На наши разспросы была получена справка отъ протоіерея Уралова, долгое время служившаго при соборѣ, что прежній иконостасъ, съ гербами кн. Долгорукихъ, давно проданъ въ с. Безсалы, Лохв. уѣзда, а остальныхъ старинныхъ иконъ не было уже въ соборѣ за его память, и ему ничего неизвѣстно, когда и какъ онѣ исчезли.

Въ настоящее время въ ризницѣ собора хранятся: а) старинный поясной портретъ покорителя Крыма, князя Василія Михайловича Долгорукаго, при жизни жертвовавшаго на украшеніе этого храма; б) старопечатныя евангелія, поступившія сюда изъ Спасской церкви (о нихъ сказано выше); в) хрустальный бокалъ, по преданію Екатерининскій, съ изображеніемъ государств. герба и съ вензелемъ (сочетаніе буквъ Е и Р подъ короной), и г) 26 знаменъ Полтавскаго ополченія 1812 и 1855 годовъ.

Воскресенская церковь.

Каменная, о 5-ти главахъ, очень красивой архитектуры, построена въ 1775 г. тщаніемъ мѣстнаго гражданина Руденка, на мѣстѣ прежней деревянной, перенесенной въ с. Гуджулы, Полтавскаго уѣзда.

Иконостасъ не древній—1850-хъ годовъ. Горнее мѣсто въ главномъ алтарѣ, по характеру живописи и орнаментовъ, повидимому, конца XVIII ст.; письмо темное, но хорошее. Въ алтарѣ лѣваго придѣла (Василія Великаго), на горнемъ мѣстѣ уцѣлѣлъ старинный образъ І. Христа, очевидно когда-то *намѣстный*, хорошаго южно-русскаго письма, въ Византійскомъ стилѣ, на золоченомъ съ узорами полѣ. Рама кіота, съ золочеными рѣзными завитушками, носитъ характеръ XVII—XVIII вв.

Въ церкви хранится вдѣланная въ стѣну мѣдная доска въ 2 квадратныхъ аршина, на которой выгравирована Полтавская баталія, съ подробнымъ изображеніемъ Полтавской крѣпости, полевыхъ укрѣпленій и движенія войскъ въ тотъ моментъ, когда шведы были опрокинуты. Вверху изображенъ молящійся св. Сампсонъ, а внизу стихи и надпись:

„Полтавской брани видъ являетъ сей металлъ,
Какъ въ день Сампсоновъ Карлъ, сраженъ Петромъ, инспалъ;
Самъ сдѣлалъ Богъ съ небесъ начало Русской славы.
Руденко, гражданинъ усерднѣйшій Полтавы,
Котораго отецъ въ той самой битвѣ былъ
И вольность чрезъ Петра изъ плѣна получилъ,
Въ благодареніе Всевышнему Сіону,
Построилъ каменный священный храмъ Сампсону,
Въ хвалу жъ Петровыхъ дѣлъ, грядущихъ въ память дней,
Средь стѣнъ отечества поставилъ образъ сей.

„Въ 69-е лѣто отъ побѣды подъ Полтавою, отъ созданія міра 7286 года, отъ Р. Хр. 1778, въ благополучное и славное царствованіе Екатерины Алексѣевны Вторыя, Императрицы и Самодержицы Всероссійскія.“

„Надпись соч. Г. Рубанъ, надворный совѣтникъ, въ С.-Петербургѣ.

„Рисована и гравирована подъ смотрѣніемъ Императ. Академіи Наукъ. Гравировалъ Патрикій Балабанъ“.

Доска эта первоначально помѣщалась въ устроенномъ Руденкомъ въ 1778 году въ Полтавѣ памятникѣ, представлявшемъ собою каменный

оштукатуренный столбъ съ короной на верху. Этотъ столбъ впослѣдствіи (ранѣе 1804 года) почему-то былъ разобранъ, а доска перенесена въ Воскрес. церковь, въ устроенный тѣмъ же Руденкомъ Сампсоніевскій придѣлъ.

Изъ другихъ старинныхъ предметовъ, хранящихся въ Воскресенской церкви, заслуживаютъ вниманія три старыхъ плащаницы:

1) На зеленой плотной шелковой матеріи, $1^3/_4$ арш. длины и $^3/_4$ ширины, лежащій Христосъ изображенъ сбоку (въ профиль). Внизу подпись: „Сію плащеницу отмѣнилъ рабъ Божій Юрый Грекъ Анътыевичъ с женою своею Маріею Іосифовьною. Року Божого ҂аѱ҃ни". Впослѣдствіи плащаница нашита на большій по размѣрамъ шелковый вишневаго цвѣта платъ съ золотымъ шитьемъ по краямъ; шитье по искусству скромное.

2) Плащаница на красной шелковой матеріи, 3 арш. длины и около $2^1/_4$ арш. ширины; кайма въ $^1/_4$ арш. шириною расшита золотомъ довольно сложнымъ орнаментомъ. Очень хорошо написано лицо Спасителя— спокойное выраженіе спящаго. У ногъ Христа надпись: *1776 года.* Для ношенія плащаницы, по угламъ и къ срединѣ полотнища пришиты особыя тесьмы съ золочеными кистями.

3) Плащаница на темно-вишневомъ бархатѣ, безъ обычнаго стиха: „Благообразный Іосифъ", но съ прелестнымъ серебрянымъ шитьемъ по краямъ; узоръ шитья очень художественный. Размѣръ: длина около $2^3/_4$ арш., ширина около $5^1/_2$ четвертей. Христосъ лежитъ на спинѣ; лицо старообразное. Даты нѣтъ, но видимо конца XVIII или начала XIX ст.

Николаевская церковь.

Каменная, построена въ 1774 году. Находящаяся въ верхнемъ этажѣ теплая Георгіевская церковь устроена въ 1856 г.

Въ нижней церкви иконостасъ и въ алтарѣ горнее мѣсто—колоритное южно-русское письмо, но не древнѣе конца XVIII или начала XIX ст. Направо отъ намѣстнаго храмового образа находится кіотъ, а въ немъ мѣстно чтимый старинный образъ св. Николая (въ ризѣ), но письмо подновлено. Въ алтарѣ возлѣ жертвенника, налѣво, небольшая икона подъ серебряною шатою—годовые праздники—старинное миніатюрное письмо, но, кажется, великорусское.

Напрестольное Евангеліе (въ большой листъ), Московск. изд. 1766 г., имѣетъ на 6 листѣ приписку: „Семена Письменого, козака куреня Іркліевского, въ церковъ свято-Николскую Полтавскую“.

Въ ризницѣ старинныя плащаницы:

1) На блѣдно-голубой шелковой матеріи, безъ подкладки, длиною около 3 арш., шириною около 2 арш. 3 вершковъ, составленной изъ трехъ полотнищъ, посрединѣ лежащій Христосъ; вокругъ, въ особыхъ ободкахъ на красномъ фонѣ съ золот. орнаментами, изображены орудія Его страданій; далѣе идетъ вокругъ стихира: „Благообразный Іосифъ, съ древа снемъ пречистое тѣло твое, *благоуханми*“ (и проч.). Послѣдняя кайма—золотые орнаменты и цвѣты. Съ боковой стороны, обращенной къ знаменующимся, вдоль изображенія Христа, выписана стихира: „Плотію уснувъ яко мертвъ“... Въ углу нижней каймы надпись красною краскою: *1782 года, марта*“. Кромѣ изображенія Спасителя, всѣ остальныя изображенія и надписи сдѣланы золотомъ прямо на шелку. Вышивокъ вовсе нѣтъ.

2) На блѣдно-зеленомъ атласѣ, длиною около 2 арш., Спаситель возлежитъ съ протянутыми вдоль туловища руками. По угламъ 4 евангелиста. Въ каймѣ—орудія страстей, далѣе стихира: „Благообразный Іосифъ... *благоуханми.*“ Всѣ украшенія, надписи и самое изображеніе сдѣланы красками и золотомъ прямо на матеріи; шитья нѣтъ вовсе. У ногъ Спасителя красною краскою помѣчено: „*Писано 1798 года*“.

Въ ризницѣ той же церкви имѣется шитый разноцвѣтнымъ гарусомъ *рушникъ* (полотенце) очень красиваго узора, старосвѣтскаго шитья, на тонкомъ холстѣ. Видимо, онъ предназначался для занавѣси надъ образомъ.

Между богослужебными книгами находится требникъ П. Могилы, безъ начальныхъ листовъ, а въ церковной библіотекѣ рѣдкая книга:

Kazania na swięta doroczne, przez Fabiana Birkowskiego, zakonu sw. Dominika kaznodzieyskiego napisane. W Krakowie, Roku 1628. Częsć wtora, tomu wtorego (безъ конца). Здѣсь же въ одномъ переплетѣ есть и первая часть, но безъ начала.

Въ верхней, теплой церкви (св. Георгія) живопись хорошая, но не древнѣе постройки самой церкви (т. е. 1856 г.). Сохранилось лишь 4 иконы (на стѣнахъ, 2 вправо и 2 влѣво) изъ старой Георгіевской церкви, отдѣльно стоявшей до 1856 г., очень хорошаго письма, но онѣ видимо были подновлены.

Отдѣльно стоящая каменная двухъ-ярусная колокольня построена въ 1784 году.

Срѣтенская церковь.

Приходъ существуетъ съ 1683—84 г., когда впервые построена была деревянная трехглавая церковь, отъ ветхости разрушившаяся въ 1781 году. Нынѣшній каменный храмъ (5-ти купольный) построенъ въ 1782—1786 гг., а колокольня въ 1851 г.

Иконостасъ и горнія мѣста въ главномъ и придѣльныхъ алтаряхъ не древнѣе самаго храма, но и эта сравнительно старинная живопись подновлена.

При входѣ изъ притвора въ храмъ, по правой сторонѣ, у столба, кіотъ съ иконой Б. Матери, устроенный и богато украшенный въ 1811 году знаменитымъ въ свое время операторомъ Моренкомъ, Полтавскимъ уроженцемъ.

Церковной утвари и ризницы мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось осмотрѣть, за отсутствіемъ настоятеля, куда-то уѣзжавшаго изъ города. Изъ напечатаннаго же въ 1875 г. въ „Полт. Епарх. Вѣдомостяхъ" описанія Срѣтенской Церкви (свящ. Бельговскаго) видно, что въ ризницѣ должны находиться слѣдующіе старинные предметы:

1) Напрестольное Евангеліе, напеч. въ Кіевѣ въ 1697 г., а въ немъ по листамъ надпись: „Року 1706, мѣсяца октября 4 дня, я рабъ Божій Іоаннъ Перепелица, атаманъ куреня Корсунского, въ Сѣчи Запорожской, по обѣщанію своему, надаю сіе Евангеліе до храму Срѣтенія Господня, въ Полтавѣ, на предградіи обрѣтающагося, которое вѣчными часы от предреченного храму и въ немъ будучого божественнаго престола не повинно отдалятися. А смѣлъ бы хто самовластно втручатися и присвоевати, таковый да будетъ подобенъ Даѳану и Авирону, аминь. Писано сіе на тотъ часъ бывшого войскового писаря Петра Краснокутского рукою".

2) Евангеліе Московской печати 1698 г.

3—4) Два Евангелія (въ четверть листа) Кіевской печати 1746 и 1773 годовъ.

5) Большой кипарисный крестъ въ серебряной позолоченной оправѣ, съ пьедесталомъ, на которомъ вырѣзано: „Сей крестъ здѣланъ до храму Срѣтенія Господня полтавскимъ мѣщаниномъ Денисомъ Есипенкомъ и женою его Татіаною 1776 года, декабря 14 дня."

6) Меньшій кипарисный крестъ, тоже въ серебряной позолоченной оправѣ съ пьедесталомъ и надписью: „Сей крестъ здѣланъ коштомъ козака Сѣчи Запорожской, куреня Ирклѣевского, Семена Письменого, въ городъ Полтаву, до храму Срѣтенія Господня, 1775 года".

Въ церковной библіотекѣ имѣются старопечатныя изданія:

1) Тріодь цвѣтная Львовской печати, неизвѣстно котораго года (выходной листъ вырванъ), а въ ней по листамъ надпись, указывающая, что эта книга пожертвована въ 1631 г. „до церкви Воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа на рынку". Если здѣсь разумѣется Полтавская Воскресенская церковь (она стояла точно „на рынку" въ XVII ст.), то эта запись почти современна основанію самого города Полтавы.

2) Минея на сентябрь, изданная въ Москвѣ, въ 1645 году, съ слѣдующею по листамъ надписью: „Лѣта отъ созданія міру ҂зр҃зг августа ін дня, великій Государь, Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Руссіи Самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, пожаловалъ сію книгу Минею, мѣсяцъ сентябрь, Македонскія земли въ Логоянинской монастырь, при архіепископѣ Даніилѣ съ братіею.. (*далѣе слѣдуетъ другая уже рука*), которые книги оный архіерей продалъ отцу Максиму Климовичу, священнику Ольшанскому; сей же священникъ, недостаточества ради своего, продалъ ю пану Михаилу (далѣе стоитъ слово въ обчеркахъ, котораго нельзя разобрать) Радіону Ханенку, полковнику Уманскому; сей же Радіонъ со женою своею, отмѣнивши, вдаде ихъ за отпущеніе грѣховъ своихъ, отца своего Стефана, матки своеи Маріи и чадъ своихъ Павла и инныхъ, преподастъ (?) церкви Успенія Пресвятыя Богородицы въ градѣ Умани, и вручи ихъ братству тои церкви, року ҂ахон (т. е. 1678), декабря кд дня.

3) Требникъ Черниг. печати 1763 г.

4) Требникъ той же печати 1754 г.

5) Требникъ П. Могилы (безъ выходного листа).

6) Тріодь постная Кіевской печати 1716 г.

7) Огласительныя и тайноводственныя слова Кирилла Іерусалимскаго 1 книга, Черниговской печати 1771 г.

8) Метрическая книга Срѣт. церкви съ 1741 по 1756 годъ.

и 9) Двѣ просительныя книги 1778 и 1781 гг. на постройку нынѣшней церкви.

Крестовоздвиженскій монастырь.

Расположенъ въ одной верстѣ отъ города, на отдѣльномъ возвышеніи, въ очень живописномъ мѣстѣ. Основанъ въ 1650-хъ годахъ игуменомъ Лубенскаго монастыря Каллистратомъ, при матеріальномъ содѣйствіи тогдашняго Полт. полковника Мартына Пушкаря, Ивана Искры, Ивана Крамаря и другихъ жителей Полтавы. Подвергался разоренію въ 1693 отъ Татаръ и въ 1709 г. отъ Шведовъ, которые, занявъ монастырь, поставили тамъ свои пушки и оттуда громили ближайшіе бастіоны Полтавской крѣпости.

Нынѣшній главный монастырскій храмъ построенъ въ первой половинѣ XVIII ст. сыномъ извѣстнаго (погибшаго за доносъ на Мазепу) Василія Леонтьевича Кочубея, Полтавскимъ полковникомъ Василіемъ Васильевичемъ Кочубеемъ (умершимъ въ 1743 г.), получившимъ за то отъ монастыря имѣніе Требы, близъ Полтавы, съ лѣсомъ, сѣнокосомъ и мельницею. Храмъ этотъ каменный, Византійской архитектуры, крестообразной формы, о семи главахъ и четырехъ престолахъ—два внизу и два на хорахъ. Иконостасъ во всю высоту храма, въ три съ половиною яруса, типичнаго южно-русскаго стиля, вѣроятно современенъ построенію самаго храма; на немъ старинная ажурная рѣзьба, всѣ иконы прекрасной работы.

На средней колоннѣ храма, съ лѣвой стороны, находится икона св. Ѳеодора Стратилата, въ серебряной ризѣ, на которой такая надпись: „Здѣлана святая икона сія 1707 года, мѣсяца февраля 7 дня, въ мѣру тогда родившагося Ѳеодора Матвѣевича (Воейкова), бывшаго генералъ-аншефа, Кіевскаго генералъ-губернатора и Новороссійской губерніи главнаго командира, который преставился въ Кременчугѣ 1778 года, мѣсяца августа 9 дня и погребенъ былъ 11 дня въ соборной Преображенской Кременчугской церкви, въ склепу, а по желанію супруги его Елены Петровны съ фамиліею, за благословеніемъ архіепископа Словенскаго и Херсонскаго Никифора, вынятъ и въ Крестовоздвиженской Полтавской монастырь перевезенъ и въ склепу жъ положенъ 1781 года, генваря 19-го дня“.

Другихъ старинныхъ иконъ нѣтъ.

Изъ церковной утвари заслуживаютъ упоминанія:

1) Серебряная дарохранительница, по мѣстамъ вызолоченная, съ литыми на ней изображеніями, вѣсомъ въ 20 фунтовъ. Сооружена въ 1758 году.

2) Кружка старинная серебряная, съ крышкою и рукояткою, снаружи мѣстами, а внутри вся позолоченная, съ выпуклыми изображеніями четырехъ временъ года, съ слѣдующею на подножіи надписью: „Elicsabeth Pollionen Wirib 1661." Вѣса въ ней 3 фунта.

3) Кружка старинная серебряная, безъ крышки, снаружи мѣстами, а внутри вся вызолоченная; на подножіи надпись: „Року 1707, мѣсяца февраля, дано до монастыря Полтавского. М. В. К. В. З." Вѣсъ въ ней 1 фунтъ 60 зол.

4) Кружка старинная серебрянная, съ крышкою и рукояткою, снаружи мѣстами, а внутри вся вызолоченная; на крышкѣ литое изображеніе льва. Вѣсъ 3 ф. 8 зол.

Изъ хранящихся въ ризницѣ 14-ти напрестольныхъ Евангелій болѣе интересны:

1) Евангеліе Львовской печати 1644 г. въ листъ небольшого формата, обтянутое зеленымъ бархатомъ. По листамъ внизу надпись: „Во Имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь. Року Божого ҂аҲчн мѣсяца априля дня кг, я рабъ Божий Марко Максимовичъ Корженко, обыватель града Тясмина, слуга и товаришъ Войска Запорозского, купилъ сию книгу Богодхновенную, рекомую Евангеліе Тетръ, еже ест напрестолное, за свое отпущеніе грѣховъ, жены моее Татяны и чадъ моихъ отъ Бога данныхъ Тимоѳея и Агафиѣ, и всѣхъ родичовъ моихъ: отца Савы, матки Вивдѣ, такъ и чадъ Константия и Татияны, и другого отца Максима, матки Татияны, и отдаю его до храму Покровы пресвятыя чистыя Дѣви Богородици, яже ест въ Тясминѣ козацкая, при служителю иерею отцу Тихону, на честь в Троици единого Бога и на похвалу пресвятыя Дѣвы Богородици и на оздобу церкви Божои Покровскои, а отдаю его вѣчными часы, не отдаляючы отъ храму вышпомененого Покровы такъ а нѣ я самъ, а нѣ жаденъ съ кревныхъ моихъ, а нѣ жаденъ священикъ, а нѣ клирикъ, а нѣ от простихъ людей, одно вѣчными часы отдаю его до храму и престола Покрови св. Богородици козацкого въ Тясминѣ. А хто бы мѣлъ его отдалити от храму вышпомененого, таковый анаѳема, проклятъ по три кротъ въ вѣчныи муки (sic!). Аминь. Купылемъ еи у отца Алексея Кондратовича, священника з Вергунова села, далемъ за нея

сумы готовихъ грошей злотихъ к҃ѕ при отцу Тихону, священнику козацкомъ Тясминскимъ, и иритомности Иоана, на тот часъ пира (писара). Богу в Троици единому слава и хвала на вѣки".

2) Евангеліе Московской печати 1657 г., въ листъ, въ сплошной мѣдной позолоченной оправѣ, съ пятью изображеніями на лицевой и однимъ (Іоанна Предтечи) на оборотной сторонѣ. Безъ надписей.

3) Евангеліе Московской печати 1681 г.. въ листъ. Безъ надписей.

4) Евангеліе Львовской печати 1670 г., въ листъ. Безъ надписей.

5) Евангеліе Московской печати 1748 г. въ листъ большого формата, по листамъ надпись: „Сие Евангелие дал вкладу в святую обитель Полтавскую монахомъ іеросхимонахъ Іосифъ Левицкий, постриженецъ святои Троицкиы Сергіевы Лавры, 1751 году".

и 6) Евангеліе въ 4-ю долю листа, въ бархатномъ малиновомъ переплетѣ, на *грузинскомъ языкѣ*, напечатанное въ Тифлисѣ, въ 1709 году.

Монастырская библіотека (помѣщается на хорахъ) оказалась довольно богатой старопечатными богослужебными и учительными книгами. Въ ней находятся:

1) „*Книга* иже во святыхъ отца нашего Василія Великаго... З друкарнѣ Острозское выдана есть в лѣто... 1594, мѣсяца марта 3 дня." Превосходно сохранившійся полный экземпляръ, съ надписью по листамъ (почеркомъ XVII ст.) относительно принадлежности этой книги Полтавскому монастырю.

2) Другой экземпляръ той же книги, столь же хорошо сохранившійся и съ такою же надписью.

3) *Бесѣды І. Златоустаго* на посланія ап. Павла; Кіевской печати 1623 года.

4) *Бесѣды І. Златоустаго* на Дѣянія св. Апостолъ, Кіевской печати 1624 года. Внизу по листамъ надпись: „Сию книгу Дѣянія святыхъ Апостолъ отменили благородныи рабы Божіи Ісаія Малъхиненко и Θеодоръ Цомкало, обыватели мѣста Полтавы, и надали на свой монастыръ Полтавский всемирного Воздвиженія Честного Креста въ здравіе и спасеніе и отпущеніе грѣховъ своихъ, такъ тежъ подружія своего и чадъ своихъ всѣхъ. Року 1654 года, мѣсяца Септеврия 16 дня" [1]).

[1]) Эта надпись представляетъ документальное свидѣтельство, что Полтавскій монастырь существовалъ уже въ 1654 году.

5) *Бесѣды I. Златоустаго* на Евангеліе Матөея безъ выходного листа,—но очевидно Московское изданіе 1664 года. Надпись полууставная по листамъ: „Глаголемая книга сия Бесѣды Златоуста на св. Евангеліста Матөея Толкованія монастыря Полтавского всемирного Воздвиженія Честного и животворящаго Креста Господня; наданная ест отъ благочестывого царя и великого князя Алексѣя Михаиловича".

6) *Поученія Аввы Дороөея*, напеч. въ Кіевѣ въ 1628 г.

7) *Триөологіонъ* Львовской печати, безъ выходного листа, но очевидно изд. 1641 г., съ надписью по листамъ: „Во имя Отца и Сына и св. Духа, святои единосущнои и нераздѣлимои Троици, станься ку вѣчной памяти, аминь. Иж всѣ речи с памяти людской сплываютъ и в забытие ума приходятъ, для того ж бываютъ письмомъ святымъ обяснени, абы то и на потомныи часы зоставати мѣло; прото я рабъ Божий Иванъ Ильяшенко Мазаный, обыватель Зинковъский, отмѣнилъ сию книгу, глаголемую Триөолой, друку Ілъвовского, за здоровье и спасение гриховъ, власное зобрание (sic), до мѣста Зенкова, на Груни Ташанской, в маетности Его Королевской милости, на тот часъ властителя и обладателя его милости пана кашталяна великого пана Краковского, хоронжого корунного, Александра на Конецполю Конецполского, и пана державцы пана Витовского, подстаросты Зинковского, ихъ милостей козаковъ Войска Запорозкого и за настоятеля храму отца Евъфимия, на тотъ часъ бывшаго священника Пречиского Зинковского, до храму Рождества Пресвятыя Богородици. А хто бы мѣлъ сию книгу от того храму яковымъ способомъ украсти албо продати, на таковового накладую, нехай будеть клятый отъ святыхъ отецъ 318 иже въ Никеи. Писано року ҂ахма мѣсяца іюня ӡі҃ дня. Писаръ того подпису Триөолоя Іванъ Ильяшенко Мазанъ, рукою власною, при пану Ермылу Безпалченку, ктытору Зинковскому Пречискому".

Тріодь цвѣтная Московской печати *1604 г.* съ надписью: „Монастыря Полтавского Anno 1654". Внизу по листамъ болѣе старинная надпись: „Я именемъ Василий Дашковичъ, изъ жоною своею Марьею Кондратовною, придаю сию книгу до храму святои Пречистои, до Киева. А хто бы мѣлъ сію книгу отдалити отъ тои святои церкви святои Пречистои Киевскои, да нехай будеть проклятъ от святыхъ отець 318." Далѣе по листамъ третья надпись: „Сію книгу Триод надалъ на манастыръ Полтавский въ Богу превелебный Інокентий Гезіель, архимандритъ печерский, з Киева."

9 и 10) Два экземпляра книги: „*Евхологіонъ* албо Молитвословъ" (Требникъ П. Могилы), изд. въ Кіевѣ въ 1646 году. На одномъ экземплярѣ внизу по листамъ надпись: „Року ҂АХНГ мѣсяца марта дня первого книгу сию, глаголемую Требникъ Великий, видавана киръ Петра Могилы, святои памети митрополиты Киевского, друку печерского Киевского (*далѣе надпись продолжается по наклееннымъ полоскамъ бумажнымъ, закрывшимъ собою какую-то иную надпись*), отменилъ рабъ Божий Григорий Сахновичъ Лесницкій, полковникъ Войска Запорожского Миргородский, съ подружиемъ своимъ Еленою, до манастыра Полтавского Воздвижения честного и Животворящаго Креста Господня, за доброе здоровѣ и за отпущение грѣховъ своихъ. А хто бы мѣлъ собѣ привлащити, кромъ благословнои вины, таковому да будетъ анаѳема, аминь". Въ виду указанной наклейки, нельзя поручиться, что дата 1653 года относится именно къ записи полковника Лесницкаго, и не къ заклеенной надписи.

19) *Мессія правдивый*, соч. І. Галятовскаго, Кіев. изд. 1669 г., прекрасно сохранившійся экземпляръ, съ авторскою надписью по листамъ: „Сія книга отъ мене, сеи книги автора подлого, дана есть до монастыря Полтавского Воздвиженія Честного Креста, жебы тамъ за мене Бога прошено".

12) „*Духовныи Бесѣды св. о. нашего Макарія*, пустелника Египетского, о досконалствѣ христіанъ православныхъ", Виленское изданіе 1627 года, in quarto. Экземпляръ прекрасно сохранившійся, но безъ надписи.

13) *Огородокъ Маріи Богородицы*, соч. Антонія Радивиловскаго, изд. въ Кіевѣ въ 1676 году.

14) *Мечъ духовный*, соч. Лазаря Барановича, изд. въ Кіевѣ въ 1666 году.

15) *Трубы словесъ*, его же, изд. въ Кіевѣ, въ 1674 г.

15) *Вечеря душевная*, Сим. Полоцкаго, Московское изданіе 1683 года.

17) *Небо Новое*, изд. въ Могилевѣ, въ 1699 году.

18) *Служебникъ*, Львовской печати 1699 года.

Изъ многочисленныхъ изданій XVIII ст. отмѣтимъ лишь слѣдующія:

19) *Библія* въ листъ, напечат. въ С.-Петербургѣ въ 1751 году, въ пергаментномъ переплетѣ, съ надписью по листамъ: „Сия Библия архи-

мандрита Пахомія Левѣцкого, отдана въ церковь в Крестовоздвиженскій Полтавскій монастирь 1756 году, марта 16".

и 20) *Краткій Лѣтописецъ*, сост. Ломоносовымъ, издан. 1760 года.

Рукописей въ монастырской библіотекѣ пе оказалось, за исключеніемъ трехъ рукописныхъ *ирмологіевъ*:

1) Рукописная книга большого формата, въ листъ, въ золотообрѣзномъ переплетѣ. Очень красивое письмо, съ превосходными рисунками, сдѣланными перомъ и раскрашенными красками. Повидимому, рукопись XVIII вѣка.

2) Ирмологій въ поллистъ, въ переплетѣ, какъ видно изъ надписи, писанный въ Хотмышскомъ Богородицкомъ монастырѣ іеромонахомъ Іоакимомъ Сокальскимъ, въ 1769 г. По листамъ надпись: „Съ числа книгъ преосвященного Іова, епископа Переяславскаго и Бориспольскаго" [1]). Очень красивое письмо. Въ началѣ силлабическіе стихи списывателя.

3) Ирмологій того же формата, безъ обозначенія, когда и кѣмъ писанъ, но письмо болѣе старинное, чѣмъ въ предыдущихъ, и должно быть отнесено къ первой половинѣ XVIII ст. Въ началѣ каждаго гласа прекрасные рисунки, раскрашенные красками, съ красивыми орнаментами, характеръ коихъ не древній, но чрезвычайно изящный.

Отдѣльно отъ соборнаго монастырскаго храма находится другая каменная церковь во имя св. Троицы, бывшая трапезная. Она построена въ 1750 году, но въ 1864 г. подверглась полной передѣлкѣ, при чемъ старинная стѣнная живопись, иконостасъ и проч.—все это было уничтожено и замѣнено новымъ, такъ что въ настоящее время, кромѣ стѣнъ, не осталось ничего стариннаго.

Нынѣшняя трапезная церковь св. Симеона совсѣмъ новая, построена лишь въ 1887 году.

Отдѣльно стоящая монастырская колокольня, вышиною въ 22 сажени, построена въ 1786 году. По архитектурѣ она очень напоминаетъ колокольню Кіево-печ. Лавры.

До недавняго времени въ Полтавскомъ Кресто-воздвиженскомъ монастырѣ была еще одна историческая достопримѣчательность: разумѣемъ

---

[1]) Іовъ Базилевичъ былъ Переяславскимъ епископомъ съ 1770 по 1776 гг.

такъ называемую *Екатерининскую залу* въ настоятельскомъ домѣ. Вотъ ея краткая исторія и описаніе.

Съ учрежденіемъ въ 1775 г. новой Славенской епархіи, для Новороссійской и Азовской губерній, архіерейская каѳедра и консисторія для этой епархіи были открыты въ Полтавѣ, а мѣстопребываніемъ для Славенскихъ архіепископовъ избранъ былъ Полтавскій монастырь. Одинъ изъ этихъ архіепископовъ, Амвросій Серебряниковъ, жившій здѣсь съ 1786 по 1792 гг., устроилъ при архіерейскомъ домѣ лѣтнюю залу съ балкономъ, откуда открывался прекрасный видъ на далекія окрестности, и, по обычаю того времени, украсилъ всѣ ея стѣны живописными изображеніями изъ библейской и русской исторіи. Въ 1787 г. императрица Екатерина, возвращаясь изъ путешествія въ Новороссію и Крымъ, посѣтила Полтаву и, послѣ маневровъ на полѣ Полтавскаго боя, вблизи Шведской могилы, посѣтила Крестовоздвиженскій монастырь, по преданію, пила въ этой залѣ чай и съ балкона любовалась окрестностями. Когда впослѣдствіи домъ этотъ отъ времени пришелъ въ ветхость, на томъ же мѣстѣ былъ построенъ въ 1854 году новый деревянный домъ для настоятеля, при чемъ было предположено вовсе уничтожить залу съ картинами; но бывшій въ то время малороссійскій генералъ-губернаторъ С. А. Кокошкинъ настоялъ на томъ, чтобы эта историческая зала была возстановлена въ первобытномъ видѣ и всѣ изображенія были реставрированы и развѣшены на стѣнахъ въ томъ самомъ порядкѣ, какъ и прежде. Зала эта имѣла въ длину 11 аршинъ и въ ширину 9. Всѣ ея стѣны и простѣнки были увѣшаны разной величины картинами, на холстѣ, довольно уже ветхими. Кромѣ многочисленныхъ библейскихъ и церковно-символическихъ изображеній, здѣсь были двѣ историческія картины. На одной изъ нихъ (величиною въ квадратную сажень) былъ изображенъ князь Александръ Невскій на ворономъ конѣ; пораженные имъ Шведы вручаютъ ему мечи свои; вдали виднѣется городъ. Подъ картиною стихотворная надпись:

„Святый и храбрый Александръ Невскій
Духомъ отъ небесъ на градъ свой призираетъ
И на брега, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ,
Россовъ усердный защитникъ
И невидимо Петру споспѣшествовалъ“.

Другая картина, тоже величиною въ квадратную сажень, изображала Петра Великого на бѣломъ конѣ, съ мечемъ и въ кольчугѣ; ему также Шведы подаютъ свои мечи. Внизу подпись:

„Се образъ начертанъ премудраго героя,
Что ради подданныхъ лишилъ себя покоя,
Къ утѣхѣ Россовъ всѣхъ; но кто онъ былъ таковъ,
Гласитъ народъ и флотъ, художества и войски,
Гражданскіе труды и подвиги геройски.“ [1]).

Зала эта съ давнихъ временъ привлекала особенное вниманіе посѣтителей монастыря, какъ рѣдкая историческая достопримѣчательность. Мнѣ лично, въ ранней юности, пришлось быть свидѣтелемъ того, съ какимъ вниманіемъ и интересомъ осматривалъ эту залу въ 1864 году великій князь Алексій Александровичъ. Но когда въ маѣ 1901-го года я посѣтилъ монастырь и, бывши въ настоятельскомъ домѣ, пожелалъ еще разъ увидать столь хорошо мнѣ съ дѣтства памятную залу, то воочію убѣдился, что отъ нея не осталось и слѣда. Самъ настоятель монастыря, преосвященный Гедеонъ (недавно лишь сюда назначенный) не могъ мнѣ объяснить, когда именно и кѣмъ эта историческая зала уничтожена. Очевидно, это сдѣлано въ недавніе годы, ибо Полтавскіе бытописатели и понынѣ еще продолжаютъ описывать Екатерининскую залу какъ *существующую и въ настоящее время* [2]). Гдѣ теперь хранятся висѣвшія на ея стѣнахъ картины, съ точностью не умѣю сказать; нѣкоторыя (напримѣръ, изображеніе Петра Великаго, побѣдителя Шведовъ) я замѣтилъ въ одной изъ внутреннихъ комнатъ настоятельскаго дома. Въ пріемныхъ комнатахъ этого дома и теперь висятъ на стѣнахъ старинные портреты Кіевскихъ митрополитовъ, но я и въ дѣтствѣ видалъ ихъ здѣсь же. Тамъ же я замѣтилъ старинный портретъ св. Аѳанасія Лубенскаго, въ 1860-хъ годахъ помѣщавшійся въ главной монастырской церкви, на южной стѣнѣ, близъ алтаря.

Крайне желательно, чтобы всѣ находившіяся въ бывшей Екатерининской залѣ старинныя изображенія (если только они сохранились) были собраны въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ и въ цѣлости сохранены для будущихъ поколѣній, какъ интересный остатокъ временъ давно минувшихъ.

---

[1]) Снимокъ съ этой картины помѣщенъ въ „Кіевск. Старинѣ“. 1902 г., № 7—8.

[2]) См. наприм., вышедшую въ свѣтъ въ концѣ 1901 г. книгу А. Грановскаго „Полтавская епархія въ ея прошломъ и настоящемъ,“ вып. I, стр. 163—164. Лишь въ недавно изданныхъ „Запискахъ о Полтавѣ“ г. Бучневича (2-е изд. 1902 г.) мы прочли, что бывшая Екатерининская зала въ 1892 г. обращена въ ризницу, а имѣвшіяся въ ней картины „по ветхости уничтожены“. Послѣднее едва-ли вѣрно.

Рождество-Богородичная церковь въ м. Богачкѣ, Миргород. уѣзда.

Причтъ этой церкви ходатайствовалъ въ Полт. Дух. Консисторіи о дозволеніи обновить старинный иконостасъ, жертвенникъ, горнее мѣсто и сѣнь надъ престоломъ. По сношеніи Консисторіи съ Обществомъ Нестора-лѣтописца по этому предмету, мнѣ было поручено осмотрѣть означенную церковь и дать свое заключеніе о томъ, насколько возможно удовлетворить ходатайство причта безъ ущерба для интересовъ археологіи.

Нынѣшняя Рождество-Богородичная церковь въ м. Богачкѣ (деревянная) построена въ 1852 г. вмѣсто прежней, тоже деревянной, построенной въ 1710 г.; поэтому въ ней осталось очень много предметовъ изъ прежней церкви (XVIII ст.). Всего древнѣе въ ней—жертвенникъ; судя по его стилю, онъ, вѣроятно, современенъ прежней церкви, т. е. сооруженъ въ началѣ XVIII ст. Онъ имѣетъ видъ четырехъ-угольнаго шкапа, съ двумя затворяющимися стѣнками. На двухъ стѣнкахъ, примыкающихъ къ угольнымъ стѣнамъ алтаря, имѣются изображенія лишь внутри жертвенника, а на затворяющихся стѣнкахъ—внутри и снаружи; всѣ они изображаютъ страданія и погребеніе Спасителя. Кромѣ того, въ нижней части жертвенника—двѣ меньшія иконы: на одной изображенъ гробъ, а на другой веденіе изъ городскихъ воротъ двухъ связанныхъ людей. Живопись несомнѣнно старинная и хорошо сохранилась, кромѣ одной (внутренней) иконы, расколовшейся, вѣроятно, отъ сырости. Рѣзныя золоченыя украшенія представляютъ вьющіеся завитки.

Иконостасъ перенесенъ изъ прежней церкви и, какъ видно изъ старинныхъ описей, сооруженъ въ 1738 г. „сотникомъ Багацкимъ Андреемъ Стефановичемъ“, но иконы въ немъ впослѣдствіи неоднократно были подновляемы, а иныя даже замѣнены другими; такъ, напримѣръ, въ описи 1850 г. въ числѣ намѣстныхъ иконъ значится образъ Андрея Первозваннаго (очевидно—патронъ строителя-сотника), теперь же на томъ мѣстѣ образъ Введенія во храмъ Богородицы. Въ особенности интересны царскія врата—прекрасный образецъ старинной „сницарской“ работы: внизу вырѣзанная изъ дерева раскрашенная фигура лежащаго Іесея, изъ бока ко-

тораго исходитъ вѣтвистое (рѣзное) дерево; на его вѣтвяхъ—12 круглыхъ иконокъ, изображающихъ ветхозавѣтныхъ царей, евангелистовъ и Благовѣщеніе.

Горнее мѣсто и діаконникъ, при постройкѣ нынѣшней церкви (въ 1852 г.), видимо подверглись значительной передѣлкѣ. По сравненію съ описью 1850 г. (еще при существованіи прежней церкви) видно, что лишь немногія иконы остались прежнія, да и тѣ, должно быть, были подновлены. Только въ діаконникѣ, внизу, одна икона (Авраамъ угощаетъ трехъ странниковъ) сохранилась, повидимому, въ прежнемъ видѣ.

Точно также и сѣнь надъ престоломъ (о снятіи которой причтъ ходатайствовалъ) оказалась не древней: она сдѣлана въ 1852 г. и впослѣдствіи не разъ была обновляема.

Изъ старинныхъ иконъ, находящихся въ церкви, заслуживаетъ упоминанія образъ св. Николая, въ зеленой рамѣ, около $1^1/_2$ арш. высоты и 1 арш. ширины. Это несомнѣнно старинное мѣстное письмо. Къ сожалѣнію, доска съ изображеніемъ потрескалась и икону хотятъ обновить.

Такова же и другая старинная икона: Богородица, а на ея колѣняхъ умершій Христосъ; она тоже раскололась и, вѣроятно, будетъ обновлена.

Въ той же церкви имѣется шесть такъ называемыхъ „постовыхъ“ намѣстныхъ иконъ, навѣшиваемыхъ во время великаго поста; изъ нихъ 4 съ силлабическими виршами внизу. Всѣ онѣ—характернаго южно-русскаго письма, вѣроятно 2-й половины XVIII ст. Высота ихъ болѣе 1 аршина, ширина—около аршина.

Въ переднемъ западномъ притворѣ (такъ называемомъ „бабинцѣ“) на стѣнахъ висятъ 3 картины, изображающія исцѣленіе двухъ бѣсноватыхъ, притчу о десяти дѣвахъ и Закхея. По характерности письма и колорита, прекрасной перспективѣ, онѣ заслуживаютъ вниманія. Подъ каждой изъ нихъ написано четверостишіе; языкъ русскій, но съ малоруссизмами. На одной изъ этихъ картинъ (изображающей Закхея), съ лѣвой стороны, есть надпись: „1816 г., мѣс. марта 25-го дня, сооружены сіи картины доброхотными дателями, козаками Якимовскими [1]), стараніемъ Іосифа Кропивки“. По объясненію священника, послѣднее имя означаетъ не художника, а одного изъ „дателей“.

[1]) Въ приходѣ Рождество-Богород. церкви и нынѣ есть хуторъ Якимовка.

Въ томъ же притворѣ, съ правой стороны, образъ въ кіотѣ, изображающій Б. Матерь, Іосифа Обручника и младенца Христа, съ надписью: „сооруженъ въ 1817 году". Письмо итальянскаго стиля.

Въ „бабинцѣ", налѣво отъ входа, въ углу, виситъ на стѣнѣ старинный портретъ на холстѣ, въ деревянной рамѣ ($1^1/_4$ арш. высоты и $^3/_4$ арш. ширины), изображающій колѣнопреклоненнаго козака, съ усами и небольшою сѣдою бородой; волосы съ проборомъ посрединѣ; нижній кафтанъ съ шнурами на груди; верхнее синее платье съ короткими рукавами, съ бѣлымъ мѣховымъ широкимъ воротникомъ и такими же обшлагами, передъ козакомъ налой съ рѣзнымъ распятіемъ. Вверху портрета надпись: „Тутъ преставися Михаилъ Браславецъ, козакъ его королевской милостію sic), умеръ року Божого ҂АХМД, декемрія ЕІ дня". Видимо, эта надпись была впослѣдствіи подновлена, потому что начертаніе буквъ не соотвѣтствуетъ половинѣ XVII в.; да и письмо не выглядитъ столь древнимъ. Ни въ старинныхъ церковныхъ описяхъ, ни въ преданіяхъ прихожанъ мы не нашли точнаго указанія на то, кто былъ этотъ Браславецъ и почему его портретъ попалъ въ церковь. По словамъ причта, онъ виситъ здѣсь съ незапамятнаго времени.

Изъ церковной утвари заслуживаютъ вниманія: серебряный напрестольный крестъ 1759 г., съ надписью, что это даръ козака Трохима Табурця, и три старопечатныхъ евангелія: 1) Московской печати 1657 г. съ надписью по листамъ: „Во имя Отца и Сына и святого Духа. Сія книга, рекомая Евангеліе, куплена зостаетъ во память Іоана Грицюты, жителя Богацкого, за его власную працу, і зроблена есть за стараньемъ его милости пана Данила Апостола, полковника Войска Іх царского пресвѣтлого величества Запорозкого Миргородского, и надана зостаетъ до храму Рождества пресвятыя Богородицы. Хто бы теж мѣлъ волю ее отдалити отъ премреченого храму, да будетъ проклятъ анаѳема и арамаѳа (sic) на вѣки вѣковъ аминь". Даты нѣтъ, но очевидно надпись сдѣлана въ годы правленія царей Іоанна и Петра Алексѣевичей (1682—1696 гг.).

2) Евангеліе Кіевской печати 1697 года. По листамъ идетъ полузатертая надпись, въ которой можно лишь прочесть, „Я іеромонахъ Евсевій.... святое Евангеліе въ обитель святую Всемилостивого Спаса Межигора, идеже и азъ главу мою приклоняю до кончины живота моего, въ року ҂АѰЕІ декавра КД дня". Затѣмъ идетъ по листамъ другая запись 1741 года, съ обозначеніемъ, что это евангеліе дано въ Рождество-Бого-

родичную церковь м. Богачки „за душу Василія и Івана Малюти и Головка, стараніемъ Григорія Булавы“.

и 3) Евангеліе очень большого формата, Московской печати 1748 г., оправленное въ серебро съ позолотою. На корешкѣ оправы выгравировано: „Сіе Евангеліе здѣлано коштомъ и стараніемъ сотника Багацкого Андрея Стефанова до храму Рождества Богоматери въ городъ Багачку, года 1750, сент. 8 дня“.

Изъ другихъ старопечатныхъ книгъ слѣдуетъ отмѣтить: 1) *Минею* (сентябрь) Московской печати 1741 г. съ надписью по листамъ, что эта книга 1743 г., генваря 7 дня, пожертвована преосвященнымъ Антоніемъ Нарожнѣцкимъ, „митрополитомъ Тоболскимъ и Сибѣрскимъ, честному презвитеру пречискому Богацкому Іоанну Бѣлковскому, племяннику своему, до вишеозначенной церкви“; 2) *Требникъ*, in 4-to, безъ выходного листа и безъ начала, крупной печати (характера XVI ст.); внизу по листамъ надпись:.... „сотникомъ Багацкимъ Андреемъ Стефановимъ честному отцу Іоанну (Бѣлковскому?), зятеви своему, презвитеру Багацкому“, и 3) *Цвѣтную Тріодь* Кіевской печати 1747 г.

Изъ рукописныхъ книгъ въ церкви имѣются: 1) *Ірмолой* рукописный in 4-to, письмо, видимо, XVIII в., съ киноварью; 2) *Метрика* съ 1722 по 1734 гг., веденная „іереемъ Лукіяномъ Филиповымъ городка Богачки“, въ переплетѣ,—образецъ малорусской каллиграфіи XVIII в., и 3) Двѣ переплетенныя книги—*Копіи монаршихъ указовъ*: первая начинается съ 1729 г. и продолжается по 1732, вторая—съ 1733 по 1735 гг.—Указы за дальнѣйшіе годы XVIII ст. тоже имѣются, но въ разрозненной кипѣ, безъ переплета.

Христорождественская и Преображенская церкви въ м. Шишакахъ, Миргород. уѣзда.

Проѣзжая черезъ это мѣстечко, я счелъ долгомъ осмотрѣть обѣ имѣющіяся въ немъ церкви.

Нынѣшняя Христорождественская церковь (деревянная, пятиглавая) выстроена недавно, на мѣстѣ прежней, трехкупольной, малорус. типа, о которой въ церковной описи 1859 г. говорится, что она построена была въ 1763 г. и находилась въ „замкѣ“, слѣды котораго (валы) и донынѣ сохранились. Ни древнихъ иконъ, ни старинной утвари въ ней уже нѣтъ,—

все замѣнено новымъ. Сохранилась лишь большая груда *указовъ*, съ половины XVIII в., книга для сбора пожертвованій на постройку церкви, выданная 3 окт. 1762 г. Кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ (масса именъ жертвователей, но большею частью безъ обозначенія ихъ званій,— „рабы Божіи") и приходо-расходная книга 1761—1767 г. подъ титуломъ: „Реестри ктитора Филипа Самары." Послѣдняя рукопись представляетъ большой интересъ. Это были годы постройки церкви, и „Реестри" даютъ намъ полную картину громадскаго построенія храма. Здѣсь перечислены подробно всѣ статьи прихода: пожертвованія прихожанъ, сборъ ярмарковый, выручка отъ продажи громадскаго воску, меду, ладану, сборъ мѣстныхъ цеховъ и т. под. Еще интереснѣе статьи расхода: плата „майстеру" (напр. „куплено майстеру вымовленную нимъ шапку за 70 к." и т. под.) и его помощникамъ „молодыкамъ", ихъ содержаніе, наемъ для нихъ „куховарки" и покупка провизіи: рыбы, сала, олѣи, масла, заготовленіе капусты и т. под. Здѣсь же подробный перечень расходовъ по поѣздкѣ ктитора и священника въ Кіевъ, въ 1761 г., для испрошенія у митрополита грамоты на закладку храма и просительной книги. Тутъ всѣ мелочи записаны: сколько дано „поклону" самому митрополиту и „катедралному писарю", сколько истрачено на взятки и угощеніе „консистористовъ" („горѣлки куплено на 8 грошей, меду на 12 грошей" и т. под.). Затѣмъ идутъ расходы по заложенію храма: сколько дано о. протопопу Миргородскому и іереямъ, участвовавшимъ въ церемоніи закладки церкви, сколько уплачено за килимъ (коверъ), который, согласно обычаю, постилался подъ ноги священнослужащимъ и затѣмъ поступилъ въ доходъ протопопу, и т. под. Вообще подобные „Реестри" могутъ представлять большой историко-бытовой и экономическій интересъ, и крайне желательно, чтобы они были собраны въ одно хранилище и спасены отъ угрожающей имъ гибели.

Другая Шишацкая церковь—Преображенская (на Подолѣ), тоже деревянная, построена въ половинѣ прошлаго вѣка. Въ ней также хранятся копіи царскихъ и митрополичьихъ указовъ, старательно списанныхъ и переплетенныхъ въ особыя книги. Первая такая книга заключаетъ въ себѣ указы съ 1719 по 1731 г. Къ нимъ приложено особое оглавленіе, составленное мѣстнымъ іереемъ Іосифомъ Ѳеодоровичемъ, въ лѣто 1724. Вторая книга содержитъ указы съ 1731 по 1739 г. Есть и еще указныя книги временъ Елизаветы и Екатерины II, но уже въ видѣ разрозненныхъ тетрадей и листовъ. Здѣсь же много метрическихъ книгъ, начиная съ 1762 года.

Въ этой же церкви хранится старопечатное напрестольное Евангеліе Кіевской печати 1697 г. На второмъ листѣ его, внизу, почеркомъ XVIII ст. записано: „Сия книга свято-Спасская Чигринская“, но далѣе по листамъ идетъ другая запись: „Во имя Отца и Сына и святого Духа, аминь, Я, рабъ Божий Якимъ Прокопиевичь Шарлай, изъ жоною моею Евдокиею. и синами моими Іваномъ, Василемъ, Павломъ, купилемъ сию книгу рекомую Евангелие Христово за певную суму лѣчби литовскои талярий десять, которую то книгу надалемъ на церковь Божію Преображения Господня Подолну Шишацкую за отпущение грѣховъ. А мѣлъ бы хто оную книгу крадежемъ или инимъ способомъ отъ онои више помянутои церкви отдалити, на таковаго покладаю проклятство анаѳема и маранаѳа триста и осмнадцять святихъ отець, іже въ Никеи заповѣданихъ, аминь. Року ҂аѱкі мѣсяца марта еі дня“.—Переплетъ этого Евангелія впослѣдствіи (какъ видно изъ замѣтки на обложкѣ нижней доски, въ 1837 г.) былъ оправленъ бисернымъ шитьемъ, но теперь очень много бисеру выпало. На верхней доскѣ переплета, среди бисернаго фона, красками нарисовано распятіе.

Въ передней части храма, не доходя клиросовъ, справа и слѣва на стѣнахъ висятъ двѣ картины, писанныя на холстѣ, отъ времени уже покоробившемся, и изображающихъ два момента изъ воскресенія Христова: Марка, зачало 70, и Матѳея, зачало 115. Обѣ—въ деревянныхъ, когда-то позолоченныхъ, красивыхъ рамахъ. Письмо очень хорошее, но въ стилѣ совершенно западномъ (итальянскомъ), повидимому—конца XVIII или начала XIX ст.

О. Левицкій.

Пемпта ворота 110. Ворота въ сухопутной стѣнѣ (Ѳеодосія), пятыя по счету отъ Мраморнаго моря. Они находятся между воротами Романа и Поліандрія и теперь заложены (№ 77 плана „Силлогоса"). Въ исторіи упоминаются очень рѣдко, наприм., при осадѣ Аварами К—ля въ 626 г. (Дестунисъ, стр. 26—28; ср. моего „Ираклія", стр. 54).

Перана. Позднѣйшее названіе Зевгмы (Морд., стр. 45).

Πέρα(ν). Этотъ терминъ употреблялся для обозначенія мѣстъ 1) по ту сторону Золотого Рога (откуда нын. Пера) и 2) по ту сторону Босфора. У Кодина же онъ употребленъ для обозначенія двухъ мѣстностей за стѣнами; но замѣчательно, что это только въ тѣхъ случаяхъ (о „Живон. Источникѣ" и св. Мамонтѣ), когда идетъ рѣчь о мѣстностяхъ, сходныхъ по названію съ другими, бывшими за Золотымъ Рогомъ (Испигасомъ и св. Мамонтомъ въ Галатѣ). Впрочемъ, и другіе говорятъ: „πέραν ἄστεως" (см. св. Леонтій).

Потала ворота. Ѳеофанъ (стр. 231 Боора) одинъ разъ упоминаетъ и при нихъ церковь Богородицы. Быть можетъ это другое названіе воротъ Атала.

Петръ св. ап. „древній", храмъ 114. Евктирій при св. Софіи, по мнѣнію Кондакова (стр. 42). Мортдманъ правдоподобнѣе считаетъ его за храмъ, давшій названіе Петріону (стр. 41).

Петръ и Павелъ свв., апостолій въ Триконхѣ близъ Капитолія. Теперь (Виз. Врем., т. III, стр. 447 и слѣд.) уже нѣтъ сомнѣнія, что храмъ этотъ, который сгорѣлъ при Зинонѣ (474 491 г.) и въ которомъ позже, при Анастасіи Дикорѣ, совершалось молебствіе, когда К—ль былъ устрашенъ пепломъ Везувія (Ѳеоф., стр. 159 и 244 Боора), былъ не во дворцѣ, какъ думалъ раньше даже Кондаковъ (стр. 32), а близъ Капитолія. Въ 572 году Юстинъ II возобновилъ эту церковь. Праздновали 6-го ноября въ воспоминаніе пепла 472 года.

Петръ и Павелъ свв. апп., ц. Была построена Юстиніаномъ Великимъ рядомъ съ храмомъ свв. Сергія и Вакха, но не сохранилась (Рихтеръ, №№ 828 и слѣд.).

Петръ и Маркъ, свв. во Влахернахъ, ц. По другимъ: Петръ и Павелъ. Этотъ храмъ упоминается у Симеона Метафраста въ разсказѣ о положеніи ризы Богородицы. Его отождествляютъ съ мечетью Мустафа-паша (Паспати, стр. 317; ср. Морд., стр. 38 и 39), но это сомнительно (Конд., стр. 34 и 207). Вѣроятно, этотъ же храмъ назывался апостоліемъ свв. Петра и Павла ἐν τῷ περιτειχίῳ (Виз. Врем. т. III, стр. 446); празд. 8-го окт. Этотъ храмъ (а не тотъ, что былъ близъ свв. Сергія и Вакха) упоминается въ житіи св. Андрея Юродиваго.

Петра древняя. 92. Скалистый холмъ въ сѣверозапад. углу К—ля (нынѣ Кесме—Кайя; Морд., стр. 41) близъ Древней гавани. Въ Аѳинахъ была ц. Παναγία εἰς τὴν Πέτραν (или τῆς Πέτρας; бывш. храмъ Димитры на берегу р. Иллиса (Грегоровіусъ, Ист. Аѳинъ, стр. 324 и 355). Въ Краковѣ св. Станиславъ былъ убитъ въ храмѣ Богородицы *на Скалкѣ*.

Петріонъ, кварталъ. 93, 121. Укрѣпленіе у подошвы древней Петры (Морд., стр. 41) надъ самой Древней гаванью. быть можетъ, укрѣпленіе „Вигленція", построенное Константиномъ Великимъ. Отсюда взяли К—ль Крестоносцы. Тамъ былъ храмъ св. Петра—*древній*.

Ворота Петріона—нынѣ Петри-Капусси.

Петрейскій женскій монастырь. ....„Марія оставила дворецъ и поселилась въ монастырѣ, который назывался *Петріонъ* и находился близъ *Сидиры*" (Никиф. Вріенній, III, 25; стр. 119 и 120 рус. перев.). ......„Заключаетъ ее вмѣстѣ съ дочерьми и невѣстками въ лежащій близъ *Сидиры Петрейскій* женскій монастырь" (Анна Комнина, II, 5; стр. 98 рус. пер.). Полагаютъ, что это лишь другое названіе мон. св. Евѳимія въ Петріонѣ (Морд. стр. 41), находившагося, дѣйствительно, близъ Желѣзныхъ Воротъ, что у Золотого Рога.

„Пикридій“, мон. 115. Построенъ спальникомъ Пикридіемъ при Иринѣ Аѳинянкѣ. Находился за Золотымъ Рогомъ, именно между нын. Хаскіой и Касимъ-паша (Савваитовъ, прим. 283; Mitteilungen des Deutschen Excursions—Clubs in Constantinopel, 1891, Heft III, s. 20).

„Пиланида“ мон. 117. За городомъ (Конд., стр. 37), именно *за Золотымъ Рогомъ.* По преданію, основанъ „Львомъ философомъ во время Константина Вел.“ (Рихтеръ, стр. 137).

Питтакіи. 35, 36. Урочище близъ нын. Фонтана Ахмеда, Визант. „Геранія“ (Мордтманъ, стр. 64; Гаммеръ, I, стр. 273); тамъ стояла извѣстная статуя Евдокіи (Папарригопуло, т. II, стр. 667).

Въ Москвѣ жалобы клали *у воротъ* (см. „Русскія достопамятности, т. III, Красныя ворота, стр. 2; М.), и это подтверждаетъ мою догадку о тождествѣ „Аннѳы“ съ Бабигамайюнъ.

Плаката (площадь). 1. Такъ называлась площадка недалеко отъ нын. Адріанопольскихъ воротъ—и теперь не застроенная—по пути къ храму свв. Апостоловъ (Византій..... Кондаковъ, стр. 93). По близости храма св. Георгія „Сикеота“ (въ Девтеронѣ) она называлась еще „плакатой св. Георгія“ (Анна Комн., II, 12; стр. 125 рус. перев.)

2. Иногда—но рѣдко- такъ назывался форумъ Константина (напр., Анна Комнина, кн. II, гл. 5, стр. 99 : 100 Бонн. изд).

“Платеа“, ворота. Нынѣ Унъ-Капанъ (Морд.. стр. 4[illegible]

Платонъ св., ц. 87. Эта церковь построена [illegible] Дикоромъ и находилась, по Прокопію (По[illegible] близъ форума Константина. Свидѣтельство Ю[illegible]—

еще яснѣе, если сравнимъ его съ слѣдующимъ мѣстомъ житія св. Николая Чудотворца (изд. Общ. Любит. древней письменности, стр. 129): „Грядущу же ему посредѣ торга, идѣже столпъ св. К—на, и минувшу ему св. Театона“.... По Антонію: „А оттолѣ (отъ Ипподрома) на уболѣ св. Георгія св. Леонтей попъ (п) русинъ лежитъ. Странь же того ц. св. Платона“.

По другому свидѣтельству, „Πλάτων .....ἡ δὲ σύναξις αὐτοῦ τελεῖται ἐν τῷ μαρτυρίῳ αὐτοῦ, τὸ ὄντι ἐν τοῖς Λομνίνου ἐμβόλοις (примѣч. къ Зонарѣ, стр. 109, изд. Тейбнера). Изъ всего этого можно вывести, что ц. св. Платона была на портикѣ Домнина (Мавра), между форумомъ К—на и пересѣченіемъ Домнина съ портикомъ св. Георгія, другими словами—около цистерны 1001 колонны (Филоксена).

Подземныя церкви. Извѣстны нынѣ:

1) подъ флигелемъ атаманскаго музея;
2) по близости св. Софіи, въ частномъ домѣ;
3) въ фанарѣ;
4) близъ Адріанопольскихъ воротъ;
5) въ Контоскалѣ.

(Визант. Врем., т. V, стр. 624).

Подземные ходы. Съ незапамятныхъ времепъ много разсказовъ, особенно о ходахъ изъ св. Софіи въ мон. Студійскій и къ морю. Такъ какъ разысканія Фоскати не подтвердили такихъ легендъ, то имъ перестали вѣрить (Муравьевъ. Письма съ Востока, ч. I, стр. 27). Но недавно найденъ подземный ходъ во Влахернахъ (на участкѣ Айвазъ-ефенди: Визант. Временникъ, т. IV, стр. 311), и это подало поводъ г. Беглери поднять вопросъ о достовѣрности преданій (Визант. Врем., т. V, стр. 624).

„Покаянія“ (Μετανοίας) **нов. мон.** 121. Въ этотъ монастырь, названный *„новый“* въ отличіе отъ другого, построеннаго Ѳеодорой (женой Юстиніана Вел.) на Босфорѣ (Постр., I, 8),

заключилъ Фока невѣсту Ираклія—Евдокію (см. моего „Ираклія“, стр. 14). Θеофилъ построилъ при немъ пріютъ своего имени, находившійся, какъ есть указанія, на вершинѣ холма Зевгмы (Морд., стр. 47).

Поліевктъ св., ц. 91. Построена Юліаной, внучкой (а не дочерью) Валентиніана при Юстиніанѣ Велик. въ Петріонѣ (Конд., стр. 44). Если императоры по пути къ свв. Апостоламъ заходили въ нее (Церем., стр. 50, 75), то, вѣроятно, они для этого немного отклонялись (отъ водопровода Валента) въ сторону. А такъ какъ Антоній помѣщаетъ эту церковь на пути отъ св. Іоанна Предтечи въ Петріонѣ къ свв. Апостоламъ (Конд., стр. 92), т. е. у начала Филадельфа, какъ я доказываю, то я смѣю искать ц. св. Поліевкта на мѣстѣ мечети Забрекъ—нижняя; св. Поліевктъ считался мстителемъ клятвопреступленій и цѣлителемъ отъ разныхъ болѣзней.

Поліевктъ, Θеодоръ, Киріакъ и Елеазаръ, свв., ц. „πλησίον τοῦ χαλκοῦ τετραπύλου, ἐν τοῖς Βιγλέντιον“ (Виз. Врем., т. III, стр. 446; ср. Конд., стр. 44 прим.). Указаніе, что праздникъ былъ 1-го августа, заставляетъ предполагать, что это лишь другое названіе храма Богородицы „въ Вигленціяхъ“.

Помпіана, Сатурнина, Галактіона и Юліаніи близъ св. Евфиміи въ Петріонѣ. См. св. Юліанія.

Портики Золотые. До сихъ поръ господствовало мнѣніе что эти портики шли по обѣ стороны Средней улицы отъ Золотыхъ воротъ до форума Θеодосія или Тавра (Конд., стр. 153 и слѣд.). Но мнѣ удалось доказать, что они составляли только продолженіе двухъ главныхъ портиковъ (Халки и Милія) на пространствѣ между старыми Золотыми Воротами К—на и новыми, построенными при Θеодосіи Мал. (Замѣтки по древ. К—ля; Виз. Врем., т. IV, стр. 530—532). Напомню еще мѣсто Пасхальной хроники о томъ, что Фока ѣхалъ черезъ Золотыя Ворота и Троадскіе портики и всей Средней

улицей (мой „Ираклій“, стр. 2). Слѣдовательно, портики Золотые, или Троадскіе, начинались тамъ, гдѣ Средняя улица кончалась. Г. Кодинъ говоритъ (стр. 15), что Константинъ Великій отнесъ стѣну до Троадскихъ портиковъ.

Портики Троадскіе 15. см. Портики Золотые.

Портики Эвбула 21. 1-й портикъ шелъ отъ Циканистерія и Манганъ до Антонія въ Зевгмѣ, а потомъ, вѣроятно, былъ продолженъ при Өеодосіи до Влахернъ (портикъ Петрія; Церем., стр. 156). Вѣроятно тогда же для старой части портика огибавшей холмъ Акрополя, установилось названіе „Кератемвола“ (см. Кератемволъ).

2-й и 3-й портики, иначе портики Милія и Халки, шли отъ Августеона по обѣимъ сторонамъ средней (Тріумфальной) улицы, до Ексокіонія. До сихъ поръ главная улица К—ля въ западной части называется Чифте-фурунъ-сокаги—„улица портиковъ (Морд., стр. 8). Портикъ Милія тянулся также и восточнѣе, до нын. Бабигамайюнъ, древн. Аниоы (см. Августеонъ): имъ шли послы Саракиновъ (Церем., стр. 583).

4-й портикъ, или портикъ Дафны, онъ же и св. Георгія (см. св. Георгія портикъ), шелъ отъ дворца Дафны и юго-зап конца Ипподрома вдоль берега Мраморнаго моря, вѣроятно по гребню возвышеній до ц. Богородицы „Жезла“ и св. Георгія въ Копариссѣ (Конд., стр. 135—137).

Порфирополій 99. Надо думать, что этотъ рынокъ (багряницы; ср. Дюканжъ, I, 84) былъ у бань Зевксиппа; тамъ торговали вообще дорогими предметами.

„Поспѣшности“ (σπουδῆς) мон. Жена Льва Исавра, возвращаясь изъ Влахернъ, почувствовала, что ей пора разрѣшиться, и поспѣшно зашла въ одинъ ближайшій домъ; впослѣдствіи этотъ домъ обратили въ монастырь „σπουδῆς“. Бывшій по близости монастырь получилъ отсюда названіе „παρασπουδῆς“ (Іоаннъ, стр. 21). Находились они близъ Акрополя, недалеко отъ воротъ Евгенія (Морд., стр. 50).

Прасины 92. 93. Помѣщеніе Прасиновъ, обращенное въ Страннопріимницу Маркіаномъ и Пульхеріей.

Преторія 76. У восточной стороны форума Константина на портикѣ Милія („Замѣтки"; Виз. Врем., т. III, стр. 338 и 339).

Преторія Старая 89. Урочище на Средней (Тріумфальной) улицѣ близъ Бронзоваго Тетрапиля, гдѣ потомъ стояла церковь свв. Сорока мучениковъ Севастійскихъ.

Провъ, Тарахъ и Андроникъ свв., цер. Построена Нарзесомъ, вѣроятно, въ Нарзѣ (Конд., стр. 46; Морд., стр. 58).

Прова домъ. У Гавани Юліана (Феоф., стр. 184 Боора).

Прокліанизская гавань. Находилась близъ кв. Кесарія. Въ ней Константинъ Погонатъ спряталъ свой флотъ наканунѣ осады К—ля Арабами въ 673 г. (Феофанъ—въ 6164 году). По всѣмъ признакамъ это лишь другое названіе гавани Контоскалійской (ср. Морд. стр., 57).

Прокопія св. мон. 114 и 120. 1-й построенъ Прокопіей, дочерью Никифора и женой Михаила Рангави.

2-й построенъ, по Кодину, Юстиномъ и Евфиміей, и обое они тамъ и похоронены. Слѣдовательно это, какъ будто лишь другое названіе мон. „Августы".

Прокопій св. въ кв. Вигленціи, ц. 108. Построена у Тавр[illegible] Юстиніаномъ Великимъ близъ дома сестры его Вигленц[illegible] По Антонію, была у портика Руссева (Конд., стр. 93). [illegible]вательно, ее надо искать между Тавромъ и нын[illegible] [illegible]даномъ (дальнимъ). Быть можетъ, даже въ текст[illegible] вмѣсто „Тавра" надо читать „Βοῦς".

Прокопій св. „Кондилій", ц. 91. Мѣстопол[illegible] Сходство съ аѳинской ц. Панагіи *Каниел.* [illegible]

полагать около какой-либо *хорегический* памятникъ (Грегоровіусъ, Ист. Аѳинъ, стр. 33), въ родѣ памятника Лизикрата.

Прокопій св. великомуч. „въ Хеленѣ“, ц. 31. 76. По преданію, построена еще Константиномъ Великимъ.

Прокопій св. мартирій. При храмѣ св. Мины, что въ Акрополѣ. Праздн. 6-го сентября и 1-го Ноября (Виз. Врем., т. III, стр. 447).

Протасія кварт. 78. Кварталъ близъ св. Софіи, гдѣ была церковь Богородицы „Протасія“ (см. „Б. Протасія“).

Псаматіи ворота 25. 73. 109, Ворота на берегу Мраморнаго моря, нынѣ Псамати-капуси.

Псаматіи дворецъ и герокомій 74. Несомнѣнно дворецъ и герокомій Елены (ср. Морд., стр. 74, 77).

Псарелей 109. Бранное названіе, данное Копронимомъ мон. „Миродона“, т. е. „Мироелея“ (означаетъ: „рыба въ маслѣ“).

Псифа 88. Мозаичный кварталъ (Ψύψα Ψύχα; Морд., стр. 68); былъ ли онъ тождественъ съ кварталомъ Мавріата (у Мавра), какъ думаетъ Кондаковъ (стр. 64),—еще вопросъ. Мнѣ лично кажется, что текстъ Кодина, напротивъ, различаетъ ихъ.

Пульхеріи кварталъ и цистерина. Къ югу отъ нын. мечети Селима и цистерны (Вона) при ней (Морд., стр. 42).

Пусея кварталъ. Мѣстность у Воротъ Пемпта (сколько можно судить по надписи надъ воротами (Морд., стр. 16; Дестунисъ, стр. 28). Тамъ былъ храмъ Архистратига Михаила ἐν τοῖς Πουσέου (Конд., стр. 35).

Лѣтоп

Анаст

Импер

Сорока

св. Прокопія въ кв. Вигленціи приходился на портикѣ Русіевомъ (см. св. Прокопій въ кв. Вигленціи), а этотъ кварталъ былъ именно близъ меч. Фенеръ-іесса (Б. „Вигленціи"). Быть можетъ, со временемъ будетъ доказано, что портикъ этотъ шелъ и далѣе на востокъ. Именно, можно предполагать, что онъ за Филадельфомъ (см. Филадельфъ) совпадалъ съ той улицей, которая идетъ отъ нын. Эски-Сараля къ зданію Высокой Порты (параллельно Средней ул.), т. е. тянулся до Золотого форума и ц. Богородицы „Халкопратійской", а быть можетъ и до Царской цистерны. На эти смѣлыя соображенія наводятъ меня: 1) указанія на пути съ форума К—на къ ц. Б. „Халкопратійской" (Церем., стр. 32, 165, 167, 169 и 185) и 2) упомянутый выше путь царя изъ дворца черезъ форумъ К—на и мимо мон. Валента у водопровода: съ форума К—на царь могъ свернуть продолженіемъ Мавра и попасть прямо на вышеупомянутый путь. Конечно, повторяю, это только гипотеза (ср. мою замѣтку: „О пути къ св. Мокію и храму Б. М. Живоноснаго Источника" во II т. „Извѣстій Рус. Археол. Инст. въ К—лѣ", стр. 30 и 13).

Романа св. ворота. Ворота въ стѣнѣ Ѳеодосія, находящіяся во впадинѣ, образуемой долиною р. Лика (нынѣ Пушечная). Знамениты въ послѣдніе дни К—ля.

Романъ и Даніилъ свв., ц. 98. По преданію, построена св. Еленой, которая поставила тамъ мощи св. великомуч. Никиты, прор. Даніила и друг. Вѣрнѣе, что храмъ этотъ построенъ въ честь св. Романа Пѣснопѣвца (врем. Анастасія, 518 г.), а не мученика временъ Діоклитіана, какъ, очевидно, думаетъ Кодинъ (Конд., стр. 8). Находилась близъ воротъ св. Романа, въ кварталѣ „Елевиха" (ἐν τοῖς Ἐλεβίχου).

„Ромея" мон. 114. Мѣстоположеніе неизвѣстно.

Руфиніаны 74. Предмѣстіе Халкидона (иначе „Дубъ"), извѣстное по собору, на которомъ судили св. Іоанна Злато-

уста; тамъ была церковь свв. апост. Петра и Павла (Созом., VIII, 17; Өеоф. стр. 46 и 47; ср. Ник. Врем., стр. 118 рус. перев. Гиббонъ, т. III, стр. 317; Тьерри, Іоаннъ Зл. и Евдокія, стр. 152 и 153).

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ - нынѣ Джади-Бостанъ близъ Гайдеръ-паша (Anaple et Sosthène, par Pargoire. т. III Изв. Рус. Археол. Инст. въ К—лѣ; ср. Виз. Врем., т. VI, стр. 605 и 606)

С.

Савва Освященный св., мартирій. При церкви св. Филимона въ Стратигіи (Виз. Врем., т. III, стр. 446), близъ церкви св. Анастасія.

Сампсона странноприимница 99,. Первоначально была построена между св. Софіей и св. Ириной; но послѣ пожара 532 г. Юстиніанъ построилъ (Постр., I, 2) большое зданіе, того же названія близъ цер. свв. Сергія и Вакха (Конд., стр. 41). Св. Сампсонъ былъ старшимъ современникомъ Юстиніана Вел. и до своей кончины (27-го іюня 530 г.) самъ стоялъ во главѣ этого благотворительнаго учрежденія. Тѣло его было положено въ храмѣ св. Мокія, съ которымъ онъ состоялъ въ родствѣ, а потомъ перенесено въ Лазику, а теперь немногіе это знаютъ; мощи его почиваютъ въ Гелатскомъ монастырѣ (близъ Кутаиса; см. свящ. Ал. Владимірскаго: „Житіе препод. Сампсона страннопріимца“, Спб. 1890 года; стр. 13. ср. Ж. М. Н. Пр. 1897 г., Іюнь, стр. 376 - 383). Одержавъ Полтавскую побѣду въ день св. Сампсона, нашъ Петръ Великій былъ намѣренъ построить и на полѣ битвы монастырь въ честь этого святого съ страннопріимницей, но не успѣлъ. Только въ Петербургѣ онъ построилъ храмъ св. Сампсона (на Выборгской сторонѣ).

Самуилъ прор. св., ц. Извѣстны по имени 3 церкви: въ Евдомѣ (мощи съ 406 г.; Конд., стр. 12.; Пал. Сб., вып. XXVIII, стр. 58), κατὰ τὸν Σκύθην и ἐν Συκαῖς (Конд. стр. 37).

Сатурничовы ворота. Замѣняли въ стѣнѣ К—на позднѣйшія Мелантіадскія ворота (Морд., стр. 10) и приходились близъ св. Андрея „въ Красѣ" (ср. „Ексокіоній", Церемоніи стр. 56, 100 и друг. гдѣ идетъ дѣло о заворотѣ къ „Живон. Источ.").

Севера бани. 37.; см. Зевксиппа бани.

Севера страннопріимница 107. см. Сампсона страннопріимница.

Сенатъ Большой на форумѣ Константина. 16. 40. 64. Поэма Родія даетъ намъ такое описаніе Сената на форумѣ, какого мы не имѣли до сихъ поръ. Сенатъ находился на южной сторонѣ форума К—на и представлялъ собою колоссальное круглое зданіе, съ необыкновенно высокимъ портикомъ со стороны форума. На форумъ изъ зданія вели „Мѣдныя (бронзовыя) двери", взятыя изъ храма Діаны Ефесской; на нихъ была изображена борьба боговъ съ гигантами. Изъ другого источника знаемъ, что справа и слѣва отъ портика стояли статуи Аѳины и Амфитриды, привезенныя съ о. Родоса (Извѣстія рус. арх. инст. въ К—лѣ, т. I, стр. 42—44). Обращаю особенное вниманіе на эти „Мѣдныя двери". По свидѣтельству Кодина (стр. 125), Василій Макед. взялъ для „Новой базилики" (см. Дворецъ Б.) „Мѣдныя двери" съ форума изъ Циканистерія (?) Но такъ какъ Циканистерій былъ вовсе не на форумѣ, то здѣсь несомнѣнно ошибка (Цикаларіи? Кодинъ, стр. 69), тѣмъ болѣе, что въ разночтеніи прямо говорится, что это двери отъ Сената. Большой Сенатъ сгорѣлъ при Львѣ I въ 462 г. и съ той поры такъ и стоялъ въ полуразрушенномъ видѣ.

Сенатъ Малый на Августеонѣ. Находился въ юго-восточной части фор. Августеона, очевидно, гдѣ-то къ югу отъ нын. Бабигамабіюнъ и фонтана Ахмеда (др. „Гераній"). Горѣлъ въ 404 и 532 годахъ, но былъ отстроенъ Юстиніаномъ Великимъ. Въ „Обрядникѣ" упоминается лишь однажды (Церем., стр. 169). Я не удивлюсь, если со временемъ докажутъ, что это лишь было другое названіе позднѣйшей Консисторіи.

Сергія и Вакха свв. ц. 125. Нынѣ мечеть Кучукъ-айя Софія близъ Желѣзныхъ воротъ (на берегу Мраморнаго моря). Построена Юстиніаномъ Великимъ (Рихтеръ, №№ 826--832).

Сигма. 1) у воротъ Псаматіи. 47, 120. Изгибъ стѣны близъ бухты у воротъ Псаматіи и прилегающая мѣстность. Это доказалъ еще Гаммеръ (ср. Дестунисъ, стр. 16). Неправильное объ „Ексокіоніи" привело къ тому, что ц. св. Мокія искали на Средней улицѣ (т. е., ставили Среднюю улицу выше. чѣмъ надо; ср. фом. Іоаннъ, стр. 15) а „Сигмой" называли часть стѣны Θеодосія (на планѣ „Силлогоса"), что вызвало справедливый протестъ со стороны покойнаго Дестуниса (стр. 19, 20). Но Мордтманъ не внялъ этому!

2) у мыса св. Варвары. 113. Изгибъ стѣны Акрополя у мыса св. Варвары (ср. „Кератемволъ").

3) у гавани Юліана. 85. Портикъ, полукруглой формы, построенный Юліаномъ (Зосима, стр. 139 и 140; Пасиати, стр. 378; Византій, II, стр. 298).

4) во дворцѣ (см. Дворецъ Бол.)

5) за Золотымъ Рогомъ. Другое названіе предмѣстья Сики, „πέραν ἐν τῷ Σίγματι" (Лѣтопись историко - филол. общ. при Имп. Новорос. Унив. 1892 г , т. II, стр. 83).

Сики. Предмѣстье К—ля за Золотымъ Рогомъ, нынѣ Галата. Замѣчу однако, что нужно быть весьма осторожнымъ съ этимъ терминомъ, потому что легко смѣшать Сики—Галату со сходными по названію поселками на азіатскомъ берегу,

нынѣшними Инжиръ-кіой на Босфорѣ или Оики (съ храмомъ Архистратиговъ) у Инжиръ-лимана (Клеонима и Пападопуло, Виѳинія, Историко-геогр. очеркъ, стр. 46).

Слоновъ статуи. 1) Слонъ у Милія. 39.

2) Слоны у Золотыхъ воротъ 26. 47. Фонтанъ въ видѣ слона, источавшаго воду хоботомъ, былъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ дер. Конличе (у Румели –Гиссара; Путеводитель по К—лю, изд. Ильинскаго скита, стр. 128, Одесса 1884).

3) Слонъ бронзовый на форумѣ К—на. 68.

Смарагда (ц. ?). 123. Мѣстоположеніе неизвѣстно.

Смирній. 62. Рынокъ ароматовъ (Морд., стр. 68). Кодинъ помѣщаетъ его близъ ц. св. Ѳедора Тирона въ кв. Сфоракія и Октагона, т. е. противъ Большого дворца, черезъ улицу (Среднюю). Торговцы благовоній должны были располагать свой товаръ между Миліемъ и Халкой, чтобы ароматы доносились до дворца (Герцбергъ, Исторія Византіи, приложенія, стр. 605).

Соединенныя колонны. 116. Мѣстонахожденіе неизвѣстно точно, но гдѣ-то на Маврѣ.

Сорока мучениковъ (Севастійскихъ) ц. Храмъ этотъ (празд. 9-го марта; Церем., стр. 559) заложенъ Тиверіемъ на урочищѣ „Старая Преторія“ и оконченъ Маврикіемъ (ср. Ѳеоф., стр. 267 Боора). Такъ какъ мы знаемъ, что онъ былъ на Средней Тріумфальной улицѣ у Бронзоваго Тетрапила (Конд., стр. 138; ср. мои „Замѣтки“ въ Виз. Врем., т. III, стр. 339), то нѣтъ сомнѣнія, что онъ стоялъ приблизительно на мѣстѣ нынѣшней мечети Лалели. Ираклій поставилъ близъ восточной стороны его прекрасную мраморную колонну, сложенную изъ разноцвѣтныхъ кусковъ и увѣнчанную крестомъ (ср. моего „Ираклія“, стр. 109; только тамъ описка). Мордтманъ вслѣдствіе неправильнаго представленія о Филадельфѣ и Бронзовомъ

Тетрапилѣ) ставитъ эту колонну недалеко отъ колонны Маркіана (см. Тетрапилъ бронзовый). Въ этой церкви 40-ка мучениковъ была чудотворная икона Спаса (Конд., стр. 45), очевидно, та самая, о которой идетъ рѣчь въ „Бесѣдѣ о Царьградѣ“ (стр. 19). Въ XII вѣкѣ ими. Андроникъ Комнинъ, мучимый совѣстью за убійство царевича Алексѣя (сына Мануила Комн.), обновилъ эту церковь съ необычайнымъ великолѣпіемъ и на площади около нея воздвигъ прекрасный фонтанъ. Это все подробно описано у Никиты Хоніата (т. I, стр. 418 и 419 рус. пер.). Дальнѣйшая судьба церкви 40 муч. Севаст. была весьма печальна: имп. Іоаннъ Палеологъ разобралъ ее для укрѣпленія Золотыхъ Воротъ..!

Сорока мучениковъ Никопольскихъ ц. Храмъ этотъ упоминается у Анны Комниной (кн. II гл. 5, стр. 99 и 100 изд. Бонн.). Алексѣй Комнинъ, удаляясь изъ города въ сторону Адріанопольскихъ воротъ и Влахернъ), простился съ матерью и другими близкими „на площади“, и женщины потомъ поспѣшили въ „убѣжище“ св. Николая при св. Софіи, но были схвачены у храма 40 мучениковъ Никопольскихъ (праздн. 10-го іюля).

Вѣроятно, это только придѣлъ при храмѣ св. Θеодора въ кварт. Сфоракія: женщины не уклонились съ Средней ул. и шли по сѣверной ея сторонѣ.

Сорока мучениковъ свв. ц. при мон. „Источника“. Упоминается отдѣльно у Анны Комн. (V., 8, стр. 260, изд. Бонн.) Придѣлъ, построенный Василіемъ Макед. при ц. Б. „Живоносного Источника“ (Конд., стр. 59).

Сорокъ Мучениковъ. См. Тарасія патр. монастырь.

Сорока мучениковъ въ Константіанахъ ц. 91. Храмъ этотъ основанъ Анастасіемъ и Аріадной; они же потомъ пристроили къ нему и евктирій св первомуч. Стефана, въ которомъ положили мощи послѣдняго (см. св. Стефанъ).

Мѣсто этого храма извѣстно точно: близъ колонны Маркіана, надъ извѣстной цистерной, которая до сихъ поръ носитъ названіе „цистерны Сорока мучениковъ“.

Софія Святая, храмъ. 64, 65, 73, 130 · 146. Основывая К—ль, Константинъ Вел., между 325 и 328 годами, построилъ (или, по крайней мѣрѣ, заложилъ) большую базилику Святой Софіи, Премудрости Божіей. „Хотя извѣстіе Кодина, что Константиновъ храмъ былъ прежде капищемъ (тоже о ц. Ирины), единично“, говоритъ Кондаковъ, „однако оно очень любопытно и, главное, довольно вѣроятно (стр. 108). Въ крайнемъ же случаѣ надо согласиться, что, по крайней мѣрѣ, базилика была построена *на мѣстѣ капища.* Такъ именно и рѣшаютъ два новѣйшихъ изслѣдователя—англичанина (W. R. Lethaby and Harold Swainson: The Church of Sancta Sophia Constantinople, 1894). Эти изслѣдователи ссылаются еще на аналогію съ Парѳенономъ и на оріентировку храма къ восходу солнца въ день его зимняго поворота (гл. 1-я). Итакъ, Ипподромъ строенъ по соотвѣтствію съ храмомъ (капищемъ), стоявшимъ на мѣстѣ св. Софіи, а не св. Софія оріентирована нѣсколько неправильно для соотвѣтствія съ Ипподромомъ, какъ думали иные. Считаю долгомъ оговорить, что если, дѣйствительно, св. Софія смѣнила собою капище Аѳины, то не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, если со временемъ (къ великому огорченію Стриговскаго и его единомышленниковъ) окажется и самая св. Софія—*храмомъ Богородицы.* Вѣдь въ Аѳинахъ Парѳенонъ былъ обращенъ въ храмъ Приснодѣвы, а у насъ въ Новгородской св. Софіи храмовой иконой является именно *икона Божіей Матери* - *„Софія—Премудрость Божія“* (праздн. 15-го сент.; изображеніе см. подъ тѣмъ же числомъ, стр. 393. въ книгѣ Снессоревой, изд. 2-е) Сходная храмовая икона есть и въ Кіевской св. Софіи; ее празднуютъ 8-го сентября. Оба празднованія потому пріурочены къ Богородичнымъ праздникамъ, что изображенія Софіи—Премудрости Божіей выражаютъ одну мысль: Матерь Божію, послужившую воплощенію Сына Божія. Замѣчу еще, что въ

Стран.

Приложеніе.

О древностяхъ Константинополя—*Гавріила Ласкина*. 128—144

Объявленія.

Цѣна 1 руб. 25 коп. съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна	IV-й и V-й	книгъ	по 2 р.	50 к.	каждая	съ пересылкой.
„	IV-й	„	„ 3 „	50 „		
„	II, VII, IXX, III	„	„ 3 „			
„	VIII, X, XI	„	„ 2 „			
„	XII	„	„ 4 „			
„	XIV, вып.	1—	„ 1 „	25 „		
„	— „	2 и 3—	„ 1 „	40 „		
„	XV, —„	1, 2, 3 и 4	„ 1 „	50 „		
„	XVI,—„	1—3 (Гог. сб.)	4 „	50 „		
„	„ „	4 „	„ 1 „	50 „		
„	XVII „	1	„ 1 „	50 „		
„	„ „	2	„ 1 „	25 „		

„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“. Ц. 1 р.

„Труды III-го Археологическаго Съѣзда“, два тома in-4^{0}, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.) съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ 2 рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп.

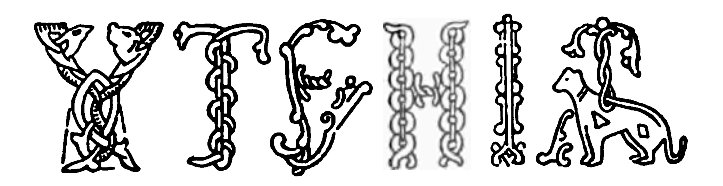
„25-лѣтіе Историческаго Общества Нестора-лѣтописца“ (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 коп.

„Памяти Гоголя“, научно-литературный сборникъ. Кіевъ, 1902 г. Цѣна 4 р. 50 коп.

„Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“ выходятъ ежегодно въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска,—**4 руб.** съ пересылкой; цѣна же каждаго выпуска въ отдѣльности—**1 р. 25 к.** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.—Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ*.



въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца.

Книга семнадцатая.

Выпускъ IV.

Изданъ подъ редакціею
Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-Литографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская, 20
1903.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кн. XVII, вып. 4-й

Отдѣлъ I.

Стр.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ апрѣля по октябрь 1903 г. 117

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Дрезденская рукопись, какъ литургическій памятникъ въ связи съ памятниками древней русской письменности—*А. А. Дмитріевскаго* 117

Поэзія и ея теорія въ Кіевской Академіи въ половинѣ XVIII вѣка—*Н. П. Дашкевича*. 120

Очеркъ исторіи шведскаго университета въ Лифляндіи въ XVII в.—*В. А. Кордта* 121

Грамота 1134 г. князя Ивана Ростиславовича Берладника—*Н. П. Дашкевича* 124

Изъ исторіи крѣпостного права въ Западной Россіи въ XVIII и XIX в.в.—*М. В. Довнара-Запольскаго* . . —

По вопросу объ отношеніи апокриѳовъ къ богомильству—*К. Ѳ. Радченка* 125

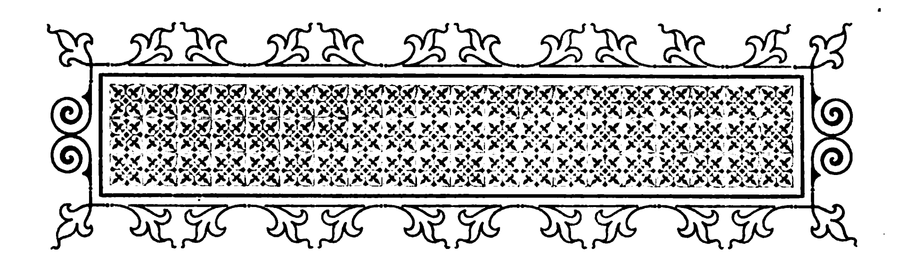
Происхожденіе легенды о хожденіи Богородицы по мукамъ—*Н. К. Бокадорова*. 126

Замѣчанія о происхожденіи той же легенды—*Г. М. Бараца* 128

Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по славяновѣдѣнію—*Т. Д. Флоринскаго*. 129

Къ объясненію сказаній о провалившихся городахъ—*В. Н. Перетца* 132

Происхожденіе современной ариѳметики (культурно-историческій очеркъ)—*Н. М. Бубнова*. 133



Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за aпрѣль—октябрь 1903 года.

X. *Засѣданіе 20 апрѣля.*

а, Д. чл. о. **Ѳ. И. Титовъ** продолжалъ чтеніе своего *„Критико-библіографическаго обзора новѣйшихъ трудовъ по исторіи Русской церкви"* (войдетъ въ слѣдующій выпускъ „Чтеній").

По поводу разбора имъ новаго изданія трудовъ проф. Е. Е. Голубинскаго по Русской церковной исторіи нѣсколько дополненій сдѣлано поч. чл. В. С. Иконниковымъ.

б, Г-жа **А. Л. Берло** представила въ Общество составленный ею біографическій очеркъ *„Арсенія Берло, епископа Переяславскаго и Бориспольскаго"*, прочитанный за ея отсутствіемъ д. чл. В. И. Щербиной.

Замѣчанія по поводу доклада г-жи Берло сдѣланы д. чл. О. И. Левицкимъ и о. Ѳ. И. Титовымъ.

XI. *Засѣданіе 6 мая.*

а, Д. чл. **А. А. Дмитріевскій** прочелъ рефератъ: *„Дрезденская рукопись, какъ литургическій памятникъ, въ связи съ памятниками древней русской письменности"*.

Выяснивъ значеніе Дрезденской королевской рукописи № 104, какъ важнаго комментарія къ Обряднику Константина Порфирогенета (De cerimoniis aulae Byzantinae) въ первомъ рефератѣ (см. „Чтен. въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца“ кн. XVII, в. II, стр. 70—72), А. А. Дмитріевскій, по недостатку времени, не могъ тогда остановиться на значеніи ея, какъ литургическаго памятника. Второй рефератъ, поэтому, составлялъ прямое продолженіе перваго. Чтобы ознакомить членовъ Общества съ этою замѣчательною рукописью въ литургическомъ отношеніи, референтъ прочиталъ изъ нея въ переводѣ чинъ богослуженія въ праздникъ Воздвиженія Креста Господня, со всѣми любопытными подробностями изнесенія креста изъ дворца, положенія его въ катихуменахъ св. Софіи, самаго обряда воздвиженія креста на амвонѣ этого храма и обратнаго возвращенія его во дворецъ. Такъ какъ всѣ эти обряды нашли себѣ мѣсто и въ богослужебной практикѣ нашей древне-русской церкви, пользовавшейся Типикономъ Великой Церкви до введенія въ практику ея устава патріарха Алексѣя, то референтъ познакомилъ и съ русско-славянскими переводами указанныхъ обрядовъ въ службѣ воздвиженія креста Господня въ извѣстномъ Типиконѣ XIII в. епископа Новгородскаго Климента (А. Поповъ: Прибавленіе къ Описан. ркп. и каталогу книгъ церковной печати библ. А. И. Хлудова. М. 1875, стр. 17), въ Требникѣ XIII в. ркп. Софійской библ. (Спб. дух. Акад., № 1056, л. 90—92) и отчасти въ Типиконѣ XII в. ркп. М. Синод. Библ. № 330—380 (Опис. отд. III, ч. I, стр. 249—250). Не были упущены имъ изъ вниманія и мелкія подробности разсматриваемой службы, какъ, напр., чтеніе, по заутрени, Пролога на амвонѣ (προανάγνωσις), возженіе большихъ свѣчей въ куполѣ Софійскаго храма во время нощнаго богослуженія (τὴν παννυχίδα) и звонъ въ била (οἱ σημαντῆρες) съ вечера до утра, такъ какъ всѣ эти подробности службы даннаго дня могутъ служить превосходнымъ комментаріемъ къ извѣстному въ нашей древне-русской письменности паломническому памятнику „Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII столѣтія“ (изд.

Археографич. Коммиссіею подъ редакціею П. Савваитова. Спб. 1872 г.), описывающему подобные же обычаи (ст. 29, 84; 19, 72—78; 29, 84).

Въ вѣдѣніи и подъ покровительствомъ Великой Церкви Константинопольской, какъ извѣстно, находились весьма многія благотворительныя учрежденія, какъ, напр., орфанотрофіи (т. е. сиро-воспитательные дома), ксенодохіи (т. е. страннопріимные дома), носокоміи (т. е. больницы всевозможнагѡ рода), птохотрофіи (дома для призрѣнія бѣдняковъ) и т. п. Въ дни храмовыхъ праздниковъ церквей, которыя находились въ этихъ богоугодныхъ заведеніяхъ, вселенскій патріархъ, какъ главный покровитель ихъ, совершалъ въ нихъ торжественныя богослуженія со всѣмъ своимъ многочисленнымъ штатомъ оффиціаловъ, клириковъ и пѣвцовъ Софійскаго храма и ходилъ туда для этихъ богослуженій изъ св. Софіи съ пышными крестными ходами или литаніями, а по окончаніи богослуженій дѣлалъ тщательный осмотръ самыхъ заведеній и ихъ обитателей. Референтъ познакомилъ слушателей съ подобнымъ торжествомъ въ день 24 іюня, на память Рождества св. Іоанна Предтечи въ больницѣ (εἰς τὸν ξενῶνα τοῦ Εὐβούλου) Еввула, описаннымъ подробно въ Дрезденской рукописи. Сюда, по этому памятнику, отправлялся патріархъ въ часъ дня и, помолившись въ храмѣ (εἰς τὸν εὐκτήριον οἶκον) и приложившись къ мощамъ св. Іоанна Предтечи, бралъ кадильницу въ руки и обходилъ всѣ палаты больницы мужскаго отдѣленія. Останавливаясь предъ ложемъ каждаго больнаго, патріархъ кадилъ и благословлялъ, а сопровождающій его саккеллій давалъ каждому больному по одному *миллію* (золотая монета). Послѣ обхожденія мужской палаты, патріархъ заходилъ въ аптеку больницы (ἐν τῷ ἰατρείῳ), получалъ отъ врачей просфоры и сиропъ (χουλόν), и самъ, въ свою очередь, одаривалъ ихъ тремя *номизмами* (золотыя монеты). Саккелларій, получивши благословеніе отъ патріарха, ходилъ потомъ въ женское отдѣленіе (εἰς τὸ γυναικεῖον) больницы и раздавалъ тамъ каждой больной по серебряннику (ἀργύρια). Изъ этой больницы патріархъ въ торжественной

литіи съ крестомъ больницы, клириками и пѣвцами изъ церкви возращался въ патріархію, при чемъ литанія изъ св. Софіи направлялась на форумъ къ колоннѣ св. Константина, и оттуда—обратно въ больницу уже для совершенія литургіи. Патріархъ слушалъ литургію въ этотъ день въ мартиріонѣ, находящемся въ Сфоракіѣ, гдѣ назначался въ этотъ день по случаю храмового праздника *соборъ* (ἡ σύναξις).

27 того же іюня, въ память Самсона-страннопріимника совершался такой же патріаршій выходъ, такое же обхожденіе патріархомъ палатъ больницы, устроенной св. Самсономъ на собственныя средства, кажденіе и благословеніе больныхъ, подобная же раздача имъ денегъ (τὴν διάδοσιν) и, наконецъ, возвращеніе въ патріархію черезъ храмъ св. Петра съ литаніею больницы.

Отмѣтивъ затѣмъ въ Дрезденской рукописи сохраненіе въ цѣлости указаній на богослужебные порядки, уже вышедшіе изъ употребленія въ практикѣ Великой Константинопольской Церкви, какъ, напр., въ службѣ новолѣтія 1 сентября или индикта, весьма драгоцѣнные для исторіи Типикона этой церкви, референтъ заключилъ вторично выраженіемъ глубокаго сожалѣнія о томъ, что данная замѣчательная рукопись безвозвратно и хищническимъ образомъ ушла изъ предѣловъ нашего отечества.

Въ обсужденіи настоящаго реферата принимали участіе члены: Н. П. Дашкевичъ, В. З. Завитневичъ, М. В. Довнаръ-Запольскій и о. Ѳ. И. Титовъ.

6, Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** сдѣлалъ сообщеніе о *„Поэзіи и ея теоріи въ Кіевской Академіи въ половинѣ XVIII-го вѣка“* на основаніи рукописи половины XVIII в., озаглавленной: „Poesis pro imbuenda studiosae iuventutis indole tradita et tractata ad mentem illustrissimi ac reverendissimi D-ni Prokopowicz: Kjowiae in alma orthodoxa Akademia Mohilo-Zaborowsciana“, и содержащей, кромѣ поэтики, сборникъ стихотвореній, между прочимъ, написанныхъ разными лицами, принадлежавшими къ составу тогдашней Академіи.

Дополненія и возраженія по поводу этого сообщенія были сдѣланы членами: А. М. Лободой, Н. И. Петровымъ, В. З. Завитневичемъ и М. Н. Сперанскимъ.

Слушали: отношеніе Конотопской уѣздной земской Управы, отъ 23 марта т. г. за № 2389, съ предложеніемъ, не пожелаетъ-ли кто изъ членовъ Общества написать популярную исторію Малороссіи на соисканіе преміи земства имени А. М. Лазаревскаго въ 300 руб.

Опредѣлили: напечатать въ ближайшей книжкѣ „Чтеній" объявленіе о преміи.

Слушали: отношеніе Церковно-историческаго и Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи, отъ 23 марта т. г. за № 81, о томъ, что означенное Общество назначаетъ своими депутатами въ Кіевское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству XIII-го Археологическаго Съѣзда въ г. Екатеринославѣ В. С. Иконникова, В. З. Завитневича и о. Ѳ. И. Титова.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

XII. ***Засѣданіе 18 мая.***

а, Д. чл. **А. И. Сонни** подвергъ новому разсмотрѣнію вопросъ *„Объ окрашенныхъ костякахъ и о значеніи краснаго цвѣта въ погребальномъ обрядѣ"* (этотъ рефератъ войдетъ въ слѣдующую книгу „Чтеній").

б, Д. чл. **В. А. Кордтъ** представилъ вниманію членовъ Общества *„Очеркъ исторіи шведскаго университета въ Лифляндіи въ XVII вѣкѣ"* на основаніи матеріаловъ и изслѣдованій, изданныхъ Рижскимъ Историческимъ Обществомъ.— Магистръ Ливонскаго ордена Готгардъ Кеттелеръ, видя невозможность удержать свою независимость вслѣдствіе наступленія на Ливонію московскихъ войскъ, уступилъ Эстляндію Швеціи, Лифляндію—Польшѣ, Эзель—Даніи, оставивъ за собой Курляндію; въ это уже время Кеттелеръ имѣлъ въ виду основаніе университета въ Перновѣ. Въ 1600 г. Зюдерманландскій герцогъ Карлъ завоевываетъ часть Лифляндіи, а въ 1602 г., по совѣту съ депутатами отъ дворянъ и горожанъ, основываетъ академію въ Дерптѣ для воспитанія юношества въ благочестіи и на содержаніе ея

назначаетъ помѣщеніе женскаго монастыря и земли; въ 1603 г. Дерптъ былъ взятъ поляками и въ этомъ же году снова сталъ шведскимъ городомъ; въ 1625 г. въ немъ была основана гимназія, а въ 1632 г. король Густавъ-Адольфъ преобразовалъ ее въ университетъ, давъ послѣднему широкое самоуправленіе. Въ 1641 г. построено новое зданіе университета и пріобрѣтено помѣщеніе для библіотеки, архива и типографіи. Въ октябрѣ 1656 г. Дерптъ былъ взятъ московскими войсками подъ начальствомъ князя Трубецкого; профессора ходатайствовали о перенесеніи университета въ Ревель. Съ 1661 г. Дерптъ снова принадлежалъ Швеціи, и университетъ рѣшено было возстановить въ Перновѣ. Въ 1687 г. лифляндское дворянство хлопотало о возвратѣ университета въ Дерптъ; хлопоты увѣнчались успѣхомъ лишь въ 1690 г., и король Карлъ XII принимаетъ мѣры къ поднятію благосостоянія университета; въ 1700 г., во время войны Швеціи съ Москвой, нѣкоторые профессора убѣгаютъ изъ университета, а къ 1710 г.—и всѣ остальные. Этимъ и закончилось существованіе шведскаго университета въ Лифляндіи.

Внутренній бытъ университета былъ организованъ по образцу западно-европейскихъ; во главѣ университета стоялъ канцлеръ, назначаемый королемъ (онъ-же былъ и генералъ-губернаторомъ); вице-канцлеромъ былъ генералъ суперъ-интендантъ; непосредственное управленіе было поручено ректору, выбиравшемуся на $^{1}/_{2}$ года, а потомъ на годъ изъ числа профессоровъ; факультетовъ было четыре: богословскій, философскій, юридическій и медицинскій; во главѣ ихъ стояли деканы; содержаніе профессоровъ было очень ограниченное и вынуждало ихъ къ занятію другихъ должностей; на содержаніе университета назначены были доходы съ двухъ имѣній въ Ингерманландіи, дававшіе сумму въ 5300 рейхсталеровъ; иногда жалованье выдавалось натурою—хлѣбомъ и другими продуктами. Въ числѣ профессоровъ въ 1656 году было 17 нѣмцевъ и 4 шведа, а при закрытіи университета въ 1700 г.—одинъ нѣмецъ и остальные шведы. Стѣсненное матеріальное положеніе профессоровъ

отражалось и на ихъ дѣятельности; были случаи увольненія профессоровъ за нерадѣніе къ службѣ, хотя встрѣчались и выдающіеся ученые; особенную заботу о привлеченіи лучшихъ научныхъ силъ проявилъ Карлъ XI. Число студентовъ за все время существованія шведскаго университета достигло 1662 (изъ нихъ шведовъ 802, нѣмцевъ 760 и иностранцевъ 89; изъ нѣмцевъ-же — лифляндцевъ 397, эстлянцевъ—153 и курляндцевъ—20); ежегодный комплектъ былъ около 150 человѣкъ; студенты пользовались общежитіемъ, а позже получали ежегодно стипендіи въ размѣрѣ до 50 талеровъ. Новички подвергались обряду „депозиціи", состоявшему въ издѣвательствѣ надъ ними; прилежаніемъ отличались немногіе; среди нихъ господствовала грубость нравовъ; кутежи, драки и разбои были обычнымъ явленіемъ; наказаніемъ служили карцеръ и исключеніе изъ университета. Самыми малочисленнымм факультетами были медицинскій и юридическій, и профессора этихъ факультетовъ часто просятъ объ отставкѣ по недостатку слушателей. Несмотря на малочисленность студентовъ, польза университета для края была несомнѣнно велика: много можно назвать именъ общественныхъ дѣятелей, получившихъ образованіе въ немъ. Признавала пользу университета и страна; лифляндское дворянство въ 1710 году просило царя Петра В. объ открытіи университета. Царь разрѣшилъ открыть университетъ въ Перновѣ и обѣщалъ оказать матеріальную поддержку, но не успѣлъ исполнить своего обѣщанія. Въ 1725 году проситъ о томъже Дерптскій магистратъ, но генералъ-губернаторъ кн. Репнинъ отказалъ ему въ этой просьбѣ. Въ 1764 году русское правительство собираетъ свѣдѣнія о привилегіяхъ шведскаго университета, и только указомъ 4 марта 1799 г. императоръ Павелъ I разрѣшилъ открытіе университета въ Дерптѣ; въ 1800 году, по ходатайству курляндскаго дворянства, предполагалось перенести университетъ въ Митаву: предположеніе это не осуществилось и, сто лѣтъ тому назадъ, 21 апрѣля 1802 года состоялось торжественное открытіе университета въ Дерптѣ; такимъ образомъ исполнилось давнее желаніе страны.

XIII. Засѣданіе 14 сентября.

а) Г. Предсѣдатель (Н. П. Дашкевичъ) открылъ засѣданіе сообщеніемъ о смерти двухъ дѣйствительныхъ членовъ Общества *А. И. Маркевича* и *М. В. Сурина*. Память почившихъ была почтена вставаніемъ.

б) Затѣмъ, имъ же, **Н. П. Дашкевичемъ,** прочтенъ докладъ: *„Грамота 1134 г. князя Ивана Ростиславича Берладника“*. Въ этомъ докладѣ авторъ подвергъ разсмотрѣнію вопросъ о подлинности этой грамоты, отвергаемой академикомъ А. И. Соболевскимъ и румынскимъ славистомъ г. Богданомъ, и, указавъ на отсутствіе историческихъ анахронизмовъ и несообразностей и на возможность объясненія графики, фонетики, орѳографіи, а также формулъ этой грамоты, помимо предположенія о подлогѣ, пришелъ къ выводу о томъ, что подлинникъ грамоты могъ быть написанъ лицомъ, находившимся подъ вліяніемъ югославянскихъ особенностей произношенія и письма, если не волохомъ, и, во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ нуждается въ новомъ пересмотрѣ (Сообщеніе это появится въ свѣтъ въ сборникѣ статей, посвященномъ проф. М. Ф. Владимірскому-Буданову).

По поводу этого доклада произошелъ оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ принимали участіе члены В. З. Завитѳевичъ, М. Н. Ясинскій, М. В. Довнаръ-Запольскій, Т. Д. Флоринскій, В. Н. Перетцъ и Ю. А. Кулаковскій.

в) Д. чл. **М В. Довнаръ-Запольскій** сдѣлалъ сообщеніе: *„Изъ исторіи крѣпостнаго права въ Западной Россіи въ XVIII и XIX в.в.“*.

Во второй половинѣ XVIII вѣка польское общество, подъ вліяніемъ философскаго движенія того времени, обратило вниманіе на тяжелое положеніе крестьянъ. Улучшеніе положенія ихъ многіе признавали необходимымъ даже въ интересахъ, политическихъ и экономическихъ, Польши, приходившей уже въ упадокъ. Въ семейномъ архивѣ графовъ Хребтовичей, владѣнія которыхъ находятся въ Минской и

Виленской губ., есть не мало данныхъ, относящихся къ реформѣ положенія крестьянъ въ этихъ владѣніяхъ. Графъ Хребтовичъ, являющійся крупной личностью и просвѣщеннымъ общественнымъ дѣятелемъ послѣдняго періода существованія Рѣчи Посполитой, считалъ не только необходимымъ и нравственнымъ требованіемъ, но и полезнымъ, улучшить положеніе своихъ крестьянъ. Въ этихъ видахъ имъ былъ составленъ регламентъ, причемъ приведеніе его въ исполненіе было поручено имъ сыну своему графу Адаму Хребтовичу. Реформа была произведена въ концѣ XVIII вѣка. Всѣ крестьяне были освобождены отъ барщины и отъ всякихъ принудительныхъ работъ и надѣлены землей. Однако, землю они получили не въ собственность, а лишь въ аренду; каждый крестьянинъ долженъ былъ брать въ аренду не менѣе 6½ десятинъ пахатной земли. Если крестьянинъ не могъ обработать такого количества земли, то онъ держалъ въ арендѣ только огородъ. Свое хозяйство помѣщикъ велъ при помощи наемнаго труда. Крестьяне, такимъ образомъ, являлись по отношенію къ помѣщику или арендаторами или наемными работниками. Размѣръ арендной платы былъ сравнительно не великъ. Изъ мемуаровъ графа Адама Хребтовича видно, что благосостояніе крестьянъ значительно поднялось, и вообще реформа имѣла благіе результаты; еще больше выигралъ помѣщикъ: помѣщичье хозяйство, перейдя къ началамъ свободнаго труда, стало давать дохода въ 4—5 разъ больше.

По поводу этого доклада сдѣлано нѣсколько замѣчаній членами: В. З. Завитневичемъ и В. А. Чаговцемъ.

XIV. Засѣданіе 28 сентября.

а) Д. чл. А. М. Лободой былъ прочтенъ, за отсутствіемъ д. чл. **К. Ѳ. Радченка,** его рефератъ: *„По вопросу объ отношеніи апокрифовъ къ богомильству“.*

Было время, когда въ славянской наукѣ апокрифическую литературу ставили въ самую тѣсную связь съ дѣятельностью богомиловъ и чуть не въ каждомъ апокрифѣ усмат-

ривали отголоски богомильскихъ воззрѣній. Но болѣе глубокое изученіе какъ богомильства, такъ и апокрифовъ, привело позднѣйшихъ изслѣдователей къ заключенію, что богомиламъ принадлежитъ весьма ограниченная роль въ дѣлѣ составленія, перевода и распространенія апокрифическихъ сочиненій. Нѣкоторые ученые и вовсе отрицали всякое участіе богомиловъ въ апокрифической литературѣ. Истина, кажется, по срединѣ. Есть много данныхъ въ пользу того, что богомилы сами не составляли апокрифовъ и, быть можетъ, не принимали участія въ переводѣ ихъ съ греческаго на славянскій; въ апокрифахъ можно отмѣтить даже антибогомильскія воззрѣнія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, безспорно и то, что богомилы довольно широко пользовались апокрифами, толковали ихъ въ духѣ своего ученія, иногда позволяли себѣ дѣлать вставки, и т. п

Въ подтвержденіе сказаннаго докладчикъ привелъ затѣмъ рядъ характерныхъ данныхъ изъ извѣстной компиляціи попа Іереміи, изъ слова объ Адамѣ и изъ Пренія Христа съ діаволомъ, данныхъ, свидѣтельствующихъ, по мнѣнію докладчика, о томъ, что эти памятники, наряду съ нѣкоторыми богомильскими особенностями, содержатъ и антибогомильскія воззрѣнія и по своему происхожденію не могутъ быть признаны богомильскими.

б) Д. чл. **Н. К. Бокадоровъ** въ своемъ сообщеніи попытался разъяснить *„Происхожденіе легенды о хожденіи Богородицы по мукамъ“*.

Легенда о хожденіи Богородицы по мукамъ, извѣстная въ греческихъ спискахъ XI—XII вѣка и въ позднѣйшихъ славянскихъ, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя данныя, на основаніи которыхъ можно построить гипотезу объ ея древнемъ происхожденіи. Во второй картинѣ ада, изображаемаго въ этой легендѣ, предъ очами изумленной Богоматери разверзается тьма, окутывающая множество грѣшниковъ обоего пола. Увидѣвъ ихъ, прослезилась Пресвятая и спросила, въ чемъ они согрѣшили. Но отъ нихъ не было никакого отвѣта. „Чего же не привѣтствуете Богородицу?“ сказали стражи. Оказалось, что грѣшники были ослѣплены (ἀπὸ τοῦ αἰῶνος). И заплакала Пресвятая,

видя ихъ. Они же сказали ей: „Какъ насъ посѣтила Ты, Пресвятая Владычица?“ При этомъ прибавили, что ихъ не посѣтилъ ни Христосъ, ни праотецъ Авраамъ, ни Іоаннъ Креститель, ни великій пророкъ Моисей, ни апостолъ Павелъ. „Въ этой тьмѣ“, пояснилъ архангелъ Михаилъ, сопровождавшій Божію Матерь, „заключены невѣрующіе ни въ Тройцу, ни въ Богородицу, ни въ рожденіе Христа, Господа Нашего (σὲ θεοτόκον μὴ ὁμολογήσαντες, ὅτι ἐκ σοῦ ἐτέχθη ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστος καὶ σάρκα προελάβετο). И сказала Богородица, обливаясь слезами: „Несчастные! не слышали (развѣ), что имя мое называетъ всякая тварь?“ Руководствуясь этимъ эпизодомъ, хронологическими внѣшними датами о „Видѣніи Павла,“ съ которымъ тѣсно связано „Хожденіе Богородицы“, отсутствіемъ вышеприведенной картины въ другихъ апокрифическихъ сказаніяхъ о страшномъ судѣ, а также широкимъ распространеніемъ легенды на Востокѣ (у сирійцевъ, египтянъ и эѳіоповъ), къ которымъ едвали могла проникнуть легенда съ Запада въ X вѣкѣ, референтъ пришелъ къ заключенію, что легенда о хожденіи Богородицы, вѣроятнѣе всего, явилась въ эпоху извѣстнаго спора Несторія и Кирилла Александрійскаго, когда вопросъ о почитаніи Богоматери охватилъ весь міръ, когда появился цѣлый рядъ сказаній объ апостольской дѣятельности Божіей Матери, религіозно-философскихъ ученій о предстательствѣ Богородицы за живыхъ и усопшихъ христіанъ и, наконецъ, молитвъ къ Божіей Матери.

По поводу этого сообщенія д. чл. *Ю. А. Кулаковскій*, обратилъ вниманіе на важность широкаго изученія архитектоники ада при изслѣдованіи апокрифическихъ сказаній, а въ особенности, на важность изученія апокрифическаго видѣнія апостола Петра, представляющаго образецъ византійскаго апокрифа. При такой точкѣ зрѣнія возможно пролить иной свѣтъ на происхожденіе (несомнѣнно, древнее) разсматриваемаго памятника.

Д. чл. *В. Н. Малининъ*, признавая вѣроятность гипотезы, считаетъ необходимымъ въ вопросѣ о происхожденіи легендъ строго разграничивать дѣятельность отцевъ церкви

отъ коллективнаго народнаго творчества и даже при изученіи легенды въ самомъ зародышѣ примѣнять къ ней теорію Веселовскаго.

Докладчикъ заявилъ, что такая работа, по мѣрѣ силъ, была имъ продѣлана, но не показана за недостаткомъ времени при чтеніи доклада.

Эти замѣчанія вызвали общій обмѣнъ мнѣній о составныхъ элементахъ легендарнаго творчества примѣнительно къ данной легендѣ.

Находившійся среди гостей г. *Г. М. Барацъ,* принявъ участіе въ вызванномъ докладомъ обмѣнѣ мыслей, указалъ на свою статью, напечатанную въ т. IV „Лѣтописи Историко-филолог. О-ва при Император. Новорос. У-тѣ“ за 1894 г. (Византійское отдѣленіе, т. II) подъ заглавіемъ: „Слѣды іудейскихъ воззрѣній въ древне-русской письменности“; въ этой статьѣ онъ еще въ 1894 г. попутно разобралъ обстоятельно и означенный апокрифъ о „Хожденіи Богородицы“, доказывая что послѣдній составляетъ лишь перелицовку древнихъ еврейскихъ агадическихъ (легендарныхъ) сказаній, помѣщенныхъ въ сборникахъ, появившихся не позже VIII вѣка. Изъ упомянутой статьи г. Барацъ прочиталъ подробныя выдержки въ подтвержденіе поразительнаго, по его мнѣнію, сходства „Хожденія“ съ еврейскими легендами, сопоставляя извлеченія изъ „Хожденія“ съ извлеченіями изъ „Трактата о геенѣ“ (Masechet schel gehimon) и изъ „Трактата о мытарствахъ“, включеннаго въ „Сокровенный медрашъ на книгу Руфь“*). Поэтичекому окончанію апокрифа о „Хожденіи“ соотвѣтствуетъ въ еврейской каббалистической письменности безчисленное множество сказаній; напр., въ „Книгѣ небесныхъ палатъ, или храмовъ“ (Sepher Hechaloth, иначе Sepher Chanoch), составляющей еврейскую обработку древнѣйшей „книги Эноха“ **), въ „Midrasch Abba

*) Оба трактата напечатаны въ сборникѣ: „Beth-ha-midrasch“ изд. Іеллинека (вып. 1-й, Лейпцигъ, 1853 г., стр. 147-149 и вып. V-й, Вѣна, 1873 г. стр. 42- 51) и въ книгѣ „Рещитъ-Хохма“, Юзефовъ, 1866 г.

**) Ibid.. вып. V. Вѣна 1773 г., стр. 186.

Gorion" на книгу Есфирь*) и въ Midrasch alpha-betha d'rabbi Akiba" **). По вопросу же о томъ, не заимствованы ли, наоборотъ, еврейскія сказанія изъ христіанскихъ источниковъ? Г. М. Барацъ замѣтилъ, что такое предположеніе допустить невозможно, такъ какъ въ „Хожденіи" говорится, что въ аду въ смоляной рѣкѣ мучатся жиды, вмѣстѣ съ отвергшимися Бога христіанами, а въ другомъ мѣстѣ Пресвятой Богородицѣ приписываются слова: „молюсь не за невѣрныхъ жидовъ; за христіанъ Твое милосердіе молю". Въ виду этого трудно думать, чтобы евреи перенесли подобное сказаніе, хотя бы въ передѣлкѣ, въ свою духовную словесность. Болѣе вѣроятною представляется, поэтому, догадка, что какой-нибудь книжный прозелитъ изъ евреевъ скомпилировалъ апокрифъ изъ еврейскихъ сказаній, придавъ послѣднимъ соотвѣтственную христіанскую окраску.

XV. Засѣданіе 12 октября.

а) Д. чл. **Т Д. Флоринскій** представилъ „*Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію*" ***). Изъ значительнаго числа такихъ трудовъ и изданій референтъ указалъ на статистическіе труды проф. Л. Нидерле относительно количества славянъ и ихъ распредѣленія по Европѣ; въ одномъ: „Kolik bylo Slovanův koncem r. 1900. Odhaduje L. Niederle 8⁰, 11. (Zvlaštni otisk ze Slovanského Přehledu čis. 4 roč. V. 1903)", онъ опредѣляетъ общее количество славянъ въ Европѣ въ 138,591,800 чел.; по оффиціальнымъ же даннымъ ихъ числится 136,987,518 чел.; такъ какъ цифры Нидерле тщательно имъ провѣрены, то, по мнѣнію референта, заслуживаютъ и большаго вѣро-

*) „Сифре д'агардта" т. е. „Сборникъ легендарныхъ толкованій на книгу Есфирь", критическое изданіе С. Бубера, Вильно, 1886, I, гл. 4-я, стр. 32 и 33.

**) Мидрашъ этотъ помѣщенъ въ вышеозначенномъ изданіи Іеллинека, вып. III, Лейпцигъ 1855.

***) См. Универс. извѣстія 1903 г. № 10.

ятія; наибольшій приростъ населенія замѣчается у русскихъ и поляковъ; лужичане же быстро идутъ къ вымиранію. Другой трудъ Л. Нидерле: „Národopisná mapa uherských Slováků na základě sčítání lidu z roku 1900. Vydal Dr Lubor Niederle. Praha 1903. 8⁰. 226+11 kart. Nákladem národopisné společnosti českoslovanské a s podporou české akademie pro vědy, slovesnost u umění (Národopisný sborník českoslovanský, IX)," содержитъ въ себѣ статистическія таблицы и этнографическія карты разселенія угорскихъ словаковъ; и въ таблицахъ и въ картахъ авторомъ точно указано для каждаго поселка процентное отношеніе словаковъ къ другимъ народностямъ: мадьярамъ, нѣмцамъ и русскимъ; въ особую заслугу Нидерле должно быть поставлено стоившее ему большого труда возстановленіе словацкой мѣстной номенклатуры, заботливо искореняемой мадьярскимъ правительствомъ. Къ древнѣйшей исторіи славянъ относятся изслѣдованія В. Панченко: „Памятникъ Славянъ въ Виѳиніи VII вѣка" 8⁰, 48 (Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. VIII. Выпускъ 1—2. Софія, 1902), и В. Златарскаго: „Студии по българската история. София, 1903, 8⁰. 94. („Периодическо Списание", кн. LXIII). Первый сообщаетъ о моливдовулѣ(печати) славянской военной колоніи въ Виѳиніи, ближайшей къ Константинополю малоазійской провинціи; печать относится къ царствованію Константа, именно, къ 650 г., и такимъ образомъ указываетъ на историко-географическій фактъ изъ эпохи славянскихъ передвиженій въ VIII в. и на организацію славянскихъ политическихъ общинъ въ земляхъ Византійской имперіи. Проф. В. Златарскій изслѣдуетъ древнѣйшую исторію Болгаріи и въ вопросѣ о происхожденіи этого государства держится того мнѣнія, что оно образовалось путемъ союза мизійскихъ славянъ съ болгарами, а не путемъ нашествія и завоеванія ихъ послѣдними, какъ предполагали до сихъ поръ. Далѣе референтомъ былъ разсмотрѣнъ рядъ изданій, касающихся исторіи просвѣщенія въ Чехіи. Среди нихъ прежде всего долженъ быть отмѣченъ Альманахъ Чешской академіи: „Almanach České Akademie Císaře Františka Jozefa pro vědy, slo-

vestnost a umeni. Rocnik XIII. Ceska Akademie koncem roku 1902. V Praze. 1903 16°. 205." Онъ содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о состояніи и дѣятельности академіи въ 1902 г. Академія существуетъ 14-й уже годъ подъ управленіемъ своего президента I. Главки, состоитъ изъ 4-хъ отдѣленій и 214 членовъ, въ числѣ которыхъ 10 русскихъ поэтовъ, художниковъ и ученыхъ. Дѣятельность академіи выразилась, между прочимъ, и въ изданіи весьма цѣнныхъ изслѣдованій; изъ нихъ референтомъ разсмотрѣны соч. З. Винтера: „Život a ucenì na partykularních v školách v Čechach v XV a XVI stoleti. Kulturne—historicky obraz. Sepsal Žikmund Winter. V Praze 1901. 8° 822, по исторіи возникновенія и развитія низшихъ школъ въ Чехіи въ XV и XVI вв., съ указаніемъ на общій подъемъ образованности въ народѣ; разсмотрѣны Т. Д. Флоринскимъ также изданные академіей древнѣйшіе переводы басенъ Эзопа въ XV и XVI вв.: „Jana Albína Ezopovy fabule a Brantovy rozprávky. Dle sborniku Prostejovského z r. 1557 vydal uvodem a poznamkami opatril: prilohami doplnil Antonin Truhlar, professor C. K. Academ. gymnasia. V Praze. 1901", и путешествія въ XIII в. Марко Поло въ Среднюю Азію; переводъ путешествія также относится къ XV в.: „Marka Pavlova z Benatek Million. Dle jediného rukopisu spolu s prislusnym základem latinskym vydal dr. Justin V. Prasek. V Praze 1902". Далѣе разсмотрѣно изслѣдованіе В. Флайшганса о литературной дѣятельности Яна Гуса: „Literaturni cinnost Mistra Jana Husa. Napsal dr. Vaclav Flajshans. V Praze. 1900". Флайшгансъ насчитываетъ теперь 111 сочиненій Гуса, тогда какъ прежде ихъ считали только то 42 то 52; разсмотрѣны собраніе писемъ Яна Амоса Коменскаго: „Korrespondence Jana Amosa Komenského. Listy Komenského a vrstevniku jeho. Vydavadr. Jan Kvacala. D. I. 1898. 8° XLVIII+373.—D. II. 1901. 8° XXX +352. V Praze", и составленный Коменскимъ сборникъ пословицъ подъ заглавіемъ „Мудрость старыхъ Чеховъ". „Jana Amosa Komenského „Maudrost starych Čechů za zrcadlo vystavená potomkům" Z rukopisu Lesenského vydava Jan V. Novák. V Praze. 1901. Въ заключеніе референтъ указалъ на появленіе въ свѣтъ второго тома полной научной библіогра-

фіи чешской исторіи: „Bibliografie české historie. Sestavil dr. Čenek Zibrt, M. professor kulturní historie na České universitě, kustos bibliotheky Musea království českého. Díl druhý: I Prameny. II. Zpracování (Politická historie: Celek. Jednotlivá období od věků nejstarších do r. 1419). V Praze. 1902". Составленіе библіографіи принадлежитъ проф. Ч. Зиберту, а издается она на средства той же Академіи, которая, по замѣчанію Т. Д. Флоринскаго, не жалѣетъ средствъ на подобные полезные и почтенные труды своихъ членовъ.

б) Д. чл. **В. Н. Перетцъ** въ своемъ рефератѣ *„Къ объясненію сказаній о провалившихся городахъ"*, указалъ на то, что попытка объясненія такихъ сказаній была сдѣлана уже проф. Н. Сумцовымъ; по мнѣнію послѣдняго, явленія провала городовъ разсматриваются народомъ какъ наказаніе за грѣхи злыхъ людей и такимъ образомъ ставятся въ тѣсную связь съ библейскимъ сказаніемъ о гибели Содома и Гоморры; быть можетъ также, возникновеніе упомянутыхъ сказаній имѣетъ причиной желаніе объяснить находимые остатки свайныхъ построекъ; тотъ же ученый въ заключеніе высказалъ догадку, что въ основаніи этихъ сказаній могутъ лежать дѣйствительно имѣвшія мѣсто въ исторіи земли явленія природы, и привелъ два случая изъ недавняго прошлаго (1892 и 1893 г.); легендарная же окраска сказаній проистекала отъ введенія въ нихъ идеи наказанія за грѣхи. Кромѣ сказаній о провалахъ городовъ, приведенныхъ въ статьѣ г. Сумцова, референтъ сообщилъ и другія, найденныя имъ: 1) въ рукописи 1483 г. Кіево-Михайловскаго (Златоверхаго) монастыря; оно повторяется и въ рукописи XV в. Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, и 2) въ рукописи Импер. Публичной Библіотеки о наводненіи 11 октября 1523 г. Въ этихъ рукописныхъ сказаніяхъ провалы объясняются „злѣйшимъ пребеззаконіемъ;" къ рукописнымъ сказаніямъ референтъ присоединилъ и устное сказаніе, записанное имъ лично въ Новгородской губерніи: „Быль о трехъ сыновьяхъ, что мать продали"; по этому сказанію, дворы трехъ братьевъ, продавшихъ мать, провалились послѣ землетрясенія, напугавшаго все село. Съ этимъ разсказомъ

имѣетъ сходство и разсказъ, записанный въ Конго, объ обиженномъ старикѣ; жители, обидѣвшіе старика, провалились со своимъ городомъ, на мѣстѣ котораго явилось озеро Дилоло. Идея божескаго наказанія за грѣхи является доминирующей въ обоихъ разсказахъ; но говорить о какой-либо связи между русскимъ и африканскимъ разсказомъ едва-ли возможно; поэтому, собранный въ разныхъ концахъ свѣта этнографическій матеріалъ раждаетъ мысль, что преданіе о Содомѣ и Гоморрѣ есть одинъ изъ варіантовъ сказанія, свойственнаго народамъ, находящимся на низкой ступени развитія.

XVI. *Засѣданіе 27 октября.*

Въ настоящемъ годичномъ засѣданіи Общества, происходившемъ въ залѣ торжественныхъ собраній Университета св. Владиміра, былъ прочтенъ составленный секретаремъ **М. Н. Ясинскимъ** „Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца въ 31-мъ году его существованія, т. е. съ 27 октября 1902 г. по 27 октября 1903 г.“ (за болѣзнью М. Н. Ясинскаго отчетъ прочтенъ его помощникомъ И. М. Каманинымъ и будетъ напечатанъ въ слѣдующемъ за симъ выпускѣ „Чтеній“).

Затѣмъ, д. чл. **Н. М. Бубновымъ** была произнесена рѣчь: *„Происхожденіе современной ариѳметики (культурно-историческій очеркъ)“*.

Авторъ началъ съ того, что указалъ на неожиданный для многихъ интересъ вопроса. Современная ариѳметика есть изобрѣтеніе геніальное, между тѣмъ мы не знаемъ, создана ли она однимъ геніальнымъ творцомъ, или есть продуктъ постепеннаго массоваго творчества. Если она продуктъ массового творчества, то появилась-ли она впервые въ одномъ только мѣстѣ, у одного народа, и отсюда распространилась повсюду, или возможно независимое ея происхожденіе въ двухъ разныхъ мѣстахъ. Арабское происхожденіе ея не только не доказано, но и прямо опровергается арабскими же писате-

лями IX—XI вѣка, которые согласно указываютъ на Индію, какъ на ея родину. Индусы уже въ XI столѣтіи признавали за собой заслугу изобрѣтенія ариѳметики. Но ни арабы, ни индусы не являются вполнѣ достовѣрными свидѣтелями въ данномъ случаѣ. Рядъ примѣровъ показываетъ, что и тѣ и другіе часто ошибались. За индусское выдавалось то, что было по-просту заимствовано у грековъ. Существованіе нашей ариѳметики у индусовъ не доказано ранѣе 400 г. послѣ Р. Х. Поиски знаковъ индусскихъ, отъ которыхъ можно было бы съ достовѣрностью произвести наши цыфры, остались покамѣстъ безрезультатны. Стремленіе найти генетическую связь между сущностью нашей ариѳметики и индусскимъ геніемъ, связать нуль съ нирваной, напрасны. Нуль есть топографическій знакъ, и вся наша ариѳметика покоится на значеніи цыфръ по положенію, т. е. на принципѣ пространственномъ, геометрическомъ. Какъ этой своей стороной, такъ и вообще своей ясностью и простотой, ариѳметика связана генетически не съ индусскимъ, любящимъ все преувеличенное, причудливое, неопредѣленное, геніемъ, а съ геніемъ эллиновъ. Свѣточъ научнаго математическаго знанія, впервые загорѣлся въ греческомъ мірѣ и отсюда освѣщаетъ весь земной шаръ. Индусы со времени Александра Великаго многое заимствовали у грековъ. Вліяніе на нихъ греческой математики—точно установленный фактъ. Ихъ всемірный патентъ на нашу ариѳметику можетъ въ сущности прикрывать лишь незначительное усовершенствованіе внѣшняго характера.

Но гдѣ же намъ искать неиндусской ариѳметики для сравненія ея съ индусской и опредѣленія ихъ взаимной генетической связи? Таковая, несмотря на всю видимую безнадежность поисковъ, нашлась, и честь ея открытія принадлежитъ извѣстному французскому математику Шалю (Chasles). Обломки этой ариѳметики и до Шаля находились у насъ, русскихъ, подъ бокомъ. Это—наши русскіе счеты, гдѣ жетоны имѣютъ значеніе по положенію, гдѣ проволока, пустая съ лѣвой стороны, замѣняетъ собой нуль, а значеніе жетоновъ увеличивается въ десятерной прогрессіи. Подобный же ин-

струментъ представляетъ собой китайскій суанъ-панъ, гдѣ однако каждая проволока раздѣлена на двѣ части: съ лѣвой жетонъ имѣетъ значеніе единицы, и такихъ жетоновъ четыре; съ правой находится всего одинъ жетонъ и означаетъ пять такихъ единицъ, какія стоятъ слѣва. Совершенное сходство съ китайскимъ представляетъ собой древнеримскій счетный инструментъ, абакъ, отъ котораго онъ, вѣроятно, и произошелъ. Древнему греческому міру была извѣстна въ V—II вв. до Р. X. еще болѣе древняя форма счетнаго инструмента, т. е. доска стола (каковая доска и обозначалась греческимъ словомъ абакъ, ἄβαξ), на которой проводились колонны съ помѣтками наверху: 1, 10, 100, 1000, и т. д., или же просто дѣлались такія помѣтки. Въ колоннахъ или подъ помѣтками раскладывались жетоны [псефы, ψῆφοι], изъ которыхъ каждый имѣетъ значеніе единицы. Главное отличіе отъ римскаго абака состоитъ въ томъ, что жетоны еще не прикрѣплены, а свободны. Совершенно невѣроятно, чтобы у геніальныхъ греческихъ математиковъ не явилось мысли употреблять на такомъ абакѣ не чистые жетоны, а съ надписаніемъ на нихъ буквъ греческаго числоваго алфавита, равнозначащихъ нашимъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Достаточно было одну колонну, или мѣсто противъ помѣтки, не заполнить однимъ изъ этихъ девяти родовъ жетоновъ, чтобы эта колонна или мѣсто пріобрѣтала значеніе нуля. Наконецъ, стоило, кромѣ девяти родовъ жетоновъ, помѣченныхъ 1, 2, 3—9, пустить въ ходъ еще десятый родъ непомѣченный, чтобы колонны и помѣтки на доскѣ, т. е. на абакѣ, становились излишними. Непомѣченный жетонъ, псифосъ или псефосъ, вполнѣ и по значенію и по формѣ идентиченъ съ нулемъ. Простой переходъ отъ инструментальнаго [на абакѣ и при помощи жетоновъ] счисленія и вычисленія къ письменному [на писчемъ матерьялѣ] далъ бы ариѳметику, которая ничѣмъ [кромѣ не имѣющей значенія формы знаковъ] не отличалась бы отъ современенной, якобы индусской. При дороговизнѣ писчаго матерьяла и при невозможности имѣть его всегда передъ собой переходъ отъ инструментальнаго къ письменному счи-

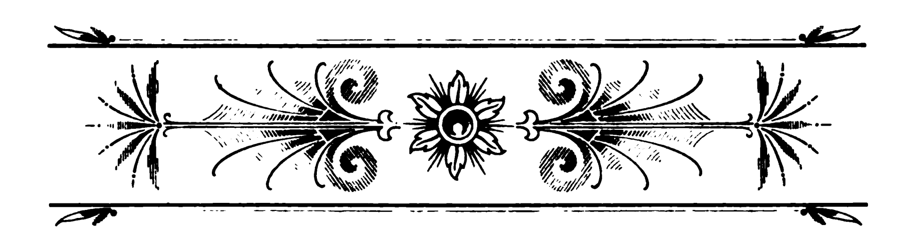
сленію и вычисленію не былъ бы такимъ важнымъ усовершенствованіемъ, какъ это можетъ казаться теперь; хотя и въ настоящее время инструментальное вычисленіе при сложеніи и вычитаніи еще борется успѣшно съ письменнымъ (счеты). Мы не можемъ утверждать, чтобы этотъ переходъ отъ инструментальнаго къ письменному былъ сдѣланъ въ греческомъ мірѣ. Во всякомъ случаѣ, если даже онъ и былъ сдѣланъ, то не получилъ всеобщаго распространенія и не закрѣпилъ за нашей письменной ариѳметикой названія греческой. Инструментальное же счисленіе и вычисленіе достигло въ греческомъ мірѣ несомнѣнно своей послѣдней стадіи развитія, т. е. оно производилось на столовой доскѣ, абакѣ, съ колоннами или помѣтками, при помощи помѣченныхъ жетоновъ для девяти первыхъ чиселъ, или же, можетъ быть, и на любомъ столѣ при помощи девяти родовъ помѣченныхъ жетоновъ и десятаго рода непомѣченнаго жетона [псифоса]. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такіе жетоны не сохранились до нашего времени, особенно съ помѣтками: они были изъ непрочнаго легкаго матерьяла, и помѣтки могли скоро стираться; другая же сторона инструментальнаго счисленія, самый столъ, могъ ничѣмъ не отличаться отъ обыкновеннаго стола. Столы же—абаки, съ помѣтками или колоннами, извѣстны намъ изъ греческой древности. Писателямъ сохранившихся до насъ греческихъ сочиненій не было повода касаться этого предмета элементарнаго школьнаго обученія. Но лучше всего существованіе у грековъ и римлянъ такой высшей формы инструментальнаго счисленія и вычисленія доказывается фактомъ переживанія его въ Римской имперіи и въ средніе вѣка въ Западной Европѣ. Рядъ писателей, начиная съ Герберта [папы Сильвестра II], написавшаго въ 982 г. свое сочиненіе о способахъ обращаться съ числами на абакѣ, и Геригера, одновременно съ Гербертомъ писавшаго о томъ же, и до XII в., когда появляется и медленно до XVI в. распространяется по Европѣ изъ арабскихь рукъ наша письменная ариѳметика, знакомятъ насъ съ тѣмъ, что это былъ за абакъ. Шаль впервые познакомился съ этими забытыми абацистами X—XII вв. и, поль-

зуясь нѣкоторыми изъ нихъ, объяснилъ непонятный до тѣхъ поръ трактатъ Герберта. Онъ же показалъ, что система этого абака отличалась отъ нашей ариѳметики только тѣмъ, что вычисленія производятся на разграфленной колоннами доскѣ, гдѣ нуль или замѣняется пустой колонной или фигурируетъ на колоннахъ въ видѣ непомѣченнаго цыфрами жетона, кружка, называвшагося „сипосъ" (очевидно, испорченное „псифосъ"). Всякое число легко выражалось жетонами съ помѣченными на нихъ первыми девятью буквами латинскаго или греческаго числоваго алфавита, чистый жетонъ былъ роскошью. Операціи были разнообразнѣе нашихъ, но и наши методы умноженія и дѣленія были извѣстны абацистамъ. Шаль совсѣмъ отвергъ передачу въ Европу ариѳметики черезъ арабовъ изъ Индіи и доказывалъ, что въ Европѣ ариѳметика развилась въ XII столѣтій незамѣтно изъ абака, т. е. инструментальныя операціи замѣнены письменными, которыя однако вполнѣ вытекаютъ изъ инструментальныхъ, являются подражаніемъ ихъ на бумагѣ, замѣнившей инструментъ. Абакъ X—XII вв. Шаль выводилъ изъ Греціи. При этомъ Шаль, какъ и всѣ, рѣшавшіе до него вопросъ о происхожденіи нашихъ цыфръ, а послѣ него вопросъ о цыфрахъ и родинѣ абака X—XII вв., опирался главнымъ образомъ на пресловутую геометрію Боэція († 524), одного изъ послѣднихъ представителей грекоримской образованности. Въ этой геометріи авторъ приводитъ прототипы нашихъ, т. называемыхъ арабскихъ цыфръ, описываетъ абакъ, во всемъ сходный съ абакомъ X—XII вв., и операціи на немъ, а изобрѣтеніе абака и знакомство съ цыфрами приписываетъ Пиѳагору (VI в. до Р. Х.). Самъ онъ лично заимствовалъ будто бы свѣдѣнія о немъ у пиѳагорейца Архита, писавшаго полатыни. Близкое изученіе вопроса позволило докладчику модифицировать систему Шаля слѣдующимъ образомъ. Наша ариѳметика развилась изъ греческаго абака, вполнѣ сходнаго съ абакомъ X—XII вв., не въ Европѣ, а, можетъ быть, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ еще въ греческой древности, во всякомъ случаѣ въ Индіи до 400 г. по Р. Х., куда этотъ абакъ проникъ вмѣстѣ съ греческой математикой. Но

мысль Шаля вѣрна въ томъ смыслѣ, что, если бы переработавшійся въ Индіи въ нашу ариѳметику греческій абакъ опоздалъ явиться въ Европу столѣтія на два, на три, то онъ переработался бы въ совершенно съ нашей схожую ариѳметику (кромѣ внѣшней формы знаковъ) вторично въ Европѣ и безъ всякаго содѣйствія индусовъ. Греческое же происхожденіе абака X—XII вв., докладчикъ устанавливаетъ вполнѣ точно, не опираясь на геометрію Боэція. Докладчикъ имѣлъ счастіе разрѣшить окончательно трехвѣковой (XVII—XIX) вопросъ о подлинности геометріи Боэція и показалъ, что она есть злостный и сознательный подлогъ XI в. Архитъ, на котораго ссылается Боэцій, есть на самомъ дѣлѣ Гербертъ и притомъ одинъ разъ Гербертъ настоящій (Псевдобоэцій пользовался испорченнымъ текстомъ трактата Герберта объ абакѣ, какой былъ въ ходу въ XI в.), а другой разъ Гербертъ не настоящій (подъ именемъ Герберта въ XI в. ходило сочиненіе о геометріи, принадлежащее Эпафродиту и Витрувію Руфу).

Итакъ, древнѣйшее мѣсто, на которомъ въ своей первичной инструментальной оболочкѣ встрѣчается наша ариѳметика, есть греческій міръ. Гипотеза самостоятельнаго ея зарожденія въ двухъ разныхъ мѣстахъ уже a priori мало вѣроятна, но греческій абакъ имѣетъ три чисто случайныхъ сходства съ индусской ариѳметикой (знаки увеличиваются въ значеніи справа на лѣво, числа дѣлятся на трехзначныя группы, нуль имѣетъ форму греческаго круглаго псефоса), которыя такую гипотезу совершенно исключаютъ.

Значитъ, наша ариѳметика во всѣхъ ея элементахъ есть изобрѣтеніе греческое. Въ Индіи она впервые сбросила съ себя окончательно инструментальную оболочку и отсюда, обновленная, проникла черезъ арабовъ къ XII в. въ христіанскую Европу. Но въ Европѣ въ то время былъ еще живъ греческій абакъ и, слѣдовательно, были всѣ элементы нашей ариѳметики; ея инструментальная оболочка уже ветшала и изъ нея вышла бы съ неизбѣжностью, безо всякаго содѣйствія индусовъ и арабовъ, таже ариѳметика, какой мы теперь пользуемся подъ невѣрнымъ названіемъ индусской.



КІЕВСКІЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВЪ

ДЛЯ ДРЕВНИХЪ АКТОВЫХЪ КНИГЪ
губерній Кіевской, Подольской и Волынской
въ теченіе протекшихъ 50 лѣтъ его существованія
(1852—1902 г.).

I. — Учрежденіе въ западныхъ губерніяхъ архивовъ для древнихъ актовыхъ книгъ, а въ томъ числѣ и Кіевскаго, было вызвано необходимостью, съ одной стороны, положить конецъ многочисленнымъ поддѣлкамъ документовъ, широко развившимся еще въ то время, когда книги хранились въ старыхъ уѣздныхъ судахъ, съ другой, облегчить заинтересованнымъ лицамъ отысканіе важныхъ для нихъ документовъ, будутъ-ли эти лица имѣть въ виду практическія или научныя цѣли. Учрежденіе это 2-го апрѣля 1852 г. состоялось по ходатайству Кіевской Археографической Коммиссіи, имѣвшей въ виду, главнымъ образомъ, научные интересы. Всѣ присутственныя мѣста, гдѣ только хранились древнія актовыя книги, должны были составить описи ихъ и препроводить въ учреждаемые центральные архивы, о чемъ всякій разъ сообщалось въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Согласно съ этимъ требованіемъ закона, актовыя книги юго-западныхъ губерній были быстро собраны въ Кіевскомъ Архивѣ, и число ихъ, по истеченіи 2-хъ лѣтъ, поднялось до 5838; вмѣстѣ съ книгами были доставлены и относящіеся къ нимъ отдѣльные документы въ количествѣ 453,381. Съ теченіемъ времени цифра древнихъ актовыхъ книгъ хотя и увеличивалась, но въ очень незначительныхъ размѣрахъ, такъ какъ

главная масса ихъ, уцѣлѣвшая въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, находилась уже въ Центральномъ Архивѣ, и къ концу первыхъ 25 лѣтъ существованія Архива актовыхъ книгъ было всего лишь 5883, а отдѣльн. документовъ 454,979. Въ Архивъ поступили актовыя книги всѣхъ уѣздныхъ судовъ трехъ юго-западныхъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, а магдебургскія книги лишь наиболѣе важныхъ городовъ края (25 уѣздныхъ городовъ и мѣстечекъ *).

Въ теченіе второго 25-лѣтія существованія Архива приращеніе имущества Архива было значительно больше, именно, съ 1884 г. стали поступать старыя дѣла изъ окружныхъ судовъ края, изъ архивовъ Кіевскаго Губернскаго Правленія, Кіевской Казенной Палаты, Приказа Общественнаго Призрѣнія, а также документы и книги изъ Черниговской Казенной Палаты, содержащія въ себѣ описи монастырскихъ имѣній, переданныхъ въ казну въ 1786 году, и изъ другихъ учрежденій; поступленія продолжаются и до сихъ поръ.

II. — Центральный Архивъ въ Кіевѣ, какъ учрежденный, главнымъ образомъ, въ интересахъ науки, былъ присоединенъ къ Университету св. Владиміра и подчиненъ Правленію Университета, а ближайшее завѣдываніе имъ возложено на библіотекаря Университета. Штатъ Архива до 1883 года, т. е. въ первые тридцать лѣтъ его существованія. состоялъ изъ двухъ штатныхъ помощниковъ завѣдывающаго Архивомъ: постояннаго съ жалованьемъ въ 350 руб. и временнаго съ жалованьемъ въ 500 руб. Малочисленность личнаго состава дала себя почувствовать въ первые же годы дѣятельности Архива, и тогда было рѣшено увеличить штатъ его двумя служащими по найму на остатки отъ той суммы въ 2000 рублей, которая была назначена на первоначальное обзаведеніе Архива,

*) Вотъ перечень этихъ городовъ: по Кіевской губерніи: г. Кіевъ, Звенигородка, Богуславъ и Каневъ; по Волынской: Житоміръ, Луцкъ, Кременецъ, Владиміро-Волынскъ, Ковель, Овручъ, Дубно, м. Олыка, (Дубен. у.), м. Выжва (Ковел. у.) и м. Ратное (Ковел. у.); по Подольской губерніи: г. Каменецъ-Подольскъ, Брацлавъ, Винница, Летичевъ, Гайсинъ, Литинъ, Баръ, Ушица, Проскуровъ и Хмельникъ.

съ платой каждому по 250 руб. въ годъ; въ октябрѣ 1855 года деньги были издержаны, и Архивъ остался при своемъ прежнемъ составѣ; составленіе описей было прервано, такъ какъ Архивъ едва справлялся съ выдачею выписей. Вслѣдствіе этого кн. И. И. Васильчиковъ, бывшій тогда Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, пользуясь проѣздомъ черезъ Кіевъ Императора Александра II, въ сентябрѣ 1857 года, представилъ всеподданнѣйшій докладъ Его Величеству о состояніи Центральнаго Архива и недостаточности его средствъ и получилъ Высочайшее повелѣніе ходатайствовать объ увеличеніи штата этого учрежденія. Пока шла по этому поводу оффиціальная переписка, въ Архивѣ стали заниматься снова временные служащіе; только съ 1863 года Министерство Народнаго Просвѣщенія нашло возможнымъ ассигновывать ежегодно по 1500 р.; сумма эта расходовалась на составленіе описей; въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ (со второй половины 1863 года по 1 января 1866 г.) въ Архивѣ работало 24 человѣка (изъ нихъ съ высшимъ образованіемъ было всего лишь девять человѣкъ), получавшіе плату и задѣльно и помѣсячно (сначала отъ 15 до 20 р., а позже по 25 и 30 р. въ мѣсяцъ).Надзоръ за составленіемъ описей былъ порученъ адъюнкту греческой словесности К. Ѳ. Страшкевичу. За все это время было описано 33,240 отдѣльныхъ документовъ и 216 актовыхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ 45,756 актовъ. Изъ этого числа только описи къ 34 книгамъ XVIII вѣка были представлены завѣдывающимъ Архивомъ въ Правленіе Университета для утвержденія къ напечатанію; но послѣднее признало ихъ неудовлетворительными вслѣдствіе отсутствія всякаго однообразія въ ихъ составленіи; вслѣдствіе темноты и двусмысленности изложенія содержанія актовъ; вслѣдствіе неправильности переводовъ юридическихъ терминовъ; вслѣдствіе погрѣшностей противъ грамматики русскаго языка; вслѣдствіе небрежнаго писанія, отчего произошли пропуски буквъ, словъ и даже цѣлыхъ выраженій; наконецъ, вообще, вслѣдствіе отсутствія часто въ составленныхъ описяхъ всякаго смысла.

Такимъ образомъ, опытъ 14-ти лѣтъ показалъ всю трудность и важность работы надъ составленіемъ описей и привелъ къ сознанію необходимости привлечь къ этой работѣ людей, болѣе заинтересованныхъ въ дѣлѣ и болѣе къ нему подготовленныхъ; поэтому, вступившій тогда (т. е. въ 1867 г.) въ завѣдываніе Архивомъ покойный К. А. Царевскій ходатайствовалъ о назначеніи ему двухъ временныхъ помощниковъ по найму, съ содержаніемъ каждому изъ нихъ по 650 р. въ годъ изъ суммы въ 1500 руб., ежегодно ассигнуемой министерствомъ на усиленіе средствъ Архива. Ходатайство г. Царевскаго было уважено. Строгое съ тѣхъ поръ отношеніе Правленія Университета къ выбору лицъ на новыя должности привело къ желанному результату: въ 1869 году напечатаны были съ разрѣшенія Правленія Университета первыя четыре описи актовыхъ книгъ; съ этихъ поръ составленіе и печатаніе описей не прекращается и продолжится, конечно, и на будущее время, если условія, въ которыхъ стоитъ это дѣло теперь, буде не улучшатся, то хотя бы не измѣнились. Въ тридцати-пяти-лѣтній періодъ времени (1867—1902 гг.) обѣ должности временныхъ помощниковъ были занимаемы тринадцатью лицами, изъ которыхъ высшаго образованія не получило только одно лицо (И. П. Новицкій); но и оно доказало свои способности, знанія и любовь къ дѣлу какъ рядомъ напечатанныхъ описей актовыхъ книгъ Архива, такъ и постояннымъ участіемъ въ трудахъ Археографической Коммиссіи въ качествѣ ея члена.

Ограниченное содержаніе какъ штатныхъ, такъ и вольнонаемныхъ, помощниковъ Завѣдывающаго Архивомъ приводило къ тому, что эти лица смотрѣли на свою службу въ Архивѣ, какъ на переходную ступень къ болѣе выгодной и лучше оплачиваемой должности и потому оставались въ Архивѣ очень короткое время; частая смѣна служащихъ и время, затрачиваемое на ихъ обученіе и приспособленіе къ труду, въ значительной степени задерживали успѣшность и быстроту архивныхъ работъ и привели къ необходимости, ради удержанія одного и того же лица на болѣе продолжи-

тельное время на службѣ въ Архивѣ, снисходительно смотрѣть на ихъ постороннія занятія. Архивъ, съ своей стороны, для предупрежденія этого явленія, еще въ 1868 г. входилъ съ представленіемъ объ увеличеніи жалованья архивистамъ до 800 р., но въ этомъ ходатайствѣ ему было отказано; позже онъ пришелъ къ мысли о соединеніи двухъ штатныхъ должностей въ одну, съ присвоеніемъ ей содержанія обоихъ вмѣстѣ; это новое ходатайство Архива было уважено въ 1882 году, и съ этого времени въ немъ числилось два помошника завѣдывающаго Архивомъ по найму и одинъ штатный. Но практика жизни предъявляетъ къ архивистамъ все новыя и большія требованія, удовлетворить которыя при настоящихъ условіяхъ положенія архивовъ западныхъ губерній становится все труднѣе. Еще въ 1884 году, по Высочайшему повелѣнію, былъ возбужденъ объ этомъ вопросъ; въ 1892 году созвана была въ С.-Петербургѣ спеціальная коммиссія, выработавшая проектъ новыхъ условій положенія западныхъ архивовъ, соотвѣтственно требованіямъ времени, и проектъ этой коммиссіи ждетъ своего осуществленія, съ тѣми измѣненіями, которыя будутъ въ немъ сдѣланы теперь. Неизвѣстность окончательной формы этого проекта удерживаетъ насъ отъ сообщенія и разбора его положеній.

III. — Дѣятельность архивовъ, согласно съ требованіемъ Высочайшаго указа 2 апрѣля 1852 г., выражается въ храненіи актовыхъ книгъ, въ составленіи къ нимъ описей и въ выдачѣ выписей по требованіямъ правительственныхъ учрежденій и просьбамъ частныхъ лицъ.

1.—Забота о храненіи актовыхъ книгъ и отдѣльныхъ документовъ состоитъ не только въ удобномъ ихъ помѣщеніи и размѣщеніи, но и въ приведеніи въ лучшій внѣшній видъ посредствомъ исправленія старыхъ и устройства новыхъ переплетовъ къ книгамъ и документамъ. Имѣя въ виду важность для науки архивнаго матеріала и невозможность его возстановленія на случай гибели, Правленіе Университета отвело для Архива лучшее въ зданіи и наиболѣе безопасное отъ огня помѣщеніе, устроило крѣпкіе наглухо запираемые шка-

фы и тѣмъ защитило книги отъ пыли, а для отдѣльныхъ документовъ, сверхъ того, построило и коробки. Но скудость средствъ не позволяетъ быстраго и полнаго приведенія въ порядокъ актовыхъ книгъ и отдѣльныхъ документовъ; они переплетаются понемногу, и огромная ихъ масса ждетъ еще своей очереди. Съ теченіемъ времени количество архивнаго матеріала ростетъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все сильнѣе чувствуется потребность въ новомъ болѣе цѣлесообразномъ помѣщеніи Архива. Этотъ вопросъ разрѣшится, вѣроятно, лишь съ постройкой особаго общаго зданія и для Библіотеки Университета и для Архива, зданія, отвѣчающаго всѣмъ строгимъ современнымъ требованіямъ для такого рода учрежденій.

2.—Самой важной задачей Архива является составленіе описей къ актовымъ книгамъ и отдѣльнымъ документамъ; говоря о личномъ составѣ, мы указали уже на то, что привлеченіе къ дѣлу лицъ, не заинтересованныхъ въ немъ и неподготовленныхъ къ нему, привело къ печальному результату: работы ихъ оказались никуда негодными; правильное составленіе и печатаніе описей началось лишь съ 1869 года и продолжается хотя медленно, но вѣрно, благодаря тѣмъ мѣрамъ, которыя Правленіе Университета до сихъ поръ употребляло, именно, благодаря выбору достойныхъ и способныхъ къ дѣлу лицъ и удержанію ихъ на болѣе продолжительное время при этомъ дѣлѣ.

При составленіи описей къ древнимъ актовымъ книгамъ не менѣе важна программа, по которой они должны быть ведены. Въ 1852 г., когда Архивъ только что учреждался, эта программа, согласно съ указомъ 2 апрѣля, была такова: въ началѣ должно обозначать время составленія акта, потомъ время внесенія его въ актовую книгу и, наконецъ, краткое изложеніе содержанія акта; при этомъ акты должны быть раздѣляемы на два главныхъ разряда: явленныхъ и сознанныхъ. Дальнѣйшая практика составленія описей указала на невозможность и ненужность раздѣленія актовъ на явленные и сознанные, но вызвала необходимость обстоятельнаго поименованія въ описи главныхъ дѣйствуюшихъ лицъ

и историческихъ дѣятелей, перечисленія географическихъ названій, а также болѣе обстоятельнаго описанія документовъ, имѣющихъ историко-юридическое значеніе, т. е. внесенія въ опись подробностей и фактовъ, указывающихъ на научное значеніе документовъ. Указъ 2 апрѣля имѣетъ также въ виду и цѣли науки; онъ требуетъ, сверхъ краткихъ описей, составленія полныхъ и подробныхъ каталоговъ, долженствующихъ заключать въ себѣ свѣдѣнія, необходимыя для научныхъ изслѣдованій; требованіе это чрезвычайно туманно и неопредѣленно, такъ какъ неизвѣстно, что слѣдуетъ разумѣть подъ полными и подробными каталогами, и потому оставалось безъ исполненія; но и здѣсь пришла на помощь практика; она показала, что краткія описи могутъ быть годны, если ихъ приспособить для этого, и для научныхъ изслѣдованій. Вопросъ объ этомъ приспособленіи и до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно. Мы не будемъ излагать длинную литературу этого вопроса, а укажемъ лишь на тѣ типы описей, которые предлагаются въ настоящее время нашими учеными архивистами:

а) Сохраненіе настоящихъ краткихъ описей, съ присоединеніемъ къ нимъ, для удобства всякихъ справокъ, личныхъ, географическихъ и предметныхъ указателей;

б) Составленіе къ самимъ актамъ личныхъ, географическихъ и предметныхъ указателей, безъ краткихъ описей;

в) Обозрѣніе содержанія большихъ группъ однородныхъ документовъ, съ присоединеніемъ указателей;

г) Составленіе указателя фактовъ личной, общественной и государственной жизни, а не вообще предметовъ, со внесеніемъ въ него лишь именъ должностныхъ лицъ, историческихъ дѣятелей и географическихъ названій, и

д) Описаніе однихъ имѣющихъ научное значеніе историко-юридическихъ документовъ.

Каждая изъ указанныхъ системъ описей имѣетъ свои удобства и неудобства; но каждая тогда только будетъ удовлетворять научнымъ и практическимъ требованіямъ, когда составленіе описей будетъ поручено лицамъ, подготовленнымъ

къ этой работѣ, исключительно ею занятымъ, съ широкимъ историческимъ кругозоромъ и съ умѣніемъ научно разрабатывать описываемый матеріалъ.

Всѣ перечисленныя условія, необходимыя для составленія описей, еще болѣе необходимы при разборѣ старыхъ дѣлъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ и выборѣ изъ нихъ документовъ и дѣлъ, имѣющихъ научное значеніе, заслуживающихъ вѣчнаго храненія и передачи или въ Центральный Архивъ или въ архивы губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій, которыя теперь учреждаются почти повсемѣстно. До сихъ поръ эта архивная функція не поставлена у насъ настолько прочно, чтобы могла исключать сѣтованія на уничтоженіе важныхъ въ научномъ отношеніи дѣлъ. Часто, особенно въ провинціальныхъ городахъ, разборъ архивовъ поручается лицамъ, совершенно незнакомымъ съ научными требованіями. Надзора за ихъ дѣятельностью нѣтъ никакого. Недостатокъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, есть одна изъ главныхъ причинъ гибели цѣннаго научнаго матеріала для будущихъ историковъ; вопросъ о томъ, кому слѣдуетъ поручать разборъ уничтожаемыхъ старыхъ дѣлъ, кто долженъ наблюдать и, главное, руководить имъ, въ настоящее время обсуждается компетентными лицами, и о результатахъ ихъ обсужденія мы не упустимъ сдѣлать своевременно сообщеніе.

3.—Менѣе важной обязанностью Архива, въ кругу другихъ его работъ, по-видимому, должна была бы быть выдача выписей; и такой она дѣйствительно была бы, если бы книги не были повреждены подлогами; въ виду же существованія большого количества фальшивыхъ документовъ, выдаваемыя копіи ихъ требуютъ особаго вниманія и осторожности, такъ какъ ошибки въ опредѣленіи подлинности или подложности документа влекутъ за собой часто непоправимый вредъ для заинтересованнаго лица.

Подлоги въ актовыхъ книгахъ начались давно, еще при существованіи польскихъ судовъ въ XVIII в.; съ присоединеніемъ Юго-Западнаго края къ Россіи они усилились, вызванные новыми условіями жизни. Сначала подлоги вызывались

безконечными вѣковыми тяжбами изъ-за земли; всякаго рода юридическіе акты, какіе только могли доказывать право на владѣніе землей, фабриковались и вносились въ актовыя книги; по присоединеніи Западнаго края, когда потребовались доказательства дворянскаго происхожденія у многочисленной польской мелкой шляхты, документы стали поддѣлываться уже съ этой исключительно цѣлью. Фабрикація дворянскихъ документовъ производилась до того широко и открыто, что правительство, кромѣ наказанія обнаруженныхъ виновниковъ, пыталось предупредить это преступленіе учрежденіемъ нѣсколькихъ провѣрочныхъ и ревизіонныхъ коммиссій 1833, 1835, 1840 и 1842 годовъ; но мѣра эта не достигала цѣли; наконецъ, по мысли профессора Н. Д. Иванишева, главнаго редактора Кіевской Археографической Коммиссіи, обратившаго вниманіе на актовыя книги, какъ на неисчерпаемый историческій матеріалъ для изображенія всѣхъ сторонъ жизни края, они, какъ мы сказали вначалѣ, были собраны въ особыя учрежденія — центральные архивы и поставлены въ условія, весьма неблагопріятныя для совершенія новыхъ подлоговъ; но и здѣсь актовыя книги не уберегли; въ концѣ 1867 года были обнаружены если не новые подлоги, то злоупотребленіе фальсифицированными раньше документами; возникло слѣдственное дѣло, которое велось особой коммиссіей, состоявшей при канцеляріи Кіевскаго губернатора. Когда же виновныхъ коммиссіи не удалось обнаружить, то на нее возложена была обязанность пересмотра всѣхъ актовыхъ книгъ и опредѣленія, какія части ихъ повреждены подлогами; но эта новая обязанность, требовавшая опытности и огромной массы времени, была выше силъ коммиссіи, и послѣдняя постепенно прекратила свою дѣятельность: члены ея выбывали, а преемники имъ уже не назначались. Дѣло разслѣдованія подлоговъ въ актахъ остановилось, и вотъ уже болѣе 30 лѣтъ не двигается. Обнаруженіе подлоговъ въ 1869 г. вызвало пріостановку дѣлопроизводства въ дворянскихъ депутатскихъ собраніяхъ и въ Департаментѣ Герольдіи о дворянствѣ лицъ мѣстной польской шляхты по документамъ, выдаваемымъ изъ Кіевскаго

Центральнаго Архива. Пріостановка продолжается до сихъ поръ; масса лицъ, ищущихъ дворянства, не утверждается вслѣдствіе этого въ искомыхъ правахъ, пока слѣдственная коммиссія не закончитъ просмотра всѣхъ документовъ, и не опредѣлитъ, насколько они подлинны или подложны. Какъ велико количество подложныхъ документовъ, трудно въ точности сказать; во всякомъ случаѣ, ихъ надо считать тысячами. Въ Архивѣ хранятся цѣлыя книги, въ которыхъ нѣтъ ни одного подлиннаго документа, а между тѣмъ изъ этихъ книгъ не мало выдано засвидѣтельствованныхъ выписей.

Обнаруженіе подлоговъ требуетъ, само собою разумѣется, большого навыка. Чѣмъ меньше хронологическое разстояніе между датой документа и временемъ подлога, тѣмъ труднѣе обнаружить таковой. Вообще подлоги можно раздѣлить на искусные и грубые. Замѣтить ихъ удается отчасти по порчѣ самой книги: нарушеніе печати, вклейка подложнаго документа, поправки въ пагинаціи и нумераціи актовъ, порча реестровъ и проч.; но очень часто и съ этой стороны подлогъ бываетъ сдѣланъ чрезвычайно тщательно; правописаніе, языкъ, соблюденіе юридическихъ формальностей бываютъ въ грубыхъ подлогахъ иногда не выдержаны; но это случается очень рѣдко: фальсификаторы пунктуально воспроизводили всѣ особенности подлинныхъ актовъ, сосѣднихъ въ книгѣ съ подложными. Но чего они никогда не могли достигнуть, это—точнаго воспроизведенія стараго почерка и подысканія бумаги съ такими филигранями, какія господствуютъ въ извѣстное время и въ извѣстной мѣстности. Такимъ образомъ, палеографія и водные знаки бумаги являются единственными и наиболѣе сильными обличителями подлоговъ. При стараніи и ловкости все удавалось поддѣлать, но воспроизвести почеркъ извѣстнаго времени и подобрать бумагу съ подходящими къ тому же времени водными знаками было выше силъ фальсификаторовъ, потому что требовало изученія и того и другаго, а фальсификаторы не обладали для этого ни нужными знаніями, ни средствами, ни временемъ, ни способностью къ дѣлу. Вслѣдствіе этого практика выдачи выписей и опредѣ-

ленія ихъ подлинности или подложности привела насъ къ необходимости заняться изученіемъ палеографіи и собраніемъ водныхъ знаковъ; изученіе палеографіи русской, польской и латинской, имѣвшей распространеніе въ Юго-Западномъ краѣ, мы приняли на себя, а собираніе водныхъ знаковъ ведетъ уже нѣсколько лѣтъ г-жа А. И. Витвицкая. Результаты изученія русской палеографіи мы представили уже въ 1-мъ вып. „Палеографическаго Изборника"*) и надѣемся, что въ непродолжительномъ времени можно будетъ сдѣлать новый выпускъ „Палеографическаго Изборника", а вмѣстѣ съ тѣмъ приступить къ изданію перваго выпуска водныхъ знаковъ, такъ какъ имѣющіеся въ настоящее время сборники водныхъ знаковъ не удовлетворяютъ запросамъ, какія предъявляетъ практика свидѣтельствованія выписей.

Къ опредѣленію подлинности или подложности документовъ до введенія въ краѣ судебныхъ уставовъ 1864 года, согласно съ указомъ 1852 года, приглашались товарищъ прокурора и уѣздный предводитель дворянства; полная некомпетентность этихъ должностныхъ лицъ содѣйствовала отчасти развитію подлоговъ; по введеніи же въ Кіевѣ въ 1883 году судебныхъ уставовъ 1864 года, обязанность посвидѣтельствованія возложена на одного изъ членовъ Правленія Университета, въ виду того, что въ средѣ ихъ всегда можетъ встрѣтиться ученый, болѣе или менѣе знакомый съ архивными документами.

Вслѣдствіе пріостановки дѣлопроизводства по документамъ нашего Архива выписей выдается въ настоящее время небольшое количество—всего лишь нѣсколько десятковъ въ годъ, тогда какъ до обнаруженія злоупотребленій выписи выдавались сотнями и доходили почти до тысячи въ годъ.

Опредѣленіе архивами подлинности или подложности документовъ—окончательно и безъапелляціонно. Умышленныя изъ корыстныхъ цѣлей или неумышленныя по неопытности

---

*) Изданіе его сдѣлано Кіев. Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ въ 1899 году ко времени XI-го Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ.

архивистовъ ошибки остаются безъ исправленія и вызываютъ справедливыя нареканія; поэтому, или учрежденіе высшей повѣрочной инстанціи, или такая постановка посвидѣтельствованія, которая устраняла бы возможность ошибокъ въ опредѣленіи подлинности документовъ, является, по нашему мнѣнію, дѣломъ первой необходимости.

Таковы въ общихъ чертахъ главнѣйшіе факты протекшихъ 50 лѣтъ существованія Кіевскаго Центральнаго Архива.

Чему же научилъ и что показалъ опытъ прошлаго въ дѣятельности Архива?

Изъ этого опыта мы видимъ, что

1) Храненіе актовыхъ книгъ и документовъ требуетъ приспособленнаго помѣщенія, какого Университетъ, вслѣдствіе тѣсноты своего помѣщенія, не можетъ дать.

2) Средствъ на переплеты книгъ и отдѣльныхъ актовъ не имѣется.

3) Личный составъ Архива былъ до настоящаго времени малочисленъ, а недостаточное вознагражденіе не давало возможности имѣть въ немъ людей съ долгимъ опытомъ.

4) Собранные въ 1852 г. и поступающіе вновь актовыя книги и документы описываются чрезвычайно медленно въ виду трудности дѣла и невозможности привлечь къ нему спеціально подготовленныхъ людей и удержать ихъ надолго при немъ.

5) Программа составленія описей не выработана окончательно.

6) Количество архивнаго матеріала, какъ историческаго источника, возрастаетъ и требуетъ значительнаго числа опытныхъ людей для выбора его изъ огромной массы бумажнаго хлама.

7) Выдача выписей безъ строгаго изслѣдованія свидѣтельствуемаго документа приводила къ признанію многихъ подложныхъ документовъ за подлинные, чему способствовала ограниченность содержанія архивистовъ, шедшихъ легко на подкупъ; неподготовленность и неопытность ихъ въ различеніи подлинныхъ документовъ отъ подложныхъ, въ свою

очередь, увеличивала зло; все это поддерживалось отсутствіемъ участія въ свидѣтельствованіи выписей компетентныхъ лицъ, которыя могли бы предупреждать злоупотребленія и ошибки.

Такимъ образомъ, для устраненія въ будущемъ всѣхъ пережитыхъ грустныхъ явленій въ протекшей 50-лѣтней жизни Архива нужны и мѣры и люди, т. е., нужны и средства къ устраненію препятствій для успѣшнаго хода дѣла, нужны и такіе дѣятели, которые бы съ любовью исключительно и всецѣло отдались бы трудной архивной работѣ.

Въ настоящее время такія именно мѣры принимаются, и центральные архивы вступаютъ во второе 50-лѣтіе своего существованія со свѣтлыми надеждами на правильный и успѣшный ходъ архивнаго дѣла въ будущемъ.

Вмѣстѣ съ этимъ, русскіе археологическіе съѣзды посвящаютъ много времени обсужденію вопросовъ, связанныхъ съ существованіемъ и дѣятельностью архивовъ и ходатайствуютъ объ осуществленіи грандіознаго проекта, имѣющаго въ виду создать цѣлую сѣть губернскихъ и областныхъ государственныхъ архивовъ, подъ руководствомъ и надзоромъ одного кормчаго, какимъ должно явиться высшее архивное управленіе. Если даже осуществленіе этого проекта, въ указанной-ли формѣ или въ той, которая будетъ дана проекту послѣ обсужденія его компетентными лицами и учрежденіями, возможно лишь въ отдаленномъ будущемъ,—все же оно придаетъ больше энергіи и бодрости современнымъ архивистамъ, поселяетъ въ нихъ вѣру въ серьезное значеніе архивныхъ работъ, въ ихъ необходимость для облегченія и ускоренія всесторонняго изученія прошлыхъ судебъ нашего отечества, такъ какъ отъ большей успѣшности и быстроты архивныхъ работъ въ прямой зависимости находится появленіе большаго числа изслѣдователей архивнаго матеріала и большаго числа историческихъ работъ, освѣщающихъ родное прошлое. Но о нашихъ свѣтлыхъ надеждахъ и проектѣ широкой въ будущемъ постановки архивнаго дѣла мы поговоримъ особо въ другой разъ, такъ какъ важность этого вопроса требуетъ и продолжительнаго времени для своего обсужденія.

———

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ прибавить, что изложенное нами выше далеко не исчерпываетъ всѣхъ фактовъ изъ исторіи Кіевскаго Центральнаго Архива въ первое пятидесятилѣтіе его существованія; на настоящій очеркъ мы смотримъ лишь какъ на программу будущей подробной исторіи этого учрежденія, къ разработкѣ которой имѣемъ въ виду приступить въ непродолжительномъ времени: протекшее пятидесятилѣтіе Архива пока не вполнѣ завершилось и еще не перешло окончательно въ область исторіи.

И. Каманинъ.

А се поміnаніе Стефаново Луцеві(ч): Луку, Ан'ну.

Родъ іремонаха Венедикта: Ісайя, Акулину, Петра, Марію, Агафію, Яроѳею, Еуфимія, Ѳому, Іоанна, Еудокію, Мартина, Еудокима. Та(т)яну, Конона, Іоанна, Іакова, Ѳеодору, Пара(с)кевію.

А се поминаніе раба Бжія Але(к)сея Лагод(е)нка з Славутина. Помени Ги раба свое(г) Тимоѳея, Меланиu, Алексея, Ориноу, Филипа, м(л) Ѳедора, м(л) Ирину, Мрию, Иоана, На(с)тасию.

А се поминание ра(б) Б(ж) Никитино з Славоутина. Помени Гди дшоу ра(б) своего Семиона, Мрію, м(л) Иякова, м(л) Коулену, м(л) Овдотию, Нікиту, Мрию, Еѳимию, Мрию, Григория.

С того(ж) мѣста Славутіна: Алексея, Хотіміи, Іоана, Никита, Агафія.

[л. 84). *А се поміnае г(с)дна о(т)ца Ie(р)мо(х) Ге(р)мана, намѣсніка Мѣн'скаго Высо(ц)кого*: Николая, Гаврілія, Ан'тонія, Іоан'на, Тимофея, Іоанна, Анастия, Маріну, Маріну, Ан'ну, Ан'ну, Дом'нікію, Феору, Христину.

Се (род) Она Уси(в)ца: Она, О(в)дотію, Климе(н)тія, (П?)ара(с)-ковію, (А?)грипина.

А се ро(д) пана Конста(н)тія Зрото(в)ского: Конста(н)тія, Е(в)стафія, Евдокію, Агрефина, Данілия, Василиа, Парасковию, Агафию, Марию, Іосифа, Іосифа, Григория, Григория, Евфросинию, Настасию, Василия.

А се ро(д) Іоакима Кислого з Мотовило(в)ки: Іоакима, Марію.

З Коро(ст). [155]) Помени Г(с)ди раба своего Феодора, Оринию, Марию, Марию.

[л. 85). *Се ро(д) Мефтодіа К(г)усто(в)скаго, інока м. Миха(й)ловско(г).* Помени Гди дша преставлшы(х)ся рабъ своихъ: раба своего Макковея, Елену, мла(д) Іоанна, мла(д) Даниила, мла(д) Демияна, мла(д) Ан'ну, мла(д) Раину, інока Меѳодия.

А се поминаніе рабы Божеи А(н)ны, игуменіи Лади(н)-скои. Помяни Г(с)ди скимонаху Анноу.

[155]) Выноска на поляхъ съ лѣвой стороны.

А се поминаніе еродиякона. Помяни Г(с)ди раба своего Василия, Гарасима, Грегория, Ілню, Еудокию, Мрію, Настасию, Миха(и)ла, Іоана, Стефана, Василія, Евдокію.

А се ро(д) Пнѣ Семіонови Ев'докіи Шлюшенковои, ра(й)ци киевскои: Андрея, Агафія, Грігорія, Вассы, Еввдокіи, Мирона, Конона. (Магдалену, М(р), Агафию, Просимию, Иоана) [156].

А се ро(д) Павла Пѣшка: Іоана, Анастасія, Іоана, Матфея, Евксенія, Мрю, Анну, Іоана.

А се поминание инока Филорета [157]. Помяни Гди дшу ра(б): К(а)рпа, Огапію, Мартина, Ірину, Миколая, Ганну, Мирона Голъжуту.

[л. 86). *А се ро(д) Феодора Резника и жоны его Марьи:* Иякова, Матроны, Өому, Миколая, Иоана, Настасию, Давыда, Михаила, Оксимию, Иоана, Марию, Марию, Оустимию, Пеланию, Захария, Татияну, Марию, Карпа, Татияну, Хрыстину, Анну, Корнилия, Агафию, Григория, Ганну, Ттатияну, Пелагию, Михаила, Иякова.

(С?)е ро(д) Димида Браги и пана Даніила Поло(ц)ко, меща(н) кие(вс)ки: Даниила, Демида, Акилины, о(й)сея, Стефана, Дамиила, Мирона, Татяны, Адрияна, офрония, Агреөини. М(л) Іякова.

Се поминаніе рабы Б(ж) инокинѣ До(м)никіи, родомъ з Баранов'ки. Помяни Гди раба своего Гавріила, інокиню Домникію, Ган'ну, Стефана, Ан'ноу, м(л) Марины, м(л) Феофана, м(л) Өеодоры, м(л) Алексѣя, м(л) Андрея [158].

[л. 87). *Се поминание роду урожоного пна Даниила Голуба.* Помяни Гди душа престав(л)ши(х)ся ра(б) свои(х): Анъдрея, оанна, Пелагию, Екатерину, Елену, Іоаѳъна, Іоанъна, Алексанъдра, Екатерину, Никиту, Григория, Филона, іеромонаха Ісаакия, Соөрония, мона(х) Евөимия, инокиню Анисию, Климе(н)та, Пелагию, мла(д) Саву, м(л) Пелагию, Даниила (заби(т) о(т) челяди своей Орас Ласка и Барана ро(к) 1649 октоврия 21 [159]). Стефана, Саву.

Се ро(д) Гарасимо(в) Ивановичо(в) с по(д) Володавы з Сушня. Помяни Ги дша ра(б) свои(х): Гарасима, Огафию, Овдотію, Анъдрея, Анъну, Огафию.

[156]) Позднѣйшая приписка красными чернилами.
[157]) Приписано на поляхъ съ лѣвой стороны.
[158]) Внизу страницы: „Помощъ мо“.
[159]) Выноска на поляхъ съ правой стороны.

А се уписъ еромонаха Софронія. Помяни Г(с)ди дшу раба своего Феодора, Параскевію, Петра, Катерину, Кондратія, Евву, Леон'тія, Кор'нилія, Николая, Пав'ла, Максима, Козмоу, Марію, Зѣновию, Пелагию, М(р)ію, Іоана, Ма(т)рену, Стефана, Гаврилія, Іосіфа, Ярофея, М(р)ію, Кон'дратія, Іринію, Василія, Тимофея, Вов'дотію, Христіну, Григорія, Феодора, Данилія, Романа, Марію, Елену, Іоана, Каленика, ерея Іона, Ксеню.

[л. 88). *А се уписъ іеродіакона І(оа)сафа.* Помяни Ги рабъ свои(х): іереа Өеодора, іереа Герасима. іереа Фирса, іереа Філоѳеа, Стефаниду, Мрію, мл(д)нцу Настасію, Іакова, Андрея, Лаврентіа, Анну, Мрію, Елену, Одарію, Меланію, Анастасію, Зѣновію, Пелагию, Гордѣа, Лукіана, Іоа(н)на, Іоа(н)на, Анну, Даміяна, Стефана, Грігоріа, Василіа, схи(м)на(х) Мартина, схи(м) Савостіана, мона(х) Давыда, мона(х) Ко(м)ме(н)таріа, мона(х) Арсеніа, инока Горо(н)тія, ино(к) Гедіона, Марию, Радіона, Нестера, Іеремѣя, Іоа(н)на, Мрію, Меланію, Мрію, Одарію (Ефросинию, Огафию, м1(а) Анастасию, м(л) Леонтия, Өеодора, Екатерину [160]).

(*Се ро(д) Ісаіи Залозе(ц)каго*) [161]).

Помяни Г(с)ди дша оусо(б)ши(х) ра(б) свои(х): Макаріа, Анастасіи Герасима, Анастасіи, Романа, Ва(с)си, Ма(р)кела, Игнатія, Ко(з)ми, Григорія, Анны, Прокопіа, монаха Ефрем(и)а, иноки(ни) Але(м)піади, іеромонаха Ісаію.

А се поминаніе с Переяславля пана Григорія Бе(з)па(л)чого и жоны его Февроніи. Помяни Ги раба Бжія А(н)дрея, Олексея, Василія, Лукіяна, Мирона, Данилія, Мирона, Мартина, Евсевія, Ма(р)тирія, А(н)ну. Василису, м(л) Софію, м(л) А(н)ну, мо(н) Мисаила, Мрію, Ирину, Катарину, Іоа(н)на.

Феодора, Анастасию, м(л) Ірыноу, Іоа(н)на, м(л) Іоа(н)на, Соломониду Гордѣя, Сол'омониду.

А се поминаніе ра(б) Бжія Іоа(н)на Широкого [162]).

Помяни Гди Іоа(н)на, Стефаниду, Стефана, Овдотію, Феодору.

Року 1620, генвара 16 дня. За игоумена Іоа(н)никіа Іова Боре(ц)кого

[160]) Позднѣйшая приписка.

[161]) Приписка съ правой стороны на поляхъ, неизвѣстно къ какимъ именамъ относящаяся.

[162]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

[л. 89) *Ро(д) Скочко(в) Нестера Васи(л)евича и Андрея Васи(л)евича, меща(н) и раде(ц) кіе(в)ски х*. **Помяни Г и дшя ра(б) свои(х): Нестера, Василія, Меланіи, Евдокіи, Наталіи, Исидора, Артемія, Кондрата, Григоріа, Анны, Анастасіи, Фотія, Михаила, Маноила, Григоріа, Даниліа (Дынки)** [163], **Іоакима (ро(ку) 1625 мца се(н) 11** [164]).

Ро(д) Бооовичо(в). **Помяни Гди рабу свою Ксенію.**

Ро(д) Іакова Трохимовича, горо(д)ничого Горошко(в)ско(г). **Помяни Ги дша ра(б) свои(х): Трофима, Ксеніи, Ісаака, Венедікта, Авксен'тіи.**

Помени Ги Трофима (ро(к) 620) [165]) **Михаила іереа ст. Николы вс (Л)вове.**

Ро(д) пна Богдана(в?) Басанскаго: **Настасію, Овдотію, Стееана, сна его** [166]) **Семена, Настасии, Василиа сна Семенова** [167]), **Агаеии, Иоа(н)на, Клима, Василіа, Николая, Венедикта. Агафю иноку, Марию, Іоанна, Василия, Агаеии, Та(т)яны, А(н)дрея, Гераси(ма), Мелании, Хилимона, На(с)тасии, Та(т)ны, Евеимии, Соломонии.**

[л. 90) *Ро(д) Ивана Ореви(н)ки в Кіеве*. **Помяни Ги дша рабъ свои(х): Іоанна, м(л) Симеона, Савы.**

Ро(д) Левка с по(д) за(м)ку в Кіевѣ и жоны его Іустины **(ро(к) 620)** [168]). **Помяни Ги дша рабъ свои(х): Іоанна, Давыда, Тимоеея, Агафіи, Татіаны, Іереміа, Ксеніи.**

Се род Ивана Кияніцы. **Помяни Гди Иоан'на, Оленоу.**

Ро(д) Іакова До(в)жчен'ка: **Іякова, Ирины, Гавріила, Өеодоры, Макарія, Анну, Ма(р)ка, Акилину.**

Ро(д) Настасіи Пшеничувъны: **Настасіи, Василія, Мирона, Панькратія, Параскевіи, Маріи, Стефана.**

Ро(д) Остапа Молибога. **Помяни Ги дша раб свои(х): Елев'еерia.**

Ро(д) Семена Тоу(р)чина з Жоуки(н): **Кондрата, Пелагіи, Тихона, Никифора.**

Ро(д) Данило(в) з О(р)ши. **Помяни Ги дша ра(б) свои(х): Даніила, Наума.**

[163]) Приписка на поляхъ съ правой стороны.
[164]) [165]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.
[166]) [167]) Приписки надъ строкой.
[168]) Приписка на поляхъ съ правой стороны.

(Ро(д) Бихо(в)ца Мицкеви(ч) [169]). Помяни Гди дшу оусопшаго раба своего Григоріа, Савоу, Иоанна, Ирину, Даніила.

(А се поми...не Ми(ст)ця....(? и Холполина) [170]) Михаила.

[л. 91). *Ро(д) Григориа Лонковича, Яцковича.* Помяни Гди раба своего Грігория, Матрену, Давыда, Михаила, Иоан'на, Іоа(н)на, О(в)-дотъю, О(в)дотъю, Ермолы, Агафію, Мел(ен)тія, Евтихія, Огафъю.

С Прилуки, с по(д) Вѣницы, ро(д) Іакова: Екатерины, Варвары, Павла, Іоанна, Өеодора, Ефрема, Григорія, Параскевіа, Соломонида, Андрея, Алексея, Димитрія, Стефана, Стефана, Маріи, Стефаниды, Радіона, Анны, Өомы, Өеодосіи, Петра, Ісаака, Філіппа, Маріи. Ро(к) 1625, іюля 7 [171]).

Помяни Ги раба своего Никиту, Хіоніи, Өеодосіи, Маріи, Евдокіи, Евстафіа, Василіа, Алексея, Філіппа, Зѣновіи, Пелагеи, Анны, Павла, Февроніи, Іякова, М(р)и.

Ро(д) Омеляна Ласоуты з Мозыра: Емеліана, Параскевіи, Евсевія, Іова, Андрея, Іоанна, Али(м)піады, Анны, Соломоніи, Семеона, Евдокіи, Лоукіана.

Ро(к) 1620, де(к) (?) дня [172]) *(Р?)о(д) Авдія с по(д) Мѣнска:* Авдія, Анны, Филикса Щасного, Ксеніи, Іакова, ски(м)ницы Өеодосіи, Никифора, [л. 92) Іоанна, Георгія, Даріи двцы, двцы Маріи, младенцы Доминкіи, м(л) Варвары, Мартина, Стефаниды, Анны, Евдокіи, Евфимія, Авксентія, Меланіи, Марка.

Ро(д) Михаила Брасла(в)ца и жоны его Мареы з Тере(х)темиро(ва), ро(к) 1620 де(к) 21 [173]), *господыни ншое.* Помяни Ги дша рабъ свои(х): Прова, Анны, Іоанна, Романа, Артима, Зѣновіи, Екатерины, Евдокіи, Евдокіи, Ксеніи, Маріны, Григоріа, Агрипины, Евдокіи, м(л) Павла, м(л) Іоа(н)на, Павла, Варфоломея, Василія, Іоанна, Онуфрія, Михаила, Іакова, Григорія, Матроны, Маріи, Миха(и)ла, Ма(р)еы, Онисима, Григоріа, Анны, Іоанна, Стефана, Агапіи, Сильвестра, Петра, Павла, Агапіи, Иліи, Іоанна, Козмы, Евфросиніи, Никиты, Іакова, Евфиміи, Иларіона, Исакіа, Евфросиніи, Аѳанасія, Мины, Леонтія.

[169]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

[170]) Тоже. Такъ какъ нѣкоторыя буквы отрѣзаны, при переплетѣ книги, то за это чтеніе нельзя ручаться.

[171]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

[172]) Выноска на поляхъ съ лѣвой стороны.

[173]) Выноска на поляхъ съ правой стороны.

Ро(д) Іоанна з Кремянца Евхимовича (рок) 621, (Сорокооуст) [174]): Іосифа, Іоанна, Анны, Маріи, Марины, Іоанна, Пелагіи, Агаѳіи, Евфимія, Маріи.

[**л. 93**) *Ро(д) Марты Ивано(в)ны Калистратовича Жуковны и(з) Москвы.* Ро(к) 1620 де(к) 24). [175]). Помяни Гди дша рабъ свои(х): инокн Марѳы, Іоанна, Варвары, Марка, Ксеніи, Стефана, Оуліаны, Маріи, Петра, Флора, Никифора, Ирины, Тарасіа, Іоанна, Константина, Калистрата, Агрипины, Ѳеклы, Се(р)гіа, Маріи, Ѳеодора, Маріи, Ѳеклы, Антониды, Ѳеодора, Ѳеодора, Ермолая, Ирины, Анны, Анастасіи, Даніила, Татіаны, скн(м)ника Исаія, Василія, Іосифа.

Павъла, Ко(н)драта, Миха(и)ла, Марію (з Хомоутця Полоулях) [176]).

Ро(д) сщеніка Іякова Ніконовича з Могилева. Помені Гди раба свое(го) сще(н)но іерея Евтропия, Феодора, Лукоу, сще(н)но іерея Онікіа, сще(н)но ерея Іякова, Иріну, Оуліту, Агафію, Анастасію, Оульянін, Домнікеи, Аккіліны, Михаіла, Герасіма, Та(т)яну, Тарасія, Марію, сще(н)но ерея Лео(н)тія, Иріну, Оксинню, Романа, Марію, Иріну, Феодосію, Пелагею, Нікіфора, Стефана, Ирину, Евстафія, Ирину, Фео(до)ра, Одарку, Романа, Симео(н), Фео(до)ра.

(Р?)о(д) Ярмол..ма(н) з Острога Богдана: [177]). Ярмолоу.

[**л. 94**) *Власо(в) з Дубна:* Нікиту, помені Ги рабу свою Марію.

Ро(д) Михаила іеромонаха з Ри(л)на: Алексея, Кон'стантіна, іерея Андреа, Павла, Матѳеа, Ѳеодора, Маріи, Маріи, Евдокіи, Алексеа, Сімеона, Марію, Гавріила, скимніцю Феодосію, скимницу Варсонофію.

Ро(д) Па(в)ловъ, мещані кіевъско(г), жены е(г) Татіяны и сына и(х) Даніила. Помені Ги раба своего Павла, Татияну, Лоукерію, Феодору, мла(д) [178]) Григорія. Помені Ги раба своего инока Исакия, Даніила, мла(д) [179]) Ма(т)ѳеа, Исидора, Саву, Оуліану, Логина, М(р)ію, А(н)дреа, Василіа, Ивана, мла(д) [180]) Григорія, Андрея, Ивана.

Ро(д) Андрея Мужиловско(г) Костеви(ча): Іереа Константина, іереа Григоріа, іереа Іоанна, Ісаію, Анастасію, Елену, Василіа, Назаріа, Ма(т)ѳеа, Макария, Матрону, Ма(р)ѳу.

---

[174]) Выноска на поляхъ съ лѣвой стороны.
[175]) Выноска на поляхъ съ правой стороны.
[176]) Приписка на поляхъ съ правой стороны.
[177]) [178]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.
[179]) [180]) Приписки подъ строкой.

Ро(д) Лео(н)тіа Талка спо(д).... зомя с Та(л)ко(в), р(к) 1644) [181] Лео(н)тія, Мрію, Курика, Оксинію, Данінла, Ирину, Іоа(н)на, Ксенію.

Ро(д) пна Ла(ст)ко(в) с повѣту Браслa(в)ско(г). Помяни Ги раба своего Михайла, Оудотію, Фео(д)ра, Мрію.

Ро(д) Артемовой з Бершади: Данила, Татияну, Евдокію, Мри(ю). Іакова, Анну, А(р)те(м)а, Павъла, Михаила, Өеодосіи, Климентія, м(л) Данінла, м(л) Симеона, м(л) Філіппа, м(л) Хрістіны, м(л) Хіоніи, м(л) Анны.

[**л. 95**) *Родъ Макарія з Каме(н)ки Строміловы и жоны и ча(д) и(х), з Прилуки.* Помяни Ги дша рабъ свои(х): Макарія, Іоанна, Ирины, Алексія, Іустины, Мартина, Матроны, Симеона, Онисима, Өеодора, Іоа(н)на, Маріи, Евөимія, Хрістіны, Андре(я), Исидора, Өеодоры, Зѣновіи, Іоанна, Өеодосіи.

Ро(д) *Лео(н)тия*, сще(н)нока, намѣстника Ми(х). (Ро(к) Бо(ж) 1623) [182]): инокины Анастасіи, Павла, Іоанна, Екатерины, инока (Зизан) [183]) Си(л)вестра, Ю(р)я, Леонтія, іеромонаха.

(*Ро(д) Заневич з Сухолуча*): [184]) Прохора, Анны, Пелагію.

Ро(д) Гаврило(в) Гуріа ски(м)ника Глебова з Че(р)нигова. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Гоуріа ски(м)ника, Варсоөіи ски(м)ницы. Никодима схи(м)ника, Пимина схи(м)ника, Савелія, Григорія, Гео(р)гія, Анны, Агапіи, Наталіи иноки, Поликарпа, Поликарпа, Өомы, Өеодоры, м(л) Аөанасіа, м(л) Романа, м(л) Тимоөея, Стефана, Домникіи, Козмы, Маріи, схимонахи Марөы, Параскевіи, Евдокіи, Өеодосіи, м(л) Маріи, Лоуки, Ксеніи, Павла, схи(м)ницы Стефаниды, Мартіна, [**л. 96**) Стефаниды.

Ро(д) Анисіи з Москвы: [185]) Михаила, Евдокіи, Григоріа, Онофрїа, иноки Анисіи, Евфиміи, м(л) Іоа(н)на, м(л) Іоа(н)на, м(л) Михаила, м(л) Авдія, м(л) Грігоріа, Андрея, Анастасіи, иноки Агапіи, Агрипины.

Ро(д) Агрипины Московки: [186]) Антіпа, Екатерины, Павла, Исидора, Анны, Пелагіи, Пимина, Тимоөеа, Артеміа, Па(н)кратіа, Өомы,

[181]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.
[182]) Выноска на поляхъ съ правой стороны.
[183]) Приписка на поляхъ съ правой стороны.
[184]) Приписка съ лѣвой стороны.
[185]) [186]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

Прокопіа, Григоріа, м(л) Анастасіи, м(л) Іоулиты, м(л) Іоанна, м(л) Ксеніи, Маріи, Емеліана, Соломониды, Григоріа, Ма(р)оы, иноки Агрипины, Гордея, Марию, м(л) Анну.

Ро(д) Евдоксіи, иноки з Москвы, з столицы: [187]) Іякова, Анны, Алексія, ски(м)ницы Варвары, Маріамы иноки, м(л) Тимоѳея, Мавры, Евдоксіи.

Ро(д) Соѳіи, инокини с Трубецка, з Москвы: [188]) Макарія, Логвина, Ѳомы, Андрея, Ксеніи, Макрины, Тарасія, Іоанна, Василія, Досиѳеи иноки, Маріи, Агаѳю.

Ро(д) Аѳанасіи иноки з Бѣлои, з Москвы: Іоанна. Ирины, Філімона, Стефана, Соломоніи, Аѳанасіи иноки, Марию. інока Пер'фірия.

Помяни Гди оусопшую Інокиню Анну, іерея Зѣновія.

Помяни Гди дшу рабъ своихъ: Иоана, Матѳея, Василія, Іосифа.

Помяни Ги раба своего Двда, Евхімію, Василія, Семена, Іякова, Анну, Анастасію.

[**л. 97**). *Рокоу 1621, авгоуста 15. Ро(д) пнее Га(л)ш(к)и Слоупичанки Василиевой Рогозинской с повѣтоу Брасла(в)ского.* Помяни Ги дша рабъ своихъ: Семена, Овдотіи, Іосифа, Домникіи, Матѳея, Тихона, Мріи, Ѳеодора, Зиновіи, Пелагіи, Іоанна, Петра, Іоанна, Меле(н)тія, Стефана, Іоанна, Анны, Анастасіи.

(Ро(к) 1621, о(к)то(бр) 29) [187]) *Ро(д) Стефана Яска, кожемяки кіевского.* Помяни Ги дша рабъ свои(х): Стефана, Даміана, Ѳеодоры, Стефаниды, Марины, Іоустіны, Агапіи, Ѳеодора, Василія, Авксентія, Маріи, Стефана м(л) нек'рщо(н), Артемія, Козмы, инокинѣ Феклы, Андрея (козак з Барисполя) [190]), Марію, Клима, Кирилла, Матѳея, Евдокію, Федору.

Помяни Ги дша рабъ свои(х): князя Симеона Лыки, Евфиміи кнгини Лыкинои, Оме(л)яна, Іоанна. Кондрата Черныше(в)ского, (Ро(к) 1621. ноября 28 дня) [191]). Ѳеодора Боутка, козака во(и)ска Запоро(з) (р. 1621). Андрея, Кирила.

Ро(д) Кондрата Чорнышевича з Бѣлое Цркве. Помяни Ги дшя рабъ свои(х): Кондрата, Евдокіи Юшко(в)ны, Лаврентія, Романа, Лоукіана Чернышевича.

Михаила, Іоа(н)на, Филиппа, Игнатіа, Мри, Іо(н)а, Екатері(н)у, Данила, Оудотію.

[187]) [188]) [189]) [190]) [191]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

[л. 98) *Року 1622, апри(л) 10 дня. Блачтивы(й) моу(ж), пнъ Петръ Конашеви(ч) Сага(й)дачны(й), гетманъ во(й)ска Его К(р) м(л) Запоро(з)ского*, по многи(х) знамениты(х) вое(н)ны(х) послуга(х) и звитя(з)ства(х), на ложи свое(м) простеръ нозѣ свои, приложился къ о(т)цемъ свои(м), съ добри(м) исповѣданіе(м), исполненъ благи(х) дѣ(л) и милостыни в Кіеве; погребенъ при цркви школы Словенское в мѣсте на Подолѣ че(ст)но в домоу Бра(т)ства црковного. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Петра, Конона, Елисея (Ка(з)но(в)ско(г) [192]) Іакова (Борода(в)ка Неродич) [193]) гетмана.

Помяни Гди оусопшія рабы твоея Інокинѣ Макрины, Θеодосіи, Стефана, Михайла, Гавріила, Пелагіи.

Наоума, Іоа(н)на, Евдокію, Марію, Анастасію, іерея Θео(до)ра, Параскевію, іерея Михайла.

Ро(д) Олексѣя с Коростешова: Олѣксея, Ирину.

Гаврила, Огафию, Ирину, Григория, Феодору, Удотию, Проснмію, Василия, Ка(р)па, Іосифа, Кирила, Прокопия, Анастасінию, Оафию, (Феди(к) [194]), Феодосію, Феодора, Татия(н)на, Андрея, Катерину, Ма(р)ка, Ирину.

[л. 99) *Ро(д) Іякова Клиши, козака войска Запоро(з)кого з Бѣлои Церкве*. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Василія, Вас'сы, Марка, Елены, Матθея, Михаила, Никиты, Самоуила Сахна, Матро(у)ны.

Ро(д) Дмитра Онисковича з Вѣницы. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Онисима, Лоукіи, Іоанна, Анны, Мӑртіна, Маріи, Климентія, м(л) Іоанна, м(л) Гавріила, Агапіи.

Кирилла, Татіяны, Максима, Катеріну, Орину.

(Ро(к) 1622 а(в)гу(ст) 9) [195]). *Ро(д) Михаила Клыжки козака во(й)ска Запорозкого з' Василкова*. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Михаила, Романа, Татіаны, Самоуила, Агапіи, Евдокіи, Иоакима, Давыда, Климе(н)тія, Ермолая, Матроны, Параскевіи, Евфиміи, Гавріила, Леонтія, Варвары, Анастасіи. Инока...

(што утону(л) Яско (...на Ко(н)драта кра...) [196]), Іакова, Протасіа, Максима.

Іоанна, Екатерины, Петра, Евдокіи, Павла, Анны, Мирона.

Наталіи, Захаріи, Марфы, Ананіи, Анны, Анны.

[192]) Приписка съ правой стороны на поляхъ.
[193]) [194]) Приписки съ лѣвой стороны на поляхъ.
[195]) [196]) Выноски на поляхъ съ лѣвой стороны.

Ро(д) ... Феодору, Огафию, Марію, Иоана.

Помяни Ги оусопшія рабы своя инокинѣ. Киріяка, Осифа, Орину, Де(м)яна, Трохима, Евдотию.

[л. 100) ...*о(д) Вовчковъ из Желѣзнова.* Помяни Ги Антипа.

Родъ Василія Солоне(ц)кого, мещанина кіевского. Помяни Гн дша рабъ свои(х): Павла, Анастасіи, Кон'ста(н)тіна, м(л) Лазаря, Іакова, Анастасіи, Зѣновіи, Зѣновіи.

Ро(д) о(т)ца Евгенія з' Бродо(в). Помяни Гн дша рабъ свои(х): Михайла, Марію, Марію, Марію, Ан'ну, іерея Іоанна, Тимоѳея, Феодора, Анну, Парасковею.

(*Ро(д) Остапо(в) Молибого(в)* [197]): Іоа(н)на, Марію, Ганну, Иякова младе(н)ца, Марію.

Родъ Даніила Митковича Дын'ки, боурмистра кіевского. Помяни Ги дшу раба своего Матѳея, Ирины, Даніила, Марію, Григорія, Василія, Софію, Александра, Игнатія.

(*Ро(д) Тимоѳео(в) съ Ко(р)ца)* [198]): Агафіа, Григорія, Нестора, Евдокія, Мартина, Евламъпія.

...*одъ Ермолая Авраамовича з слободы Митропо(л)ское.* Помяни Ги дшя оусопши(х) рабъ свои(х): Авраама, Ан'ны, Анны, Максима, Басю. м(л) Евѳиміи, м(л) Матроны, м(л) Софронія, м(л) Анны, Ермолая, Григо(р)я, Симеона, Оулияну, Ѳео(до)ру, Домникію, Екатерину, Іо(н)а, Петра, Миха(и)ла, Григоріа, Ан'ну, Іакова, Миха(и)ла, Део(ми)да, Филипа, Іона, Іако(в), Андрея.

[л. 101) *Ро(д) Даміана Сказ'ки, мещанина кіевс'кого.* Помяни Ги дшу раба своего Даміана, Самойла, Настасію, Вѣры, Алексіа.

Тимоѳея, М(р)ю, Іо(н)а, Іоакима, Іо(н)а, инокиню Ев'докію, Акилину, Огрефину, Фео(д)ра, Татіа(ны).

Родъ пнее Ѳеодоры Городищское, старостиное Яблоновское. (ро(к) 1624 а(в)гу(ст) ... вписано) [199]). Помяни Ги дша рабъ свои(х): Тере(н)тія, Іоанна, Анны, Василія, Андрея, Симеона, Павла, Феодоры, Михаила, Іакова, Анастасіи, Параскевіи, Ан'дрея.

Помяни Гди раба своего Савоу, Анны, Григорія, Анастасіи, Василія, инокиню Евфимію.

---

197) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.
198) Выноска на поляхъ съ лѣвой стороны.
199) Выноска на поляхъ съ правой стороны.

Ро(д) Мартина Москаля. Помяни Гди раба своего Θому, о(т)ца и матерь его и ве(с) ро(д) его.

Родъ Θеодора Максимовича Полочанина. Помяни Ги дшу раба своего Максима, Ан'ну, Никиту, Оулиты, Овдотію, Варвару, Іосифа, Грігорія, Мины, Силуана, Сер'гея, Герасима, Іоанна, Оуліа(н).

А се ро(д) Андрея о(т) Притискаго Николы, мещанина Кіев'ского. Помяни Ги дшу раба своего Ан'дрея.

...од(д) Бу(с)ко(в) [200]. Помяни Гди Ан'ну, Зѣновію, Пе(т)ра, Созона, Андрея.

Року, 1623, Іюня 8 дня [201]. *Родъ панее Катерины Шва(й)ко(в)скои с Кор'суня.* Помяни Ги дша рабы своея Гальшки (Елисавети) [202], Щасного (Филикса) [203], Дороθеи, Мат'фѣя. Петра, Ан'дрея, Іоа(н)на, Екатерины, Ан'ны, Стефана, Конона, Елены, Θеодоры, Миха(и)ла, Ев'докіи, Анастасіи, Іоан'на, Параскевіи, Іоан'на, Маріи, Агапіи.

[л. 102) *Року 1623, августа 20 дня. Ро(д) Фе(с)ка с Че(р)к... Ма(т)феевича:* Матθея, Евдокіи, Григорія, Стефаниды, Θеодора, Матрены, Трофима (1626) [204]. Іоанна, Яремея, м(л) Ан'ны.

(Се еще и уписа(нъ).

(Ро(к) 16?3, се(н)тем(в)ріа 16, пр..ставис ра(б) Бжі.. іеросхимона(х) Гедіо(н)- -Герасим, игуме(н) Межиго(р)с... [205]. Іеросхимонаха Герасима, игумена Межиго(р)ского, бывшого Гедіона в' иноки(х), в' ми(р)ски(х) Гавріила (Римара) [206], Іоанна, Пантелеимона. Іеросхимона(х) До(ро)фея, Иліи Мощани(ц)кого. Іоа(н)на, А(н)дрея, стя(т)... [207], Михайла, Немиричу(в), Богдана, Василія, Иліи, Іоан'на, Михайла, Огрефины, Огрефины, Феодоры, Исидора, Феодоры, Илию, Семео(на), Іоана, Е(в)θіміи, Михаила, Агафіи, іерея Гео(р)гія, Іоа(н)на, А(н)ны, Іоан'на, Венедикта, Онофрія (Чуренко козак) [208].

Помяни Ги дшу раба своего Антипа.

Въ лѣто 1624, в мѣстѣ в' Вите(п)скоу замоученіи. Помяни Гди раба своего Наоума, Семиона, Іоанна, Іоанна, Григорія, Гавріила, Ермогена, Фир'са, Богдана, Григорія, Гавріила, Іякова, Іоанна,

[200]) [201]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

[202]) Надписано надъ словомъ „Гальшки".

[203]) Надписано надъ словомъ „Щасного".

[204]) [205]) Приписки на поляхъ съ правой стороны.

[206]) [207]) Приписки съ лѣвой стороны на поляхъ.

[208]) Приписка съ правой стороны.

Олехима [209], Романа, Феодора, Елиазара, Феодора, Іякова, Стефана, Василія, Петра, Ивана, Овдотю, Аньдрея мла(д), Феодора, мла(д) Мат'фея, Ждана (Коню(ш)ко) [210], Зѣновія.

Родъ Кондрата Лоукіяновича з Бабине(ц) Митрополи(х): **Лоукіана, Матроны, Зѣновіи, Феодора, Пантелеймона, Ермолая, Кон'драта, Савы, Артемія Өеодора.**

[л. 103). *Родъ коваля Ничипора з Бе(р)шади, з Ко(р)ми(л)ча, з по(д) Каменца*: **Кирила, Хіоніи, Маріи, Анастасіи, Матроны, Кон'драта, Агапіи, До(м)ники, Маріи, Павла, Іоанна, Пантелеймона, Анастасіи, м(л) Максима (на со.....кооу(ст) [211], Маріи, м(л) Маріи, Любве, Маріи, Маріи, Никифора.**

Ро(д) Григо(р)я Олешченка з Настаски: **Григорія, Өеодосіи, Тимоөея, Меланіи, Алексіа, Екатерины.**

Ро(д) Стефанови(ч) Порска(й)ло(в) в Кіеве: **Алексія, м(л) Исаіи, Агапіи.**

(*Ро(д) Мр Бусковои*) [212]. **Помяни Гди дшу рабы своея Маріи, Іоан'на.**

Помяни Гди рабо(в) свои(х): Харитона, Стефана, Евфимия, Іоана (з' Москвы) [213].

Ро(д) Мартіна (ста(р)ца и послушника монастыра Михайловско(г) [214]*) Василіевича з Ивачева съ по(д) Тернополя.* **Помяни Ги дшя рабъ свои(х): Василія, Евдокіи, Іакова, Василисы, Евгеніи, Димитрія, Агаөіи, Іоустины, Маріи, м(л) Іоуліаны, Кон'драта (з Бабине(ц) ро(к) 1624) [215], Еввы.**

Іоанна Голъковъского.

А се ро(д) Ходыки, войта кіе(в)ско(г), **ро(к) 1625 скончa(в)ся) [216]. Помяни Ги дшу раба своего Өеодоря.**

Ро(д) Лупи(н)ское [217]. **Помяни Гди Стефана, Іакова, Іоан'на, Ксеніи, Агапіи, Маріи, инокини Коменътаріи, Даміяна, Зѣновія, Катерина, Маөея, Ма(р).**

[209]) Въ оригиналѣ это имя зачеркнуто.

[210]) Приписка съ лѣвой стороны на поляхъ позднѣйшей рукой къ имени „Ждана".

[211]) Приписка съ правой стороны.

[212]) Приписка съ лѣвой стороны красными чернилами.

[213]) Приписка съ правой стороны.

[214]) [215]) [216]) [217]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

Си ро(д) Марина и(з?) щебренина: Ѳе(до), Ѳео(д)ра, Огафія, Мирина, Романь, Стефана, Марина, Огафіи, Юрія, Татіи(н), Іоань, Якова, Іоа(н).

[л. 104) *А се поминаніе Сысоя Рышовича, мещанина Новобыхо(в)ского.* Року 1624, мца се(п)тевр 10. Помяни Гди оусопшаго раба своего Іякова, Іоанна, Феодора, Петра, Феодора, Матроны, Стефана, Варвары, Екатерины, Мат'ѳея, А(н)ны, Ѳеодоры, Никиты, Параско(в)геи, Пелагіи, Елены, Екатерины, Леон'тія, Маріи, Ѳеодоры, Григорія, Огафіи, Филипа, Зѣновіи, Параско(в)геи, Филона, Никиты, Зѣновіи, Никифора, Логгина, Мирона, Феодора, Мины, Маріи, Ѳеодосіи, Ѳомы, Огафію, Феоны, Ма(т)ѳея, Аѳанасія, Огафію, Ефрема, Григорія, Іоан'на, Вар'вару, Гавріила, Никіфора, Васілія, Пелагію, Огафію, Пелагію, Феодора, Харітона, Тімоѳея, Климентія, Василія, Ксеніи, Агрипины, Ев'фиміи, Матрону, Параско(в)геи, Матѳея, Іоанна, мла(д) Агрипину, Марію, Анастасію, Савелія, мла(д) Марію, Марію, мла(д) Аки(н)дина, Андрея, Даніила, А(н)дрея.

Михаила, Катерину, Романа, М(р) Меланіи, Наталію, Анастасію, Іона, Агапію, Пилипа, Іона, Ио(х)ии.

Родъ Іоанна Василиевича Бо(н)дура [218]) *из Немирова.* (Року 1625 мца априля 20 дня). Помяни Гди дша оусопшихъ рабъ своихъ: Василія, Ѳеодора, Леонътія, Алексея, Маріи, Анастасіи, Василисы, Михаила, Григорія, Зѣновіи, Клементія, Дмитрія.

Дорофея, Іо(н)а, Іо(н)а, Семиона, Онисіа, Фео(д)ра, Фео(д)ра, Оле(к)сея, Рома(н)на, Евдотіи.

[л. 105) *А се поминаніе братіи общежите(л)ныя Стыя обители Межигорскія.* Року 1624, мца септеврія 20 дня. Помяни Гди дшу оусопшаго раба своего иеросхимонаха Феодула, іеросхимонаха Пимина, іеросхимонаха Флавіяна, іеромонаха Ев'фимія, еродиякона схимонаха Ев'стафія, схимонаха Стефана, схимонаха Деме(н)тіяна, інока Варсунофія, інока Ливерія, инока Ефрема, іеросхимонаха Герасима.

(Ро(д) Гна о(ц) Ферапо(н)та. Ро(к) 1627) [219]): Иакова, Пелагію, Михаила, Агафію, Дорофеа, Агафію, Мотрены.

Сидора, Меланіа, Ев'стафия, Улита, Пав'ла, Олену.

[218]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

[219]) Приписка на поляхъ съ правой стороны.

Ро(д) Мартиниана (з Москвы [220]) *Москаля*: **Силу, Малахия, Артемия.**

Помяни Гди дша оусопши(х) рабъ своихъ: помяни Гди Пантелеймона, Агафіи, Мартина, Аѳанасія, Е(в)геніи, Михайла, Екатерины, Іоа(н)на, Марка, Васияна, Сімеона, Іоулияны, Аѳанасія, Симеона, Ев'фиміи, Никиты, Маріи.

Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ своихъ: помяни Ги Никифора, Григорія, Елену, Аѳанасіа, Оудотію, Фео(до)ра, Меланію, А(н)дрея, Ан'ну, Василіа, Василису, Ан'дрея, Фео(до)сію, Татіану.

Самоила, Феодосію, Феодора, Пелагію, Матроноу, Ан'ну, Ѳеодора, Параскови, Філимона, Маріи, Іоана.

[л. 106) Помяни Гди преставивши(х)ся ра(б) твоихъ и рабинь: Помяни Гди Іоанна, Ан'дрея, Ілію, інокиню Одарію, Іоанна, Михайла, Мартина, Іякова, Ан'типа, іерея Григоріа, Іоанна, Овдокію, схимонаху Феодору, схимонаху Огафію, Пелагію, Феодору, Кирилла, Екатерину, Ев'фимію, Тита, схимонаху Марію, Николая, Анны младеніцы, Матрону, Емелияна, інокиню Коме(н)тарію, інока Лоукіяна, інокиню Марину, Стефана, Логгина, Венедікта, Ан'дрея, Іоанна, Герасима, Георгія, Тарасія, інока Самоила, Ма(т)ѳея, Матрону, Даниила, Зѣновія, Ма(т)ѳея, Ев'докіи, Григорія, Стефаниды, Феодора, Матрону, Трофима, Іоа(н)на, Наталію, інокиню Одарію, Василіа, Іоанна, Ілію, Ан'дрея, Михайла, Іоанна, Ан'дрея, Мар'тина, Іякова, Ан'типа, Ер'молая, інокиню Евдокію, Анну, Ѳому, Марію, Іоанна, Іоанна, Феодора, інока Саву, Василія, Овдотію, Іякова, Василисы, інока Саву, Ан'дрея, Марію, Дмитрія, Кон'дратія, Оуліяны, інокиню Ев'фимію, инокиню Аѳанасію, Екатерину, Ов'дотію, Марію, Леон'тія, Марію, Агаѳию, Меланию.

Ро(д) Григоріевъ Вакуличо(в) Чернобо(л)це(в), мещинина кіев'ского. **Помяни Ги дшу раба своего Савастіана, Симеона, Скочкова сна.**

Савостіана ...ченика с Ко(р)...огна [221]): **Іереа Савостіана, Іакова, Овдо(т)ю.**

Ро(д) Палаши(н) Иляшевой из Быхова. **Помя(н) Ги дшу ра(б) свое(г) Фео(до)ра, Антип(а), Татияни, Наталіи, Трохима, Парасковеи.**

[л. 107) Помяни Ги дшу раба своего іеромонаха Петронія, Никиту, Марію, Гео(р)гіа, Ѳеодора, Власіа, Татиану, Іоа(н)на, іереа Максима, Гри-

[220]) Это слово зачеркнуто.

[221]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

горія, Стефана, Ан'ну, Мар'ту, іерея Тимоѳея, Григоріа іереа, Саву, Филиппа, Василія, Герасима, Улітоу, Улиту, Прокопія, Матѳея, Агафону, Даниила, іерея Григорія, Іоа(н')на, Марію, Пелагію, Лео(н)тія, Ан'дрея, Ефрема, Марію, Ѳеодора, Марію, Іоан'на, Татіяну, Григо(р)я, Антонія, Василія, Сімеона, Марію, Ѳеодосію, Настасію, Ев'ву, Димитрія. Петра, іерея Козму.

Ро(д) Пе(т)роніевъ сщирца [222]): Ѳеодора, Марію, Никиту, Ефросинію.

Ро(д) Минодоры, иноки з Быхова, Мартиновны. Помяни Гн дшя оусопши(х) рабъ свои(х): Мартина, Марины, Григорія, Евфимія, Евла(м)пія, Петра, Григорія, Савы, иноки Минодоры, Ермолая, Евгеніи, Іоанна, Варвары, Александра, Акилины, Маріи, Ѳеодосіи, Сил'вана, ...ноки Ѳеодоры.

Ро(д) Агапіи Харко(в)ны Іосифовое Слепощоновое, козач(к)и в' Кіевѣ. Помяни Гн дшя оусопши(х) ра(б) свои(х): Харитона, Зѣновіи, Іосифа, Евдокіи, Маріи, Ксеніи, Іосифа, Петра, Агапіи.

Родъ Мукатыръчинъ з мѣста Игумена. Помяни Гди дшоу раба своего Кирилла, Макарія, Григорія, Ничипора, Мрію, Ирину, Ничипора, Ев'химію.

[**л. 108)** *Ро(д) Шийчо(в) и Шамановичо(в), з Борисова, з Руси.* Помяни Гди оусопшаго раба своего Емеліяна, Домникіи, Козмы, Василія, Іоуліяны, Зѣновія, Михаила, Евсевія, Іоанна, мла(д) Іліи, мла(д) Давіила, мла(д) Ксеніи, Анд'рея, мла(д) Анатоліи, Евдокіи.

(Татіяны, Ирины) [223]).

(*Бодае(в) р... с Кричев...*) [224]): Никиты, Гео(р)гія, Петра, М(р), Фекла, Агапіи.

Иова, Меѳодия, Ісидора, Павла, Козму, Иякова, Иоан'на, Симіона, Григорія, Окилину, Катерину, Соломоніду, Мрью, м(л) Ва(р)вару, Окиліну, Параско(в)гею, Наталию, Онікея, Матьѳея, Павла, Ирину, Параско(в)гею, Ѳа(д)дея, Матрену.

Помяни Гди дшу раба своего іеромонаха Никодима, Авксенътія, іеродіакона Саву, Макрену, Пахомія іеродіакона, Іоакима, Домникіи, Марію, инокиню Ѳоофанну.

[222]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.
[223]) Эти имена вписаны въ текстѣ на пробѣлѣ, какъ бы оставленномъ для отдѣльнаго большого рода.
[224]) Приписка на поляхъ съ правой стороны.

Родъ Метейчинъ з Горошъковъ: Өеодора, Өеодосіи, Матөеа, Ан'ны, Маріи, м(л) Пелагіи.

Ро(д) іерея Ма(т)өея (Трояновско(г)о) [225]) *и жоны его Ефросиніи.* Помени Ги раба своего іерея Мат'өеа, Па(в)ла, Ефросинію, Ев'докію, Захарию Снят'ков'ского.

(Плу(ж)ни(к) 1627) [226]): Маріи, Філіппа, Марии, Коуприяна, Катерины, раба Микитоу, Онисия, Олены, Ходосию, А(н)дрея, Оле(к)сей, О(в)дотии, Силуяна, Левона, Наталии, А(в)ра(м), Евтихи(й), Василия, Евъфимия, Сергей, Ма(т)ве(й), Одария, Ра(в)ринъ(?) [227]).

[л. 109) *Ро(д) Фео(до)ра Крамаря з' Брагилова и жоны его Мріи* (ро(к) 1620) [228]): Василіа, Фео(до)ра, Татіану, Семиона, Алексіа, Михаила, Антонія, Ан'дрея, Мрію, Василія, Михаила, Ан'ну, Стефани(ду), Татіану, М(р)ию, Фео(до)ру, Симеона, Өеодосіи, Татіаны, Ографины.

Евфиміи, Андрея, Өеодора, Акилины, Маріи, Данили(я), Феодора, Іоана, Стеөана, Өедосии, Іоанна, мла(д) Лаврентия, Стефана, Настасію.

Ро(д) Евгеніи Кроу(п)ской Ивановой Бѣл(ъ)ской. Помяни Ги дша рабъ своих(х): Марію, Мела(н)ю, Анастасіи, Іоанна, Амбросія, Евгеніи, Савоу, Семена, Трохима, Конона, Бориса, Анаталію, Мрію, Марину, Іоанна, Іоа(н)на и Наталію, Михаила.

...о(д) Масленико(в) [229]): Павла, Өома, Ев'фимію, Ев'ф(р)осі(н)ю.

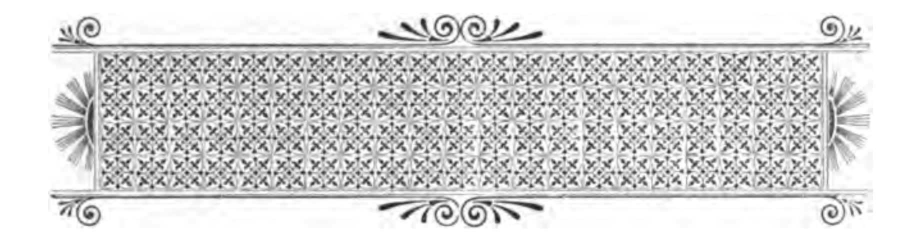
(*Ро(д) А(н)дросо(в) Котляро(в) Б(р)янець*, р(к) 1627) [230]): Стефана, Анастасію, Михаила, Андреа, Софію.

(*Се ро(д) Куначко(в) и(з) Звино(г)оро(д)ки*) [231]): Фи(р)са, М(р)ю, Федора, Татяну.

Ро(д) Өедора(в), мещани(на) Соколо(в)ско(г) [232]). Помяни Ги дша оусо(п)ши(х) ра(б) свои(х): Өео(до)ра, Маріи, Іоан'на, Іоуліаны, Лоукіяна, Ев'ву, младеницу Агаөію, Іосифа, Оксимію, Ан'ну, Марію, Григоріа, Спиридона, Ан'дреа, Софію, Алексеа, мла(д) Өео(до)ру, Василіа, мла(д) Даніила, младе(н)ца Иоа(н)на, Иоа(н)на, Ма(р)тиріа, Семіона, Алексеа, Аөанасія, Алексея, м(л) Павла, м(л) Ан'дреа, Іоан'на, Парасковею, Василіа, Анну, Гераси(ма), М(р), Стефаниду, Агаөію, Іоа(н)на, М(р), Домникею, Ан'ну, Агаөію, Іякова.

[225]) [226]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

[227]) [228]) [229]) [230]) [231]) [232]) Приписки на поляхъ съ правой стороны.



Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви.

7.

А. Папкова: Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя (1855—1870 г.). Спб. 1902. Стр. 184.

Его же: Необходимость обновленія православнаго церковно-общественнаго строя. Спб. 1902. Стр. 44.

Вопросъ о церковномъ приходѣ и церковно-приходской жизни является однимъ изъ животрепещущихъ вопросовъ въ современной русской церковно-исторической литературѣ. Этимъ вопросомъ живо интересуются теперь не только духовные писатели, но и въ значительной степени наши свѣтскіе русскіе историки и публицисты. Кто внимательно слѣдитъ за современною періодическою печатью, тотъ знаетъ, что въ послѣдніе годы рѣдкая книжка научнаго журнала, повторяемъ, не только духовнаго, но даже и свѣтскаго, выходила безъ того, чтобы въ ней не возбуждался и не обсуждался съ той или другой стороны вопросъ о приходѣ, о состояніи церковно-приходской жизни, о необходимости установленія всесословной волости, центромъ которой долженъ стать приходъ и т. д., и т. д.

Такое вниманіе русской исторіи и публицистики къ вопросу о приходѣ объясняется, съ одной стороны, важно-

стію этого вопроса для нашей церковно-общественной жизни и, съ другой стороны, ненормальнымъ современнымъ состояніемъ нашей церковно-приходской жизни.

И по самой идеѣ своей, и по исторической традиціи церковный приходъ долженъ былъ бы служить центромъ, около котораго должны были бы сосредоточиваться всѣ важнѣйшія артеріи церковно-общественнаго организма. По существу, около приходскаго храма должны бы быть сосредоточены всѣ мѣстныя приходскія учрежденія, назначенныя для цѣлей просвѣтительныхъ, нравственно-воспитательныхъ, благотворительныхъ и даже земски-административныхъ.

Мы нисколько не удивимся, если наши послѣднія слова у кого-нибудь вызовутъ улыбку недоумѣнія: такъ страненъ и совершенно чуждъ намъ этотъ высокій идеалъ церковно-приходской жизни и такъ далека отъ него дѣйствительная наша церковно-приходская жизнь!

Что въ самомъ дѣлѣ представляетъ собою нашъ современный православный русскій приходъ? Собраніе домовъ, *приписанныхъ* къ извѣстному храму,... и больше ничего. *Приписанные* къ храму прихожане обязаны участвовать въ построеніи, когда встрѣтится нужда, или въ обновленіи храма, они обязаны если не всегда ходить къ богослуженію въ свой приходскій храмъ, то, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ разъ въ годъ исповѣдываться и пріобщаться св. таинъ у своего приходскаго священника. Этимъ и исчерпываются всѣ юридическія и нравственныя обязанности православныхъ христіанъ въ отношеніи къ своему приходскому храму въ современномъ православно-русскомъ приходѣ.

Должно ли говорить о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ городахъ, даже и эти обязанности большею частію не сознаются, остаются неизвѣстными и потому не исполняются прихожанами.

Нѣсколько лучше дѣло это поставдено въ сельскихъ приходахъ, но и тамъ церковно-приходскіе интересы сводятся большею частію къ тому, что священникъ совершаетъ богослуженіе и требы, а прихожане ходятъ въ храмъ только за-

тѣмъ, чтобы помолиться Богу, и только тогда, когда нужно обратиться къ священнику за какою либо требою. Другихъ интересовъ и другого взаимообщенія въ громаднѣйшемъ большинствѣ современныхъ православно-русскихъ приходовъ у насъ не существуетъ. Современные православно-русскіе приходы находятся въ какомъ-то мертвенномъ снѣ, по выраженію одного писателя.

„Куча камней, не соединенная никакимъ цементомъ, болѣе имѣетъ связи, чѣмъ члены приходской церкви; ежели одинъ камень возьмешь изъ кучи, непремѣнно другой сосѣдній камень пошевелится, а бери любого члена въ приходѣ, обижай его и дѣлай съ нимъ, что хочешь, всѣ другіе члены, за небольшими исключеніями, и не тронутся съ мѣста, пальцемъ не шевельнутъ, только бы ихъ не трогали. Но неужели такія отношенія наши правильны? Неужели здѣсь все, чего отъ насъ требуетъ православная церковь? Нѣтъ, десять разъ нѣтъ; это далеко не все, это только явное обличеніе нашей неключимости, нашего нехотѣнія пользоваться свѣтомъ Христовымъ; это только свидѣтельство того мертвеннаго сна, того могильнаго мрака, въ которомъ мы живемъ".

Такъ писалось въ 1857 году, въ Московскомъ журналѣ „Русская Бесѣда". А что происходитъ у насъ въ настоящее время, объ этомъ свидѣтельствуетъ недавно обнародованное посланіе Волынскаго епископа, которое хотя, быть можетъ, и преувеличенно нѣсколько, но зато слишкомъ ярко раскрываетъ всю ненормальность современной церковно-приходской жизни у насъ, въ частности, на югѣ Россіи. Авторъ посланія говоритъ, что „отношенія между священниками и прихожанами во многихъ селахъ Волынской епархіи совершенно неправильныя, что довѣріе между ними подорвано нерѣдко до полной потери взаимной нравственной связи, до полной замѣны ея связью чисто юридическою".

Само собою разумѣется, что если дѣло такъ обстоитъ, то дальше оно не можетъ идти, или, по крайней мѣрѣ, весьма нежелательно, чтобы оно шло такимъ образомъ. Отсюда

самъ собою возникаетъ неотложный вопросъ о необходимости реформы, обновленія православнаго русскаго прихода.

Вопросомъ этимъ въ послѣдніе годы съ особеннымъ усердіемъ и рѣдкою настойчивостію занимается г. Папковъ, имя котораго должно быть поставлено на видномъ мѣстѣ въ ряду современныхъ русскихъ церковно-историческихъ писателей, которому принадлежитъ извѣстное и членамъ нашего Общества сочиненіе о церковныхъ братствахъ.

Г. Папковъ вопросу о приходѣ посвятилъ цѣлый рядъ сочиненій и очерковъ, а именно: а) *Древне-русскій приходъ; краткій очеркъ церковно-приходской жизни въ восточной Россіи до XVIII в. и въ Западной Россіи—до XVII в. Сергіевъ Посадъ, 1897 г.;* б) *Погосты въ значеніи правительственныхъ округовъ и сельскихъ приходовъ въ сѣверной Россіи. М. 1898;* в) *Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX вѣка). Историческая справка. М. 1899 г.;* г) *Начало возрожденія церковно-приходской жизни въ Россіи. М. 1900 г.;* д) *Православные приходы въ Финляндіи. СПБ. 1901 г.*; е) *Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя (1855—1870 г.) СПБ. 1902 г.* и д) *Необходимость обновленія православнаго церковно-общественнаго строя. СПБ. 1902 г.*

Нашему разсмотрѣнію въ настоящій разъ подлежатъ собственно два послѣдніе труда г. Папкова; но для того, чтобы яснѣе выразилась основная идея автора, необходимо будетъ кратко коснуться содержанія и болѣе раннихъ изслѣдованій автора, посвященныхъ тому же самому предмету.

Къ рѣшенію безусловно назрѣвшаго вопроса о необходимости реформы нашего церковнаго прихода г. Папковъ идетъ путемъ историческимъ. Для того чтобы найти способы, которыми можно было бы вывести нашъ приходъ изъ его совершенно ненормальнаго положенія, чтобы показать, какимъ долженъ быть православно-русскій приходъ, авторъ обращается къ исторіи, какъ magistrae vitae, и старается установить, какимъ приходъ былъ у насъ въ прежнее время.

Церковный приходъ есть одно изъ самыхъ древнихъ самобытно-русскихъ учрежденій, создавшихся на почвѣ

исконныхъ общинныхъ началъ русской жизни, подъ вліяніемъ христіанскихъ преобразующихъ идей. Слабый зародышъ нашего прихода должно искать въ языческой древности русскаго народа. Уже въ то время русскіе сляване-язычники достаточно ясно проявили свойственныя ихъ характеру наклонности къ общей дѣятельности, къ взаимному общенію въ своихъ религіозныхъ обрядахъ и обычаяхъ, въ устройствѣ праздничныхъ церемоній. Языческіе храмы тамъ, гдѣ они существовали, являлись центрами всей религіозно-общественной жизни народа: здѣсь совершалось богослуженіе, устроялись народныя празднества и пиршества, сюда стекались частныя и общественныя пожертвованія и вклады, здѣсь находили себѣ пріютъ и пропитаніе сироты и всѣ бѣдные, а также престарѣлые и больные, здѣсь же, въ особыхъ пристройкахъ, происходили общія совѣщанія и рѣшались важнѣйшіе вопросы общественной жизни.

Христіанство не разрушило, а только утвердило, преобразовало и значительно расширило практическое осуществленіе тѣхъ элементовъ, которые возникли въ языческое время и представляли зародышъ будущаго прихода. Христіанскій храмъ, бывшій прежде всего домомъ общей молитвы, привлекъ къ себѣ всѣ общественныя силы, создалъ церковный приходъ, сдѣлавшійся центромъ всей религіозно-общественной жизни и дѣятельности новопросвѣщеннаго русскаго народа.

Сначала, когда христіанство у насъ только еще распространялось, храмы строились на Руси отдѣльными лицами: князьями, архіереями и др. Съ теченіемъ времени они начали создаваться обществами—городскими и сельскими, которыя, построивши храмъ или монастырь, служившій въ древности тѣмъ же цѣлямъ, что и храмъ, обезпечивали его существованіе также общественными средствами—въ городахъ назначеніемъ извѣстныхъ процентовъ съ торговыхъ прибылей и земельныхъ владѣній, а въ селахъ—преимущественно земельными угодьями. Земельныя угодья, приписывавшіяся къ монастырямъ и церквамъ, преимущественно обѣ-

лялись отъ государственныхъ податей и повинностей, равно какъ освобождались отъ подвѣдомственности государственнымъ властямъ въ административномъ, судебномъ (кромѣ важныхъ уголовныхъ преступленій) и финансовомъ отношеніяхъ. Поэтому, такія церковно-монастырскія земли охотно заселялись крестьянами, платившими монастырямъ и церквамъ за пользованіе землею только извѣстный оброкъ. Въ древнихъ актахъ можно читать многія т. н. „духовныя и отказныя", въ которыхъ говорится, что земля или деревня отдается жертвователемъ „на воскъ, на ладонъ и на всякое церковное строеніе". Кромѣ того, какъ общее правило, существовало обыкновеніе, при построеніи церкви въ городѣ или деревнѣ, отводить подъ церковную усадьбу возможно болѣе широкое пространство земли для кладбища и причтовыхъ помѣщеній.

Устрояя церкви и обезпечивая ихъ содержаніе собственными средствами, древне-русскіе христіане всѣ безъ различія классовъ и званій пользовались правомъ выбора священника и другихъ членовъ причта къ своей приходской церкви. Это старинное право, о которомъ совершенно ясно говорятъ такъ называемыя „порядныя записи", было санкціонировано и укрѣплено за прихожанами Стоглавымъ соборомъ. Взаимныя обязательства между причтами и прихожанами опредѣлялись въ упомянутыхъ „порядныхъ записяхъ", изъ которыхъ видно, что, кромѣ прямыхъ, чисто религіозныхъ обязанностей, древне-русское духовенство исполняло и общественныя функціи, напр., дьякъ всегда долженъ былъ быть готовымъ „въ письмѣ у всякаго государева дѣла и у мірскихъ людей". Приходская община принимала на себя обязательство заботиться о содержаніи избраннаго ею церковнаго причта, причемъ это содержаніе, кромѣ платы за требы, назначалось, главнымъ образомъ, изъ доходовъ отъ церковнаго имущества, которымъ распоряжалась всецѣло сама же приходская община. Для болѣе успѣшнаго самоуправленія и для болѣе правильнаго и цѣлесообразнаго распоряженія церковнымъ имуществомъ древне-русская приходская община избирала изъ

своей среды особыхъ довѣренныхъ представителей, которые, въ качествѣ старѣйшихъ и почетнѣйшихъ людей, завѣдывали отъ имени общины всѣми этими дѣлами. Приходская община, избиравшая особаго представителя (или представителей, впослѣдствіи церковныхъ старостъ) для завѣдыванія церковными имуществами и текущими церковно-приходскими дѣлами, не предоставляла имъ однакожъ полной свободы, а тѣмъ болѣе произвола; наоборотъ, она дѣятельно участвовала во всѣхъ распоряженіяхъ своихъ церковныхъ старостъ, утверждала ихъ дѣйствія своимъ согласіемъ, требовала отъ нихъ отчетности во всемъ и входила въ нужды своей церкви и при томъ настолько внимательно, что постоянно отъ ея имени исходили разныя челобитья по дѣламъ церкви и причта.

Доходы съ церковныхъ имуществъ употреблялись далеко не на одно только содержаніе церкви и причта; значительнѣйшая часть ихъ шла на дѣла благотворительныя. Благотворительность въ древне-русскомъ приходѣ была сильно развита. Изъ древнихъ писцовыхъ книгъ мы видимъ, что на погостахъ около церкви, вмѣстѣ съ поповскими и причетническими дворами, существовали вездѣ и дворы богадѣленные подъ названіемъ „келій для нищихъ“; совокупность всѣхъ этихъ домовъ составляла монастырь: „а на монастырехъ“, говорится въ Судебникѣ 1550 г., „жити нищимъ“. Въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ находимъ указаніе на существованіе около церкви „вдовьихъ дворовъ“, равно какъ и на то, что къ разряду людей, питавшихся „о церкви и о приходѣ“, причислялись: бобыли, обѣднѣвшіе и безпашенные крестьяне. Вообще можно сказать, что въ древней Россіи было столько богадѣленъ, больницъ и приходскихъ монастырьковъ, сколько было приходовъ.

Кромѣ того, въ древне-русскихъ городахъ, при многихъ церквахъ, находились т. н. „убогіе дома“, „Божьи дома“, „скудѣльницы“. Что это такое? Это были особые дома при церквахъ, гдѣ полагались тѣла умершихъ бѣдняковъ, странниковъ, убитыхъ, оставленныхъ безъ совершенія надъ ними обряда отпѣванія въ церкви и неоплаканныхъ родными и

т. п. Въ эти убогіе дома въ опредѣленные дни стекались крестными ходами изъ церквей благочестивые люди съ гробами, саванами и всѣмъ необходимымъ для погребенія, сами рыли ямы, опрятывали умершихъ, полагали въ гробъ и хоронили, послѣ чего совершалась по этимъ убогимъ покойникамъ общая панихида. При этихъ „убогихъ домахъ“ жилъ особый сторожъ, называвшійся „божедомомъ“ и дававшій пріютъ въ убогомъ домѣ подкидышамъ, такъ что „убогіе дома“ являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитательными.

Изъ церковныхъ суммъ и доходовъ въ древней Руси выдавались ссуды неимущимъ членамъ приходской общины, часто даже цѣлымъ сельскимъ обществамъ, а равно и членамъ причта. Эти ссуды выдавались съ самыми льготными условіями какъ деньгами, такъ и натурою: хлѣбомъ, сѣномъ и т. п. Такимъ образомъ, церковная приходская казна въ древней Руси являлась въ полномъ смыслѣ слова общенароднымъ приходскимъ благомъ.

Проявляя такую широкую благотворительность въ отношеніи къ бѣднымъ и вообще нуждающимся членамъ своимъ, древне-русская приходская община естественно усвояла себѣ нѣкоторое право надзора за ихъ образомъ жизни, употребленіемъ тѣхъ средствъ помощи, какія они получали отъ общины. Это право, безъ сомнѣнія, послужило зерномъ, изъ котораго постепенно развился потомъ широкій и всесторонній надзоръ приходской общины за нравственностью своихъ членовъ. Надзоръ этотъ, какъ видно изъ древнихъ актовъ, простирался не только на общественное поведеніе членовъ общины, но также и на личную ихъ жизнь и на семейныя отношенія, „чтобы съ матерью своей не бранитьца и не битьца и жены своей не безвѣчить напрасно“. Особеннымъ покровительствомъ приходской общины пользовались жены, которыхъ она защищала отъ тиранства мужей, обуздывая ихъ жестокіе нравы. Приходская община требовала надежнаго поручительства за добрую нравственность новаго члена, котораго она принимала въ свою среду, особенно же когда избирала его на какую-либо общественную должность, внимательно

слѣдила за исполненіемъ своими членами ихъ религіозныхъ обязанностей, напримѣръ, хожденіемъ въ церковь, соблюденіемъ праздничнаго покоя и т. п.

Древне-русская приходская община заботилась также о насажденіи грамотности и распространеніи возможнаго образованія среди своихъ сочленовъ. Почти въ каждомъ древне-русскомъ приходѣ при церкви на общій счетъ содержался особый „мастеръ“, т. е. учитель, который избирался изъ членовъ приходскаго причта или же изъ лицъ свѣтскаго званія и который, по соглашенію съ родителями, собиралъ къ себѣ дѣтей для обученія ихъ грамотѣ. Ясное свидѣтельство объ этомъ читаемъ въ постановленіяхъ Стоглаваго собора XVI в. „Мастера“, или „учительные люди“, обучали дѣтей прихода грамотѣ иногда въ своихъ домахъ, но большею частію въ особыхъ помѣщеніяхъ, которыя устроялись около церкви и содержались на общій счетъ, при чемъ даже бѣднѣйшимъ ученикамъ выдавалось обыкновенно пособіе изъ доходовъ церкви. Такъ, около приходской церкви въ древней Руси существовали рядомъ съ богадѣльнями и убогими домами еще и приходскія училища.

Но древне-русскій приходъ служилъ не только религіозно-церковною, благотворительно-просвѣтительною общественною единицею, но вмѣстѣ съ тѣмъ и административно-территоріальною. На погостѣ около храма бился главный и важнѣйшій нервъ всей церковно-общественной дѣятельности древне-русскаго народа, который и оффиціально распредѣлялся въ административно-территоріальномъ отношеніи на приходы. Здѣсь, т. е. на погостѣ, жили начальствующія лица, здѣсь объявлялись правительственныя распоряженія, вызовы прихожанъ на судъ, здѣсь же собирались и мірскія приходскія сходки для обсужденія и рѣшенія общественныхъ дѣлъ. Постояннымъ мѣстомъ этихъ сходокъ жителей извѣстнаго погоста, въ смыслѣ географически опредѣленнаго прихода, служили т. н. „трапезы“, или „сходныя избы“, устроявшіяся при главной церкви прихода. Эти „трапезы“, или „сходныя избы“, какъ предполагалъ и Неволинъ, авторъ спеціаль-

наго изслѣдованія „о пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI в.“, служили для жителей погоста мѣстомъ собраній и мірскихъ постановленій не только по церковнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ. Въ нѣкоторыхъ храмахъ, какъ видно изъ актовъ, трапезы представляли собой пристройки, непосредственно примыкавшія къ церкви и бывшія теплыми помѣщеніями. Подъ такими пристройками помѣщались общественные склады, а въ самой трапезѣ устроялись столы и лавки. Въ этихъ трапезахъ происходили обыкновенно вышеупомянутые складчинные пиры, поминальные по умершимъ обѣды; сюда же собирались, по воскреснымъ днямъ, „приходскіе люди“ на сходы для обсужденія своихъ земскихъ и мірскихъ дѣлъ и для рѣшенія, совмѣстно съ причтомъ и церковнымъ старостой, всѣхъ церковныхъ общинныхъ дѣлъ; здѣсь происходили мірскіе выборы, принимались отчеты отъ церковнаго старосты, съ очисткою его передъ образами и съ передачей новому старостѣ „всемірской коробки“, заключавшей въ себѣ церковную казну, вмѣстѣ съ грамотами, купчими, порядными, кабалами (заемными письмами) и др. общественными документами, и всегда хранившейся при церкви. Въ трапезѣ церковной объявлялись государевы и владычные указы и грамоты; сюда же спѣшилъ всякій обиженный для сообщенія „приходскимъ людямъ“ о насиліяхъ и обидахъ, какія онъ терпѣлъ отъ своихъ недруговъ, приносились „вѣсти“ о важныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ предѣлахъ и даже за предѣлами прихода; въ трапезахъ же происходили обыкновенно т. н. „явки“, въ которыхъ оглашались всякія преступленія, учиненныя въ округѣ, напр., убійства, грабежи, самоуправства и т. п. Эти „явки“ подавались на имя церковнаго старосты, добрыхъ людей прихода и всѣхъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, между членами приходской общины въ древней Руси существовали самыя близкія взаимоотношенія. Близость этихъ послѣднихъ особенно рельефно выражалась въ т. н. братчинахъ, которыя представляли необходимую принадлежность древне-русскаго прихода. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этой послѣдней черты древне-рус-

кой приходской общины, ограничимся здѣсь указаніемъ только на ту особенность приходскихъ братчинъ, что онѣ владѣли правомъ не только надзора за благочиніемъ и тишиною на братскихъ собраніяхъ, но и правомъ суда надъ лицами, совершившими во время братскихъ празднествъ разныя преступленія. Въ судныхъ грамотахъ XIV и XV в.в. встрѣчается даже такая юридическая норма: „братчина судитъ, какъ судьи“. Этотъ судъ братчинъ былъ преимущественно примирительнымъ и касался сравнительно маловажныхъ проступковъ. Къ суду этому народъ тѣмъ охотнѣе обращался, что съ нимъ было соединено для тяжущихся освобожденіе отъ уплаты тяжелыхъ судебныхъ пошлинъ. Древне-русское правительство не только не стѣсняло приходскихъ братчинъ въ отношеніи ихъ мирового суда, но, наоборотъ, покровительствовало ему и охраняло его отъ всякихъ покушеній на его автономію и традиціонные порядки со стороны своихъ чиновниковъ.

Таковъ былъ древне-русскій православный приходъ въ своемъ самосудѣ, самоуправленіи, самопомощи, въ своихъ благотворительныхъ, просвѣтительныхъ и церковно-устроительныхъ дѣлахъ. Какъ видимъ, въ древней Руси храмъ служилъ дѣйствительнымъ центромъ всей церковнообщественной жизни прихода, а возвышавшійся на немъ крестъ былъ истиннымъ стягомъ, подъ которымъ собирались всѣ добрые „приходскіе люди“ не только для обсужденія и рѣшенія своихъ чисто приходскихъ дѣлъ, но и для изысканія мѣръ защиты всего русскаго государства, когда этого требовали нужды, такъ что приходъ-погостъ былъ живою, сильною и крѣпкою ячейкою всего русскаго государственнаго и церковнаго организма.

Въ такомъ видѣ и съ такимъ значеніемъ древне-русскій приходъ оставался приблизительно до конца XVI в. Первый и сильный ударъ ему былъ нанесенъ введеніемъ у насъ крѣпостного права. Закрѣпощеніе крестьянъ лишило ихъ права самоуправленія, центромъ котораго служилъ, какъ мы видѣли, приходскій храмъ. По мѣрѣ того какъ прогрессировало у насъ крѣпостное право, замирала жизнь и въ древне-рус-

скомъ приходѣ. Обнародованіе манифеста императора Петра III отъ 18 февраля 1762 года и жалованной грамоты императрицы Екатерины II дворянству отъ 21 апрѣля 1785 г., которыми крестьяне окончательно обращались въ частную собственность помѣщиковъ, было равносильно совершенному упадку приходовъ, населенныхъ крѣпостными крестьянами.

Но и въ другихъ русскихъ приходахъ, напр., городскихъ и сельскихъ, населенныхъ вольными людьми, дѣло обстояло къ данному времени не лучше, ибо крѣпостное право, съ его прискорбными послѣдствіями, было главною, но далеко не единственною причиною упадка православнаго прихода.

Замѣчательно, что реформа Петра I-го, хотя и коснулась прихода, не произвела въ немъ той ломки, какой можно было ожидать. Съ изданіемъ „Духовнаго Регламента" и другихъ правительственныхъ распоряженій, приходъ по прежнему оставался всесословною общественною единицею, географически опредѣленною, и прихожане, имѣя своего представителя въ лицѣ церковнаго старосты, продолжали по прежнему пользоваться правомъ избранія членовъ церковнаго причта къ своему приходскому храму. Постепенный подрывъ и замираніе приходской жизни въ теченіе XVIII в. и первой половины XIX в. шли по другому пути. Они являлись неизбѣжнымъ слѣдствіемъ новыхъ условій общегосударственной жизни, ограничивавшихъ и даже совершенно отмѣнявшихъ прежнія широкія права автономіи приходовъ, вносившихъ явный разладъ и даже недовѣріе во взаимныя отношенія между священниками и прихожанами, наконецъ, сильно принижавшихъ соціальное положеніе духовенства, которое потому не могло быть авторитетнымъ руководителемъ приходской дѣятельности. Такъ, напр., правительство Петра I-го обязало священниковъ объявлять правительству открытыя имъ на исповѣди преднамѣренныя злодѣйства, если исповѣдающіеся въ нихъ не каялись въ нихъ, слѣдить за бѣглыми монахами и раскольническими учителями, доносить на разгласителей разныхъ суевѣрій и ложныхъ чудесъ, на-

конецъ, слѣдить даже за неуклоненіемъ крестьянъ отъ переписи. Въ тоже самое время духовенство, не исключая священниковъ, подвергалось самымъ позорнымъ наказаніямъ, употреблялось на унизительныя черныя работы, обязано было дежурить въ съѣзжихъ дворахъ, являться къ офицерамъ для работъ и посылокъ, отбывать наравнѣ съ другими обывателями пожарную повинность и ходить на караулы къ рогаткамъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ XVIII в. на священниковъ была возложена новая полицейско-сыскная обязанность: не допускать нищихъ просить милостыню при церквахъ. Въ самомъ началѣ царствованія императрицы Екатерины II было издано распоряженіе, по которому священники обязаны были въ церквахъ увѣщевать народъ безпрекословно повиноваться своимъ помѣщикамъ, на которыхъ притомъ же запрещалось подавать жалобы. Въ то же самое время была установлена цѣлая система правительственной опеки въ дѣлѣ чисто религіозномъ, при чемъ признано было необходимымъ загонять народъ полицейскою силою въ храмъ въ праздничные и высокоторжественные дни, равно какъ при посредствѣ полиціи слѣдить за исполненіемъ всѣми священныхъ религіозныхъ обязанностей, благоговѣйнымъ стояніемъ въ храмѣ и т. д. Понятно, что эти требованія содѣйствія со стороны приходскаго духовенства для поддержанія ненавистнаго народу крѣпостнаго права, насильственное водвореніе людей въ храмахъ, гдѣ, вмѣсто проповѣди о мирѣ, любви и милосердіи и назиданія въ дѣлѣ вѣры, прихожане должны были выслушивать отъ своихъ духовныхъ отцевъ увѣщанія безпрекословно повиноваться своимъ помѣщикамъ или грозные указы о кровавыхъ расправахъ съ ослушниками, должны были кореннымъ образомъ подрывать устои приходской жизни и уничтожать духовныя связи между прихожанами и священниками. Введеніе обязательной таксы за требоисполненія, отмѣнявшее прежнія добровольныя соглашенія священниковъ съ прихожанами, еще болѣе содѣйствовало паденію нравственнаго авторитета приходскаго священника. Секуляризація церковныхъ имуществъ, значительная часть которыхъ была употреблена на цѣли, совер-

шенно чуждыя тѣмъ, съ какими правительство предпринимало сначала эту крупную реформу (т. е. благоустройству храмовъ, благотворенію бѣднымъ и больнымъ, содержанію школъ и т. п.), совершенно парализовала и даже дѣлала невозможною прежнюю широкую благотворительную и просвѣтительную дѣятельность приходовъ.

Во время же царствованія императрицы Екатерины II совершилось введеніе великороссійскихъ порядковъ также и въ церковное устройство малороссійскихъ приходовъ, что́, въ свою очередь, было равносильно упадку этихъ послѣднихъ.

Синодальное распоряженіе 24 іюня 1797 года, которымъ, на основаніи правительственныхъ распоряженій „о неприниманіи присутственными мѣстами прошеній, многими подписанныхъ", предписывалось архіереямъ не принимать отъ прихожанъ установленныхъ „Духовнымъ Регламентомъ" и „Прибавленіемъ" къ нему доношеній о добропорядочномъ поведеніи избраннаго ими священно-и-церковнослужителя, отнимало у прихожанъ древнее право выбора членовъ причта.

Законъ 1808 г., въ силу котораго всѣ такъ называемыя экономическія суммы церквей отбирались у этихъ послѣднихъ въ пользу духовныхъ школъ, въ самой основѣ нарушалъ исконныя права прихода, и съ изданіемъ этого закона можно считать процессъ упадка православно-русскаго прихода почти совершенно законченнымъ. До начала второй половины XIX в. не видно никакихъ попытокъ оживленія совершенно замершей, въ силу указанныхъ условій, церковноприходской дѣятельности. Даже болѣе: не замѣтно сознанія, что установившіяся условія церковно-приходской жизни были совершенно ненормальны. Дошло до того, что въ наказѣ чинамъ и служителямъ земской полиціи, изданномъ 3 іюня 1837 г., вмѣнялось въ обязанность на ряду со всѣми тайными и всякаго рода закономъ воспрещенными сборищами и масонскими ложами, закрывать и братства.

Только съ отмѣною крѣпостнаго права и съ наступленіемъ преобразовательной эпохи 60-хъ годовъ XIX в. былъ

возбужденъ вопросъ о церковномъ приходѣ и церковно-приходской дѣятельности.

Оживленное обсужденіе этого вопроса въ научныхъ сочиненіяхъ, въ періодическихъ изданіяхъ и въ публицистической печати вызвало нѣкоторыя правительственныя узаконенія и распоряженія, направленныя къ обновленію и оживленію древне-русскаго прихода. Но эти узаконенія и распоряженія далеко не удовлетворяли тѣмъ пожеланіямъ образованнаго общества относительно широкаго развитія церковно-приходской жизни, какія высказывались въ наукѣ и литературѣ. Пожеланія эти сводились къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) признаніе православныхъ приходовъ юридическими лицами, каковыми являются инославные русскіе приходы (лютеранскіе, реформатскіе и отчасти католическіе) и даже единовѣрческіе; 2) возвращеніе православнымъ приходамъ права завѣдыванія и распоряженія мѣстными церковно-общественными суммами и капиталами, равно какъ и права свободнаго пріобрѣтенія на имя прихода движимаго и недвижимаго имущества; 3) упорядоченіе существующаго издавна права прихожанъ избирать членовъ причта и ходатайствовать предъ высшею церковною властію о назначеніи такихъ кандидатовъ въ приходы; 4) признаніе за православными приходами значенія низшей не только церковной, но и земской единицы; 5) предоставленіе православному духовенству возможно болѣе широкихъ правъ семейныхъ, сословныхъ, служебныхъ и имущественныхъ, равно какъ и возможно болѣе широкаго самоуправленія въ собственныхъ его дѣлахъ и суда на твердыхъ каноническихъ основаніяхъ; наконецъ, 6) изданіе общаго свода церконно-общественныхъ законовъ.

Всѣ эти и другія подобныя положенія авторъ разсматриваемыхъ трудовъ считаетъ вполнѣ закономѣрными и осуществимыми. На основѣ этихъ самыхъ положеній онъ признаетъ безусловно необходимымъ обновленіе православнаго церковно-общественнаго строя. На преобразованіе и возрожденіе православнаго прихода онъ смотритъ, какъ на зарю

новой церковной жизни и залогъ, основу для всѣхъ другихъ преобразованій.

Нельзя здѣсь не выразить глубокаго уваженія къ автору, который съ такою рѣдкою и поразительною настойчивостью и самъ идетъ и другихъ побуждаетъ стремиться къ осуществленію своей чистой и возвышенной идеи обновленія русскаго православнаго прихода.

Но, преклоняясь предъ настойчивостью автора въ стремленіи къ намѣченной цѣли, его рѣдкимъ усердіемъ въ дѣлѣ разъясненія вопроса о юридическомъ значеніи русскаго прихода въ древнее и новое время, мы тѣмъ не менѣе никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ въ томъ, что проектируемая имъ идеальная реформа церковнаго прихода вполнѣ возможна и осуществима не только въ настоящее время, но даже и когда-либо впослѣдствіи.

Главная мысль, лежащая въ основаніи всей проектируемой реформы, состоитъ въ предоставленіи русскому приходу права полной автономіи. На чемъ основываетъ авторъ эту свою мысль? „Христіанство, какъ религія *откровенная*", говоритъ онъ, „должно сохранить всю свою самобытность и автономію въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, а потому и христіанская церковная община, по самой природѣ своей, должна быть свободной и самостоятельной въ проявленіяхъ своей жизни... Въ христіанской церковной общинѣ всѣ люди почитаются братьями во Христѣ, и всѣ они, имѣя во главѣ духовнаго отца и наставника, сосредоточиваются вокругъ видимаго своего центра—храма, для совершенія общественной молитвы и для выполненія христіанскихъ обязанностей. Такимъ образомъ, христіанская община является семьей высшаго порядка, созидающей духовное родство между сочленами, и въ ней вся жизнь должна строиться на великомъ началѣ „*любови*", заповѣданномъ Самимъ Спасителемъ, Начальникомъ жизни".

Какъ изъ приведеннаго сейчасъ, такъ и изъ многихъ другихъ разсужденій автора видно, что онъ въ обоснованіи своей главной идеи—о необходимости предоставленія полной

автономіи приходу—смѣшиваетъ два понятія: понятіе о внутренней, духовной, чисто религіозной свободѣ и понятіе о свободѣ внѣшней. Внутренняя свобода, свобода совѣсти и теперь никѣмъ не стѣсняется, и нельзя указать ни одного законоположенія или распоряженія высшей власти, которое бы стѣсняло членовъ какой-либо приходской общины въ выполненіи ими христіанскихъ обязанностей: молитвы, благотворенія бѣднымъ, вразумленія или просвѣщенія другихъ членовъ и т. п.

Но очевидно, какъ это показываетъ и дѣйствительность, одной этой свободы недостаточно для того, чтобы обновить и оживить православно-русскій приходъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ нашъ авторъ. Онъ желаетъ предоставленія приходской общинѣ не одной только внутренней свободы, но и полной свободы во внѣшнихъ, гражданскихъ и соціальныхъ проявленіяхъ церковно-приходской жизни: пріобрѣтеніи и распоряженіи имуществомъ, устроеніи благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій и т. п. Такая автономія православному приходу, при современныхъ условіяхъ жизни, не можетъ быть предоставлена. Даже болѣе того: едва ли подобная автономія мыслима при какихъ бы то ни было условіяхъ человѣческой жизни. Предоставленіе полной, всецѣлой автономіи приходской общинѣ равносильно, по нашему мнѣнію, образованію государства въ государствѣ.

Правда, авторъ въ пользу мыслимости, возможности и осуществимости идеи автономной церковно-приходской общины ссылается на слѣдующіе реальные примѣры: а) первохристіанскія общины; 2) инославные приходы въ Россіи и 3) православные приходы въ Финляндіи, пользующіеся и теперь широкой автономіей.

Но намъ кажется, что авторъ въ данномъ случаѣ упускаетъ изъ виду то весьма важное обстоятельство, что всѣ эти примѣры, на которые онъ ссылается, суть явленія исключительныя. И первохристіанскія общины, существовавшія посреди языческаго міра, и инославные приходы у насъ, существующіе въ государствѣ православно-русскомъ, и наконецъ, православные финляндскіе приходы, находящіеся среди сплош-

ного лютеранскаго населенія, потому именно и пользовались и пользуются автономіею, что они представляли и представляютъ statum in statu, явленія исключительныя, особенныя.

Но какъ можно представить себѣ реально полную автономію православно-русскихъ приходовъ во всѣхъ проявленіяхъ ихъ жизни и дѣятельности? Не иначе, по нашему мнѣнію, какъ только въ видѣ полнаго выдѣленія всѣхъ православно-русскихъ приходовъ изъ общаго строя жизни русскаго государства, или же въ видѣ совершеннаго отдѣленія церкви отъ государства.

Правда, всю свою проектируемую реформу православно-русскаго прихода авторъ, какъ мы видѣли, утверждаетъ, повидимому, на самомъ прочномъ и непоколебимомъ основаніи, именно: на прошлой жизни русскаго прихода, на реальномъ примѣрѣ древне-русской приходской общины. Но и здѣсь, какъ намъ кажется, авторъ упускаетъ изъ виду то существенное и весьма важное обстоятельство, что древне-русскій приходъ, пользовавшійся, какъ мы видѣли, правами широкой свободы во внутренней своей жизнедѣятельности, не представлялъ ничего исключительнаго, особеннаго, а былъ совершенно нормальнымъ явленіемъ въ русскомъ государствѣ того времени. Всѣ отличительныя особенности древне-русскаго прихода находились въ тѣснѣйшей связи и въ полномъ согласіи со всѣмъ строемъ и бытомъ русскаго государства.

Но пусть не подумаетъ ни самъ авторъ, ни кто-либо другой, чтобы мы не сочувствовали основной идеѣ автора. Напротивъ, мы вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ признаемъ безусловно необходимою коренную реформу церковно-приходской жизни, но только съ тою существенно важною оговоркою, чтобы эта реформа не противорѣчила кореннымъ основамъ современнаго строя русскаго государства. Намъ кажется, что обновленіе приходской жизни должно начинать не введеніемъ юридическихъ нормъ, которыя, какъ начало формальное, теоретическое, не могутъ вдохнуть жизни въ замершій организмъ русскаго прихода, но осуществленіемъ жизнедѣятельнаго начала *любви* въ приложеніи къ нашимъ

приходамъ. Другими словами: обновленіе русскихъ приходовъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы начать съ заведенія рѣшительно при всѣхъ нашихъ приходскихъ храмахъ *братствъ любви*, на которыя можно было бы перенести многія изъ проектируемыхъ авторомъ прерогативъ и которыя, прочно привившись къ организму нашего прихода, могли бы незамѣтно обновить и возродить его.....

Ѳ. Титовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

свидѣтельствѣ объ удаленіи статуй— недоразумѣніе: или ихъ удалилъ Константинъ (а не Юстиніанъ), или Юстиніанъ удалилъ только тѣ статуи, что стояли около храма, на землѣ, которая, при расширеніи постройки, должна была отойти подъ храмъ или подъ погостъ. Окончена была св. Софія при Константіи (336—360 г.); такъ увѣряетъ Сократъ, самый достовѣрный изъ историковъ. При Аркадіи, 20-го іюня 404 года, церковь св. Софіи сгорѣла, подожженная нарочно или нечаянно сторонниками Іоанна Златоуста („Іоаннитами", или „Ксилокерекитами"; ср. Ксилокеркъ); или, быть можетъ, даже отъ вертикальнаго удара молніи. Ѳеодосій Младшій обновилъ полуразрушенную церковь (пострадалъ, главнымъ образомъ, алтарь); къ реставраціи Ѳеодосія Младшаго относится ошибочное свидѣтельство Анонима, будто Ѳеодосій Великій (правильнѣе—Руфинъ по его порученію) передѣлалъ базилику св. Софіи изъ куполообразной въ *крытую сводами*.

Пожаръ во время мятежа „Ника" (532 г.) далъ возможность Юстиніану Великому возобновить храмъ св. Софіи въ такомъ великолѣпіи, что онъ не имѣлъ равнаго себѣ въ мірѣ. Были скуплены многіе дома кругомъ (хотя и не въ такомъ количествѣ, какъ гласитъ преданіе); были вызваны въ столицу лучшіе архитекторы и мастера; всѣ провинціи Имперіи должны были дать матеріалъ (особенно остатки языческихъ храмовъ). Затраты были ужасны, но Юстиніанъ не останавливался ни передъ чѣмъ и довелъ дѣло до конца. Освященіе храма состоялось 22-го декабря 538 года. Только середина новаго храма могла умѣститься на скалѣ, составляющей бугоръ холма. Западная часть была воздвигнута надъ огромной цистерной (нынѣ безъ воды), на столбахъ а подъ алтаремъ пришлось, для уравненія почвы, подложить огромные камни (А. Н. Муравьевъ, Письма съ Востока, ч. I, стр. 7 и 8; W. Zalzenberg, Alt-Christliche Baudenkmale von Constantinopel, Berlin, MDCCC. LIV, стр. 62; вопросъ о цистернахъ при св. Софіи подробно изложенъ въ главѣ сочиненія Свенсона и Летэби), Куполъ св. Софіи (какъ сообщаетъ и Кодинъ) не устоялъ долго и, послѣ жестокихъ землетрясеній

553 и 557 годовъ, обрушился 7-го мая 558 года (а не при Юстинѣ II, какъ говоритъ Кодинъ), повредивъ еще, по свидѣтельству Феофана, киворій, св. трапезу и амвонъ (Бѣляевъ, II, стр. 116). Его починили уже другіе художники (старыхъ не было въ живыхъ), а испорченные амвонъ и солея уже не были возстановлены въ прежнемъ видѣ: ихъ замѣнили амвонъ и солея болѣе простой работы. Старый амвонъ, какъ чудо искусства, былъ поставленъ въ евктиріи, находившемся, какъ увидимъ ниже, гдѣ-то близъ нынѣшней „потѣющей колонны", къ западу отъ евктирія св. Петра. Св. Софія однако и потомъ часто починялась; необходимость этихъ частыхъ починокъ обусловливалась: 1) необычайнымъ давленіемъ колоссальнаго купола на стѣны и 2) *частыми землетрясеніями.* Василій Макед. обновилъ св. Софію (главнымъ образомъ двѣ боковыя арки). Къ этой же эпохѣ ученые относятъ большинство сохранившихся до сихъ поръ мозаикъ (и между прочимъ фигуру Льва Философа у ногъ Спасителя въ нареикѣ) Были починки и при Романѣ I Лакатинѣ. Василій II Болгаробойца исправилъ куполъ, поврежденный землетрясеніемъ 975 года. 13-го августа 1032 года, при Романѣ III Аргирѣ, землетрясеніе опять повредило храмъ, и была произведена починка; затѣмъ кое-что сдѣлалъ Михаилъ Палеологъ въ 1261 году. Андроникъ Палеологъ (Старшій) реставрировалъ св. Софію (и свв. Апостоловъ) послѣ ужаснаго землетрясенія 1296 года; тогда (и позже, при Кантакузинѣ) были пристроены колоссальные контрфорсы („пирамиды", какъ выражается Никифоръ Григора, I, стр. 273 изд. Бонн.) съ сѣверной и восточной, а потомъ и съ южной стороны. Въ 1346 году восточная часть св. Софіи однако обрушилась, и ее кое-какъ задѣлали; но окончательно исправлена она была только въ 1354 году. Тогда Іоаннъ Палеологъ закончилъ реставрацію мозаикъ (его изображеніе на „Царской аркѣ" близъ упомянутаго ниже изображенія „Знаменія Б. М." Это была послѣдняя реставрація временъ Имперіи (о реставраціяхъ см. Свэнсона и Летэби, гл. 7-я; ср. патріарха Константія, стр. 91).

Подобно всѣмъ старинnымъ храмамъ св. Софія имѣла съ западной стороны „атріумъ“, т. е. дворикъ, окруженный съ трехъ сторонъ портиками, изъ которыхъ примыкавшій къ храму носилъ названіе „внѣшняго нареика“ (Церем., стр. 126). Въ срединѣ его находились такъ называемыя „Красныя ворота“ (Церем., стр. 636), названныя такъ въ подражаніе воротамъ Іерусалимскаго храма (Дѣян., III, 2 и 10). Противъ этихъ воротъ, по срединѣ атріума, стоялъ фонтанъ (Λουτήρ), почему иногда и самый атріумъ назывался „лутиръ“. Но такъ какъ атріумъ подходилъ своимъ западнымъ концомъ къ самому обрыву холма, то главный ходъ въ нареикъ (паперть) св. Софіи шелъ собственно не съ улицы черезъ „Красныя ворота“, а со стороны Августеона. Впрочемъ, существовала лѣстница и отъ „Аеира“, портика, ограничивавшаго атріумъ *съ запада* (Церем., стр. 156; ср. Бѣляевъ, II, стр. 106); но ея, повидимому, избѣгали. Со стороны же Августеона въ притворъ св. Софіи входили или черезъ Орологій, атріумъ, Красныя врата и внѣшній нареикъ или - еще чаще—черезъ *южную дверь* этого „внутренняго нареика“, „дверь (или ворота) Августеона“ Кодина. Двери этого входа, взятыя, очевидно, изъ какого-то капища, сдѣланы изъ такъ называемаго *коринеекаго* металла; рѣзьба принадлежитъ лучшей эпохѣ древне-греческаго искусства. Чтобы подогнать ихъ къ объему пролета, къ нимъ были придѣланы позднѣйшія бронзовыя украшенія, на коихъ сохранились имена Ѳеодоры и Михаила и 6346 (841) годъ. Очевидно, возстановительница иконопочитанія обновила ихъ, а быть можетъ и пожертвовала. Надъ этими дверями сохранилось мозаичное изображеніе иконы Б. М. „Влахернской“ (Кіево-Печерской съ Константиномъ Вел. и Юстиніаномъ Вел. по сторонамъ: одинъ держитъ въ рукахъ подобіе города, другой—подобіе храма (А. Н. Муравьевъ, Письма, ч. I, стр. 7, 10 и 11; ср. Кондаковъ, стр. 119). Съ противоположной, сѣверной, стороны въ нареикъ вела другая дверь (Церем., стр. 30; та, которой теперь входятъ обыкновенно). Съ запада изъ внѣшняго нареика во внутренній вели 5 дверей, изъ коихъ однѣ, большія,

приходились противъ „Красныхъ воротъ“ и назывались „Большой дверью нарѳика“ (Церем., стр. 126). Надо думать, что эти именно двери носили у нашихъ поломниковъ громкое названіе „дверей Ноева ковчега“ (Леонидъ, стр. 13 и слѣд.). Изъ внутренняго нарѳика въ самый храмъ вели 9 дверей (Муравьевъ, I, стр. 8), изъ коихъ среднія носили названіе „Царскихъ“ (Церем., стр. 440 и друг.). Надъ этими дверями (или вратами) сохранилось мозаичное изображеніе Спаса на престолѣ, съ Евангеліемъ, раскрытымъ на изреченіи: „Миръ вамъ! Азъ есмь свѣтъ міру“. На основаніи этого, въ двухъ медальонахъ, расположеннымъ по сторонамъ Спасителя, проф. Кондаковъ признаетъ не Божію Матерь и Архангела Гавріила, какъ это думаютъ многіе (Муравьевъ, I, стр. 12; Покровскій, Очерки памятн. правосл. иконографіи, стр. 145), а изображеніе Ирины (Мира) и св. Арх. Михаила (Кондаковъ. стр. 115). Не отстаивая стараго мнѣнія цѣликомъ, я считаю все-таки болѣе правильнымъ видѣть здѣсь *Арх. Гавріила*, такъ какъ 1) онъ иногда изображается *съ фонаремъ въ рукѣ* (Иннокентій, т. II, стр. 367; старое изданіе) и 2) Арх. Гавріилъ вообще является въ представленіи церкви носителемъ идеи *мира*, и даже полагаютъ, что онъ именно произнесъ радостныя слова: „Слава въ вышнихъ Богу *и на земли миръ*“... У ногъ Спасителя простерся императоръ, какъ справедливо догадывается тотъ же Кондаковъ (стр. 115), очевидно, Левъ Мудрый. Верхній косякъ этихъ дверей называется „гробомъ дочери Константина“ вслѣдствіе нѣкотораго подобія гробу. Надъ нимъ, непосредственно надъ дверью, надпись: „Азъ есмь дверь. Мною аще кто внидетъ, спасется; и внидетъ, и изыдетъ, и пажить обрящетъ“ (Іоанна, X, 9). Даже запоръ этихъ дверей былъ цѣлителенъ: онъ, по свидѣтельству Антонія (стр. 69 изд. Савв.), извлекалъ слюною змѣиный ядъ у того, кто бралъ его въ ротъ. Направо отъ этой главной двери, еще въ нарѳикѣ, была икона Божіей Матери, „изъ нея же изыде гласъ Маріѣ Египецкой“ (Леонидъ, стр. 13 и слѣд.); икона же Божіей Матери, которую съ этой отождествляетъ Савваитовъ (прим. 20), очевидно, совсѣмъ другая: не одна икона Б. М. была въ

св. Софіи. За то „Спасъ на мраморѣ“ нашихъ паломниковъ, что стоялъ по лѣвую руку тѣхъ же дверей—несомнѣнно упоминаемое Клавихо изображеніе на мраморѣ съ жилами Христа съ Матерью и Предтечей (стр. 13; „преображеніе“ и надо понимать въ смыслѣ: „изображеніе“). Храмъ св. Софіи представляетъ собою, кромѣ алтарной конхи, правильный квадратъ (Муравьевъ, I, стр. 4 и 5). Это крестообразная базилика формы равносторонняго греческаго креста, и надъ пересѣченіемъ рядовъ колоннъ, въ центрѣ храма, возвышается сферическій куполъ (безъ барабана). Куполъ этотъ находится на вышинѣ 23 саженъ отъ помоста (Муравьевъ, I, стр. 5). Западные ученые признавали за алтарь лишь одну апсиду. Но еще А. Н. Муравьевъ справедливо возсталъ противъ этого мнѣнія и доказывалъ, что апсида служила лишь *горнимъ мѣстомъ*, а алтарь долженъ былъ простираться до двухъ основныхъ столповъ, поддерживающихъ куполъ; жертвенникъ и ризница (діакониконъ) тогда сами собою обозначаются въ углахъ храма (стр. 15). Теперь это мнѣніе вполнѣ подтверждено изслѣдованіями Бѣляева, а также Свэнсона и Летъби (гл. 5-я); только приходится заключить, что алтарная ограда (какъ и въ храмѣ свв. Апостоловъ) выступала впередъ на подобіе буквы П (Бѣляевъ, ч. II, стр. 124). Сообщеніе алтаря съ жертвенникомъ и ризницей происходило, по справедливому замѣчанію г. Вульфа (Виз. Врем., т. V, стр. 203), при посредствѣ такихъ же проходовъ, какіе до сихъ поръ сохранились въ св. Иринѣ. Алтарь огражденъ былъ рѣшеткой изъ рѣзного мрамора (Церем., стр. 15), которая служила основаніемъ для 12-ти тонкихъ порфирныхъ колоннъ (τὰ στήθεια; Церем., стр. 17) съ карнизами, сплетенными изъ голубей и крестовъ (такія ограды сохранились на Аѳонѣ и называются „дистилонами“, т. е. „двустолпіями“).

Два такихъ столба перенесены ко входу въ храмъ, а двѣ рѣзныя плиты иконостаса архитекторъ Фоссати поставилъ (въ 1848 г.) по обѣимъ сторонамъ верхнихъ галлерей, у алтаря (Муравьевъ, I, стр. 16 и 17). „Царскія врата“ (наши) у Грековъ назывались „Святыми“ (Церем., стр. 15 и

слѣд.). На каждой ихъ половинкѣ было по кресту (Церем., стр. 64 и 65). Противъ вратъ находился выступъ (τὸ ποὔλπιτον. Церем., стр. 134 и 135), а на немъ—„порфирный кругъ" (Церем., стр. 15). Ограда алтаря шла не по краю возвышенія его, а немного отступя (Церем., стр. 17). Это мѣсто называлось „солеей", которую можно (вслѣдъ за іером. Іоанномъ) назвать „узкой" въ отличіе отъ настоящей. Эта настоящая выступала къ западу почти до самаго амвона, который находился почти подъ куполомъ (Бѣляевъ, II, 110; іером. Іоаннъ, стр. 33 и 34). Прямо противъ „Святыхъ воротъ", *подъ самымъ сводомъ арки восточнаго полукупола,* находился престолъ (Бѣляевъ, II, стр. 116 и 117) подъ киворіемъ, поддерживаемымъ серебрянными столбами (изображеніе—на иконѣ Б. М.—„Софіи—Премудрости Божіей" Новгородской), а за престоломъ, въ алтарной конхѣ—серебрянное Распятіе (запрестольный крестъ). Въ алтарѣ было „море", устроенное по образцу ветхозавѣтнаго (2 Парал., IV, 6); имъ пользовались для смѣшенія воды съ виномъ и для омовенія сосудовъ (іером. Іоаннъ, стр. 31 и 32). Въ конхѣ, надъ горнимъ мѣстомъ до сихъ поръ сохранилось изображеніе Божіей Матери, *на пурпуровомъ одрѣ*, съ Младенцемъ; изъ двухъ архангеловъ по сторонамъ—въ боковыхъ конхахъ—не сохранился лѣвый (въ сѣверной, Гавріилъ). По мнѣнію Кондакова (стр. 128), эта икона Б. М. такъ называемая (по типу) „Влахернская" (работы VI вѣка). Но я, на основаніи того, что Младенецъ *стоитъ* (Муравьевъ, I, стр. 18; у Зальценберга этого изображенія отдѣльно нѣтъ!) готовъ скорѣе видѣть въ этой иконѣ прототипъ такъ назыв. Б. М. „*Неувядаемый цвѣтъ*". Если моя догадка въ этомъ случаѣ оправдается, то я буду имѣть важное подтвержденіе для главной своей догадки, именно, по вопросу о томъ, что подъ „Анаусой" разумѣется Божія Матерь (см. „Судьба города"). Осмѣливаюсь также предполагать, что извѣстное слово патріарха Фотія, сказанное „съ амвона Великой церкви, въ Великую Субботу, когда открытъ былъ живописный образъ Богоматери" („Четыре Бесѣды Фотія", архим. Порфирія, Спб., 1864, стр. 32—38 и

74—81), если и не относится къ этой самой мозаикѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ числѣ другихъ иконъ (кромѣ той, что „на пяльцахъ“) прежде всего подразумѣваетъ ее. Сохранилось въ южной изъ трехъ апсидъ превосходное изображеніе Архангела (Михаила—патрона Царьграда и Кіева)—несомнѣнно времени Юстиніана Вел. Это изображеніе, по правдоподобной догадкѣ проф. Кондакова, и подало поводъ къ повѣрію въ существованіе въ св. Софіи, на мѣстѣ „Силлагонѣ“, Ангела—Хранителя, сообщаемому Кодиномъ (Коѳд., стр. 117 и 127; ср. Антоній, стр. 70 изд. Савв.). Когда вечеромъ 24-го мая 1453 года зарево отъ турецкихъ костровъ отразилось на куполѣ св. Софіи, то благочестивые люди прямо рѣшили что „Ангелъ, котораго Господь приставилъ во время имп Юстиніана стеречь святую церковь и городъ, въ эту ночь отлетѣлъ на небо среди сіянія“, а, слѣдовательно, „Господь предалъ городъ въ руки враговъ“. 25-го мая, на совѣтѣ, патріархъ Григорій сказалъ въ глаза императору: „Служители алтаря видѣли несомнѣнные признаки того, что, по волѣ Божіей, городъ долженъ нынѣ пасть“, и Константинъ XI упалъ въ обморокъ отъ этихъ словъ (Міятовичъ, Константинъ, послѣдній византійскій императоръ, стр. 177—179). Въ связи съ этимъ и у насъ Архангелъ Михаилъ— гербъ Кіева; а греки сдѣлали въ позднѣйшее время попытку перенести и все это преданіе объ Архангелѣ Михаилѣ на русскую почву, и даже въ Петербургъ (архим. Порфирій, 2-е путешествіе на Аѳонъ, стр. 91—92).

На „Царской аркѣ“, т. е. той, что была надъ иконостасомъ, находится поясное изображеніе Божіей Матери съ поднятыми руками,т. е. наше „Знаменіе Б. М.“, сходное по по выраженію съ „Нерушимой Стѣной“ (Муравьевъ, I, стр. 18; Кондаковъ, стр. 125; ср. фреску катакомбъ Агніи IV в. у Покровскаго, стр. 69). Теперь сплошь и рядомъ это изображеніе неправильно зовутъ „Спасителемъ“. На противоположной аркѣ было тоже изображеніе Божіей Матери. Лѣвая часть храма составляла „гинекей“ (Церем., стр. 186), и на хорахъ надъ нимъ помѣщались представительницы аристо-

кратіи; сохранилась на перилахъ надпись: „мѣсто Θеодоры, именитой патрикіи“ (Муравьевъ, I, стр. 23). Помѣщались женщины и въ западной части хоръ, ближайшей къ рѣшеткѣ.

На хоры подыматься можно было четырьмя угловыми всходами (или подъемами) *безъ ступеней*, какъ и нынѣ (Муравьевъ, Письма съ Востока, ч. I, стр. 22). Вслѣдствіе того что главный входъ во храмъ былъ со стороны Августеона наиболѣе былъ въ употребленіи всходъ отъ южной двери внутренняго нарθика (τὸ θυτικὸν κόχλιον, стр. 104; τὸ ἀναβάσιον, стр. 549). Были еще лѣстницы, сѣверная и южная, продолженія коихъ (наверху) сохранились (Зальценбергъ, стр. 58) Думаютъ, что эти средніе всходы служили, главнымъ образомъ, для діаконовъ, когда тѣ ходили кадить (А. Н. Муравьевъ, Письма съ Востока, ч. I, стр. 22).

Столы, на которые опираются боковые хоры, числомъ *восемь* изъ зеленаго мрамора (verde antico) взяты изъ славнаго храма Діаны въ Ефесѣ (Копинъ, стр. 132 и 136). Другіе *восемь* столповъ краснаго порфира нѣкогда взяты изъ Баальбека Авреліаномъ для храма въ Римъ, а оттуда присланные въ К—ль, какъ даръ Юстиніану Вел. отъ вдовы Маркіи, были поставлены „въ четырехъ конхахъ“ (Кодинъ, тамъ же), т. е. въ четырехъ углахъ (въ полукуполахъ).

Четыре большія арки, ограничивая хоры, поддерживаютъ главный куполъ; изъ украшеній наиболѣе замѣчательно изображеніе Спасителя (Рихтеръ, стр. 62); оно сохранилось и до сихъ поръ, хотя мало извѣстно (Муравьевъ, Письма съ Востока, ч. I, стр. 17; Кондаковъ, стр. 127). Далѣе интересны — особенно потому, что хорошо сохранились—изображенія *шестикрылатыхъ* евангелистовъ на основныхъ (четырехъ) столпахъ.

Иные принимаютъ, впрочемъ, эти изображенія за херувимовъ. Описаніе Кодина даетъ важную подробность о сѣверномъ нефѣ: колонна св. Григорія находилась „въ лѣвой части гинекея.“ Такъ какъ она была *обита мѣдью* (по свидѣтельству Антонія, стр. 66, изд. Савв.). *то несомнѣнно, что эта колонна тождественна съ „потѣющей“* (а Кондаковъ ихъ

различаетъ, стр. 114 и 116). Тогда и колонну св. Василія Великаго придется искать не близъ дверей (Кондаковъ, стр. 116 и 117), а *на южной сторонѣ*. Дѣйствительно, у „потѣющей колонны" есть мозаичное изображеніе св. Григорія Чудотворца, а у противоположной южной—св. Василія Вел. (Муравьевъ, I, стр. 19; Зальценбергъ, стр. 103 и слѣд.). Въ такомъ случаѣ, упоминаемая у Антонія дверь въ крещальню будетъ не та, которая замѣтна въ сѣверо-восточномъ углу, а та, что *ведетъ еще и теперь въ Малую Крещальню* (Муравьевъ, I, стр. 9). На правой (южной) сторонѣ хоръ, близъ алтаря, находилось мѣсто императора. Отсюда вела дверь въ небольшую комнату съ углубленіемъ къ востоку (Муравьевъ, I, стр 27). Возможно, что это—„евктирій св. Ѳеофилакта" (Церем. стр. 160; ср. іеромон. Іоанна, стр. 38), и почти не можетъ быть сомнѣнія, что упомянутая дверь, за которою преданіе помѣщало легендарнаго пресвитера (Муравьевъ, I, стр. 26 и 27), представляетъ собою тотъ ходъ, которымъ императоры ходили на катехумены св. Софіи (Церем., стр. 125 и 635; ср. ниже). Въ западной части катехуменовъ (хоръ) засѣдали соборы епископовъ (Церем., стр. 564), а въ южномъ ихъ концѣ находился придѣлъ съ чудесно свѣтящимся Крестомъ; теперь тамъ складъ разнаго хлама (Муравьевъ, I, стр. 27 и 28). Придѣлъ этотъ-позднѣйшаго происхожденія (Кондаковъ стр. 117). Не имѣемъ—ли мы въ немъ „Малый Секретъ" *(гдѣ хранился св. Крестъ)?* Такъ думать заставляетъ аналогія съ Іерусалимомъ, гдѣ на Голгоѳѣ, на дверяхъ отдѣленія съ „Древомъ", былъ тоже *свѣтящійся крестъ* (Палест. Сборн., вып. VII, стр. 95). А за „Большой Секретъ" не слѣдуетъ-ли принять глубину хоръ (поближе къ большому окну, гдѣ засѣдали соборы)? Быть можетъ, напрасно отвергаетъ Бѣляевъ догадку въ такомъ родѣ іером. Іоанна (стр. 37). Невольно вспоминается аналогія съ Кіевомъ: и въ нашей св. Софіи (Кіевской) былъ большой кусокъ Древа Животворящаго Креста, но поляки его похитили (см. книгу: „Ченстоховская чудотворная икона Богородицы, Вильна, 1881 г., стр., VI, VII, 53 и 54), и теперь онъ или въ мон. Св. Креста на Лысой горѣ (Кѣлец-

кой губ. на границѣ Радомской) или въ Люблинѣ. Западное большое окно не было прежде единственнымъ: такія же окна были на сѣверной и южной наружныхъ аркахъ; но потомъ ихъ заложили, чтобы укрѣпить стѣны (Муравьевъ, I, стр. 19). Интересно однако, что, сколько извѣстно, въ св. Софіи хотя и были двери въ концахъ рукавовъ Креста, но ими не пользовались, какъ это бываетъ у насъ: ихъ замѣняли—и замѣняютъ и теперь—двѣ двери, по обѣимъ сторонамъ главной апсиды (Муравьевъ, стр. 9). Съ южной стороны св. Софіи теперь три турецкихъ тюрбе замѣнили собою по остроумной догадкѣ проф. Кондакова, три пристройки, (евктирія). Восточную изъ нихъ Кондаковъ полагаетъ стоящею на мѣстѣ діаконикона (стр. 114, 121); но вѣрнѣе, что тутъ былъ евктирій св. Николая (см. ниже). Среднюю Кондаковъ, на основаніи аналогіи съ Римомъ и своего (не совсѣмъ правильнаго) толкованія свидѣтельства паломника Антонія, желаетъ признать за евктирій св. Петра, гдѣ хранились вериги св. апостола (Кондаковъ, стр. 114). Но такъ какъ у насъ, есть болѣе вѣскія доказательства въ пользу положенія этого евктирія въ другомъ мѣстѣ (о чемъ тоже ниже), то вѣрнѣе будетъ признать, что тюрбе стоитъ на мѣстѣ *Царскаго евктирія,* въ которомъ былъ „крестъ изъ орудій казни“ (Церем., стр. 15 и 16). Нашъ Антоній подробно описалъ эту малую церковь и эту самую икону- крестъ стр. 80 изд. Савв.); но, по моему, еще лучшее понятіе объ этомъ „Крестѣ“ можетъ дать извѣстный крестъ съ орудіями Страстей, хранящійся теперь въ лаврѣ св. Аѳанасія на Аѳонѣ.

Интересно, что въ томъ же евктиріи было еще и „уже желѣзное въ дверехъ Петровы темницы“, что много извиняетъ ошибку проф. Кондакова (Бѣляевъ, II, 127). Западную тюрбе теперь тоже нельзя признать за церковь, гдѣ стоялъ „амвонъ хрусталенъ, его же избилъ верхъ святой Софіи падся“ (т. е. старый амвонъ Юстиніана; Кодинъ, стр. 132), эту церковь теперь надо искать у „потѣющей колонны“. Но я все-таки отождествляю эту тюрбе *съ евктиріемъ св. Алексѣя*

упоминаемымъ у Никиты Хоніата (т. I, стр. 304 и 305 рус. перев.). Построенъ (или переименованъ) этотъ евктирій могъ быть въ позднѣйшія времена, наприм., послѣ Латинскаго плѣна.

Немного западнѣе послѣдней постройки, у южной оконечности нареика (гдѣ былъ входъ съ Августеона) находилось *нѣсколько рядовъ столбовъ подъ легкимъ навѣсомъ;* теперь эти столбы вдѣланы въ новую стѣну. А противъ этихъ столбовъ, почти у самаго входа въ ограду. находится древняя восьмиугольная крещальня, подобная Латеранской; теперь она тоже обращена въ тюрбе султана Мурада IV (Муравьевъ, стр. 9). Это тотъ „храмъ св. Іоанна Предтечи", который, по свидѣтельству Кодина (стр. 135), построенъ Юстиніаномъ передъ св. Софіей. Однако, быть можетъ, Юстиніанъ только *обновилъ его*, потому что Кондаковъ готовъ отнести эту постройку къ болѣе древнему времени, ко времени Ѳеодосія Младшаго (415), если даже не Константина Великаго (Конд., стр. 120). Можно только удивляться тому, какъ до сихъ поръ никто не додумался отождествить упомянутыя колонны съ „портикомъ св. кладезя", а крещальню—съ самымъ „св. кладеземъ". „Обручъ самарянки" могъ служить купелью, какъ теперь въ Канѣ Галилейской служитъ таковой одинъ изъ „сосудовъ", а вода могла быть проведена изъ цистерны, что подъ западной частью храма (см. выше). Могъ этотъ „кладезь" находиться и не въ самой крещальнѣ, а въ пристройкѣ такъ что указаніе Антонія Новг. (у котораго какъ бы различаются, стр. 81 и 82, „кладезь" и „крестильница") не опровергаетъ моей догадки. Послѣ нашествія Латинянъ этотъ „обручъ самарянки" находится уже въ алтарѣ (Леонидъ стр. 16). „Сѣдалище св. Константина", упоминаемое у Кодина (стр. 142), близъ св. кладезя, очевидно, тождественно съ тѣмъ престоломъ" (близъ иконы св. Бориса и Глѣба), который упомянутъ у Антонія Новгородца (стр. 79 изд. Савв.). *Главный* царскій мутаторій *съ триклиномъ* (а „мутаторіевъ" въ св. Софіи было нѣсколько; Бѣляевъ, II, стр. 138) находился, надо думать, въ составѣ построекъ и донынѣ сохранившихся

близъ Малой Крестильницы или примыкавшихъ къ этому зданію; иначе нельзя думать на основаніи указанія Кодина, что „царь ѣлъ въ Баптистеріи“, а также, что царь соединилъ Баптистерій съ дворцомъ „крытыми переходами“. Подъ этими „переходами“ несомнѣнно надо понимать ходъ черезъ „Хитъ Халки“, упомянутый въ „Обрядникѣ“; *а ходъ этотъ, какъ извѣстно, велъ именно къ св. Кладезю* (см. Дворецъ Большой). Въ евктиріи съ Крестомъ (царскимъ) могъ существовать (какъ и на нареикѣ) еще Малый Мутаторій; но это никакъ не главный, если держаться показаній Кодина.

У юго-западнаго угла св. Софіи, т е. *непосредственно противъ Малой Крещальни* (Леонидъ, стр. 4 и 5), стояла величественная конная статуя Юстиніана Вел. (у Лабарта она поставлена вполнѣ вѣрно; Кондаковъ, стр. 88). Благодаря необычайной высотѣ своей — одинъ пьедесталъ, обложенный мѣдью, имѣлъ 30 метровъ (Лабартъ, стр. 35 и 36)—она господствовала надъ сосѣднимъ Августеономъ. Мордтманъ нашелъ надпись отъ нея, заложенную въ стѣнѣ у Желѣзныхъ воротъ и церкви свв. Сергія и Вакха (Мордтманъ, стр. 55 и 64). Вѣроятно это сдѣлано во время починки наканунѣ осады. Статуя эта считалась *главнымъ палладіумомъ К—ля* (Кирпичниковъ, Чудесныя статуи въ К—лѣ, стр. 15—17; ср. „Палладіумъ“ и „Судьба города“); особенно много значенія придавали *простертой рукѣ*. Я лично не сомнѣваюсь, что наша имп. Екатерина Великая, мечтавшая о завоеваніи К—ля, *съ намѣреніемъ* придала такое положеніе рукѣ „Мѣднаго всадника“. И дѣйствительно, въ 1812 году на „Мѣднаго всадника“ уже смотрѣли, какъ *на нашъ палладіумъ* (сонъ маіора Бутурлина, см. Рождественскаго: Вѣщіе сны, стр. 57 и 58, Спб. 1897 г.).

Вдоль сѣверной стороны св. Софіи шелъ тоже рядъ пристроекъ. Именно у сѣверо-восточнаго угла (на мѣстѣ, пріобрѣтенномъ отъ Анны) находилась, какъ мы знаемъ изъ Кодина, *ризница*. Свидѣтельство Кодина о существованіи особой *(главной)* ризницы близъ сѣверо-восточнаго угла подтверждается свидѣтельствомъ „Обрядника“ (Церем., стр. 182;

ср. Бѣляевъ, II, стр. 141 и слѣд.; извѣстно даже, что через эту ризницу былъ ходъ въ „Великую Крещальню“. Итакъ, эта ризница находилась въ соотвѣтствіи съ придѣломъ св. Николая Чуд. А что касается „Большой Крещальни“, то это зданіе до сихъ поръ тоже сохранилось въ этомъ же мѣстѣ, немного отступя отъ св. Софіи, и теперь носитъ названіе „стараго имарета“. Честь этого открытія принадлежитъ всецѣло проф. Кондакову (стр. 121). Бѣляевъ (II, стр. 148 и 149) усумнился-было въ этомъ, но теперь доводы Бѣляева и его единомышленниковъ разбиты г. Вульфомъ, доказавшимъ, что это зданіе *перестроено* и черезъ это *уменьшено* (Виз. Врем., т. V, стр. 209). Храмъ св. ап. Петра (ошибочно помѣщаемый Кондаковымъ на южной сторонѣ) вѣрнѣе искать близъ вышеупомянутой ризницы, только (по моему) не у сѣверо-восточнаго угла храма (какъ Бѣляевъ, II, стр. 147), а нѣсколько западнѣе, противъ бывшаго большого окна и въ соотвѣтствіи съ Царскимъ евктиріемъ. Мы знаемъ изъ Кодина, что крестъ въ ростъ Христа стоялъ въ этой ризницѣ (или около, стр. 133; ср. Бѣляева, II. стр. 147); а, по свидѣтельству Антонія Новгородца, „внѣ дверей алтаря малаго (гдѣ былъ жертвенникъ?) стоитъ крестъ, колико былъ Христосъ возвышенъ на землѣ.. И за тѣмъ крестомъ лежитъ Анна (еще разъ напоминаю, что, по Кодину, на мѣстѣ Анны была нынѣшняя, „потѣющая колонна“)... И оттолѣ, по той же странѣ церкви есть святого апостола Петра... Тутъ же висятъ Петровыхъ веригъ желѣзо, вковано въ золотую икону“... (стр. 80, изд. Савв.). Еще западнѣе и, значитъ, ближе къ „потѣющей колоннѣ“ былъ третій евктирій, гдѣ стоялъ „амвонъ хрусталенъ“ (Антоній, стр. 64, изд. Савв.); онъ соотвѣтствовалъ, по симметріи, третьему южному евктирію(св. Алексѣя?).

Менѣе всего мы знаемъ о *Дидаскаліи*. Это помѣщеніе—какъ можно полагать изъ самаго названія—должно было служить для наставленія въ вѣрѣ приготовляющихся къ св. крещенію (іером. Іоаннъ, стр. 44), а потому должно было находиться недалеко отъ Малой Крещальни. Изъ „Обрядника“ же мы знаемъ еще, что тамъ была доска, на которой была вырѣзана пасхалія (Церем.,

стр. 126 и 157). Относительно положенія Дидаскалія тотъ же „Обрядникъ" даетъ слѣдующія указанія. Изъ Великаго патріаршаго Секрета (съ западной части хоръ?) царь *сходилъ по Большой витой лѣстницѣ въ „Дидаскалій", оттуда спускался по ступенькамъ на внѣшній нареикъ,* а изъ послѣдняго, черезъ Большія двери нареика входилъ во внутренній нареикъ (Церем., стр. 126; Бѣляевъ, II, стр. 240 и 241). Слѣдовательно, Дидаскалій былъ недалеко отъ внѣшняго нареика, *нѣсколько повыше* и при окончаніи „большой лѣстницы". А важнѣе всего то, что въ „Обрядникѣ"—*ступени какъ бы противопоставляются лѣстницѣ, т. е. лѣстница какъ бы была спускомъ безъ ступеней.* „По четыремъ угламъ собора не было вовсе ступеней въ отлогихъ восходахъ" (А. Н. Муравьевъ, I, стр. 22) — вотъ фактъ и фактъ извѣстный всѣмъ, кто всходилъ на хоры св. Софіи. Далѣе всякому, кто хотя разъ былъ въ св. Софіи, извѣстно, что *„спускаться по ступенькамъ на нареикъ" можно только съ сѣвера;* да и царь съ крестомъ обязательно долженъ былъ итти *противъ солнца.* Все этого заставляетъ предполагать, что „Дидаскалій" находился къ *сѣверу отъ нареика, у сѣверно-западнаго угла храма,* въ соотвѣтствіи съ Малой Крещальней. Такъ какъ тамъ почва выше, то оттуда обязательно надо было спускаться *„ступеньками"*, какъ теперь входящіе спускаются во внутренній нареикъ. Въ такомъ случаѣ царь спускался тогда не обычнымъ „сходомъ", что ближе къ Августеону, а *противоположнымъ* (въ сѣверно-западномъ углу), недалеко отъ извѣстнаго чулана. Къ сожалѣнію, эта часть храма подверглась наибольшимъ передѣлкамъ (Кондаковъ, стр. 119).

Теперь перехожу къ *евктирію св. Николая Чуд.* Положеніе этой постройки опредѣлить труднѣе всего (особенно для не читавшихъ сочиненія А. Н. Муравьева), и въ догадкѣ о ея положеніи я осмѣливаюсь итти на перекоръ всѣмъ другимъ ученымъ. Изъ „Обрядника" мы узнаемъ, что „ὄπισθεν τοῦ βήματος" шли черезъ переходы св. Николая: „*διὰ στενοῦ διαβατικοῦ τοῦ ἁγίου Νικολάου*" (Церем., стр. 34, 182—184). Въ связи съ этимъ, вѣроятно, находится и извѣстіе о *лѣстницѣ*

задп алтарной конхи (Церем., стр. 160), которая, какъ вѣрно справедливо предполагаютъ, вела на катехумены (Бѣляевъ, II, 135; іером. Іоаннъ, стр. 39).

Изъ евктирія св. Николая выходили уже къ „св. кладезю" (Церем., стр. 183). Бѣляевъ совершенно справедливо замѣчаетъ (II, стр. 142), что этотъ евктирій св. Николая Чудотворца разумѣется и у нашихъ паломниковъ подъ названіемъ церкви св. Николая „на Дмитріевомъ дворѣ", куда, по сказанію Стефана Новгородца, надо было (отъ мѣста, гдѣ лежало тѣло патр. Арсенія) „поити изъ церкви въ двери, ити промежъ стѣнъ со свѣщею, обходя аки кругомъ" (Леонидъ, стр 11). Прибавлю, что этотъ придѣлъ (а также и спасеніе Дмитрія св. Николаемъ Чудотворцемъ на морѣ) невольно напоминаетъ мнѣ про икону св. Николая „Мокраго" на хорахъ въ нашей Кіевской Софіи и сходное чудо съ младенцемъ, упавшимъ въ р. Днѣпръ (Житіе св. Николая Чуд., изд. Общества Любителей древней письменности, стр. 107—110 и 198—204). Однако наши паломники упоминаютъ здѣсь въ евктиріи не икону св. Николая Чуд., а икону Спаса—„Елеонъ-гора" (Стефанъ Новгородецъ). Но какъ понимать: „сзади алтарной конхи"? Дѣло въ томъ, что 1) по обычаю православной церкви, вовсе не полагается хода вокругъ алтаря въ томъ же зданіи (такъ называемаго „хора" у католиковъ; Мансуровъ: Базилика имп. Константина въ Іерусалимѣ, стр. 157), а 2) нѣтъ никакихъ признаковъ, дозволяющихъ предположить у восточной стѣны св. Софіи даже отдѣльное зданіе, часовню, въ родѣ тѣхъ, какія у насъ и теперь иногда устраиваются въ оградѣ церкви *позади алтаря*. Вѣрнѣе, что Бѣляевъ и другіе ошибаются, и въ „Обряднигѣ" точкой отправленія подразумѣвается не лѣвая восточная дверь (которой теперь входятъ султаны), а *правая* восточная дверь *около*, нынѣ заложенная, а подъ βῆμα— не алтарь св. Софіи, а алтарь евктирія св. Николая (или вообще восточная стѣна). *Тогда за евктирій св. Николая придется считать ту пристройку у юго-восточнаго угла св. Софіи, которую проф. Кондаковъ принялъ за діаконикона (Кондаковъ, стр. 114).* Оттуда

стр. 126 ...
„Обрядн...
ріаршаг...
Большой
ступеньк...
Большія ...
стр. 126; ...
даскалій ...
выше и ...
то, что в...
льстницѣ
„По че...
отлогих...
фактъ ...
Софіи.
извѣст...
только
былъ
гать,
сверг...
щаль
надо
спус...
спу...
гус...
не...
хр...
ст...

[illegible] ... ва. [illegible] ... [illegible] ... Константин[illegible] ... [illegible] ... патріархъ [illegible] ... въ святаго ... [illegible] ... легенда. Тогъ ... [illegible] ... скрытаго стѣною ... [illegible] ... выше ... [illegible] ... мѣсту, и съ другой ... [illegible] ... мѣста (на хорахъ, ... [illegible] ... переходы Магнавр[illegible] ... [illegible] ... было спастись и изъ ... [illegible] ... царскаго мѣста. Достоин[illegible] ... [illegible] ... знаменій св. Софіи. ... [illegible] ... Николая за Бѣлиз[illegible] ... [illegible] ... угол св. Софіи и ... [illegible] ... св. Петра). ... [illegible] ... юго-вос[illegible] ... [illegible] ... особенно ... [illegible] ... поддерживаемы[illegible] ... [illegible] ... положенных, по свид[illegible] ... [illegible] ... которыми та и друга[illegible]

Содержаніе XVII-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“.

ОТДѢЛЪ I.

Вып. 1.

Стр.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ апрѣля по октябрь 1902 г. 3

Сокращенное изложеніе сообщеній:

О новомъ трудѣ по исторіи Чешской литературы— *А. І. Степовича* 1

Отчетъ о поѣздкѣ въ Глуховъ—*Н. Ѳ. Бѣляшевскаго* . . 8

Отчетъ о поѣздкѣ въ Межигорье и Кіевское Полѣсье— *М. П. Истомина* 16

Отчетъ объ осмотрѣ древностей въ Подольской губ. лѣтомъ 1901 г.—*о. Е. І. Сѣцинскаго* 34

Кто онъ?—*И. М. Каманина* 49

О трудахъ XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ— *В. Б. Антоновича, В. З. Завитневича, А. І. Степовича*, *М. Н. Ясинскаго* и *Н. И. Петрова* 50

Нѣсколько данныхъ изъ психологіи Гоголевскаго творчества—*Г. В. Александровскаго* 51

Столѣтіе фабричнаго законодательства—*В. Я. Желѣзнова* 55

Вып. 2.

I.

Памяти Ѳ. Я. Фортинскаго:

1. Вводное слово предсѣдателя Общества *Н. П. Дашкевича*, сказанное въ засѣданіи 19 января 1903 г. 3

Стр.

2. Ѳ. Я. Фортинскій (некрологъ)—*Т. Д. Флоринскаго* 3
3. Ѳ. Я. Фортинскій, какъ ученый и профессоръ—*М. Н. Ясинскаго* 27
4. Воспоминанія о дѣятельности Ѳ. Я. Фортинскаго на Высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ—*А. Л. Иконниковой* 67
5. Памяти Ѳ. Я. Фортинскаго—*В. Г. Ляскоронскаго* 76

II.

Памяти А. М. Лазаревскаго—*Н. П. Василенка* 85

III.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1901 г. по 27 октября 1902 г.—*М. Н. Ясинскаго* 57
Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1901 г. по 27 октября 1902 г. 67
Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Общества съ 69

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Предполагаемые и дѣйствительные вновь открытые комментаріи къ „Обряднику" Константина Порфирогенета („De ceremoniis aulae Byzantinae")—*А. А. Дмитріевскаго* 69
Исторія одного древняго Волынскаго храма (св. Іоанна Богослова въ г. Луцкѣ)—*О. П. Левицкаго* 74

Вып. 3.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Общества 81

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Къ вопросу о древне-русской образованности въ дотатарскій періодъ—*А. М. Лободы* . . . . . . , . . 83
Отчетъ объ археологической экскурсіи въ Звенигородскій уѣздъ (Кіев. губ.) лѣтомъ 1901 г.—*В. Н. Доманицкаго* 87

Стр.

Къ исторіи заселенія Черноморскаго побережья Кавказа—
Л. С. Личкова 113

Вып. 4.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Общества 117

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Дрезденская рукопись, какъ литургическій памятникъ въ связи съ памятниками древней русской письменности—*А. А. Дмитріевскаго* 117
Поэзія и ея теорія въ Кіевской Академіи въ половинѣ XVIII вѣка—*Н. П. Дашкевича*. 120
Очеркъ исторіи шведскаго университета въ Лифляндіи въ XVII в.—*В. А. Кордта* 121
Грамота 1134 г. Ивана Ростиславовича Берладника—*Н. П. Дашкевича* 124
Изъ исторіи крѣпостного права въ Западной Россіи въ XVIII и XIX в.в.—*М. В. Довнара-Запольскаго* . . —
По вопросу объ отношеніи апокриѳовъ къ богомильству—*К. Ѳ. Радченка* 125
Происхожденіе легенды о хожденіи Богородицы по мукамъ—*Н. К. Бокадорова*. 126
Замѣчанія о происхожденіи той же легенды — *Г. М. Бараца* 128
Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по славяновѣдѣнію—*Т. Д. Флоринскаго*. 129
Къ объясненію сказаній о провалившихся городахъ—*В. Н. Перетца* 132
О происхожденіи ариѳметики (культурно-историческій очеркъ)—*Н. М. Бубнова* 133

ОТДѢЛЪ II.

Вып. 1 и 3.

Исторія учрежденія Кіевскаго Центральнаго Архива—*О. И. Левицкаго* 3

Стр.

Вып. 4.

Кіевскій Центральный Архивъ для древнихъ актовыхъ книгъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской въ теченіе протекшихъ 50 лѣтъ его существованія (1852—1902)—*И. М. Каманина* 73

ОТДѢЛЪ III.

Вып. 1, 3 и 4.

Древній помянникъ Кіево-Михайловскаго Златоверхаго монастыря—Сообщила *Е. И. Де-Витте* (продолженіе) 3

ОТДѢЛЪ IV.

Вып. 3 и 4.

Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви—*о. Ѳ. И. Титова* (продолженіе) 3

ОТДѢЛЪ V.

Вып. 1.

Объ иконописномъ отдѣлѣ выставки и рефератахъ о немъ на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ—*Н. И. Петрова* 3

Вып. 3.

Отчетъ объ осмотрѣ старинныхъ храмовъ въ г. Полтавѣ и въ м.м. Богачкѣ и Шишакахъ, Миргородскаго уѣзда—*О. И. Левицкаго*. 15

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Вып. 1—4.

О древностяхъ Константинополя—*Гавріила Ласкина* 97—176

Стр.

Отдѣлъ II.

Кіевскій Центральный Архивъ для древнихъ актовыхъ книгъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской въ теченіе протекшихъ 50 лѣтъ его существованія (1852—1902)—*И. М. Каманина* 73

Отдѣлъ III.

Древній помянникъ Кіево-Михайловскаго Златоверхаго монастыря—Сообщила *Е. И. Де-Витте* (продолженіе) 49

Отдѣлъ IV.

Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви—*о. Ѳ. И. Титова* (продолженіе) 35

Приложеніе.

О древностяхъ Константинополя—*Гавріила Ласкина* 161—172

Общее содержаніе XVII-й книги „Чтеній" 1

Объявленія.

Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна IV-й и V-й книгъ по 2 р. 50 к.
„ VI-й „ „ 3 „ 50 „
„ II, VII, IX, XIII „ „ 3 „
„ VIII, X, XI „ „ 2 „
„ XII „ „ 4 „
„ XIV, вып. 1— „ 1 „ 25 „
„ — „ 2 и 3— „ 1 „ 40 „
„ XV, —„ 1, 2, 3 и 4 „ 1 „ 50 „
„ XVI,—„ 1—3 (Гог. сб.) 4 „ 50 „
„ „ „ 4 „ „ 1 „ 50 „
„ XVII „ 1 „ 1 „ 50 „
„ „ „ 2 и 3 „ 1 „ 25 „

каждая съ пересылкой.

„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“. Ц. 1 р. съ пересылкой.

„Труды III-го Археологическаго Съѣзда“, два тома in 4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.) съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

„25-лѣтіе Историческаго Общества Нестора-лѣтописца“ (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

„Памяти Гоголя“, научно-литературный сборникъ. Кіевъ, 1902 г. Цѣна 4 р. 50 коп. съ пересылкой.

„Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“ выходятъ ежегодно въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска,—**4 руб.** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.—Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ*.